

ельству в укор даже тот факт, что оно подписано 20 сентября 24-го года договор с Джан-Дзо-Лингом, «наиболее реакционным из всех милитаристов, которые правили тогда Китаем». Да, наиболее реакционным. Очевидно, вместо того, чтобы заключить с ним договор, ограждавший дорогу от этого крайнего реакционера, нужно было, по Лузону, просто подарить ему дорогу.

Разумеется, договор 1924 года, ликвидировавший все империалистические привилегии России, не давал каких-либо безусловных гарантий против Джан-Дзо-Линга, ибо у последнего имелись в Манчжурии войска, а советские войска находятся далеко. Но хоть и далеко, а все же они существуют. Джан-Дзо-Линг то совершал наскоки, то отступал. Он требовал, например, чтобы дорога беспрепятственно перевозила его контр-революционные войска. Дорога, опираясь на договор, чинила ему всякие затруднения. Он арестовал начальника дороги, потом отступил. На одни свои силы он совершенно основательно не полагался. А Япония по разным причинам не решалась его активно поддержать и выжидала. Все это вместе было огромным выигрышем для китайской революции, развивавшейся с юга на север.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОМОЩЬ ИЛИ ИМПЕРИАЛИСТСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ?

Чтоб показать еще ярче всю бесплодность Лузононского формализма, подойдем к вопросу с другой стороны. Известно, что империалисты, чтоб укрепиться в какой-либо отсталой стране, нередко вооружают одно племя против другого, одну провинцию против другой, один класс против другого. Так, например, систематически поступают Соединенные Штаты при прокладывании себе путей в Южную Америку. Известно, с другой стороны, что советское правительство широко помогало китайской национально-революционной армии, с первых дней ее возникновения, и особенно во время ее похода с юга на север. Социалдемократы всего мира, вслед за своей буржуазией, вопили против советской военной «интервенции» в Китае, видя в ней лишь революционное прикрытие старой политики царского империализма. Согласен с этим Лузон или нет? Этот вопрос относится и ко всем подражателям Лузона. Мы, большевики, думаем как-раз наоборот: помощь китайской революции — идея, людьми, деньгами, оружием — была элементарнейшим долгом для советского правительства. То, что сталинско-бухаринское руководство причинило китайской революции политический вред, который далеко перевесил пользу от материальной поддержки — это вопрос особый, о котором будет речь впереди. Но меньшевики обвиняют в империализме советское правительство не за меньшинственную линию Сталина-Бухарина в китайском вопросе, а за вмешательство в китайские дела, за помощь китайской революции. Было ли это вмешательство преступлением советского правительства или его заслугой, тов. Лузон? Говорить о заслуге и бы собственноручно затруднился, ибо вмешательство было выполнением элементарного долга, который вытекал одинаково из интересов

как русской, так и китайской революции. Теперь я спрашиваю: могло ли советское правительство, помогая южанам левой рукой, передать правой рукой восточную — китайскую дорогу северянам, против которых шла война?

Наш ответ будет таков: так как советское правительство не могло перенести свою дорогу с севера на юг, чтоб облегчить революции ее наступление на северных милитаристов, то оно обязано было крепко держать дорогу в своих руках, не позволяя империалистам и милитаристам превратить ее в оружие против китайской революции. Так мы понимаем революционную обязанность по отношению к реальной борьбе за реальное национальное самосопределение Китая.

Наряду с этим была другая задача. Нужно было вести политику в отношении дороги так, чтобы китайские массы, по крайней мере переломные слои, ясно понимали освободительные цели и задачи советского правительства в отношении Китая. Об этом я говорил в прошлой статье, когда приводил формулированные мною решения комиссии ЦК ВКП, вынесенные в апреле 1926 года. Смысл этих решений таков: мы рассматриваем восточную — китайскую дорогу, как одно из орудий мировой революции, более непосредственно: русской и китайской. Мировой империализм может, конечно, — прямо или косвенно, открыто или замаскировано — отнять у нас эту дорогу. С целью избежать более тяжелых последствий мы можем оказаться вынуждены уступить ее империализму, как мы оказались вынуждены подписать брест-литовский мир. Но до тех пор, пока есть возможность и сила, мы будем ее охранять от империализма, подготавливая ее к передаче свободной китайской революции. С этой последней целью мы создаем уже сейчас школы китайских железнодорожников, стараемся воспитывать их не только технически, но и политически.

Но это-то как раз и вызывает бешенство китайской реакции. Агентство Рейтера перелопачивало следующее заявление Ванга, министра китайского министерства иностранных дел: «единственный путь Китая — это объединение всех наших для сопротивления красному империализму, иначе Китай погибнет в тисках коммунизма». Дело, как видим, идет вовсе не о борьбе с империализмом вообще. Наоборот, китайское правительство апеллирует к империализму против «красного империализма», который тождествен для него с опасностью коммунизма. Можно ли дать более ясную, более точную и более продуманную формулировку?

Лузон пытался доказать, что симпатии империалистических государств — на стороне советского правительства против Китая. На самом деле он лишь доказал, что в частных вопросах отношение империализма к советской республике противоречно. Поскольку империализм опирается на незыблемость права собственности, постольку он оказывается вынужден признавать таковую и за советским государством. Еслиб этого не было, то невозможно была бы, например, торговля между Советской республикой и капиталистическими странами. Но еслиб дело дошло до войны, то повод войны, т. е. вопрос о собственности на железную до-

рогу, был бы совершенно отнесен на задний план. Имперялизм рассматривали бы вопрос исключительно с точки зрения борьбы против той опасности, которую они называют «красным имперялизмом», т. е. против международной пролетарской революции.

Не мешает напомнить в связи с этим поведение белых эмигрантов на Дальнем Востоке. Даже шью-норский «Таймс» пишет на этот счет: «здесь (в правительственных кругах Вашингтона) признается, что белые русские на китайской стороне могли спровоцировать инциденты (пограничные столкновения), которые без этого не произошли бы» (17 августа). По Лузону дело идет о национальном самоопределении Китая. Чан-Кай-Ши осуществляет демократический прогресс, московское правительство — имперялистское насилие. Но белые эмигранты оказываются почему то на стороне национального китайского самоопределения — против русского имперялизма. Разве же один этот факт не показывает, как безнадежно запутался Лузон, подменяя географией и этнографией классовую политику? Те белые бандиты, которые на восточной границе убивают красноармейцев, по своему лучше разбираются в политике, чем Лузон. Они не путаются во второстепенных мелочах, а сводят вопрос к его первооснове: к борьбе мировой буржуазии против революции.

ПОДМЕНА БОЛЬШЕВИЗМА ПАЦИФИЗМОМ

Покидая классовую точку зрения ради абстрактно - национальной, ультра - левые по необходимости сползают с революционной позиции на чисто пацифистскую. Лузон рассказывает, как советские войска, овладели в свое время сибирской дорогой, и как затем соответственно антиимперялистской политике Ленина, Красная армия остановилась заботливо (созреливательно) на границах Китая: никакой попытки не было сделано, чтоб овладеть снова территорией восточно - китайской дороги. (Revolution Proletarienne, стр. 228). Вот в чем оказывается вышний долг пролетарской революции: она должна заботливо склонять свои знамена перед национальными границами. В этом состоит, по Лузону, сущность антиимперялистской политики Ленина! Студно читать эту философию «революции в отдельной стране». Красная армия остановилась на границе Китая, потому что не была достаточно сильна, чтоб перейти эту границу и принять на себя неизбежный удар японского имперялизма. Если бы Красная армия была достаточно сильна для такого наступления, она обязана была бы его предпринять. Отказ ее от революционного наступления против сил имперялизма и интересов китайских рабочих и крестьян и мировой пролетарской революции, означал бы не выполнение политики Ленина, а позорную измену азбуке марксизма. В чем несчастье Лузона и ему подобных? В том, что он интернационально - революционную политику подменял национально - пацифистской. С Лениным это не имеет ничего общего.

Красная армия, выступила в свое время и меньшевистскую Грузию и помогла грузинским рабочим опрокинуть власть буржуазии, чего нам до сих пор не прощает Второй Интернационал.

Грузия заселена грузинами, Красная армия состояла, главным образом, из русских солдат. На чьей стороне и этом старом конфликте Лузон?

А поход на Варшаву летом 1920 года? Лузону известно, может быть, что я был противником этого похода. Но мои возражения имели чисто практический характер. Я опасался, что трудящиеся массы Польши не успеют подняться своевременно (темп войны обычно более быстр, чем темп революции) — и считал, что нам опасно слишком далеко отрываться от нашей базы. События подтвердили правильность этого предвидения; поход на Варшаву был ошибкой. Но это была практическая ошибка, а вовсе не принципиальная. Если бы материальные условия были более благоприятны, нашим войскам долгом было бы помочь польской, как и всякой другой революции, вооруженной рукой. Между тем, именно тогда Ллойд Джордж, Бонар Лоу и другие впервые обвинили нас в красном имперялизме. Это обвинение перешло затем к социал-демократии, а от нее перекатилось незаметно к ультра - левым.

Против революционной «интервенции» Лузон совсем не к месту выдвигает старый и бесспорный принцип: освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих». В национальном масштабе? Только в рамках отдельной страны? А могут ли рабочие одной страны помогать стачке в другой стране? Посылать оружие восставшим? Посылать свою армию, если у них есть армия, на помощь восставшим или с целью поднять восстание, как стачечники посылают свои отряды, чтобы отгнать от стачки рабочих на отставных предприятиях?

ПОЧЕМУ ЛУЗОН НЕ РЕШАЕТСЯ ИТТИ ДО КОНЦА?

Стая на национально-демократическую точку зрения, Лузон и ее, однако, не выдерживает до конца. Ибо, если верно, что китайское правительство борется за национальное освобождение против советского имперялизма, то долг каждого революционера не в том, чтоб читать философские правоучения Сталину, а в том, чтоб активно помогать на поддержку Чан-Кай-Ши. Из позиции Лузона, если ее брать в серьез, вытекает прямая обязанность помочь Китаю — если можно, то и с оружием в руках. — завоевать себе национальную самостоятельность против наследников царизма. Это ясно, как день. Лузон сам соглашается, и совершенно правильно, на то, что советское правительство помогало Кемалю против имперялистов, Лузон требует, чтобы те же принципы были применены по отношению к Китаю. Совершенно правильно: против имперялизма надо помогать и палачу Чан-Кай-Ши. Но тут храбрый Лузон сам останавливается в нерешительности. Он как будто чувствует, что вывод, вытекающий из его позиции, должен был бы гласить так: пролетарии всех стран, помогите китайскому правительству отстоять свою независимость от покушения советского государства. Почему же Лузон останавливается на пол-дороге? Потому что этот единственный последовательный вывод просто запрещен нашими ультра-левыми формалистами в агентов имперялизма и в политических защитников

тех самых русских белогвардейцев, которые с оружием в руках борются сейчас за «свобождеище» Китая. Эта непоследовательность делает честь политическому чутью «ультра-левых», но не их логике.

ДОПУСТИМЫ ЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ «КОНЦЕССИИ»?

На этом пункте в спор вмешивается тов. Урбанс и его ближайшие единомышленники из правления Ленинбунда. Они пытаются и в этом вопросе, как в большинстве других, занять промежуточную позицию. Они печатают статью корришста Г. П., статью Лузона, статью Пазз, ошибочную статью белгийских товарищей, марксистскую статью Лайдау и мою. Затем выступает, наконец, редакция с эклектической философией, где 66,2/3% берутся у Лузона и Корша, а 33,1/3% — у русской оппозиции. Фигурально, это называется так: «мы не на все сто процентов согласны с Троицким». Опираясь в основном на Лузона, Урбанс не ограничивается, однако, географией и этнографией. Но попытки его привлечь классовую точку зрения, т. е. дополнить Лузона Марксом, приводит к понятию несчастным результатам.

Послушаем программную статью «Die Fahne des Kommunisten» (теоретический орган Ленинбунда): «дорога представляет еще и сегодня китайскую концессию иностранному государству, концессию, которая, если глядеть на нее с китайской стороны (?!), только по степени (graduell) (?!) отличается от остальных концессий, которые находятся в собственности империалистических государств». («О конфликте между Россией и Китаем», № 31, стр. 245). Тут перед нами еще чистый Лузон. Урбанс учит немецких революционеров оценивать факты «с китайской стороны». Между тем их надо оценивать с пролетарской стороны. Вопрос не исчерпывается национальными границами.

Прежде всего, чистейший вздор, будто пролетарское государство вообще не должно иметь предприятий («концессий») в других странах. Урбанс здесь, вслед за Лузоном, подбирается попросту к социализму в отдельной стране. Вопрос о насаждении рабочим государством промышленных предприятий в отдаленных странах есть вопрос не только хозяйственной, но и революционной стратегии. Если Советская Россия почти не встала на этот путь, то не по принципиальным причинам, а вследствие технической слабости. Передовые, т. е. высоко-индустриальные социалистические страны, как Англия, Германия, Франция будут во всех смыслах заинтересованы в том, чтобы строить железные дороги, учреждать заводы и швейные «фабрики» в отдаленных странах, в бывших колониях и проч. Разумеется, они не смогут это делать ни путем принуждения, ни в виде великодушного подарка. Они должны будут в обмен получать известные колониальные продукты. Характер такого рода социалистических предприятий, руководство ими, условия труда, — все это должно быть поставлено так, чтоб поднимать хозяйство и культуру отдаленных стран при помощи капитала, техники и опыта более богатых пролетарских государств во взаимных выгодах обеих сторон. Это не империализм, не эксплуатация, не гнет, а

наоборот, социалистическое преобразование мирового хозяйства. Другого пути вообще нет.

Когда в Англии, например, установится диктатура пролетариата, то она вовсе не должна будет подарить именные британские концессии индусской буржуазии. Это была бы глупейшая политика, которая чрезвычайно усилила бы могущество индусских капиталистов и связанных с ними феодалов по отношению к индусскому пролетариату и крестьянству, и надолго задержала бы развитие социалистической революции в Индии. Нет, рабочее государство, провозгласив полную свободу колоний, должно было бы немедленно очистить концессии от всех и всяких национальных привилегий, командования одной стороны, унижения другой стороны. В то же время, не выпуская этих концессий из своих рук, рабочее государство должно было бы превратить их в орудие не только экономического подъема Индии, но и ее будущего социалистического переустройства. Разумеется, такая политика, необходимая также и в интересах упрочения социалистической Англии, могла бы проводиться только рука об руку с авангардом индийского пролетариата и должна была бы давать очевидные выгоды индийским крестьянам.

Попробуем теперь вместе с Урбансом посмотреть на вопрос с индийской стороны. Окажется, что для индийской буржуазии социалистические «концессии» гораздо хуже капиталистических, уже потому одному, что они жестоко ущемят ее барьеры в интересах индусских рабочих и крестьян. Наоборот, для этих последних социалистические концессии станут могущественными опорными базами, экономическими и политическими, своего рода социалистическим бестом, где можно сосредоточивать силы, готовясь к социалистическому перевороту. Разумеется, как только индийский пролетариат придет к власти, он получит бывшие концессии в свои руки. Отношения его с британским рабочим государством будут определяться не воспоминаниями о буржуазной собственности, а более высокими принципами международного разделения труда и социалистической солидарности.

Таким образом, просто индийской или просто «китайской стороны» нет. Есть сторона Чан-Кай-Ши. Есть сторона передовых китайских рабочих. Есть бесчисленные промежуточные отечески мелкой буржуазии. Когда Урбанс старается взглянуть на дело с «китайской стороны», то он на самом деле надевает очки китайского мелкого буржуа, который не знает, какую ему, в трудной обстановке, выбрать точку зрения, и в какую сторону податься.

ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ОШИБКИ В ОЦЕНКЕ КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

До сих пор Урбанс в сущности только повторяет Лузона. Но дальше он углубляет его. Если опустить редакционную статью «Die Fahne des Kommunisten» от оговорок двусмысленностей и всяких пробных лезвек, то суть ее пришлось бы формулировать следующим образом: так как в Китае победила национальная революция, а в России победила (или почти победила, или должна неизбежно победить) контр-революция, то... что? Ясного ответа статья не дает. Ее эк-

лектическая философия служит именно для того, чтобы уклониться от ответа.

Я считаю необходимым дальнейшему изложению предпослать нижеследующие утверждения:

1. Тов. Урбанс*) неправильно понимает характер русской революции и ее нынешнего этапа. Он неправильно истолковывает смысл термина «добра».

2. Тов. Урбанс неправильно понимает классовую механику китайской революции и ее нынешнее состояние.

3. Из своих ложных социальных оценок он делает ошибочные и крайне опасные политические выводы.

4. То, что он свои выводы не доводит до конца (как и Лузин, как и другие ультра-левые) свидетельствует только о недостатке последовательности, но ни в каком случае не уменьшает опасности его ложной позиции.

Тут я вынужден привести большую цитату из «Габель». Редакционная статья пытается объяснить те условия, которые создали в Китае национально-освободительное движение, которое носило революционный характер, и само явственное острое против империалистов и в котором китайский пролетариат находил представительство своих классовых интересов (!!). Эта революция остановилась (!) на буржуазной стадии, подняла в высоту военную власть Чан-Кай-Ши, подавила в крови китайскую пролетарскую революцию и революционное восстание крестьян, которые посягали на частную собственность, и приблизила китайскую буржуазно-китайскую революцию. Одной из этих целей является национально-объединение... В теле этого национально-объединяющегося Китая, концессии империалистам образуют болезненную занозу... К устранению ее китайцы стремятся — на пути переговоров с империалистическими государствами; по отношению к советской России, которую они считают значительно более слабым противником — на пути военного нападения. При этом (!) для китайского военного правительства решающим (масштабам) является то, что русская концессия, с классовой точки зрения, есть более (?) опасный факт, чем концессии капиталистических «враждебных братьев». Этот конфликт всякий должен был предвидеть, потому что мирное сосуществование китайских и русских интересов не могло быть в Китае буржуазной революцией. Такое сотрудничество было бы осуществимо только при победоносной китайской революции. Даже если бы она закончилась только рабочим и крестьянским Китаем... (№ 31, стр. 245).

Я не вспоминаю, чтобы мне на протяжении нескольких десятков строк приходилось когда-либо встречать такую путаницу мыслей. Во всяком случае это было не часто. На распутиях

* Здесь, как и в дальнейшем, я говорю о т. Урбансе для краткости. Я имею в виду большинство правления Ленинбунда и редакции его органов. Впрочем, в Volkswille не редкость встретить такое выражение: «Правление Ленинбунда и т. Урбанс».

ни каждой строки нужна была бы страница. И попытаться это сделать, как можно короче, оставив второстепенные противоречия в стороне.

В первой половине цитаты речь идет о том, что империалистические концессии, в том числе и восточно-китайская дорога, являются занозой в теле национальной независимости Китая. Здесь Советская республика берется за общие скобки с капиталистическими государствами. Во второй половине цитаты говорится: «при этом» является также решающим (!), что русская концессия более (?) опасна с классовой точки зрения. Дальше, наконец, следует синтез этих двух исключающих друг друга объяснений: китайские и русские интересы вообще непримиримы. В каком смысле и почему? Из первой половины цитаты вытекает: русский империализм непримирим с китайским национальным единством. Из второй половины цитаты следует: непримиримы интересы рабочей России и буржуазного Китая. Какое же из двух противоположных объяснений выбирает Урбанс? Он их не выбирает, он их соединяет. Каким образом? При помощи словечка «при этом» (daher). Цить типографских знаков, и — проблема решена.

Непримиримость интересов советской республики и буржуазного Китая — говорит Урбанс — всякий мог предвидеть. Хорошо. Знают, дело вовсе не в железной дороге и не в договоре 1924 г.? Непримиримость отношения между империализмом Китая и Советской республикой лишь отражает непримиримость внутренних противоречий в самом Китае. Если бы Урбанс сказал, что сидел на штыках китайская буржуазия ненавидит Советскую республику, самый факт существования которой есть источник революционного брожения китайских масс, то это было бы верно. К этому только надо было бы еще прибавить, что свои страхи перед буржуазией угнетенными массами китайской буржуазии называет страхом перед советским империализмом.

Урбанс говорит, что в Китае победила буржуазная революция. Это есть точка зрения международной социал-демократии. В Китае победила не буржуазная революция, а буржуазная контр-революция. Это совсем не одно и то же. О разгроме рабочих и крестьян Урбанс говорит, как о внутреннем: подробности буржуазной революции. Он заходит даже так далеко, что утверждает, будто китайские рабочие находили выражение (фертратен) своим классовым интересам в национальной революции, т. е. в Гоминдане, куда Коминтерн загнал их палкой. Это сталинская постанковка, т. е. социал-демократическая. Буржуазная революция, насколько в Китае она вообще оказалась осуществимой, как самостоятельный этап, произошла в 1911 году. Но произошла она только для того, чтобы показать, что сколько-нибудь законченная буржуазная революция в Китае невозможна, т. е. что национальное объединение Китая, освобождение его от империализма и демократическое преобразование (аграрная проблема!) немислима под руководством буржуазии. Вторая китайская революция (1925 — 1927 г. г.) всем своим ходом показала то, что марксистам было ясно заранее: действительное разрешение задач буржуазной революции в

Китайе возможно только через диктатуру пролетариата, опирающегося на союз рабочих и крестьян — против союза внутренней буржуазии с империализмом. Но такая революция не может остановиться на буржуазном этапе. Она превращается в перманентную революцию, т. е. становится звеном международной социалистической революции и разделяет ее судьбу. Вот почему буржуазная контр-революция, победившая при содействии Сталина - Бухарина, беспощадно разгромила движение народных масс и учредила не демократическое, а военно-фашистское господство.

ВОПРОС О ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ

В первой половине приведенной цитаты газета т. Урбанса говорит о том, что в Китае победила буржуазная революция. Во второй половине заявляется, что сотрудничество Китая с Советской Россией было бы возможно только в случае «победоносной китайской революции». Что это значит? Ведь буржуазная революция в Китае, по Урбансу, победила? Ведь именно потому она стремится вырвать империалистическую занозу из своего тела? О какой же другой революции говорит Урбанс? О пролетарской? Нет. «Если даже она завершилась рабочим и крестьянским Китаем». Что значит «даже»? Это и значит, что дело идет не о пролетарской революции. И в то же время не о буржуазной? О какой же? Значит Урбанс — по Бухарину и Радеку — предвидит возможность не буржуазной и не пролетарской, а особой рабоче-крестьянской диктатуры в Китае? Надо об этом сказать яснее, смелее, тверже, не прячась за словечко «даже». Именно из этой философии не-буржуазной и не-пролетарской диктатуры вырос сталинско-бухаринский курс на Гоминдан. Именно на этом пункте споткнулись прежде всего Радек и Смилга. Сталин, Бухарин, Зиновьев, а вслед за ними Радек и Смилга, считают, что между мировым империализмом, с одной стороны, и рабочим государством, с другой, возможна мелко-буржуазная революционная диктатура в Китае. А Урбанс, после опыта русской крестьянской и китайского Гоминдана, как правого, так и левого, робко подпекает Радеку в этом вопросе, от которого зависит судьба всего Востока. Недаром же Урбанс печатает до последней степени плоскую и пошлую статью Радека по вопросу о перманентной революции, умалчивая о своем отношении к вопросу *).

*) Кстати: в статье Радека есть совершенно чудовищная сплетня, будто в Алма-Ате задержал разоблачение переговоров Бухарина с Каменевым, желая блока с правыми. Откуда это? Из табакерки Ярославского? Или из блокнета Меньжинского? Вряд ли Радек выдумал это сам. А у т. Урбанса так много места, что он печатает не только романы Спенкера, но и сплетни Ярославского - Радека. Если б т. Урбанс любяльно обратился ко мне за справкой, то я ему объяснил бы, что сообщение о переговорах Бухарина с Каменевым и получил почти в то же время, как и сообщение о двухмеся-

Цело идет теперь не о том, чтоб повторить подтасованные обрывки цитат 1905 года на счет перманентной революции. Этой фальшивкой работой достаточно занимались Зиновьевы, Масловы и все прочие. Дело идет о всей стратегической линии для стран Востока на целую эпоху. Надо ясно сказать, мыслимы ли особая демократическая диктатура рабочих и крестьян, и чем она будет отличаться от диктатуры Гоминдана, с одной стороны, от диктатуры пролетариата — с другой? Это ведет нас к вопросу: способно ли крестьянство иметь в революции самостоятельную политику? — самостоятельно по отношению к буржуазии и по отношению к пролетариату? Марксизм, обогащенный опытом революций России и Китая, отвечает: нет, нет, нет. Либо крестьянство, руководимое своими верхами и мелкобуржуазной интеллигенцией, идет за буржуазией: Тогда это эсерошнина, керенщина или Гоминдан. Либо же крестьянство, руководимое своими низами, полупролетарскими и пролетарскими элементами деревни, идет за промышленным пролетариатом. Тогда это путь большевизма, путь Октябрьской (т. е. перманентной) революции. На этом вопросе — именно на этом! — Сталин и Бухарин сломали шею китайской компартии и китайской революции. Зиновьев, Радек, Смилга, Преображенский путались между сталинизмом и марксизмом, и эта путаница привела их к позорной капитуляции. Для стран Востока этот вопрос представляет главный водораздел между меньшевизмом и большевизмом. Что нынешние Мартыновы прикрываются обрывками большевистских цитат 1905 года, тех самых цитат, которыми Сталин, Каменев, Рыков и др. прикрывались в 1917 г. против Ленина, — это маскарад может обмануть только тулуп или пенька *). Коминтерн осуществлял в Китае руководство Мартынова - Бухарина - Сталина под аккомпанимент бешеного лоя против перманентной революции. Это сейчас основной вопрос для стран Востока, а значит и один из основных вопросов для Запада. Имеет ли тов. Урбанс мнение по этому вопросу? Нет, не имеет. Он прячется за отдельные словечки или еще хуже, за статью Радека, которую он печатает «на всякий случай».

ленных заявлениях Урбанса на счет блока с Брандлером. Я реагировал на это статьей об абсолютной недопустимости беспринципных блоков левой и правой оппозиции. Статья эта была лишь несколько месяцев тому назад опубликована Брандлером и после того перепечатана в «Volkswille».

*) Мартынов был в течение 20 лет (1903—1923) главным теоретиком меньшевизма. В большевистскую партию он вступил, когда заблел Ленин и началась кампания против троцкизма, Октябрьскую революцию до НЭПа Мартынов обвинил в 1923 г. в троцкизме. Сейчас это главный теоретик Коминтерна. Он остался тем, чем был. Но свою старую основную линию он прикрывает цитатами из Ленина. Для подбора и фальсификации таких цитат существует несколько фабрик.

ТЕРМИДОР ИЛИ ПАРТИЙНАЯ РЕПЕТИЦИЯ ТЕРМИДОРА?

Если у т. Урбанса плохо обстоит с китайской революцией, то с русской, если возможно, еще хуже. Я имею здесь в виду прежде всего вопрос о термидоре и тем самым, вопрос о классовой природе советского государства. Формула термидора, конечно, условная формула, как всякая историческая аналогия. Когда я впервые употребил эту формулу против Зиновьева-Сталина, я тогда же подчеркнул всю ее условность. Но она вполне законна, несмотря на различные эпохи и классовые структуры. Термидор знаменует первый победоносный этап контр-революции, т. е. прямой переход власти из рук одного класса в руки другого, при чем, переход этот хотя и сопровождается, по необходимости, гражданской войной, но политически замаскирован тем, что борьба ведется между фракциями вчера еще единой партии. Термидору предшествовал во Франции период реакции, который развернулся при сохранении власти в руках плебеев, городских низов. Термидор завершил этот подготовительный процесс реакции прямой политической катастрофой, в результате которой плебей потеряли власть. Таким образом, термидор означает не период реакции вообще, т. е. отлива, сползания, ослабления революционных позиций, — а имеет гораздо более точное значение: он указывает на прямое перемещение власти в руки другого класса, после чего революционный класс может вернуть себе власть не иначе, как через посредство вооруженного восстания. Для последнего необходимо, в свою очередь, новая революционная ситуация, наступление которой зависит от сложных внутренних и международных причин.

Марксистская оппозиция еще в 23-м году констатировала наступление новой главы революции, главы идейного и политического сползания, которое и перспективе могло означать термидор. Тогда-то мы впервые и произнесли это слово. Если бы в конце 23-го года победила революция в Германии, — что было вполне возможно, — диктатура пролетариата в России была бы очищена и упрочена без внутренних потрясений. Но немецкая революция закончилась одной из самых ужасающих капитуляций в истории рабочего класса. Поражение немецкой революции дало могучий толчок всем процессам реакции в Советской республике. Отсюда в партии борьба против «лево-эманентной революции» и «троцизма», создание теории социализма в отдельной стране и пр. Ультра-левые в Германии не поняли прошедшего периода: одной рукой они поддерживали реакцию в Германии, а другой — вели формально наступательную политику в Германии, игнорируя поражение германской революции и наступление отлива. Как и центристы ВКП, ультра-левые в Германии (Маслов — Фишер — Урбанс) свою лозную политику также прикрывали борьбой против «троцизма», который они изображали, как «ликвидаторство» — по той причине, что сами они видели революционную ситуацию не позади, а впереди. Троцизмом в данном случае называлось умение оценивать

обстановку и различать периоды. Было бы очень полезно, замечу мимоходом, если б Урбанс подвел, наконец, теоретические счета всей этой борьбе, которая засоряла сознание неисчислимых рабочих и подготавливала торжество бездельных чиновников, авантюристов и карьеристов.

Ложный «ультра-лево» курс 1924 — 1925 гг. еще более ослабил позиции советского пролетариата, и тем самым ускорила реакционное сползание в Советской республике. Исключение оппозиции из партии, аресты, ссылки, были очень важными дальнейшими моментами всего процесса. Они означали новое и новое ослабление партии, а значит, и понижение сил сопротивления пролетариата Советской республики. Но это далеко еще не означало, что контр-революционный переворот произошел, т. е. что власть ушла из рук пролетариата в руки другого класса.

Такой факт, что советский пролетариат оказался не в силах воспрепятствовать организационному разгрому оппозиции, представляется, разумеется, очень тревожным симптомом. Но с другой стороны, Сталин оказался вынужден одновременно с разгромом левой оппозиции, совершить у нее частичный плагиат во всех областях ее платформы, направить огонь направо и превратить внутри-партийный маневр в очень резкий и длительный зигзаг влево. Это показывает, несмотря на все, силу давления пролетариата и зависимость от него государственного аппарата. На этот капитальный факт русская оппозиция должна и впредь опираться в своей политике, которая есть политика реформы, а не революции.

Еще до организационного разгрома оппозиции, мы не раз говорили и писали, что после отсеечения левой правле предвзят центру. Векселя. Те элементы, которые поддерживали Сталина в борьбе против нас, нажмут с удвоенной силой, как только будет снят последний барьер. Так мы предсказывали. Мы не раз выражали это так: «термидоризмский хвост ударит по центристской голове». Это уже произошло и это еще повторится. Я имею в виду не Бухарина-Томского, а глубокие, термидоризмские слои, бледной тенью которых являются правые и партия.

Несмотря на организационный разгром оппозиции и ослабление пролетариата, давление его классовых интересов вместе с давлением идей оппозиции, оказалось все же достаточно могущественным, чтоб заставить центристский аппарат совершить длительный левый зигзаг. Именно этот зигзаг и создал политическую предпосылку для последней полосу капитуляции. Состав капитулянтов, разумеется, довольно разнообразен, но ведущую роль играют главным образом те, которые раньше представляли себе процесс сползания совершенно прямолинейно и склонны были на каждом новом этапе провозглашать, что термидор уже совершился. Зиновьевец Сафаров, накануне нашего исключения из партии, пошел в Берлин, а затем и Москву: «сейчас без пяти минут термидор, прошло пять минут, и — Сафаров капитулировал. Радек еще ранее Сафарова хотел, по поводу ис-

ключения меня и Зиновьева из ЦК, провозгласить наступление термидора. Я ему доказывал, что это только партийная репетиция термидора, и даже может быть, не генеральной, но не самой термидор, т. е. не контр-революционный переворот, совершаемый классами. Смита с 1926 года считал, что от тогдашней политики Сталина - Бухарина («обогатитесь», англо-русский козмет, Гоминлан) свиг возможен только вперед; что Октябрьская революция исчерпала внутренние ресурсы, и что помощь может прийти только извне страны, на что в ближайшие годы надежда, однако, он не подлагал. На эту тему он написал тезисы. Возможность разрыва между центристами и правыми и свига центристов влево, под давлением внутренней сил, совершенно отсутствовала в его перспективе. Радек и Смита, по вопросу о термидоре и двух партиях, занимали в оппозиции крайне-левую позицию. Вот почему, события застали их врасплох, и вот почему они так легко кантулировались.

Из этой короткой справки читателю должно стать ясно, в частности, что вопрос о том, достаточно ли или недостаточно далеко идет Троцкий в вопросе о Термидоре (формулировка Урбанса) не заключает в себе ничего нового: весь этот круг вопросов мы проработали давно и пересматривали заново на каждом новом этапе.

26 мая 1928 г. я писал из Алма-Аты сыновому товарищу Михаилу Окуджава, одному из старых грузинских большевиков: «Поскольку новый курс Сталина намечает задачи, он несомненно представляет собою попытку подойти к нашей постановке. В политике решает, однако не только, что, но и как, и кто. Основные бои, которые решат судьбу революции, еще впереди... Мы всегда считали, и не раз это говорили, что процесс политического сползания правящей фракции нельзя себе представлять в виде непрерывно падающей кривой. И сползание происходит ведь не в безвоздушном пространстве, а в классовом обществе, с глубокими внутренними трениями. Основная партийная масса совсем не монолитна: она просто представляет собою не огромнейшей степени политическое сырье. В ней неизбежны процессы дифференциации — под давлением классовых точек, как справа, так и слева. Те острейшие бои, которые имели место за последний период в партии, и последствия которых мы с вами несем, являются только увертюрой к дальнейшему развитию событий. Как оперная увертюра превращает музыкальные темы всей оперы и придает им сжатое выражение, так и наша политическая «увертюра» только предвосхитила те мелодии, которые в дальнейшем будут развиваться в полном объеме, то есть при участии медных труб, контрабасов, барабанов и других инструментов серьезной классовой музыки. Развитие событий с абсолютной бесспорностью подтверждает, что мы были и останемся правы не только против шатунов и сумь переметных, то есть Зиновьевых, Каменевых, Пятаковых и пр., но и против дорогих друзей слева, ультра-левых нутанников, поскольку они склонны увертюру принимать за оперу, то есть считать, что все основные

процессы в партии и государстве уже завершились, и что термидор, с которой они впервые услаивали от нас, есть уже совершившийся факт».

Это т. Урбансу не в брови, а в глаз.

ОШИБКА т. УРБАНСА В ВОПРОСЕ О ТЕРМИДОРЕ

Источником целого ряда ложных выводов т. Урбанса является то обстоятельство, что он считает термидор совершившимся фактом. Правда, он не делает оскода всех необходимых заключений. Но и те немногие выводы, которые он успел сделать, если они укрепились, способны были бы погубить дело Ленинбулда.

В статье, посвященной моей высылке за границу, «Ли Фане дес коммунизма» писала, что естествознательное господство не может быть более рассматриваемо, как представительство рабочего класса, и против него необходимо, поэтому, бороться всеми средствами. (1 февраля 1929 г.). Высылка Троцкого из страны объявлялась в той же статье равносильной гильотинированию Робеспьера и его сподвижков. Другими словами, термидор объявлялся законченным. Если бы такая постановка вопроса была продиктована только горячностью момента, на ней не стоило бы останавливаться. Политическая борьба немалыми без преувеличений, отдаленных ошибок глазомера и проч. Брать надо не эти частности, а основную линию. К несчастью, руководство Ленинбулда настойчиво пытается ошибку прерратить в основную линию. В «Фолькс вилле» от 11-го февраля напечатана резолюция о положении в России в связи с моей высылкой за границу. Резолюция говорит прямо: «это термидор» («Das ist der Termidor»), и продолжает: «отсюда вытекает для русского пролетариата необходимость бороться против сталинского режима за все свободы, чтобы оказаться на высоте для столкновения с приближающейся открытой контр-революцией». Передовая статья «Фольксвилле» от 13 февраля говорит, что «с высылкой Троцкого польщена заключительная черта под революцией 1917 года». Неудержно, если в связи с такой своей позицией Урбанс, чем дальше, тем чаще оказывался вынужден заявлять, что он согласен с русской оппозицией «не на все сто процентов», ибо русская оппозиция идет «недостаточно далеко». Увы, сам Урбанс шел все дальше.. по пути первоначальной ошибки.

Очень важную в классовом смысле аналогию с термидором Урбанс (подобно Радеку) превратил в формальную и отчасти персональную аналогию. Радек говорил: изгнание оппозиции из ЦК равносильно устранению робеспьеровской группы из правительства. Гильотинирование или ссылка в Алма-Ата — это вопрос техники. Урбанс говорит: разгром оппозиции и высылка Троцкого за границу равносильны гильотинированию группы Робеспьера. Широкая историческая аналогия подмечается здесь произвольными и дешевыми сопоставлениями личного и эпизодического характера.

Русская революция XX века неизмеримо шире и глубже французской XVIII в. Револю-

ициальный класс, на который опирается Октябрьская революция, гораздо многочисленнее, однороднее, компактнее и решительнее, чем городские плеби Франции. Руководство Октябрьской революции во всех своих течениях гораздо опытнее и проинформированнее, чем были и могли быть руководящие группы французской революции. Наконец, политические, экономические, социальные и культурные изменения, произведенные большевистской диктатурой, неизмеримо глубже изменений, произведенных якобинцами. Если вырвать власть из рук плеев, несмотря на то, что они были ослаблены ростом классовых противоречий и бюрократизацией якобинства, нельзя было без гражданской войны, — а Термидор был гражданской войной, в которой санкютоги потеряли поражение, — то уж если же кто-нибудь может подумать или поверить, что власть из рук русского пролетариата может перейти в руки буржуазии мирным, спокойным, незаметным, бюрократическим путем? Такое помышление термидора есть не что иное, как реформизм наизулку.

Средства производства, принадлежавшие капиталистам, остаются и сегодня в руках советского государства. Земля национализирована. На Советов и на армию все еще исключены эксплуататорские элементы. Монополия внешней торговли остается, как защита от экономической интервенции капитализма. Все это не малые факты. Мало того. Силою своего наступления оппозиция вынудила центристов нанести ряд ударов — отнюдь не смертельных и далеко не решающих, разумеется, — термидорским классовым силам и отражающим их тенденциям в партии. И на это не надо закрывать глаза. Политика с закрытыми глазами есть вообще плохая политика.

Сталинский левый визг так же мало является «последней чертой» под термидоризмом, как и высылка оппозиционеров, не была последней чертой под Октябрьской революцией. Борьба продолжается, классы еще не сказали своего последнего слова. Центризм остается центризмом, большевики должны оставаться большевиками, капитулянты должны заслуживать презрения. А ультра-левые пуганники должны быть призваны к порядку!

1-го мая 1928-го года «Арбайтер Штимме», орган австрийской коммунистической оппозиции (группа тов. Фрей), в статье, озаглавленной «Несмотря на Сталина, Советская Россия — пролетарское государство», развивал следующие мысли:

«Есть политические вопросы, которые действительно, как безвинные пробные камни... И для лево-коммунистических оппозиций, которые выступают иначе во всех возможных группировках и оттенках, существует такого рода пробный камень — это вопрос о пролетарском характере Советской России... В лево-коммунистической оппозиции имеются элементы, которые на возмущении сталинской политикой во всех возможных формах, высклипают на наших ребенка вместе с лодой. В некоторых головах возникает взгляд, что при продолжении сталинской политики Советская Рос-

сия вместо эволюционным путем превратится в буржуазное государство... Всякого рода перерождение в Советской России является следствием производимой буржуазией подпольной работы, которой сталинский курс объективно способствует. Таким путем, буржуазия пытается подготовить падение советской власти. Но опрокинуть пролетарскую диктатуру и действительно захватить власть буржуазия может только посредством насильственного переворота... Мы боремся против сталинского курса. Но Советская Россия это нечто иное, чем Сталин. Несмотря на все перерождение, против которого мы самым решительным образом боремся и будем бороться, до тех пор, пока классово-сознательные рабочие вооружены, Советская Россия для нас останется пролетарским государством, которое мы, в нашем собственном интересе безоговорочно защищаем, в мире и в войне, не смотря на Сталина, и как раз для того, чтобы преодолеть Сталина, который со своей политикой не может ее защитить... Кто в вопросе о пролетарском характере Советской России не абсолютно тверд, тот вредит пролетариату, вредит революции, вредит лево-коммунистической оппозиции».

Это формулировка теоретически совершенно безукоризненная. Тов. Урбанс сделал бы лучше, если бы перепечатал ее в органе Ленинбунда, вместо публикации коррипторских и по-дукоринистских статей.

НЕ ЦЕНТРИЗМ ВООБЩЕ, А ДАННЫЙ ЦЕНТРИЗМ

Разбираемая нами статья в органе Ленинбунда пытается подкопаться под нашу точку зрения с другого конца. «Хотя центризм — возражает мне автор, — и является течением и направлением внутри рабочего класса, но оно лишь по степени отличается от другого течения и направления в рабочем классе — реформизма. Оба служат, хоть и различно, классовому противнику» (№ 31, стр. 246).

По внешнему виду это звучит очень убедительно. Но на деле марксистская истина превращена здесь в абстракцию и тем самым и ложь. Мало сказать, что центризм вообще или реформизм вообще составляют течения внутри рабочего класса. Надо проанализировать, какую функцию выполняет данный центризм в составе данного рабочего класса в данной стране и в данную эпоху. Истина всегда конкретна.

В России у власти стоит центризм. В Англии сейчас правит реформизм. Оба они — поучает нас т. Урбанс, — представляют течения в рабочем классе и отличаются только по степени, (graduel), оба хоть и различно, служат классовому противнику. Хорошо, принимаем к сведению. Какая же, однако, откуда вытекает тактика, например, на случай войны? Должны ли коммунисты быть в России, как и в Англии, пораженцами? Или наоборот, должны быть и там и здесь оборонцами, только не безусловно, а с оговорками? Ведь поражение и оборончество — классовые линии и на них не могут влиять второстепенные различия между русским центризмом и британским реформизмом. Но тут, может быть, и сам тов. Урбанс

вспомнит кое-что и спохватится. В Англии фабрики, железные дороги, земли принадлежат эксплуататорам, государство владеет колониями, т. е. остается рабовладельческим, и реформисты защищают там существующее буржуазное государство, — защищают не очень умело, не очень толково, буржуазия отпугнута, не очень доверчиво, полупрезрительно, ревниво следит за ними, покрикивает на них и в любой момент готова прогнать, — но так или иначе, стоящие у власти британские реформисты защищают внутренние и внешние интересы капитала. То же самое относится, конечно, и к германской социал-демократии.

А что защищает советский центризм? Он защищает общественный строй, выросший из политической и экономической экспроприации буржуазии. Он защищает его очень плохо, очень неумело, вызывая недоверие и разочарование пролетариата (у которого, к сожалению, нет такого опыта, как у британской буржуазии), ослабляет диктатуру, помогает силам Термидора, но, в силу обективного положения сталинский центризм представляет все же пролетарский, а не империалистский режим. Это, тов. Урбанс, не разница «в степени», это разница двух классовых режимов. Это две разные стороны исторической баррикады. Кто упустил эту основную разницу из виду, тот для революции погиб.

«КЕРЕНЩИНА НА ИЗНАНКУ»

Что же в таком случае, возражает мне Урбанс, означают ваши собственные слова насчет того, что сталинщина есть керенщина на изнанку? Как это ни невероятно, но именно из этой формулировки Урбанс пытается вывести заключение, что термидор уже совершился. На самом деле, из моей формулировки вытекает с полной очевидностью прямо противоположный вывод. Керенщина была формой господства буржуазии. Это была последняя возможная форма буржуазного господства в эпоху приближающейся пролетарской революции. Это была шаткая, колеблющаяся, ненадежная форма господства, но все же господства буржуазии. Для того, чтобы власть перешла в руки пролетариата, понадобилось не больше, не меньше, как вооруженное восстание, понадобился октябрьский переворот.

Если сталинизм есть керенщина на изнанку, то это и значит, что правящий центризм есть последняя по пути к термидору форма господства пролетариата, ослабленный внешними и внутренними противоречиями, ошибками руководства, недостаточной собственной активностью. Но это все же форма пролетарского господства. На смену центристам могут прийти либо большевики либо термидорянцы. Неужели же тут мыслимо какое-либо другое толкование?

Впрочем, я вспоминаю, что мыслимо. Из моего определения «керенщина наизнанку», сталинцы сделали тот вывод, что оппозиция готовит восстание господства центристов вооруженное восстание, как в свое время мы подготовили восстание против керенщины. Но это явно мошенническое толкование, продиктованное не

марксизмом, а потребностями ГПУ, не выдерживает прикосновения критики. Именно потому, что центризм есть керенщина наизнанку, вооруженное восстание для завоевания власти нужно буржуазии, а не пролетариату. Пролетариат еще может — именно, потому, что термидор не совершился, — осуществить свои задачи путем глубокой внутренней реформы, — в советском государстве, в профессиональных союзах, и прежде всего, в партии.

ПРОЛЕТАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО ИЛИ БУРЖУАЗНОЕ?

Надо признать, что в разбираемой нами статье делается по поводу термидора как бы под шага назад. Но это не многим улучшает дело: Является ли Советская Россия буржуазным государством? Статья отвечает: нет. «Имеется ли в России еще пролетарскую диктатуру?» Статья опять отвечает: нет. Что же мы в таком случае имеем? Вне-классовое государство? Надклассовое правительство? На это статья отвечает: мы имеем в России правительство, которое «по видимости стоит, как посредник между классами, в действительности же представляет интересы экономически более сильного класса». (№ 32, стр. 246; курс мой). Не годится прямо, какой класс она считает «более сильным», статья не оставляет, однако, места никаким сомнениям насчет того, что речь идет о буржуазии. Но ведь правительство, которое, по видимости, стоит между классами, а в действительности представляет интересы буржуазии, есть буржуазное правительство. Вместе с тем, чтобы лавинить это прямо, автор прибегает к описательному способу, который не свидетельствует об идейной прямоте. Вне-классовых правительств не бывает. Термидор по отношению к пролетарской революции, означает переход власти из рук пролетариата в руки буржуазии. Ничего другого он означать не может. Если термидор совершился, значит Россия буржуазное государство.

Верно ли, однако, что в Советской республике буржуазия является «экономически более сильным классом»? Нет, это вздор. Автор статьи, повидному, совершенно не отдал себе отчета в том, что делая такое утверждение, он ставит крест не на Сталине, а на Октябрьской революции. Если буржуазия экономически уже сейчас сильнее пролетариата; если соотношение сил «исполнительными шагами» (mit Reissenschritten) меняется в ее пользу, как говорит статья, тогда нецелесообразно о дальнейшем удержании диктатуры пролетариата, даже если она, в качестве пережитка, удержалась еще до сегодняшнего дня. Но к счастью, представление о советской буржуазии, как об экономически более сильном классе, есть просто на просто фантазм.

Урбанс ответит нам, что статья имеет в виду не только внутреннюю буржуазию, но и мировую. Это, однако, несколько не улучшает дела. Мировая буржуазия экономически неизмеримо сильнее советского государства, это бесспорно. Вот почему теория социализма в одной стране есть поппан национально-реформистская утопия. Но мы то ведь вопроса так не ста-

вим. Производственная и политическая роль мирового пролетариата входит важнейшим фактором в соотношение сил. Борьба имеет мировой масштаб, и в этой борьбе разрабатывается судьба Октябрьской революции. Думают ли ультра-левые, что эта борьба безнадежна? Пусть скажут. Как будет изменяться мировое соотношение сил, зависит до некоторой степени и от нас. Объявляя открыто или полуполуприкрыто, явственно Советскую Россию буржуазным государством, отказывая, полностью или на три четверти, ей в поддержке против мирового империализма, ультра-левые, конечно, прибавляют и свою гирьку на чаше весов буржуазии.

То, что противопоставляет сталинскую советскую республику ленинской — это не буржуазная власть, и не над-классовая власть, а элемент лавовластия. Анализ этого состояния дан русской оппозицией давно. Центристская власть чрезвычайно помогла своей политической буржуазии определиться и создать свои неофициальные рычаги власти, свои каналы влияния на власть. Но, как во всякой серьезной борьбе классов тяжба ведется из-за собственности на средства производства. Разве эта проблема уже разрешена в пользу буржуазии? Чтоб делать такие утверждения, нужно либо потерять голову, либо совсем не иметь ее. Ультра-левые просто на-просто «абстрагируются» от социально-экономического содержания революции. Они занимаются скорлупой ореха, игнорируя ядро. Конечно, если скорлупа повреждена, — а это так, — то грозит опасность и ядру. Этой мыслью пропитана вся деятельность оппозиции. Но отсюда нельзя пропасть до закрывания глаз на социально-экономическое ядро советской республики. Важнейшие средства производства, завоеванные пролетариатом 7-го ноября 1917 года, все еще остаются в руках рабочего государства. Не забывают этого, ультра-левые!

КАКАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ПОЛИТИКА, ЕСЛИ ТЕРМИДОР СОВЕРШИЛСЯ?

Если Термидор совершился, если буржуазия сейчас уже «экономически» более сильный класс, то это значит, что хозяйственное развитие окончательно перешло с социалистических рельс на капиталистические. Но тогда нужно иметь мужество делать надлежащие тактические выводы.

Какое значение могут иметь ограничительные законы против аренды земли, найма рабочей силы и проч., раз хозяйственное развитие в целом идет по пути капитализма? Тогда эти ограничения являются только мелкобуржуазной реакционной утешей, бессмысленно тормозя развитие производительных сил. Марксист должен называть вещи по имени, и признавать необходимость отмены реакционных ограничений.

Какое значение имеет монополия внешней торговли с точки зрения капиталистического развития? Чисто хозяйственное. Она мешает свободному притоку товаров и капиталов. Она мешает России войти в систему сообщающихся сосудов мирового хозяйства. Марксист должен

был бы признать необходимость отмены монополии внешней торговли.

Тогда можно сказать о методах планового хозяйства в целом. Они имеют право на существование и развитие только под углом зрения социалистической перспективы.

Между тем, русская оппозиция все время требовала и требует более систематических ограничительных мероприятий против капиталистического обогащения; сохранения и укрепления монополии внешней торговли; и всемерно го развития планового хозяйства. Эта экономическая платформа получает весь свой смысл лишь в связи с борьбой против перерождения партии и других организаций пролетариата. Стоит, однако, признать, что термидор совершился, как самые основы оппозиционной платформы становятся бессмысленной. Урбанс обо всем этом молчит. Он, повидимому, совершенно не отдает себе отчета во взаимозависимости основных элементов проблемы. Он зато утешает себя и других тем, что он «не на все сто процентов» согласен с русской оппозицией. Ленивое утешение!

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ИЛИ ЗА БУРЖУАЗНУЮ ДЕМОКРАТИЮ?

Если не все, то некоторые выводы из «совершеннолетия» термидора г. Урбанс и его единомышленники все же делают. Мы уже читали выше, что они считают необходимым для русского рабочего класса отнестись себе «все свободы». Но и здесь, однако, ультра-левые, останавливаются на полпути у порога. Они и поговяют, о каких свободах идет речь и вообще останавливаются на этой теме только вскользь. Почему это?

В борьбе со сталинским бюрократизмом, угнетающим и облекающим лавлетие враждебных классов, русская оппозиция требует партийной, профессиональной и советской демократии на пролетарской основе. Она беспощадно разоблачает отвратительную фальсификацию демократии, которая под именем «самокритики» раздает и разлагает самые основы революционного сознания пролетарского авангарда. Но для оппозиции борьба за партийную демократию имеет смысл лишь на основах признания диктатуры пролетариата. Доподлинно известно, чтобы не сказать «идеологически», была ли борьба за демократию по отношению к партии, которая осуществляет власть враждебного нам класса. В этом последнем случае речь могла бы идти не о классовой демократии и партии и в Советах, а об «общей» (т. е. буржуазной) демократии в стране — против правящей партии и ее диктатуры. Меньшевики по раз обвиняли оппозицию в том, что она сведостаточно далеко идет, так как не требует демократии в стране. Но с меньшевиками мы стоим по разные стороны баррикады, сейчас — в виду термидорской опасности — непримиримее и враждебнее, чем когда бы то ни было. Мы боремся за пролетарскую демократию именно для того, чтобы ограбить страну Октябрьской революцией от «свободы» буржуазной демократии, т. е. от капитализма.

Только под этим углом зрения надлежит

рассматривать вопрос о тайном голосовании. Это требование русской оппозиции имеет своей задачей дать пролетарскому ядру возможность выработать линию сперва в партии, затем в профессиональных союзах, чтобы, пользуясь этими двумя рычагами, укрепить затем свои классные позиции в советах. Между тем, т. Урбанс и некоторые его более близкие единомышленники попытались истолковать требования оппозиции целиком остающиеся внутри режима диктатуры, как общедемократический лозунг. Чудовищная ошибка! Эти две позиции не имеют ничего общего, они друг другу смертельно враждебны.

Неопределенно говоря о «свободах» вообще, Урбанс одну из этих свобод назвал по имени: это свобода коалиций. Но именно ультра-левых, советский пролетариат должен завоевать для себя «свободу коалиций». Что сталинский бюрократизм держит профессиональные союзы за горло, сейчас, во время левого изгиба более, чем когда-либо раньше, это бесспорно. Что профессиональные организации должны иметь возможность отстаивать интересы рабочих против возростающих извращений режима диктатуры, на этот вопрос «своими» давно ответила и словом и делом. Но нужно отдать себе ясный отчет о целях и методах борьбы против централизованной бюрократии. Дело идет не о завоевании «свободы коалиций» против классово-враждебного государства, а о борьбе за такой режим, при котором профессиональные союзы пользуются — в рамках диктатуры — необходимой свободой, чтоб словом и делом поправлять свое собственное государство. Другими словами, речь идет о той «свободе», которую, например, могущественные объединения промышленников и аграриев имеют по отношению к своему капиталистическому государству, на которое они нажимают изо всех сил, и как известно, не без успеха; но отнюдь не о той «свободе», которую имеют или стремятся иметь пролетарские организации по отношению к буржуазному государству. А это совсем не одно и то же!

Свобода коалиций означает «свободу» (мы знаем, какую) классовой борьбы в обществе, где экономика основана на капиталистической анархии, а политика введена в рамки так называемой демократии. Социализм же, немалым не только без-планового хозяйства, в узком смысле, но и без систематизации всех социальных отношений. Одним из важнейших элементов социалистического хозяйства является регулирование заработной платы и вообще отношений рабочих к производству и к государству. Какую роль в этой регулировке должны играть профессиональные союзы, на это указано выше. Но эта роль не имеет ничего общего с ролью профессиональных союзов в буржуазных государствах, где «свобода коалиций» сама является не только отражением, но и активным элементом капиталистической анархии. Достаточно хотя бы вспомнить экономическую роль стачки британских углекопов в 1926 году. Не даром же капиталисты вместе с реформистами ведут ныне такую отчаянную и безнадежную борьбу за мир и промышленность.

Между тем Урбанс выдвигает лозунг сво-

боды коалиций именно в общедемократическом смысле. Да и в другом смысле он и невозможен. Урбанс формулирует одно и то же требование для России, для Китая и для капиталистических государств Европы. Это совершенно неправильно — при одном маленьком условии: если признать, что терандор совершился. Но в этом случае уже Урбанс идет недостаточно далеко. Выдвигать свободу коалиций, как изолированное требование, есть карикатура на политику. Свобода коалиций немаловажна без свободы собраний, свободы печати и всех прочих «свобод», о которых глупо и без комментариев упоминает постановление февральской конференции (рейхсаусшус) Лейпциг-бунда. А эти свободы немаловажны вне режима демократии, т. е. вне капитализма. Надо учиться сплести концы с концами.

ДАЖЕ ОТСТУПАЯ ПЕРЕД МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКОЙ, УРБАНС БОРЕТСЯ НЕ С КОР-ШИСТАМИ, А С МАРКСИСТАМИ.

По поводу моих слов о том, что мы боремся против сталинской фракции, но защищаем до конца советскую республику, «Ди Фанс» разгневался мне, что безусловное (?) поддержание (?) сталинской политики (??), в том числе и внешней политики не допустимо, и что я сам должен буду признать это, если «додумать» свои мысли до конца». (№ 31, стр. 246). Незадумано, если я с интересом ждал окончания статьи (№ 32): оно должно было принести тактические выводы из тех теоретических противоречий, которыми битком набита первая часть статьи, и сверх того научить людей доводить мысли до конца.

Между первой и второй, половинной статьи кое-что успело выясниться. За это время Урбанс и его друзья успели, надо думать, получить резолюцию бюро Второго Интернационала, которая не могла не присутствовать на них отрезвляющее действие, так как сопоставление выводов Отто Бауэра с выводами Лузона и Паса получилось совершенно поразительное.

Так или иначе, по во второй половине статьи «Фанс» приходит к выводу о необходимости защищать Советскую республику и в конфликте с Китаем. Это похвально. Но, поразительное дело, по пути к этому выводу, статья полемизирует не против коринистов, не против ультра-левых, не против Лузона, не против Паса, а против русской оппозиции. Казалось бы, вопрос о том, защищать или не защищать Советскую республику, настолько важен сам по себе, что второстепенные и третьестепенные обстоятельства должны бы отсутствовать перед ним. Так говорят элементарные требования политики. Но совсем иначе поступает Урбанс и его друзья. В самый критический момент советско-китайских отношений они печатают статьи ультра-левых, которые, как я показал выше, призывают в сущности поддерживать Чан-Кай-Ши против советской республики. Лишь под нажимом марксистов редакция «Ди Фанс», через полтора месяца после начала конфликта, высказывается за защиту Советской республики. Но и тут она борьбу ведет не про-

тив тех, которые отрицают элементарный революционный долг защиты, а против... Троцкого. Каждый зрелый политик должен прийти к выводу, что для Урбанса вопрос о защите Октябрьской революции играет во всем этом деле проростепешную роль, главная же задача для него — показать, что он «не на все сто процентов согласен с русской оппозицией». Тов. Урбанс, повидимому, совершенно не догадывается, что тот, кто пытается свою самостоятельность доказать такими искусственными и негативными способами, на самом деле только демонстрирует полную свою идейную несамостоятельность.

Наряду с разрушенными в китайском народе политикой Сталина симпатиями к Советской России и к коммунизму — так говорится во второй части статьи — для позиции китайского народа в такого рода войне играло бы несомненно роль то обстоятельство, что Россия прибегла к оружию, войны из-за китайско-восточной дороги, в то время, как она не пошевелила рукой, когда Чан-Кай-Ши и его военные орды бродили в крови китайских рабочих и бедных крестьян» (№ 32, стр. 250). Верное и давно сказанное здесь сочетается с новым и фальшивым. Преступления центристского руководства в Китае имеют совершенно беспримерный характер. Сталин и Бухарин зарезали китайскую революцию. Это есть исторический факт, который чем дальше, тем больше будет входить в сознание международного пролетарского авангарда. Но обвинять Советскую республику в том, что она не вмешалась в шанхайские или ханькоуские события с оружием в руках, значит подменять революционную политику сентиментальной левацкой. Лузон считает, что, всякое, тем более военное вмешательство в дела другой нации есть «империализм». Это, конечно, пацифистский вздор. Но не меньшим вздором, хотя и прямо противоположным, является требование, чтобы Советская республика, при нынешних своих силах, при нынешнем международном положении, исправляла при помощи большевистских штыков то, что погубила меньшевистская политика. Критика должна направляться по реальным, а не фиктивным линиям, иначе оппозиция никогда не завоеует доверия рабочих.

Но как же в таком случае Советская республика решилась бы воевать из-за восточно-китайской дороги? Я уже говорил, что, если дело дошло до войны, то самый этот факт означал бы, что дело идет не о восточно-китайской дороге, а о чем-то неизмеримо большем. Правда, китайская дорога, даже сама по себе, являясь гораздо более серьезным предметом, чем голова эригернога, послужившая поводом к войне 1914 г. Но все же дело не в дороге. Война на Востоке, каков бы ни был ее непосредственный повод, неизбежно превратится на другой же день в борьбу против советского «империализма», т. е. против диктатуры пролетариата, с неизмеримо больше силой, чем война из-за головы эригернога превратилась в войну против прусского милитаризма.

Дело сейчас идет о соглашении между Москвой и Нанкином, которое может закончиться выкупом дороги Китаем при помощи иностран-

ных банков. Это будет фактически означать переход контроля из рук рабочего государства в руки финансового капитала. Я уже говорил, что уступка китайско-восточной дороги не ничего. Но такую уступку надо рассматривать не как осуществление принципа национального самоопределения, а как ослабление пролетарской революции в пользу капиталистической реакции. Можно, однако, не сомневаться, что именно Сталин и компания примутся изображать новую сдачу позиций, как осуществление национальной справедливости, в соответствии с категорическим императивом, с евангелием от Келлога и Литвинова и со статьями Лузона и Пазы, напечатанными в органе Ленинбунда.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ.

Практические задачи оппозиции в случае войны между Китаем и Советской Россией охарактеризованы в статье неясно, двусмысленно, уклончиво. «В случае войны между Китаем и Советской Россией из-за китайско-восточной дороги — говорит газета — ленинская оппозиция стоит против Чан-Кай-Ши или стоящих за ним империалистов». (№ 32, стр. 250). Ультра-левая путаница завела так далеко, что «марксисты - ленинцы» видят себя вынужденными заявить: «мы стоим против Чан-Кай-Ши». Вот до чего люди довели себя. Хорошо, против Чан-Кай-Ши. Но за кого же вы стоите?

«Ленинская оппозиция в такого рода войне — отвечает статья — будет мобилизовать во всех странах все силы пролетариата с целью генеральной стачки, исходя из организации сопротивления против заготовки оружия и каких бы то ни было транспортов оружия, и т. д.» (№ 32, стр. 250). Это позиция пацифистского нейтралитета. Задача международного пролетариата состоит, для Урбанса, не в том, чтоб помочь Советской республике против империализма, а в том, чтоб воспрепятствовать какой бы то ни было перевозке оружия — следовательно не только в Китай, но и в советскую республику. Такова ли ваша мысль? Или может быть вы просто не то сказали, что хотели? Не додумали свою мысль «до конца»? Тогда поспешите поправиться: вопрос заслуживает этого. Правильная формулировка должна гласить так: препятствовать всеми средствами отправке оружия контр-революционному Китаю и всеми средствами облегчать приобретение оружия Советской республикой.

ОЗНАЧАЕТ ЛИ ОБОРОНА СССР ПРИМИРЕНИЕ С ЦЕНТРИЗМОМ?

Чтоб показать, в чем точка зрения Ленинбунда отличается от точки зрения русской оппозиции, Урбанс преподносит два откровения: 1) если, в случае войны Советской Республики с Китаем, на стороне России вмешается в войну империалистическое государство, то коммунисты этого буржуазного государства не должны заключать со своей буржуазией гражданское мир, но учение Бухарина, а должны держаться на извержение своей буржуазии; 2) защищая Советскую республику в войне с китай-

ской контр-революцией, оппозиция должна не примиряться со сталинским курсом, а вести против него решительную борьбу. Выходит, что в этом будто бы и состоит отличие позиции Ленинбунда от нашей. На самом деле это путаница и, боюсь, сознательная. Оба принятые за волосы тезиса относятся не к советско-китайскому конфликту, как таковому, а ко всякой подобной войне против советской республики. Урбанс растворяет частный вопрос в общем. Ни Лузон, ни Наз до сих пор не отрицали еще обязанностей международного пролетариата защищать Советскую республику в случае, если например, Америка и Великобритания напали бы на нее во имя уплаты царских долгов, отмены монополии внешней торговли, денационализации банков и заводов и пр. Дискуссия возникла из-за специфического характера советско-китайского конфликта. Именно в этом вопросе ультра-левые обнаружили неспособность оценивать частные и сложные факты под классовым углом зрения. Именно им Ленинбунд открыл широко столбцы своих изданий. Именно по поводу их лозунга «руки прочь от Китая», «Фанк» полтора месяца ведадерживалась от выражения своей точки зрения, а когда дальнейшее воздержание оказалось невозможным, ограничилась половинчатой и двусмысленными формулами.

При чем же тут теория Бухарина? Причем тут вопрос о прекращении борьбы со сталинским центризмом? Кто это предлагает? Кто говорил об этом? В чем тут дело? Для чего это нужно?

Это нужно для намека, будто русская оппозиция — не капитуланты и перебежчики, а русская оппозиция — склоняется к миру с центризмом под предлогом войны. Так как я пишу для неосведомленных или плохо осведомленных иностранных товарищей, то я считаю нужным хоть в двух словах напомнить здесь, как русская оппозиция ставила вопрос об отношении к сталинскому курсу в условиях войны.

В момент разрыва англо-советских отношений, отбрасывая с презрением ложь насчет поражения и условного оборончества, русская оппозиция, в официальном документе заявила, что во время войны для нее все вопросы разногласий встанут еще острее, чем во время мира. Такого рода заявление в стране репрессивной диктатуры, в момент разрыва дипломатических отношений с Великобританией не требует пояснений и дает во всяком случае гораздо более серьезные гарантии, чем те или другие статьи со стороны.

По этому вопросу разгорелась в 1927 г. настоящая борьба. Слышали ли Урбанс и его единомышленники что-нибудь насчет так называемого тезиса о Клемансо? С этим тезисом в руках антарта, в течение ряда месяцев протренировал партию. Дело в том, что в виде примера патристической оппозиции в лагере империализма я указал на клику Клемансо, которая с 1914-1917 г. несмотря на объявленный буржуазией гражданский мир, вела борьбу против всех остальных фракций буржуазии, овладела властью и обеспечила победу французского империализма. Я спрашивал: найдется ли в лагере буржуазии дурак, который назовет за это Кле-

мансо пораженным и условным оборонцем? Это и есть знаменитый «тезис о Клемансо», который критиковался в тысячах статей и десятках тысяч речей.

Недавно вышла в Париже моя книга «Искаженная революция»^{*)}. В ней напечатана, в частности, речь моя на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1-го августа 1927 года. Вот что в этой речи сказано по интересующему нас вопросу: «Самые большие события в человеческой истории — это революция и война. Центристскую политику мы неспробовали на китайской революции... Величайшим историческим испытанием после революции является война. Мы говорим заранее: сталинской и бухаринской политике зигзагов, недомолток, обиняков — политике центризма — в событиях войны не будет места. Это относится ко всему руководству Коминтерна. Сейчас единственным экзаменом для руководителей коммунистических партий является вопрос: готовы ли они днем и ночью голосовать против троцкизма? Война же предъявит к ним гораздо более ответственные требования... Для промежуточной позиции Сталина места не окажется. Вот почему, позвольте сказать вам по чистой совести, что разговоры о юшке оппозиционеров, о генералах без армии и проч. и тому подобное, кажутся нам просто смешными. Все это большевики слышали не раз — и в 1914, и в 1917 году. Мы слишком ясно видим завтрашний день и готовим его... И в отношении внутренней политики медленному центристскому сползанию, в условиях войны места не будет. Все споры упротятся, классовые противоречия обострятся, станут ребром. Придется давать ясный и точный ответ... Центристская политика во время войны должна будет повернуться либо вправо, либо влево, т. е. либо на термидорианский путь, либо на путь оппозиции (шун)». Именно эту речь я закончил словами: «За социалистическое отечество? Да! За сталинский курс? Нет!» И когда по поводу этих слов Урбанс и его друзья рекомендуют мне рожню два года спустя продумать вопрос до конца, и понять, что во время войны нельзя мириться с центризмом, то я могу только с сокрушением пожать плечами.

КАК ВЕЛАСЬ ДИСКУССИЯ?

Нет-худа без добра. Советско-китайский конфликт снова показал, что внутри марксистской оппозиции необходимо непримиримое идейное размежевание не только справа, но и слева. Филистеры будут хихикать по поводу того, что мы, маленькое меньшинство, занимаемся непрерывным внутренним межэванизмом. Но этим нас не смутить. Именно потому, что мы маленькое меньшинство, неясно, неясно, неясно, мы должны быть особенно бесстрашны к сомнительным друзьям справа и слева. В течение нескольких месяцев я пытался добиться от правления Ленинбунда ясности путем частных писем. Я ничего не добился. Тем временем, события поставили один из важнейших вопросов ребром. Разногласия вышли наружу. Началась дискуссия.

^{*)} L. Trotsky. La révolution défigurée. Les éditions Rieder.

Хорошо это или плохо? Статья «Ди Фане дес коммунизму» разясняет мне пользу дискуссии и ссылается на вред, причиняемый Коминтерну отсутствием дискуссий. Я эти мысли уже один или два раза слышал раньше, не то от т. Урбанса, не то от кого-то другого, не могу точно припомнить. Но дискуссия дискуссии рознь. Блюбы неизмеримо лучше, если бы русско-китайский конфликт не застиг Ленинбулд врасплох. В прошлом — было совершенно достаточно времени, чтобы подготовиться. Вопрос о термидоре и обороне СССР не новый вопрос. Хорошо, что дело не дошло до войны. А если бы дошло? Все это есть аргумент не против дискуссии, а против неправильного руководства, которое замалчивает важные вопросы, пока они не прорвутся против его воли. Факт таков, что Ленинбулд оказался не подготовленным, по крайней мере на своей перхушке, к ответу на поставленный жизнью вопрос. Не оставалось ничего другого, как открыть дискуссию. Но до сих пор я на страницах изданий Ленинбулда не нахожу отражения дискуссии в самой организации. Реакция «Ди Фане дес коммунизму» односторонне подбирала из иностранных оппозиционных изданий ультра-левые статьи, положила в основу всей дискуссии смехотворную статью «свинячьего» коммуниста. Сама редакция оказалась в стороне, как бы выжилая, что из этого выйдет. Несмотря на исключительную остроту проблемы, Урбанс терпит неделю за неделей, ограничиваясь перепечаткой иностранных статей, направленных против марксистской точки зрения. Лишь после моей статьи, т. е. шесть недель спустя после начала дальневосточного конфликта, редакция «Ди Фане» сочла своевременным высказаться. Но и здесь она не торопилась. Короткая статья разбита на две части. Политические выводы отложены еще на неделю. Для чего? Неужели для того, чтобы дать место начатой и той же № клевете Радека на русскую оппозицию? Какова же была в течение этих шести-семи недель линия Ленинбулда в важнейшем вопросе международной политики? Неизвестно.

Это не годится. Такого рода методы ослабляют Ленинбулд, и оказывают лучшую услугу не только Тельману, но и Брандлеру.

Кто знаком с историей русской оппозиции, для того ясно, что Урбанс в подлинной форме выражает те самые взгляды, которые зловеще и недобросовестно, приписывались русской оппозиции сталинистам. Бесчестно скрывая от рабочих наши документы, сталинисты неутомимо повторяют в десятках миллионов экземпляров, что оппозиция считает Октябрьскую революцию погибшей, термидор совершившимся, и держит курс на буржуазную демократию. Несомненно, что организационные успехи Сталина были в незначительной степени обеспечены неутомимым распространением этой лжи. Но каково же бывает изумление, а моменты и прямое негодование русских оппозиционеров, когда на страницах изданий Ленинбулда они находят и полузамаскированным виде дружеский совет: не стартуйте на путь, давно подсказываемый нам сталинистами.

Вопрос этот приобретает тем более острый характер, что среди ультра-левых есть господ-

ства, которые шепчут друг другу на ухо: русская оппозиция сама согласна с тем, что термидор совершился, но она не говорит этого из дипломатии». Как далеко нужно быть самому от революционной позиции, чтобы допускать у революционеров хоть на минуту такого рода отвратительную двойственность. Одно можно сказать: отрава зинovieвского и масловского шовинизма оставила свои следы в рядах ультра-левых. Чем скорее от таких элементов освободится оппозиция, тем лучше будет для нее.

В разобранной нами программной статье, как бы подводимой итоги дискуссии, заключается попутно ряд намеков на то, как по разным вопросам Урбанс был прав, а все другие неправы (заявление русской оппозиции 16 октября 1926 года; вопрос о создании Ленинбулда, т. е. как фракции, а как самостоятельной партии, вступающей со своими кандидатами; вопрос о 1-го мая и 1 августа 1929 г., и пр.). Думаю, что лучше было бы, если бы статья не поднимала этих вопросов, ибо каждый из них знаменует определенную ошибку т. Урбанса, которой он до сих пор не покаялся. Я уже не говорю о высказывании ошибочной позиции 1923-26 г. г., где Урбанс, вслед за Масловым и другими, поддерживал партийную реакцию в ВКП, и вел ультра-левый курс в Германии. В случае нужды я готов вернуться ко всем этим вопросам и показать, что ошибки Урбанса связаны между собою, что они не случайны, а вытекают из определенного метода мышления, который я не могу назвать марксистским. На практике политика Урбанса состоит из колебаний между Корнем и Брандлером, или из механического соединения Корня с Брандлером.

ОПАСНОСТЬ СЕКТАНТСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ОГРАНИЧЕННОСТИ.

В этой брошюре разобраны разногласия, которые можно бы назвать стратегическими. По сравнению с ними разногласия по внутренним партийным вопросам скорее могут казаться тактическими, хотя и они, может быть, сведутся к двум разным линиям. Но эти вопросы надо будет разобрать особо.

Несомненно, однако, что в основе многих ошибок т. Урбанса в немецкой политике лежит неправильное отношение к официальной компартии. Рассматривать компартию, — не ее чиновничий аппарат, а ее пролетарские ядра и идущие за ней массы, как законченную, погибшую, отпетую организацию, значит впасть в сектантство. Ленинбулд мог бы сыграть большую роль, как революционная фракция. Но он сам отрезает себе пути к развитию своими, по меньшей мере, немотивированными претензиями на роль второй партии.

При идейной бесформенности Ленинбулда стремление поторопить стати «спартис» приводит к тому, что он допускает в свои ряды и такие элементы, которые полностью порвали с марксизмом и большевизмом. Стремясь удержать их, руководство Ленинбулда уже сознательно поддерживается от заигнана определенной позиции по целому ряду вопросов, что, конечно, еще более запутывает и ухудшает дело, загоняя больше в шугру.

Есть сейчас немало «левых» групп и групп, которые топчутся на месте, охраняя свою самостоятельность, обвиняя друг друга в том, что другая сторона идет недостаточно далеко, хвалясь тем, что они друг с другом не согласны на все сто процентов, выпуская время от времени газетки и находя удовольствие в этом иллюзорном существовании — без почвы под ногами, без отчетливой точки зрения и без перспектив. Чувствуя свою слабость такого рода группы, или вернее их верхушки, больше всего боятся подпасть под чье-либо «вливание», оказаться с кем-нибудь или с чем-нибудь солидарными, — ибо где ты тогда, сладкая самостоятельность, размером в 64 кубических метра, пущих для редакционной комнаты?

С этим сочетается другая опасность.

В Коминтерне идеинное руководство со стороны русской партии давно замесилось аппаратным командованием и диктатурой кассы. Хотя в деле протестов против диктатуры аппарата, правая оппозиция не менее активна, чем левая, наши позиции и в этом вопросе противоположны. Опортунизм по самому существу своему национален, так как он опирается на местные и временные потребности пролетариата, а не на его исторические задачи. Интернациональный контроль для опортунистов немаловажен, и они сводят свои интернациональные связи по возможности к безобидным формальностям, подражая в этом Второму Интернационалу. Брандлеровщина будет приветствовать конференцию правдой немецкой оппозиции, обмениваться дружескими нотами с группой Довстона в Америке, и проч., под условием, чтобы каждая группа не мешала другой вести опортунистическую политику на свой национальный лад. Все это будет прикрываться борьбой против бюрократизма и против русского командования.

С этими поводами левая оппозиция не может иметь ничего общего. Интернациональное единство для нас не декоративная сторона, а стержень наших теоретических воззрений и нашей политики. Между тем имеется немало ультра-левых, — не только в Германии, — которые, под флагом борьбы с бюрократическим командованием сталинского аппарата ведут полусознательно борьбу за раздробление коммунистической оппозиции на самостоятельные национальные группы и за их освобождение от интернационального контроля.

Русская оппозиция не меньше нуждается в интернациональных связях, в интернациональном контроле, чем каждая другая национальная секция. Но я очень спасаюсь, что поведение тов. Урбанса вовсе не продиктовано стремлением активно вмешиваться в русские дела, что можно было бы только приветствовать, а наоборот: стремлением отодвинуть немецкую оппозицию от русской.

Нужно горко следить за тем, чтоб под видом борьбы против бюрократизма и левой оппозиции не укреплялись тенденции национальной замкнутости и идеинного сепаратизма, которые, в свою очередь, неизбежно ведут к бюрократическому перерождению — только в национальных, а не в интернациональных рамках.

Если раздуматься как следует быть в вопросе, с какой стороны левая оппозиция грозит сей-

час опасност: бюрократизации и окостенения, то станет совершенно ясным, что не со стороны интернациональных связей. Гипертрофированный интернационализм Коминтерна мог возникнуть — на основе старого авторитета ВКП — только благодаря наличию государственной власти и кассы. Эгих «опасностей» у оппозиции нет. Зато есть другие. Гибельная политика бюрократии вызывает необузданные центробежные тенденции и стремление уйти в свою национальную, а следовательно и сектантскую скорлупу, ибо, оставаясь в национальных рамках, левая оппозиция может быть только сектантской.

ВЫВОДЫ.

1. Нужно занять ясную позицию по вопросу о термидоре и о классовом характере нынешнего советского государства.

Нужно беспощадно осудить коринфские тенденции.

2. Нужно занять позицию самой решительной и безоговорочной защиты СССР от внешних опасностей, что не исключает, а наоборот предполагает непримиримую борьбу со сталинизмом во время войны еще более, чем во время мира.

3. Нужно отвергнуть и осудить программу борьбы за свободу коалиции и за все другие «свободы» в СССР, — ибо это программа буржуазной демократии. Этой программе буржуазной демократии надо противопоставить лозунги и методы пролетарской демократии, имеющей своей задачей, в борьбе с бюрократическим центризмом, возродить и укрепить диктатуру пролетариата.

4. Нужно теперь же занять ясную позицию по китайскому вопросу, дабы следующий этап не застал нас врасплох. Нужно высказаться либо за «демократическую диктатуру», либо за перманентную революцию в Китае.

5. Нужно отдать себе ясный отчет в том, что Ленинград есть фракция, а не партия. Отсюда вытекает определенная политика по отношению к партии (в частности, во время выборов).

6. Нужно осудить тенденции национального сепаратизма. Нужно активно встать на путь интернационального объединения левой оппозиции на основе принципиального единства.

7. Нужно признать, что в нынешнем своем виде «Ди Фане дес коммунистес» не отвечает назначению теоретического органа коммунистической левой. Необходимо создание в Германии объединенными силами немецкой и интернациональной левой серьезного марксистского органа, который способен был бы давать надлежащую оценку внутренней обстановке в Германии и связи с международной обстановкой и тенденциями ее развития.

Эти немногие пункты, далеко не охватывающие всех вопросов, кажутся мне наиболее важными и настоятельными.

Л. Троцкий.

Константинополь,
7 сентября 1929 года.

8552

В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ. (Сообщение из Москвы).

Нам сообщают, что за подписями Х. Г. Раковского, В. Коснора и М. Окуджавы выпущено обращение. Документ этот, помимо оценки текущего периода, в главной своей части посвящен решительному разоблачению ренегатства Радека и Ко. Документ этот уже сыграл большую положительную роль в деле консолидации верных своему делу оппозиционеров-большевиков.

К письму т. т. Раковского, Коснора и Окуджавы — к 20 августа — присоединилось уже свыше пятидесяти колоний ссыльных оппозиционеров. В частности тов. Н. И. Муралов. С обращением этим единодушно солидарны также «челябинцы» — товарищи, сидящие в челябинском политизоляторе. Их свыше ста человек, во главе с тов. Л. С. Сосновским.

Наоборот капитулянты трехполовинного призыва, во главе с И. Н. Смирновым поддержки не имеют. Проект заявления Смирнова, содержащий ослабленные и смягченные перемены жалкого документа Радека и Ко собрал пока что голоса всего 4-х ссыльных колоний. Тоша-

риши, непосредственно разговаривавшие с И. Н. Смирновым, резюмируют впечатление отним словом: растерянность.

Письмо из Москвы говорит о том, что никакие репрессии аппарата, никакая клевета, никакие изъятия не остановят происходящего революционного отбора. Растет крепкий молодняк. Одновременно идет и дифференциация в партийном массиве (в Одессе, наприм., на днях за «строжкам» исключено 23 рабочих-комсомольца). Один из товарищей пишет: «Не смущайтесь сообщениями газет: они говорят только о нашем расходе, но не говорят о приходе. А приход есть!».

ИСПРАВЛЕНИЕ

Обращаем внимание читателей на то, что в № 3-4 произошла досадная ошибка: окончание статьи «К ПСИХОЛОГИИ КАПИТУЛЯНСТВА» ошибочно попало в ХРОНИКУ. Помещенные в Хронике, начиная со стр. 35 выдержки из тезисов и писем Радека и друг. — до последнего абзаца последней страницы, должны следовать непосредственно за предисловием Редакции Бюллетеня на стран. 11 (до заметки «Радек и буржуазная печать»).

БОЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

Bulletin de l'Opposition (Bolchevicks — Iéninistes)

№ 6

Писать по адресу:
Adresser la correspondance à: Meichler, 6, Rue de Milan, ParisЦена
5 фр.**СОДЕРЖАНИЕ:**Л. Троцкий. Что дальше? Левая оппозиция и ВКП.
Л. Троцкий, Я. Греть, Я. Раковский, Коссиора и Окуджава в ЦК и ЦКК.

Л. Троцкий. Открытое письмо большевикам-ленинцам (оппозиционерам) подписавшим Заявление.

Х. Раковский, В. Коссиора и М. Окуджава. Цель Заявления оппозиции.

Л. Троцкий. Разоружение и Соединенные Штаты Европы.

Х. Раковский. О причинах перерождения партии и государственного аппарата (письмо).

Ф. Дингельштедт. Ответь капитуланту.

Я. Греть. «Большевики отменяют воскресенье».
Письма из С.С.С.Р. Психологическая подоплека капитуланства. — По поводу «Заявления» оппозиции и др.**ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ.**

Л. Троцкий. Китайско-советский конфликт и позиция бельгийских левых коммунистов.

Л. Д. Троцкий. Письмо итальянским левым коммунистам.

Разное. Изъ Архива ссылки.

Что дальше?**ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ И ВКП.**

Многие сотни арестованных и сосланных оппозиционеров присоединились, как известно, к «Заявлению» Раковского, Коссиора и Окуджава. Это «Заявление» не вносит никаких изменений в основную линию оппозиции. Наоборот, смысл Заявления состоит в том, чтобы подтвердить эту линию на новом этапе. Заявление отвергает столь настойчиво и столь злобно подбрасываемую оппозиции сталинцами тактику борьбы за государственную власть против ВКП, методов вооруженного восстания. «Заявление» подтверждает, что оппозиция остается полностью на пути внутренней реформы, и что, как и в прежние годы, она целиком готова вести свою работу в рамках единой партии. Такая готовность диктуется оппозиции несокрушимым убеждением в том, что в условиях партийной демократии оппозиция нормальными методами завоеует пролетарское ядро партии. Но могут сказать, вы сами признаете, что это возможно лишь при наличии партийной демократии. Между тем полное отсутствие последней составляет главную характеристику сталинского режима. Не является ли, в таком случае, Заявление фикцией?

Нет, Заявление — не фикция, а лишь новая открытая проверка партийного режима. Способен он или неспособен — под действием новых уроков — исправить хоть отчасти

причиненное им партии и революции неизмеримое зло? Способен или неспособен он сегодня проявить некоторую инициативу в деле предотвращения тех опасностей, приближения которых может не видеть только слепой? Способен он или неспособен после опыта последних лет, метания из стороны в сторону, тяжчайших поражений, фракционных потрясений в партии и жестокого упадка авторитета партийного руководства, — способен или неспособен сталинский аппарат сделать серьезный шаг в сторону ленинских методов партийной жизни и ленинского руководства?

Заявление оппозиции снова поставило этот вопрос на новом этапе. Крайне сдержанный тон документа, отсутствие в нем указаний на губительный характер центристской политики в международном масштабе, наряду с подчеркиванием несомненных и бесспорных достоинств центристов по разным вопросам влево — все это продиктовано было, несомненно, стремлением облегчить аппарату первые шаги в сторону более здорового партийного режима. Вместе с тем, этот тон должен был снова показать партии, что оппозиция ставит существо дела выше формы, интересы революции выше личных или кружковых амбиций. Она готова занять в партии самое скромное место. Но она согласна занять его, лишь оставаясь самой собой, т. е. не только сохраняя все свои взгляды, получившие в ходе событий столь необычайно яркое подтверждение, но и отстаивая свое право дальнейшей борьбы за то, чтоб эти взгляды стали взглядами партии. Таков смысл Заявления 22 августа.

Сейчас мы имеем уже ответ на это Заявление, не официальный, но вполне подлинный, в виде статьи Ярославского. Речь идет у нас о слишком важном и большом вопросе, именно о судьбе ВКП и Октябрьской революции. Всякий поймет, что мы предпочли бы поэтому пройти мимо непристойной статьи и ее непристойного автора. Но Ярославский сейчас привратник партийного аппарата. Статья его есть ответственный документ. На ней нельзя поэтому не остановиться.

Статья Ярославского изображает «Заявление» оппозиции, как попытку обмануть партию. Этой своей оценкой, как мы сейчас покажем, Ярославский не только дает, убийственную критику сталинского режима, но и подтверждает тактическую правильность «Заявления».

В чем и как Заявление «обманывает» партию? Ярославский дает на это не политический, а полицейский ответ. Он выдергивает цитаты из перехваченного письма одного из союзных оппозиционеров и при помощи грубых переложиваний и подтасовок конструирует свое «обвинение». Политический смысл «Заявления» для него не существует. Между тем этот смысл бьет по лицу тех, которые обманывают партию, и тех, которые вымогают обман.

Когда Радек в частных беседах и письмах заявляет, что «аппарат оппозиции блестяще опридала себя», а официально отрекается от платформы, как, якобы, ошибочной, то Радек заведомо обманывает партию. Ярославский совершенно точно осведомлен о всех обстоятельствах дела, ибо он живет перехватом и перлюстрацией писем оппозиции. Но Ярославский является не только покровителем, но и вдохновителем Радека в деле идейного обмана партии. Когда Зиновьев, Каменев и другие, которые, в бытность свою в оппозиционном блоке, подробно рассказывали, как они вместе со Сталиным, Ярославским и др. обрели миф «троцкизма» для борьбы против Троцкого, теперь снова отрекаются от троцкизма по требованию Ярославского, то они покупают свое возвращение в партию ценою обмана партии. Когда Сталин, во время VI-го конгресса, и затем в августе 1928 года, публично утверждал, что в Центральном Комитете нет разногласий, и что слухи о борьбе между центристами и правыми выдуманы троцкистами; то Сталин обманывал партию, для того, чтоб идейную борьбу против правых заменить организационными махинациями и помешать партии понять, что Сталин повторяет лишь обрывки и осколки оппозиционной платформы. Число таких примеров можно было бы умножить без конца, ибо режим центристских платаний и бюрократического самоуправства есть по необходимости режим систематического обманывания партии.

Но в чем же обман со стороны оппозиции? Она говорит то, что есть. Она не отрекается вслух от своих взглядов, чтобы потихоньку проповедывать их. Она не приписывает себе тех ошибок, которые совершила на самом деле центральный комитет. Не притворяясь, не меняя голоса, не маскируясь, она еще раз постучалась

и в ворота партии. На вопрос привратников: кто там? она отвечает: «большевики-ленинцы (оппозиция)». На вопрос: отрекаетесь ли вы от своих взглядов, она отвечает: «нет, считаем их совершенно правильными». — Чего же вы хотите? — Мы хотим, отвечает оппозиция, бороться вместе с партией против классовых врагов и бороться внутри партии за наши взгляды методами нормального партийного убеждения.

Где тут обман? Где тут тень обмана? И что могут изменить в этом ясном и прямом диалоге мелкие плутни с цитатами из частного письма?

Но совсем не случайно прямога, с какой оппозиции требует своего восстановления в партии, представляется привратнику аппарата попыткой обмануть его. Разве оппозиционеры не знают — такова невысказанная, но очевидная мысль Ярославского, — что ему поручено пропускать в дверь только людей с перебитыми ногами, с вывихнутым позвоночником и с готовностью называть черное белым? По какому же праву люди, сохранившие в неприкосновенности свой политический позвоночник, осмеливаются стучаться в дверь и беспокоить привратника? Ведь это же прямой обман партии!

Ответ Ярославского на предложение оппозиции восстановить единство партии на ленинских основах и сущности рабски повторяет тот ответ, который социал-демократия всегда давала на попытки коммунистов установить единый фронт в борьбе против буржуазии. Лидеры социал-демократии, как известно, неизменно утверждали, что коммунисты поясе не хотят единого фронта; что их задачей является, наоборот, раскол рабочего класса; и что предложением единого фронта они лишь обманывают рабочую массу. При этом социал-демократы ссылаются не на перехваченные (и искаженные) частные письма, а на статьи и речи вождей коммунизма. Возмущенные социал-демократы пытаются в данном случае сознанием своей неспособности к борьбе. «Ведь коммунисты же знают, что мы не можем и не хотим бороться с буржуазией, — зачем же они нам предлагают единый фронт? Ведь это же обман масс!». — Нет, — отвечают им коммунисты, — массу обманываете вы, когда притворяетесь борями; мы же разоблачаем вас перед массой. Если вы хотите избежать этих разоблачений, истаньте на путь борьбы!

Ярославские систематически обманывают партию, изображая фракцию Сталина, как охранительницу партийного единства. Не только ВКП, но все партии Интернационала расколота на три части. Все организаторы Коминтерна и руководители его и эпоху Ленина отстранены от руководства и подавляющим большинством исключены из партии. Удельный вес мирового коммунизма продолжает падать. Кто говорит противоположное, тот обманывает партию. Пятилетний план промышленности, т. е. статистический проект хозяйственного развития, не решает вопроса. Основным историческим органом пролетариата является партия. В нынешнем своем виде, с нынешней принципиальной ориентацией, с нынешним режимом, с нынешним руководством, она неспособна справиться со своими задачами. В советской республике

наличие государственного аппарата, полученного из рук Октябрьской революции, маскирует действительное положение в партии. В капиталистических странах этой маскировки нет. Международный коммунизм терпит поражения по всей линии и продолжает отступать. Между тем без правильно руководимого Интернационала никакой пятилетний план к социализму не приведет.

В этих условиях оппозиция сделала еще одну попытку восстановления единства партии. Мы, разумеется, заранее ни на минуту не сомневались в том, что эта попытка будет отвергнута. Теперь это произошло. Ответ дан. Необходимая ясность для тех, кто в ней нуждался, создана. Некоторая часть оппозиционеров, подписавших заявление Раковского еще, вероятно, отколотая от основного ядра. Скатертью дорога! Зато основное ядро успело за последние месяцы вполне оправиться от удара в спину нанесящего капитулянтами. Действие этого удара было на первых порах непропорционально велико уже ввиду одной разобщенности оппозиционеров. Худший момент был в июне-июле. Недаром Ярославский вынужден цитировать июньское письмо*). Сейчас редакция Бюллетеня получает десятки писем, свидетельствующих о том, что кризис оппозиции преодолен. Ответ Ярославского подводит черту под этим периодом. Левые центристы, которые по необходимости были в составе оппозиции до раскола правоцентристского блока, оторвавшись от нее, когда официальный центрист повернул влево. Это в порядке вещей.

Ленинская оппозиция теснее смыкает ряды. Перегруппировка необходима нам, как в национальном, так и в международном масштабе. По отношению к СССР, ВКП, как и ко всему Интернационалу; наш метод есть по-прежнему метод реформы. Но бороться за эту реформу мы вовсе не собираемся в рамках той легальности, которую, в борьбе за самосохранение, все более сужают Сталин и его Ярославские. Мы считаем необходимым удвоить усилия по организации большевиков-ленинцев, как фракции внутри коммунизма, по созданию оппозиционной литературы, по систематическому изданию бюллетеня оппозиции, по его доставке в СССР и правильному распространению среди передовых рабочих Советской Республики. Мы призываем наших единомышленников помочь нам в этом деле.

Редакция Бюллетеня.

*) Не подвергая статье Ярославского, как статью, критике, мы не опровергаем и заключающихся в ней идей. Ярославский пишет на этот счет очень прочную репутацию, далеко выходящую за пределы оппозиции. Принимая т. Троцкому программу гражданской войны из его писем 1928 года, Ярославский по неярливости приводит из этих писем кое-что лишнее, что полностью disproвергает выдвигаемые обвинения. Мы оставляем все это без рассмотрения, как и прочие искажения письма тов. Солнцева.

В ЦК и ЦКК

ЗАЯВЛЕНИЕ*).

С XV съезда, на котором было принято постановление о нашем исключении из партии, произошел ряд крупнейших событий, вызвавших новую перегруппировку сил в стране и внутри самой партии.

Важнейшими из этих событий являются: переход в открытое наступление на пролетарскую диктатуру зажиточной части деревни, оформление правого течения в партии, предполагающего идти на уступки кулачеству и частной торговле, решения XVI партконференции о преодолении капиталистической опасности в ускорении темпа промышленного, колхозного и жилищного строительства, о борьбе с кулаком и правой опасностью.

Новое социалистическое строительство начинается в тяжелой обстановке. Отчасти это является результатом значительной утери темпа строительства, позволившей мобилизоваться кулацким и напмановским элементам. Оно начинается при глубоко зашедшем разложении государственного, профессионального и партийного аппарата, при значительном разброде в середнячестве и отчасти в крестьянской бедноте, при недостаточной подготовленности рабочего класса, захваченного в распах рационализации и постоянно растущей дороговизной предметов первой необходимости и их недостатком. Эта обстановка осложняется наличием глубокого идейного разброда в партии, олицетворяющей в лице открытых правых, относится с недоверием к новому социалистическому строительству, ожидая от него срыва торжества своих идей, тогда как другая ее часть, еще более значительная, поддерживая на словах это строительство, на деле ему мешает.

Эти внутренние трудности усугубляются все более и более неблагоприятно складывающейся для нас международной обстановкой.

Бандитский захват китайскими национал-реакционерами КВЖД и последующие за этим провокации свидетельствуют об оживлении империалистской политики международного империализма, при активном участии международной социальной демократии, превратившейся в открытую мелко-буржуазную партию, ведущую еще за собой миллионы заблудившихся рабочих.

Было бы вреднейшей иллюзией считать, что эти трудности будут преодолены в ближайшее время. Они вытекают из неизбежно растущего и углубляющегося антагонизма между нашим социалистическим производством и разлагающимся, но еще цепко держащим в своих руках

*) По имеющимся у редакции сведениям к настоящему Заявлению присоединилось до середины сентября около 500 оппозиционеров, разбросанных в 95 сельских колониях и изоляторах. Среди присоединившихся: Н. Мурашов, Б. Мливанш, Л. Соколовский, Думбалаз, Кантаралас (все четверо от имени заключенных в челябинском изоляторе), В. Каспарова, В. Виленский-Сибиряков, Рафана, К. и Р. Гринштейн, Лизько, Е. Солдатов, Б. Ливини, Палашиков, Печев, Милота и друг.

политическую власть международным капитализмом, и будут устранены только с победой международной социалистической революции. До этого времени, с короткими интервалами смягчения, антагонизм будет обостряться все более и более.

Устранения такого серьезного разногласия между капиталистическими государствами, каковы является репарационный вопрос, будет способствовать созданию единого финансового фронта против СССР с попыткой переложения части репарации на нас.

Всякий новый этап в осуществлении пятилетних планов на известной степени будет воспроизводить в расширенном масштабе экономические и политические трудности предшествующего. Осуществление пятилетних планов потребует мобилизации громадных финансовых средств, растущих из года в год, часть которых, как напр., ассигнования на совхозное строительство, пока оно не станет рентабельным, будет неизбежно представлять собою чистую форму государственных субсидий.

Мобилизация таких крупных средств потребует величайшего напряжения производительных сил и налогоплательских способностей рабочего и трудящихся крестьянских масс или же перенапряжения государственной экономики с вытекающей отсюда опасностью инфляции и роста дороговизны. Приобретение иностранного оборудования потребует максимального развития экспорта, часто в ущерб внутреннему потреблению, последствием чего является опять таки рост дороговизны и реального снижения заработной платы. Наряду с этими последствиями, частью неизбежными в наших условиях при социалистическом строительстве, это последнее вызовет и уже вызывает бешеное сопротивление всей мелкой буржуазии и в первую очередь кулачества, объективно опирающегося на международное капиталистическое окружение.

Партии пролетариата предстоит пройти полосу жестких классовых боев.

Место большевиков-ленинцев в этих боях в борьбе за преодоление наличных и предстоящих трудностей по пути социалистического строительства, predeterminedено всем их прошлым.

Мы считаем, что борьба за осуществление пятилетки представляет собою, после гражданской войны самую серьезную схватку между коммунистической партией и идущим за ней пролетариатом и крестьянской беднотой с поднимающим голову капитализмом. От ее исхода будет зависеть, может быть, судьба завоеваний Октябрьской революции. Осуществление намеченных планов значительно укрепит позиции пролетариата в борьбе с внутренним и внешним вражеским окружением. Их срыв проложит дорогу правому течению, последовательное применение политики которого ведет к реставрации капитализма и падению пролетарской диктатуры.

Одновременно с этим мы считаем, что пятилетка является важнейшим этапом в развитии классовой борьбы посредством укрепления пролетарской диктатуры лишь при условии, что осуществление ее будет обеспечено гарантиями, обеспечивающими: сплочение вокруг нее

пролетариата и крестьянской бедноты, под руководством коммунистической партии.

Вместе с большинством партии мы признаем, что правая опасность внутри партии является непосредственной угрозой социалистическому строительству. Одновременно с этим мы считаем, что правое течение не исчерпывается несколькими сотнями или, в лучшем случае, тысячами лиц, последовательно защищавшими правые идеи. Она также не сводится к тем ошибкам или злоупотреблениям, ежедневно разоблачаемым в газетах под рубрикой «правая опасность на практике» — ошибкам и злоупотреблениям, совершаемым партийцами, считающими себя субъективно сторонниками ЦК и голосующими за все его резолюции, включая и те, которые направлены против правых.

Внезапно обнаружившаяся с такой силой правая опасность в партии имеет более глубокие причины и более длительное прошлое. Идеологические корни правой опасности в партии скрываются в неверных теориях, как напр., автоматическое превращение мелкого и частного крестьянского хозяйства в социалистическое («растание кулака в социализм»), бесперывное и безконфликтное развитие социалистического хозяйства, игнорирование классовой дифференциации в нашей деревне («осереднявание деревни») — теории распространившиеся в партии в результате продолжительного влияния правых. Социальной базой правой опасности в партии являются мелко-буржуазные элементы, принесшие с собою враждебную пролетариату идеологию и обюркратившаяся прослойка коммунистов, которая утратила идейные интересы и для которой партийный билет является средством устройства личного благополучия и обеспечения своей карьеры. Эти элементы явились и являются проводниками влияния на партию мелко-буржуазного окружения.

Борьба против правой опасности в партии может быть действительной лишь при условии чистки партии от этих элементов, противопоставленном ленинизму неверным правым теориям.

Теперешние организационные приемы в борьбе с правой опасностью не достигают цели. Они мешают выявлению правой опасности и препятствуют размежеванию в партии между действительными сторонниками пятилетки и ее явными и скрытыми противниками.

Вовлечение пролетарских и широких трудящихся масс в борьбу за осуществление пятилетнего плана индустриализации может быть реальным лишь при условии непрерывного улучшения их материального положения.

Предусмотренный пятилетним планом темп поднятия жизненного уровня рабочего класса является теоретическим. Намеченный в плане темп роста заработной платы опрокинут еще в первом году своего осуществления ростом цен на предметы первой необходимости и увеличением налогов и косвенных обложений и самоблокировкой, лежащих на рабочий класс.

Вместе с партией мы признаем необходимость борьбы за поднятие трудовой дисциплины и против цеховых, обывательских и трудянистских настроений среди рабочих, а также необходимость решительно пресекать по-

для враждебных пролетарской диктатуре элементов использовать недовольство рабочих, для своих контр-революционных целей.

Наряду с этим мы считаем, что бюрократические способы рационализации производства, не учитывающие ни физических сил, ни квалификации рабочих, ни состояния оборудования наших фабрик и заводов, проводимые заминистрированными задоу управлениями, с постановлением для поднятия дисциплины труда старых приемов, отвергнутых Октябрьской революцией, ведут к отрыву рабочего класса от партии и советской власти и грозят срывом самого социалистического строительства.

Вместе с большинством партии мы признаем, что колхозное и совхозное строительство представляет собой действительное средство для преодоления аграрного капитализма и внедрения в сельское хозяйство социалистической формы производства. Вместе с партией мы признаем также, что оставаться строго на почве ленинской формулы — опираться на бедноту и укреплять союз с середнячеством, которое в нашей крестьянской стране еще долго будет являться важным экономическим и политическим фактором; оказывать ему (середнячеству) содействие к поднятию своего хозяйства на более высокую техническую базу, — главную и основную нашу задачу по отношению к нему, мы должны видеть в постепенном, но устойчивом его втягивании в колхозное строительство, которое единственно создает прочную базу для укрепления социалистического хозяйства, уничтожения классов и устранения противоречий между городом и деревней.

Наряду с этим мы считаем, что новый план колхозного строительства, выполнит возложенную на него социалистическую задачу лишь при условии, что будут устранены ошибки прошлого, превратившие сплошь и рядом колхозы в средство осереднячивания бедноты и окулачивания середняков за счет государственных субсидий.

Мы считаем, что допущение кулаков в колхозы вносит в них элемент разложения и представляет собой попытку применения ошибочной теории вrostания кулака в социализм.

Кулачество снова делает ту же попытку, которая ему не удалась во время гражданской войны, свалить пролетарскую диктатуру, но на этот раз в более благоприятной для него обстановке.

Кулачество представляет собою малочисленную, но сплоченную прослойку деревни, обогащенную политическим опытом и располагающую значительной частью товарных излишков хлеба и средств производства — обстановка, которая обеспечивает ему влияние на известную часть середнячества и даже бедноты. В отличие от эпохи гражданской войны оно рассчитывает теперь не только на части советского аппарата, которое оно успело разложить и подчинить себе, но и на правое течение в партии, имеющее своих представителей вплоть до ее ЦК.

Мы считаем, что поставленная XVI конференцией задача о борьбе с кулацким засильем может быть действительно выполнена лишь при организации местных союзов бедноты, которые единственно в состоянии мобилизовать

для защиты социалистического хозяйства широкие массы деревни, создать политическую опору для очутившегося на распутии середнячества, обеспечить правильную линию в колхозном строительстве и предупредить новые кулацкие хлебные забастовки.

Существует опасение, что местные союзы бедноты могут оттолкнуть середнячество в сторону кулака. Наоборот, наличие организованной бедняцкой силы в деревне освободит середняка из под политической опеки кулачества.

Другое высказываемое опасение, что эти союзы могут превратиться в своего рода эсеровские крестьянские союзы, основано на недоразумении, поскольку эсеры, как правые, так и левые выдвигали организацию всего крестьянства, а не бедноты, а кроме того, этот аргумент опровергнут украинским опытом.

Созданием прочной политической базы в деревне политика партии примет в борьбе с аграрным капитализмом планомерный и устойчивый характер, избежав колебания между административными чрезвычайными мерами, со всеми их отрицательными политическими последствиями, и уступками, которые исходят из субъективного желания идти на встречу середняку, а фактически укрепляют кулака. Так, напр., по последнему закону о продналоге значительная доля кулацких хозяйств ускользает от индивидуального обложения, в то время, как несомненно, что за последние два года высоких цен на сельско-хозяйственные продукты на свободном рынке доля кулачества и участника в национальном доходе значительно увеличилась.

Вместе с партией мы признаем, что решительная и беспощадная борьба с сильно разросшимся бюрократизмом и с его методами управления является важнейшей неотложной задачей.

Содержание гигантского государственного, профсоюзного и партийного аппарата ложится тяжелым бременем на плечи всех трудящихся масс за счет прибавочного продукта которых покрываются все государственные расходы. Жесткое сокращение всех аппаратов и в том числе партийного, настоятельно диктуется как финансовыми, так и политическими соображениями первоочередной важности. Ограничение финансовых ресурсов нашей страны, с ее одновременно культурной и социальной отсталостью, повелительно требуют урезывания всех непроизводительных расходов.

Революционная партия должна учитывать опыт европейских революций, в частности французской, во время которой одно из демократических, но и из самых популярнейших и действительных средств для дискредитации революционных правительств являлось обвинение их в дороговизне. Но бюрократизм представляет еще более великую опасность — настоящее национальное бедствие, которое нашло свою полную иллюстрацию в чередовавшихся уже в течение больше года на страницах нашей печати разоблачениях о скандальных делах и злоупотреблениях. Вместе с партией мы считаем, что действительная борьба с бюрократизмом предполагает активное участие миллионов рабочих и трудящихся в контроле за

действиями государственных и общественных органов, в том числе и партийных.

Только при этом условии можно будет устранить рвачество и безхозяйственность, удваивающие и утраивающие стоимость строительства; безответственность, самодурство и произвол аппаратов, оборотной стороной которых является забитость, приниженность и бесправие трудящихся масс.

Опасность бюрократии, не в меру разбухшей, состоит еще в том, что она постепенно отщесняет трудящиеся массы от действительного руководства государством, профсоюзами и партией.

Еще Ленин указывал, что нет реального контроля масс над аппаратом без их реального и непосредственного участия в управлении страной.

Поэтому мы считаем, что лишь аппарат, основанный на доверии масс, аппарат, в основе которого будет выборность и сменяемость и соблюдение революционной законности — соответствует интересам трудящихся масс и требованиям пролетарской диктатуры.

В условиях капиталистического окружения пролетарская диктатура осуществляется через коммунистическую партию при содействии профессиональных союзов. По необходимости в руках партии и ее руководства будет еще долго сосредоточена значительная доля власти и, как власть выборная и власть сменяемая, она должна находиться под бдительным контролем и свободной критикой всей партии. Предусмотренная программой и уставом, подтвержденная постановлениями съездов и пленумов и в частности резолюцией от декабря 1923 г. — ПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ — основанная на самостоятельности партии и рабочего класса, должна быть осуществлена полностью.

Разделяя новую линию Коминтерна о борьбе с правой опасностью, признавая, что его существенной задачей является борьба с социал-демократией и что в этой борьбе нужно опираться на весь рабочий класс, в том числе на его не организованную часть, мы считаем, вместе с тем, что руководство Коминтерна не вышло из периода идейных шатаний.

Мы также считаем, что господствующие бюрократические методы руководства в Коминтерне, отрывают рабочие массы от коммунистическим партиям, мешая в тоже самое время действительному размежеванию революционного коммунизма от оппортунизма. Вообще приказной способ определения уклонов ведет неминуемо к ошибкам и оставляет вне рядов Коминтерна, наряду с несомненными правыми, и революционных коммунистов, позволяя в тоже время укрываться многим несомненно оппортунистическим элементам.

Мы считаем, что основной международной солидарности рабочего класса является выдвинутое еще основоположниками научного социализма и беспредельно защищавшееся Лениным одно из основных положений пролетарского революционного движения, что законченная организация социалистического производства возможна лишь в международном масштабе. Мы считаем также, что теория о возможности длительного сосуществования социалистических и

капиталистических форм производства не дается в прямом противоречии с марксизмом, ленинизмом.

Из этих двух положений вытекает, что лишь победа социалистической революции в нескольких крупных капиталистических странах создает условия для полной устойчивости социалистического строя в нашей стране.

Всекие противоположные утверждения, способствуя отрыву русского пролетариата от мирового революционного рабочего движения, создают вреднейшие иллюзии, ведут к недооценке величайших трудностей, которые предстоят на пути социалистического строительства, и оставляют тем самым партию и пролетариат неподготовленными к их преодолению.

Мы изложили в настоящем заявлении все важные вопросы, по которым оценка оппозиции сошла с оценкой большинства партии, не скрывая в тоже время от последней и ее руководящих оставшихся разногласий.

Прямым долгом каждого большевика-ленинца оказывать партии и ЦК полное и безусловное содействие в проведении планов социалистического строительства, участвуя непосредственно в этом строительстве и помогая партийным органам в преодолении стоящих на пути трудностей.

Самый ход классовой борьбы, ее обострение, выделение в партии правого течения, протекание отсюда опасности для пролетарской революции, смело отчасти те барьеры, которые отделяли оппозицию большевиков-ленинцев от партии.

Эти же новые обстоятельства должны повести к смягчению остроты, создавшейся в отношении между ленинской оппозицией и партийным руководством — остроты, которая возникла в результате действия самих нас в периоде, когда политика нового социалистического строительства лишь оформлялась, так и в результате репрессий, предпринятых руководством против оппозиции.

В частности это обострение усилилось в связи с изгнанием из пределов Советского Союза Л. Д. Троцкого — факт, который мы считаем величайшей политической ошибкой партийного руководства.

Заявляя, что с своей стороны мы будем стремиться к устранению остроты в отношениях к партийному руководству, мы обращаемся с призывом к ЦК, ЦКК и всей партии облегчить нам путь возвращения в партию освобождением большевиков-ленинцев, снятием 55 ст. ссылных и возвращением из изгнания Л. Д. Троцкого.

Мы считаем, что оставшиеся между нами разногласия, правильность которых будет проверена жизнью, вполне укладываются не только в рамки программы и устава партии, но и являются ответом на запросы, выдвигаемые самым развитием социалистического строительства.

Эти разногласия не могут оправдать наше оставление вне рядов партии.

Мы считаем, что существование фракций среди коммунистов, независимо от того, нахо-

тс я ли они внутри партии или вне ее легаль-
ных границ, является одинаково вредным.

Оно грозит партии расколами, роняет од-
новременно ее авторитет в глазах трудящихся
масс и расшатывает основы пролетарской ди-
ктатуры.

Стремясь к устранению общих причин, спо-
собствующих порождению фракционности, как
они изложены в резолюции ЦК от декабря 1923
г., мы заявляем о нашей полной готовности от-
каза от фракционных методов борьбы и подчи-
нения полностью партийному уставу и партий-
ной дисциплине, обеспечивающим за каждым
членом партии право защиты своих коммуни-
стических взглядов.

Наше восстановление в правах членов пар-
тии требуется по нашему мнению не только
практическими соображениями использования
сил тысяч преданных коммунистов, решитель-
ных сторонников социалистического строитель-
ства, но и жизненными политическими интере-
сами партии и рабочего класса.

Объединение всех коммунистов, стоящих на
почве революционного ленинизма, тесно сплочен-
ных единством воли и общей верой в успехи
социалистического строительства и преодо-
ления капиталистической опасности, вызовет в
рядах партии и рабочего класса новый прилив
революционной энергии.

Посылая настоящее наше заявление, мы
убеждены, что оно встретит сочувствие и под-
держку подавляющего большинства партийной
и рабочей массы.

В. Кассиор, М. Окуджава, X. Раковский.

Верно X. Раковский.

Саратов, 22 августа.

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
БОЛЬШЕВИКАМ-ЛЕНИНЦАМ (ОППОЗИЦИО-
НЕРАМ), ПОДПИСАВШИМ ЗАЯВЛЕНИЕ В ЦК
И ЦКК ТОВ. В. КАССИОРА, М. ОКУДЖАВА
И X. РАКОВСКОГО.**

Дорогие товарищи!

Ваше «Заявление» от 22 августа я получил
в Константинополе 22-го сентября.

Хотя я и не принимал участие в выработке
вашего Заявления и потому не могу нести от-
ветственности за все его формулировки, я при-
соединяю к нему свою подпись, так как в ос-
новном оно идет по линии политики большеви-
ков-ленинцев (оппозиции).

Мы всегда стремились к тому, чтоб обеспе-
чить для масс членов партии возможность
проверить и преодолеть глубокие разногласия,
возникшие и развившиеся с 1923 года, в рамках
единой партии. Мы считали, что при наличии
достаточно гибкой партийной демократии и чут-
кой революционной ответственности руково-
дщих элементов всех течений партии, можно
обеспечить фактическую проверку и исправле-
ние политической линии партии без потрепе-
ния, все более и более подрывающих диктату-
ру пролетариата. Этим соображением были про-
диктованы наши заявления в октябре 26-го го-
да, в июле 27-го года, во время XV-го съезда
партии и, наконец, во время VI-го съезда пар-
тии и, наконец, во время VI-го конгресса Ком-

интерна. Каждое из этих заявлений утверждало
нашу неизменяемую верность тем теоретическим
и политическим идеям, которые вошли в состав
платформы большевиков-ленинцев (оппози-
ции), и в то же время извещало нашу полную
готовность подчинить нашу борьбу за эти идеи
уставным нормам и дисциплине партии, опи-
рающейся на пролетарскую демократию.

Эти заявления мы делали, как сказано вы-
ше, в тот период, когда центристское и правое
течение нашей партии составляли еще нераз-
рывный блок, объявивший платформе больше-
виков-ленинцев (оппозиции) антипартийным
документом.

Незачем здесь доказывать, что все главные
дowodы, направленные официальным руко-
водством против нашей платформы, если их
связать воедино, и образуют платформу ны-
нешнего правого крыла. Не буду здесь оста-
навливаться так же и на том, в какой мере
партийный режим характеризуется тем фак-
том, что раскол руководства и резкое измене-
ние его курса произошли между двумя създа-
ми партии и на другой день после конгресса
Коминтерна, и в какой мере это обстоятельство
не только подрывает устойчивость и преем-
ственность партийной политики, но и чревато
весьма опасностями. В очень сдержанной,
но совершенно недвусмысленной форме об этом
говорит ваше Заявление.

Факт поворота официального руководства
иллюстрация. Начиная с 1926 года мы неодно-
кратно предсказывали неизбежность такого по-
ворота под ударами классовой борьбы, без тру-
да разрушившей рамки право-центристской по-
литики. Незачем здесь доказывать также и тот
бесспорный факт, что если борьба против нашей
платформы велась доводами нынешней правой
группировки, то официальная борьба против
этой последней ведется доводами целиком зай-
мованными из нашей платформы. Отказывать-
ся от нее в этих условиях значило бы не толь-
ко проявлять заведомо нечестное отноше-
ние к идейным обязательствам, которые на-
лагаются на нас теорией марксизма и ре-
волюционной школой Ленина, но и вносить но-
вую дополнительную смуту в сознание партии,
и без того запутанной и дезориентированной.

Но совершенно ясно, что если мы, даже в
период нераздельности право-центристского
блока и фактического господства правых идей
по всей линии считали возможным и обязатель-
ным для себя отстаивать наши позиции в рам-
ках единой партии, то с тем большей уверен-
ностью и выдержкой мы могли бы взять на се-
бя такое обязательство ныне, когда проблемы,
выдвинутые нами и порядке политического
предвидения, поставлены открыто и повели-
тельно ходом классовой борьбы и вызвали уже
столь значительные перегруппировки в пар-
тии. В самый разгар репрессий и трагедии мы
заявляли, что наша верность партии Ленина
и Октябрьской революции остается неизмем-
ной.

Марксист должен был бы отказаться под-
писать ваше «Заявление» только в том случае,
если бы пришел к выводу, что Термидор есть со-
вершившийся факт, что партия есть труп, и что
путь к диктатуре пролетариата лежит через но-
вую революцию. Хотя нам приписывали такую

позицию десятки раз, но мы не имеем с ней ничего общего. Вот почему Заявление 22-го августа является естественным этапом на политической дороге оппозиции.

Если, однако, формальный разрыв центра с правдой, сдвиг официального руководства влево и широкое использование идей и лозунгов нашей платформы в борьбе с правыми, рассуждая чисто теоретически, должны были бы чрезвычайно облегчить восстановление единства партии на ленинских основах, то, к сожалению, реальная обстановка не дает оснований для оптимистических выводов в отношении ближайшего будущего. Тот факт, что многие идеи, лозунги и формулировки нашей платформы стали сейчас официальным достоянием партии, несколько не мешает тому, что авторы и защитники платформы остаются в торях и ссылке. Если бы нынешний поворот руководства снимал основные разногласия, то руководству это было бы так же ясно, как и нам. В этом случае репрессии по адресу оппозиции были бы совершенно необязательны, если не квалифицировать их просто, как голый бюрократический бандализм. Но мы оставались и остаемся далеки от такой оценки. Руководство сохраняет и даже усиливает репрессии потому, что совпадение многих, чрезвычайно важных практических мероприятий его сегодняшней политики с лозунгами и формулировками нашей платформы, не снимает для него вопроса о различных теоретических предпосылках, из которых руководство и оппозиция исходят в своих требованиях. Иначе сказать, руководство, даже усвоив официально ряд наших тактических выводов, все еще отстает от стратегических предпосылок, из которых вытекает правоцентристская тактика вчерашнего дня. Отсюда тревога и недоверие обеих сторон относительно завтрашнего дня.

Мы считаем возможным взять на себя обязательство подчинения партийной дисциплине, так как не сомневаемся, что наша теоретическая критика поможет фактам ликвидировать неправильные стратегические принципы, как она помогла уже ликвидировать ряд неправильных тактических выводов. Но именно по этой причине руководство с удвоенной силой сопротивляется возвращению оппозиции в ряды партии.

Мы совершенно правильно указываем, что пятилетний план социалистического строительства может стать важнейшим этапом в развитии Октябрьской революции. В сдержанной, но недвусмысленной форме мы указываем на те условия, какие для этого необходимы, но которых сегодня еще нет. Отвергая, далее, теорию социализма в отдельной стране, мы тем самым говорим, что даже при наличии необходимых внутренних условий и действительном осуществлении пятилетки, основная проблема Октябрьской революции — преобразование буржуазного общества в социалистическое — ни в каком случае не может быть доведена до конца без параллельного развития международной революции и без ее побед в передовых капиталистических странах.

Это в свою очередь предполагает правильную линию Коминтерна. Между тем, надо сказать прямо: несмотря на порывистый поворот, руководство Коминтерна и сейчас не меньше,

пожалуй, отклонится от ленинской линии, и в тот период, когда оно держало курс на Г. Мида и англо-русский комитет. Вы справедливо пишете, что «руководство Коминтерна не вышло из периода идейных шатаний». К этому надо прибавить, что сочетание ультра-левых выводов с правыми предпосылками продолжает убийственно отражаться на повседневной политике основных секций Коминтерна, в результате чего, под шум статей и речей о «стремительном периоде», и «новом подъеме», происходит дальнейшее фактическое ослабление Коминтерна, как организационное, так и политическое. Этот процесс не приостановился еще ни в одной стране, и в этом состоит главная опасность, которая угрожает, как Октябрьской революции, так и мировому рабочему классу.

Вы выступили с нашим Заявлением в момент, когда в внутреннем и международном положении советской республики крайне осложнилось. Впереди большие опасности. Они могут, при известных условиях, надвинуться гораздо скорее, чем многие их ждут. Борьба за Октябрьскую революцию под знаменем Ленина оппозиционеры будут во всяком случае, и при всяких условиях. Этот долг выше организационных норм и формальных рамок партии. Вашим Заявлением вы говорите лишь, что интересы революции требуют, чтобы оппозиция предоставлена была возможностью выполнить свой долг нормальными путями в рамках партии. Я присоединяюсь к этому целиком, как и к вашей надежде на то, что независимо от непосредственной практической судьбы наше Заявление «оно встретит сочувствие и поддержку подавляющего большинства партийных и рабочих масс».

С коммунистическим приветом
Л. Троцкий.

Константинополь, 25 сентября 1929 г.

ЦЕЛЬ ЗАЯВЛЕНИЯ ОППОЗИЦИИ.

Мы печатаем ниже несколько заключительных тезисов из обширной работы т.т. Раковского, Окуджавы и Коссиора. Работу эту мы поместим целиком в следующем номере Бюллетеня. В № 6 она не смогла войти по техническим причинам.

**

22. Цель нашего обращения: 1) Показать, что наше исключение из партии является ударом по коммунистической партии и по пролетариату, поскольку события подтвердили нашу критику правоцентристского руководства, а также правильность нашей платформы; 2) указать на те условия, выполнение которых является необходимой предпосылкой проведения нового курса; 3) доказать необходимость нашего обращения в партию; почему нашу взгляды, которые вынуждено теперь, хотя и частично, претворить в жизнь центристское руководство, несовместимы с нашим пребыванием в партии тогда как правые, взгляды которых по мнению самого большинства отражают интересы мелкой буржуазии, могут оставаться в партии? Мы должны протестовать против диких гонений на оппозицию, требовать освобождения заключен-

ных и арестованных, снятие 58 ст. с ссыльных, возвращения т. Троцкого из изгнания.

Мы должны заявить о нашей готовности по возвращении в партию отказаться от фракционных методов борьбы, но пользоваться теми правами, которые партустав предусматривает для каждого члена партии.

23. Поскольку мы можем оказывать влияние на беспартийные рабочие массы, наша обязанность — направлять их усилия на борьбу с правыми и кулацкой опасностью. За индустриализацию и колхозное строительство! — Мы должны призывать рабочий класс оказывать поддержку партии и правительству, отнюдь не щадя ошибок партруководства с его аппаратными методами и не прекращая борьбы за улучшение своего материального положения и за реальное участие в делах партии и государства.

Для защиты своих классовых интересов пролетариат должен пользоваться теми методами воздействия на органы власти, которые совместимы с интересами социалистической промышленности и с безопасностью социалистического государства. Партийная, профессиональная и советская конституция предусматривает для рабочего класса и трудящихся масс права, которые не знала ни одна государственная форма в истории, исключая парижскую коммуны.

Обязанность оппозиции — вводить в русло профсоюзной и партийной легальности требования рабочего класса, отклоняя его от методов борьбы, которые, как например, забастовка — вредят промышленности и государству и значит тем самым рабочим. Ленинская оппозиция должна дать решительный отпор попыткам мелко-буржуазных или даже открыто-контрреволюционных элементов использовать для своих политических целей недовольство трудящихся.

Она должна преодолеть цехово-корпоративные, обывательски-мещанские и грядущие настроения среди рабочих, прислушиваясь в то же время чутко ко всякому требованию рабочего класса, отделяя то, что в этих требованиях есть лучшего, законного, отвечающего интересам всего класса.

Долг каждого сознательного оппозиционера — давать решительный отпор отклонениям от нашей партийно-реформистской тактики — безразлично, плут ли они в сторону капитулянтства, или в сторону ленизма.

Тактика ленинской оппозиции сложна и ответственна. Она проходит, как по лезвию ножа. Ей приходится, избегая, как оппортунистические, так и демагогические пути, толкать вперед процесс дифференциации в партии и полевение одной ее части, освобождать ее от центристского влияния, бороться за проведение всех положительных мероприятий центристского руководства, поддерживать его до конца всех положительных мероприятий борьбу с правыми и в то же время безжалостно разоблачать центристский оппортунизм. Она должна стремиться одновременно к укреплению авторитета советского государства, отстаивать его от всяких явных и скрытых врагов, поддерживать центристское руководство во всех его мероприятиях, направленных к обес-

печению безопасности Союза, и в то же время бороться против методов насилия, проявляемых центристским руководством по отношению к партии и рабочему классу. Для революционного коммунистического авангарда, в особенности, в условиях пролетарской диктатуры, нет широких проторенных дорог.

24. Мы за единую компартию, и не только у нас но и во всех секциях Коминтерна. Это мы заявили твердо и решительно в нашей телеграмме в ЦК (копия ИККИ), объединившей всю ссылку и перерезавшей путь капитулянтам в распространении клеветы о мифическом «всероссийском союзе».

Мы за реформу и мы решительно против всякого авантюризма. Эта наша установка проистекает не из глупой теории о «природе власти», которая не дает никакой основы для надежной реформистской тактики. (Во Франции после 1789 года «природа власти» оставалась буржуазной, а сколько революций и насильственных переворотов произошло), а из того конкретного и неоспоримого факта, что в условиях пролетарской диктатуры, советская форма является несовершеннейшей формой пролетарской демократии. Нужно только: 1) Не давать центризму выхолщивать ее революционно-классовое содержание (а над этим он серьезно потрудился), 2) Воспитывать рабочих, чтобы они умели использовать те права, которые им предоставляют советские формы (конечно, так же партийные и профсоюзные). Поэтому задача ленинской оппозиции никаким образом не есть и не может быть по отношению к нашему государству революционной, — она не стремится ни к какому насильственному перевороту, — а является задачей реформирования. Метод наш: борьба против тех, кто не дает партийным и рабочим пользоваться своими правами. Решающим моментом в этой борьбе является личный пример идейной коммунистической стойкости.

М. Окуджава, В. Косспор,
Х. Раковский.

Саратов, 3 августа.

Разоружение и Соединенные Штаты Европы

I. КАКЪ ОБЪЕДИНИТЬ ЕВРОПУ?

Бриан испытывает потребность улучшить историческую судьбу трехсот пятидесяти миллионов европейцев, которые являются носителями высшей цивилизации, но в то же время не могут прожить ни одного столетия без дюжины войн и революций. Макдональд в интересах умиротворения нашей планеты пересек Атлантический океан. Соединенные Штаты Европы, разоружение, свобода торговли, мир поставлены в порядок дня. Капиталистическая дипломатия готовит со всех концов пацифистскую похлебку. Народы Европы, народы мира, готовьте большие ложки, чтоб ее расхлебывать!

Почему? Разве у власти в важнейших странах Европы не стоит или не готовится стать социалисты? Именно поэтому! Уже сейчас совер-

шенно очевидно, что план Бриана и план Макдональда преследуют «умиротворенные» человечества по прямо противоположным направлениям. Бриан хочет объединить Европу, чтобы найти защиту от Америки. Макдональд хочет заслужить благоволение Америки, помогая ей нажимать на Европу. Два поезда пушены друг другу навстречу, чтоб спасти своих пассажиров... от крушения.

Англо-французское морское соглашение июля 1928 года было ликвидировано по мановению бровей Соединенных Штатов: Этот факт является досточной демонстрацией нынешнего мирового соотношения сил. «Не думаете ли вы, — намекнула Америка, — что я буду приспосабливаться к переговорам, которые вы ведете вокруг европейского канала? Чтoб вести серьезный разговор потрудитесь пересечь Атлантический океан». И Макдональд заказал себе куиз. Это оказалось наиболее осуществимой частью пацифистской программы.

В Женеве будущие «объединители» европейского континента чувствовали себя не многие лучше, чем алкогольные контрабандисты по ту сторону океана: они со страхом оглядывались на американскую полицию. Бриан начинал и кончал свои речи клятвой насчет того, что объединение Европы ни в коем случае и ни при каких условиях не должно быть направлено против Северной Америки. Боже упаси! Американские политики должны были при чтении этих слов испытывать двойное удовольствие: «Бриан нас изрядно боится... Но он нас не проведет»...

Повторя слова Бриана насчет Америки, Штресеман в то же время замаскированно полемизировал с ним. Гендерсон полемизировал с обоими, особенно с французским премьером. В общей женевакской дискуссия развертывалась по такой схеме:

Бриан: Ни в коем случае не против Соединенных Штатов.

Штресеман: Совершенно верно, но у коекого есть задние мысли, — полагаться Америка может только на Германию.

Макдональд: Клянусь на библию, что верность в дружбе составляет свойство одних только британов, особенно же шотландцев.

Так создавалась в Женеве «новая интернациональная атмосфера».

Слабость нынешней Европы вызывается прежде всего ее экономической раздробленностью. Силу Соединенных Штатов составляет, наоборот, их экономическое единство. Спрашивается: каким же образом устроить так, чтобы объединение Европы не направилось против Америки, т. е. не изменило соотношения сил к ее невыгоде?

Офицюз Макдональда The Daily Herald в № от 10 сентября назвал идею Соединенных Штатов Европы курьезною (grotesque) и даже провокационною. Если, однако, затея удалась, то Соединенные Штаты Европы воздвигли бы чудовищную таможенную стену против Соединенных Штатов Америки, — так рассуждает офицюз Макдональда, — и в результате Великобритания была бы совсем зажата в тиски двумя континентами. А затем: разве можно было бы надеяться на помощь Америки, ведь курс на объединение Европы? «Действовать

так было бы сумасшедствием и хуже, чем сумасшедствием». Это достаточно откровенно.

Практически никто не знает, что собственно должны означать Соединенные Штаты Европы. Штресеман свел вопрос к общей денежной единице и... почтовым маркам. Этого мало. Бриан предлагает «обсудить» вопрос, который неизвестно, в чем состоит.

Основная задача объединения должна была бы иметь экономический, не только торговый, но и производственный характер. Нужен такой режим, чтоб искусственные перегородки не отделяли европейский уголь от европейского железа; нужно дать возможность системе электрификации развиваться «сообразно» естественным и хозяйственным условиям, а не версальским границам; нужно объединить в одно целое европейские железные дороги. И т. д. без конца. Все это немисливо, в свою очередь, без уничтожения старо-китайской системы ликина*) внутри Европы. Это означало бы далее единую общеевропейскую таможню — против американской.

Не может быть никакого сомнения в том, что, если бы смести прочь внутренние таможенные перегородки, капиталистическая Европа, после некоторого периода кризисных перегруппировок и приспособлений, высоко поднялась бы на основе нового распределения производительных сил. Это так же бесспорно, как то, что при наличии необходимых хозяйственных условий, крупные предприятия имеют решающие преимущества над мелкими. Но мы еще не слышали, чтоб мелкие предприниматели добровольно отказывались на этом основании от своих предприятий. Чтoб овладеть полем сбыта крупный капиталист должен разорить мелкого. То же самое и с государствами. Таможенные перегородки возводятся именно потому, что они выгодны и необходимы одной национальной буржуазии в ущерб другой, не извряя на то, что они тормозят развитие хозяйства в целом.

Со времени созванной Лигой Наций экономической конференции, которая должна была восстановити в Европе царство свободной торговли, таможенные пошлины непрерывно повышались. Сейчас английское правительство внесло предложение: установить двухлетние таможенные каникулы, т. е. в течение двух лет не повышать пошлины. Таков скромный задаток под Соединенные Штаты Европы. Но и он еще остается в проекте.

На защите таможенных стен, которые непрерывно росли после войны, стоят национальные армии, которые тоже возросли по сравнению с довоенным уровнем**). Это достаточно

*) Ликин — внутренние таможни.

***) До войны Великобритания расходовала на флот 237 миллионов долларов. Теперь она расходует 270 миллионов в год. Соединенным Штатам флот стоил в 1913 году 136 миллионов. В текущем году он их стоит 364 миллиона. Наконец, расхoд Японии на флот вырос за то же время с 48 миллион до 127 миллион, т. е. почти втрое. Немудрено, если министры финансов начинают испытывать приступы морской болезни.

Общие расхoд милитаризма (сухопутные, морские и воздушные) пяти важнейших капиталистиче-

показывает, как дорожит национальная буржуазия каждого из тридцати европейских государств своей национальной таможенной стеной. Если крупному капиталисту нужно разорить мелкого, то сильному государству нужно победить менее сильные, чтобы опрокинуть их таможни.

Сравнивая нынешнюю Европу со старой Германией, когда десятки немецких отечеств имели свои таможни, Штрессман в экономической объединении Германии пытался найти прообраз экономической федерации Европы и всего мира. Это не плохая аналогия. Но Штрессман не договаривал только, что для своего объединения — на единой национальной основе — Германии пришлось проделывать, не считая войн реформации, одну революцию (1848 г.) и три войны (1864, 1866 и 1870 г.). Между тем и сейчас еще, после «республиканской» революции (1918 г.) немецкая Австрия остается вне Германии. Трудно при наших условиях поверить, что для экономического объединения всех наций Европы окажется достаточно нескольких дипломатических завтраков.

2. РАЗОРУЖЕНИЕ ПО АМЕРИКАНСКИ (à l'américaine).

Но ведь наряду с вопросом об объединении Европы как раз и поставлен в порядок дня вопрос о сокращении ее вооружений? Макдональд заявлял, что путь постепенного разоружения есть самый верный путь к обеспечению вечного мира. Так может возразить нам пацифист. Конечно, если все страны разоружились, то это было бы серьезной гарантией мира. Но саморазоружение так же исключено, как и добровольное уничтожение таможенных стен. Сейчас в Европе имеется только одна большая страна, которая серьезно разоружена: это Германия. Но разоружение ее было достигнуто, как известно, путем ее разгрома в войне, где сама Германия стремилась «объединить Европу» под своим господством.

Не трудно вообще показать, что проблема постепенного разоружения, если к ней подойти поближе, принимает вид трагического фарса: вопрос о разоружении подменен вопросом о сокращении вооружений. Наконец, эта последняя заявка сведена пока что к уравнению флотов Соединенных Штатов и Великобритании. Теперь уже это «достижение» объявляется заранее великим залогом мира. Это все равно, как если бы сказать, что регламентация револьверов для дуэлянтов, есть верный путь к уничтожению дуэлей. Казалось бы, для здравого суждения дело обстоит как раз наоборот. Если две самые сильные морские державы с таким остервенением торгуются из-за нескольких тысяч тонн, то это лишь показывает, что каждая из них стремится дипломатическими средствами обеспечить себе заранее более выгодную позицию для будущего военного столкновения.

ских государств только за три последние года возросли с 2.170 миллионов долларов до 2.292 миллионов и составили за три года вместе почти 8.600 млрд. долларов.

Что означает, однако, с точки зрения международной обстановки, создание «равенства» между американским и английским флотом? Оно означает создание между ними грандиозного неравенства — в пользу Америки. Это понимают, разумеется, все серьезные участники игры, и прежде всего адмиралтейства Лондона и Вашингтона. Они лишь молчат об этом — из дипломатической застенчивости. У нас нет никакого основания следовать их примеру.

После опыта последней войны нет человека, который не понимал бы, что новая война между мировыми гигантами будет не молниеносной, а затяжной. Развязку определит относительная производительная мощь обоих лагерей. Это значит, в частности, что боевые флоты морских держав будут не только пополняться и обновляться, но и расширяться и заново создаваться во время самой войны.

Мы видели, какое исключительное место заняли в военных операциях немецкие подводные лодки на третьем году войны. Мы видели, как Англия и Соединенные Штаты уже в процессе войны создавали могущественные армии, вооруженные и снабженные лучше, чем старье армии европейского континента. Это значит, что солдаты, матросы, корабли, пушки, танки, аэропланы, которые имеются к началу войны, представляют собою только затравку. Решается вопрос будет в зависимости от того, с какой мощью данная страна способна будет под огнем создавать корабли, пушки, солдат и матросов. Даже парское правительство способно было заготовить известные запасы к началу войны. Но что было ему не под силу, так это обновлять и пополнять их под огнем. Для Англии, на случай войны с Америкой, единственное вообще теоретически мыслимое условие успеха могло бы состоять в обеспечении за собою очень большого военно-технического перевеса до начала войны, что до некоторой степени уравновешивало бы неизмеримый технический и экономический перевес Соединенных Штатов. Уравнение же обоих флотов до войны означает, что уже в течение первых ее месяцев Америка будет иметь неоспоримый перевес. Недаром же американцы угрожали несколько лет тому назад, в случае надобности, печь крейсера, как пирожные.

В переговорах Гувера с Макдональдом дело идет не о разоружении и даже не об ограничении морских вооружений, а лишь о рационализации в деле подготовки войны. Типы судов стареют. Сейчас, когда гигантский опыт войны и поток вызванных ею изобретений только разрабатываются для военных нужд, срок морального изнашивания всех и всяких орудий военной техники должен оказаться значительно более коротким, чем до войны. Это значит, что главная часть флота может оказаться устаревшей, прежде, чем ее придется пустить в действие. Имеет ли при этих условиях смысл накапливать суда заранее? Рациональная постановка дела требует иметь такой флот, который необходим для первого периода войны, а в мирное время мог бы служить достаточной лабораторией для проверки и испытания новых изобретений и открытий, с тем, чтоб их уже в стандартизованном виде, в серийном производстве, можно было пустить в ход в течение

войны. В большей или в меньшей степени чувствуют себя заинтересованными в «регламентации» вооружений, особенно морских, которые так дороги, все крупные государства. Но роковым образом эта регламентация превращается в величайшее преимущество экономически наиболее мощной страны.

За последние годы военно-морское ведомство Соединенных Штатов систематически занималось подготовкой всей американской промышленности для нужд будущей войны. Шваб (Schwab), один из магнатов военно-морской промышленности Соединенных Штатов, закончил недавно свой доклад в военной школе следующими словами: «Вы должны уяснить себе, что война в настоящее время представляет собою большое индустриальное предприятие».

Печать французского империализма делает, разумеется, все, что может, чтобы сравнить Америку с Англией. В статье, посвященной вопросу о морском соглашении, «Temps» пишет, что уравнивание флотов вовсе еще не означает уравнивание морского могущества, ибо Америка не может и мечтать о таких морских базах, которыми Англия овладела в течение столетий. Преимущество британских морских баз соперница бесспорно. Но ведь соглашение насчет равенства флотов, если оно будет достигнуто, вовсе не будет последним словом Соединенных Штатов. Их лозунгом является «свобода морей», т. е. такой режим, который должен прежде всего ограничить Великобританию в деле пользования ее морскими базами. Не меньшее значение имеет другой лозунг Соединенных Штатов: «открытые двери». Под этим знаменем Америка будет противопоставлять не только Китаю, но и Индии и Египту морскому владению Великобритании. Против британских морских баз и опорных пунктов Америка поведет поход не с моря, а с суши, т. е. через колонии Великобритании и ее доминионы. Америка приведет в движение свой мощный флот в такой момент, когда обстановка для этого достаточно созреет. Конечно, все это музыка будущего. Но это будущее отделено от нас не столетиями и даже не десятилетиями. «Temps» может и беспокоиться. Соединенные Штаты будут брать по частям то, что можно брать по частям, меняя во всех областях — технической, торговой, финансовой, военной — соотношение сил к невыгоде своей главной соперницы и ни на минуту не упуская из виду ее морских баз.

Американская печать с пренебрежительной усмешкой отзывалась об английской рекламе Сноудену, который, при помощи страшной жестикуляции, отторговал в Гааге в пользу Британии два десятка миллионов долларов, т. е. сумму, пригодную разве что американским туристам на сигары. Победитель Сноуден? спрашивал нью-йоркский «Таймс». — Нет! Действительный победитель (the real victor) это план Юнга, т. е. — американский финансовый капитан. Через посредство репарационного банка система Юнга должна дать возможность Америке крепко держать свою руку на золотом пульсе Европы. От финансового ядра, прижатого к ногам Германии, идут солидные цепи, надежде на руки Франции, на ноги

Италии и на шею Британии. Макдональд, выходящий сейчас обязанности сторожа при британском льве, с гордостью показывает на ошейник, как на лучший инструмент мира. И подумать только: чтоб добиться таких результатов, Америке нужно было только проявить свое великодушие: «помочь» Европе ликвидировать войну и «согласиться» на равенство флотов с более слабой Великобританией.

3. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА АМЕРИКИ.

С 1923 года нам пришлось вести борьбу за то, чтоб руководство Коминтерна сообразовало, наконец, заметить Соединенные Штаты, и понять, что англо-американский антагонизм есть основная линия мировых группировок и мировой борьбы. Еще в эпоху V-го конгресса (середина 1924 года) это считалось ересью. Нас обвиняли в том, что мы «преувеличиваем» роль Америки. Выдумана была специальная легенда о том, будто мы провозвестили эпоху исчезновения европейских капиталистических антагонизмов перед лицом американской опасности. Осинский, Ларин и другие испортили немало бумаги для «развенчания» могущества Америки. Радек, вслед за буржуазными журналистами, доказывал, что нам предстоит эпоха англо-американского сотрудничества, смешивая временные, конъюнктурные, эпизодические формы отношений с существом мирового процесса.

Постепенно, однако, Америка была «признана» официальным руководством Коминтерна, которое стало повторить наши вчерашние формулировки, не забывая, разумеется, каждый раз прибавить, что оппозиция преувеличивает роль Америки. Правильная оценка Америки составляла в ту эпоху, как известно, прерогативу Пепера и Ловстона.

С момента установления левого курса оговорки были, однако, отброшены. Теперь уже обязанностью официальных теоретиков стало провозглашать, что Англия и Соединенные Штаты идут непосредственно к войне. По этому поводу я писал в феврале прошлого года смелым друзьям: «Англо-американский антагонизм прорвался, наконец, серьезно наружу. Теперь и Сталин с Бухариным как будто начинают понимать, в чем дело. Наши газеты всема упрощают, однако, вопрос, когда изображают дело так, будто англо-американский антагонизм, непрерывно обостряясь, приведет непосредственно к войне. Можно не сомневаться, что в этом процессе будет еще несколько переломов. Слишком грозной штукой явилась бы война для обоих партнеров. Они еще следуют не одно усилие для соглашения и умиротворения. Но в общем развитие гигантскими шагами идет к кровавой развязке».

Нынешний этап снова принимает форму военно-морского «сотрудничества» Америки с Англией, и некоторые французские газеты боятся даже мировой англо-саксонской диктатуры. Конечно, Соединенные Штаты могут использовать и вероятно используют «сотрудничество» с Англией, чтоб затенить поджму узду на Японию и на Францию. Но все это будут этапы не

к англо-санкционному, а к американскому господству над миром, в том числе и над Великобританией.

По поводу этой перспективы руководители Коминтерна могут снова повторить, будто мы не видим вперед ничего, кроме торжества американского капитализма. Так, мелко-буржуазные теоретики народничества обвиняли первых русских марксистов, будто те не видели вперед ничего, кроме победы капитала. Эти обвинения стоят друг друга. Когда мы говорим, что Америка идет к мировому господству, то это вовсе не значит, что оно полностью осуществится в действительности, ни тем более, что даже осуществившись в той или другой степени, оно будет длиться в течение леков или хотя бы десятилетий. Дело идет об исторической тенденции, которая на деле будет пересечена и видоизменена другими историческими тенденциями. Если бы капиталистический мир мог существовать еще в течение десятилетий без революционных потрясений, то эти десятилетия были бы несомненно свидетелями непрерывного роста американской мировой диктатуры. Но в том то и дело, что процесс этот будет неизбежно развивать свои собственные противоречия, которые будут соетаться со всеми другими противоречиями капиталистической системы. Америка будет вынуждать Европу стремиться ко все большей рационализации и в то же время будет оставлять Европе все меньшую долю мирового рынка. Это повлечет за собой непрерывное обострение трудностей в Европе. Конкуренция европейских государств из-за доли мирового рынка неизбежно обострится. В то же время, под давлением Америки, европейские государства будут стремиться координировать свои силы. Это ведь и есть основной источник бриановской программы Соединенных Штатов. Каковы бы, однако, ни были отдельные этапы развития, ясно одно: постоянное нарушение мирового равновесия в пользу Америки станет в течение всей ближайшей эпохи основным источником кризисов и революционных потрясений в Европе. Кто считает, что европейская стабилизация обеспечена на десятки лет, тот решительно ничего не понимает в мировой обстановке, и тот неизбежно с головой потонет в болоте реформизма.

Если взглянуть на этот процесс с другого берега Атлантического океана, т. е. под углом зрения судьбы Северо-Американских Соед. Штатов, то и тут открывающаяся перспектива окажется меньше всего похожей на безмизную капиталистическую идиллию. Довоенное могущество Соединенных Штатов выросло на основе внутреннего рынка, т. е. динамического равновесия между промышленностью и сельским хозяйством. Война породила в этом развитии резкий перелом: Соединенные Штаты во все большей мере экспортируют капиталы и промышленные товары. Рост мирового могущества Соединенных Штатов означает, что исл система американской промышленности и американских банков — этот гигантский капиталистический небоскреб — во все возрастающей степени опирается на фундамент мирового хозяйства. Но этот фундамент минирован, и сами Соединенные Штаты продолжают минировать его изо дня в день. Вывоз товаров, вывоз капита-

лы, строя флот, оттесняя Англию, скупая важнейшие предприятия в Европе, проталкиваясь в Китай и проч., финансовый капитал Соединенных Штатов собственными руками устраивает под своим фундаментом пороховые и динамитные погреба. Где будет приложен огонь, к фитилю? В Азии, в Европе или в южной Америке — или, что всего вероятнее, в разных местах одновременно — это уже вопрос второго порядка.

Прямое несчастье, что нынешнее руководство Коминтерна совершенно неспособно следить за всеми этапами этого гигантского процесса. От фактов оно отделяется шаблонами. Даже пацифистская агитация за Соединенные Штаты Европы застала его врасплох.

4. СОВЕТСКИЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ

Вопрос о Соединенных Штатах Европы под пролетарским углом зрения был поставлен нами в сентябре 1914 года, т. е. в самом начале империалистической войны. В брошюре «Война и Интернационал», автор этих строк пытался доказать, что объединение Европы неотразимо выдвинуто всем ее экономическим развитием, но что Соединенные Штаты Европы мыслимы только как политическая форма революционной диктатуры европейского пролетариата.

В 1923 году, когда оккупация Рура снова остро поставила основные проблемы европейского хозяйства (прежде всего угля и железной руды), а вместе с тем и вопросы революции, удалось добиться того, что лозунг Соединенных Штатов был официально усвоен руководством Коминтерна. Но отношение к этому лозунгу оставалось неприязненным. Оказавшись не в силах его отвергнуть, руководители Коминтерна отсылались к нему, как к полкидыву «тройкизма». После крушения немецкой революции в 1923 г., Европа жила жизнью стабилизации. Основные революционные вопросы сошли с порядка дня. Лозунг Соединенных Штатов пришел в забвение: В программу Коминтерна лозунг этот не был включен. Сталин объяснил этот новый зигзаг с несравненной глубиной: так как нельзя знать, в каком порядке отдельные страны будут совершать свою пролетарскую революцию, то нельзя заранее предвидеть, понадобятся ли Соединенные Штаты Европы. Это значит, другими словами, что прогноз легче делать после событий, чем до них. На самом деле вопрос идет вовсе не о том, в каком порядке революции будут совершаться. На этот счет возможны лишь предположения. Но это не избавляет ни европейских рабочих, ни Интернационал и целом от необходимости иметь ясный ответ на вопрос: как ширять европейское хозяйство из его нынешней разрозненности и как спасти народные массы Европы от упадка и порабощения.

Беда, однако, в том, что экономическое обоснование лозунга Соединенных Штатов Европы проверяет одну из основных идей нынешней программы Коминтерна, именно идею построения социализма в отдельной стране.

Суть нашей эпохи состоит в том, что производительные силы окончательно переросли

рамки национальных государств и приняли, прежде всего в Америке и в Европе, отчасти континентальный, отчасти мировой масштаб. Из противоречия между производительными силами и национальными границами выросла империалистская война. А закончивший ее версальский мир еще более обострил это противоречие. Другими словами: благодаря развитию производительных сил капитализм давно уже не может существовать в отдельной стране. Между тем социализм может и будет опираться на еще более развитые производительные силы: иначе он явился бы не прогрессом, а реакцией по отношению к капитализму. В 1914 году мы писали: «Если бы проблема социализма могла быть совместима с рамками национального государства, то она, тем самым, была бы совместима с национальной обороной». Советские Соединенные Штаты Европы и являются политическим выражением той мысли, что социализм невозможен в отдельной стране. Конечно, он не может достигнуть своего полного развития и в пределах одного континента. Социалистические Соединенные Штаты Европы представляют собою этапный исторический лозунг на пути к мировой социалистической федерации.

Не раз уже бывало в истории, что, когда революция оказывалась не в силах разрешить своевременно назревшую историческую задачу, за разрешение ее вынуждена была брать реакция. Так, Бисмарк по своему объединил Германию после неудачи революции 1848 года. Так, Столыпин пытался разрешить аграрный вопрос после поражения революции 1905 года. Так, версальские победители разрешили по своему национальный вопрос, с которым оказались бессильны справиться все предшествующие буржуазные революции Европы. Гогенцоллернская Германия пыталась на свой лад организовать Европу, т. е. объединить ее под своей маской. Это не удалось. Тогда победитель Клемансо решил использовать победу для того, чтоб разрезать Европу на возможно большее число кусков. Теперь Бриан, вооружившись иглой и ниткой, собирается шить эти куски во-едино, хотя и не знает, с какого коша приступить.

Руководство Коминтерна, и в частности руководство французской компартии, разоблачает лицемерие официального пацифизма. Но этого одного недостаточно. Объяснить курс на объединение Европы одной лишь подготовкой войны против СССР есть совершенное ребячество, чтобы не сказать хуже, и только компрометирует задачу обороны советской республики. Лозунг Соединенных Штатов Европы — не хитрая выдумка дипломатии. Он вытекает из неотразимых хозяйственных потребностей Европы, которые тем острее и болезненнее выступают наружу, чем могущественнее давление Соединенных Штатов. Именно сейчас коммунистические партии должны пацифистской страпне европейских империалистов противопоставить лозунг Советских Соединенных Штатов Европы.

Но у коммунистических партий связаны руки. Жизненный лозунг, с глубоким историческим содержанием, в интересах борьбы с оппозицией вычеркнут из программы Коминтерна.

Тем решительнее этот лозунг должна поднять оппозиция. В ее лице авангард европейского пролетариата говорит своим сегодняшним властям: Для того, чтоб объединить Европу надо прежде всего вырвать власть у вас. Мы это сделаем. Мы объединим Европу. Мы ее объединим против враждебного нам капиталистического мира. Мы сделаем ее могущественным плацдармом воинствующего социализма. Мы сделаем ее краеугольным камнем мировой социалистической федерации.

Л. Троцкий.

4 октября 1929 г.

ПИСЬМО Х. Г. РАКОВСКОГО О ПРИЧИНАХ ПЕРЕРОЖДЕНИЯ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА.

Астрахань, 2 августа 1928 г.

Дорогой товарищ В. В. в ваших «Размышлениях о массах» от 9-го июля, подымая вопрос об «активности» рабочего класса, вы подходите к основной проблеме о сохранении за пролетариатом роли гегемона в нашем государстве. Хотя все требования оппозиции и преследуют эту цель, я согласен с вами, что по этому вопросу не все сказано. До сих пор этот вопрос нами рассматривался в связи со всей проблемой захвата и удержания политической власти, тогда как он должен, для лучшего его освещения, быть выделен, как отдельный самостоятельный вопрос. В сущности сами со бытия его уже выдвинули в этом качестве.

За оппозицией останется та неотъемлемая заслуга перед партией, что она своевременно подняла тревогу об ужасающем понижении активности рабочей массы и об ее все более и более равнодушном отношении к судьбам пролетарской диктатуры и советского государства.

Самым характерным в разлившейся волне скандалов и самым опасным — является именно эта пассивность масс — коммунистических даже больше, чем беспартийных — к проявлениям неслыханного произвола, который имел место; свидетелями которого были сами рабочие. Вследствие страха перед властью имущими, или просто вследствие политического равнодушия, — они проходили мимо без протеста, или ограничивались одним ворчанием. Начиная с Чубаровского скандала, чтобы не возвращаться к более отдаленным временам вплоть до самых последних скандалов: в Смоленске, Артемовке и т. д., слышится один и тот же припев: «давно уже это нам известно».

О кражах, о взятках, о насилиях, о вымогательствах, о неслыханных злоупотреблениях власти, о неограниченном произволе, о пьянстве, о разврате, об этом всем говорят, как о фактах, которые не мешают, а годами были известны, но которые все почему то терпели. Мне незачем пояснять, что когда мировая буржуазия вопит о пороках советского государства, мы можем со спокойным презрением пройти мимо. Мы слишком хорошо знаем «чистоту» нравов буржуазных правительств и парламентов всего мира. Но они нам не указ. У нас дело идет о рабочем государстве.

8567

Теперь никто не отрицает уже тех ужасных разрушений, которые претерпел в рабочем классе общественный индиферентизм.

Таким образом вопрос о причинах его и способах их устранения является самым существенным.

Но что меняет нам теперь в обязанность подойти к вопросу основательно, научно, подтвердить его всестороннему анализу. Это является заслуживающим нашего самого сугубого внимания.

Объяснения, которые вы дадите этому явлению, несомненно, правильны. Каждый из нас их уже давал в своих выступлениях, они нашли уже свое отражение отчасти и в нашей платформе, но все же объяснения и способы, выдвигаемые как выход из этого тяжелого положения, имели и имеют до сих пор случайный эмпирический характер — они не исчерпывают вопроса.

Это происходит по моему от того, что вопрос сам по себе является новым. До сих пор мы имели немало примеров понижения активности рабочего класса, упадочности, доходившей не только до чистой обывательщины, но и до политической реакционности; но такие примеры мы имели, как у нас, так и за границей в период, когда пролетариат еще боролся за политическую власть.

Об упадочности в пролетариате в момент, когда у него в руках находится политическая власть, до сих пор мы не могли иметь примеров по той простой причине, что мы являемся первым случаем в истории, когда пролетариат удержался у власти в течение такого длительного периода времени.

Мы знали до сих пор, что может происходить с пролетариатом, т. е. какие колебания могут иметь место в его настроениях, когда он был классом угнетаемым и эксплуатируемым, но теперь только впервые мы можем уже судить на основании фактов, о переменах в настроении рабочего класса, когда он стал классом правящим.

Такое политическое положение (правящего класса) не лишено опасностей: наоборот, они очень велики; я здесь имею в виду не объективные трудности, вытекающие из общей исторической обстановки: капиталистическое окружение и внешне и мелко-буржуазное окружение внутри страны, а те трудности, которые присущи всякому новому правящему классу, трудности, которые происходят от захвата и применения самой власти, от умения или неумения пользоваться ею.

Вы понимаете, что эти трудности в той или другой степени существовали бы все равно, если даже на минуту допустить, что во всей стране мы имели бы лишь пролетарские массы, и что за рубежом были бы пролетарские государства. Эти трудности можно было бы назвать «профессиональным риском» власти.

На самом деле, положение класса, который борется для захвата власти и класса, который известное время имеет ее в руках — различны и опять-таки я имею здесь в виду разницу не в его отношении к другим классам, а отношения, которые создаются внутри, в самом классе победителя.

Что представляет из себя класс наступающий? Максимальное единство, максимальную спайку. Все цеховые, групповые интересы, не говоря уже о личных, отступают на задний план. Вся инициатива находится в руках самой борющейся массы и ее революционного авангарда, который самым тесным органическим образом связан с этой массой.

Когда класс захватывает власть, известная часть этого класса превращается в агентов самой власти. Таким образом возникает бюрократия. В пролетарском государстве, где капиталистическое накопление не позволено для членов правящей партии, упомянутая дифференциация является сначала функциональной, но потом превращается в социальную. Я не говорю — классовую, а социальную. Я имею в виду, что социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает нартмаксимум, отличается от положения того же коммуниста, работающего в угольных шахтах, где он получает от 50 до 60 рублей в месяц. (Поскольку речь вообще идет о рабочих и служащих, — вы знаете, что они распределены между 18-ю различными разрядами).

Другим последствием является то, что часть тех функций, которые выполняла раньше вся партия или же весь класс теперь переходит к власти, т. е. к некоторому только количеству людей из этой партии, из этого класса.

То единство и та спайка, которая раньше являлась естественным последствием революционной классовой борьбы, может быть теперь сохранена лишь благодаря целой системе воздействий, имеющей целью сохранить равновесие между различными группами того же класса и той же партии и подчинит их основной цели.

Но это есть процесс трудный, длительный, он заключается в политическом воспитании господствующего класса, в его умении, которое должно быть приобретено, держать в руках свой государственный, партийный, союзный аппарат, контролировать их и руководить ими.

Повторяю, это есть дело воспитания. Ни один класс не родился с искусством управлять; оно приобретается только с помощью опыта, делая ошибки, и участь на своих собственных ошибках. Самая идеальная советская конституция не в состоянии гарантировать рабочему классу беспрепятственное применение своей диктатуры и своего классового контроля, если он не умеет использовать предоставленных ему конституцией прав.

Несоответствие между политической способностью данного класса, его умением управлять и теми юридическими конституционными формами, которые он для себя выработывает, захватывая власть, есть исторический факт. Его можно констатировать в развитии всех классов, в частности и в истории буржуазии. Английская буржуазия, например, давала не мало боев, не для того только, чтобы применять больше к своим интересам конституционные формы, но и для того, чтобы она могла беспрепятственно и полностью использовать свои права и в частности, свое избирательное

право. «Пиквикский клуб» роман Чарльз Дикенса содержит не мало спел из этой эпохи английского конституционализма, когда правящая группа при помощи административного аппарата, вываливала в канавы дилжансы с избирателями оппозиций, чтобы они не могли вовремя попасть к избирательным урнам.

У победившей и побеждавшей буржуазии этот процесс дифференциации является вполне естественным, так как сама буржуазия, взятая в самом широком смысле этого слова, представляет из себя ряд экономических группировок и даже классов. Мы знаем крупную, среднюю, мелкую буржуазию; мы знаем финансовую, торговую, промышленную и сельскохозяйственную буржуазию. В связи с известными событиями, как войны и революции, в самой буржуазии происходят перегруппировки, в ней появляются новые слои, начинающие играть самостоятельную роль, как напр., владельцы-покупатели национальных имуществ или так называемые «Нуворини» — новоразбогатевшие, появляющиеся в результате всех более или менее продолжительных войн. Во время французской революции, в эпоху директории эти нуворини являлись одним из реакционных факторов.

Вообще история победоносного «третьего сословия» во Франции в 1789 году чрезвычайно поучительна. Во-первых, оно само по себе являлось чрезвычайно доскутным. Оно охватывало все, что не принадлежало к дворянству и духовенству, таким образом, охватывало не только все виды собственно буржуазии, но также и рабочую и крестьянскую бедноту. Лишь постепенно, после длительной борьбы, многократных вооруженных выступлений в 1792 году создается формальная возможность участия всего «третьего сословия» в управлении страной. Политическая реакция, начавшаяся еще до термидора заключается в том, что формально и фактически власть начинает переходить в руки постоянно уменьшающегося числа граждан. Народные массы постепенно, сначала фактически, а потом и формально, устранены от управления страной.

Правда, здесь напор реакции действует прежде всего по стыкам и по швам этих классовых доскутов, из которых состояло третье сословие. Правда также, что если взять какую-нибудь отдельную буржуазную группу, она не представляет таких определенных классовых контуров, какие имеются, например, у буржуазии и у пролетариата, т. е. между двумя классами, играющими совершенно различную роль в производстве.

Но и во время французской революции, в период упадка, власть действовала не только, раздвигая по линиям стыков и швов шедшие еще вчера вместе общественные группы, объединенные еще вчера одной общей революционной целью, но она разлагала также более или менее однородную социальную массу. Функциональная специализация, выделение из среды данного класса правящей верхушки чиновников создает те трещины, которые будут превращаться в глубокие шели усиливающимся илпором контр-революции, в результате чего, внутри — в самом господствующем классе, возникает противоречие в борьбе.

Современники французской революции, участники ее, а еще больше позднеjšíе историки останавливались на вопросе: что способствовало вырождению якобинской партии?

Неоднократно Робеспьер предупреждал своих сторонников от последствий, которые может повлечь за собою опьянение властью, он предупреждал их, чтобы они, имея власть, не зазнавались, или, как он говорил, не возгордились, или, как сказали бы мы теперь, не заражались бы «якобинчанством». Но, как мы увидим, сам Робеспьер много сделал для того, чтобы власть выскочила из рук мелкой буржуазии, опиравшейся на парижских рабочих.

Мы не будем здесь приводить указаний современников, на различные причины разложения якобинцев, как например, стремление к богатству, участие в подрядах, поставках и т. п. Укажем скорее — как на известный любопытный факт — на мнение Бабефа, который считал, что не мало способствовали гибели якобинцев дворянки, к которым они были очень палки. Он обращается к якобинцам со словами: «Что вы делаете малодушные плебей? сегодня они вас обнимают, а завтра задушат». (Если во время французской революции существовали бы автомобили, то имелся бы «автомобильно-гаремный» фактор, на который указывает т. Сосновский, как на фактор, играющий не маловажную роль в оформлении идеологии нашей советской партийной бюрократии).

Но то, что сыграло крупнейшую роль в изоляции Робеспьера и якобинского клуба, то что оторвало массы от него — и рабоче и мелкобуржуазные, — наряду с ликвидацией всех левых, начиная с «бешеных» эбертистов и Шомега (вообще Парижской коммуны), заключается в постепенной ликвидации выборного начала и замене его назначенством.

Отправка комиссаров в армии и города, где контр-революция поднилась или пробовала поднять голову, являлось делом не только вполне законным, но и необходимым. Но когда постепенно Робеспьер стал заменять судей, комиссаров различными парижскими секциями, бывших до этого выборными; когда он стал назначать председателей революционных комитетов и дошел до того, что все руководство Парижской коммуны заменил чиновниками, то он этим мог только усилить бюрократизм и убить народную инициативу.

Таким образом режим Робеспьера, вместо поднятия активности масс, активность, которую уже подавлял экономический и в частности продовольственный кризис, он только усугублял ею и способствовал работе антидемократических сил.

Председатель революционного трибунала Дюма жаловался Робеспьеру, что он не может найти судебных заседателей для трибунала, так как никто не хочет идти.

Но это равнодушие парижских масс Робеспьер испытал на самом себе, когда в день десятого термидора, раненого и окровавленного его водили по парижским улицам, ищуты не боясь, что за вчерашнего диктатора могут заступиться народные массы.

Смешно, конечно, было бы приписать назначенству падение Робеспьера и с ним пораженные революционной демократии. Но несомнен-

но, что это ускорило действие других факторов, из которых самым решающим являлись продовольственные затруднения, вызванные в большей своей степени двумя неурожайными годами, (а также пертурбациями в связи с переходом от дворянского к мелко-крестьянскому землевладению). Постоянное повышение цен на хлеб и мясо, и нежелание якобинцев вначале прибегнуть к административным мерам для обуздания жадности зажиточного крестьянства и спекулянтов. Но если якобинцы смогли, наконец, решиться, под бурным давлением масс на закон о максимальных ценах, то и он в условиях свободного капиталистического производства и рынка неизбежно являлся только паллиативом.

Перейдем теперь к нашей действительности. Я считаю, что прежде всего следует отметить тот факт, что когда мы оперируем понятиями «партия» и «массы», следовало бы не упускать из виду того содержания, которое вложила в них десятилетия истории.

Ни физически, ни морально, ни рабочий класс, ни партия не представляет из себя того, чем они были лет десять тому назад. Я думаю, что не очень преувеличиваю, если скажу, что партия 1917 года, вряд ли узнала бы себя в лице партии 1928 года.

Глубокая перемена произошла и в анатомии, и в физиологии рабочего класса.

Вот, по моему, на изучение этих перемен и в тканях и в их функциях, следовало бы сосредоточить свое внимание. Анализ этих происшедших перемен должен нам показать и выход из создавшегося положения.

Я на это не претендую, по крайней мере, в настоящем письме. Ограничусь только некоторыми замечаниями.

Говоря о рабочем классе, нужно бы найти ответ на ряд вопросов, как например: какой процент рабочих, занятых теперь в нашей промышленности, поступил в нее после революции и какой процент был занят в ней до революции; какой процент из них участвовал в революционном движении в старое время, участвовал в забастовках, был в ссылках и тюрьмах, участвовал в гражданской войне или в красной армии. Какой процент рабочих, занятых в промышленности, работает там непрерывно, какой временно, какой процент полу-пролетарских, полу-крестьянских там элементов? и т. д.

Если будем опускаться по вертикальной линии и проникать в гущу пролетарских, полу-пролетарских и вообще трудящихся масс, мы натолкнемся не на чуждые слои, о которых очень мало у нас говорят. Я не имею в виду только безработных, явление растущей опасности, которую опять-таки сигнализировала оппозиция, а те нищенские и полонищенские массы живущие на меже между нищотными субсидиями, выдаваемыми государством, нищенством, попрошайством и проституцией.

Мы себе не представляем, кто живет и как живет, может быть, всего в нескольких шагах от нас. Иногда случайно наталкиваемся на явления, которых ты не подозревал и советском государстве, производящие впечатлительное обаяние, который ты неожиданно открыл. Это, конечно, существовало и раньше. Здесь идет речь не о том, чтобы оправдывать советскую власть,

в том, что она не могла оправиться с еще тяжелым наследием царско-капиталистического режима, а о констатировании наличия на теле рабочего класса в наше время, при нашем режиме таких трещин, куда может вбить клин буржуазии.

Раньше, при буржуазной власти сознательная часть рабочего класса увлекала за собой и эту широкую массу вплоть до полулюмпенов. Свержение капиталистического режима должно было принести освобождение всего рабочего класса. Полулюмпенский элемент возлагал на буржуазию и на капиталистическое государство ответственность за свое положение и ждал от революции перемены своего положения. Теперь этот элемент недоволен, его положение не улучшилось, или почти не улучшилось; он начинает относиться враждебно к советской власти, а также и к той части рабочего класса, которая занята в промышленности. В особенности этот элемент начинает относиться враждебно к советским, партийным и профсоюзным служащим. Иногда вы услышите, как они называют рабочую верхушку «Новым дворянством».

Я не буду здесь распространяться о той дифференциации, которую внесла в рабочий класс власть и которую я назвал выше «функциональной». Функция внесла изменение в самый орган, т. е. в психологию тех, на которых возложены различные руководящие задачи в государственной администрации или государственном хозяйстве, он изменился до такой степени, что они перестали быть не только объективно, но и субъективно, не только физически, но и морально частью того же рабочего класса. Например, хозяйственник «Держиморда», хотя и коммунист, хотя и вышедший из пролетариата, хотя, может быть и был несколько лет тому назад у станка, отнюдь не будет воплощать перед рабочими лучшие качества, которые имеет пролетариат. Молотов может сколько угодно ставить знак равенства между пролетарской диктатурой и между нашим государством с его бюрократическими извращениями плюс смоленские насилиники, ташкентские растратчики и артемовские проходимцы. Этим он сможет лишь компрометировать диктатуру пролетариата, не разоружив законное недовольство рабочих.

Если перейдем к самой партии, то здесь, сверх всех тех оттенков, которые мы имеем в рабочем классе, нужно прибавить еще выходы из других классов. Социальная структура партии гораздо более разнообразна, чем структура рабочего класса. Это было всегда так, с той, конечно, разницей, что когда партия жила интеллигентной идейной жизнью она активной революционной классовой борьбой превращала в один общий строй эту социальную амальгаму.

Но, как в рабочем классе, так и в партии, власть вызывает ту же самую дифференциацию, сближая или отдаляя различными социальными доскучами.

Советская и партийная бюрократия — это явление нового порядка. Здесь идет речь не о случайных переходящих фактах, но о видных, индивидуальных фактах, не о прорехах в поведении того или иного товарища, а о новой со-

циологической категории, которой нужно посвятить целый трактат.

В связи с проектом программы Коминтерна я писал Льву Давидовичу между прочим о следующем:

«К IV Отделу (переходный период). Совсем слабо формулирована роль коммунистических партий в периоде диктатуры пролетариата. Наверное эта туманность вокруг роли партии по отношению к рабочему классу и по отношению к государству не случайна. Указано на антитезу между пролетарской демократией и буржуазной демократией; ни слова не сказано о том, что должна сделать партия для осуществления на деле пролетарской демократии. «Втягивание масс в строительство», «переладки собственной природы» (об этом последнем очень любит говорить Бухарин, и между прочим, специально в связи с вопросом о культурной революции) исторически первые и давным давно известные положения, но они превращаются в общие места, если не внесет в них тот оштак, который накопился за десять лет пролетарской диктатуры в СССР. Здесь целиком встает вопрос о методах руководства, играющих такую колоссальную роль.

Но об этом наши руководители не любят говорить, чтобы не обнаружилось, что они сами еще далеки от «переладки собственной природы».

Если бы я должен был писать проект программы для Коминтерна, то в этом отделе (переходный период) посвятил бы не мало места ленинской теории о государстве при диктатуре пролетариата и о роли партии и о партруководстве в создании пролетарской демократии — таковой, какова она должна быть, а не совпартийно-бюрократией, каковая имеется.

Тов. Преображенский обещает в своей книжке — О достижениях пролетарской диктатуры из 11 году революции — посвятить особую главу советской бюрократии. Надеюсь, что он не забудет и партийную, которая еще большую роль играет в советском государстве, чем советская бюрократия. Я выразил ему еще надежду, что он обследует всесторонне это особое социологическое явление. Нет коммунистической брошюры где, говоря о предательстве немецкой социал-демократии в день 4 августа 1914 года, не было бы указано на фатальную роль, которую сыграла бюрократическая, как партийная, так и профсоюзная верхушка в истории сползания немецкой социал-демократической партии. Но о той роли, которую играет наша парт-советская бюрократия в разложении партии и советского государства еще сказано очень мало и в очень общих словах. Это крупнейшее социологическое явление, которое, однако, можно понять и охватить лишь, если рассмотреть его последствия в изменении идеологии партии и рабочего класса.

Вы спрашиваете, что случилось с активностью партии и нашего рабочего класса, куда исчезла их революционная инициатива, куда делись идейные интересы, революционное мужество, плебейская гордость. Вы удивляетесь, почему столь много подлости, трусости, малодушия, карьеризма и многого другого, что и прибавил бы с своей стороны. Как получается,

что люди с богатым революционным прошлым, лично несомненно честные, дававшие неоднократно примеры революционной самоотверженности, превратились в жалких чиновников. Откуда эта безобразная «смердяковщина», по поводу которой писал Троцкий в письме, где говорится о заявлениях Крестинского и Антонова-Овсеенко.

Но если с выходцами из буржуазии и мелкшанства, если с интеллигентами вообще не является неожиданным, то как его объяснить, поскольку речь идет о рабочем классе. Многие товарищи констатируют факт его относительной пассивности — не могут скрыть своего разочарования.

Правда, и другие товарищи видели в известной кампании, в связи с хлебозаготовками симптомы революционного здоровья, доказательство, что в партии живет еще классовый рефлекс. Со всем недовою еще тов. Ищенко мне писал (в тезисах, которые он разослал мне и другим товарищам), что хлебозаготовки и самокритика являются результатом противодействия пролетарской части руководства и партии. К сожалению должен сказать, что это не так и что и одно и другое является верхушечной комбинацией не под нажимом рабочей критики, а исходя из соображения политического характера, иногда и группового, сказал бы «фракционного» — часть верхушки пошла по этой линии. Только об одном единственном нажиме пролетариата можно говорить — о том, который возглавляла оппозиция, но нужно прямо сказать, что он не был достаточным даже для того, чтобы удержать оппозицию в партии, а еще меньше — изменить ее политику. Я согласен с Львом Давидовичем, который, на ряде бесспорных примеров, показывает революционную роль — действительную и положительную, которые сыграли известные революционные движения своим поражением. Парижская Коммуна. Московское декабрьское восстание. Первая обеспечила сохранение республиканской формы управления Франции, вторая начало конституционной реформы в России, однако, эффект побеждающих поражений короткий, если им на помощь не придет новая революционная волна.

Самое печальное — отсутствие рефлекса со стороны партии и масс. В течение двух лет происходила особенно ожесточенная борьба оппозиции против большинства верхушки, а в течение последних 8-ми месяцев происходят события, которые были бы способны открыть глаза самому слепому, между тем вмешательство партийной массы еще не чувствуется.

Политен поэтому проинтересен некоторыми товарищами пессимизма, который я чувю и в наших вопросах.

По выходе из тюрьмы Аббатства, оглянувшись вокруг себя, Бабеф стал спрашивать, что стало с тем парижским народом, с теми рабочими предместьями Сен-Антуан и Сен-Марсо, которые брали Бастилию 14-го июля 1789 года, дворец Тюильери 10-го августа 1792 г. и осадили Конвент 30 мая 1793 года, не говоря о других многочисленных его вооруженных выступлениях, и он резюмировал свои наблюдения фразой в которой чувствуется вся горечь

революционера: «чтобы перевоспитать народ и привязанности к делу свободы, нужно больше, чем что-бы ее завоевать».

Мы видели, почему парижский народ отучился от свободы: голод, безработица, гибель революционных кадров (многие из вождей были гильотинированы), отстранение масс от управления страной. Все это свелось к такому физическому и моральному изнашиванию масс, что народным массам в Париже и в остальной Франции понадобилось 37 лет для новой революции.

Бабеф формулировал свою программу двумя словами: (я говорю о программе 1794 года) «свобода и выборная коммуна».

Я должен сделать здесь одно признание: я никогда не увлекался надеждой, что достаточно появиться вождям на партийных и рабочих собраниях для того, чтобы они увлекли за собой массу в пользу оппозиции. Я всегда смотрел на подобные ожидания со стороны ленинградских вождей (Зиновьев и др.), как на известнейший пережиток тех времен, когда они принимали казенные ордены и апплодисменты за выражение настоящих настроений масс и приписывали их своей мнимой популярности.

Скажу больше: этим я и объясню крутой перелом, который они совершили в своем поведении.

Они перешли в оппозицию, рассчитывая захватить власть в короткий период. Для этой цели они объединились с оппозицией 1923 г., когда кто-то из «беззащитцев» упрекал Зиновьева и Каменева, что они бросили своего союзника Троцкого. Каменев ответил: «Троцкий нам нужен был для правительства, а для возвращения в партию он баласт».

Между тем всегда нужно было исходить из той предпосылки, что дело воспитания партии и рабочего класса — дело трудное и длительное, тем более, что их мозг нужно чистить еще от всех тех засорений, которые туда внесла наша советская и партийная действительность и наша партсоветская бюрократия.

Не нужно упускать из виду, что большинство партийцев (я уже не говорю о комсомольцах) имеет о задачах, функциях и структуре партии самые фальшивые представления, т. е. такие представления, какие им преподает бюрократия своими примерами, своей практикой и своей шпаргалкой. Все те рабочие, которые вступили в партию после гражданской войны и подавляющем своем большинстве — после 23 года (ленинский набор) не имеют никакого представления о том, каков раньше был партийный режим. Большинство этих рабочих лишено классового революционного воспитания, которое приобретает в борьбе, приобретается в жизни и сознательной практике. Раньше это классовое сознание приобреталось в борьбе с капитализмом, теперь оно должно было приобретаться в участии в социалистическом строительстве. Но так как из этого участия наша бюрократия сделала пустой звук, то рабочие его нигде не приобретают. Я исключая, конечно, как ненормальные способы классового воспитания то, что наша бюрократия, познкая фактически заработную плату, ухудшая условия труда, способствуя развитию безработицы, вызывает у рабочих классовую борьбу и

классовое самосознание, но враждебные социалистическому государству.

В представлениях Ленина и во всех наших представлениях задача партийного руководства заключалась именно в том, чтобы предохранить и партию и рабочий класс от разлагающего действия привилегии, преимуществ и побряжек, присущих власти от прикосновения ее с остатками старого дворянства и мещанства, от развращающего влияния нэпа, от соблазнов буржуазных нравов и их идеологии.

На партийное руководство в то же самое время мы возлагали надежды создания нового действительно рабоче-крестьянского аппарата, новых действительно пролетарских профессиональных союзов и нового быта.

Нужно сказать откровенно, отчетливо и громко, что эту свою задачу партийный аппарат не выполнял, что в этой своей двойной охранительной и воспитательной роли он проявил полную неспособность, он провалился, он обанкротился.

Мы давно были убеждены, но последние 8 месяцев должны бы каждому это показать, что партийное руководство шло по самому губительному пути. Оно продолжает и теперь идти по этому пути.

Наши упреки по его адресу не касаются, так сказать, количественной стороны дела, а — качественной. Это нужно подчеркнуть, потому что иначе они опять забросают цифрами относительно бесконечных и всесторонних успехов — и партаппаратов.

Нужно положить конец этому статистическому шарлатанству.

Откройте вы отчет XV-го съезда партии. Прочтите доклад Коссиора об организационной работе, что вы там найдете? Я цитирую буквально: «огромнейший рост внутрипартийной демократии... «Колоссально выросла партийная организационная работа», и т. д.

— Ну, конечно, в подкрепление этого цифры и цифры. И это говорилось тогда, когда в папках ЦК лежали дела, свидетельствующие о страшнейшем разложении партийного и советского аппарата, об удручении всякого контроля масс, о страшнейшем зажиме, гонениях, терроре, играющим и жизнью и существованием партийцев и рабочих.

А вот какая в «Правде» от 11-го апреля дается характеристика нашей бюрократии: «Враждебная, ленивая, бездарная и выскочерная чиновничья стихия в состоянии выгнать всех лучших советских изобретателей за пределы СССР, если мы не ударим по ней в конце концов со всей энергией, решительностью и беспощадностью»...

Однако, зная нашу бюрократию, я не удивлюсь, что где-нибудь снова мы прочтем или услышим об «огромнейшем» и «колоссальном» росте активности партийных масс, об организационной работе ЦК, в насаждении демократии.

Я считаю, что существующая советская и партийная бюрократия будет в дальнейшем продолжать с таким же успехом культивировать вокруг себя глюпики, есмистры на громкие процессы последних месяцев. Не изменится она и от того, что в ней будет произведена чистка: относительную ее полезность и абсо-

лотную ее необходимость, конечно, я не отрицаю. Я хочу подчеркнуть лишь, что вопрос не в изменении только личного состава, но главным образом в изменении методов.

По моему, первое условие для того, чтобы наше партийное руководство могло играть роль воспитательную — сократить его объем и функции. Три четверти этого аппарата должны быть распущены, а задачи оставшейся четверти должны быть введены в строжайшие рамки, в том числе и задачи, функции и права центральных органов. Члены партии должны войти в свои поправные права, получить надежные гарантии против того произвола, к которому нас приучила верхушка.

Трудно себе представить, что делается в низовом партийном аппарате. В борьбе с оппозицией в особенности выявилось его истинное убожество и развращающее влияние, которое оно оказывает на партийную рабочую массу... Если в партийных верхах была еще какая-то идея, хотя и неправильная, хотя и софистическая, с большой дозой недобросовестности линия, то в низах против оппозиции пускались главным образом аргументы неудержимой демографии. Агенты партии не стеснялись здесь выезжать и на антисемитизме и на космофобии и на ненависти к интеллигенции и т. д.

Я считаю утопией всякую реформу партии, которая опиралась бы на партийную бюрократию.

Резюмирую: Константируя вместе с нами, неактивность партийной массы, я не вижу в этом явления ничего удивительного. Она есть результат тех перемен, которые произошли в партии и в составе самого рабочего класса. В кадрах партии и в кадрах профсоюзных приходилось переносить партийную и рабочую массу. Этот процесс сам по себе является трудным и длительным, но он неизбежен, он уже начался. Борьба оппозиции, исключение сотен и сотен товарищей, тюрьмы, ссылки сделали для коммунистического воспитания нашей партии хотя еще и немного, но во всяком случае гораздо больше, чем весь аппарат вместе взятый. В сущности и сравнивать эти два фактора не следовало бы: аппарат тратил оставленный Лениным партийный капитал не только без пользы, но и с вредом. Он разрушал, а оппозиция строила.

Я до сих пор все время рассуждал «отталкиваясь» от тех фактов в нашей экономической и политической жизни, которые подвергнуты анализу в платформе оппозиции. Это я делал нарочно, так как вся задача заключалась в том, чтобы указать на перемены, происшедшие в составе и психологии пролетариата и партии, в связи с овладением самой властью. Это могло придать односторонний характер моему изложению, но без этого предварительного анализа трудно понять происхождение тех роковых политических и экономических ошибок, которые делало наше руководство и в деревенской политике, и в рабочем вопросе, и в вопросе об индустриализации, и в вопросе о партийном режиме, и наконец, в вопросе о государственном управлении.

С коммунистическим приветом
Х. Раковский.

Астрахань 6-го августа 1928 г.

ОТПОВЕДЬ КАПИТУЛЯНТУ

Мы печатаем ниже выдержки из открытого письма т. Ф. Н. Дингельштедта по поводу некоторых изданий. Тов. Дингельштедт, старый член большевистской партии (был членом ЦКР партии в период февральской революции). С 1923 г. он является одним из руководителей оппозиции в Ленинграде. По советской линии он занимал должность ректора Лесного Института. В конце 1927 года тов. Дингельштедт был арестован и после шестимесячного заключения сослан в Сибирь, в гор. Канск, откуда и написано, невиданное, печальное письмо.

Письмо адресовано Харину, члену представительства той прослойки среди капитулянтов, которая не заслуживает другого названия, как карьеристы и двурушники.

Харин в течение 1928 года жил в Париже, работал в Торгпредстве и вел оппозиционную деятельность. Еще 27-го мая этого года он писал в Константинополь: «Вчера я получил от вас бюллетень № 1... Я готов выполнять любую работу, если это нужно». В этом же письме он просит снабдить его связями, адресами для переписки и пр. Незадолго до этого Харин предлагал поехать в Россию для налаживания связей, или, как он выражался, чтоб «установить необходимый нам обмен веществ с Россией». Ни одно из этих писем не содержало и тени идейных колебаний или сомнений. Наоборот, автор выступал в самом непримиримом виде. Это не помешало Харину почти одновременно с писанием вышеупомянутого письма, сдать все имеющиеся у него письма и материалы (в том числе и оригинал № 1 нашего бюллетеня) до начальству. Как совершенно очевидно теперь, его последние письма были продиктованы этой провокационной целью: получить от оппозиции материалы, сдать их куда следует и заработать тем политический капитал.

Это не идейно замутавшийся, опустошенный или усталый? Нет! Это жалкий шкурник, меняющий в 24 часа свою точку зрения и пелая, с идейностью ничего общего не имеющих.

Редакция.

... Я не собираюсь исчерпать все «богатое» содержание твоего «груда», — он постоянно неисчерпаем в отношении всякого рода гнусностей чисто ярославского пошиба; ты явно пытаешься переборщить своего нового учителя, и иногда это тебе удается. Ограничься только несколькими более принципиальными моментами.

Но прежде, чем перейти к отдельным, выдвигаемым тобой вопросам, разреши остановиться на том основном противоречии, которое у тебя также, как и у большинства капитулянтов, выирает на каждом шагу. Доказывая, что политика руководства была и есть ленинская (если бы ты говорил иное — Ярославский не пустил бы тебя в партию), ты тем не менее вскользь выдаешь свою сокровенную мысль, что исправилось — то руководство в действительности только за последнее время. Иначе как, например, понять твоё заявление, что политика ВКП(б) после XV съезда (именно только после XV съезда) вызвала в рядах оппозиции «разложение»? Такого рода постановка вопроса выдает твоё лицемерие с головой...

8573

Переходя к остальному содержанию твоей статьи хочу предварительно предупредить тебя, что я совершенно не согласен с интеллигентско-благодушными мечтаниями Преображенского и некоторых других капитулянтов, которые начинающие проявлять отдельные элементы левого курса готовы отнести за счет внутренней эволюции центристского руководства.

В свое время (примерно, около года тому назад) в споре с некоторыми товарищами я защищал ту мысль, что лидеры руководства (даже сам Сталин) могут быть вынуждены встать на ленинский путь и признать свои ошибки перед партией. За это нынешний радикал Л. Исидоренко окрестил меня тогда ерешиком и обвинил в «справом уклоне», заявляя, что такого рода допущения в корне противоречат подлинной природе центризма и т. д.

Я до сих пор не отказываюсь от этой мысли и допускаю, что недалеко может быть, тот час, когда и Сталин (подобно Зиновьеву в 1926 году) станет перед нами на колени. Но я далек от того, чтобы думать, что Сталин и центризм уже фактически капитулировали перед нашей платформой, и что же достает только внешнего оформления этой нашей победы.

Для этого недостает еще многого. Для этого необходимо, чтобы закончился тот процесс эволюции, на котором вступила партия, заставляя руководство делать ей одну уступку за другой по направлению влево. Ты неспособен, конечно, встать на такую точку зрения. Ты веришь только в самоусовершенствование руководства, а роста активности рабочего сектора партии ты не замечаешь. Отсюда — твои сверхреволюционная, радековская установка в отношении партии, доходившая до признания возможности преаренации ее в арсену борьбы враждебных классов.

А между тем, для большевика-ленинца имеется ряд обнадеживающих признаков. Как оказалось возможным, чтобы партия, в течение ряда лет после Ленина выносившая теоретическое лидерство перерожденца Бухарина и его «школы», вдруг повернулась против своего покла и обратила против него обвинение в кулацком уклоне? И неужели не странно то обстоятельство, что ЦК, все время в борьбе с «троцкистами» возглавлявшийся этим же Бухариным и слепо проводивший его «псевдо-ленинскую» (или, как центристы утверждают — «заполниную — ленинскую») линию, стал понемногу снимать его с руководящих постов?

Ясно, что здесь дело заключается не в доброй воле Сталинских-Ярославских, которые никогда бы не порвали со своим милым «Бухарчиком», так рьяно разделившимися с «троцкистами» и одновременно заполонившим советскую печать кулацкой литературой (вспомни: сталинское: «мы крики Н. Ича вам не дадим»). — если бы на сцену не выступили пламенные требования экономики, если бы классы не заговорили своим настоящим языком.

Разве не ясно, что только под давлением левого сектора партии началась и «проработка» всей той неонароднической макулатуры, которая главствовала в течение ряда лет на страницах «Правды», «Большевика», и других партийных органов (правда, дискуссия с пра-

вами пока что носит характер нерешительного списывания соответствующих мест платформы и контр-тезисов оппозиции, одинаково бичевавших всех кулацких верховодов руководства, долгое время слепо шедших за Бухариным; но и это является несомненной моральной победой ленинского течения в партии).

Дискредитированное своими анти-ленинскими ошибками центристское руководство вынуждено было, чтобы удержаться у власти сдать свои позиции в ряде важных пунктов, вступив из дела, а не на словах только (как было до XV съезда) на путь индустриализации, хотя и проводимой в антагонистической форме, и согласившись скрепя сердце признать ленинский лозунг о борьбе с кулаком в союзе с середняком и опираясь на бедноту (в то время, как до этого не только у Молотова, но и у Сталина именно на отрицании этого лозунга были построены все их обвинения оппозиции и антисередняцком уклоне).

Приоткрыв ряд «клапанов» (по выражению Сталина на апрельском пленуме 28 года), вроде самокритики, выдвиженчества и т. д., руководство таким образом думало заглушить нарастающую волну активности рабочей массы, вводя ее в регламентированное русло административных скорпионов (см. пресловутое постановление о еднородности, ликвидирующее установленную при Ленине конституцию фабрики).

Однако, шутить с массами, встревоженными той реальной угрозой, которая выросла со стороны искорененного и окрещенного в бухаринский период кулачества, можно только до известного предела. Отдав им палец придется пожертвовать и всей рукой.

Примерное к стене руководство думало облегчить свое положение частичной очисткой своих правых колющих. Появилась бесконечная серия «смоленских дел». Понадобились новые и новые жертвы. Пришлось обнажить свои клыки не только в «гнилых местечках» — в Сочи и в Лудорвае, пришлось пойти также до Астрахани и Баку. А теперь очередь — Москве и Ленинграду. Мало было подвергнуть дискредитации стрелочников из совпарата, вынуждены были хвататься и за руководящие парторганы крупных центров.

При этом, если раньше вся процедура таких разоблачений, хотя и имевшая вид всенародного покаяния, носила тем не менее исключительно показной, аппаратный характер с последующим привлечением масс, то сейчас все более нарастающая подлинная «ярость масс» заставляет непредубежденного свидетеля чувствовать, что инициатива и участие пролетариата в деле обнажения ирано-центристских изв принимает все более реальный и действительный характер, угрожающий (по выражению «Правды») «перехлестнуть» через официально поставленные барьеры.

Центристский Фауст сам не знает, как избавиться от вызванного им духа.

«Где были руководящие партийные и профессиональные организации, допускавшие в течение ряда лет подобие безобразия? Почему они спокойно допускали развитие предательства, почему они, на словах признавая ле-

нинскую линию, на деле покрывали распространение правого уклона?»

— Вот недоуменные вопросы, которые, судя по последним ленинградским газетам, все чаще задаются на заводах Ленинграда.

Одно уже то обстоятельство, что масса, несмотря на официально признанный зажим «самокритики», наконец то позволила себе открыто выступать с такого рода вопросами, показывает, что сна выросла на много по сравнению с тем, что было полтора-два года назад, когда нас начинали в ссылке отправлять именно за такие же вопросы.

Последние события вообще ясно показывают, что период внутри-партийной реакции проходит, что мы все быстрее продвигаемся к развязке, которая поставит нас перед лицом наконец то назревшей партийной реформы.

Об этом свидетельствует также растущая снизу волна требований о смене руководства сначала в масштабе отдельных ячеек, затем в масштабе района, а иной раз и выше; и проводимое нередко в стихийном порядке смещение секретарей и иных должностных лиц без согласования с высшими инстанциями.

Такие явления все ближе подводят рабочий класс к завоеванию подлинной внутрипартийной демократии на смену «клапанной» самокритике Сталина.

И вот в такой то момент вылезает со своим интеллигентским самобичеванием Преображенский, в такой то момент высказывает со своей смердяковской клеветой Радек!

А ты, мой бедный Харин, петушком, петушком стараешься их «сдогнуть и перегибнуть» повторяя на новый лад старые напевы гнусной ярославской мелодии.

Неужели ты думаешь, что это созвучно — величественному значению тех дней, когда пролетарский сектор партии мощным напором уже прокладывает себе путь к рулю партийного корабля, чтобы твердой рукой направить его на ленинский путь?

Неужели ты не понимаешь, что с приближением к лону Гоцикманов, Павловых, Пригожиных и прочих Кузовниковых ты запоздал по меньшей мере на пять лет?

Итак, вопреки нытикам и маловерам из децистского и радекистского лагерей, одинаково выбивающимся из сил, чтобы дезориентировать партию, мы видим, что близится коренное изменение обстановки, что не далее уже, может быть, тот день, когда рухнет последнее преграда, мешающие нашей возвращению в партию.

Да стоит только взглянуть в те перемены, которые произошли в недрах руководства, чтобы убедиться в том же, т. е., что лед основательно тронулся.

Тебе не хуже меня известно, кто наиболее резко выступал в роли преследователей и палачей ленинской оппозиции. Где они все эти — Зиновьевы, Каменевы, Бухарины, Рыковы?.. И что случилось с их идейным багажем? — Конечно, их постигла участь не равнодушная: одни меняли свои взгляды, как перчатки, другие, наоборот, в течение этого периода сколо-

тили внутри партии сильную платформу правого уклона, с которой сходят, кажется, не собираются. Но каждый из них внес в дело оправдания нашей точки зрения свою ценную лепту: одни сделали это открытым признанием нашей правоты (не имеет значения их трусливое бегство в решающий момент), другие — заглажи плавленнем своей истинной —правой природы (нет нужды, что часть их оруженосцев притихла пока, прикрываясь защитными красками сталинского «ленинизма»). Сколько раз падал в грязь их антиленинский стяг? Удержит ли его в своих руках Сталин? Сумеет ли ему в этом помочь ренегат Радек?

Да, наконец, что происходит и с самим Сталиным? Опозоренный и дискредитированный собственной ложью и собственными шатаниями он вот уже сколько месяцев вынужден хранить молчание (не важно, что его пока еще выбирают в почетные президиумы, — давно ли и Бухарин перестал в них фигурировать, — недаром в известных партийных кругах злорадно смеются слухи об окончательном уходе Чингиз-Хана).

Упорно продолжает «функционировать» один только, пожалуй, Ярославский, который по инерции, под градом обвинений в кулацком уклоне, но кое-как приспособившись к новым условиям, еще продолжает играть свою старую роль тюремщика лучшей части партии. Но что осталось от всей «красы и гордости» этого рыцаря уже более не существующего Зиновьев-Бухарин-Сталинского блока? Где окружавшие его «стойкие молодые ленинцы», которых Ярославский пахально прошил чуть не в вожжи партии? (конечно, резиновый Астров*) еще продолжает балансировать в редакционном лингвисте «Большевикка», а скользкий, как угорь, Стецкий*) еще цепляется за разлагающуюся верхушку ленинградской организации. Но ведь это уже только жалкие и самые бесталанные последние «блестящие» Ярославско-Бухаринской гвардии!...

Изменения в базе всегда с опозданием отражаются на надстройке. Но в данном случае мы уже имеем значительные перемены в персональном составе верхушки руководства и его идеологического содержания. До полной смены уже, кажется, совсем недалеко. Невозможность ее может быть констатирована с полной определенностью. Здесь совсем не должно нас смущать то обстоятельство, что репрессии Ярославского и его аппарата не с меньшей, если не с большей яростью продолжают обрушиваться на ленинскую оппозицию — (ведь Керенский мобилизовывал свой женский батальон в самом предверии Октября). Ярославский еще одерживает свои победы, но приходится сомневаться укрепляют ли эти победы опустыленный всей партией режим, или, наоборот, уже помогают его исполнять изживать. Эволюция, происходящая внутри руководства, должна отразить процессы уже заканчивающиеся в партии (— я имею в виду оформляющую консолидацию левого крыла).

Правда, в ответ на развитые соображения ты, наверно, не преминешь указать мне с торжествующей усмешкой на «разложение», про-

* Уже их тоже нет. Ред.

исходящее в самой оппозиции, которая потеряла часть своих кадров, капитулировавших перед своими тюремщиками. Да, конечно, здесь тоже должно произойти известное отложение от основного ленинского ядра, оппозиция не может отгородиться от процессов, идущих в партии: скрыто правые и центристские элементы, которые выделяются своей пессимистической установкой, должны уйти. Ясно так же, что они никогда не придут к левому пролетарскому сектору партии, а выметнутся скворцом в правый лагерь (характерной фигурой в этом отношении у нас всегда является Радек, который со своими явно-антииндустриальским уклоном и со своими брадлеровскими симпатиями только по недоразумению называл себя ленинцем).

К тому же очевидно должно быть всем, что здесь большую роль играет и немаловажно сильный нажим материального порядка — не всякий организм выносит такие физические лишения, которым подвергались большевик-ленинцы, заброшенный в тайгу за 200 верст от районного села и 500 верст от железной дороги.

Внутри же руководства происходит гниловатое разложение на основе «победы», одержанной над нами. Это разложение охватывает все сильнейшее господствующей фракции, торжественно попирающей нас ногами, но тем не менее испытывающей урок, не меньший, чем и «разбитая на голову» и объявленная вне закона оппозиция...

Стоило ли полгода или даже больше выискивать заграничей, по-кузовниковски, собирая материалы против Троцкого, чтобы выпустить такой «субъективно-разоблачающий» пасквиль, который тебе любил Астров здесь сила в полдня бы накачал? Только «Большевик», уже сколько лет печатающий ревизионистские произведения Сленкова и его пресмычков, мог бы приютить на своих страницах такой «документ». Однако, даже Ярославский, новизниному, брезгливо отвернулся от твоего писания (тем более, что ты для него все же не Сленков!).

Пришлось тебе, бедняга, отказаться от надежды на следуемые тебе 30 серебрянников построчного гонорара и, пропустив статью через ротатор, полулегально рассылать ее банделерью.

Что же, и это утешение, ведь это открывает тебе дорогу к Радеку!..

...Увы, твоя «богатая» коллекция и здесь не пополнилась сколько-нибудь новым или оригинальным оружием. Все взято на прокат из того же старого ассенизационного обоза Ярославского, с теми лишь пополнениями, которые внес в него Радек...

Поставив себе целью убедить своих бывших товарищей в правоте нынешнего руководства, ты все свои силы направляешь на дискредитацию старика в глазах оппозиции, стараясь доказать, что он заграничей, дескать, стал совсем не тем дорогим нашему сердцу вождем, каким мы его знали дома, что он там продался буржуазии, стал социал-демократом, чуть не фашистом и т. д. Своими грубо-фальсифицированными обвинениями прогнав старика, ты как

бы выражаешь свою сокровенную мысль, что только слепой верой в авторитет вождя держится оппозиция, что достаточно слегка вымарать его углем, и клевета сделает свое дело: «троцкизма» больше не станет. Ты этим выдаешь свое собственное бессилие, равняющееся не по классам и не по идеям, а по лицам и, вернее всего, по собственной персоне.

Твоя неуклюжая каррикатура на Л. Д. не увидела еще пока света даже на страницах «Большевика».

Поэтому, ни один мало-мальски разбирающийся капитулинг не будет прибегать к твоим подпольным услугам. Он предпочтет подать заявление не вслед за тобой (как ты предлагаешь сделать это в своих телеграммах, а просто присоединиться к легально напечатанному заявлению Радека и К-о — это и «почетнее», и... выгоднее. А твои труды, увы, пропадут даром.

Что касается меня, то ты меня, очевидно, плохо знаешь, — не пошел я за Радеком, не пойду и за тобой.

Федор Дингельштедт.

22-IX-29 г.

„Большевики отменяют Воскресенье“

(О непрерывном производственном годе в СССР).

Социал-демократическая печать опять наша повод для ядовитого улюлюканья — большевики отменяют воскресенье! Так демагогически формулируют они переход на непрерывное производство в СССР. И в этом случае, как всегда, они заимствуют формулировки у самых отвратительных черных сил капиталистического мира: попов, антисемитов, религиозно-консервативной обывательщины. Играв на костности и предрассудках отсталых слоев рабочего класса, они думают нажать политический капитал. Но это им удастся так же мало, как в свое время Каутскому эксплуатация сплетни о «социализации женщин» в России. Классово-сознательные рабочие ответят им заслуженным презрением.

Принцип непрерывного производства, разрывающего со старыми традициями «седьмого дня отдыха» не нов. Он диктуется всем развитием производительных сил, ускорением темпа и усложнением производственного процесса и всей жизни современного общества. Не большевики его выдумали и не большевики отменили воскресенье. Железные дороги, почта, телеграф, трамвай и т. д. и в капиталистическом мире не знают воскресенья.

С другой стороны все пытавшиеся конструировать мисленно социалистическое общество — от старых английских и французских утопистов до русского марксиста Богданова — всегда исходили из принципа непрерывного производства. Это наш принцип, принцип социализма.

Поэтому мы принципиально можем только приветствовать переход советской промышленности на непрерывное производство, как дальнейший шаг на пути практического осуществления принципов социализма. Но именно по-

тому, что этот переход по своему значению выходит далеко за пределы организационно-технического мероприятия по работе промышленности: он заслуживает гораздо большего и всестороннего внимания и со стороны его организаторов и со стороны пролетарских масс.

Декоративный главатый перехода на непрерывное производство Ю. Ларин, выдвинул этот вопрос под углом зрения увеличения продукции и сокращения безработицы. Под этим углом зрения главным образом шла разработка его во всякого рода канцеляриях. Но как раз с этой точки зрения на непрерывное производство в первый период (исчисляемый не месяцами) можно возлагать лишь скромные надежды. Необходимость в перераспределении рабочей силы всех квалификаций (включая инженеров, администраторов), дополнительном сырье, дополнительной работоспособности транспорта, ускорения темпа работ по переоборудованию и ремонту производственного аппарата и т. д. представляет собой в условиях советской действительности такую сложную практическую задачу, что заранее нужно считаться с целым рядом неудач, внезапно могущих возникнуть препятствий, задержек и т. д. Кроме того, надо иметь в виду, что часть производственного аппарата советской республики сильно изношена. Дополнительная нагрузка ускорит его техническую «болезнь» и «смерть». С точки зрения производственного эффекта мы имеем здесь конкретный случай «золотого правила механики» (что выигрывается в скорости — теряется в силе). И во всяком случае в расчете на внезапно выскочивший из головы Ю. Ларина (именно Ларина!) вклад 20 проц. увеличения продукции, замедлять темп капитального строительства было бы совершенно недопустимо. Опасность такого рода польток со стороны правых вполне реальна. Против этого надо со всей ясностью предостеречь.

Но если официальные руководители явно переоценивают производственный эффект непрерывного производства (мы подчеркиваем — в первый период), то они еще больше недооценивают культурно-революционное значение этого шага.

Переход на непрерывное производство есть огромный акт культурной революции и, как таковой, он требует целого ряда дополнительных актов ее. Иначе он обречен на неудачу.

Только безнадёжные бюрократы могут думать, что стоит по графику распределить смены, обеспечить за каждым рабочим и служащим каждый пятый день, как день отдыха и — проблема решена. В действительности проблема тут только начинается. Непрерывный производственный год для четырех пятых трудящегося городского населения это лишь одна сторона проблемы. Другая сторона ее это непрерывный год отдыха для меняющейся одной пятой части городских труженников. Организовать этот непрерывный год отдыха, организовать его разумно, перевоспитывая, перестраивая рабочих на новый лад, это подлинная культурная революция, совершение которой диктуется переходом на непрерывное производство. Здесь нет произвольности и темпе ее совершения. Темп культурной революции дан темпом перехода на непрерывное производство.

Переход на непрерывное производство ломает старый уклад быта рабочего. Нет больше воскресенья, когда все отдыхают: и он, и жена и дети и товарищи. Когда весь трудовой город полон обычной воскресной суеты. Теперь все изменилось, все распределено по графикам. Учет вытесняет прежнюю анархию. Здесь таятся большие опасности. Предотвращение их требует перестройки всей работы общественных организаций и учреждений. Все — начиная библиотекой, читальней, клубом и общественной столовой и кончая театром, кино и спортивным кружком должно быть приспособлено к тому, чтобы изо дня в день обслуживать отдых одной пятой трудового города, наполняя его социально-разумным содержанием. Между тем этой стороне проблемы меньше всего внимания уделяет советская печать и партийное руководство.

В классовом обществе — а советское общество тоже классовое — все проблемы, в том числе и культурные, являются одновременно проблемами классовой борьбы. «Каждый день» — «воскресенье» для одной пятой трудящихся будет говорить пролетариат и делать отсюда вывод о необходимости реорганизации работы своих классовых организаций, улучшения своего материального положения, жилищных условий и т. д. Ибо только это может дать реальное содержание формуле «воскресенье».

«Нет больше воскресенья», самоуверенно будет твердить буржуазный спец, отупевший бюрократ, разложившийся аппаратчик. Не идящие классом, заинтересованные только в росте продукции (любой ценой), увеличенных отпусках, похвалах начальства, довольно полученной абсолютной властью «селяноначальника» будут давить они на пролетариат, попытавшись сделать его придатком к непрерывному процессу производства.

«Нет больше воскресенья» будет злобно кричать кулак, подстрекаемый попом и направляющий темную деревенскую бедноту на городских рабочих, рвущих со старым укладом жизни и тем самым углубляющих культурно-бытовую пропасть между городом и деревней.

«Нет больше воскресенья», «Жиды отменили его», ядовито будет шипеть городской контр-революционный антисемит и направлять отсталую, недавно пришедшую из деревни часть рабочих на весь класс, на партию, на советскую власть. Все враги пролетариата получат простую формулу, для своей контр-революционной агитации — нет воскресенья — даешь воскресенье!

В этих условиях обеспечить пролетарскую линию реконструкции производственного процесса может лишь максимальная активность пролетариата. Предпосылки ее лежат в классовой четкой работе партии и профсоюзам. А для этого нужно — сегодня больше, чем когда бы то ни было — восстановление на ленинской основе единства партии и создание подлинного режима пролетарской демократии.

История снова ставит дилемму: либо эти предпосылки будут осуществлены и советская страна преодолена трудности, пойдет по пути насажения социалистической культуры. Либо враждебные пролетариату силы воспользуются его ошибками и пассивностью, чтоб превратить

непрерывный производственный год в непрерывные серые будни со всеми их печальными явлениями.

Переход на непрерывное производство, рвущий с старым времяисчислением, конструирующий новую единицу времени, представляет собой своего рода Рубикон.

**

Почти полтора столетия тому назад бурный налет французской революции одним ударом захотел разорвать нити, связывавшие революционное общество с старым миром. Революция демонстрировала это новым летоисчислением. Больше ей оказалось не под силу. В памяти революционного пролетариата эта эпоха сильнее всего запечатлела две предостерегающие даты: 9-ое термидора и 18-е Брюмера.

Ленинская оппозиция видит свою главную и основную задачу в том, чтобы предотвратить повторение этих исторических дат, в том, чтоб превратить новое времяисчисление в советской республике в новую главу победоносной борьбы пролетариата за свое освобождение.

Я. Грэф.

Письма из С.С.С.Р.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА КАПИТУЛЯНТСТВА.

(Письмо из ссылки).

Посылаю вам образчик радековской паники, дающий психологическое объяснение и его дезертизму. Мне думается, что Р. повторяет свой печальный германский опыт 23 г. В решительный момент им овладевает трусость, и он отдает руководство центристам. На днях пришлось еще некоторые перлы этой болтливой растерянности.

Беседа т.т. ссылных на одной из станций с Радеком по пути последнего в Москву в середине июня 1929 г. (Смыла был болен и оставался в вагоне). Радек: обстановка сейчас крайне трудная, страна переживает 19 год. Положение в ЦК катастрофическое. Правые с центристами готовят друг другу аресты. Право-центристский блок распался и с иными ведется ожесточенная борьба. Правые сильны. Их 16 голосов могут удоняться и утроняться. Хлеба в Москве нет. Растет недовольство рабочих масс, могущее превратиться в возмущение против соввласти. Мы накануне крестьянских восстаний. Это положение заставляет нас идти в партию какой угодно ценой. Наше заявление будет состоять из общей оценки положения в партии, констатирования раскола оппозиции и просьбой о принятии в ВКП. Вопрос: А каково ваше отношение к Л.Д.? Радек: С Л. Д. окончательно порвал. Отныне мы с ним политические враги. Он ревизует Ленина. Почему он вытаскивает перманентку? А если мы завтра пойдем на новые уступки крестьянству, опять он будет пугать нас мужиком, начнет кричать о термидоре? С сотрудином лорда Бивербрука мы ничего общего не имеем. Вопрос: Будете ли вы требо-

вать отмены 53 ст.? Радек: Ни в коем случае! Те, кто пойдут с нами, с них она будет снята сама собой. Но мы 53 ст. не снимаем с тех, кто будет вести подрывную работу в партии, кто будет организовывать недовольство масс. Мы сами себя загнали в ссылки и изоляторы. Та Молодежь, которая теперь пришла в оппозицию ничего общего не имеет с партией, с большевизмом. Это просто антисоветская молодежь. С нею борьба всеми методами! За нами пойдет сейчас 1/3 партийцев, а те, кто останется, ничего общего с большевизмом не имеют. Вопрос: А как объяснить такой быстрый переход даже от ваших томских тезисов? Радек: Произошла партконференция, которая резко повернула партию на ленинский путь, с другой стороны создан «союз большевиков-ленинцев». Это вторая партия, партия контр-революции. Наша платформа блестяще себя оправдала. Из документа борьбы она сделалась платформой партии. Что вы можете сказать против калининских тезисов? Против пятилетки? В связи с этим вопрос о снятии подписи с платформы, приобретает второстепенное значение... — Нам не дали договорить агенты ОГПУ. Они загнали Карла в вагон, обвинив его в агитации против высылки Троцкого. Радек из вагона кричал: Я агитирую против высылки Троцкого? Ха, ха...! Я агитирую товарищей идти в партию! Карл обратился к агенту ОГПУ: не трогайте их! Дайте им образумиться! Не обостряйте отношений. Агенты ОГПУ молча слушали и все дальше отгесняли Карла в вагон. Курьерский поезд тронулся...».

ОТ РЕДАКЦИИ.

Напечатанное выше письмо хорошо известного нам товарища, одного из наиболее выдающихся молодых большевиков, дает замечательно яркую характеристику психологической подоплеку капитулянтства. Наш корреспондент говорит, что в основе ее лежит «трусость». Эта формулировка может показаться упрощенной. Но по сути она верна. Разумеется, дело идет о политической трусости, — личная при этом не обязательна, хотя нередко они довольно успешно совпадают друг с другом. Мы в свое время характеризовали основное качество Радека, как чрезвычайную импульсивность. Это была очень мягкая, очень осторожная, очень снисходительная характеристика, которая, так сказать, откровенно еще Радеку некоторый моральный кредит. Мы не считали нужным торопиться, ибо, даже хорошо зная Радека, не решались предсказывать, на каком этапе импульсивность Радека перейдет в политическое героизмство. Сейчас можно сказать, что этот процесс завершен полностью.

Картина положения, которую нарисовал Радек в своей беседе, есть картина полной безнадежности. Но, что, к счастью, ложная картина. Это картина перепуганного обманителя. Если бы, однако, действительное положение было таким, каким его рисует Радек и оправдание своей капитуляции, то сама капитуляция была бы бессмысленной идиотией. Достаточно хоть на минуту представить себе нарисованную Радеком обстановку и самого Радека в центре. Правые одолевают. Хлеба нет. Все классы не довольны. Радек рвется спасти революцию. Но, увы, спаситель препровождается к месту подков под конвоем агентов ГПУ, и в тот момент, когда он, в

высшем экстазе обличает блок Троцкого с Чемберленом, агенты ГПУ «оттесняют» его в аэрон. У Глеба Успенского есть рассказ о старухе-мещанке, которая вытребокала через полицию по случаю своего сына, чтоб обнять его перед смертью. Радек, который «по случаю» отправляется в объезд Ярославского, воспроизводит рассказ Успенского в политическом масштабе.

Гвоздем беседы Радека является, несомненно, его признание, что наша платформа блестяще оправдала себя. Поэтому? Поэтому от нее можно отречься. Но и марксизм не плохо оправдал себя во всей новейшей истории. Не отречься ли по этому поводу от марксизма?

Смилга накануне капитуляции написал даже прекрасный документ «В защиту платформы большевиков-ленинцев». Платформу Смилга защищал — от Троцкого. Но по особой настойчивой просьбе Ярославского Смилга через несколько недель отрекся от только от Троцкого, но и от платформы.

Как не процитировать тут нашего друга Сосновского, который, вспоминая некий религиозный обряд, рекомендует в таких случаях, наклониться к уху очередного покойника и сказать ему со всей необходимой выразительностью: «прими во внимание, что ты уже умер».

ПО ПОВОДУ «ЗАЯВЛЕНИЯ» ОПОЗИЦИИ (Голос из С.С.С.Р.)

«Заявление» Х. Г. Раковского и других, на мой взгляд, заключает в себе лишние уступки, примирения. Лишние потому, что все равно примиренцев не удержат. Они предпринимают самостоятельные шаги, не считаясь с необходимостью сохранить единство наших рядов. Х. Г. Раковский обратился с предложением к И. Н. Смирнову подождать получения его текста обращения. На днях мы получили от Смирнова телеграмму, в которой он сообщает, что обращение Раковского зашло, что заявление им уже подано и что Ярославский уже «отклонил» его. Богуславский (примиренец) ведет переговоры о созыве совещания. Таким образом, в ЦК подано два заявления. Надо полагать, что если совещание смирновцев в Москве и состоится, то опять будет вытаскана перманентка, отказ от оппозиционных документов — все то, что было в капитулянтском проекте Смирнова. Водоразделом между нами и позицией Смирнова служат вопросы об одобрении генеральной линии, об оценке руководства, вернее — об авансировании ему доверия и о безусловном отказе от фракционной работы. По всем этим вопросам наша линия в окончательном тексте «Заявления» проведена недостаточно четко. Все же думаю, что «Заявление» надо поддержать, так как в основном оно правильно. Ближайший год будет годом проверки центристского руководства. Центристов подхлещивает жестокая необходимость и наличие некоторого сдвига в настроениях масс. Уже имеются признаки перехлестывания полноты «саморитмики». Посмотрим, кто кого перехлестнет, аппарат активность масс, или, наоборот, активность масс аппаратину. Смирнов помогает аппарату поддерживать активность масс, наша же задача — содействовать подъему активности и направлять ее по большевистскому пути.

Недостатком «Заявления» является отсутствие одного из важнейших элементов ленинской стратегии: чтобы проложить дорогу правильной политике, нужно огудить ошибочную. Без этого левый по-

ворот центристов политически не обеспечивается. Это есть тот минимум политических гарантий, который нужен не только нам, но и рабочему классу в целом. Ошибка Смирнова в том и состоит, что он не ставит вопроса о политическом обеспечении поворота центристов. Старую нашу формулу — «поддержка отдельных прогрессивных шагов центризма и критика центризма в целом» — он перепоручивает: «поддержка центризма в целом и критика отдельных шагов». Если последнее отбросить, а оно будет отброшено в ходе переговоров, то это значит, что Смирнов переходит на позиции центра.

Из всех работ старика к нам дошла только одна статья «Жалкий документ». Думаю, что если судить по этой статье у старика нет оснований не подписываться под заявлением Х. Г.

Имеются некоторые друзья, которые к Заявлению не присоединились. Группировки эти небольшие, соберется сорок-пятьдесят человек. Я считаю, что это вытекает из непонимания задачи, которую себе поставил Х. Г. Раковский. Надо учесть следующие обстоятельства: 1) провал легкого поворота будет не малым идейным кризисом и для нас и 2) руководство не будет поворачивать направо, прежде, чем не попытается всерьез проводить левые элементы своей программы. Эти попытки в основном вызваны стихийной необходимостью, а не серьезным марксистским предвидением. Но весьма возможно, что руководство станет на путь серьезных мероприятий в рабочей политике и организации бедноты. Несомненно, повторю, что на этот путь руководство может стать лишь под давлением железной необходимости. Но надо не упускать и этот возможный вариант дальнейшего развития центризма, не забывая и других возможных вариантов, которые были даны стариком еще в прошлом году. Поэтому я считаю позицию Х. Г. Раковского заслуживающей поддержки. В. Д. Кисарова заодно с Раковским. И. Н. Смирнов еще торгуется с Ярославским. Едва ли он сможет выторговать для себя почетную смерть. Наши друзья все бодрее. Большой привет.

Ваш Н.

Сентябрь 1929 г.

ИЗ ПИСЬМА ССЫЛЬНОГО ТОВАРИЩА.

...Какое великолепное средство очистки передовых ленинских кадров представляет эта тюрьма и ссылка! Сколько мусору и балласту, сколько Иудушек и Христосиков избавили от себя нас, благодаря репрессиям Ярославского! Как грустно подумать, что в наших рядах могли быть такие морально и политически сомнительные люди, как Радек, Белбей, Харин и тому подобные. Теперь по крайней мере яснее виден состав людского материала, из которого придется строить остов будущей реформированной партии.

Но куда годится в нашей среде такой паникер, который отход всяких малочернов и трусов расценивает как «катастрофу»? Я считаю, что такие люди для нас, для нашей работы вредны не меньше, чем открытые капитулянты. От них нужно отмежевываться столь же решительно, ибо они в корне извращают нашу установку и искажают перспективы. Мы здесь настроены бодро, с интересом присматриваемся к тому поному, что творится в пар-

тии и страхе. Видим как партия растет, надеемся, что скоро все мы вздохнем с облегчением так же, как и вся партия, увидав Л. Д. снова в наших рядах. Все прошедшее будем вспоминать, как болезненный кошмар.

Привет Вам от всех товарищей по семье. Здесь нас, кроме четырех прошлогодних, которые все нам известны, прибавилось еще одиннадцать — итого 15. Все мы держимся твердо. Кроме того за последние полгода много напали товарищей и разные глупые углы нашего округа: в деревушках и глухих районах сидит человек 60-70. Из них только 7-8 человек интуитировало. (характерно, что среди отколовшихся непомерно большой процент децистов). Премальное большинство старых товарищей бодро занимает старые позиции.

С коммунистическим приветом Ш.

20 сентября 1929 г.

ИЗ ПИСЬМА ОППОЗИЦИОНЕРА.

Х. Г. Раковского перевели с трехлетней надбавкой в Барнауль. И. И. Смирнов подает какое то заявление, но его отвергают. Московские райконференции прошли бледно. На бауманской с докладом выступил опора «трона» Цифранович. После его доклада выступила одна работница и сообщила, что Цифранович являлся с непманами и хлопочет о возвращении одного из них из Солонков. Вот тебе и опора! Вот тебе и боец на два фронта. Заключение слово делал другой. Один из отошедших от нас рабочих сообщает, что его на работу не принимают, и даже пособия по безработице не выдают. Д. выражает резкое недовольство Радеком, который после трудов «праведных» уехал на курорт...

Внутреннее положение кратко расцениваю так: 1) Экономическая инфляция. Нет ни одной пары отращей народного хозяйства, которые были бы увязаны. Спрос по всем видам товаров больше предложения. 2) Социально-классовая инфляция. Размычка между пролетариатом и крестьянством (в том числе и бедняком). 3) Политическая инфляция. Политикой руководства недоулен ни один класс.

Это и есть та тройка, которая мчит нашу страну к кризису.

По вопросам К. И. считаю, что он при теперешнем его руководстве обречен на гибель. Пять-семь лет назад в компартиях Чехословакии, Германии и Франции было 800-900 тысяч членов, а теперь не более 150 тыс. Причины не в стабилизации, а в недомыслии руководства. Тот, кто забывает в теперешний момент вопросы международного движения тот не революционер. К. И. наш — в том смысле, что правые уйдут к с.д., а центристы не сумеют удержать массы.

Надыгающийся кризис в своем ходе настолько обострит все классовые отношения, настолько огорит все классовые интересы, настолько покажет все недомыслие теперешнего руководства, что и рабочий класс и деревенские бедняки, и рабочая часть партии и даже многие из капитулянтов сожмут свои ряды около наших знамен, если, конечно, на них будут написаны последовательно-ясные лозунги. Вот об этом надо сейчас думать и над этим работать.

С продовольствием плохо. Материально нас здорово жмут. Ссылка пайка не дают. В. и И. шнать уже не могут.

22 сентября.

ИЗ ПИСЬМА ССЫЛЬНОГО ОППОЗИЦИОНЕРА.

... И. Смирнов и Мрачковский (с ними Богуславский, Белобородов и Назанян) отделились и подали прошение на «высочайшую» милость. Они, пожалуй, сделают не меньше гнусностей, чем Радек. И все это под «высочайшим» предлогом: Мрачковский говорит, что врут те, которые утверждают, что есть «левый курс». Ничего подобного мол нет. Но прошение все таки нужно подать. — А потом — зинняя спичка до следующего раза. Это по моему чистейшая авантюра. Нельзя обманывать рабочий класс и партию. Это даром не пройдет.

Смысл так характеризует положение и роль капитулянтов: Положение страны катастрофическое; пятилетка едва ли будет выполнена на 60 проц. Нам (т. е. капитулянтам) надо сейчас отступить, т. е. сидеть на милость противника, а потом когда проснутся сытые массы, встать на главе их и сделать их решающим фактором. Мечты «грандиозные», а дела подленькие. Поведение этого господина с марта до июня нечто классическое: пять-шесть салют-мортале и наконец позорнейшая капитуляция. Он начал защитой платформы от... старика, а потом оплевывая ее. В этом фокусе нет ничего оригинального. Так до них поступали все измешники дела пролетариата: Каутский так «защитил» Маркса и марксизм от Ленина и Троцкого. Это не пройдет!

У нас дела были очень бурные. Началось сейчас же после отъезда старика. Теперь это уже прощепный этап. Конечно могут и от нас уйти, но не много. Ссылная ячейка наша крепкая: с нами 17 товарищей, с Смирновым — двое. Что делается в других колониях достоверно не знаю. Но «смирновцы» по всюду в меньшинстве... А в России дела гораздо лучше. Ренегатам жить не дают. Вы, наверно, поняли уроки Баку и Ленинграда. В последнем часу не получились подлинная самкритика. У мастера трясутся поджилки. Это симптомы один, а дела еще впереди. Тогда лавину не остановит ни мастер, ни Радек и К-о...

Да, Ленинград, Баку — это ободряет. Пролетариат не даст себя задушить. И в этот момент лезут — как мухи на мед — не в бой, а в переднюю Ярославского и мастера. Некоторые объясняют свой отход «внутри будет-де плотворнее». Иллюзии! У одних искренились, у других надуманные для самооправдания...

Молодежь меня очень ободряет. К сожалению я могу судить только о местной. Там, на производстве, на поле она наверно не хуже. Ее авангард найдет и проложит себе путь к нам...

О житье-бытье. Большинству из нас всю зиму и все лето работы не давали. Мы заделались строителями. Заработок не плохой. Работаем каменщиками, штукатурами, плотниками и т. д. Нашей работой очень довольны, берут на расхват. Климат отчаянный: засуха, исп стель стгорела, никакой зелени. Бураны ежедневно — ничего не видно от песка и пыли. Едва дышешь. Урожай весь пропал. Картошки нет. Масла не выдать и о нем не слышать. Все вздорожало в 10-15 раз.

С. С.

8580

Проблемы международной левой оппозиции

КИТАЙСКО-СОВЕТСКИЙ КОНФЛИКТ И ПОЗИЦИЯ БЕЛЬГИЙСКИХ ЛЕВЫХ КОММУНИСТОВ.

Я считаю необходимым ответить особо на статью тов. Ван Оверстратена в № 25 «Ле коммунист», по трем причинам: а) вопрос сам по себе имеет решающее значение для определения пути оппозиции; б) бельгийская оппозиция занимает крупное место в наших международных рядах; в) тов. Оверстратен по праву занимает руководящее место в бельгийской оппозиции.

В то время, как в Германии, как и во Франции или Чехо-Словакии левая оппозиция может и должна быть только фракцией, бельгийская оппозиция может стать самостоятельной партией, непосредственно противостоящей бельгийской социал-демократии. Помочь бельгийской оппозиции занять принадлежащее ей по праву место и прежде всего помочь ей обеспечить свое еженедельное издание — есть прямой долг международной оппозиции.

Но тем важнее для всей международной оппозиции линия наших бельгийских друзей в каждом отделенном вопросе. Ошибка «Контр ле куран» имела лишь симптоматическое значение. Ошибка «Ле коммунист» может получить политическое значение. Вот почему я считаю необходимым отдельно остановиться на позиции тов. Оверстратена в советско-китайском конфликте. Я это сделаю, как можно кратче, в виде нескольких отдельных положений, так как главные соображения по этому вопросу я уже развил в своей брошюре «Защита советской республики и оппозиция».

1. Оверстратен пишет: «Утверждение насчет совершившегося Термидора было бы на наш взгляд чудовищным абсурдом. Оно не только было бы худшим заблуждением. Оно совершенно порывало бы с какой бы то ни было возможностью революционного действия».

Это в высшей степени важное положение, которое непримиримо отмежевывает нас от ультра-левых. Здесь у нас с Оверстратеном полная солидарность.

Но Оверстратен не прав, когда считает, что вопрос о Термидоре не имеет прямого отношения к оценке советско-китайского конфликта. Тов. Патри («La lutte de classes») совершенно правильно разоблачает основную ошибку Лузона, который понимает империализм не по Марксу и Ленину, а по... Дюрингу. С марксистской точки зрения империализм есть высшая стадия капитализма и является только капиталистических основах. Для Лузона империализм есть политика «интервенции» и «захватов» вообще, независимо от того, какой режим, при каких условиях и во имя каких целей эти «интервенции» и «захваты» производят. Вот почему, вопрос о классовом определении советского режима является основной посылкой во всем споре. Лузон, как формалист, не

видит этого. Но Оверстратен марксист. Поддержка им Лузона в этом вопросе является явным недоразумением.

2. Тов. Оверстратен поддерживает Лузона и в другой его ошибке. По поводу моего указания на то, что сохранение дороги в руках советов важно не только для охраны русской революции, но и для развития китайской, Оверстратен пишет: «Р. Лузон замечает справедливо, что такого рода действие возлагало бы на Советский Союз элементарную обязанность беспощадной борьбы за освобождение всей Манчжурии от всякого реакционного угнетения».

Другими словами: либо советская республика добровольно отдаст железную дорогу худшему угнетателю Манчжурии, либо же она обязана одним ударом очистить Манчжурию от всякого угнетения. Эта альтернатива ни с чем не сообразна. Если советская республика была достаточно сильна, она, конечно, обязана была бы притти на помощь угнетенным массам Манчжурии и всего Китая, с оружием в руках. Но советская республика недостаточно сильна для этого. Однако, из этого недостатка силы вовсе не вытекает для нее политическое обязательство прямо противоположного характера: добровольно отдать железную дорогу реакционному угнетателю Манчжурии и агенту Якоши, который, кстати сказать, на деле противодействует объединению Китая даже под скипетром Чан-Кай-Ши.

3. Оверстратен пишет: «Предложение простого возращения Восточной железной дороги сразу раскрыло бы китайским массам всю ложность обвинения в красном империализме, выдвигаемого Чан-Кай-Шеком против Советского Союза».

Здесь отдача железной дороги врагу рассматривается с точки зрения пропаганды и наилучших методов разоблачения Чан-Кай-Ши. Но если этот довод расширить, то пришлось бы сказать: выдав все свое оружие буржуазным соседям, Советская Россия лучше всего опровергла бы обвинения в красном империализме. Самое лучшее средство доказать, что ты не на кого не собираешься нападать, это перерезать самому себе горло.

4. Мою «ошибку» Оверстратен формулирует следующим образом: «Он (Троцкий) представляет фиктивную защиту революционных интересов пролетариата Манчжурии на место реальной защиты экономических интересов Советской Республики».

Здесь соединены две неправильные мысли. Во-первых я нигде не рассматривал вопрос с точки зрения особых интересов манчжурского пролетариата. Дело идет для меня об интересах русской и китайской революции в целом. Манчжурия является одним из важнейших и наиболее устойчивых плацдармов китайской контр-революции. Даже Гоминдан Чан-Кай-Ши мог бы стать господином положения в Манчжурии — не формально, а фактически — лишь

посредством войны с северянами. В случае такой войны железная дорога была бы в руках Джан-Сю-Ляна важным орудием даже против буржуазного объединения Китая. В случае же новой, т. е. третьей китайской революции Манчжурия играла бы неизбежно ту роль, какую в русской революции играли Дон и Кубань, или во французской революции Вандея. Этой роли будет, разумеется, подчинена и железная дорога.

Вторая ошибка этой цитаты заключается в том, что в ней говорится почему то только об экономических интересах советской республики на Востоке, которые на самом деле играют третьестепенную роль. Дело идет о положении СССР в международном капиталистическом окружении. Империализм пробует упругость советской республики на разных участках. Каждая такая «проба» ставит или может поставить вопрос: стоит ли воевать из-за китайской дороги? стоит ли воевать из-за Монголии? из-за Карелии? из-за Минска и Белоруссии? из-за Грузии? Стоит ли воевать из-за уплаты царских долгов? из-за возвращения американцам их бывших заводов? из-за признания прав русско-азиатского банка и проч.? Только формалист может делать принципиальные различия между этими вопросами. По существу же это практические вариации одного и того же вопроса: нужно ли в данном случае дать бой или же выгоднее отступить под натиском империализма. Обстоятельства могут диктовать (и уже не раз диктовали) отступления. Но тогда нужно сразу позиции называть вынужденной частичной капитуляцией, не прикрываясь принципом «национального самоопределения», т. е. не превращая нужды в добродетель, как говорят немцы.

5. Главную мою ошибку Оверстратен видит в том, что я ставлю «вопрос о защите СССР даже прежде, чем дал ответ на вопрос о защите мира».

Здесь Оверстратен, к сожалению, совершенно сбивается на пафосизм. Защиты мира вообще не существует, если не считать, конечно, запоздалых откровений господина Бриана о необходимости воспитывать детей в духе любви к ближнему (и к немецким репарациям). Перед революционным пролетариатом советско-китайский конфликт ставит вопрос не о защите мира вообще, — какого мира? на каких условиях? в чьих интересах? — а именно о защите советской республики. Это есть основной критерий. Лишь после этого следует второй вопрос: как обеспечить защиту советской республики в данных конкретных обстоятельствах: путем ли военных действий или путем временного отступления, с целью оградить себя от нападения. Этот вопрос решается примерно так же, как профессиональные союзы решают вопрос о том, пойти ли на уступки капиталистам, урезавшим заработную плату, или начать стачку. Профессиональный союз, если во главе его стоят революционеры, решает вопрос о стачке и зависимости от всей обстановки, которая определяет соотношение сил обеих сторон, но никак не в зависимости от принципа сохранения «индустриального мира». Если подойти к советско-китайскому конфликту с марксистским критерием, то нельзя не признать, что

защита мира вообще так же неприемлема, как и защита индустриального мира, ибо дело в обоих случаях идет о классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией в национальном или интернациональном масштабе.

Если бы Оверстратен просто сказал: «лучше отказаться от китайско-восточной дороги, но сохранить мир», то эту позицию можно бы понять. Конечно, открытым оставался бы вопрос о том, не раздражила ли бы такая уступка аппетиты врагов (их много) и не ухудшила ли бы она еще более положение. Но это вопрос практического учета обстановки, не имеющий ничего общего с философией советского «империализма». Дело шло бы не о том, чтоб выполнить мнимый долг по отношению к мнимой китайской независимости, а в том, чтоб откупиться от врагов. Это значит не ставить защиту мира выше защиты Советского Союза, а лишь считать, что в данных условиях защите Советского Союза лучше всего может быть обеспечена уступкой части его достоинства классовым врагам.

После разгрома китайской революции, при укреплении стабилизации в Европе, война для советской республики особенно невыгодна. В этом не может быть никакого сомнения. Но и противоположной стороне трудно решиться на войну. Чан-Кай-Ши мог бы пойти на нее только при активном вмешательстве мирового империализма. А для этого последнего огромное значение имеет поведение пролетариата, даже отдельных частей пролетариата. Кто кричит: отдайте японскому ставленнику Джан-Сю-Ляну или контр-революционному диктатору Чан-Кай-Ши дорогу, принадлежащую советской республике; кто прикрывает это требование лозунгом «руки прочь от Китая»; кто прямо или косвенно поддерживает обещания насчет красного империализма, тот тем самым меняет соотношение сил к выгоде Джан-Сю-Ляна, Чан-Кай-Ши и мирового империализма, а стало быть при данных условиях практически увеличивает шансы военного столкновения.

6. В первые недели захвата дороги газетные сведения, как и заявления представителей советского правительства позволяли довольно твердо рассчитывать на мирное улажение конфликта. Затяжной характер его, однако, не только сам по себе крайне осложняет положение, но и позволяет думать, что в игре активно участвует третья сила, о роли которой мы пока еще слишком мало знаем. Правильно или неправильно маневрировала советская дипломатия — это вопрос особый. Для решения его в нашем распоряжении нет всех необходимых элементов. Но если она делала тактические ошибки, что вполне вероятно, то не в смысле империалистского нарушения — национальных прав Китая, а в смысле фактической оценки обстановки. Если, как твердо предсказывает «Юманите» в статье от 25 сентября, война разразится еще этой осенью, то последствия ее могут сказаться необозримы. Мы не знаем, каковы истинные «Юманите». Но оппозиция должна быть твердо готова и к такого рода крутому повороту.

Оверстратен кончает статью двумя лозунгами: «За защиту Советского Союза!» «Против сталинизма!». Оба лозунга совершенно пра-

вилны. Так всегда ставила вопрос русская оппозиция. Но это именно и значит, что в случае войны оппозиционеры будут полностью и безоговорочно на стороне Советской республики. И они должны сейчас уже пред лицом рабочих масс непримиримо отмежевываться от всех тех, которые в этом коренном вопросе занимают двусмысленную позицию.

Л. Троцкий.

Константинополь, 30 сентября 1929 г.

ПИСЬМО ИТАЛЬЯНСКИМ ЛЕВЫМ КОММУНИСТАМ

(Сторонникам тов. Амадео Бордига).

Дорогие товарищи!

Я ознакомился с брошюрой «Платформа левой», изданной вами еще в 1926 году, но дошедшей до меня впервые только теперь. Ранним образом я прочитал ваше письмо ко мне в № 20 «Прометея», как и некоторые руководящие статьи газеты, что дало мне возможность обновить после большого перерыва мои более, чем скромные познания в итальянском языке. Эти документы, а также знакомство со статьями и речами товарища Бордига, не говоря о личном знакомстве с ним, позволяют мне до некоторой степени судить о ваших основных воззрениях и о степени нашей с вами солидарности. Хотя для ответа на этот последний вопрос решающее значение имеют не только принципиальные тезисы, но и их политическое применение к событиям дня (об этом снова ярко напомнил нам советско-китайский конфликт), тем не менее я думаю, что наша солидарность, по крайней мере в основных вопросах, идет достаточно далеко. Если я не выражусь уже сегодня более категорически, то только потому, что хочу предоставить времени и событиям возможность проверки нашей идейной близости и взаимного понимания. Я надеюсь, что они скажутся полными и прочными.

«Платформа левой» (1926 г.) произвела на меня большое впечатление. Я думаю, что это один из лучших документов международной оппозиции, во многом сохранивший свое значение и сегодня.

Чрезвычайно важно, особенно для Франции, то обстоятельство, что Платформа во главу угла революционной политики пролетариата ставит вопрос о природе партии, об основных принципах ее стратегии и тактики. За последние годы мы видели во Франции, как для ряда выдающихся революционеров оппозиция послужила только этапом на пути отступления от марксизма — к социализму, тред-юнионизму или просто скептицизму. Почти все они свихнулись на вопросе о партии.

Вы знаете, разумеется, брошюру Лорно, который обнаружил полное непонимание природы партии и ее исторической функции в отношении класса, и скатился к теории тред-юнионистской пассивности, не имеющей ничего общего с идеями пролетарской революции. Его брошюра, представляющая прямую идейную реакцию в лагере рабочего движения, и сегодня еще пропагандируется, к сожалению, группой «Пролетарская революция». Снижение

идейного уровня революционного движения за последние пять-шесть лет не прошло бесследно, для группы Монатта. Подойдя в 1917-1923 г.г. вплотную к марксизму и большевизму, эта группа сделала за последние годы ряд шагов назад, в сторону синдикализма. Но это уже не боевой синдикализм начала нынешнего столетия, представлявший серьезный шаг вперед во французском рабочем движении. Нет, это довольно выжидательный, пассивный и негативный синдикализм, который все чаще впадает в прямой тред-юнионизм. И не мудрено. То, что было в довосином синдикализме прогрессивного влияния в коммунизм. Отступление от революционного коммунизма назад теперь уже неизбежно ведет к тред-юнионизму. Основной бедой Монатта является неправильное отношение к партии и связанный с этим фетишизм профессиональных союзов, которые берутся, как вещь в себе, независимо от их руководящих идей. Между тем, если бы обе французские конфедерации сегодня же объединились и если бы они завтра же включили бы в свой состав весь рабочий класс Франции, это ни на минуту не сняло бы вопроса о руководящих идеях синдикальной борьбы, ее методах, о связи частных задач с общими, т. е. вопроса о партии.

Руководимая Монаттом Синдикалистская Лига есть сама по себе эмбрион партии: она подбирает своих членов не по синдикальному, а по идейному признаку, на основе известной платформы, и пытается извне воздействовать на синдикаты, или, если угодно, «подчинить» их своему идейному влиянию. Это и есть признак партии. Но Синдикалистская Лига является не доведенной до конца, не оформленной партией, которая не имеет ясной теории и программы, которая не осознала себя, которая скрывает свою природу и тем лишает себя возможности развития.

Суварин, в борьбе с бюрократизмом и негодностью официального аппарата Коминтерна, тоже пришел, хоть и другими путями, к отрицанию политической деятельности и самой партии. Объявляя Интернационал и его французскую секцию погибшими, он считает в то же время ненужным и существование оппозиции, так как для нее нет, по его словам, необходимых политических условий. Другими словами, он отрицает необходимость существования партии — всегда и при всяких условиях, как выразительницы революционных интересов пролетариата.

Вот почему я придаю такое значение нашей с вами солидарности в вопросе о партии, ее исторической роли, непрерывности ее действия, обязательности ее борьбы за влияние на все и всякие формы рабочего движения. В этом вопросе для большевика, т. е. революционера-марксиста, прошедшего школу Ленина, уступок быть не может.

**

По ряду других вопросов Платформа 1926 года дает прекрасные формулировки, которые сохраняют свое значение и для сегодняшнего дня.

Так, она с полной отчетливостью заявляет, что так называемые «самостоятельные» крестьянские партии «неизбежно поддаются под влиянием контр-революции» (стр. 36). Можно смело сказать, что в нынешнюю эпоху нет и не может быть исключения из этого правила. В тех случаях, когда крестьянство не идет за пролетариатом, оно идет за буржуазией против пролетариата. Несмотря на опыт России и Китая, Радек, Смилга и Преображенский не поняли этого до сих пор и споткнулись именно на этом вопросе. Ваша платформа упрекает Радека в «главных уступках немецким националистам». Теперь к этому надо было бы прибавить совершенно незаконные уступки китайским националистам, идеализацию сун-г-сенизма и оправдание вхождения компартии в буржуазную партию. Ваша платформа совершенно правильно указывает (стр. 37), именно в связи с борьбой угнетенных народов, на необходимость полной независимости компартий. Забвение этого основного правила приводит к самым губительным последствиям, как мы видели это на преступном опыте подчинения китайской компартии Гоминдану.

Губительная политика англо-русского комитета, которая пользовалась, разумеется, полной поддержкой нынешнего руководства итальянской компартии, выросла из стремления поскорее пересечь с маленькой британской компартии на гигантские трэд-юнионы. Зиновьев открыто формулировал эту мысль на V-м конгрессе Коминтерна. Сталин, Бухарин, Томский, пытались той же иллюзией. Чем они кончили? Тем, что укрепили британских реформистов и ослабили до крайности британскую компартию. Вот что значит играть с идеей партии! Такая игра никогда не проходит безнаказанно.

В советской республике мы видим другую форму ослабления и разрушения коммунистической партии: чтоб лишить ее самостоятельности и независимости, ее искусственно растворяют в сырых массах терроризируемых государственными аппаратом. Вот почему оппозиция, отбирающая и воспитывающая новые революционные кадры, несчисляемые только тысячами, является кровью от которой большевистская партия, тогда как фракция Сталина, формально выступающая от имени полтора-миллионной партии и двух миллионного комсомола, на самом деле подрывает и разрушает партию.

Я с удовольствием констатирую, на основании вашего письма в «Прометее», что у вас с русской оппозицией полная солидарность по вопросу об определении классовой природы советского государства. В этом вопросе ультра-левые, в том числе и итальянские (см. «L'ouvrier communiste», № 1) особенно ярко обнаруживают свой разрыв с фундаментом марксизма. Чтоб решить вопрос о классовой характеристике социального режима, они ограничиваются вопросом об его политической структуре, сводя этот последний вопрос, в свою очередь, к степени бюрократизма и управлению, и прочее. Вопрос о собственности на средства производства для них не существует. В демократической Америке, как и в фашистской Италии бросают в тюрьму, расстреливают или сажают на электрический стул за подготовку к

экспроприации фабрик, заводов и шахт у капиталистов. В советской республике и сегодня еще — при сталинской бюрократии! — расстреливают инженеров, которые делают попытку подготовить возврат фабрик, заводов и шахт бывшим собственникам. Как же можно не видеть этой основной разницы, которая и определяет классовый характер общественного строя? Я не буду, однако, останавливаться дольше на этом вопросе, которому посвящена моя последняя брошюра («Защита советской республики и оппозиция»), направленная против некоторых французских и немецких ультра-левых, которые, правда, не идут так далеко, как ваши итальянские сектанты, но именно поэтому могут оказаться еще более опасными.

**

По поводу термидора вы делаете оговорку о неправомерности аналогии между русской революцией и великой французской. Я думаю, что это замечание основано на недоразумении. Чтобы судить о правильности или неправомерности исторической аналогии, надо ясно определить ее содержание и ее пределы. Не прибегать к аналогиям с революциями прошлых веков значило бы по-просту отказываться от исторического опыта человечества. Сегодняшний день всегда отличается от вчерашнего. Между тем учиться у вчерашнего дня нельзя иначе, как по методу аналогий.

Замечательная брошюра Энгельса о крестьянской войне целиком построена на аналогии между реформацией XVI-го столетия и революцией 1848 года. Чтобы выковать понятие диктатуры пролетариата, Маркс нагревал свое железо в огне 1793 г. В 1903 году Ленин определил революционного социал-демократа, как якобинца, связанного с массовым рабочим движением. Я тогда академически возражал ему в том смысле, что якобинизм и научный социализм опираются на разные классы и пользуются разными методами. Само по себе это, конечно, было правильно. Но Ленин вовсе и не отождествлял парижского плебса с современным пролетариатом и теории Руссо с теорией Маркса. Он брал за скобки лишь общие черты обеих революций: наиболее угнетенные народные массы, которым нечего терять, кроме своих цепей; наиболее революционные организации, которые на них опираются и которые в борьбе с силами старого общества учреждают революционную диктатуру. Была ли эта аналогия закончена? Полностью. Она оказалась исторически очень плодотворной. В этих же пределах закона и плодотворна аналогия с термидором.

Что составляло отличительную черту французского термидора? То, что это был первый этап победоносной контр-революции. После Термидора якобинцы уже могли бы (если вообще могли) вернуть себе власть только при помощи вооруженного восстания. Таким образом, этап Термидора имел в известном смысле решающий характер. Но контр-революция еще не была завершена, т. е. настоящие хозяева положения еще не встали у власти: для этого понадобился следующий этап: 18-ое Брюмера. Наконец, наиболее полная победа контр-революции, с восстановлением монархии, возмеще-

нием феодальным собственникам и проч. была обеспечена при помощи иностранной интервенции и победы над Наполеоном.

В Венгрии контр-революция, после короткого советского периода, победила сразу и полностью, вооруженной рукой. Исключена ли такого рода опасность для СССР? Разумеется, нет. Но такую открытую контр-революцию узнают все. Она не нуждается в комментариях. Когда мы говорим о Термидоре, мы имеем в виду ползучую контр-революцию, которая подготавливается замаскировано и совершается в несколько приемов. Первый ее этап, который мы условно называем Термидором, означал бы переход власти в руки новых «советских» собственников, прикрытых фракцией правящей партии, как было и у якобинцев. Власть новых собственников, преимущественно мелких, не могла бы держаться долго. Либо революция вернулась бы, при благоприятных международных условиях, к диктатуре пролетариата, для чего непременно понадобилось бы применение революционной силы; либо она завершилась бы победой крупной буржуазии, финансового капитала, может быть даже и монархией, для чего понадобился бы дополнительный переворот, а может быть и два.

Таково содержание сопоставления с Термидором. Разумеется, если перейти за пределы аналогий, ориентироваться по чисте внешней механике событий, по драматическим эпизодам, по судьбе отдельных лиц, то можно без труда запутать себя и других. Но если брать механику классовых отношений, то аналогия становится не менее instructивной, чем например, сделанное Энгельсом сопоставление немецкой реформации и революции 1848 года.

На днях я прочитал упомянутый уже выше № 1 журнала «Рабочий коммунизм», издаваемый, очевидно, группой итальянских ультра-левых, отколовшихся от вашей организации. Если не было никаких других признаков, то один этот номер был бы достаточным свидетельством того, что мы живем в эпоху идейного упадка и разброда, которые всегда наступают после больших революционных поражений. Группа, издающая этот журнал, как бы поставила своей целью собрать в одно целое все ошибки пережившего себя синдикализма, авантюризма, левой фразы, сектанства, теоретического конфузионизма, придав всему этому характер какой-то студенческой беззаботности и беззаботной драчливости. Двух столбцов этого издания достаточно для того, чтоб понять, почему эта группа должна была порвать с вашей организацией, как марксистской, хотя сама она довольно забавно старается прикрыться Марксом и Энгельсом.

Что касается официального руководства итальянской партии, то я имел возможность наблюдать его только в Исполкоме Коминтерна, в лице Эрколи. Человек с достаточно гибкой мыслью и бойко привнесенным языком, Эрколи, как нельзя лучше приспособлен для прокурорских или адвокатских речей на заданную тему и вообще для выполнения поручений. Бесплодная казуистика его речей, всегда направ-

ленных в последнем счете на защиту оппортунизма, представляет собою прямую противоположность живой, мускулистой и полнокровной революционной мысли Амадео Бордиги. Не Эрколи ли пытался, кстати, приспособить для Италии идею «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», в виде лозунга итальянского Учредительного Собрания, опирающегося на «рабоче-крестьянские ассамблеи»?

По вопросам СССР, китайской революции, всеобщей стачки в Англии, переворота в Польше или борьбы против итальянского фашизма Эрколи, как и другие вожди бюрократической формации, неизменно занимал оппортунистическую позицию, чтобы затем, при случае, поправлять ее при помощи ультра-левых авантюров. Сейчас, повидному, снова наступил сезон для этих последних.

Имея, таким образом, на одном фланге центристов типа Эрколи, на другом — ультра-левых конфузионистов, вы, товарищи, призваны защищать, в тягчайших условиях фашистской диктатуры, исторические интересы итальянского и международного пролетариата. Я вам от всей души желаю успеха.

Ваш Троицкий.

Константинополь, 25 сентября 1929 г.

Разное

ИЗ АРХИВА ССЫЛКИ.

Мы печатаем ниже для отрывка из писем Н. И. Муралова Л. Д. Троицкому в период VI-го конгресса. Письма эти отражают вчерашний день, но они показывают, как готовился сегодняшний, и потому представляют несомненный интерес. Письма эти, разумеется, не предначались для печати: об этом достаточно свидетельствует их тон.

Тара, /VI-1928 г.

Дорогой Лев Давидович!

Мы ведь знаем, что зиг-заг — хорошая железная борона, но ни к черту негодная политика. Разве теперь думаем иначе? Знаю, что многим хочется думать иначе, но это путь не наш, не ленинский, а зинovieвский, т. е. гнилой...

Каменев и Зиновьев, слабонервные и «не совсем храбрые» срейфилы и «на брэхе пополнили в партию» (буквальная фраза Зиновьева). Как помните, мы с вами отказались от столь неприглядного, не эстетичного, не привычного, не гигиеничного способа вхождения в революционную большевистскую партию. Мы видели в этом зинovieвском способе оскорбление партии, Ленина, нас. Конечно в зиг-загах будут и пострадавшие уральники-чиновники и стрелочники, привыкшие научать, пушкать и не пушкать «беспрекословные» фельдфебели Ротинь, кандидаты в маршалы (жест в ранце), разаратители Моисеенки, фашисты Выдченки и прочие герои безвременья. 107 статья отмена лозунгов «собогащайтесь, накопляйте», казуистика Фомы, Еремы и проч. —

8585

ИКС и проч. «Поворот руля», известный морякам over sight импонирует некоторым товарищам, начинающим проповедывать христианско-голстовское братолюбие...

Трус только не знает, не чувствует, не понимает, как постепенно, хоть и медленно растут симпатии к нам, потому, что всякий видит, как права была оппозиция в своих предсказаниях: как все идет почти по расписанию...

Писать покаяние — умирать буду, а не напишу, четверговать буду — не напишу. Один останусь — не напишу. Мы беспартийные формально. Мы честные работники, будем все, что нам поручат, делать, вкладывать свои сравнительно небольшие знания и большой революционный опыт и специальный опыт и учить других попутно. — в большинстве невежд. Но обывателями, обманщиками нас не сделают. Сего не будет, как не будет того, что Иртыш потечет от Ледовитого океана.

Прилет Н. Муралов.

Тара, 29/VII-1928 г.

Дорогой Лев Давидович!

За 1½ суток до получения телеграммы от вас («послали десятки товарищей» и т. д.) я уже послал телеграмму конгрессу, так как, впервые, Хр. Г. телеграфировал мне о том, что обращение ваше послано, во-вторых, я успел прочесть то, что прислал мне Лева. Ваш текст мне весьма понравился. С нетерпением буду ожидать всего полностью. Знаю, какие для этого существуют технические препятствия, и потому не требую скорой присылки, а запасаясь долготерпением. Пожалуй, в тысячу раз важнее послать его в Москву и Ленинград, чем мне.

Как поступит конгресс? «Жалобная» часть, конечно, останется «без последствий», или с последствиями нового, опирающегося на авторитет представителей всего мирового пролетариата, клеветнического выпада против «изменника и изменников» — ведь состав его обеспечивает этот успех («Ба, знакомые все лица!»). Возможно, что все будут игнорировать — как будто ничего и не было и нет (как в докладе Бухарина); возможно, что передадут ВКП(б). Из вашей критики многое возьмут, но вас же и облают. Ведь на самом деле, только дурак, слепец, невежда не понимают, прочтя их программу, что это программа убогая, не марксистская. Ведь это поразительная вещь с отчетным докладом Бухарина — до чего мелко, путано, поверхностно, не марксистски. Особенно жалкими и обывательскими кажутся объяснения причины живучести социал-демократий и причины неуспеха революции (поражения) в Китае. За то украл у нас все, сказанное им об Англии, им слова не упомянул о ваших трудах за четыре года перед этим, когда Сталин с видом знатока и кандидата в пролетарские пророки написал жалкий фельетон в «Правде» в 1924 г., где доказывал исправоту и ошибку некоторых (!) подгаляющих, что Америка посадит Англию на песок!

Попутно, я вспомнил еще о ваших грехах: плановость хозяйства («сверхплановик») индустриализации страны («сверхиндустриализатор»), «Днепрострой» подобен «граммофону» и

проч. перлы, а затем все пошло, как по маслу: борьба с кулачеством, зажим, треугольник, окулачивание и пр. Подождите чуточку и дело дойдет до «перманентной революции»... Повторю: из вашей критики программы многое и многое возьмут и вас же облают. А если их упрекнуть, то скажут: ничего подобного; или, в крайнем случае: что ж, мы и у противников учимся. Зиновьев это особенно любит, недаром попал в члены Президиума центрсоюза! Кстати, когда я сегодня прочел о таком высоком назначении Зиновьева, так хохотал в одну минуту целых полчаса, так что хозяин квартиры встревожился и, очевидно, заподозрил меня в пристрастии к зелью...

По китайскому вопросу Бухарин как будто, с одной стороны сознался в ошибке, с другой стороны не признался, а с третьей — виноваты стрелочники — наш уполномоченный (Рафес! Почему не Либер?) и киткомпартия, а в общем — победа обеспечена! Что за шарлатанство! Все сделано, чтобы не было победы, а было поражение, и вдруг — победа обеспечена! Конечно, в последнем счете победа, несмотря ни на что победа обеспечена, но пока она обеспечена... Чан-Кай-Ши...

Конгресс венчал в вожди мирового масштаба Сталина, низвел на нет Рыкова, — очевидно пойдет под флагом «левого курса» (не подумайте, ради бога, предупреждал Бухарин, что это полевение произошло под давлением оппозиции). Что то скажет новый «мирового масштаба» вождь? Каким умным словом, каким прозорливым предвидением обрадует он конгресс?

Тщетны ожидания. Мы переживаем полосу «понижения качества продукции»: пных уж нет, а те далеки.

Привет. Ваш Н. Муралов.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР
БЮЛЛЕТЕНЯ БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ

№ 5

Л. ТРОЦКИЙ

**Защита Советской
Республики и оппозиция**

Каков путь Ленинуца? Ультра-левица и марксизм.

Заказы направлять по адресу:

Meichler, 6, Rue de Milan Paris.

Цена 3 франка.

8586

**АДРЕСА ОППОЗИЦИОННОЙ ПЕЧАТИ
ЗАГРАНИЦЕЙ.**

ФРАНЦИЯ.

Еженедельник «La Verité» 45, boulevard de la Villette, Paris, X.

БЕЛЬГИЯ.

Еженедельник «Le Communist» Rue de l'Indépendance, 114. Molenbeek-Bruxelles.

ГЕРМАНИЯ.

«Volkswille» и «Fahne des Kommunismus». Органы Ленинбунда. «Volkswille» выходит 4 раза в неделю. «Fahne» теоретический еженедельник. Adalbertstr, 22 Berlin SO 36.

АВСТРИЯ.

«Der Mahnruf» (двухнедельник). Wien XVIII, Vinzenzgas, 24

«Arbeiter Stimme» (ежемесячник). Wien XII, Scheenbrunnerstr. 236.

СОЕД. ШТАТЫ.

«The Militant» (двухнедельник). P.O. Box 120, Madison-Square station. New-York City

Вышло из печати

Л. Д. ТРОЦКИН

Что и как произошло?

Высказка, политические заключения,
советские перспективы.

В брошюре включены 6 статей, написанных Троцким
для большой прессы.

Цена 5 фр.

Изд. с/я. «Москва» 9 rue, Dupuytren, Paris

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

Bulletin de l'Opposition (Bolsheviks — Léninistes)

№ 7

Писать по адресу: Meichler, 6, Rue de Milan, Paris

Цена
5 фр.

СОДЕРЖАНИЕ:

Л. Троцкий. К 12-й годовщине Октября.
Х. Г. Раковский. О капитуляции и капитулянтах.
Х. Г. Раковский. Политика руководства и партийный режим.
Л. Т. О социализме в отдельной стране и — об идейной прострации.
Н. М. К истории капитулянтских заявлений.
Письма из С. С. С. Р.

Л. Троцкий. Австрийский кризис и коммунизм.
Л. Троцкий. Что происходит в Китае?
Письма из Китая.

ИЗ АРХИВА ОППОЗИЦИИ.

От редакции.
Заседание петербургского комитета РСДРП
(6) 1/14 ноября 1917 г.

Л. Троцкий. Коммунизм и синдикализм.
Л. Троцкий. Принципиальные ошибки синдикализма.

Разное. Письмо австрийской оппозиции, письма в редакцию.
Мы требуем содействия!

К 12-й годовщине Октября

12-я годовщина застигает советскую республику в таком состоянии, когда крупнейшие успехи сочетаются с крупнейшими трудностями, при чем, одновременно растут и те и другие. В этом — главная черта положения и его главная загадка.

Промышленность делала и делает завоевания, небывалые под углом зрения капиталистических масштабов. Гораздо менее значительные, но все же несомненные успехи сделало за последние годы и сельское хозяйство. В то же время мы наблюдаем совершенно парадоксальное явление: на рынке царит жесткий товарный голод, который, несмотря на успехи хозяйства, переходит из года в год, достигая в известные периоды крайнего обострения. Не хватает нужнейших промышленных товаров, несмотря на бурный рост промышленности. Но особенно острый и прямо-таки невыносимый характер получает недостаток сельско-хозяйственных продуктов, несмотря на преобладающий крестьянский характер страны.

Что означают эти противоречия? Они имеют причины двойного рода.

Причины основного характера коренятся в объективном положении экономически — отсталой страны, которая, в силу исторической дилектики первой оказалась вынуждена прийти к диктатуре пролетариата и к социалистическому строительству. Причины второго рода коренятся в ложной политике руководства подавляющегося влиянием мелкой буржуазии, ведущего

конъюнктурную политику, неспособного своевременно понять обстановку и наиболее рационально использовать экономические и политические ресурсы диктатуры.

Советское государство не платит процентов по старым долгам. Оно не несет или почти не несет дани в пользу дворянства, банкиров, фабрикантов и проч. Эти два обстоятельства, особенно, второе, создают сами по себе крупнейший фонд индустриализации страны.

Объединение промышленности и транспорта в руках одного хозяина — рабочего государства, необходимое условие планового хозяйства, открыло неисчерпаемые возможности целесообразного применения сил и средств, а значит, и ускорения хозяйственного роста страны.

Таков гигантский актив октябрьского переворота. Пассивом — не самой революции, а тех условий, в каких она совершилась — являются: низкий уровень капиталистического развития царской России; разпыленный и крайне отсталый характер крестьянского хозяйства; культурная отсталость народных масс; изолированное положение советской республики, окруженной гораздо более богатым и могущественным капиталистическим миром.

Необходимость ежегодно расходувать сотни миллионов рублей на армию и флот является наиболее непосредственным и явным результатом враждебного капиталистического окружения.

Другим последствием его является монополия внешней торговли, которая столь же повелительно навязывается советской республике, как и армия и флот. Упразднение или хотя бы ослабление монополии внешней торговли (Сталин покушался на это под влиянием Сокольников в конце 1922 года) означало бы не только возвращение России на путь капитализма, но и превращение ее в полуколониальную страну. Но нельзя забывать, что монополия внешней торговли означает механическое выключение России из того международного разделения труда, на основе которого совершалось ее капиталистическое развитие. Непосредственным последствием этого явилось — при общем росте хозяйства — чрезвычайное уменьшение внешней торговли. Быстрый рост средств, идущих на индустриализацию, вызывается поэтому, в значительной степени, необходимостью для советской республики самой производить все то, что буржуазной Россией на более выгодных условиях получалось из-за границы. При наличии социалистического режима в других странах, монополия внешней торговли, разумеется, была бы не нужна, и СССР получал бы недостающие ему продукты из более передовых стран на условиях несравненно более выгодных, чем они получались буржуазной Россией. В нынешней же обстановке монополия внешней торговли, абсолютно необходимая для ограждения социалистических основ хозяйства, требует гигантских вложений в промышленность для простого самосохранения страны. Отсюда, при высоком проценте общего роста промышленности, хронический недостаток готовых промышленных изделий.

Распыленный характер крестьянского хозяйства, унаследованный от прошлого, был еще более усилен октябрьским переворотом, поскольку первым его словом была демократическая аграрная революция.

Распыленность земледелия представляла бы серьезные затруднения для социалистического переустройства сельского хозяйства России даже в том случае, если бы пролетариат стоял уже у власти в более передовых странах. Трудности эти во много раз больше теперь, когда страна октябрьской революции целиком предоставлена самой себе. Между тем, крайне медленный темп социалистического переустройства деревни ведет, в свою очередь, к дальнейшему дроблению крестьянских хозяйств, а значит и к усилению их потребительского характера. Это одна из причин недостатка сельскохозяйственных продуктов.

Не меньшее значение имеют высокие цены на промышленные продукты. Этими ценами промышленность должна оплачивать свой переход от отсталых к более высоким техническим формам и в то же время обеспечивать все новые и новые вложения в такие отрасли промышленности, которые стали необходимы в следствии режима монополии внешней торговли. Другими словами: деревня платит большую дань в пользу социалистической промышленности.

Крестьянство строго различает совершение большевиками демократической аграрной революции и заложение ими фундамента социа-

листической революции. Переход в руки крестьян помещичьей и государственной земли — демократический переворот — принес им, путем освобождения от уплаты земельной ренты, около полумиллиарда рублей выгоды. Но крестьяне переплачивают, благодаря ножицам цен, в пользу государственной промышленности, гораздо большую сумму. Таким образом, баланс двух революций, демократической и пролетарской, соединенных в октябре, сводится для крестьянства все еще с минусом в сотни миллионов рублей. Это есть несомненный и притом важнейший факт для оценки не только экономического, но и политического положения в стране. Этому факту надо уметь смотреть прямо в лицо. Он лежит в основе натянутых отношений между крестьянством и советским правительством.

Замедленный рост крестьянского хозяйства, дальнейшее его распыление, высокие сельскохозяйственных и промышленных цен — словом, хозяйственные затруднения деревни создают благоприятные условия для роста кулачества и для завоевания им в деревне влияния, непропорционально большого по сравнению с численностью кулачества и находящимися в его руках материальными средствами. Избытки хлеба, имеющиеся главным образом у деревенской верхушки, идут на закабаление деревенской бедноты, на спекулятивную продажу мелко-буржуазным элементам города и выключаются, таким образом, из государственного оборота. Хлеба не хватает не только для экспорта, но и для внутренних потребностей. Крайне урезанные размеры экспорта ведут к необходимости не только совершенно отказаться от импорта готовых изделий, но и урезывать до крайности импорт машин и промышленного сырья, что, в свою очередь, вынуждает оплачивать каждый шаг индустриализации чрезвычайным напряжением хозяйственных средств.

Таково основное объяснение того, почему, при общем подъеме хозяйства и при чрезвычайно быстром темпе индустриализации, советская республика не выходит из режима «хвостов», который представляет собою самый яркий аргумент против теории социализма в отдельной стране.

Не хвосты являются аргументом также и против официальной хозяйственной практики. Здесь от объективных причин мы переходим к субъективным, т. е. прежде всего к политике руководства. Несомненно, что даже самое правильное и дальновидное руководство не могло бы привести СССР к построению социализма в национальных рамках, отгороженных от мирового хозяйства монополией внешней торговли. Если бы пролетарская революция в передовых капиталистических странах оказалась отсроченной на десятки лет, то диктатура пролетариата в советской республике неизбежно пала бы жертвой хозяйственных противоречий, — в их чистом виде или в сочетании с военной интервенцией. В переводе на язык политики это означает: судьба советской республики при охарактеризованных выше условиях, определяется, как внутренним хозяйственным руководством, так и руководством революционной борьбой международного пролетариата. В

последнем счете решает именно этот последний фактор.

Правильное хозяйственное руководство в СССР означает такое использование ресурсов и возможностей, при котором социалистическое продвижение вперед сопровождается подлинным и осязательным улучшением положения трудящихся масс. Дело идет сейчас практически совсем не о том, чтоб «перегнать» все мировое хозяйство — задача фантастическая, — а о том, чтобы упрочить индустриальные основы пролетарской диктатуры и улучшить положение трудящихся, укрепляя политическую предпосылку диктатуры, т. е. союз пролетариата с неэксплуататорским крестьянством.

Правильная политика в СССР должна как можно дольше сохранять существование диктатуры в условиях изоляции. Правильная политика Коминтерна должна как можно более приблизить победу пролетариата в переломных странах. В известной точке эти две линии должны сойтись. Только при этом условии нынешний противоречивый советский режим получит возможность — без термидора, контрреволюции и новых революций — развиваться в социалистическое общество с расширяющейся базой, которая в конечном итоге должна охватить весь земной шар.

Время, которое является важнейшим фактором политики вообще, в вопросе о судьбе СССР имеет решающий характер. Между тем, нынешнее руководство, начиная с 23-го года делало все для ускорения времени. 1923, 24 и 25 годы прошли в борьбе против так называемой «сверхиндустриализации», под именем которой понималось требование оппозиции ускорить темп промышленного развития; против планового начала и против хозяйственного предвидения вообще. Ускорение темпа индустриализации происходило эмпирически, толчками, с грубой лозкой на-ходу, что чрезвычайно увеличивало накладные расходы строительства и отягощало положение трудящихся масс. Выработка пятилетнего плана оппозиция требовала шесть лет тому назад. Тогда это требование встречалось издевательскими, совершенно в духе мелкого хозяйчика, который боится больших задач и больших перспектив. Мы это называли меньшевизмом в экономике. Еще в апреле 1928 года Сталин утверждал, например, что днепровская гидроэлектростанция нам также мало нужна, как граммофон мужику, и наряду с этим начисто отрицал зависимость темпа нашего хозяйственного развития от развития мирового.

Пятилетний план явился с запозданием на пять лет. Ошибки, перестройки и поправки последних лет происходили вне общего плана, и по этому одному немалому научили руководство. Нельзя тут же не напомнить, что первый набросок пятилетнего плана, изготовленный в 1928 году, был полностью пропитан духом крохоборчества, минимализма, хозяйственной трусости. Этот проект подвергнут был беспощадной критике в платформе оппозиции. Только под действием нашей критики, опиравшейся на живые потребности хозяйственного развития, пятилетний план был в течение года перестроен с начала до конца. Все доводы против

«сверхиндустриализации» были внезапно отброшены. Аппарат, работавший в течение нескольких лет в духе хозяйственного меньшевизма, получил приказ признать ересь все, что вчера считалось священным писанием и наоборот, превратить в официальные цифры те ереси, которые вчера назывались «троцкизмом». Аппарат — и коммунисты и специалисты — был к этому заданию совершенно не подготовлен: он воспитывался в прямо противоположном духе. Первые попытки сопротивления или робкие требования объяснений встречали сейчас же суровую кару. Да и как иначе? Допустить же объяснения значило бы раскрыть, что руководство идейно обанкротилось, потеряв все свои теоретические предпосылки. Аппарат молча подчинился и на этот раз. Руководитель плановой работы приписывают такую формулу: лучше стоять (т. е. выступать) за высокий темп развития, чем сидеть (в тюрьме) — за низкий».

Если новый план вырабатывался из-под палки, то не трудно себе представить, на какие сопротивления он будет наталкиваться при своем проведении со стороны того самого аппарата, девять десятых состава которого правее всех официальных правых. Левое крыло, с платформы которого составлены основные идеи нового пятилетнего плана, продолжает тем временем пребывать под градом репрессий и клевет. Аппарат живет в ожидании новых перемен и поворотов, не решаясь даже призвать на помощь союз деревенской бедноты. Партия становится каждый раз перед совершившимся фактом. Аппарат ей не верит и боится ее. В этих условиях никто не видит в новой пятилетке выражения продуманного и сколько-нибудь обеспеченного левого курса. Никто, кроме кучки капитулянтов.

То же самое приходится сказать в отношении политики Коминтерна. От союза с Чан-Кай-Ши, от теории «блока четырех классов», от лозунга рабочие - крестьянские партии, от дружбы с генеральным советом, зарезавшим всеобщую стачку, Коминтерн в 24 часа перешел к лозунгу: никаких соглашений с реформистами, борьба против социалфашизма за овладение улицей. Новый острый зигзаг построен на теории «третьего периода», как бы специально приуроченной для всякого иллюзий, поощрения авантюры и подготовки нового очередного поворота — вправо.

12-ая годовщина Октябрьской революции застала таким образом и советскую республику и Интернационал среди величайших трудностей и противоречий, которые, методом от обратного, доказывают правильность марксистской теории социалистической революции. Вместе с Лениным мы входили в Октябрьскую революцию с глубоким убеждением в том, что переворот в России не может иметь самостоятельного и законченного характера. Мы считали, что он является лишь первым зыбком мировой революции, при чем судьба этого зыбка решается судьбой всей цепи. Мы остаемся на этой позиции и сейчас. Успехи социалистического строительства растут вместе с его противоречивыми, и успехи были бы неизбежно поглощены противоречиями, если б советская респу-

блика не была поддержана в дальнейшем успехами международной революции.

Исключение из партии и свирепые преследования революционного крыла в Советской республике является ярким политическим выражением противоречий изолированной пролетарской революции в отсталой стране. Как ни парадоксален тот факт, что Беседовские — а им нет числа — сперва исключают Раковских, а затем переходят при подходящей okazji к белым, — факт этот тем не менее закономерен.

Спиноза учил: «не смеяться, не плакать, а понимать». Понимать, чтобы и дальше бороться за Октябрьскую революцию.

13-й год будет годом обострения противоречий. Обессиленная и притупленная партия может оказаться застигнутой врасплох. При первой большой трудности Беседовские всех родов оружие поднимут голову. Центристский аппарат покажет, что он аппарат и — ничего более. Пролетарскому ядру понадобится руководство. Его сможет дать только закаленная в борьбе коммунистическая левая.

Мы встречаем 13-й год в ссылках, в тюрьмах, в изгнании, но мы встречаем его без малейшего пессимизма.

Принцип пролетарской диктатуры вошел в историю прочно. Он показал гигантское могу-

щество молодого революционного класса, руководимого партией, которая знает, чего хочет, и умеет сочетать свою волю с ходом объективного развития.

Эти 12 лет показали, что рабочий класс даже отсталой страны не только может обходиться без банкира, помещика, и капиталиста, но и способен сообщить промышленности гораздо более быстрое развитие, чем она знала при господстве эксплуататоров.

Эти 12 лет показали, что централизованное плановое хозяйство имеет неизмеримые преимущества над капиталистической анархией, хотя бы и представленной могущественными трестами, борющимися между собой.

Все эти завоевания, все эти примеры, все эти уроки неизблемы. Они вошли в сознание и в практику мирового рабочего класса навсегда.

Мы ни в чем не раскаиваемся и ни от чего не отказываемся. Мы живем теми идеями и настроениями, какие двигали нами в дни Октября 1917 года. Через временные трудности мы глядим вперед. Каковы бы ни были излучины реки, она течет к океану.

Л. Троцкий.

Константинополь.
17 октября 1929 г.

Х. Г. РАКОВСКИЙ О КАПИТУЛЯЦИИ И КАПИТУЛЯНТАХ

Одновременно с выработкой Заявления Раковского, Онуджавы и Коссиор разработали обширные принципиальные тезисы, в которых характеризуют положение в стране и в партии определяя смысл и задачи Заявления 22 августа. Эти тезисы в рукописном виде получили широкое распространение в ссылке и в стране. С значительным запозданием до нас дошло два экземпляра заключительной главы тезисов, представляющей во всех отношениях замечательный документ. Ввиду его обширных размеров мы можем его дать здесь только в выдержках.

Так как некоторые очень «радикальные» критики видели в Заявлении Раковского и др. чуть ли не капитулянтство, то мы прежде всего даем здесь ту часть тезисов, где Раковский характеризует капитулянтов (Радек, Преображенского и Смилгу) и капитулянтское течение вообще.

Уход капитулянтов из оппозиции послужил толчком к оформлению того кризиса, который назревал в оппозиции (массовые аресты, повсеместные провокации, изолятор, тяжелое материальное положение ссылки, вследствие сокращения на половину пособия, изгнание Л. Троцкого, и пр., с другой стороны, некоторый разброд, вызванный среди оппозиции «левым курсом» центристской верхушки). Без жестоких репрессий левый курс толкнул бы в ряды оппозиции цоных сторонников, так как он означал идейное банкротство центризма. Но так же верно сказать, что без нового курса — репрессии не имели бы того эффекта, которого они достигли. «Левый курс» сыграл роль фигурного

листка центристского разложения и оппортунизма.

Излишне давать характеристику репрессиям. Отметим лишь, что они не только выразились в открытом насилии, но и в лишении оппозиции «элементарных прав переписки и в той своеобразной «технической помощи», которую ГПУ оказывало капитулянтам, доходившей до того, что аппарат сам, но крайней мере в некоторых местах распространял документы капитулянтов. Некоторые капитулянты, оставаясь в оппозиции, действовали по инструкциям аппарата (Ищенко) или по предварительному согласию с ним (переговоры Преображенского с Ярославским и Преображенского с Орджаникидзе, о том, что «обстрел» оппозиции будет происходить с двух берегов: центристского и капитулянтского). Оппозиция была взята между двух огней. Пресловутая «свобода переписки» сводилась фактически к реальной свободе для одних лишь капитулянтов и к отлученной «свободе» для левой оппозиции. Но нужно еще заметить, что и здесь применятся своеобразная дифференцированная почтовая политика: документы капитулянтов не допускались к таким товарищам, со стороны которых можно было ожидать решительного отпора. Ответы на капитулянтские документы изымались целиком.

Идейный кризис начался еще в апреле прошлого года. Зачинщиками «переоценки ценностей» выступили Преображенский и Радек, первый — с известной последовательностью, второй, по обыкновению, шляя и делая прыжки от самой левой позиции на самую правую и обратно. Радек, между прочим, осуждал Преображенского за его переговоры с Ярославским.

Преображенский писал и говорил примерно следующее: «Центристское руководство начина-

ет выполнять одну часть платформы, ее экономическую часть, что касается политической части платформы — ее осуществит сама жизнь. Оппозиция выполнила свою историческую миссию, она исчерпала себя: Она должна вернуться в партию и положиться на естественный ход вещей».

Таким образом, вопрос о понимании платформы создал два лагеря: революционный, ленинский, борющийся за осуществление всей своей платформы, как раньше партия боролась за всю программу, и оппортунистски-капитулянтский, выражающий готовность удовлетвориться «индустриализацией» и колхозным строительством; не задумавшись над тем, что без осуществления политической части платформы, все социалистическое строительство может полететь вверх тормачками.

Оппозиция, вышедшая из партии, не свободна в известных своих частях от недостатков и навыков, которые аппарат воспитывал годами. Она не свободна, прежде всего, от некоторой доли обывательщины. В особенности, бюрократический агализм живуч у тех, которые стояли ближе к вершине в самой партии или в советском аппарате. Она заражена отчасти фетишизмом партиялизма и противоположность верности партии, ее идеям, ее исторической задаче, — верности, присущей лишь тем, которые и дальше хотят бороться за реформу партии; она не свободна, наконец, от той вреднейшей психологии фальсификаторов ленинизма, которую воспитал так же аппарат. Поэтому каждый капитулянт, ударяя из оппозиции, не презрел лигнуть Троцкого спонси — подкованным Ярославско-Радековскими сводилим — копытцем. При иных условиях это аппаратное наследие было бы легко изжить. В теперешних условиях тяжкого нажима оно выступает на теле оппозиции в виде капитулянтской силы. Отсея непредсказуемых до конца платформу, мечтающих о спокойном уюте, напавши прикравивающихся при этом желании участвовать в «грандиозных боях», был неизбежен. Больше того, этот отсея может внести оздоровление в ряды оппозиции. В ней останутся те, которые не влият в платформе своего рода ресторанный карточкой, из которой каждый выбирает блюдо по своему вкусу. Платформа была и остается босяком знаменем ленинизма, и лишь полное ее осуществление выведет партию и пролетарскую страну из тупика, и который их загнало центристское руководство.

Кто понимает, что именно борьба оппозиции есть тот «грандиозный бой», от исхода которого зависит будущее социалистического строительства, судьба советской власти, мировой революции, тот своего поста не покинет.

В тезисах капитулянтов лейтмотивом повторяется одна и та же мысль: нужно вернуться в партию. Человек, не знающий истории нашего исключения из партии, может думать, что мы сами вышли из нее и добровольно отирались в ссылке. Ставить такой вопрос, значит переносить ответственность за наше пребывание в ссылке и нахождение вне партии с право-центристского руководства на оппозицию.

Мы были в партии и желали оставаться в ней и тогда, когда право-центристское руковод-

ство отрицало самую необходимость составления какой бы то ни было пятилетки и спокойно подгакивало «врастание кулака в социализм». Тем паче хотим мы быть в партии теперь, когда в ней происходит — хотя бы в одной ее части — левый поворот, и когда ей предстоит выполнить гигантские задачи. Но перед нами стоит вопрос совсем иного порядка: согласны ли мы сойти с ленинской линии в угоду центристскому оппортунизму? Самый большой праг пролетарской диктатуры — бесчестное отношение к убеждениям. Если партикуловодство, уподобляясь католической церкви, которая у ложа умирающих атеистов, вынуждает обращение на путь католицизма, вымогает у оппозиционеров признание в мнимых ошибках и отказ от своих ленинских убеждений, теряет тем самым всякое право на уважение к себе, то и оппозиционер, который в течение почти десятилетия свои убеждения, заслуживает лишь полное презрение. Эта практика развивает шумливое, легкомысленное, скептическое отношение к ленинизму, типичным представителем чего, опять-таки стал Радек, щедро разбрасывавший направо и налево свои обывательские афоризмы насчет «умеренности». Щедринские типы вечны. Их воспроизводит каждая эпоха общественно-политического упадка, меняя только их исторические костюмы.

Один из любимых приемов капитулянтов — сеять панику, изображая теперешнее положение в стране, как «предкризисное» выражение Преображенского). По дороге в Москве на Ивановском вокзале Радек представлял борьбу между правыми и центром подобно тому, что происходило в Конвенте накануне 9-го термидора. Он говорил: «они друг другу готовят аресты...» Радек указал еще, что правые могут захватить большинство в ЦК и ЦКК, хотя на примерно 300 членов и кандидатов правые на последнем пленуме собрали не больше дюжины голосов. Те же самые люди, которые утверждают, в своем заявлении от 13 июля, что центристское руководство окончательно предупредило сползание или «скат» (как деликатно они выражаются, чтобы сберечь девственную стыдливость руководства) говорят, как видим, в других случаях совсем обратное. Чему верить? Но если даже принять первую гипотезу, следует ли отсюда, что мы должны принести ленинизму в жертву центристскому оппортунизму? Конечно, нет! Радек это отчасти понимал и в краткие периоды идейного просветления. В прошлом году, после польского пленума ЦК, он писал Раковскому в Астрахань, что Сталин сдал полностью позицию, что правые захватят власть, что термидор на пороге, и то, что должна делаться ленинская оппозиция, это сберечь теоретическое наследие ленинизма. Политик должен учитывать возможные варианты событий в будущем, но его тактика превратилась бы в рискованный авантюризм, если бы он ее строил лишь на смутных предположениях. Насколько это недопустимо, показывает следующий небольшой пример: Ив. И. Смирнов предполагал, что ЦК, ввиду тяжелого положения страны, не будет требовать от тройки капитулянтского документа. Но увидев, что переговоры затягиваются, И. Смирнов пишет в открытке от 12 июля: «думаю, что облет-

чение кризиса (урожай) сыграло здесь определенную роль». Между прочим сами капитулянты распространяют слухи о примиренческих настроениях у центристской верхушки к правым в связи с тем же хорошим урожаем. Вряд ли и эти настроения прочны. Ликвидация правых вождей, снятие их с руководящих постов представляется делом решенным.

Центристская верхушка расчистила себе дорогу слева и справа для маневрирования. Если она решится на новый сдвиг вправо устранение правых вождей боится ее от потери власти. Точно так же ей необходимо устранение левой оппозиции: устранить политическую группу, которая могла бы возглавить деловое течение в партии и которая теперь в частности борется против бюрократического способа рационализации за счет рабочего класса. В ответ на вопрос о Тройке Радек сказал в Ишиме: «нам придется, может быть, идти на уступки крестьянам, а Тройский будет обвинять нас в термидорианстве». Следует ли предполагать, что до наостренного уха Радека дошла уже какая-либо слухи, или желая угодить сокровенным желанием центристского руководства, этот политический «комсомолец» авансом кричит «всегда готов»? Никто не может ручаться, что центризм не переместится в случае новой хлебной стачки, напротив, это даже очень вероятно: со 107 ст. против кулака — на нео-нэл.

Заявление тройки от 13 июля представляет собой фальшивый и оппортунистический документ. Одна его часть является продолжением той борьбы, которую уже в течение года и особенно в последние месяцы, вела тройка, распространяя ложные представления о господствующей в оппозиции взглядах. Возводи на Тройского и оппозицию обвинение будто бы они утверждают, что у власти не рабочий класс, что Тройский производит «ревизию ленинизма» и оппозиция в целом идет к созданию второй партии — тройка капитулянтов тем самым снабжала партруководство новым оружием для дальнейших репрессий против оппозиции. Другой своей частью заявление от 13 июля пытается реабилитировать не только большинство Ц.К., но и всю политику право-центристского блока, способствовавшая укреплению классового врага, изображаемая теперь, как ленинская; наоборот, политика ленинской оппозиции, оказавшая прямое влияние на исправление, хотя бы и частичное, линии партии — представлена, как антиленинская. Заявлением от 13 июля тройка открыто вернула на путь той софистики ленинизма, которой занимается большинство.

Вместо марксистской дискуссии вокруг конкретных изменений, которые произошли в советском государстве (и ее экономических, политических и правовых учреждениях и в соотношении классов и стране) за период ее существования, капитулянты открыли метафизический спор вокруг «природы» и «сути» пролетарской диктатуры вообще. Они уподобляются метафизикам, схоластам и софистам, переделывающим из

пустого в порожнее, против которых постоит каждая страница и каждая строка из сочинений Маркса, Энгельса и Ленина. Этот никчемный с точки зрения исторического материализма спор преследовал, однако, определенную практическую цель. Бесцеремонно искажая тексты, взятые из документов своих противников, подменяя систематически понятия «центризма», «центристская верхушка», словами «советская власть», «пролетарская диктатура», со ступеньки на ступеньку капитулянты хотели прийти к тому, чтобы объявить центризм стопроцентным ленинизмом. Иначе, как теоретическим подлогом такой способ полемики назвать нельзя.

В своем документе капитулянты пишут: «Мы упустили из виду (1), что политика Ц.К. была и остается ленинской». Спрашивается, как же она «была» ленинской, когда наполовину эта политика делалась правыми, на борьбу с которыми капитулянты призывают в том же документе? Но от людей, ставших на путь идеальной капитуляции, нельзя требовать, чтобы они уныли концы с концами. Тройка еще до подачи заявления подготовила товарищей из ссылки к своей «эволюции». Уже в письме Радека от 21-V в Барнаул исчезает слово «центризм» и вместо него появляется «сталинское ядро», которое, оказывается, левее рабочего сектора партии. В документе «Вопросы и ответы» — комментарии к тому проекту заявления, с которым Преображенский уехал в Москву, — слово «центризм» фигурирует уже в кавычках. Подобная пороги ЦКК, Преображенский растерял как камешки, так и само слово вместе со своим проектом заявления. Утверждают, что этот проект был составлен в единственном экземпляре. Вероятно, Преображенский не хотел оставлять материальных следов тех быстрых метаморфоз, на которые обречена была его социологическая «природа». Не осталось ничего и от героических поз, которые принимал против центризма Смирля, на пути из Минусинска в Москву.

Основным спором между капитулянтами и ленинской оппозицией был и остается центризм. Изначал, не помнящим родства, нужно показать, как его определяла платформа. Центризм, как свидетельствует его название, является течением межумочным, не отражающим последовательно ни интересы пролетариата, ни интересы буржуазии. Центризм отличается эклектизмом. Он ввел в коммунизм собственные идеальные суррогаты, вроде построения социализма в одной стране, безконфликтного развития социалистического хозяйства, усреднявание деревни, и т. п. измышления. Платформа считала, что базой центризма являются «управленцы» — партийная и советская бюрократия, все более и более отрывающаяся от рабочего класса, стремящаяся к несменяемости, а по Преображенскому и «Вопросах и ответах» и к потомственности.

Третья особенность «аппаратно-центристской группы» заключается, на основании платформы, в стремлении «подменить собою партию»; в захвате и свои руки все больше и больше власти; в несовершенном и презрительном отношении к массам — особенно к неквалифицированным рабочим и батракам; в нетерпимости

дискуссий и преследовании левой оппозиции («огонь налево»).

Бессильные бороться с ленинской оппозицией при помощи платформы, понимая, что метафизической эквилибристикой вокруг «сути власти» нельзя приобрести в значительном числе сторонников, капитулянты пустились на клевету — излюбленное средство всякого теоретически битого течения. Они обвиняли Троцкого в заигрывании с «идеями» восстания и «идеями блока с правыми». Двойное лицемерие, когда такие обвинения идут со стороны людей, которым известна полная и всегдашняя лояльность Троцкого не только к советской власти, но и к политическим противникам по партии. С их стороны такого рода обвинения являются деморгиическим приемом для того, чтобы прикриты свои собственные симпатии к правым. Это относится в особенности к Радеку, который уже уличен в том, что, находясь в ссылке, он не скрывал своих симпатий к брандлеровцам. Впоследствии Радек дал своему поведению запутанные объяснения, вроде тех, которые он стал давать, когда его уличили в том, что именно он, Радек, а не кто другой, настаивал в январе 1928 года перед Троцким на даче интервью (вернее: большого политического заявления) московскому корреспонденту «Берлинер-Тагеblatt». Эти мнимые праги правых теперь вместе с последними и вместе с центром будут душиТЬ ленинскую оппозицию.

Высылка Троцкого объединила право-центристского руководства с капитулянтами. От Бухарина, голосовавшего за эту высылку, до Радека и Смилга образовался единый фронт против ленинской оппозиции. Можно сказать с уверенностью, что центристское руководство, совершая свой троцкистский акт, рассчитывало облегчить этим работу капитулянтов. В свою очередь Радек и Смилга, начавшие кампанию отмежевания от Троцкого, шли на вырुकку партуководству. Если бы последнее не было уверено в том, что найдет поддержку у капитулянтов, оно не решилось бы пойти на совершенное им безумие.

ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА И ПАРТИЙНЫЙ РЕЖИМ

Ниже мы даем другую выдержку из тезисов Раковского, Окуджавы и Косеноро, характеризующую экономическую политику центристского руководства в связи с партийным режимом. Что поразительно, выработанная под кнутом оппозиции, представляет собой крупный факт и важную основу для дальнейшей борьбы оппозиции, браться это могут только недальти ультра-левой фракции. Утверждать, с другой стороны, что выписка снимает все или хотя бы только основные разногласия, могут только капитулянты, ждавшие лишь благоприятного повода, чтобы стать на колени. Раковский с полным правом настаивает на неразрывной связи и взаимозависимости всех частей нашей платформы. В связи с этим он дает обоснование значительной оппозиции, обращенному к ЦК и, через его голову, к партии. Смысл заявления и истолкования тов. Раковского таков: «Мы сделали принципиально новый и важный шаг в вопросе об индустриализации. Но этот шаг

не приведет нас к цели, если мы, с одной стороны не пересмотрим ряда теоретических предпосылок, а с другой стороны, если вы не проведете радикальных реформ в отношении партии, профессиональных союзов и советов. Если вы искренне и серьезно хотите идти на этот путь, то мы прежде всего обязаны поселановить оппозицию, на партию. Этот политический силогизм оппозиция превратила в политическое действие, подав Заявление о своем восстании в партии. Печатаемая ниже выдержка из обширной работы Раковского показывает, как грубо заблуждаются те, которые в Заявлении пытаются открыть капитуляцию.

Обострение классовой борьбы вывело рабочий класс и партию из того оцепенения, которое было одновременно и условием и следствием господства центризма. Об объективно, центризм осужден историей, но именно поэтому он, желая сохраниться, как руководящая группа, принимает меры, чтобы еще лучше укрепиться организационно и идейно, пользуясь для этой цели той гигантской властью, которую революция сосредоточила в руках партуководства. Он выдер и вытирает правых из ВЦСПС и Коминтерна, советских и партийных учреждений, но только для того, чтобы заменить правых подхалимов — центристами. Характернее всего для центристского руководства то, что оно с удвоенной и утроенной энергией сосредоточивает свою жестокость против ленинской оппозиции, обогащая с каждым днем свой арсенал все новыми орудиями принуждения. Самое замечательное изобретение в этом отношении, сделанное после того, как наша платформа была написана, изобретение, накладывающее свой отпечаток на переживаемую нами эпоху и воскрешающее в советском государстве клерикальные приемы средневековья — это вынужденные всеми средствами у оппозиционных опоров коммунистической партии отказа от их коммунистических взглядов. (Как показывает отношение к так называемому «левому центризму» — Шакин, Стен и др. — нетерпимость центризма за последнее время еще увеличилась). Жизнь доказала всю несостоятельность центристских идейных суррогатов, — архилужных и ангиленинских, — но центризм, пользуясь монополией печати, продолжает фальсифицировать ленинское учение и вводить в заблуждение партию и рабочий класс, рассказывая, что не куда-то наступают на нас, а мы на кулака (Бауман, Молотов). Утверждение капитулянтов, что центризм изменился, в то время, как он стоит на той же расширяющейся социальной базе «управленцев» (функционеров), с соответственной идеологией и с собственными аппаратными методами управления страной и партией, свидетельствует только о том, что капитулянты потеряли всякую теоретическую совесть и сами скатились в болото центризма. Так как центризм осужден историей, как и всякое нежизнеспособное течение, и рано или поздно перестанет быть решающим фактором в жизни партии, то ликвидация ленинской оппозиции, ее растворение в центристском болоте, не означали бы ничего другого, как предоставление власти правым. Совершая акт предательства оп-

позиции, капитулянты прямо изменяют интересам коммунизма, партии и рабочего класса.

Капитулянты затушевывают капитальный вопрос: какой сдвиг происходит в соотношении классовых сил в стране? Правда, как мы увидим, они иногда об этом говорят, но лишь тогда, когда им нужно сесть ланку среди оппозиции. Обычно же у них сдвиги в стране и партии покрываются сдвигами в политике центристского руководства — что, конечно, не одно и то же. Сдвиги в стране продолжают складываться неблагоприятно для пролетариата. Сдвиг в партии влево несомненно имеется, но его причины и характер отличаются от сдвига в руководстве. У центристского руководства сдвиг в сторону борьбы с аграрным капитализмом вынужден. Это сдвиг бюрократической группы, которая действует под напором событий. Сдвиг же в партии — мы имеем в виду ее рабочую часть, — классовый. В то время, как центр делает свои первые шаги в аграрном вопросе, с оговорками приспособляясь к моменту, сдвиг в партии есть настоящий революционный сдвиг.

Центристское руководство тщательно скрывает разные противоречивые процессы, происходящие в стране. Одна из важнейших особенностей центристского руководства состоит в том, чтобы замаскировать следы и представлять все в розовом свете (все идет от лучшего к лучшему). Но ему не все удается скрыть. Периодические возникающие трюки скандальные дела показывают, как далеко зашло разложение право-центристского аппарата, как партийного, так и советского и профсоюзного. Начиная с коммунистических высот и доходя сельскими исполкомами, буржуазная ржавчина проникает во все поры пролетарской диктатуры. Частично и в городе и зажиточный хозяин в деревне успели уже отчасти овладеть аппаратом, подчиняя его своим классовым интересам. Иногда сквозь официальный материал, изображающий картину общего благополучия и идеалистских отношений между рабочим классом и нашей государственной властью прорываются, как молния сквозь тучи, фактические факты, вроде убийства и самосуда на станции Гривно, бросающие мгновенный, но яркий свет на подлинную действительность. Печать должна была зарегистрировать слова защитника подсудимых: «Произошла мимолетная ссора между рабочим классом и им же созданным аппаратом». В тех же газетах, в речах прокурора и общественного обвинителя, отмечен факт пассивного и равнодушного поведения коммунистов и комсомольцев, присутствовавших в толпе при дикой сцене самосуда. Кто умрет политически осмыслить событие на ст. Гривно, тот поймет, что оно имеет большее симптоматическое значение, чем та или иная резолюция партконференции. Не менее симптоматическое значение имеет такой факт, как бойкот рабочего его же цехом за то, что он вошел в коммунистическую партию, или факт, сообщенный в докладе о состоянии бакинской организации, где отмечено, что «отсея» рабочих доходит до 25% от количества записавшихся в течение года. Рабочие уходят из партии, находясь в которой до известной степени из-

ляется страховкой от увольнения с работы. Что касается настроений в деревне, можно ограничиться указанием на те результаты, к которым привел «хаотический характер хлебозаготовок»: он привел в деревне к созданию блока между беднотой и середняком с кулаком.

Капитулянты стараются вырвать индустриализацию и колхозное строительство из всей цепи мероприятий центра, из его общей политики. Рассматривая их, как своего рода «вещи в себе», они пытаются рассматривать «новый курс» центра также независимо от тех причин, которые его непосредственно вызвали. Наконец, они избегают или затушевывают крупнейший и основной вопрос: какие условия должны быть выполнены, чтобы и индустриализация и колхозное строительство не остались словесными резолюциями (подобно резолюции о партдемократии конца 1923 г.), чтобы они не были приостановлены на полдороге или чтобы они не дали результатов, противоположных ожидаемым?

Превратившись в центристских прислужников и начетчиков, в сторонников беспринципности и поспешности, капитулянты ускользают как раз от рассмотрения самой важной стороны вопросов индустриализации и борьбы с аграрным капитализмом, понимая, что честная дискуссия вокруг этих вопросов обнаружит двойственность и противоречивость центра, его неспособность вступить на путь последовательного социалистического строительства. На самом деле такая дискуссия обнаружил бы, что 1) политика центра продолжает оставаться правой и в рабочем вопросе и в партержине (здесь даже ухудшение в сравнении с прошлым) и отчасти в деревне (недопущение союзом бедноты, новый закон о продналоге, увеличение заготовительных хлебных цен, что дало зажиточной части деревни новых 350 млн. рублей); все это не только мешает индустриализации и колхозному строительству, но и ставит их под прямую угрозу срыва; 2) поведение центра (индустриализация, колхозное строительство) является вынужденным, — с одной стороны, напором правых, захотевших при помощи кулацких хлебных забастовок устранить центр, с другой стороны, напором недовольства рабочего класса, но интересам которого ударил хлебные забастовки и, наконец, напором ленинской оппозиции. Устранение действия последних двух факторов создало бы немедленно условия для нового правого поворота центра, либо во главе с его вождями, либо путем устранения нынешних вождей той части партии, которая идет за правыми вождями; 3) единственной реальной гарантией против новых правых рецидивов центра, является ленинская оппозиция, последовательно выражающая интересы пролетариата и деревенской бедноты.

Капитулянты рассматривают пятилетку исключительно под углом зрения арифметической, не приняв в расчет даже при таком подходе — что вследствие инфляции и падения покупательной способности червонца, цифра вложений оказывается на деле меньше, чем это показано в пятилетке. Они упускают главный вопрос: какое изменение внесет пятилетка в соотношение классовых сил в стране. Это суну-

денеж» со стороны Радека и Ко вполне понятно, поскольку пятилетка должна служить в их руках лишь фиговым листком для прикрытия капитулянтства. Между тем вот, что вынужден признать сотрудник официального органа Госплана: «Плановое хозяйство» (Струмилин). Если пятилетка будет проведена полностью — в конце пятилетия национальный доход увеличится на душу населения, в городе на 51%, в деревне на 52%, а у зажиточной части деревни на 40%. Однако, это при условии стабилизации цен на сельскохозяйственные продукты на уровне 114%, т. е. на 14 проц. выше, чем в 1927-28 г. Между тем, индекс частного сельскохозяйственного сектора лишь в одном этом году увеличился на 37,9%. Далее. Фактический доход рабочего (городского) должен увеличиться в конце пятилетия на 58%, а производительность труда на одного рабочего на 100-110%. В то же время деревня на одной лишь разнице в ценах получит 3,5 миллиарда рублей, а в государственных расходах на индустриализацию будет участвовать всего в размере около 10%. Рост заработной платы в первом полугодии настоящего года был 7,1%, а индекс общественного сектора вырос на 8,5%, частного на 19,3 проц., а сельскохозяйственного, как мы видели, на 37,9 проц. Заключение: удельный вес зажиточной части деревни в общей экономике страны будет расти и дальше, несмотря на разговоры о борьбе с аграрным капитализмом.

База соборов бедноты политическое влияние зажиточного крестьянства будет расти еще в большей степени, поскольку кулак будет продолжать группировать вокруг себя середняков — часть бедноты, а бюрократический способ рационализации при помощи административно-го, зажима, «черных списков» и ларионских фокусов может создать такой отрыв рабочего класса от партии, такой политический минус, который нельзя будет компенсировать лучшими завоеваниями в области индустриализации. Партруководство думает опираться в деревне на группы бедноты, но последние представляют собою лишь фикцию. «Работа с группами бедноты совсем почти не ведется» — писал один из членов коллегии Нар. Ком. Земледелия, Ляпис, в «Правде» от 23 декабря 1928 г. Другой факт: в Сибири имеются 15.000 кооперативов, а в них организовано групп бедноты всего 266 (цифры Комарова, члена крайкома).

Как по отношению к рабочему классу, так и по отношению к бедноте центризм продолжает свою прежнюю политику страха и недоверия к этому свойству бюрократии вообще. Центризм избегает реального участия трудящихся масс в социалистическом строительстве. Конечно, он желал бы на них опереться, но с условием, что массы не будут заниматься «политикой», т. е. не будут обсуждать, а тем более — критиковать «генеральную линию». Центризм убивает всякую действительную инициативу масс. Если даже под влиянием обострившейся борьбы в деревне центризм вынужден будет допустить союзы бедноты — они их поставят под такую бюрократическую опеку, что они скоро станут похожи на наши профсоюзы, из которых бюрократизм выхолостил классовое и револю-

ционное содержание. Индустриализация и борьба с аграрным капитализмом, опирающаяся на аппарат, отчасти изношенный, отчасти потерявший революционный энтузиазм и во многих своих звеньях разложившийся — будут находиться под постоянной угрозой срыва.

Оппозиция 23-24 г. предвидела громадный вред для пролетарской диктатуры, происходящий от извращения партийного режима. События вполне оправдали ее прогноз: вред пролез через бюрократическое окно.

В данный момент больше, чем когда либо, нужно громко сказать: правильный демократический партийный режим является пробным камнем настоящего левого курса.

Существует мнение, распространенное даже среди стойких революционеров, что «правильная линия» в области экономики должна «самой собою» привести к правильному партрежиму. Этот взгляд с претензией на диалектичность, является односторонним и антидиалектичным, потому что он игнорирует тот факт, что причина и следствие в историческом процессе все время меняют свои места. Неправильная линия будет усугублять неправильный режим и неправильный режим, в свою очередь, еще больше будет искривлять линию.

При Ленине была правильная линия, но именно Ленин указывал как аппарат своими анти-пролетарскими методами превращает правильную линию в ее противоположность.

«Машинка идет не туда, куда ее направляют коммунисты, а туда, куда направляет кто-то, не то спекулянты, не то частно-хозяйственные капиталисты, или те и другие. Машинка едет не совсем так, а часто совсем не так, как воображает тот, кто у руля этой машинки сидит», так выражался Ленин на последнем партсъезде, на котором ему пришлось выступать. То, что сигнализировал тогда Ленин — как доказательство влияния буржуазии на наш аппарат, возросло благодаря политике центристской верхушки в подборе людей не по их способности, опыту и испытанной честности, а исключительно по принципу приспособляемости, даю тот пышный бюрократический букет, отдельные цветки которого носят имена всех наших крупных городов: Смоленск, Астрахань, Баку и пр. Центризм не создал бюрократизма. Он его унаследовал с другими общими бытовыми, культурными и пр. условиями нашей страны. Однако, вместо того, чтобы бороться с бюрократизмом, центризм возвернул его в систему управления, перенес его с советского аппарата на партийный и придал последнему формы и размеры совершенно неслыханные, совершенно неоправдываемые той ролью политического руководства, которую должна играть партия. Сверх того центристское руководство возвело в коммунистические догматы («организованные принципы ленинизма») методы командования и принуждения, утончили и обработали их до редко достигнутой в истории бюрократической виртуозности. Именно с помощью этих деморализующих ме-

годов, превращающих мыслящих коммунистов в машины, убивающих волю, характер, человеческое достоинство, — центристская верхушка успела превратиться в несменяемую и неприкосновенную олигархию, подменившую собою класс и партию. Капитулянты не любят больше говорить о партрежиме и партбюрократии, это все им кажется ныне вполне естественным, как бы присущим пролетарской диктатуре. С момента, когда капитулянты решили добиваться своего места под нашим советским бюрократическим солнцем, сталинский режим превратился для них в лучший из лучших: демократический, рабочий и партийный. Особенно щипливым эпиграфом его стал теперь Радек, с развязностью грозивший своим бывшим товарищам 58 статей. В своем заявлении от 13 июля все три «выдвиженца» стараются отстоять те методы руководства, которые внутри страны способствовали глубокому разложению аппарата, а вне ее пределов способствовали урону пролетарской диктатуры. Те, кто говорит о партийной демократии, в том числе, очевидно, и Ленин, суть ни кто иные, как вульгарные либералы, борющиеся за отвлеченную свободу! Между тем борьба с вса-рождавшимся и нагнетающим классовым врагом и впрямь будет упираться в неправильный архиненормальный партрежим.

Старые методы уже осуждены, они провалились с треском. Это сознает центристская верхушка, но как всегда она стремится сбросить с себя ответственность, пустить пыль в глаза, обмануть массы, справедливому возмущению которых бросают в жертву несколько козлов отпущения. Она старается обмануть массу еще и так называемой самокритикой. Всякому позволено критиковать самого себя, но главные и ответственные виновники, они не только себя не критикуют, но и не могут допустить, чтобы их критиковала партия. Они одарены божественным атрибутом: непогрешности.

Однако скрыть положение от партии и рабочего класса они не в состоянии. Вопрос стал ребром и на него нужно дать ответ и ответ этот должен быть дан без всякого промедления. Перед партией два пути. Либо она окажется способной дать пролетарской диктатуре ту, основанную на доверии организацию управления, о которой говорил Ленин; будет в состоянии установить рабочую демократию; сумеет обуздать разнузданный и самодурствующий аппарат, злоупотребления, безхозяйственность, неспособность которого стоят сотни и сотни миллионов рублей, помимо страшнейшего морального вреда, который он наносит пролетарской диктатуре. Либо, партия окажется достаточно зрелой, чтобы сделать все это, либо же она будет способствовать — против своей воли и к величайшему для себя, революции и коммунизма вреду — классовому врагу, который в таком случае ворвется в нашу советскую крепость под знаменем лживой, лицемерной и позлой буржуазной демократии, чтобы проложить затем дорогу безудержному фашизму. Или — или. Другого выхода нет.

О СОЦИАЛИЗМЕ В ОТДЕЛЬНОЙ СТРАНЕ И ОБ ИДЕЙНОЙ ПРОСТРАЦИИ

«Эпоха войн и революций» — суровая эпоха. Она безжалостно выводит в расход людей, — одних физически, других морально. В расход выведен И. Н. Смирнов. Никто не считал его теоретиком. Не был он никогда и самостоятельным политиком. Но это серьезный революционер, высокого нравственного закала. Тем не менее он сдал. Невольно вспоминаются слова Ленина о том, что революционеров, которым исполнилось 50 лет надо бы «расстреливать». Под шутиливой формой здесь скрывалось нешутивное содержание.

В другой заметке настоящего номера Бюллетеня показано, что первый проект Заявления Смирнова пытался еще теорию социализма в отдельной стране объявить антиленинской. Окончательный проект объявляет антиленинской критику этой теории. Таким образом, основные вопросы марксизма пересматриваются в порядке оформления партийного билета.

Когда революционеры становятся безразличны в области принципов, они опускаются и морально. Не все ли равно, в самом деле, сказать ли так, или иначе? Не все ли равно: процитировать ли точно или неточно? Вряд ли от сотворения мира врали так много, как наши центристы. Почему? Потому, что центризм — это воплощенная беспринципность. Где же тут взяться идейной опрятности?

Увы, Смирнов с Богуславским, дожив до седых волос, поступили в школу к Ярославскому. Своё обращение в национал-социализм они сопроваждают... фальсификацией. Незачем говорить, что теорию социализма в отдельной стране они защищают все той же цитатой из по-смертной ленинской статьи о кооперации. В первой главе моей Критики программы Коминтерна этот довод подвергнут, смею думать, исчерпывающему анализу. Я доказываю, — и никто мне до сих пор не возражал и вряд ли попытается возражать, — что статья о кооперации исходит полностью из элементарной предпосылки марксизма, что современное развитие производительных сил исключает возможность построения национального социализма. Но доказательству этой мысли по существу я предпосылаю следующее, как будто совершенно неоспоримое соображение:

«Еслибы в статье, продиктованной Лениным во время болезни и опубликованной лишь после его смерти, действительно говорилось о том, что советское государство обладает необходимыми и достаточными материалами, т. е., прежде всего производственными предпосылками для самостоятельного построения полного социализма, оставалось бы только предположить, что — либо Ленин обмолвился при диктовке, либо стенограф ошибся при расшифровке. И то и другое во всяком случае вероятно, чем отказ Ленина в двух безглазых строчках от марксизма (от всего учения собственной жизни).

Что же по этому поводу говорит Смирнов с Богуславским?

«Мы считаем мнение Льва Давидовича Троцкого о том, что эта формулировка падается

результатом «обмолвки» при диктовке или «ошибкой» стенографа, ошибочным, антиленинским».

Прошу сравнить то, что сказано у меня с возражением Смирнова. Ведь это же верх непристойности! А между тем Смирнов человек пристойный. Но, увы, он попал в непристойное положение.

Да, я сказал, что если бы в незаконченной посмертной статье Ленина нашлась фраза, противоречащая основным положениям марксизма, то я бы, разумеется, залодозрил здесь обмолвку или опisku. Но дальше я говорю:

«К счастью, однако, в таком объяснении нет

ни малейшей нужды. Замечательная, хоть и незаконченная статья «О кооперации»... совсем не говорит того, что ей так легкомысленно приписывают ревизионисты ленинского учения».

Казалось бы, все ясно? Вряд ли, впрочем, стоит на этом дальше останавливаться. Отметим еще один документ идейного опустошения и пристрастия.

Помнится, у Короленки один из его очерков кончается так: «Эй, выходите на смѣну, старый звонарь отзвонил».

Л. Т.

К ИСТОРИИ КАПИТУЛЯНТСКИХ ЗАЯВЛЕНИЙ

3 ноября в «Правде» напечатан жалкий документ Смирнова и Богуславского. Содержание его мало чем отличается от подобного же Заявления Радека. «Разница», ради которой Смирнов и др. не нашли возможным подписать документ Радека и К-о заключается разве лишь в форме: у Смирнова больше опрятности, больше стыдливости. Стоит ли после этого останавливаться по существу на документе? Вряд ли. Но есть другая сторона вопроса — история этого Заявления, представляющая на наш взгляд своеобразный интерес и облетающая искренним «примиренцам» почтить: куда это ведет?

Заявление, печатаемое «Правдой» лишь в очень отдаленной степени напоминает ряд проектов самого Смирнова. Это в большей степени творчество Ярославского, под диктовку которого Смирнов и Богуславский писали свой жалкий документ. Мы имеем в своем распоряжении четыре варианта Заявления. Постепенное изменение авторов происходило в течение четырех месяцев: июль — октябрь.

Пытаясь написать полукapитуляционный проект, Смирнов исходил из того, что ЦК, в виду тяжелого положения страны не будет требовать полной капитуляции. Расчеты на трудности не оправдались. Первые два проекта ЦК-м были без последствий «приняты к делу» (Кстати: под этими проектами было раза в два больше подписей, чем мы находим в «Правде» — половину Смирнов растерял на радековском

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ СМИРНОВА

«Соглашаясь в основном с генеральной линией, мы должны открыто заявить, что в ряде вопросов мы видим колебания и непоследовательность, вызывающие в нас большую тревогу».

«Успех борьбы партии с капиталистическими элементами страны прямо зависит от решительной и быстрой консолидации рабочих масс вокруг нее. Такую консолидацию можно провести успешно, существенно повысить благосостояние рабочего класса. Пятилетка по рабочему вопросу не в достаточной мере учитывает эту задачу».

«Возродить теорию сосредоточивания деревни, строительство полного социализма в одной стране, и др. не прекращаются, несмотря на вполне авторитетные и неоднократные дискредитации их. Такие попытки не встречают должного отпора. Недобив-

пути). В этих своих проектах Смирнов отказывался «только» от фракционной работы, поддерживал с оговорками «генеральную линию» и пятилетку, не снимал подписей с платформы оппозиции. Ниже мы иллюстрируем «эволюцию» краткими цитатами. «ЦК. — как сообщал И. Н. Смирнов в своих письмах от сентября с. г. — нашел наше Заявление неприемлемым и антипартийным. Мы просили устроить совещание. Нам отказано. Все средства исчерпаны. Единственный путь изменить Заявление». Был написан уже чисто капитулянтский проект. ЦК признал возможным на его основе начать переговоры. Богуславский и Смирнов выехали в Москву. Но Ярославский знал, что делал, когда усилил вымогательства. Наступил «критический» момент. За несколько дней до опубликования Заявления в «Правде», Смирнов разослал по ссылке следующую телеграмму: «Требуют квалификации всей деятельности оппозиции как антиленинской, отрицание возможности построения социализма в отдаленной стране — антиленинизмом, идеологию Троцкого — антиленинской, его деятельность — анти-советской. Согласиться с этим не могли. Заявление будет отвергнуто. Богуславский завтра едет в Сибирь, Смирнов через три дня в Сухум. Смирнов, Богуславский». Но ни «завтра», ни «через три дня» никто никуда не уехал. Наоборот. Согласиться «с этим» они смогли. Кстати, для сокрытия «эволюции» Заявление нарочито датировано задним числом.

Ниже мы сопоставляем несколько выдержек из разных проектов Заявления.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЯРОСЛАВСКОГО — СМИРНОВА

«Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что генеральную линию партии считаем правильной».

«Исчезли и «колебания» и «непоследовательность», исчезла и «тревога»».

«Мы поддерживаем все мероприятия партии и ЦК, направленные к повышению жизненного уровня рабочих масс... Одновременно должны быть приняты меры к укреплению трудовой дисциплины, производительности труда и т. д.».

О «недостаточной мере» — ни слова.

«В вопросе о возможности построения полного социализма в нашей стране, мы целиком придерживаемся взглядов В. И. Ленина, отраженных (?) в решениях съездов нашей партии и ее ЦК».

Как известно, Смирнов до сих пор — вплоть до 27 октября этого года — считал, что ленинские

ты они всегда служат превосходным прикрытием для возрождения оппортунизма. Борьбу с этими теориями мы считаем частью борьбы с правыми и примиренцами».

Ни по одному вопросу нет ни одного слова отмежевания от Л. Д. Троцкого. Наоборот:

«Мы не сомневаемся, что партия найдет путь к возвращению в свои ряды всей оппозиции, от рядового работника до т. Л. Д. Троцкого, судьба которого неразрывно связана с судьбой рабочего класса».

«Необходимо коренное изменение системы подбора кадров». Люди, подобранные старыми путями, менее всего годятся для реализации новых задач».

«Самокритика, проводимая партией, не дает тех результатов, которые ждет от нее партия, если она не будет дополнена коренным изменением системы подбора кадров, решительной заменой служебной субординации — зависимостью от партийных масс».

Мы считаем своей обязанностью сказать руководству, что отмена ст. 58, ссылки и изоляторов является неотложным и крайне важным фактом, облегчающим изживание внутри партийной борьбы».

Дешово капитулянты копируют свои идеи, очень дешево!

Н. М.

ПИСЬМА ИЗЪ С.С.С.Р.

19-X-29 г.

Вы правильно поступили, присоединившись к Заявлению саратовцев (Раковский и др.). Но Заявление это должно стать исходной точкой для борьбы, а не для топтания на месте или сматывания удочек. Формула «херенщина наизнанку» сейчас приложима более, чем когда-либо. Положение мне рисуется следующим образом. Теперешняя политика продлится не долго. Ее непосредственными задачами являются: а) поскорей уничтожить Бухарина и его савановских друзей; б) путем чрезвычайных мер в деревне выкачать максимум хлеба. И то и другое нужно для того, чтобы пережить на бухаринского кося, т. е. развязать руки хлебодержателям и попробовать регулировать хлебный рынок при помощи фонда, созданного чрезвычайными мерами. Но из этого плана ничего не получится: давление хлебодержателя, кулака, по всем данным обгонит развитие сталинского маневра. Отсюда истеричность и судорожность, а в то же время и беспомощность мероприятий против бухаринской фракции. Недаром не было июльского пленума: сталинцы сами пугаются неопределенности обстановки, которую они же и создают. Ноябрьский пленум может получить крупное значение. Нельзя тут же многоходов не отметить, что, хотя двухлетний срок после XV съезда на исходе, но о XVI-м съезде пока еще никто не заикается. И двухлетний срок оказывается, повидимому, слишком коротким. Во всяком случае XVI-й съезд будет созван не раньше, чем его можно будет поставить перед совершившимися фактами.

Если расправа над правыми не завершится до того, как окончательно нагнет необходимость аппаратного отступления перед кулаком, то, мне думается, что не исключена полоса примиренческого отношения сталинцев к правым. Сталин может сделать шаг в сторону Бухарина путем дезавуирования

взгляды в этом вопросе «отражены» в решениях съездов и ЦК в прямо противоположном ленинскому смысле.

«Отмежевания» и «осуждения».

кого-либо из своих теперешних помощников. Это не исключено. Можно себе представить, какой энтузиазм это вызовет у термидорианцев, внутри партии и за ее пределами, и как увеличится растерянность аппаратчиков.

Последние и так измучились и не прочь бы отдохнуть. Некоторые из них мечтают даже о Зиновьеве и Каменеве, как более склонных к миру с правыми. Последние своим многозначительным молчанием их обидеживают.

Исходная позиция, занятая в хозяйственных вопросах XII-м съездом (1923 г.), была вполне правильной. Если б развитие шло по этой линии, мы не имели бы сейчас нынешних чудовищных хозяйственных противоречий, которые так тяжело бьют по рабочему классу, вызывая его недовольство. Но от позиции 23-го года последовал зигзаг к 25-му году, а затем неустойчивый бюрократический поворот 28-29 гг. В результате мы оказались без сколько-нибудь прочной исходной политической позиции для разрешения наших хозяйственных задач. Главные формулы пятилетки ничего не решают. Нужны правильные взаимоотношения между партией и классом, между пролетариатом, беднотой и середняками. Нужна новая политическая ориентировка, а для этого нужно партию освободить от ручных и поющих кандалов. Правые усиливаются при нынешних условиях автоматически за счет стипии. Мы же можем расти только на основе правильной и открытой оценки процесса в целом, со всеми его противоречиями.

Необходимо дать критическую оценку текущему моменту во всем его своеобразии. Это неотложная задача прежде всего для мобилизации рабочих коммунистов. Честь оппозиционеров, подписавших Заявление тов. Раковского, склония, пожалуй, после этого Заявления пассивно выжидать дальнейшего развития борьбы, чтобы затем, молча или путем идейного самоотречения «со скидкой», вклучиться в партию. По этим элементам мы, разумеется, рав-

няться, не можем и не будем. В партии и в классе слепое влево безусловно есть. Но в него «включить» можно только через голову нынешнего руководства. Чтобы упадок доверия пролетарских масс к теперешнему руководству не превратился в упадок доверия к самой революции, нужна открытая критическая оценка прошлой работы руководства пред лицом всей партии.

Ваш К.

О съезде еще и не говорят. О чистке тоже не очень говорят, так как после нее открылись «дела» в Ленинграде, Иваново, Твери и во многих других местах. Это еще одно доказательство, может быть самое яркое и убедительное, обреченности на неудачу всех мероприятий центристов. Чистка без действительной партийной демократии превращается в шумку, в лотерею, в фарс и задевает в большинстве случаев не тех, кого нужно. Прежде, чем выпрыгнуть через окно, Беседовские благополучно проходят через нее проверки, чистки и монолитные голосования.

Все оппозиционеры, пошедшие за Радеком и Смилкой, чрезвычайно олушлились. Перспектив у них никаких. Капитулянты — вожди разбегались по дачам и курортам, прелеставив рядовых капитулянтов самим себе. Есть случаи, когда отошедшим от нас не дают работы и даже не платят пособия по безработице. Есть случаи обратного поздравления к нам капитулянтов. Есть случаи присоединения к Заявлению Раковского сторонников Саратова: И. Н. Смирнов в Москве. Его заявление, наконец, принято. В газетах его еще нет: очевидно, идет вербовка подписей.

Материальные условия сельских очень тяжелые. Дороговизна и недостаток продуктов очень велики. Сельские много занимаются теоретически.

Через Ташкент проехал недавно новая партия сельских оппозиционеров из Ленинграда, всего 16-12 человек.

25-X-29.

Ваш П.

Разобщенность ныне, несомненно, очень велика, так как организационные удары, нанесенные нам ГПУ и капитулянтами совместно очень велики. Но, как всегда в таких случаях, чем ближе спуститься к массе, тем меньше сказывается сила этих ударов. На заводах рабочие оппозиционеры не только продолжают индивидуальную и групповую пропаганду, но выступают сплошь да рядом и на открытых собраниях. Выступления эти бываю иногда так ярки и внушительны, что, несмотря на все репрессии, отголоски оппозиционных речей попадают на страницы официальной печати, разумеется, в грубо искаженном виде. Привожу ниже несколько примеров:

«Рабочая Москва» № 209, от 11 сентября. «На заводе Серп и Молот (б. Гужон) в строительном цеху на собрании рабочих троцкисты представили свою резолюцию и вот коммунисты и комсомольцы, вместо того, чтобы принять бой с троцкистами, дали им решительный отпор — просто-напросто сбегали с собрания. Есть еще терпимость к троцкизму».

«Рабочая Москва» № 208 от 10 сентября. «На фабрике «Красный Октябрь» (Замоскворечье) раньше троцкизм процветал, но и сейчас не заглушен. На фабрике имени Фрунзе (Замосквор.) мы имеем примеры, когда невинные еще троцкисты под-

брасывают листовки, а отдельные коммунисты относятся к этому примиренчески: «да это не мое дело».

«Рабочая Москва» № 210 от 12 сентября. «В Хамовниках» еще имеются троцкистские элементы. За отчетный период (т. е. с марта по сентябрь с. г.) исключено 27 троцкистов. Нельзя забывать о существующих, правда, незначительных, остатках троцкизма» (Доклад РКК на райпартконференции).

«Комсомольская Правда» от 25 августа. «В Омске раскрыты остатки троцкистской организации в четырех ячейках Комсомола — заводов им. Хворостина, им. Старостина, им. Петровского и «Арматура». Решением бюро окрком 23 комсомольца исключены, среди них несколько активистов — двурешников. Бюро ячейки завода им. Петровского распущено».

«Советская Сибирь» от 27 сентября. «Исключен из партии скрытый троцкист Мордвинов, он был членом Ново-Сибирского райкома».

ПИСЬМО ССЫЛЬНОГО ОППОЗИЦИОНЕРА

Сейчас в ссылке парит режим чрезвычайной изолированности. За последние месяцы почтовая блокада еще усилилась. Особенно жестоко окружен Х. Г. Раковский, который находится, как вы знаете, в Барнауле, куда он переведен из Саратова. Инициатива подачи коллективного Заявления исходила от саратовской группы во главе с Раковским. Ни один разумный человек не ждал, разумеется, от этого Заявления каких-либо непосредственных практических результатов. Заявление означало новую мобилизацию сельки, в отдельных частях которой летом начали возникать панические настроения, в виду полной изолированности и отсутствия информации. Ведь, кроме «Правды», люди в течение долгих месяцев ничего не читали. В этом смысле Заявление выполнило свое назначение целиком. Саратовскую группу разгромили в наказание за мобилизацию сельки вокруг Заявления и вокруг тезисов Раковского, в которых основные вопросы поставлены с необходимой ясностью *).

Вы знаете, что довольно значительную группу сельских смыло волной иллюзий. Большую роль, как уже сказано, тут сыграли разобщенность и неизвестность. Но все же удивительно, что находятся люди, способные принять центризм за коммунизм, тогда как богатейший опыт говорит лишь одно: центризм способен давать огромную иллюзию колдобаний влево, оставаясь центризмом. Линия водораздела внутри оппозиции прокладывается сейчас

*) В «Нюнкере» некий О. Розенфельд рассматривает Заявление Раковского, как продукт малодушия, капитулянтства и погоня за хорошо оплачиваемым местечком. На этом прислужнике и шеминике социалдемократии, одной из привилегий партий капитала, не стоило бы останавливаться, если бы среди ультра-левых путаников и фразеров он не находил подражателей, которые высказывают по существу те же мысли, только в более трусоватой форме. Мы снова констатируем, таким образом, что ультра-левые сопалы и своих оценках с социалдемократией не только по вопросу о кибалко-восточной дороге, но и по вопросу об оценке Заявления русской оппозиции.

уже не Радеком (это вчерашний день), а И. Н. Смирновым.

Как сообщают, он подает третий текст заявления, который мало чем, кроме развязности, отличается от текста тройки (Радек, Преображенский, Смилга). Немостря на происходящие отходы, ссыльные колонии растут и комплектуются из более однородного и более устойчивого элемента. Так, в то время, как я писал вам первое письмо, нас было четверо. Сейчас нас здесь четырнадцать человек.

Положение в стране, а мы знаем его только по газетам и журналам, рисуется мне так: на очереди — о сроках не скажу — неизбежная испанка гражданской войны, с возможным вмешательством извне. На такую перспективу необходимо ориентировать и партию и рабочий класс. Самая опасная позиция это позиция страуса. Между тем официальное руководство продолжает кормить партию либо картинками казенного благополучия, либо неожиданными и сенсационными фактами из области внутренних и международных отношений, без попытки их серьезно проанализировать; либо, что хуже всего, сознательно направляет внимание партии по заведомо ложному пути, как делает, например, Ярославский в гнусной статье о письме Солнцева (жестко, письмо Солнцева, если оно подлинное, представляет собою несомненный продукт временной растерянности и несколько не характерно для смысли в целом; о товарищах в России и говорить нечего).

Острота положения заставляет партию искать путей самостоятельного, под крышкой аппарата. Отсюда новые и новые брожения и группировки, возникновение нового левого крыла внутри партии (Шацкий, Стен и проч.). Каковы бы ни были эти руководители, возникновение левого крыла и необходимость полной кампании против «полудрожекстов», является симптомом здоровых и очень важных тенденций, свидетельствующих о том, что отрезать нас от партии не удастся.

По поводу политики группы Урбанса мы узнали из харьковской партийной газеты. Мы десятки раз опровергали перед массой приписываемые нам сталинцами взгляды. Теперь сталинцы пользуются статьями Урбанса, чтоб подкрепить свои обвинения против нас и скомпрометировать оппозицию. Есть ли, по крайней мере, надежда на исправление позиции Урбанса? Нести за подобного рода позицию ответственность мы, разумеется, не можем. Не зная своего места в борьбе между международным империализмом и революцией, чудовищно.

Не ясно ли для нас точка зрения левой оппозиции в связи с 1-м августа. Совершенно бесспорно, что молотовское истолкование бухаринского «третьего периода» есть подготовка почвы для международных авантюр в духе Кинтона. Однако, остается еще вопрос о том, можем ли мы добровольно отказаться от «прав» на улицу? Ведь аналогичным образом будет ставиться и вопрос о 1-м мая.

Горячий привет и наилучшие пожелания.

Ваш А. В.

ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ

Вы знаете, что часть товарищей (небольшое меньшинство) отказалась присоединиться к заявлению тов. Раковского, как слишком примиренческому. Эти товарищи издали по поводу Заявления критический документ. Х. Г. Раковский ответил им, что они неправильно понимают политическую цель Заявления. Цель эта строго ограниченная, но очень

важная. Мы сочли необходимым сказать, в чем наши взгляды и взгляды широких кругов партии сблизились за последние год-полтора, и в чем действия центрального комитета приблизились к нашим взглядам. Этим мы ни в малейшей степени не смазываем и не смягчаем разногласий. Одновременно с Заявлением т. Раковский выпустил тезисы, в которых бичует капитулянтов и выясняет, в чем наша позиция отличается от позиции нынешнего руководства и почему нам необходимо сохраниться, как самостоятельному течению. Некоторые из товарищей, первоначально отказывавших в своей подписи, стали теперь присоединяться. Большую роль сыграло присоединение Л. Д. Фронт наш, так сказать, уже выравнялся.

Тов. Солнцева 8-го октября отправили в челябинский изолятор. Примите во внимание, что Ярославский опубликовал его письмо с очень серьезными купюрами, которые совершенно искажают весь смысл письма. Обычное шарлатанство!

Ваш Л.

27-X-29.

Сейчас вы уже имеете, разумеется, окончательный текст Заявления Смирнова и Богуславского. Еще один скалкий документ. Торговля шла долго. Два сантиментальных капитулянта не хотели отмежеваться от Л. Д. Разумеется, их проекты заявления беспощадно отвергались. Изюминкой каждого капитулянтского заявления является отмежевание от Л. Д. Без этого никакие заверения и преданности и верности в счет не идут. «Подаяв готову Троицкому». Только при этом условии капитулянтство получает свою цену и вознаграждается партийным билетом, должностью и проч. В этом сказывается, не затихающее беспокойство. Господа положения издавали чудовищных ошибок, запутались теоретически, дали классовому врагу в ряде стран огромные преференции, упустили сроки, ослабили Интернационал, до последней степени бюрократизировали собственную партию, — немудрено, если они живут в постоянной трясине. Душевного спокойствия они могли бы достигнуть только в том случае, если б некому было больше критиковать, напоминать им о совершенных ошибках, предупреждать и проч. Для этой цели им и нужны капитулянты, которые должны загнать мысль и разложить волю наиболее стойких элементов в партии. Особенно гнусный характер — много слова не подберешь, — приняла работа Радека. Он живет клеузой, сплетней и ожесточенно оплевывает свой вчерашний день. В этом тоже, конечно, сказываются остатки беспокойной совести.

...О положении в стране и партии имеем только приблизительное представление. Тем не менее можно сказать, определенно, что партия все более активизируется и именно в нашем направлении, хотя и не отдает себе еще в этом достаточного отчета. Недаром в партийной печати сейчас такое крупное место занимает борьба против нового течения «полудрожекстов», возникшего в тех кругах, которые были (вероятно, остаются и сейчас) нам глубоко враждебными. Правые построения заражают только отдельные прослойки партии и аппарата. Смогут ли руководство сделать при таких условиях новый шаг вперед — это уже большой вопрос.

Жму крепко руку X.

31-X-29.

8601

КОММУНИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ

(Введение в дискуссию).

Синдикальный вопрос является одним из важнейших для рабочего движения, а следовательно, и для оппозиции. Без совершенно отчетливой позиции в синдикальном вопросе оппозиция никогда не завоеует настоящего влияния на рабочий класс.

Вот почему я считаю необходимым предложить здесь для обсуждения некоторые соображения по синдикальному вопросу.

Партия и синдикаты.

1. Основным орудием революционного действия пролетариата является коммунистическая партия, как боевая организация его авангарда, которая должна подняться до роли вождя рабочего класса во всех без исключения областях его борьбы, следовательно, и в области синдикального движения.

2. Кто в принципе противопоставляет синдикальную автономию руководству коммунистической партии, тот тем самым противопоставляет — хочет он этого или не хочет — более отсталые слои пролетариата его авангарду, борьбу за частные требования — борьбе за полное освобождение трудящихся, реформизм — коммунизму, оппортунизм революционному марксизму.

Революционный синдикализм и коммунизм.

3. Французский до-военный синдикализм в эпоху его подъема и расцвета, борясь за автономию синдикатов, боролся, по существу, за их независимость от буржуазного государства и его партий, в том числе и реформистски-парламентского социализма. Это была борьба против оппортунизма — за революционный путь. Революционный синдикализм вовсе не делал при этом из автономии массовых организаций фетиша. Наоборот, он понимал и проповедывал руководящую роль революционного меньшинства по отношению к массовым организациям, отражающим рабочий класс во всех его противоречиях, в его отсталости и слабости.

4. Теория активного меньшинства была по существу недоведенной до конца теорией пролетарской партии. Сам революционный синдикализм был по своей практике зародышем революционной партии в противовес оппортунистической, т. е. был замечательным черновым наброском революционного коммунизма.

5. Слабостью анархо-синдикализма, даже в его классический период, явилось отсутствие у него правильной теоретической базы, и в связи с этим: неправильное понимание природы государства и его роли в борьбе классов; неполное, недоразвитое и потому неправильное понимание роли революционного меньшинства, т. е. партии. Отсюда же и тактические ошибки, как фетишизм всеобщей стачки, игнорирование связи между восстанием и захватом власти и пр.

6. После войны французский синдикализм нашел не только свое отрицание, но и свое развитие и завершение в коммунизме. Попытки возродить сейчас революционный синдикализм означают попытки повернуть историю назад. Они могут иметь для рабочего движения только реакционное значение.

Эпигоны синдикализма.

7. Независимость синдикальных организаций по отношению к буржуазии и социалистическим реформистам, эпигоны синдикализма превращают (на словах) в независимость вообще, в абсолютную независимость от всех партий, в том числе и от коммунизма.

Если, в период расцвета, синдикализм сам себя создавал, как авангард, и боролся за руководящую роль передового меньшинства по отношению к отсталым массам, то теперь эпигоны синдикализма борются против таких же притязаний коммунистического авангарда, пытаются, хотя и без успеха, опереться против него на неразвитость и предрассудки более отсталых слоев рабочего класса.

8. Независимость от влияния буржуазии не может быть пассивным состоянием. Она может выражаться только в положительных действиях, т. е. в борьбе против буржуазии. Эта борьба должна вдохновляться определенной программой, которая для своего применения нуждается в организации и тактике. Сочетание программы, организации и тактики и составляет партию. Таким образом, подлинная независимость пролетариата по отношению к буржуазному государству может быть осуществлена на деле лишь в том случае, если пролетариат ведет свою борьбу под руководством революционной, а не оппортунистической партии.

9. Эпигоны синдикализма пытаются изобразить дело так, будто синдикаты сами себе довлеют. В теоретическом смысле это просто пустое место, а на практике означает растворение революционного авангарда в отсталых массах, т. е. тред-юнионизм.

Синдикаты тем полнее и лучше выполняют свою миссию, чем более широкие массы они охватывают. Пролетарская партия, наоборот, лишь в том случае заслуживает этого имени, если она идейно однородна, связана единством организации и единством действий. Изображать дело так, будто синдикаты себе довлеют, так как пролетариат-де достиг «совершеннолетия» (majeur), значит достиг пролетариату, значит изображать его таким, каким он не является на деле и каким он не может быть при капитализме, удерживающем огромные массы рабочих в невежестве, в отсталости, в забитости и открывающем возможность лишь авангарду пролетариата пробиться сквозь все трудности до ясности понимания задач своего класса в целом.

Реальная автономия синдикатов не затрагивается руководством партии

10. Реальная, практическая, а не метафизическая автономия синдикальной организации в малейшей степени не нарушается и не умаляется борьбой коммунистической партии за влияние. Каждый член синдиката имеет право голосовать, как находит нужным, и выбирать, кого считает достойным. Коммунисты имеют это право равное со всеми прочими. Завоевание коммунистами большинства в руководящих органах происходит именно на основе автономии, т. е. самоуправления синдикатов. С другой стороны, никакой синдикальный статут не может помешать или запретить партии выбрать генерального секретаря конфедерации в свой центральный комитет. Это уже целиком относится к области автономии партии.

11. Коммунисты в синдикатах подчиняются, разумеется дисциплине партии, независимо от занимаемых ими постов. Это не исключает, а предполагает их подчинение синдикальной дисциплине. Другими словами, партия не навязывает им никакой линии поведения, которая противоречит настроению или взглядам большинства членов синдикатов. В тех совершенно исключительных случаях, когда партия считает невозможным подчинение своих членов какому-нибудь реакционному решению синдиката, она с открытыми глазами ведет своих членов к вытекающим отсюда последствиям, т. е. к снятиям с синдикальных постов, исключениям и проч.

Юридическими формулами, — а автономия есть чисто юридическая формула — в этих вопросах ничего поделаться нельзя. Надо ставить вопрос по существу, т. е. в плоскости синдикальной политики. Надо противопоставить неправильной политике правильную.

Характер руководства партии зависит от условий

12. Характер партийного руководства, его методы и формы могут быть глубоко различны в зависимости от общих условий данной страны или данного периода в ее развитии.

В капиталистических странах, где коммунистическая партия не имеет никаких средств принуждения, она, по самому существу дела, не может осуществлять свое непосредственное руководство иначе, чем через коммунистов, входящих в синдикаты в качестве рядовых членов или в качестве функционеров.

Число коммунистов на руководящих синдикальных постах является только одним из измерителей роли партии в синдикатах. Более важным измерителем является процент рядовых коммунистов по отношению к общей массе синдикализованных. Но самым главным критерием является общее влияние партии на рабочий класс, которое измеряется тиражем коммунистической печати, посещаемостью собраний партии, количеством голосов на выборах и, что особенно важно, количеством рабочих и работниц, активно отзывающихся на боевые призывы партии.

13. Ясно, что общее влияние коммунистической партии, в том числе и в синдикатах, будет тем более возрастать, чем революционнее будет становиться обстановка.

Тем же условиями определяются степень и формы действительной реальной, а не метафизической автономии синдикатов. В «мирные» годы, когда наиболее боевыми формами синдикальной деятельности являются отдельные экономические стачки, прямое участие партии в синдикальной деятельности отступает на второй план. По общему правилу партия не берет на себя решения относительно каждой отдельной частной стачки. Она помогает синдикату разрешить вопрос о целесообразности стачки при помощи своей экономической и политической информации, своих советов. Она обслуживает стачку своей агитацией и проч. Но первое место в стачках принадлежит, естественно, синдикату.

Положение радикально меняется, когда движение поднимается до всеобщей стачки и тем более до прямой борьбы за власть. В этих условиях руководящая роль партии становится совершенно прямой, открытой и непосредственной. Синдикаты — конечно, не те, которые переходят на другую сторону баррикады, — становятся организационными аппаратами партии, которая перед лицом всего класса выступает, как революционный вождь, несущий всю полноту ответственности.

На протяжении между частичной экономической стачкой и революционным восстанием класса размещаются все возможные формы взаимоотношений между партией и синдикатами, разные степени прямого и опосредствованного руководства партии и проч.

Но при всех и всяких условиях партия стремится завоевать общее руководство, опираясь на реальную автономию синдикатов, как организаций, которые ей, разумеется, не подчинены.

Политическая независимость синдикатов есть миф

14. Факты свидетельствуют, что политически «независимых» синдикатов нет нигде. Их никогда не было. Опыт и теория говорят, что их никогда не будет. В Соединенных Штатах синдикаты непосредственно связаны через свой аппарат со штабами промышленности и буржуазных партий. В Англии трэд-юнионы, поддерживавшие в прошлом, главным образом, либералов, составляют сейчас материальную основу рабочей партии. В Германии профсоюзы идут под знаменем социал-демократии. В советской республике руководство принадлежит большинкам. Во Франции одна синдикальная организация идет за социалистами, другая — за коммунистами. В Финляндии синдикаты только на днях раскололись по линии социал-демократии и коммунизма. Не иначе обстоит дело и в других странах.

Теоретики «независимости» синдикального движения не дали себе до сих пор труда задуматься над вопросом о том, почему не только нигде их лозунг не приближается к осуществлению на практике, но, наоборот, зависимость

синдикатов от руководства партий становится все же и всюду без исключения все более явной и открытой. Между тем, это вполне соответствует характеру империалистской эпохи, которая обнажает все классовые отношения и внутри самого пролетариата обостряет противоречия между его аристократией и его наиболее эксплуатируемой слои.

СИНДИКАЛИСТСКАЯ ЛИГА — ЭМБРИОН ПАРТИИ

15. Законченным выражением запоздалого синдикализма является так называемая Синдикалистская Лига. По всем своим признакам она является политической организацией, стремящейся подчинить своему влиянию синдикальное движение. В самом деле, Лига подбирает своих членов не по синдикализму, а по индивидуализму: принцип, имеет свою платформу, если не свою программу, завладевает ее в своем издании, имеет свою внутреннюю дисциплину внутри синдикального движения. На конгрессах конфедерации сторонники Лиги действуют, как политическая фракция наряду с коммунистической фракцией. Если не путаться в словах, то Тенденция Синдикалистской Лиги сводится к борьбе за то, чтобы обе конфедерации освободились от руководства социалистов и коммунистов и объединились под руководством группы Монатта.

Но Лига выступает не открыто во имя права и обязанности передового меньшинства бороться за свое влияние на более отсталые массы, а замаскировано, под прикрытием так называемой «независимости» синдикатов. В этом отношении Лига стоит ближе к социалистической партии, которая тоже осуществляет свое руководство под прикрытием фраз о независимости синдикального движения. В противоположность этому коммунистическая партия открыто говорит рабочему классу: вот моя программа, вот моя тактика, вот та политика, которую я предлагаю синдикатам.

Пролетариат никому не должен верить слепо. Она должна проверять каждую партию и организацию по ее делам. Но рабочие должны с двойным и тройным недоверием относиться к тем претендентам на руководство, которые выступают инкогнито, под маской и уверяют при этом пролетариат, будто он вообще не нуждается в руководстве.

ПРОЛЕТАРИАТ ТРЕБУЕТ НЕ «АВТОНОМИИ» СИНДИКАТОВ, А ПРАВИЛЬНОГО РУКОВОДСТВА

16. Не отрицать надо право политической партии бороться за влияние на синдикаты, а ставить вопрос о том, во имя какой программы и какой тактики данная организация борется за влияние. С этой точки зрения Синдикалистская Лига не дает самых необходимых гарантий. Ее программа крайне бесформенна, как и ее тактика. В своих политических оценках она действует от случая к случаю. Признавая пролетариату его естественное и даже диктаторское право, она игнорирует партию и борется против

коммунистического руководства, без которого пролетарская революция навсегда рисковала бы остаться голой фразой.

17. Идеология синдикальной независимости не имеет ничего общего с идеями и чувствами пролетариата, как класса. Если партия своим руководством способна обеспечить правильную, дальновидную и твердую политику синдикатов, как массовых организаций, то ни одному рабочему не придет в голову восстать против партийного руководства. Это доказал исторический опыт большевиков. Это верно и по отношению к Франции, где миллион двести тысяч человек голосовали за коммунистическую партию, тогда как Унитарная Конфедерация объединяет всего лишь от четверти до трети этого числа. Ясно, что абстрактный лозунг независимости ни в каком случае не может идти со стороны масс. Иное дело — синдикальная бюрократия. У нее есть не только профессиональная конкуренция с партийной бюрократией, но и стремление отстоять свою независимость от контроля пролетарского авангарда. Лозунг независимости есть по самому своему существу бюрократический, а не классовый лозунг.

ФЕТИШ СИНДИКАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

18. Наряду с фетишем независимости, Синдикалистская Лига превращает в фетиш и вопрос о синдикальном единстве.

Разумеется, сохранение единства синдикальной организации имеет огромные преимущества, как с точки зрения повседневных задач пролетариата, так и с точки зрения борьбы коммунистической партии за влияние на массы. Но факты показывают, что при первых же серьезных успехах революционного крыла в синдикатах, оппортунисты становятся на путь раскола. Мирные отношения с буржуазией на дорожке единства пролетариата. Таков несомненный итог послевоенного опыта. Мы, коммунисты, всемерно заинтересованы в том, чтобы доказать рабочим, что ответственность за раскол синдикальных организаций падает целиком на социалдемократию. Но отсюда вовсе не вытекает, будто голая формула единства стоит для нас выше революционных задач рабочего класса.

19. После раскола синдикальной организации во Франции прошло уже 5 лет. Обе организации за это время теснейшим образом сплелись с двумя смертельно враждебными политическими партиями. Думать, что можно при таких условиях объединить синдикальное движение голой проповедью единства — значит питать иллюзии. Заявлять же, будто без предварительного объединения обеих синдикальных организаций невозможно не только пролетарская революция, но и вообще сколько-нибудь серьезная классовая борьба, значит ставить судьбу революции в зависимость от разрабатываемой линии синдикальных реформистов.

На самом деле судьба революции зависит не от единения двух синдикальных аппаратов, а от объединения большинства рабочего класса вокруг революционных лозунгов и революционных методов борьбы. Объединить рабочий

класс можно сейчас лишь в борьбе против соглашателей (коалиционистов), не только партийных, но и синдикальных.

20. Действительный путь к революционному единству пролетариата лежит через развитие, исправление, расширение, упрочение революционной конфедерации и через ослабление реформистской. Совсем не исключено, наоборот, вполне вероятно, что пролетариат Франции вступит в эпоху своей революции с двумя конфедерациями, за одной из которых будут идти массы, а за другой — рабочая аристократия и бюрократия.

ХАРАКТЕР СИНДИКАЛЬНОЙ ОПОЗИЦИИ

21. Новая синдикальная оппозиция, повидимому, не хочет встать на путь синдикализма. В то же время она порывает с партией, — не с данной политикой и с данным руководством, а с партией вообще. Это значит попросту, что она идейно окончательно разоружается и отходит на позиции корпоратизма или тред-юнионизма.

22. Синдикальная оппозиция в целом довольно разношерстна. Но она характеризуется все же некоторыми общими чертами, которые не приближают ее к левой коммунистической оппозиции, а наоборот, отдаляют от нее и противопоставляют ей.

Синдикальная оппозиция борется не против ошибочных действий и методов коммунистического руководства, а против влияния коммунизма на рабочий класс.

Синдикальная оппозиция борется не против ультра-левой оценки данной ситуации и темпа ее развития, но выступает по существу против революционной перспективы вообще.

Синдикальная оппозиция борется не против карикатурных методов антиимпериализма, но выдвигает пацифистскую ориентацию. Другими словами, синдикальная оппозиция развивается в явно реформистском духе.

23. Совершенно неверны утверждения, будто во Франции, в отличие от Германии, Чехо-Словакии и других стран, в революционном лагере не сложилось за последние годы правой группировки. Суть только в том, что, отталкиваясь от революционной политики коммунизма, правая оппозиция во Франции, соответственно с традициями французского рабочего движения, приняла синдикалистский характер, маскирующий ее политическую физиономию. По существу же дела большинство синдикальной оппозиции представляет собою правое крыло, аналогичное группе Брандлера в Германии, отколовшиеся вправо чешским профессионалистам и проч., и проч.

ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

24. Можно понабиться возразить, что все предшествующие соображения были бы правильны лишь при условии правильной политики коммунистической партии. Но это возражение будет неверно. Вопрос о взаимоотношении между партией, которая представляет пролетариат таким, каким он должен быть, и между синди-

катами, которые представляют пролетариат, каков он есть, является самым капитальным вопросом революционного марксизма. Было бы самоубийственным отказываться от единственно возможного принципиального ответа на этот вопрос только потому, что коммунистическая партия, под влиянием объективных и субъективных причин, о которых мы говорили не раз, ведет в настоящее время ложную политику в отношении синдикатов, как и в других отношениях. Ложной политике надо противопоставлять правильную. Для этого левая оппозиция сложилась во фракцию. Если считать, что французская компартия в целом несправедлива и беспальдна, — чего мы совершенно не думаем, — то надо противопоставить ей другую партию. Но вопрос об отношении партии к классу от этого не меняется ни на йоту.

Левая оппозиция считает, что воздействовать на синдикальное движение, помогать ему находить правильную ориентацию и проч., можно только через посредство коммунистической партии (или временно — фракции), которая, помимо всего прочего, является центральной идейной лабораторией рабочего класса.

25. Правильно поставленная задача коммунистической партии состоит не только и не столько в том, чтобы завоевать влияние на синдикаты, как они есть, а в том, чтобы через синдикаты завоевать влияние на большинство рабочего класса. Это возможно только в том случае, если методы, применяемые партией в синдикатах, отвечают природе и задачам этих последних. Борьба за влияние партии на синдикаты находит свою объективную проверку в том, растут ли эти последние, увеличивается ли число их членов и их связь с самыми широкими массами. Если же партия свое влияние на синдикаты покупает ценою сужения и дробления этих последних, превращая их в подсобное орудие для временных целей и мешая им стать подлинно массовыми организациями, то это есть верный признак того, что взаимоотношение между партией и классом неправильно. Останавливаться на причинах этого здесь нет надобности. Это мы делали не раз. Это мы делаем каждый день. Метания официальной коммунистической политики отражают собою авантюристское стремление овладеть рабочим классом в кратчайший срок при помощи инсценировок, выдумок, неистового крика и проч., и проч.

Выходом из положения является, однако, не противопоставление синдикатов партии (или фракции), а непримиримая борьба за изменение всей политики партии, в том числе и синдикальной.

ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЛЕВОЙ

26. Вопросы синдикального движения левая оппозиция должна ставить в неразрывной связи с вопросами политической борьбы пролетариата. Она должна дать фактический анализ нынешней стадии и развития французского рабочего движения. Она должна дать количественную и качественную оценку нынешнего стачечного движения и его перспектив в связи с перспекти-

вами хозяйственного развития Франции. Незачем говорить, что она начисто отвергает перспективу десятилетий капиталистической стабилизации и капиталистического пацифизма. Она исходит из оценки нашей эпохи, как социально-революционной. Она исходит из необходимости своевременной подготовки пролетарского авангарда к крутым поворотам, которые не только вероятны, но и неизбежны. Чем тверже и непримиримее она выступает против мимореволюционного низга центристской бюрократии, против политической истерии, не считающей день то со вчерашним, то с завтрашним, тем более твердо и решительно она должна давать отпор тем элементам справа, которые подхватывают ее критику и прикрываются ею для проведения тенденций, в корне враждебных революционному марксизму.

27. Новые межкварты? Новая полемика? Новые расколы? Так будут плакаться добрые, но уставшие души, которые желали бы превратить оппозицию в тихую пристань, где можно спокойно отсиживаться от больших задач, сохраняя в неприкосновенности знамя «левого» революционера. — Нет, скажем мы уставшим душам: нам с вами явно не по пути. Истина никогда еще не была сумой мелких ошибок. Революционная организация никогда еще не складывалась из мелких консервативных групп, больше всего стремящихся отличиться одна от другой. Бывают эпохи, когда революционная тенденция спадает к мелкобуржуазному меньшинству и рабочему движению. Но такие эпохи требуют не сделок между мелкими группами со взаимным укрупнением грехов, а, наоборот, вдвойне непримиримой борьбы за правильную перспективу и за воспитание кадров в духе подлинного марксизма. Только на этом пути возможна победа.

28. Что касается лично автора этих строк, то он должен признать, что та оценка группы Монатта, с которой он приехал за границу, оказалась слишком оптимистической и потому неправильной. В течение нескольких лет автор не имел возможности следить за деятельностью этой группы. Он судил о ней по старым воспоминаниям. Разногласия оказались на деле не только гораздо глубже, но и гораздо острее, чем можно было предполагать. Факты последнего времени выяснили с несомненностью, что без ясного и отчетливого идейного размежевания по линии синдикализма, коммунистическая оппозиция во Франции не пойдет вперед. Предлагаемые тезисы и представляют собой первый шаг на пути этого размежевания. Они являются необходимой предпосылкой успешной борьбы против революционного фразерства и оппортунистической сути Кашена, Монсуро и Ко.

Ж. Троцкий.

14 октября 1929 г.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОШИБКИ СИНДИКАЛИЗМА

(К дискуссии с Монаттом и его единомышленниками)

Когда я, в октябре 1914 года, приехал во Францию, я застал французское социалистическое и синдикальное движение в состоянии глубокой шовинистической деморализации. В поисках революционеров, со свечей в руке, я познакомился с Монаттом и Росмером. Они не поддались шовинизму. Так возникла наша дружба. Монатт считал себя анархистом-синдикалистом. Но несмотря на это, он был мне неизмеримо ближе французских гедистов, игравших плачевную и постыдную роль. Кашены тогда изучали черные ходы в министерства третьей республики и союзные посольства. В 1915 году Монатт вышел, хлопнув дверью, из административной комиссии всеобщей конфедерации. Выход из синдикального центра был по существу ни чем иным, как раскол. Но Монатт считал, и вполне правильно, что основные исторические задачи пролетариата стоят выше единства с шовинистами и ласками империализма. В этом Монатт был верен лучшим традициям революционного синдикализма.

Монатт был одним из первых друзей октябрьского переворота. Правда, в отличие от Росмера, он долго оставался в стороне. Это вообще отвечает, как я убедился впоследствии, характеру Монатта: оставаться в стороне, выжидать и критиковать. Иногда это абсолютно неизбежно. Но, как основная линия поведения, это превращается в сектанство, очень родственное прудонизму, но не имеющее ничего общего с марксизмом.

Когда французская социалистическая партия превратилась в коммунистическую, мне приходилось с Лениным десятки раз говорить о том, тяжелом наследстве, которое получила Интернационал в лице людей типа Кашена, Фроссара и прочих героев Лиги Прав Человека, франк-масонов, парламентариев, карьеристов и болтунов. Один из наших разговоров я, помнится, привел уже в печати. — «Хорошо бы прогнать», — говорил Ленин, — всех этих флюгеров и привлечь в партию революционных синдикалистов, боевых рабочих, людей, действительно преданных делу рабочего класса... А как Монатт?..» — Монатт, конечно, был бы в десятки раз лучше Кашена и ему подобных, — отвечал я, — но Монатт не только продолжает отрицать парламентаризм, но не пошел до сих пор значения партии. Ленину был изумлен. — «Не может быть? Не понял значения партии после Октябрьской революции? Это опасный симптом».

Я вел с Монаттом переписку, приглашая его в Москву. Монатт уклонился. Согласно своей природе, он и тут остался в стороне и выжидал. К тому же ему не нравилась французская партия. В этом он был прав. Но вместо того, чтоб помочь преобразовать ее, он выжидал. На IV-м конгрессе удалось, наконец, сделать первый серьезный шаг к очищению французской компартии от франк-масонов, пацифистов

8606

и охотников за мандатами. Монатт вступил в партию. Разумеется, это отнюдь еще не означало в наших глазах, что Монатт полностью стал на позицию марксизма. 23-го марта 1923 года я писал в «Правде»: «Вступление в партию нашего старого друга Монатта было для нас большим праздником: люди такого закала нужны революции. Но было бы, разумеется, неравильно оптимизировать сближение с новой идейной неясности». В этой статье я подвергал критике схоластику Лузона насчет взаимоотношения между классом, синдикатами и партией. В частности, я разъяснял в этой статье, что довоенный французский синдикализм был зародышем коммунистической партии; что из этого зародыша уже получился младенец, и что если младенец болен корью или рахитом, то его надо лечить и лечить, но неслепно мечтать о том, чтоб младенец снова вернулся во чрево матери. Кстати сказать, доводы моей статьи 1923 года, превращенные в карикатуру, служат до сего дня главным оружием против Монатта в руках Моммуссо и других вонзелей против троцкизма.

Монатт вступил в партию. Но едва он начал осматриваться в ней и привыкать к более широкому помещению, чем маленькая часовня на Ка-Жемап, как на него обрушился государственный переворот в Интернационале. Забыл Ленин. Началась борьба против «троцкизма» и вишневецкая «большевизация». Монатт не мог подчиниться карьеристам, которые, опираясь на шпэг московских элигонов и располагая неограниченными материальными средствами, действовали интригой и клеветой. Монатт оказался вне партии. Этот эпизод, очень крупный, но все же лишь эпизод, имел решающее значение в политическом развитии Монатта. Он решил, что его короткий опыт в партии полностью подтвердил его анархо-синдикалистские предрассудки против партии вообще. Монатт стал настойчиво возвращаться на покинутые позиции. Он начал искать амьенскую партию. Для этого ему пришлось повернуться лицом назад. Опыт войны, опыт Октябрьской революции, опыт мирового синдикального движения для него пропал почти бесследно. Монатт стоял в стороне и выжидал. Чего? Нового амьенского конгресса. В течение этих лет я не имел, однако, возможности следить за регрессивной эволюцией Монатта: русская оппозиция жила в кольце блокады.

Из всей сокровищницы теории и практики мировой борьбы пролетариата Монатт извлек только две идеи: автономию синдикатов и единство синдикатов. Эти два чистых принципа он вознес над греховой реальностью. На автономии и единстве он основал свой журнал и Синдикалистскую Лигу. Увы, обе эти идеи пусты, каждая из них похожа на дару в кольцо. Кольцо может быть сделано из железа, из серебра или из золота. Монатту до этого дела нет. Кольцо всегда стесняет деятельность синдикатов. Монатта интересует только шара автономии.

Столь же пуст и второй синдикалистский принцип: единство. Во имя его Монатт выступал даже против разрыва англо-русского комитета, несмотря на то, что Генеральный Совет бри-

танских трех-юнонов предал несобую стачку. То, что Сталин, Бухарин, Камен, Моммуссо и прочие поддержали блок с итрейкбрехерами, пока эти последние не дали им пинка, несколько, разумеется, не умаляет ошибки Монатта. Но приезде заграничу, и сделал попытку шакенить читателей: «Для революцион пролетариата преступный характер этого блока, последствия которого несут европейское рабочее движение до сего дня. Монатт не печатал моей статьи. Да и как же иначе? Ведь я покушался на священное синдикальное единство, которое покрывает все вопросы и разрешает все противоречия...»

Когда стачечники наталкиваются на противодействие итрейкбрехерев, они их выбрасывают из своей среды, нередко надевая тумаканы. Если итрейкбрехеры принадлежали к синдикату, их первым делом вышвыривают из его рядов, немало не заботясь о священном принципе единства. Против этого, конечно, не будет возражать и Монатт. Но совсем иное дело, когда речь заходит о синдикальной бюрократии и об ее верхушке. Генеральный Совет состоит не из темных и нередко голодных итрейкбрехеров. Нет, это очень сытые и опытные изменники, которые оказались в извещный момент вынуждены встать во главе всеобщей стачки, чтобы тем скорее и пернее обезглавить ее. Они действовали заодно с правительством, предпринимателями и с попами. Казалось бы, что вожди советских профессиональных союзов, которые находились в политическом блоке с Генеральным Советом, должны были немедленно, открыто, бесновально порвать с ним в этот момент пред лицом обманутых им и предавших рабочих масс. Но тут Монатт встает на дыбы: нельзя нарушать синдикальное единство. Поразительным образом он забывает, как он сам нарушил это единство в 1915 году, выйдя из состава шовинистического Генерального Совета Конфедерации.

Надо сказать прямо: между Монаттом 1915 года и Монаттом 1929 года — целая пропасть. Самому Монатту кажется, что он остается верен себе. Формально это до некоторой степени так и есть. Монатт повторяет некоторые старые формулы. Но он целиком игнорирует опыт последних пятнадцати лет, более богатых содержанием, чем вся предшествующая история человечества. Пытается вернуться на старые позиции, Монатт не замечает, что их давно уже нет. Какого вопроса не коснется, Монатт глядит назад. Ярче всего это видно на вопросе о партии и государстве.

Не так давно Монатт обвинил меня в том, что я недооцениваю «опасность» государственной власти. Этот упрек не нов. Он ведет свою родословную от борьбы Бакунина против Маркса и обнаруживает несправильное, противоречивое и в основе своей, не пролетарское, отношение к вопросу о государстве.

За вычетом одной страны, государственная власть во всем мире находится в руках буржуазии. В этом и только в этом состоит опасность государственной власти с точки зрения пролетариата. Историческая задача его состоит в том, чтобы вырвать власть, это важнейшее оружие поработенни, из рук буржуазии. Коммунисты

не отрицают трудностей и опасностей, связанных с диктатурой пролетариата. Но разве это хоть на йоту уменьшает необходимость овладения властью? Если бы пролетариат в целом был уже охвачен стремлением завладеть властью, или уже завладел бы ею, то или другие предостережения синдикалистов можно бы понять. В своем Завершении Ленин, как известно, особо предупреждал против злоупотребления революционной властью. Борьбу против искажений диктатуры пролетариата ведет русская оппозиция не первый день, отнюдь не нуждаясь для этого в заимствованных из арсеналов анархизма. Но в буржуазных странах беда пока что состоит в том, что подавляющее большинство пролетариата не понимает как следует быть опасностей буржуазной власти. Своей постановкой вопроса синдикалисты, не желая того, содействуют пассивному примирению рабочих с государством капитала. Когда синдикалисты напевают рабочим, приравненным буржуазной властью, свои предостережения насчет «опасности» власти для пролетариата, то они играют чисто реакционную роль. Буржуазия охотно повторит по адресу рабочих: не прикасайтесь к государственной власти, так как это очень опасный для вас инструмент. Коммунист, со своей стороны, скажет рабочим: трудности и опасности, вырастающие для пролетариата на другой день после завоевания власти, мы будем учиться преодолевать на почве опыта. Но сейчас главная опасность состоит в том, что наш классовый враг держит в руках власть и направляет ее против нас.

В современном обществе есть только два класса, которые способны держать в своих руках государственную власть: это капиталистическая буржуазия и революционный пролетариат. Мелкая буржуазия давно уже утратила экономическую возможность руководить судьбами современного общества. Никогда, в припадке отчаяния, мелкая буржуазия поднимается на завоевание власти даже с оружием в руках, как было в Италии, в Польше и в других странах. Но фашистские восстания приводят только к тому, что новая власть лишь в более обнаженном и беспощадной форме становится орудием финансового капитала. Вот почему наиболее законченные идеологи мелкой буржуазии боятся государственной власти, как таковой. Они ее боятся и в руках крупной буржуазии, ибо последние душат и разоряют мелкую буржуазию. Они ее боятся и в руках пролетариата, ибо она подрывает все условия привычного им существования. Наконец, они боятся государственной власти в своих собственных руках, ибо из этих бессильных рук она непременно должна перейти либо в руки финансового капитала либо в руки пролетариата. Вот почему анархисты не видят революционной проблемы государственной власти, ее исторической роли, а видят только «опасности» государственной власти. Анархисты-антигосударственники являются наиболее законченными, и следовательно самыми и потому наиболее безнадежными представителями безвыходности мелкой буржуазии.

Да, опасности власти существуют и при режиме диктатуры пролетариата. Но сущность этих опасностей состоит в том, что власть мо-

жет снова вернуться в руки буржуазии. Наиболее яркой и известной формой государственной опасности является бюрократизм. Но в чем его суть? Если бы просвещенная рабочая бюрократия могла довести общество до социализма, т. е. до ликвидации государства, то мы примирились бы с таким бюрократизмом. Но суть бюрократизма имеет прямо противоположный характер: отделяясь от пролетариата, возвышаясь над ним, бюрократия подпадает под влияние мелко-буржуазных классов и может, таким образом, облегчить возвращение власти в руки буржуазии. Другими словами, опасность государственной власти при диктатуре пролетариата сводится в последнем счете к тому, что пролетариат может снова сдать власть буржуазии.

Не менее важен, однако, вопрос об источниках бюрократической опасности. Было бы в корне ошибочно полагать, что бюрократизм вырастает только или главным образом из факта завоевания власти пролетариатом. Нет, это не так. В капиталистических государствах самые чудовищные формы бюрократизма мы наблюдаем именно в профессиональных союзах. Достаточно взглянуть на Америку, Англию и Германию. Амстердам есть мощная международная организация профессиональной бюрократии. На ней сейчас держится все здание капитализма, особенно в Европе, и преле всего в Англии. Если бы не бюрократия трэд-юнионов, полиция, армия, суды, лорды и монархия оказались бы жалкими игрушками перед лицом пролетарских масс. Бюрократия трэд-юнионов является позвоночником британского империализма. Его держится буржуазия не только у себя дома, но и в Индии и других колониях. Нужно было бы совсем ослепнуть, чтобы сказать английским рабочим: остерегайтесь опасностей власти и помните, что ваши синдикаты являются противником против государственной опасности. Марксист скажет английским рабочим: трэд-юнионная бюрократия является главным орудием вашего порабощения буржуазным государством. Надо вырвать власть из рук буржуазии. А для этого надо опрокинуть ее главную агентуру, т. е. трэд-юнионную бюрократию. В скобках: поэтому особенно преступен был блок Сталина со штрейкбрехером Перселем.

На примере Англии особенно ясно видно, как бесполезно принципиально противопоставлять синдикальную организацию государственной. В Англии более, чем где бы то ни было, государство держится на спине рабочего класса, составляющего подавляющее большинство населения страны. Механика такова, что трэд-юнионная бюрократия непосредственно опирается на рабочих, а государство через посредство трэд-юнионной бюрократии.

До сих пор мы не говорили о рабочей Партии, которая в Англии, классической стране синдикатов, является только политической перелицовкой той же трэд-юнионной бюрократии. Одни и те же люди руководят синдикатами, предают всеобщую стачку, ведут избирательную кампанию и заседают потом в министерстве. Рабочая партия и трэд-юнионы — не два принципа, а только техническое разделе-

ние труда. Совместно они являются основной опорой владчества британской буржуазии. Нельзя опрокинуть это последнее не опираясь на нынешнюю лейбористскую бюрократию. Достигнуть же этого можно не путем противопоставления абстракции «синдиката» абстракции «государства», а путем действительного противопоставления коммунистической партии лейбористской бюрократии во всех областях общественной жизни: в тред-юнионах, в стачках, в рабочей партии, в избирательной кампании, в парламенте и у власти. Основная историческая задача подлинной партии пролетариата состоит в том, чтобы встан в главе рабочего класса, и синдицированного и несиндицированного, вырвать власть из рук буржуазии и тем нанести настоящий удар «государственной опасности».

Л. Троцкий.

Константинополь, — октябрь 1929 г.

АВСТРИЙСКИЙ КРИЗИС И КОММУНИЗМ*)

Австрийский кризис есть частное проявление кризиса демократии, как основной формы буржуазного господства. Слишком высокое напряжение международной и классовой борьбы приводит к короткому замыканию диктатуры, взрывая выключатели демократии один за другим. Процесс начался с европейской периферии, с наиболее отсталых стран, с наиболее слабых звеньев капиталистической цепи. Но он прогрессирует неизменно. То, что называют кризисом парламентаризма есть политическое выражение кризиса всей системы буржуазного общества. Демократия стоит и падает с капитализмом. Отстающая пережившая себя демократия социалдемократия загоняет общественное развитие в тупик фашизма.

Крайняя слабость австрийской буржуазии после войны и революции и, в связи с этим, экономическая и политическая несамостоятельность Австрии стали важнейшими источниками силы австрийской социалдемократии. Выполняя функцию спасения и упрочения буржуазного режима, австрийская социалдемократия имела возможность в своей агитации отталкиваться либо от национальной, либо от иностранной (английской и американской) буржуазии. В первый период стабилизации буржуазного режима после революции социалдемократия являлась прямой агентурой иностранного капитала. Это позволяло ей не только извлекать ответственность за все бедствия нации изнутри буржуазии, но и занимать по отношению к ней по крайней мере, по видимости, более независимую, более критическую позицию, чем какая была доступна социалдемократии в других странах, не исключая и Германии. По мере упрочения буржуазного режима, социалдемократия все чаще обличала национальную буржуазии в том, что она лишь выполняет при-

казания англо-саксонского капитала. Для рабочих же у нее был готовый довод в пользу неприкосновенности частной собственности: «конечно, мы могли бы справиться с нашей буржуазией, но дело не в ней, а в буржуазии Англии и Америки».

Буржуазные партии Австрии тем легче утратили свои особенности, что все они вынуждены глядеть в рот англо-саксонскому хозяйству. Играя в основном ту же роль, социалдемократия вынуждена оппозиционно противостоять блоку буржуазных партий, так как она опирается на рабочих. Только эта «оппозиционность» и позволяет ей спасать буржуазию. Однородные процессы и явления происходили и в Германии. Они чрезвычайно способствовали самосохранению германской социалдемократии. Но, в соответствии с гораздо большей силой и самостоятельностью германской буржуазии, германская социалдемократия вынуждена была гораздо более явно и открыто приспосабливаться к ней, блокироваться с ней и брать за нее непосредственную ответственность перед рабочими массами. Это обстоятельство создало большие возможности развития для германской компартии.

Австрия представляет собою маленькое тело с большой головой. Столица находится в руках социалдемократии, которая в государственном парламенте занимает, однако, меньше половины мест (43 проц.). Это неустойчивое равновесие, которое держится исключительно благодаря консервативно-соглашательской политике социалдемократии, чрезвычайно облегчает позицию австро-марксизма. То, что он делает в венском муниципалитете, достаточно, чтобы отличить его в глазах рабочих от буржуазных партий. А то, чего он не делает, — т. е. самое главное, — он всегда может возложить на ответственность этих последних. Обличая буржуазии в статьях и речах, австро-марксизм, как уже сказано, очень искусно пользуется международной зависимостью Австрии, чтобы препятствовать рабочим подняться против классовых врагов. «В Вене мы сильны, но мы еще слабы в стране. Кроме того — над нами есть хозяева. Нам надо удержать свои позиции внутри демократии и... жалеть». Такова главная идея австро-марксистской политики. Все это давало до сих пор австро-марксизму возможность играть роль «левого» крыла во Втором Интернационале и удерживать все свои позиции против коммунистической партии, которая к тому же громоздила ошибки на ошибку.

Австрийская социалдемократия помогла Австрии справиться с венгерской революцией, помогла своей буржуазии выйти из послевоенного кризиса и создала для пошатнувшейся частной собственности демократическое убежище. Она представляла, таким образом, за весь послевоенный период, главное оружие господства буржуазии над рабочим классом.

Но это оружие есть самостоятельная организация, с самостоятельной многочисленной бюрократией и рабочей аристократией, имеющей свои интересы и свои претензии. Эта бюрократия, плоть от плоти мелкой буржуазии, но идеям, привычкам и образу жизни, опирается, однако, на подлинный рабочий класс и нахо-

*) Эта статья представляет собою главу из подготовляемой печати брошюры Л. Троцкого о «Третьем периоде».

дится под постоянной угрозой его недовольства. Это обстоятельство является основным источником трений и конфликтов между буржуазией и социалдемократией, т. е. между хозяином и приказчиком.

С другой стороны, как ни тесно успела охватить австрийская социалдемократия рабочий класс сетью политических, профессиональных, муниципальных, культурных и спортивных учреждений, но, как слишком ярко показали июльские дни 1927 года, одни лишь реформистски-пацифистские методы не дают буржуазии всех необходимых гарантий.

Сказанным объясняется социальная функция австрийского фашизма. Это второй приказчик буржуазии, очень отличный от первого и ему противоположный. Низы социалдемократии толкаются вперед хоть и фальсифицированным, но все же инстинктом пролетариата. Низы фашизма питаются безвыходностью мелкой буржуазии и деклассированных элементов, которыми так богата Австрия. Верхи социалдемократии обуздывают классовый инстинкт пролетариата при помощи лозунгов и учрежденной демократии. Верхи фашизма открывают выход отчаянно голодной мелкой буржуазии в перспективе спасительного переворота, после которого «марксисты» не смогут больше мешать хорошему ходу земледелия, ремесла и торговли.

Мы имеем, таким образом, в Австрии, классическое опровержение филистерской теории, будто фашизм порождается революционным большевизмом. Фашизм начинает играть ту большую роль в стране, чем более явный, копноший и невыносимый характер получает противоречие между политической социалдемократией, как партией масс, и неотложными потребностями исторического развития. В Австрии, как и всюду, фашизм является необходимым дополнением социалдемократии, ею питается, и при ее посредстве, приходит к власти.

Фашизм есть законный сын формальной демократии эпохи упадка. Принципы демократии в Австрии особенно ярко доведены до абсурда. Социалдемократии не хватает нескольких процентов до большинства. Можно, однако, сказать, — это будет не парадоксом, а фатальной правдой, — что политическая устойчивость австрийской социалдемократии опирается не на те 43% голосов, которыми она располагает, а на те 70%, которых ей не хватает для роли большинства. Устой капитализма осязались бы неприкосновенными, если бы австрийская социалдемократия завоевала большинство. Но такое завоевание совсем не обеспечено. Никто не может думать, будто все вопросы решаются пропагандой. Если неходить на того, что жизнь Австрии будет и впредь развирываться в рамках демократии, то нет решительно никаких данных, которые заставляли бы думать, что в течение ближайших 25 или 50 лет австрийская социалдемократия непременно получит большинство. Экономическая жизнь всей капиталистической Европы стоит под величайшей угрозой со стороны Соединенных Штатов и других империалистических стран. Экономическое загнивание

Австрии, совершенно неизбежное именно при перспективе мирного развития, принесло бы социалдемократии скорее всего не прирост, а упадок голосов. Таким образом, по логике демократии получается, что, несмотря на то, что дальнейшее господство буржуазии обрекает нацию на загнивание и культурный распад; несмотря на полную готовность подавляющей массы пролетариата, этого познатолика партии, совершить переход к социализму; — переход этот недопустим, так как несколько процентов избирателей, наиболее темных, наиболее отсталых или развращенных, держатся в стороне от борьбы, прозябают в полной темноте, а в решительную минуту готовы отдать свой голос и кулаки фашизму.

Демократия дошла до полного абсурда. В эпоху органического и планомерного развития капитализма, которое было связано с систематической классовой дифференциацией нации, демократия играла большую историческую роль; в том числе и в деле воспитания пролетариата. Наибольшую роль сыграла она в Европе. Но в эпоху империализма, которая прежде всего в Европе является эпохой загнивающего капитализма, демократия уперлась в тупик. Вот почему в Австрии, где конституция сфабрикована социалдемократией, где социалдемократия занимает исключительно большое место, владеет столицей, и где, следовательно, мы должны были бы в наиболее законченном виде наблюдать демократические формы перехода от демократии к социализму, мы на деле видим, что политика регулируется с одной стороны наступающими фашистскими бандами, с другой стороны — отступающими отрядами полуоборуженных социалдемократических рабочих, а в качестве наиболее авторитетного диктатора демократии выступает старый полицейский габсбургской школы.

Фашизм является вторым уполномоченным буржуазии. Подобно социалдемократии, и даже в большей степени, чем эта последняя, фашизм имеет свою собственную армию, свои интересы и свою логику движения. Мы знаем, что в Италии фашизм, для того, чтобы спасти и укрепить буржуазное общество, оказался вынужден прийти в самое острое противоречие не только с социалдемократией, но и с традиционными партиями буржуазии. То же наблюдается в Польше. Не надо представлять дело так, будто все политические органы буржуазии действуют вполне согласованно и дружно. К счастью, это не так. Экономическая анархия дополняется политической. Фашизм, питаемый социалдемократией, вынужден проломить ей череп, чтоб прийти к власти. Австрийская социалдемократия делает, что может, чтоб облегчить фашизму эту хирургическую операцию.

Трудно придумать более концентрированную пошлость, чем рассуждение Отто Бауэра о допустимости насилия только для обороняющейся демократии. Если перенести это рассуждение на язык классов, оно означает:

насилие допустимо для обеспечения интересов буржуазии, организованной в государство, но оно недопустимо для учреждения пролетарского государства.

Этой теории придаётся юридическая формулировка. Бауэр разжевывает старые формулы Лассалля на счет права и революции. Но Лассалль говорил на суде. Там его доводы были уместны. Попытка же превратить юридическую дуэль с прокурором в философию исторического развития, есть уловка трусости. У Бауэра выходит, что применение насилия допустимо только в ответ на уже совершенный государственный переворот, когда нет более почвы «права», но недопустима за 24 часа до переворота для его предупреждения. По этой линии Бауэр строит водораздел между австро-марксизмом и большевизмом, как если бы дело шло о двух школах уголовного права. На самом деле разница состоит в том, что большевизм стремится низвергнуть господство буржуазии, а социалдемократия стремится увековечить его. Можно не сомневаться, что в случае осуществления государственного переворота Бауэр заявит: если мы не поднимем рабочих, когда имели могущественные организации, свободную печать, 43 % депутатов, венский муниципалитет — против фашистов, которые представляли собой анти-конституционные банши, покушавшиеся на законный порядок; то теперь, когда фашисты владеют государственным аппаратом и опираются на почву нового ими установленного государственного права, мы же лишены огня и воды, объявлены вне закона, не имеем легальных связей с массами, которые к тому же явно разочарованы, угнетены и в значительном числе переходят под знамя фашизма, — предлагать теперь вооруженное восстание могут только преступные авантюристы или большевики. Повернув таким образом свою философию на 180 градусов, австро-марксисты остались бы, однако, полностью верны себе.

Лозунг внутреннего разоружения превращается по реакционной низости своей, все, что мы до сих пор слышали со стороны социалдемократии. Эти господа умоляют разоружить рабочих пред лицом вооруженного буржуазного государства. Фашистские банды являются вель только вспомогательными отрядами буржуазии: распушенные сегодня, они в любой момент могут быть возрождены и вооружены вдвое против нынешнего. Рабочих же никто не вооружит, если социалдемократия разоружит их руками буржуазного государства. Социалдемократия бонется, конечно, оружием фашистов. Но едва ли не больше она бонется оружием в руках рабочих. Сегодня буржуазия еще бонется гражданской войной во-первых, потому, что не уверена в ее исходе, во-вторых, потому, что не хочет хозяйственных потрясений. Разоружение рабочих страшит буржуазию от гражданской войны: и тем самым доводит до максимума шансы фашистского переворота.

Требование внутреннего разоружения Австрии есть требование стран Антанты и первую голову Франции, во вторую — Англии. Французский офицер «Тан» строго разъясняет Шюберу, что внутреннее разоружение не-

обходимо в интересах как внешнего мира, так и частной собственности. Речь Гендерсона в парламенте развивала ту же тему. Защищая австрийскую демократию, Гендерсон защищал версальский договор. Австрийская социалдемократия, как во всех вообще важных вопросах, является здесь только передаточным аппаратом буржуазии стран-победительниц.

Социалдемократия не способна взять власть и не хочет ее взять. Буржуазия найдет, однако, что дисциплинировать рабочих через посредство социалдемократии возлагает на нее слишком большие накладные расходы. Буржуазия в делем нуждается в фашизме, чтоб держать социалдемократию в узде, а в случае надобности и вовсе отбросить ее в сторону. Фашизм хочет взять власть и способен овладеть ею. Овладев властью, он немедленно же полностью предоставит ее и распоряжение финансового капитала. Но это есть путь потрясений, тоже несущий с собою большие накладные расходы. Этим объясняются колебания буржуазии, внутренняя борьба разных ее слоев, и определяется ее наиболее вероятная политика в ближайший период: при помощи фашизма заставить социалдемократию помочь буржуазии перестроить конституцию так, чтобы сосчитать по-едино выгоды демократии и фашизма, — фашизма по существу, демократии по форме — с освобождением от излишних накладных расходов на демократические реформы и, по возможности, без новых накладных расходов) фашистского переворота.

Удастся ли буржуазии этот путь? Полностью, до конца и на длительный период он не может удался. Другими словами, буржуазия не может создать такой режим, который позволил бы ей мирно опираться и на рабочих, и на разоренную мелкую буржуазию, не неся расходов ни на социальные реформы, ни на потрясения гражданской войны. Противоречия слишком велики, они должны будут прорваться либо в одном, либо в другом направлении.

Так или иначе — австрийская «демократия» обречена. После нынешнего апокалиптического удара она может еще, разумеется, опираться и продержаться некоторое время, пока нога и кое-как ворочая языком. Возможно, что пеналобится дополнительный удар, чтобы свалить ее. Но судьба ее преддана.

Австро-марксизм вступает полностью в период расплаты за свои исторические преступления. Социалдемократия, спасая буржуазию от большевизма, облегчает спасение буржуазии от самой социалдемократии. Было бы совершенно нелепо закрывать глаза на то, что в случае победы фашизма произойдет не только физическое истребление немногочисленных коммунистов, но и беспощадный разгром всех организаций и опорных баз социалдемократии. В этом отношении, как и во многих других социалдемократия только воспроизводит историю либерализма, запоздалой дочерью которого она является. Либералы не раз в истории помогали феодальной реакции справиться с народными массами, после чего реакция ликвидировала самих либералов.

История поставила себе как бы специальную задачу: в наиболее яркой форме опровергать прогнозы и директивы Коминтерна, начиная с 1923 года. Так было с оценкой революционной ситуации в Германии в 1923 году; с оценкой мировой роли Америки и англо-американского антагонизма; с курсом на революционный подъем в 1924-25 гг., с оценкой движущих сил и перспектив китайской революции (1925 - 1927); с оценкой британского тред-юнионизма (1925 - 1927); с оценкой индустриализации и кулаком в СССР и так далее, без конца. Сейчас то же самое происходит с оценкой «третьего периода» и социал-фашизма. Молотов открыл, что «Франция стоит в первом ряду революционного подъема. Между тем, в действительности, из всех стран Европы, наиболее революционная ситуация сейчас имеется в Австрии, причем — и это самое замечательное — исходную позицию возможного революционного развития составляет не борьба коммунизма с социалфашизмом», а столкновение между социалдемократией и фашизмом. Пред лицом этого (факта несчастная австрийская компартия) совершенно загнана в тупик.

Да, столкновение социалдемократии и фашизма есть сейчас основной факт австрийской политики. Социалдемократия отступает и уступает, ползает на животе, умоляет, и сдает одну позицию за другой. Но столкновение имеет тем не менее вполне реальный характер, вопрос идет о голове социалдемократии. Дальнейшее наступление фашистов может — должно — толкнуть социалдемократических рабочих и даже часть социалдемократического аппарата гораздо дальше той черты, которую наметили для себя Зейлих, Отто Бауэры и другие. Как из конфликта либерализма с монархией не раз развертывалась революционная ситуация, перераставшая затем обоим противникам, так из столкновения социалдемократов и фашизма — двух антагонистических уполномоченных буржуазии — может развернуться революционная ситуация, которая в дальнейшем перерастет обоих.

Никуда не годится бы тот пролетарский революционер, который в эпоху буржуазной революции не умел бы оценить и понять конфликт между либерализмом и монархией и вместо того, чтобы революционно использовать конфликт, валит бы противников в одну кучу. Никуда не годится тот коммунист, который, стоя перед столкновением между фашизмом и социалдемократией, перекрывает его по-просту голдой формулой социалфашизма, лишаясь какого бы то ни было содержания.

Такого рода позиция — политика крикливой и пустой лезвизны — заранее преграждает коммунистической партии дорогу к социалдемократическим рабочим и дает совершенно законченную пищу правым и коммунистическому лагерю. Усиление правых одной из своих причин имеет то, что в своей критике они прощупывают явные и несомненные язвы официального коммунизма. Поскольку партия бессильна проложить себе дорогу к социалдемократиче-

ским рабочим, постольку правая оппозиция прокладывает путь к социалдемократическому аппарату.

Игнорирование или непонимание природы революционных кризисов, политический минимализм, перспектива вечной подготовки — таковы основные черты политики правых. Они должны чувствовать себя тверже всего, когда руководство Коминтерна пытается искусственно создать революционную ситуацию в административном порядке. Критика правых в таких случаях получает видимость убедительности. О революционной стратегии она не имеет, однако, ничего общего. Правые поддерживали оппортунистическую политику в самые революционные моменты (Германия, Китай, Англия). На критике бюрократического авантюризма они подправляют свою репутацию для того, чтобы снова сыграть роль тормоза в решающую минуту.

Политика центристов, закусивших удила, не только гонит правых, но гонит воду на мельницу австро-марксизма. Ничто в ближайший период не может спасти австрийскую социал демократию, — ничто, кроме ложной политики официального коммунизма.

Что означает собственно «социалфашизм»? Сколько бы ни мудрили незадачливые «теоретики», они ничего другого не могут на это сказать, кроме того, что социалдемократия готова защищать против рабочих основы буржуазного режима и свои собственные позиции в буржуазном режиме при помощи вооруженной силы. Но разве это не есть общая черта всех без исключения «демократических» партий? Разве мы когда-либо считали или думали, что демократия есть режим социального мира? Разве Керенский и Церетели не громили крестьян и рабочих в медовые месяцы демократической революции? Разве французские радикалы не применяли и до войны и после войны вооруженную силу против стачечников? Разве история господства республиканской и демократической партий в Соединенных Штатах не есть в то же время история кровавых расправ над стачечниками? Если все это есть фашизм, то история классового общества есть история фашизма: тогда на свете есть столько же фашизмов, сколько буржуазных партий: либерал-фашисты, радикал-фашисты, национал-фашисты и пр. и пр. Но какой тогда смысл получает самое это определение? Никакого смысла. Оно есть просто крикливый синоним классового насилия.

Ма назвали в августе 1914 г. демократический социализм социал-империализмом. Этим мы сказали, что социалдемократия является особым видом империализма, приспособленным для рабочего класса. Империализм объединяет социалдемократию со всеми без исключения партиями буржуазии. «Социализм» противопоставляет ее этим партиям. Социал-империализм определяет ее целиком.

Но фашизм, если не играть бессмысленно словами, вовсе не является общей чертой всех буржуазных партий, а представляет собой особую буржуазную партию, приуроченную к

особым условиям и задачам, противостоящую другим буржуазным партиям и наиболее резко противостоящую как раз социалдемократии.

Можно попытаться возразить на это тем, что враждебность между собой буржуазных партий очень относительна. Это будет не только верная, но и азбучная истина, которая, однако, ни на шаг не подвинет нас вперед. То обстоятельство, что все буржуазные партии, от фашизма до социалдемократии, ставят защиту буржуазного господства выше своих программных различий, не устраняет, однако, ни различия этих партий, ни их борьбы между собою, ни нашей обязанности использовать эту борьбу.

Австрийская социалдемократия более, чем какая бы то ни было другая партия Второго Интернационала совпадает с рабочим классом. Уже поэтому развитие революционного кризиса в стране предполагает прежде всего ряд глубоких внутренних кризисов в социалдемократии. В Австрии, где дифференциация зашла, не исключено, в частности, отделение от официальной партии «независимой» партии, которая, как это было в Германии, может сразу дать массовую основу компартии. Этот путь не обязателен, но во всей обстановке вполне вероятен. Перспектива возможного раскола социалдемократии под непосредственным давлением революционного кризиса, ни в каком случае не может вести к смягчению отношения компартии к будущим независимым или кандидатом к независимым. Необходимость беспощадного разоблачения левых, типа Макса Адлера или более свежего образца, не требует доказательств. Но было бы пагубным не предвидеть неизбежности в процессе борьбы с фашизмом сближения между компартией и широкими массами рабочих социалдемократов, которые при этом все еще будут чувствовать и считать себя социалдемократами. Критиковать перед ними буржуазный характер социалдемократии, доказывать им, что политика социалдемократии есть политика капитуляции перед фашизмом, есть прямая обязанность компартии. Чем острее будет становиться кризис, тем полнее коммунистическая критика будет подтверждаться опытом массы. Но отождествлять социалдемократию и фашизм, в то время, как социалдемократические рабочие смертельно ненавидят фашизм, а рабочие столь же смертельно боятся его, значит идти наперекор реальным политическим отношениям, значит внушать этим массам недоверие коммунизму, значит укрепить смелость этих масс с их вождями.

Нетрудно предвидеть, что сближение в одну кучу социалдемократии и фашизма порождает опасность идеализации левой социалдемократии, когда последние придет в более серьезное столкновение с фашизмом. Это уж доказано историческим опытом. Нужно вспомнить, что отождествление социалдемократии с фашизмом, впервые провозглашенное злощастным V-м конгрессом, нашло свой необходимый антитезис в капитуляции перед Перселем, перед Писеудским, перед Чан-Кай-Ши, перед Радичем, и перед Ляфолетом. Все это вполне закономерно. Кто отождествляет крайнюю левую

буржуазного общества с ее крайней правой, т. е. антро-марксизм с фашизмом, тот неизбежно подготавливает капитуляцию компартии перед левой социалдемократией в самый критический момент *).

Этот вопрос теснейшим образом связан с перспективными лозунгами австрийского рабочего класса: Советы депутатов и диктатура пролетариата. Вообще говоря, эти два лозунга тесно связаны между собой. Возникновение советов мыслимо только в условиях революционной обстановки, бурного движения масс, крупной и растущей роли компартии, т. е. в условиях предшествующих или сопутствующих завоеванию власти пролетариатом.

Но в Австрии больше, чем в какой бы то ни было другой стране, остается возможным не только несовпадение лозунга советов с лозунгом диктатуры пролетариата, но и прямое их противопоставление, т. е. превращение советов в оплот против диктатуры пролетариата. Это тем важнее понять и предвидеть заранее, что эпизоны (Зиновьев, Сталин и др.) превратили лозунг советов в вульгарный фетиш, подменяя классовое содержание организационной формой.

Совершенно не исключено, что, если не на нынешнем, то на следующем этапе борьбы австрийская социалдемократия окажется вынужденной возглавить всеобщую стачку (как это сделал британский совет профессиональных союзов в 1926 году) и даже санкционировать создание совета, чтоб тем скорее сохранить руководство ими в своих руках. Разумеется, это будет связано с большим или меньшим кризисом в партии. Придется из резерва извлечь Фридриха Адлера и проч. Макс Адлер или кто-нибудь еще более «левый» снова будет доказывать, что советы плюс демократия создают комбинированное государство и избавляют от необходимости захвата власти и диктатуры. Не только социалдемократические рабочие, но и рабочие-коммунисты, привыкшие слышать изо дня в день, что социалдемократия и фашизм одно и то же, окажутся застигнуты врасплох такого рода этапом в развитии борьбы между социалдемократией и фашизмом. А между тем наступление такого этапа означало бы только более сложную, более комбинированную систему прелательства социалдемократией интересов пролетариата. Ибо под руководством антро-марксистов советы стали бы не органами борьбы пролетариата за власть, а орудием удержания пролетариата от покушения на власть.

В Германии такой опыт, по крайней мере в развернутом виде, уже невозможен, ибо коммунистическая партия представляет там слишком крупную силу. Другое дело в Австрии. В случае быстрого развития событий кульминационный момент кризиса может наступить задолго до того, как австрийская компартия выйдет из своей изолированности и своего бессилия. Советы могут оказаться в руках антро-марксистов той механикой, которая дает им возможность исторично украсть у пролетариата

*) Я не могу здесь останавливаться на этом, тем более, что вопрос с достаточной подробностью рассмотрен в моей «Критике программы Коминтерна».

революционную ситуацию и тем самым вторично спасти буржуазное общество, с неизбежным, в таком случае, понижением открытого фашизма. Незачем говорить, что под его сапогом будут в таком случае трещать ребра самой социалдемократии. Политика не знает благодарности.

Лозунги советов и диктатура пролетариата имеют сейчас в Австрии чисто пропагандистское значение. Не потому, что Австрия далека от революционной ситуации, а потому что буржуазный режим в Австрии снабжен, в лице социалдемократии, все еще могущественной системой охранительных клапанов. Вопреки болтунам и фразерам, задача австрийской компартии в настоящий период состоит не в том, чтобы «вооружать» — чем? — массы — как? — и выводить их на последний решительный бой, а в том, чтобы «терпеливо разъяснять» (Ленин в зрелые 1917 г.!). Успех этой пропагандистской работы может оказаться тем более быстрым и могущественным, чем лучше сама компартия поймет, что происходит перед ее глазами.

Первым делом надо поэтому выбросить и сорную корзину неумное, безсодержательное, ухарское отождествление социалдемократии с фашизмом.

Надо восстановить в памяти австрийских коммунистов опыт 1918-1919 г. и роль социалдемократии в системе советов.

«Внутреннему разоружению» надо противопоставить лозунг вооружения рабочих. Этот лозунг стоит сейчас острее и непосредственнее, чем лозунг советов и диктатуры пролетариата. Сказать, что Бауэр фашист, этого рабочий не поймет. Сказать, что Бауэр хочет окончательно разоружить рабочего и тем выдать его с головой фашистам — это рабочий вполне поймет, потому, что это отвечает его политическому опыту.

Не нужно думать, что криком, визгом, радикальными словами можно возместить недостаток собственной силы. Нужно перестать подгонять реальный ход развития под дешевые схемы Сталина и Молотова. Надо понять, что они оба ничего не понимают. Первым шагом на пути возрождения должно было бы быть восстановление в партии левой оппозиции. Но в Австрии, как и в других местах, понадобится, очевидно, еще несколько дополнительных уроков истории, не менее чем коммунизм выйдет на настоящую дорогу. Задача оппозиции — подготовить этот переход. Как ни слаба численно левая оппозиция в Австрии даже по сравнению с компартией, но функции у них одинаковые: пропаганда, терпеливое разъяснение. Остается только пожелать, чтоб австрийской коммунистической оппозиции удалось в ближайшее время создать правильно выходящий орган, по возможности ежедневный, который вел бы пропагандистскую работу, не слишком отсталая от событий.

Создание такого органа требует большого напряжения сил. Но это задача совершенно неотложная. Поэтому она должна быть разрешена.

Л. Тронкий.

Константинполь, 13 ноября 1929 г.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В КИТАЕ?

Вопрос, который обязан поставить перед собой каждый коммунист

В отделе телеграмм «Правды» сообщалось в течение октября несколько раз мелким шрифтом, что вооруженный коммунистический отряд под руководством Чу-Де, успешно продвигается к Чжаочжоу (Гуандун), что отряд этот возрос с 5000 до 20000 и проч. Таким образом, из лаконических телеграмм «Правды» мы как бы мимоходом узнаем, что в Китае коммунисты ведут вооруженную борьбу против Чан-Кай-Ши. Каков смысл этой борьбы? Каково ее происхождение? Каковы ее перспективы? Об этом нам не говорят ни слова. Если в Китае новая революция созрела до такой степени, что коммунисты взяли за оружие, тогда, казалось бы, надо мобилизовать весь Интернационал пред лицом событий столь гигантского исторического значения. Почему однако об этом ничего не слышно? Если же обстановка в Китае не такова, чтоб можно было говорить о вооруженной борьбе коммунистов за власть, то как и почему коммунистический отряд открыл вооруженную борьбу против Чан-Кай-Ши, т. е. против военно-буржуазной диктатуры?

Да, почему восстали китайские коммунисты? Потому ли, что пролетариат успел залечить свои раны? Деинорализованная и обезкровленная компартия снова успела подняться на революционной волне? Рабочие городов обеспечили связь с революционными массами деревни? Волна стачек разлилась по всей стране? Всеобщая стачка подвела пролетариат к восстанию? Если дело обстоит так, тогда все понятно и все на месте. Но почему в таком случае «Правда» печатает об этих событиях в нескольких строчках петица?

Или, может быть, китайские коммунисты восстали, потому, что получили последний молотовский комментарий к резолюции о третьем периоде? Недаром же Зиновьев, который, в отличие от других капитулянтов, все еще притворяется живым, выступил в «Правде» со статьей, в которой доказывает, что господство Чан-Кай-Ши точь-в-точь похоже на временное господство Колчака, т. е. является простым эпизодом в процессе революционного подема. Эта аналогия, конечно, очень болит дух. К несчастью, она не только фальшивая, но и просто глупа. Колчак организовал провинциальное восстание против диктатуры пролетариата, господствовавшей над важнейшими центрами страны. В Китае над страной господствует буржуазная контр-революция. Коммунисты же подняли маленькое провинциальное восстание в составе нескольких тысяч человек. Думается, что мы вправе спросить: вытекает ли это восстание из обстановки в Китае, или из директивы насчет третьего периода? Мы спрашиваем далее, какова во всем этом политическая роль китайской компартии? Каковы те лозунги, под которыми она мобилизует массы? Какова степень ее влияния на рабочих? Мы об этом ничего не слышим. Восстание Чу-Де является как бы воспроизведением авантюристских походов Хо-Луна и Че-Тина в 1927 году, и кантонского

восстания, приуроченного к моменту исключения оппозиции из ВКП).

Может быть, восстание возникло самопроизвольно? Допускаем. Но что означает в таком случае, разрывающееся над ним коммунистическое знамя? Каково отношение к восстанию официальной китайской компартии? Какова позиция в этом вопросе Коминтерна? Почему, наконец, сообщения о коммунистическом восстании, московская «Правда» не дает никаких комментариев?

Но есть, еще одно возможное объяснение, пожалуй, самое тревожное: не восстали ли китайские коммунисты в связи с тем, что Чан-Кай-Ши захватил восточно-китайскую дорогу? Не имеет ли это восстание, чисто партизанское по своему типу, своей целью причинить Чан-Кай-Ши как можно больше беспокойств в тылу? Если это так, то мы спросим: кто подал такой совет китайским коммунистам? Кто несет политическую ответственность за их переход к партизанской борьбе?

Не так давно мы решительно осудили разглаживание о необходимости передать из рук русской революции в руки китайской контр-революции такое важное орудие, как восточная железная дорога. Мы напомнили об элементарной обязанности международного пролетариата в этом конфликте встать на защиту советской республики против буржуазного Китая и всех его возможных подстрекателей и союзников. Но совершенно ясно, с другой стороны, что пролетариат СССР, имеющий в своих руках власть и армию, не может требовать, чтобы авангард китайского пролетариата вступил теперь в войну с Чан-Кай-Ши, т. е. встал на тот путь, на который не решается встать (и правильно делает) правительство советской республики. Если бы между СССР и Китаем, вернее сказать, между СССР и империалистическими защитниками Китая, началась война, долг китайских коммунистов состоял бы в том, чтобы как можно более ускорить превращение этой войны в гражданскую. Однако, и здесь открытие гражданской войны должно было бы быть подчинено общей революционной политике. Переходить на путь открытого восстания китайские коммунисты могли бы не по произволу и в любой момент, а лишь заручившись, как партиз, необходимой поддержкой рабочих и крестьянских масс. Восстание в тылу Чан-Кай-Ши явилось бы в этом случае продолжением фронта советских рабочих и крестьян. Судьба восставших китайских рабочих была бы непосредственным образом связана с судьбой советской республики. Задача, цель, перспектива — все было бы ясно.

Но какая перспектива открывается перед изолированными партизанским восставшим китайскими коммунистами, сейчас — при отсутствии войны и при отсутствии революции? Перспектива жесточайшего разгрома и авантюристического перерождения остатков коммунистической партии.

Однако, надо сказать прямо: расчет на партизанскую авантюру вполне отвечает общей природе сталинской политики. Два года назад Сталин ждал великих благ для государственной

безопасности от союза с империалистами британского Генерального Совета. Сейчас он вполне способен считать, что восстание коммунистов в Китае, хотя бы и совершенно безнадежное, все же может принести в трудном положении «маленькую пользу». В первом случае расчет имел грубо оппортунистический характер; во втором — явно авантюристический. Но в обоих случаях расчет строится в стороне от общих задач мирового рабочего движения, в разрез с этими задачами и во вред правильно понятым интересам советской республики.

Для окончательного заключения в нашем распоряжении нет всех необходимых данных. Мы поэтому спрашиваем: что происходит в Китае? Пусть нам объяснит коммунист, который не поставит перед собой и перед руководством этого вопроса, не достоин званья коммуниста. Руководство, которое захотело бы осторожно оставаться в стороне, чтобы, в случае поражения китайских партизан, снова умыть руки и извалить ответственность на ЦК кинкомпартии, такое руководство запинает себя, правда, не в первый раз, тигчайшим преступлением против интересов международной революции.

Мы спрашиваем: что происходит в Китае? Мы будем ставить этот вопрос, пока не добьемся ответа.

Л. Троцкий.

9 ноября 1929 г.

КИТАЙСКИЕ КОММУНИСТЫ О КИТАЙСКО-СОВЕТСКОМ КОНФЛИКТЕ

Тов. Троцкий получил 22-го октября письмо из Китая от коммунистско-оппозиционеров. Заключительная часть этого письма гласит:

«Какова ваша позиция в вопросе о Китайско-восточной железной дороге? Здесь (в Китае) выдвинуты три главных лозунга тремя коммунистическими группами:

1. С нашей стороны (т. е. со стороны левой коммунистической оппозиции): против захвата китайской восточно-железной дороги Гоминданом! Защита СССР в интересах мировой революции!».

2. Ц. К.: «против интервенции и защита СССР!».

3. Со стороны группы Чен-Ду-Сю*: «против предательской политики Гоминдана».

Сообщение из Москвы от одного из наших товарищей гласит, будто вы выступаете за передачу Китайско-восточной железной дороги Китаю. Это кажется мне совершенно невероятным. Не могли ли бы вы написать по поводу этого вопроса?

Ваш Х.

*) Нам сообщают, что группа т. Чен-Ду-Сю, которую Коминтерн преиспратил в козла отпущения, за политику Сталина-Бухарина-Мартынова, эволюционировала значительно влево под влиянием уроков китайской революции.

Эти несколько строк являются тяжеловесным аргументом в дискуссии по поводу советско-китайского конфликта. В Китае, как мы видим, нет ни одной коммунистической группы, которая согласилась бы поддержать лозунг об укреплении китайской контр-революции за счет советской республики. Московская печать, как и печать Коминтерна, изо всех сил старается подкинуть левой коммунистической оппозиции точку зрения коршистов, Урбанса, и проч. Этим объясняется письмо из Москвы в Шанхай о том, будто тов. Троцкий — за передачу дороги генералам Гоминдана. Разве не замечательно тот факт, что китайский оппозиционер, отделенный десятками тысяч километров (письмо его шло 42 дня), несмотря на категорическое известие из Москвы, заявляет: «это кажется мне совершенно невероятным».

Пройдет еще несколько недель и в рядах оппозиции будут о статьях Лузона и Урбанса вспоминать, как о непонятном недоразумении.

Шанхай, 4 октября 1929 г.

В центре внимания китайских коммунистов стоят, разумеется, основные вопросы китайской революции. У левой оппозиции напряженная идейная работа, связанная неизбежно с трениями. Слишком велики были события и пораже-

ния, чтоб мы могли сразу прийти к правильным и единодушным выводам.

Среди сторонников Чен-Ду-Сю, повидному, преобладает оценка движущих сил и перспектив китайской революции в духе Радека и Преображенского, т. е. в духе демократической диктатуры. Но окончательное мнение не сложилось и у них.

Что касается положения внутри официальной партии, то оно, увы, слишком ярко подтверждает предвидения оппозиции: после оппортунистической полосы и после авантюристской полосы, партия вступила в «стрелью стадию», — теперь она сочетает авантюризм с оппортунизмом. С одной стороны партийное руководство заставляет коммунистов заниматься непрерывными демонстрациями без всякой связи с массами; с другой стороны оно толкает многих работников на путь участия в авантюрах «левых» гоминдановских генералов, т. е. повторяют старые ошибки. Можно сказать без преувеличения, что как теоретически, так и политически, в партии сейчас господствует хаос. Пропаганда криклива и пуста. В директивах всегда говорится о необходимости идти с массовым движением. Но это остается голой фразой. Никакой самостоятельной политической инициативы партия не проявляет. Это и неудивительно, так как партия политически разоружена; у нее нет никаких лозунгов, никакой программы действия.

Ван С.

ИЗ АРХИВА ОППОЗИЦИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы печатаем здесь протокол исторического заседания Петроградского Комитета большевиков 1-го (14) ноября 1917 года. Власть была уже завоевана, по крайней мере, в важнейших центрах страны. Но борьба внутри партии по вопросу о власти далеко еще не прекратилась. Она перешла только в новую стадию. До 25-го октября представители правого крыла (Зиновьев, Каменев, Рыков, Калинин, Луначарский и пр.) доказывали, что восстание преждевременно и приведет к поражению. После победоносного восстания они стали доказывать, что большевистская партия не способна удержаться у власти без коалиции с другими социалистическими партиями, т. е. эсерами и меньшевиками. На этом новом этапе борьба правых приняла чрезвычайную остроту и закончилась выходом представителей этого крыла из Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета партии. Нужно помнить, что этот кризис произошел через несколько дней, после завоевания власти.

Каково было поведение в этом вопросе нынешних центристов и, прежде всего, Сталина? Но существу дела он был центристом и тогда, поскольку ему вообще приходилось занимать самостоятельную позицию или высказывать собственное мнение. Но это был центрист, боившийся Ленина. Вот почему, в наиболее критические моменты идейной борьбы — начиная с 4-го апреля 1917 года, и кончая болезнью Ленина, — Сталин политически почти не существовал. Меньше всего он существовал в течение 1917 года. Приехав вместе с Каменевым из Ачинска в Петроград и завладев редакцией «Правды», вместе с Каменевым и бывшим депутатом Мурановым, Сталин повел вульгарно-демократическую и полубороческую линию, которую Каменев формулировал все же более осмысленно и законченно. После приезда Ленина, Каменев продолжал отстаивать свою позицию и провел ее, по своему, через октябрь и ноябрь 1917 года. Сталин же сразу замолчал и отошел к стороне. Его мартовская деятельность в «Правде», когда он отбросил от редакции революционные элементы, была у всех еще в памяти. И психологически, и политически у Сталина не было никакой возможности в 24 часа вывернуться назад и занять активную позицию в лагере Ленина против оппортунистического крыла, одним из лидеров которого Сталин был до приезда Ленина. Вот почему нельзя найти почти ни одного вопроса, по которому Сталин занял бы в тот период решительную позицию и открыто бы ее защищал.

Как показывает настоящий протокол, революционная линия партии защищалась совместно Лениным и Троцким. Но именно поэтому печатая этот протокол не вошел в состав собрания протоколов Петроградского Комитета, изданного под заглавием «Первый легальный Ц. К. большевиков в 1917 г.» (госуд. издательство 1927 г.). Впрочем, мы неточно выражаемся. Протокол заседания 1-го ноября

входил в первоначальный план книги, был набран и корректурные листы его были тщательно просмотрены. Доказательство этого мы даем в виде фотографического снимка части этих корректурных оттисков. Но протокол этого исторического заседания находился в слишком обильном, прямо-таки невыносимом противоречии с фальсификацией истории октября, производимой под мало просвещенным, но ревносным руководством Ярославского. Что оставалось делать? Ленинград запросил Москву, Центральный Истпарт запросил секретариат ЦК. Последний дал указание: изъять протокол из книги, так чтобы не осталось никаких следов. Пришлось спешно пере набрать оглавление и изменить нумерацию страниц. Но след все же остался в самой книге. Заседание 29-го октября кончается назначением следующего заседания на среду (1-го ноября). Между тем, по книге «следующее» заседание происходит в четверг, 2-го ноября. Гораздо более важный след сохранился, однако, вне книги, в виде упомянутых уже корректурных оттисков с собственноручными исправлениями и пометками редактора книги П. Ф. Куделли.

В качестве официальной причины сокрытия важнейшего из всех протоколов Петроградского Комитета за 1917 год, Куделли сделала на корректуре пометку: «Речь В. И. Ленина записана секретарем заседания Петербургского комитета с большими пропусками и сокращениями отдельных слов и фраз. Местами запись его речи не поддается расшифровке, поэтому, чтобы не дать ее в искаженном виде, речь эта не печатается».

Совершенно верно, что протокольная запись несовершенно, заключает в себе немало пропусков и неясностей. Но это полностью и целиком относится ко всем протоколам Петроградского Комитета за 1917 год. Заседание 1-го ноября записано, пожалуй, лучше некоторых других. Речь Ленина, как известно, вообще трудно поддавалась записи, даже стенографической, вследствие особенностей его ораторского изложения: крайней быстроты речи, сложности построения фраз, резких и крутых вставок и пр. Тем не менее основной смысл речи Ленина 1-го (14) ноября вполне ясен. Речь Луначарского и две речи Троцкого изложены вполне удовлетворительно. Причина изгнания протокола совсем иная. Ее нетрудно найти. Она показана на полях корректурного оттиска жирной чертой и огромным вопросительным знаком, которые припадают против следующих слов текста:

«Я не могу даже говорить об этом (о соглашении с меньшевиками и эсерами) серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего блэшевика».

Вот эта фраза окончательно выбила из равновесия секретариат ЦК и вызвала перестройку всей книги, которая и без того неприятна, так как даже в нынешнем своем обновленном виде является убийственным документом

против фальсификаторов. Достаточно хотя бы сказать, что точка зрения Центрального Комитета при изложении ее в районах называлась «точкой зрения Ленина и Троцкого» (см. стр. 345). Но за всем не усмотреть даже и прилежнейшему Ярославскому.

Было бы, кстати, прелюбопытно восстановить собственное идейное творчество этого бездарного компилятора и злобного фальсификатора в течение 1917 года. Мы надеемся в нашем архиве отвести этому несколько страниц. Здесь напомним лишь, об одном, мало известном, или хорошо позабытом факте. После февральской революции Ярославский издал в Якутске вместе с меньшевиками журнал «Социал-Демократ», который представлял собой образчик предельной политической пошлости и стоял на самой грани между меньшевизмом и захолустным либерализмом. Ярославский возглавлял тогда якутскую принудительную камеру, дабы охранять благолешие демократической революции от столкновений рабочих с капиталистами. Тем же духом были проникнуты все статьи журнала, редактором которого был Ярославский. Другими сотрудниками, не нарушавшими дух издания, являлись: Орджоникидзе и Петровский, нынешний председатель украинского ЦИК-а. В передовой статье, которая могла бы показаться невероятной, если бы не была напечатана черным по белому, Петровский разназывал слезы унижения по поводу пожертвованных неким чиновником 50 р. на благо дела и выражал убеждение, что революция получит настоящий расцвет с того момента, когда имущие классы последуют примеру благородного тигулярного, а может быть, и надирного, советника. Вот эти строго выдержанные «марксисты» и негнбимые «революционеры» редактируют теперь Ленина и пытаются редактировать всю историю. На корректурном оттиске первоноябрьского заседания они уверенно пишут: «в разбор» (см. фотографический снимок). Вот именно: историю Октябрьской революции — «в разбор!» Ленина — «в разбор!» Перебрать заново историю России за треть столетия. Ярославский — автором, корректором и метранжажем новой сталинской истории!

Но уж, Ярославский «проснулся» на сей раз. «Разбора» не вышло. Нельзя ведь разобрать без живых людей. Корректурный оттиск со всеми пометками немаленько же попал в руки оппозиции. Это не единственный документ такого рода.

Что касается правки печатаемого нами текста, то мы применили в общем и целом те приемы, какими руководствовалась и редакция названного нами сборника протоколов П. К. В тех случаях, когда смысл фразы не оставляет никакого места сомнениям, мы — исправили грамматику или синтаксис в интересах читателя. Оборотные или непонятные фразы мы подчеркивали. Общий ход всего заседания и представленных на нем течений и группировок выступают, несмотря на все недочеты записи, с полной бесспорностью и внутренней убедительностью. Печатаемая настоящим документ, мы спасаем для истории живую и немаловажную часть истории Октябрьской революции.

Редакция.

ЗАСЕДАНИЕ

Петербургского Комитета РСДРП (б)
1/14 ноября 1917 г.

Поднимается вопрос об исключении из партии А. В. Луначарского *) . Я. Г. Фенигштейн-Далецкий **) против. Предложение голосуется.

Исключение отвергается.

Текущий момент — докладчик Я. Г. Фенигштейн.

Я. Г. Фенигштейн. — Я случайно являюсь докладчиком. Может быть кто-либо другой сделает доклад? Не принимается.

Цель — ближайшая координация работы. Дело касается соглашения (меньшевизма и эсерами). Соображения о «слюющей крови» и устойчивости рабочих — не должны доминировать. Для той политической партии, которая хочет делать историю, — эти факты не должны быть препятствием. Задача: что делать, чтобы удовлетворить справедливые требования рабочих и крестьян? Чем была вторая революция? Она была неизбежной. Классовые противоречия нарастали. Мы на это указывали. Революция не была только политической. Она несла с собой ряд изменений в экономической и социальной областях. Совершался великий процесс, исчезали иллюзии. Настроение советной и народных масс менялось, они терли (соглашательские) иллюзии. Все приходило к выводу о необходимости советской власти. Под этим лозунгом мы развивались и росли. Выработали ряд лозунгов об экономической борьбе и пр. Наша партия росла. Мы имели поддержку в массах.

Ленин. — Я не могу делать доклад, но знакомлю с одним вопросом, который очень всех интересует. Это вопрос о партийном кризисе, который разразился (открыто) в то время, когда партия была уже у власти.

Для всех, следящих за жизнью партии, не новость — полемика, которая велась в «Рабочем Пути», и мои выступления против Каменева и Зиновьева. Раньше в «Деле Народа» говорили, что большевики побоятся взять власть. Это заставило меня взяться за перо, чтобы показать всю несостоятельность и бездонную глупость социалистов-революционеров. Я написал: «Удержат ли большевики государственную власть?» *). Был поднят вопрос на заседании ЦК 1-го октября о вооруженном выступлении. Я боялся оппортунизма со стороны интернационалистов — объединителей, но это рассеялось, тогда как в нашей партии некоторые (старые)

*) Луначарский выступал за коалицию с меньшевиками и с. р. вышел из правительства ссылаясь на (мнимое) разрушение храма Василия Блаженного в Москве. Предложение об исключении Луначарского внесено было по инициативе Ленина.

**) Имя директор ТАСС.

*) «Удержат ли большевики государственную власть» — статья Ленина, написанная в конце сентября 1917 г. и напечатанная в журнале «Пролетарские культуры», а затем изданная отдельной брошюрой.

члены ЦК не согласились. Это меня крайне огорчило. О власти вопрос был таким образом давно поднят. Не могли же мы теперь отказаться из-за несогласия Зиновьева и Каменева? Восстание (объективно) необходимо, товарищи Зиновьев и Каменев стали агитировать против восстания, их стали рассматривать, как штрейкбрехеров. Я даже обратился письменно в Центральный Комитет с предложением об исключении их из партии.

Я резко выступил в печати, когда Каменев выступил в Центральном Исполнительном Комитете Советов**). Я не хотел бы (теперь, после победы) относиться к ним строго. На переговоры Каменева в Центральном Исполнительном Комитете о соглашении, я смотрел доброжелательно, ибо принципиально мы не противимся им.

Когда социалисты-революционеры, однако, отказались от участия во власти, я понял, что они это сделали после того, как поднял (вооруженное) сопротивление Керенский. С Москвой (т. е. с захватом власти в Москве) дела затянлись. Наши правые впали в пессимизм. Москва, мол, взять власть не может и пр. И тут у них возник вопрос о соглашении.

Дело восстания — новое, нужны другие силы, другие качества. В Москве, например, произошло много таких случаев, где проявилась юнкерами жестокость, расстрел пленных солдат и пр. Юнкера — буржуазные сынки — понимали, что с властью народа кончается власть буржуазии, ибо ведь еще на конференции мы наметили ряд таких мер, как захват банков и пр. Большевики же, наоборот, были часто черезчур добродушны. А если бы буржуазия была победительницей, она б поступила, как в 1848 и 1871 г. г. Кто же думал, что мы не встретим саботажа буржуазии? Это же младенцу было ясно. И мы должны применить силу: арестовать директоров банков и пр. Даже кратковременные их аресты уже дали результаты, очень хорошие. Это меня мало удивляет, и знаю, как они лично мало способны бороться, самое главное для них — сохранить тепленькие местечки. В Париже гильотинировали, а мы лишь личным продюльствам карточек тех, кто не получает их от профессиональных союзов.

***) Каменев, 4/17 августа 1917 г. выступил на заседании Центрального Исполнительного Комитета Советов по поводу своего ареста, а 6/19 августа также по поводу Стокгольмской Международной Социалистической Конференции, которую предполагали созвать летом 1917 г. социал-соглашатели и целью скорейшего заключения мира путем давления социалистических партий на правительство своих стран. Каменев выступил 6/19 августа от своего имени, за участие в Конференции, несмотря на решение Центрального Комитета партии против участия в Стокгольме.

****) Ни Ленин, ни Троцкий не возражали сначала против переговоров о коалиции с меньшевиками и эсерами, при условии прочного большинства за большевиками, и признавая этими партиями власть советов, декретом о земле и мире и т. д. Они не сомневались, что из переговоров ничего не выйдет. Но нужен был предметный урок.

Этим мы исполним свой долг. И вот в такой момент, когда мы у власти — раскол. Зиновьев и Каменев говорят, что мы не захватим власти (во всей стране). Я не в состоянии спокойно выслушивать это. Рассматриваю, как измену. Чего им хочется? Чтобы началась (стихийная) поноженина? Только пролетариат может вывести страну... А соглашение?

Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика.

Зиновьев говорит, что мы не советская власть, мы же одни большевики, социалисты-революционеры и меньшевики ушли и пр. Но ведь не по нашей вине. Мы избраны Съездом Советов. Это организация новая. В нее идут те, кто хочет бороться. Это не народ, но авангард, за которым тянется масса. Мы идем с массами, активными, не с усталыми. Сейчас отказываться от развития восстания (значит сдаваться) массам усталым, а мы — с авангардом. Советы себя определяют (в борьбе). Советы — авангард пролетарских масс. Теперь нас приглашают повенчаться с Городской Думой — это абсурд.

Нам говорят, что мы хотим «вести» социализм — это абсурд. Мы не хотим делать крестьянский социализм. Нам говорят, что надо «стоять». Но это невозможно. Говорят даже, что мы — не советская власть. А кто же мы? Не соединяться же с думой. Нам бы еще стали предлагать соглашение с Румчердом, с Викжемем*), и пр. Это торгашество. Может быть, еще с генералом Каледным? Соглашатели, а потом они будут вставлять палки в колеса. Это было бы низвержение торгашества, а не советская власть. На конференции надо поставить вопрос именно так. 99 % рабочих за нас.

Если будет раскол — пусть. Если будет их большинство — берите власть в Центральном Исполнительном Комитете и действуйте, а мы пойдем к матросам.

Мы у власти. Переходит теперь в «Новую жизнь»**), на это кто способен? Снизьки, бесприщипные: то с нами, то с меньшевиками. Они говорят, что мы одни не удержим власти и пр. Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать, теперь возможна только социалистическая революция. Все эти колебания, сомнения (соглашения) — это абсурд. Когда я говорил (на народном собрании) будем бороться с саботажниками) хлебными карточками — лица солдат оживляются. (Правые) утверждают, что солдаты неспособны к борьбе. Но нам говорят ораторы, выступающие

*) Румчерд — Об'єднаний Исполнительный Комитет Советов Солдатского Депутатского Румынского фронта, Черноморского побережья и Одесского гарнизона.

Викжемь — Всероссийский Исполнительный Комитет Железнодорожников. Оба эти органа находились в руках социалистов-соглашателей.

**) «Новая Жизнь» — газета Горького, в которой правые (Дунчаевский, Зиновьев, Каменев, Рыков и др.) выступали против ЦК.

Вопросы
Исторического Комитета (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))
1 (14) ноября 1917 г.
Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Исторический Комитет (ОДРП (б))

Handwritten notes in Russian, including the name "Исторический Комитет" and other illegible text.

перед массами, что они не видели еще такого энтузиазма. Только мы создали план революционной работы. Только мы способны бороться и пр. А меньшевики? Они за нами не пойдут. Вот на предстоящей конференции и нужно поставить вопрос о дальнейшей социалистической революции. Перед нами Каледони — мы еще не победили (до конца). Когда нам говорят (Винявель, саботажники и пр.), что сплести нет, тогда необходимо арестовывать — и мы будем. И пускай нам на это будут говорить ужасы о диктатуре пролетариата. Вот винявельские арестованы — это я понимаю. Пускай вопит об арестах. Тверской делегат на съезде советов сказал: всех их арестуйте *) — вот это я понимаю; вот он имеет понимание того, что такое диктатура пролетариата. Нам

*) Тверской делегат-крестьянин требовал на съезде советов 25 октября (7 ноября) ареста Анисимова и других вожаков-соплатателей тогдашнего Крестьянского Союза.

лодунг теперь: без соглашений, т. е. за одностороннее большевистское правительство!

Луначарский. — Я хотел бы поделиться с вами впечатлением о массах, которые сражались. Я с удивлением выслушал речь Владимира Ильича о том, что якобы Каменев не признает революцию социалистической. Однако, кто стоит у власти? Большевики — это одно говорит. Я не знаю, чтоб Каменев был на меньшевистской точке зрения. Наше влияние растет. Крестьяне переходят на нашу сторону. И городской рабочий понимает, что для него не безразличен вопрос о земле. В основе декрета о земле понимается зерновская резолюция. Мы вводим это в программу нашей деятельности, мы можем ввести это и при назначении правительства **). Мы (правая оппозиция) настаивали

**) Мысль Луначарского такова: раз большевики исключили в свой декрет о земле крестьянский пакал, проникнутый зерновским духом, то большевики должны и власть поделить с есерами.

на том, что необходимо однородное социалистическое министерство. Мы говорим — нет места конституционалистам-демократам (кадетам).

Мы указывали далее на необходимость рабочего контроля, регулирования производства через заводские и фабричные комитеты, с этим соглашаются другие партии. Мы заставим всех принять этот пункт. В этом вся наша программа плюс власть советов. Значит ли, что мы отказываемся от городских дум? Да ведь в них наши сидят. Если эти Думы захотят взять (власть), то мы их громить будем. Значит ли, что мы хотим дать Думам кусочек власти? Нет, только представительство (в советском прави-

вать по линии меньшего сопротивления, а не брать в штыки каждую станцию. Иначе мы ничего не сможем сделать. Это первый этап. Надо завладеть первой ступенью, чтоб потом идти дальше! Нельзя же делать таких скачков, надо постепенно переходить по ступеням *). Мы должны укрепить нашу ситуацию скорейшим путем. Мы должны изгнать весь госаппарат, а затем дальше идти. Кто натягивает струну слишком, — тот обрывает ее. Она лопнет. Сейчас представитель (партии) в морском комитете говорит; что у большинства матросов такое наступило настроение, что готовы прийти к Смольному и заявить, что не согласны вести гражданскую войну из-за того, больше или

... о заводе Бавков и пр. Вильсонов был часто чересчур... ступенью, как в 1871 г. и 1871 г.?) Кто же думал, что мы не встретим саботажа буржуазии; это же мысленно ясно. И мы должны арестовать директоров и их кратковременные аресты давали результаты очень хорошие.
... Это меня не удивляет, знаю, как они мало способны бороться, самое главное для них? сохранились тенденции мстечки. В Нарве, где они и провозгласили, а мы имеем их продолжением; карточек, так, что не подучают от профессиональных советов, эти неопытные свои дела; И вот в такой момент, когда мы у власти — тут революция! И вот они говорят, что мы не захватим власти и пр. И не в состоянии способны выдвинуть это?! Рабочий комитет... (на разобрали, Ред.) как вышло? Что им хочется? Чтобы власть, пожалуйста? Только арестовать может вывести страну. А что дальше? Нам сочувствуют, даем! с официальными представителями? Если да? И. Дав? будет рус?.. а да? И. Дав? — если буржуазия... (на разобрали, Ред.)
... И мы могу даже говорить об этом серьезно. Трудный дело сказать, что справедливо, невозможно. Трудный это попал и с тех пор не было бы больше большевика.
... Эмпирически, говорят, что мы не советская власть, мы одни большевики, революционеры и с советскими думами, но не по нашей воле. Мы говорим (Генерал Кошаров). Это организация новая. В него идет то, что хочет бороться. Это не партия, но аппарат, да итерим, аппарат, масса. Мы идем с массами, активными, но уставшим. Сейчас отказываться от волеизъявления... (на разобрали, Ред.) мыслят, усталым, а мы с аппаратом. Совет себя определяет. Совет — аппарат, аппарат — масса. Нет других — все буржуа и прочие. Теперь нас приглашают участвовать в Государственной Думе... это абсурд.

тельстве). И неужели же из-за этого стали бы продолжать гражданскую войну? Нет, не надо. Переизбрать Думы — это другое дело. Вот мы 8 дней у власти, но мы не знаем, извещали ли народу декрет в мире... Кто это сделал? Технический персонал, который буржуазия или мелкобуржуазия. Он нас саботирует. Если бы Государственная Дума требовала изменения главной линии — это другое дело, но если только представительства по власти, то и говорить не приходится. Мы не паддем сами ничего. Намнетя год. Если не будут с нами те, которые саботируют, т. е. технический аппарат, то и агитацию нашу не будут заграничной читать, и мы ничего не паддем. Можно, конечно, действовать путем террора — но зачем? на что?

Мы будем стремиться к соглашению. Но если они будут нас хватать за руку, то на то мы и решительные люди, чтоб дать отпор... В настоящий момент мы должны прежде всего завладеть всем аппаратом. Это значит действо-

меньше будет власти у большевиков. Это исключительное положение может продолжаться недолго. Затягивать его — значит истощить кривою без поддержки технического аппарата.

И удивляюсь Владимиру Ильичу на счет его слов о переговорах с генералом Калядиным **).

*) Мы слышали здесь из уст Луначарского ту формулу, которая составляет лейтмотив всей деятельности Сталина. Отстаивая и отношении Германии (1923 г.), Китая, Англии ту самую политику сотрудничества и крохоборчества, которую Луначарский отстаивал в конце 1917 г., Сталин неизменно повторял: «Нельзя делать скачки, надо постепенно переходить по ступеням».

**) Ленин, очевидно, сказал: если наступит и переговоры для ликвидации гражданской войны, то уж с Калядиным, а не с меньшевиками. Официальным редакция Истпарта, как показывает ее примечание, совершенно не поняла этого чисто ленинского довода.

он де реальная сила, а меньшевики переальная. Но ведь эта переальная сила сможет двинуть с фронта войска и произвести под Финнией бой и не пустить сюда латышских стрелков. Технически мы ничего не сможем сделать на той позиции, которую заняли. Мы стали очень любить войну, как будто мы не рабочие, а солдаты, военная партия. Надо созидать, а мы ничего не делаем. Мы в партии полемизируем и будем полемизировать дальше, и останется один человек — диктатор (**).

Не сможем справиться арестами, нельзя атаковать технический аппарат, — он слишком велик. Народ так рассуждает: наша программа должна быть выполнима при сохранении оружия в руках рабочих. Мы можем на этом отдохнуть. Сейчас мы не можем, однако, работать, ибо нет аппарата. Так это будет длиться недолго. Мы должны показать, что мы можем реально строить, а не только говорить: «дерись, дерись», и штыками расчищать путь, — это не поведет нас ни к чему. Заставить людей, работающих плохо, работать лучше — легче, чем силой заставить неработающего работать. Я считаю перед всеми этими трудностями соглашение желательным. Никакие доказательства — ни на счет меньшевиков убеждать массы не могут. Я хорошо знаю, что работать так, как ныне, невозможно. Нельзя принципиально и нельзя рисковать массами жизнью.

Не плодите разногласий, — а они уже есть; массы к этому относятся нервно.

Троцкий. — Нам говорят, мы неспособны строить. Но тогда надо просто уступить власть тем, которые были правы в борьбе против нас. А ведь мы уже сделали большую работу. Нельзя говорить, видеть на штыках. Но и без штыков нельзя. Нам нужен итак там, чтобы сидеть здесь. Весь опыт, что мы проделали, нас должен уже чему-нибудь научить. Был бой в Москве, — да, там был серьезный бой с юнкерами. Но ведь юнкера не подчинены ни меньшевикам, ни Викжелею, и от соглашения с Викжелем не исчезнет борьба с юнкерскими отрядами буржуазии. Нет, будет вестись и впредь жестокая классовая борьба против нас. Вся эта мешавская сюсюлка, что сейчас не в состоянии встать ни на ту, ни на другую сторону, когда узнает, что наша власть сильна, будет с нами, в том числе и Викжель. Благодаря тому, что мы раздали под Питером казаков Краснова, на другой же день появилась масса сочувствующих телеграмм. Мелкобуржуазная масса имеет силы, которой она должна подчиниться. Кто не понимает этого — тот не понимает ничего в мире, еще меньше — в государственном аппарате. Карл Маркс еще в 1871 г. говорил, что новый класс не может просто воспользоваться

старым аппаратом. Там свои интересы и навыки, — и они дают отпор. Его нужно разбить и обновить, только тогда можно работать.

Если бы это было не так, если бы старый царский аппарат был пригоден для новых наших целей, то вся революция не стоила бы выведенного яйца. Нужно создать аппарат, который бы мог на деле объявить интересы народных масс выше частных интересов самого аппарата.

Вопрос о классах и об их борьбе, оставался чисто книжным для многих в нашей среде. А как попохали революционной действительности, то и заговорили по другому (т. е. о соглашении, а не о борьбе).

То, что переживаем, это глубочайший социальный кризис. Сейчас пролетариат производит ломку и смену аппарата власти. Спротивление их отражает процесс нашего роста. Их ненависть против нас нельзя смягчить никакими словами. Нам говорят, будто у нас с ними — одна программа. Дать им несколько мест и — коней. А почему же они помогают Каледину, если программа у них с нами одна? Нет, буржуазия по всем своим классовым интересам против нас. Что же мы против этого сделаем путем соглашения с ижжелевцами? Против нас насилье, вооруженное, а чем повалить? тоже насильем. Луначарский говорит — лется кровь — что же делать? Не надо начинать было. Тогда признайте: самая большая ошибка сделана была даже не в октябре, а в конце февраля, когда открылась арена будущего, гражданской войны.

Говорят, против Каледина поможет нам соглашение с Викжелем. Но почему сейчас они нас не поддерживают, если они к нам ближе? Они понимают: как ни плохо для них контрреволюция, она верхушкам Викжеля даст больше, чем диктатура пролетариата. Сейчас они сохраняют нейтралитет, недружелюбный по отношению к нам. Они допускают войска уларников и красношвей. В Викжеле мне лично запретили сообщить по прямому проводу в Москву, что дела наши в борьбе с Красновым хороши, ибо это-де «может полить нам дух», а ижжелевцы, видите-ли, нейтральны. Соглашение с ними — это продолжение политики Гона, Дана и др.

Нам говорят: у нас нет ситца, керосина, — поэтому нужно соглашение. Но я спрашиваю в 1001-й раз: каким образом соглашение с Гоном и Даном нам может дать керосин?

Почему Черновы против нас? Они протестуют по всей своей психике, как всякая буржуазная. Они не способны проводить серьезные меры, направленные против буржуазии. Они против нас именно потому что, мы проводим крутые меры против буржуазии. А ведь никто еще не знает, какие жесткие меры мы вынуждены будем проводить. Все, что Черновы способны внести в нашу работу — это колебания. Но колебания в борьбе с врагами убьют наш авторитет в массах.

Что значит соглашение с Черновым? Это не значит поговорить с ним разок по душам и — коней. Нет, это значит равняться по Чернову. А это было бы предательство. За это всех нас сейчас же расстрелять нужно бы.

(**) После этих слов раздался аплодисменты (см. дальше указание на это в репр. Троцкого). Дело в том, что в переговорах о коалиционном правительстве из советских партий создавались отдельные требования «прекратить» гражданскую войну и, для достижения этого, уступить на правительство Ленина и Троцкого. Иногда говорится об одном Ленине. Правильно на что нам.

Аплодисменты (Луначарскому) за фразу о диктатуре одного лица — это с горечью я здесь слышал. Почему, на каком основании, эту партию, которая захватила власть с бою, в котором была пролита кровь, они хотят обезглавить, отстранить Ленина? Вот, например, из правительства был выкинут Миллюков, но когда? Когда пролетариат наступил на грудь кадетам. А сейчас? Кто нам наступил на грудь? Никто. Мы лишь восемь дней стоим у власти. Мы строим нашу тактику на революционном авангарде масс. Нам говорили в защиту соглашения, что иначе Балтийский флот не даст ни суденышка. Это не оправдалось. Нам пугали тем, что рабочий не пойдет. Между тем красная гвардия храбро умирает. Нет, к промежуточной политике, к соглашательству возврата нет. Мы введем на деле диктатуру пролетариата. Мы заставим работать. Почему же общество существовало и массы работали при прежнем терроре меньшевиста? А тут ведь не террор меньшевиста, но организация классового насилия рабочих над буржуазией.

Чем нас пугают теперь? Тем, чем вчера нас пытались пугать меньшевики и социалист-революционеры. Когда мы, мол, возьмемся за социалистическую революцию, то увидим, что юнкера стреляют, летится кровь, буржуазия кушет заговоры, чиновники саботируют, армейские комитеты сопротивляются. Конечно! Но все это верхи. Если бы с нами была буржуазия, не было бы гражданской войны, что и говорить.

Армейские комитеты пользуются в солдатской массе ненавистью, но нередко масса еще не может ничего сделать с ними. В целом ряде частей, однако, уже избраны военно-революционные комитеты, арестованы офицерство, старые комитеты, весь командный состав. В 1/4 армии, примерно, это уже сделано. Брататься со старыми армейскими комитетами — это значило бы восстанавливать против нас солдатские массы.

Предрассудки Луначарского — это наследие мелко-буржуазной психологии. Это свойственно, конечно, отчасти и массам, как наследие вчерашнего рабства. Но если будет угрожать контр-революции, даже и отсталая, масса возьмется за оружие. План поставлен и такое положение, что выйдут с оружием. Другое дело Вилкель, армейские комитеты, эсеры, меньшевики и прочие верхушки.

Луначарский говорит: надо остановиться... Нет, надо идти вперед. Когда вы выступаете против нас в момент острой борьбы, вы нас ослабляете. Соглашение с Черновым ничего не даст. Нужна организация, мы должны этого достигнуть. Чернов бонтеп, что народ слишком нажмет на буржуазию, отнимет у нее награбленные деньги. Чернов есть передаточный рычаг буржуазии. Он будет ослаблять нас своими мелкобуржуазными колебаниями, и только.

Надо ясно и четко сказать рабочим, что мы не коалицию с меньшевиками и другими хотим строить, что дело не в этом, а в программе действия. У нас уже есть коалиция — с крестьянами, с солдатами, которые сейчас борются за власть большевиков. Всероссийский съезд

советов передал власть определенной партии. Вы это забываете.

Можно ли делить власть с теми элементами, которые и ранее саботировали Советы, а ныне извне борются против власти пролетариата? Все, кто согласны на это, упускают из виду спросить, способны ли те, с кем они хотят разделить власть, проводить нашу программу? Об этом не говорят. Способны ли соглашатели проводить политику экономического террора? Нет. Если мы неспособны осуществлять нашу программу, взяв власть, то должны пойти к солдатам и рабочим и признать себя банкротами. Но оставить в коалиционном правительстве всего лишь несколько большевиков — это ничего не даст. Мы взяли власть, мы должны нести и ответственность.

Предлагается ограничить время ораторов 15 минутами.

Ногинь*). — Вопрос о том, какая у нас революция, есть вопрос решенный, и говорить о нем не приходится сейчас, когда наша партия добилась власти. Но можно ли так: крошь проливать вместе, а править верознь? Можно ли отказать солдатам во власти? Гражданская война продлится недлие годы. По отношению к крестьянам на литках далеко не уедешь. В отношении капиталистической промышленности — одно дело; по отношению к крестьянам — другую тактику.

Товарищам слишком опротивело слово «соглашение». Дело не в соглашении, а в вопросе как быть, если мы отложим все другие партии? Социалист-революционеры ушли из Совета после революции, меньшевики — также. Но эт значит, что распадутся советы. Такое положение вещей, при полной разрухе в стране, кончится крахом нашей партии, через короткий срок. Мы не должны стрелять из пушек по воробьям. Условно голода создадут почву для Каледина, который идет сейчас против нас. А уж телеграммой к железнодорожным служащим, которых мы собираемши лишити хлебных карточек, мы создадим почву для могучего протеста.

Глебов*). — Положение серьезное не потому, что подходит ударники. Власть у нас в руках, мы можем справиться. Но у нас начинался саботаж внутри партии и почти официальный раскол. Этого не должно быть. Саботаж силен, поскольку мы ведем линию на соглашение с ним. Пока я соглашался, надо мной чиновники издевались, но когда я встал на решительный путь, тогда многое удалось наладить. По почтово-телеграфному ведомству нам же уже то, что оно отказалось за нас в своей революции. Они должны считаться с нами. В Иваново-Вознесенске пролетариат вынес решитель-

*) Старый большевик, бывший рабочий текстильщиц, играл крупную роль в партии. Умер в 1926 г.

*) Глебов-Анцлов, бывший рабочий, одно время принадлежал к передовцам, после октябрьского переворота был комиссаром почты и телеграфа. Участвовал в оппозиции Зиновьева и каппулароват с ним.

е постановлении. Он арестовал и свел в тюрьму саботажников, и оттуда они вышли овечками. Товарищам, которые зашагали, мы должны сказать: «уйдите, не мешайте нам, иначе, зашатавшись, мы проиграем все».

Нам говорят: власть будет ответственна перед парламентом. Но каков будет этот парламент, не по образцу ли парламента? Нет, мы стоим за советы. Иначе невозможно. Дело не в тех местах, которые нужно отвести другим партиям, а в том, что они не поведут нашей политики. Другого выхода нет, как сказать: «уйдите».

Слуцкий**). — Вопрос был достаточно освещен Троцким и Лениным. В дни 3-5 июля, когда контр-революция, казалось, разбила нас, мы в действительности победили. Дни восстания доказали, что коалиция с массами у нас есть. Крестьяне и рабочие сплочены.

Но тот молот революции, что сплывает массы, откалывает меньшевиков, оборонцев, социалстоп, революционером. Мы видели, что не сплочение создавали соглашатели. Теперь, когда мы победили, хотят нас повести на тот же путь соглашательства. Соглашение с ними есть замаскированный путь отступления от власти. Раньше у кормила власти стояли партии соглашенин с буржуазией, а теперь стоим мы, без соглашения. Мне кажутся лишними слова г. Луначарского о том, что, что же плохого, если дадим по ВСРК 50 мест городским думам. Что значит дать 50 мест? Ведь не для мебели мы возьмем. Ведь мы стоим за власть Советов. Затем хочу спросить: каким образом через край, называемые Камковыми**), к нам польется керосин? Каким образом, через эс-эров нам откроются двери властных мест? Во всем этом полная беспринципность: почему не 60 мест, почему не 25, не 35? Революционная масса не пойдет за этим призывом.

Бекки***) — Несколько раз упоминалось тут о конференции. Это название несколько громкое. Созывать завтра общее собрание — трудно. Созовем завтра в 7 час. вечера здесь, в Петербургском Комитете, собрание Комитета плюс представители районов.

Троцкий. — Разногласия, имеющие значительную глубину, были в нашей партии до востания и в Центральном Комитете, и в широких кругах партии. То же самое говорилось, — те же выражения, что и сейчас, — против востания, как безнадежного. Старые доводы повторяются сейчас после победоносного востания за коалицию. Не будет, мол, технического аппарата. Сгущают краски для того, чтобы запугать, чтобы помешать пролетариату воспользоваться победой. И, правда, что аппарат не наш. Поэтому мы так долго возились с жалким отрядом Керенского, что у нас не было технического аппарата. Но мы создали все же великодушный, по данным условиям, аппарат, и сейчас мы победили и здесь, и в Моск-

не. Петроград обеспечен сейчас от всех неожиданностей военного характера.

Мелкую буржуазию, повторю, мы можем увлечь за собою лишь показав, что мы имеем в руках силу, боевую, материальную. Буржуазию мы можем лишь победить, повалив ее. Это закон классовой борьбы. В этом залог нашей победы. Тогда только и пойдут за нами «Вик-желн». То же можно сказать и относительно других отраслей технических. Только тогда аппарат будет к нашим услугам, когда увидим, что мы сила.

Революция октябрьских дней состоит не в том, чтобы снова пустить в ход старый аппарат. Задача в том, чтобы перестроить весь аппарат сверху донизу. Чтобы проводить в жизнь наши пролетарские задачи, нужен наш аппарат, идущий от плоти класса. Такой наш аппарат мы создали против Керенского и Краснова под Петроградом. Нельзя сидеть на штыке, повторяют нам, — но для того, чтобы мы с вами могли здесь вести дискуссии, необходимо, чтобы были штыки в Царском Селе.

Всякая власть есть насилие, а не соглашение. Наша власть есть насилие большинства народа над меньшинством. Это неизбежно. Это есть азбука марксизма. Мне сообщать в Москву о нашей победе по железнодорожному проводу они не дали, затем они пропустили ударников. Они предают нас в самый острый момент борьбы, а когда мы победили, нам предлагают их ввести в крепость власти.

Предложение: время ораторов ограничить 10 минутами.

Ногин. Мы, большевики, уже признали, что революция наша — не буржуазная. Но мы победили не одни, а вместе с крестьянами. Поэтому то, что добыть удалось кромью рабочих и солдат: власть, должно быть общим их достоянием. Наша партия должна быть самой дисциплинированной.

Заседание закрывается.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ АВСТРИИ К ЧЛЕНАМ А. К. П.

Дорогие товарищи!

«Роте Фане» от 13-го октября рассказывает нам о «распаде троцкизма». Сельские заключенные левые оппозиционеры — коммунисты обратились к ЦКВКП с Заявлением, к которому присоединился и тов. Троцкий. Это заявление с 22 августа находится в руках Сталина. Почему он его до сих пор не опубликовал? Почему он не публикует его теперь? Почему его не публикует «Роте Фане»? Потому, что мы тогда узнали бы правду, которую от нас уже давно скрывают. Правда эта такова:

- I. Внутреннее и внешнее положение СССР становится все тяжелее.
- II. Положение коммунистической партии во всех странах мира становится все хуже: их политическое влияние падает; количество членов уменьшается.
- III. Сталин, хотя и искреня рад требованию левой оппозиции, но по центристски, т. е. колеблется вправо и влево, разводит их. Поэтому и его борьба против правой опасности не оказывает действия.

***) Убит впоследствии в Крыму белыми.
 *) Один из лидеров социалистич. революционером (левых).
 **) Старый большевик, позже работник Ч. К.

IV. Это тяжелое для всего пролетариата и для пролетарской революции положение побудило левую оппозицию обратиться с письмом в ЦК ВКП, которое в основном одобрил и тов. Троцкий, — с требованием места в партии, чтобы перед лицом нарастающих опасностей усилить революционный фронт объединением всех коммунистов.

Русская левая оппозиция не кантулировалась! Она требует своего места в партии не для того, чтобы отказать от своих революционных взглядов, а для того, чтобы согласно своим взглядам защищать дело революции! Это не маневр. Это честное предложение, так как оно требует лишь те права, которые согласно партийному уставу обеспечиваются за каждым членом партии. Мы убеждены, дорогие товарищи, что вы единодушны с нами в том, что уже давно пора положить конец братоубийственной борьбе между коммунистами. Борьбе, которая идет на пользу только капиталистам и мелкой буржуазии. Борьбу, которую нужно окантить честным большевистским объединением, т. е. объединением на ленинской основе.

Дорогие товарищи! Было бы естественно, если бы мы, члены К. П. А. (оппозиции) политически совершенно единодушные с товарищем Троцким и одобряющие письмо тт. Троцкого — Раковского, обратились бы с подобным письмом в ЦК ВКП. Почему мы этого не делаем? Потому, что мы знаем, что австрийский ЦК в этом вопросе совершенно не самостоятелен, и вольно или невольно находится в Москве. Вольно или невольно, однако, является то, что вы — члены компартии думаете об объединении всех коммунистов. А по этому поводу мы вам говорим:

1. Положение КПА становится все тяжелее, ее влияние слабеет.

2. Положение пролетариата в Австрии становится все хуже.

3. Уже давно пора коммунистам прекратить между собой борьбу, объединиться на ленинской основе, перед лицом всего пролетариата, оштрафованного от ошибок, преодоления правую и ультра-левую опасность.

Первый шаг, который вы, дорогие товарищи, члены партии, рабочие-коммунисты должны сделать: это перестать терпеть личную трактовку, которую введут партбюрократы, чтобы сделать для нас невозможным разбор и действительно существующих разногласиях. Это — разрушить стену лжи и клеветы, которую возвели аппаратчики, чтобы затормозить объединение и, наконец, братки и без предвзвешенной проверки наши взгляды. Мы со своей стороны, говорим вам, что мы никогда не считали себя партией и никогда не ставили себе цели стать таковой, что нашей единственной целью было и остается — добиться оздоровления партии — здоровой единой партии. Мы были и есть фракция. Не добровольной! Партийная бюрократия погрела и партию наши права ногали, противозаконно вытеснила нас из нее. У нас не осталось другого пути, кроме образования фракции К. П. А. (оппозиции) — фракция, цель которой: здоровая единая КПА на ленинской основе.

Так же мало, как и русская оппозиция, думаем мы о кантуляции, т. е. об отказе от наших взглядов. Но мы думаем о Советском Союзе, о мировом пролетариате, о мировой революции. Мы думаем, что пора, наконец, выступить против нарастающих

опасностей усиленным фронтом. И мы полагаем, что мы с вами единодушны в том, что для этого имеется только одно средство: объединение всех коммунистов на ленинской основе.

В интересах партии, Коминтерна, Советского Союза, мирового пролетариата, мировой революции, мы призываем вас поддержать всеми силами эту борьбу за объединение русских коммунистов, коммунистов всего мира, в том числе и австрийских коммунистов.

С коммунистическим приветом.

Правление КПА (оппозиция).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ FANNE DES KUNNMUNISMUS

В № 38 «Ди Фане дес коммунизму», под заголовком «Голос из СССР» напечатано письмо тов. Н., подписанное критиком некоторые стороны Заявления тт. Раковского и других. Редакция «Ди Фане» приводит это письмо так, как если бы оно исходило от ее корреспондента, т. е. как если бы т. Н. жаловался Урбансу на Раковского, и как если бы поднимал «с лучшими приветом, ваш Н.», отнеслась именно к редакции «Ди Фане дес коммунизму». Все это с начала до конца рассчитано на введение в заблуждение читателей. На самом деле письмо т. Н. адресовано редакции «Бюллетеня русской оппозиции большевистско-ленинцев». Отмечая недочеты Заявления, вызванные трудностями выработки коллективного текста, рассчитанного на десятки разобщенных колоний ссылки, автор письма, тов. Н. не только сам подписал Заявление, но и осуждает небольшую группу ссыльных (человек 40-50) не давших своей подписи. Критика тов. Н. вполне совпадает с содержанием открытого письма тов. Троцкого, который, как известно, тоже подписал Заявление, ибо одно дело — отметить недочеты текста, и другое дело — саботировать коллективное политическое действие.

Письмо тов. Н. было нами, т. е. редакцией «Бюллетеня русской оппозиции», разослано всем оппозиционным изданиям, чтоб дать интернациональной оппозиции более ясное представление о различных оттенках внутри русской оппозиции. Тов. Урбанс, однако, тщательно умолчал, откуда и при каких условиях он получил это письмо, и привел ему такой вид, как если бы тов. Н. выступал против Заявления русской оппозиции, и защиты позиции Урбанса. От т. Н. у нас в редакции имеется целый ряд писем. Не последнее место и так, как, впрочем, и в письмах других товарищей, занимает возмущение политиком Урбанса, который по самым важным вопросам занимает ту самую позицию, которую занимают в своей печати недобросовестно принимающие русскую оппозицию.

Можно прямо сказать: ничто не приносило и не приносит такого вреда русской оппозиции, как цитаты из безответственных статей Урбанса.

По поручению редакции «Бюллетеня русской оппозиции» большевистско-ленинцев ВКП (б).

С оппозиционным приветом.

Н. Маркин.

Париж, 31 октября 1929 г.

8625

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция!

Ваше издание не откликается на вопросы эмиграции. Не касаюсь того, правильно ли это или неправильно. Но я все таки просил бы у вас места для нескольких строк по поводу одного литературного факта, на котором, как мне кажется, политический и моральный облик «левой» эмиграции обнаруживается с неожиданной яркостью.

Дело идет о романе Алданова «Ключи». На самом этом писателе останавливаться незначит. Его исторические романы похожи на затейливые и шаржидные торты из прогорклого масла и несвежих яиц. Несвежесть в самом авторе, в его гнилой сердечности. Но не он нас интересует, а другие. В романе его говорится о том, как посылали террористов на смерть члены центрального комитета (партии социалистов-революционеров).

«Мы-то с вами, слава богу, знаем, — говорит Алданов устами одного из своих героев, — что эти святые и гениальные люди (члены Ц. К.) за столбами в парижских и Женевских кофейнях почти одинаково озабочены тем, какого бы к кому подослать убийцу, и тем, где бы перехватить у буржуа на кабачек сто франков, сверх полагающегося обер-убийцам партийного оклада».

Где это напечатано? В «Современных Записках», которые выходят под редакцией четырех социалистов-революционеров: Аиксентьева, Бунакова, Вишняка, Руднева, которые чуть-ли не все сами состоят членами центрального комитета партии социалистов-революционеров.

Согласитесь: такое гнусное самооплевание встречается не часто и уже по этому одному заслуживает быть отмеченным в нескольких строках.

Временно-обязанный.

Париж, 12 ноября 1929 г.

МЫ ТРЕБУЕМ СОДЕЙСТВИЯ

О задачах Бюллетеня

По новому уставу партии, который в узурпаторских интересах аппарата раздвинул расстояние между партийными съездами до двух лет, XVI-й съезд должен был бы состояться в конце текущего года. Между тем, и съезде до сих пор ничего не слышно. Предсъедовская дискуссия должна была быть уже открыта. Но кто смеет об этом заикаться? «Дискутирует» по-прежнему одна «Правда»: она говорит и за себя и за оппозицию, она же произносит заключительное слово. Для съездов внешние вершители судеб выбирают такие моменты, когда по существу нечего решать, т. е., когда один кризис руководства уже завершится, а следующий по очереди еще не открылся. Но все труднее и труднее оказывается найти такого рода щель между двумя кризисами «монотипного» руководства. Мало того, даже и пленумы центрального комитета сейчас уже все чаще оказываются несвоевременными, так как естественной организационной механике «генерального секретариата». Польский пленум начал вонсе. Мы не знаем еще, состоялся ли ноябрьский. Факт такой, что пленумы собираются лишь тогда, когда есть возможность

поставить их перед совершившимся фактом. Ближайшему пленуму предложат только россказаться в аппаратной ликвидации правых. И лишь после этого будет, вероятно, назначен срок XVI-го съезда.

В то время, как промышленность и бюрократический аппарат переходят на непрерывную неделю, партия, наоборот, даже чисто формальную активность — свою, непрерываемо обеспеченную ей даже изуродованным уставом, может проявлять все с большими и большими перерывами. Почему? Потому, что аппарат не только ощущает партию, как обузу, но и все больше боится ее. И не напрасно: придушенная аппаратом полуторамиллионная партия с двухмиллионным комсомолом — поистине стала сфинксом, — в этом состоит несомненно самая грозная черта нынешнего положения.

Партию пытаются гипнотизировать, вернее оглушить пятилеткой. Не нам отрицать ее значение. Но вопрос ставится так, как если бы дело шло об отдаленной экономической проблеме, об открытии динамической пропорциональности разных отраслей хозяйства. Политическая сторона дела сводится к административному нажиму на кулака и к чисто аппаратной борьбе с правым уклоном. Не нам, опять-таки, отрицать значение проблемы кулака, и не нам преуменьшать опасность правого уклона. Но есть более широкий вопрос: какова реальная группировка сил и тенденций в стране, какие силы сознательно стоят за пятилеткой, чем дышит великая модальность — партия?

Любой бюрократический тушина с пафосом возразит, что за пятилеткой стоит: весь пролетариат, все бедняки, и все середняки; против пятилетки — кулаки, частники и... правые ренегаты. Этот «социологический» ответ можно дать в любое время дня и ночи. Для таких шпаргалок и существуют на свете Молотовы и Кагановичи. Беда лишь в том, что секретарская теория упраздняет самый вопрос о действительном настроении разных слоев крестьянства, о группировках внутри пролетариата, складывающихся на основе жинного опыта, и о настроении самой партии. Вернее сказать, бюрократическая «социология», вслед за аппаратной практикой, упраздняют самую партию, как живую силу, которая изо дня в день ориентируется в обстановке, критикует, мыслит, резюмирует политически происходящие в стране процессы, предупреждает руководство об опасности, обгоняет руководство, несет необходимые изменения и намеченный курс, обеспечивает своевременность политического маневра, создает себя стержнем страны, и всегда готова принять бой за Октябрьские позиции. Имеется ли это необходимое, первое, основное условие жизни? Нет. Иначе, почему бы центральный комитет стал бояться партии, а генеральный секретариат — центрального комитета?

Центральный комитет не знает партии, потому что партия сама себя не знает, потому что наблюдение над партией через секретных осведомителей ни с какой стороны не заменяет свободного высказывания партией своих мыслей, вконец, и прежде всего, потому что страх центрального комитета перед партией

дополняется страхом партии перед центральным комитетом.

Правильное руководство также немаловажно без честной политической информации, как немаловажно железнодорожное строительство без точного знакомства с рельефом местности. Формальная демократия обладает широкими источниками и возможностями: осведомления под углом зрения господства буржуазии и в интересах сохранения этого господства. В этом одна из тех сильных сторон буржуазной демократии, которые позволили ей справиться с режимом полицейского абсолютизма. Пролетарская демократия имеет перед собой гораздо более гигантские задачи, чем буржуазная. Первым условием правильного руководства советской республикой, окруженной могущественными и очень обидчивыми врагами, является постоянная, повседневная, активная осведомленность руководства, прежде всего, разумеется, через полную жизнь живущую партию. Отсутствие партийной демократии убивает демократию советскую. Таково именно положение сейчас. Политика ведется с потушенным фонарем.

Центральный комитет живет докладами осведомителей. Партия живет слухами. Главной чертой партийных настроений, как свидетельствуют все доходящие до нас письма, является смутное, но глубоко тревожное ожидание надвигающихся событий. Каким: не ясно. Аппарат стучит партию чувствовать себя руководимой силой. Партия ждет неожиданностей и непосредственно со стороны аппарата и из-за его спины.

Объективные противоречия и опасности достаточно велики сами по себе. Но мы ни на минуту не сомневаемся, что ресурсы и внутренняя сила революции несравненно превосходят противоречия и опасности. Первый же открытый натиск врагов обнаружил бы это с полной несомненностью. Но сумерки, из которых не выходит партия, изменяют и искажают очертания фактов и явлений. Опасность кажется большей, когда она бесформенна и безымянна. Партия стоит сейчас лицом к лицу не с реальными опасностями, а с их уродливыми и бесформенными тенями, которые поднимаются над реальными трудностями.

Партия должна знать, что происходит вокруг нее и прежде всего — в ее собственных рядах. Нынешняя антибухаринская «Правда» столь же мало отвечает на вопрос, что есть, как и «Правда», которую руководил злополучный Бухарин. Одной из задач нашего издания должно стать информирование партии. Мы ни на минуту при этом не забываем о том, что нас слушают классовые враги. К несчастью Беседовские разных степеней коррупции и бесчестия (они все, разумеется, стояли в первых рядах борьбы против «тройкизма») доставляют

ныне классовым врагам немало информации. Белая печать кишит сейчас разоблачениями, в которых, сквозь кору лжи и замысловатости, проглядывают и подлинные факты. Несравненно хуже обстоит дело с нашей собственной партией. Ее ведут с завязанными глазами. Сорвать бюрократическую повязку есть сейчас вопрос жизни и смерти для партии и революции. Этой цели должно служить наше издание. Весть его, мы с презрением переступаем через клеветы Ярославских. Мы не отождествляем партию с генеральным секретариатом, диктатуру пролетариата — с загадками Сталина, Коминтерна — с бездарной и наглой кликой Молотовых, Мануйльских, Куусиненов, Мартыновых и прочих вредителей международной революции. У нас более серьезные критерии. Наша политика остается политической далеко не пришло.

«Бюллетень» далеко не стал тем, чем он должен быть и чем он еще несомненно станет: боевым органом левого крыла и в то же время органом правильной и широкой партийной информации. Вынужденная постановка такого издания за границей ни в каком случае не противоречит общим целям левой оппозиции, которые мы не раз уже формулировали, как цели реформы. Разумеется, задача возрождения партийной демократии может быть разрешена лишь подлинно-революционным пролетарским взором самой партии. Но именно оно сейчас нуждается в неподчиненном сталинскому аппарату органе, — в идейном таране против центристской бюрократии. Эту роль должен выполнить наш «Бюллетень». Разрешение задачи на десять лет зависит от наших друзей, как в СССР, так и временно пребывающих за границей. Они должны найти к нам дорогу. Вместе с нами они должны найти дорогу для «Бюллетеня» внутри Советского Союза. Нам нужны корреспонденция, письма, статьи, характеризующие то, что есть. Только таким путем мы сможем предвидеть то, что будет или что может наступить. А только способность предвидения может ограждать партию от убийственной растерянности при первом же большом кризисе, который вернется, как всегда неожиданно для сталинского руководства.

Мы ждем от наших друзей серьезных, настойчивых и систематических усилий по обслуживанию «Бюллетеня». Препятствия велики, но они преодолимы.

Мы нуждаемся в содействии, мы требуем помощи.

Нам нужны обильные фактически корректные сведения.

Нам нужно содействие по проникновению «Бюллетеня» в советскую республику.

Нам нужна денежная помощь.

Мы твердо ждем отклика!

Редакция «Бюллетеня».

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

BULLETTIN DE L'OPPOSITION (BOLCHEVIKS - LENINISTES)

№ 11

Adresser la correspondance à : Meichler, 6, Rue de Milan, Paris.

Писать по адресу:

Цена 5 фр.

Условия подписки: 40 франков за 12 номеров и 20 франков за 6 номеров

Prix 5 fr.

СОДЕРЖАНИЕ:

Крупный шаг вперед.
Л. Троцкий. — К капитализму или к социализму. Еще о товарище Блюмкине.
Л. Троцкий. — Скрип в аппарате.
П. Грэф. — Коллективизация деревни и относительное перенаселение.
И. Е. — Коллективизация в Центральной Азии.
Ч. — Казенная фальшь и действительность.
Котэ Цинцалэ. — Письмо к М. Окуджава.
Письма из СССР. «За фальшь» (объясн. у Х. Г. Раковского). — В В.-Уральском изоляторе. — Из Москвы сообщают. — «На страже». — Текст анкеты ЦК ВКП(б) среди «расказавшихся». — Политические упражнения кандидатуры. — Письмо из района сплошной коллективизации. — Письмо оппозиционера. — Письмо от группы оппозиционеров. — Письмо рабочего. — Письмо из политизолятора. — Письмо из ссылки. — Письмо т. Тимофея Салюнова.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ.

Л. Троцкий. — Лозунг Национального Собрания в Китае.
Л. Троцкий. — Открытое письмо итальяским коммунистам объединенным вокруг «Прометея».
Г. Мангури и Кошптери.

От группы бывших красноармейцев-словаков, ко всем бывшим бойцам русской Красной Армии.

Разное.
Т. — Самоубийство В. Маяковского.
Временно-обязанный. — Заславский — столп сталинизма.
Голос из рядов аппарата.
Н. М. — О разном и все о том же.
Ответ товарищам колхозникам.
Н. М. — Забытый Мясников.
Помогите Бюллетеню.

Почтовый ящик.

Крупный шаг вперед

(Интернациональное объединение левой оппозиции)

6-го апреля в Париже состоялась предварительная конференция международной левой оппозиции. Представлены были следующие организации: Коммунистическая Лига Франции, Коммунистическая Лига Америки, Объединенная оппозиция Германии, Оппозиционная группа коммунистической партии Бельгии, Испанская оппозиция, Левая оппозиция Чехо-Словакии, Венгерская коммунистическая оппозиция и Группа еврейской оппозиции во Франции. Левая оппозиция ВКП, которая не могла быть представлена по полицейским причинам, заявила письмом о своем присоединении к конференции. Также поступили две австрийские

группы. Оппозиционные группы Китая, Мексики и Аргентины не приняли участия в конференции ввиду дальности расстояния. Но эти три организации целиком стоят на точке зрения международной коммунистической левой и в ряде случаев настаивали на необходимости международного объединения. Присоединение их к решению конференции стоит вне сомнения.

Делегаты конференции сделали подробные доклады о положении оппозиции в их странах. Общее положение может быть кратко охарактеризовано так: последний год был годом несомненного возрождения оппозиции. Она нача-

лось с уяснения и уточнения принципиальных основ и с размежевания с элементами, чуждыми ленинской оппозиции и прижизненным к ней случайно. Возникшая в этой борьбе перегруппировка сил внесла сразу оживление в работу оппозиции и повела к созданию боевых печатных изданий и оформлению организаций.

Во Франции существует в течение последнего полугодия правильно выходящая еженедельная газета «Ля Веритэ», которая стала до известной степени средоточием не только французской, но и интернациональной оппозиции, особенно «сталинской» (итальянцы, испанцы, в том числе испанцы Южной Америки). Наряду с этим во Франции выходит с января нынешнего года серьезный оппозиционный еженедельник, «Ля люгт де класе»,¹⁾ который, при поддержке марксистских сил других стран, обещает развернуться в одно из лучших марксистских изданий. В Германии, после раскола Ленинбунда, произошло объединение всех групп, солидарных с русской оппозицией, именно: бывшей оппозиции Ленинбунда, двух групп великой оппозиции и пфальцской оппозиционной организации. Объединенная оппозиция, имеющая одного депутата в прусском ландтаге, приступила к изданию собственного органа «Коммунист», первый номер которого вышел в апреле. Издание имеет на первых порах характер двухвельника, но есть все основания рассчитывать на то, что оно скоро станет еженедельным. Американская Лига издает прекрасную еженедельную газету и ставит брошюрное издательство. В Австрии выходят две газеты, раз в месяц (объединение австрийской левой оппозиции еще не достигнуто). Чехословацкая организация начала выпускать в свет свой орган. В Аргентине вышел первый номер газеты на испанском языке «Вердад» («Правда»). Итальянская группа бордигистов выпускает в эмиграции два раза в месяц газету «Прометео». По отношению к международной левой бордигисты остаются на положении сочувствующей группы. Последний раскол в официальной итальянской партии обнаружил, что левая коммунистическая оппозиция имеет там большое число сторонников; организационное оформление их предстает в ближайшем будущем. Группа еврейских рабочих издает в Париже оппозиционный орган «Клархейт» («Ясность»). Китайская оппозиция издает литографированный журнал (незаконный), листки и легально выпускает работы интернациональной оппозиции, в частности ряд брошюр т. Троцкого.

Левая оппозиция не имеет еще характера массового движения. Ее работа не вышла на

подготовительной стадии. Размежевание со случайными попутчиками, компрометировавшими идеи оппозиции и задерживавшими ее рост, заняло много времени, но зато явилось важнейшей предпосылкой объединения оппозиции и ее перехода к широкой пропагандистской и агитационной работе. Именно благодаря этому создалась возможность и необходимость тесного международного сплочения всех лево-оппозиционных организаций.

Как создание национальных оппозиционных фракций не означало создания вторых партий, так объединение национальных фракций не означает курса на IV-й Интернационал. Левая оппозиция считает себя фракцией международного коммунизма и действует в качестве таковой. Нынешнего раскола не было бы, если бы аппарат Коминтерна не находился в полной зависимости от сталинской верхушки, которая руководствуется прежде всего интересами самосохранения теоретически и политически скомпрометированной, центристской бюрократии. Преступной работой аппарата оппозиции поставлена вне формальных рамок Коммунистического Интернационала. Но оппозиция чувствует свою нерасторжимую связь с теми, к созданию, уже немощными сотнями тысяч революционных рабочих, которые остаются в формальных рамках Коминтерна. Цель оппозиции — возрождение Коммунистического Интернационала на ленинских основах.

Апрельская конференция имела, как уже сказано, подготовительный характер. Она создала Международный секретариат и поручила ему издание международного Бюллетеня и подготовку созыва полномочной конференции.

Секретариат образован в составе русского, немецкого и французского представителей, с возможным привлечением представителя бельгийской оппозиции. Техническое выполнение решений возложено на Коммунистическую Лигу Франции.

Международный Бюллетень будет выходить, по всей вероятности, два раза в месяц и, помимо обмена документами, резолюциями и всякой вообще информацией о работе отдельных национальных организаций, будет служить международной дискуссии и выработке международной платформы к предстоящей конференции. Основным языком Бюллетеня будет французский; наиболее существенные документы и статьи будут печататься также на немецком языке; статьи и документы, ближе всего затрагивающие англо-саксонские страны, будут печататься по-английски. Первый номер Бюллетеня должен выйти, примерно, одновременно с настоящим номером русского Бюллетеня.

Конференция постановила послать следующее предложение:

«Первое интернациональное объединение левой коммунистической оппозиции, состоявшееся 6-го апреля в Париже и объединившее ле-

1) «Ля Люгт де класе» выходила небольшими тиражами уже в течение двух лет. Но журнал не имел определенного постоянного направления и находился в перисодии нескончен. Только с нынешнего года он принял совершенно отчетливую фазисность и значительно увеличил свой формат.

тетатов: немецкого, американского, бельгийского, испанского, французского, венгерского, итальянского, чехо-словацкого, посылает свой горячий привет и свидетельство своей тесной солидарности товарищам большевикам, арестованным и сосланным, и их избранному вождю Л. Д. Троцкому.

На конференции царил дух полного единения, беря в свое знамя и готовности к борьбе. Мы не сомневаемся, что уже ближайшее время обнаружит явные и бесспорные результаты большой подготовительной работы, совершенной за последний год.

К КАПИТАЛИЗМУ ИЛИ К СОЦИАЛИЗМУ?

I. Перспективы либералов и меньшевиков

Русский либерализм, несколько не поумневший за годы эмиграции, видит во всех вообще новых хозяйственных формах и, особенно, в коллективизации, возврат к крепостничеству. Струве бликуествовал где то недавно на тему о том, что Россия вернулась к XVII-му веку, только без бога. Если бы даже оценка Струве была верна, то революция и в этом случае была бы оправдана. Под просвещенным руководством старых господствующих классов крестьянское хозяйство не так уж далеко ушло вперед с XVII-го века до XX-го, значит и возвращаться пришлось бы недалеко. Освободить же крестьянина от бога значило бы во всяком случае освободить его от серьезной помехи. На беду, бог является необходимым дополнением мужицкого инвентаря XVII-го века, составляя вместе с сохой и плетью земледельческую троицу. Справиться с ней можно только при помощи механического двигателя и электричества. Эта задача еще впереди. Но она будет разрешена.

Либерализм пытается притвориться, что не замечает огромных хозяйственных успехов советского режима, т.е. опытного доказательства неизмеримых преимуществ социализма. От небывалых в мировой истории темпов промышленного развития ученые экономисты низложенных классов просто отмалчиваются. Меньшевистские подголоски буржуазии отбиваются от этих темпов ссылками на чрезвычайную эксплуатацию крестьян. Они ничего не говорят о том, почему, например, эксплуатация крестьян в Индии англичанами никогда не дала им в самой Индии, ни в Англии промышленных темпов, сколько-нибудь приближающихся к советским. Отчего бы не запросить насчет индийских темпов Макдональда, который расстреливает рабочих и крестьян Индии за желание жить собственной жизнью? Вряд ли, впрочем, такие «запросы» доступны содержанием Макдональда и Мюллера...

Либерально-меньшевистские ссылки на крепостничество и аракчеевщину представляют собою классический аргумент реакции против всяких вообще новых шагов на пути историче-

ского прогресса. Философскую формулу таких мнимых «возвращений» к прошлому дал старик Гегель в своей «триаде»: тезис, антитезис, синтез. Те классы, которые заинтересованы в увековечении антитезиса (т.е. капитализма), будут неизбежно видеть в первых шагах синтеза, т.е. социализма, простой возврат к тезису, т.е. крепостничеству. Парижскую Коммуну экономисты и философы, состоявшие в обзоре палача Галифе, обвиняли в реакционном стремлении вернуть современное общество к средневековой коммуне. Маркс писал по этому поводу:

«...Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи». («Гражданская война во Франции»). Ничего нового нынешняя буржуазная критика не выдумала. Да и откуда? «Идеология» русского либерализма и русской «демократии» представляет собою сплошь плагиат, да еще и безнадежно запоздалый. Не даром же Струве писал 32 года тому назад: «Чем дальше на Восток, тем слабее и полнее становится буржуазия». История добавила: «и ее демократия».

Струве возобновляет свой лозунг 1893 года: «пойдем на выучку к капитализму!» с той разницей, что сорок лет назад этот лозунг означал, как-никак, движение вперед, а сейчас — возврат назад. Царская Россия пошла пель на выучку к капитализму. Главным результатом выучки и явилась Октябрьская революция. Вопреки известной русской поговорке корень выучки оказался для «учителей» сладок, а плод очень горек. Как же застраховать себя от этого «плода» при реставрации капитализма? Русская буржуазия на этот счет ничего заграничной не открыла, кроме весьма проблематического (и весьма неустойчивого) «благополучия» цивилизованных наций. Но в том то и дело, что капиталистическая выучка новых стран вовсе не является повторением истории старых стран, хотя и отягощена их грехами. Октябрьская революция была крушением мировой буржуазии в ее слабейшем звене. Мечтать о «возвращении» России к мирному капитализму после Октябрьской революции есть са-

мая фантастическая и неумная из утопий. Ведь куда «пришле» обеспечить мирное развитие капитализма в Китае и Индии. Власть над последней сейчас, кстати, в руках II-го Интернационала. Попробуйте, господа! Говорим заранее: не выйдет. И Китай, и Индия, именно в результате короткой капиталистической выучки, идут навстречу своей Октябрьской революции. Такова диалектика мирового развития. Выскочить из нее нельзя.

Меньшевизм надеется на скорое «разрешение» двуединой задачи приспособления хозяйства страны к уровню ее действительного экономического развития и создания политических-правовых предпосылок для такого приспособления». Эта вороватая формула рассчитана на реставрацию буржуазного режима. «Политически-правовые» предпосылки должны означать буржуазную демократию. «Тебе — фабрики и заводы, — говорит меньшевизм буржуазии, — а нам за это возможность быть депутатами, бургомистрами, министрами, пергибелями, совсем как в Германии или Англии». Такова «двуединая задача». В 1917 году меньшевизм, стоявший у власти, отражал буржуазно-от Октября. Буржуазия, однако, не доверила его защите и искала Корнилова. Сейчас меньшевизм предлагает расписать буржуазии путь посредством «демократической» ликвидации Октября. Но капиталистические реставраторы понимают призрачность «эволюционного» возврата к капитализму. Буржуазная контр-революция могла бы (если бы могла) достигнуть своей цели не иначе, как через многолетнюю гражданскую войну и новое разорение страны, полной сохранившейся властью из развалин.

Русский капитализм во втором издании отнюдь не был бы простым продолжением и развитием до-революционного, или, точнее, до-военного капитализма; не только потому, что между ними длительный перерыв, заполненный войной и революцией; но и потому, что мировой капитализм, хозяин русского, претерпел за этот период глубочайшие обвалы и перепороты. Финансовый капитал стал несравненно могущественнее, а мир — неизмеримо теснее. Русский капитализм мог бы быть теперь только кабаньим-колоннальным капитализмом азиатского образца. Русская торговая, промышленная и банковская буржуазия, поскольку она спасла свои движимые капиталы, великом пошла за эти годы в систему иностранного капитализма. Реставрация буржуазной России означала бы для «настоящих», «серьезных» реставраторов не что иное, как возможность колониальной эксплуатации России иные. В Китае иностранный капитал орудует через компрапов, т.е. китайскую агентуру, нагревающую руки на грабеже собственного народа мировым империализмом. Реставрация капитализма — и России создала бы химически-чистую культуру русского компраторства, с «политически-

правовыми» предпосылками денцинского-чаккайинистского образа. Все это было бы, конечно, и с богом и со славянской вязью, т.е. со всем тем, что пужно душегубам для «души».

На сколько времени хватило бы этого великоления? Реставрация имела бы перел собою не только рабочий, но и крестьянский вопрос. Выделение фермерского слоя при Столыпине, совершившееся достаточно успешно, связано было с такими тяжкими процессами пролетариата: и пауперизации, с таким обострением всех социальных язв деревни, что взрыв крестьянской войны в 1917 г. принял непреодолимый размах. Никаких других путей, кроме столыпинского, у буржуазии и у социал-демократии нет, и на основах капитализма, не может быть. Только вместо 12-15 миллионов крестьянских дворов на лицо сейчас 25 миллионов. Выделение из них капиталистического слоя означало бы такую пролетариацию и пауперизацию, перед которыми померкли бы процессы, предшествовавшие 1917-году. Даже если бы контр-революция отказалась от реставрации помещиков, — а могла ли бы она отказаться? — аграрный вопрос немедленно встал бы перед ней, как призрак второй гибели. Ведь в Китае, где помещичье сословие почти нет, аграрный вопрос обладает не менее взрывчатой силой, чем в Индии. Еще раз: капиталистическое развитие России, хоть и на несколько более высокой стадии, было бы развитием китайского образа. Такого единственного мыслимого разрешения «двуединой задачи» меньшевизма.

Вывод ясен: помимо открываемых им социалистических перспектив, советский режим есть единственно мыслимый для России в нынешних мировых условиях режим национальной независимости. Прощай, без Серафима Саровского и без буквы «ять».

2. Старые противоречия в новых условиях

Чтобы понять смысл основных трудностей, переживаемых СССР, надо помнить, что нынешнее хозяйственное развитие, несмотря на катастрофическую глубину октябрьского разрыва, представляет собою хоть и глубоко видоизмененное, но все же продолжение основных до-революционных и до-военных процессов. Если надежды либерализма и социал-демократии целиком припылают к прошлому (капитализм, февральская революция, демократия), то развиваемая ими критика нынешнего хозяйственного режима целиком поконится на игнорировании преемственности сегодняшнего и вчерашнего. Дело изображается так, как будто противоречие между городом и деревней порождено Октябрьской революцией, тогда как в действительности оно создало самую возможность ее победы, путем сочетания пролетарского восстания с аграрным переворотом.

Кризис советской деревни есть кризис отсталого и мелкого крестьянского хозяйства. Для преуспевания, упрочения, а затем для спасения крупного сельского хозяйства сделано было господствующими классами все, что только в силах человеческих: во время так называемой «освободительной» реформы 1861 г., в борьбе с революцией 1905 года, через столичныйское законодательство контр-революции и, наконец, через политику периода двоевластия в 1917 г. Но все это не помогло.

Форсированное развитие русского капитализма, совершавшееся под давлением мирового финансового капитала, чрезвычайно обострило в отсталом русском крестьянстве, перенесенном в условия рынка, тягу к расширению земельной площади. Именно капитализм довел до непреодолимой силы до-капиталистические крестьянские «мечты» о «черном переделе». Попытки, вполне реалистические по замыслу, противопоставить этой мужицкой тяге курс на капиталистически-фермерское хозяйство потерпели крушение «только» вследствие несовпадения темпов капиталистического развития в целом и фермерской эволюции крестьянства. Подчинение царской России мировому рынку и финансовому капиталу, со всеми вытекающими отсюда рыночными, фискальными и военными тяготами для крестьян, шло семимильными шагами; выделение же фермерского слоя крепких хозяйств совершалось «черепашьим темпом». На этом несопадении темпов буржуазно-помещичья контр-революция 1907-1917 г.г. и сломала себе голову.

Революционная национализация земли являлась вообще единственно возможной мерой для очистки земельных отношений от той чудовищной лутанины, которая навалилась на землю в течение всей предшествующей истории. Национализация означала поступление всей или почти всей земли крестьянству. При унаследованных же от прошлого орудиях и методах сельского хозяйства переход земель крестьянам означал дальнейшее хозяйственное дробление земли, следовательно подготовку нового аграрно-го кризиса.

Противоречие между городом и деревней, унаследованное от прошлого, не могло быть ликвидировано в течение дюжины годов. Наоборот, когда рабочее государство, отбившись от врагов, приступило серьезно к развитию промышленности, противоречие это должно было еще более обостриться. Благодаря общему росту населения, а также стремлению к самостоятельности молодых поколений крестьянства, дробление хозяйств приняло тем временем небывало быстрый темп. Развитие промышленности и культуры, при неизбежных жертвах деревни, шло достаточно быстро, чтобы пробуждать у крестьян новые интересы и потребности, но слишком медленно, чтобы удовлетворять их в масштабе всего крестьянства. Про-

тиворечия города и деревни достигли таким путем новой исключительной остроты. Основной их остается по-прежнему безнадежность изолированного, мелкого, отсталого крестьянского хозяйства.

В чем же разница по сравнению с дореволюционным положением? Она колоссальна.

Во-первых, отсутствует крупное частное землевладение, и крестьянство лишено возможности искать выхода из хозяйственного тупика или, вернее, из 25 миллионов хозяйственных тупиков, на путях расширения земельной площади путем экспроприации господствующих классов. Этот путь — к величайшей выгоде для дальнейших судеб страны — уже исчерпан до конца. Тем самым крестьянство вынуждено искать других путей.

Во-вторых, — и это не менее важное отличие — по главе страны стоит правительство, которое, каковы бы ни были его ошибки, стремится сделать все для повышения материального и духовного уровня крестьян. В эту же сторону направлены интересы рабочего класса, остающегося, несмотря на все изменения структуры революционного общества, правящим классом страны.

С этой широкой, исторической, в последнем счете единственно правильной точки зрения, чистейшим абсурдом является утверждение либералов, будто коллективизация в целом является продуктом голого насилия. После той предельной парцелляции, которая явилась результатом старых мужицких способов использования земельного фонда революции, интеграции земельных клочков, т. е. их сочетание в более крупные хозяйственные участки, стала вопросом жизни и смерти для крестьянства.

В борьбе с земельным утеснением в прежние исторические эпохи крестьянство то поднимало восстания, то устремлялось в первобытные районы, создавая могущественный колонизационный поток, то, наконец, бросалось во всякого рода секты, награждавшие мужика небесными пустотами за земельную тесноту.

Маркс когда-то сказал, что у крестьянина есть не только предрассудок, но и рассудок. Оба эти его качества проходят в разных сочетаниях через всю его историю. Жизненный реализм крестьянина за известной чертой упирается в чудовищные суеверия. «Предрассудок» расцветает тем более пышно, чем более беспомощным оказывается «рассудок» перед безвыходностью крестьянского хозяйства.

В новом виде, на более высокой исторической ступени, в иной пропорции, рассудок и предрассудок крестьянства нашли выражение и в сплошной коллективизации. 12 лет революции, со силой военного коммунизма и изъема и с чередованием отдельных стадий изъема, толкали крестьянина к той мысли, что выхода из нужды и отсталости надо искать на каких-то новых путях. Только эти пути не были еще про-

перен, выгодность их не была доказана. Правительственная политика 1923-28 годов направила внимание верхних слоев деревни на путь расширения и улучшения индивидуального хозяйства. Нижние слои оказались дезориентированными. Противоречие города и деревни привело на этот раз характер хлебной заготовки. Правительство круто изменило свой курс и, заперев ворота рынка, широко раскрывало ворота коллективизации. Крестьянство устремилось в них. В новых надеждах крестьянства рассудок сочетался с предрассудком. Наряду с сознательностью меньшинства вылилась в движение стадность большинства. Правительство оказалось захваченным врасплох и — увы! — с своей стороны внесло в дело гораздо больше предрассудка, чем рассудка. Обнаружился чудовищный «всесоюзный» перегиб. Крепкое здравым умом руководство попыталось разменять его на провинциальные перегибчики. На сей предмет в секретариате ЦК хранится большой выбор заранее наигранных пластинок: областного, окружного и районного масштаба.

3. В чем суть перегиба?

В длиннейшем и ужасно безграмотном, по своей сути, докладе товарищам колхозникам, Сталин клянется о том, как одни «некоторые» неправильно подошли к середняку, а другие «некоторые» не вникли в устав колхоза (опубликованный, кстати, после всех перегибов), — и какие из этого получились огорчения для мудрого руководства. Это все очень интересно и местами даже трогательно. Но все-таки Сталин решительно ничего не говорит о том, как 40% крестьян (с 60% коллективизированных в марте Сталин делает — без всякого «отступления!» — скидку в 20%) будут управляться с огромными сельско-хозяйственными предприятиями — без того инвентаря, который один только и может оправдать крупные размеры предприятия, не говоря уж об его общественной форме.

Как ни велик «индивидуализм» крестьянина, но перед бесспорными экономическими фактами он отступает. Об этом свидетельствует история развития крестьянской кооперации даже и в капиталистических странах. Именно раздробленность производственного процесса ведет здесь к необходимости обобществления торговых и кредитных функций. После революции 1905 года кооперация захватила в царской России миллионы крестьянских дворов. Но это была закупочная, сбытовая, кредитная и ссудосберегательная кооперация, отнюдь не производственная. Причину, почему производство сохраняло раздробленный характер, надо искать не в психических свойствах крестьянина, а в характере его орудий и методов производства: индивидуализм заложен именно в них.

Когда неожиданный темп коллективизации,

подготовленный безвыходностью, измученных крестьянских хозяйств и подстегнутый тремя кнутами бюрократии, обнаружил зияющее противоречие между средствами производства и размахом коллективизации, создана была спасительная теория, согласно которой крупные колхозы, основанные на первобытном инвентаре, надлежит считать социалистическими мануфактурами. Это звучит учено. Но даже школяры знали, что переименование вещи не меняет ее сущности.

Сельско-хозяйственная «мануфактура» могла бы находить свое оправдание не в «коллективизированной» форме колхоза, а только в производственной выгодности мануфактурных способов обработки земли. Остается спросить, почему же выгодность их не обнаружена предшествующим развитием?

Абстрактными статистическими выкладками не трудно, конечно, доказать, что и коллективизация простейшего крестьянского инвентаря может принести выгоды. Эта мысль, ныне постоянно повторяющаяся в речах, статьях и циркулярах тщательно ограждается, однако, от очной ставки с живым опытом. Из всех видов коллектива наиболее «натуральным» при мужицком инвентаре является большая крестьянская семья. Но ведь она то и дело подвергается жесточайшему распаду после Октября. Мыслимо ли всерьез думать о создании за той же производственной основе прочного коллектива из чуждых друг другу семейств?

Крупная производственная кооперация, основанная на крестьянском инвентаре, подверглась уже исторической проверке: в помещичьих имениях, основанных на системе отработок. И что же? По общему правилу, эти имения стояли еще на более низком уровне, чем крестьянские хозяйства. После революции 1905 года «отработочные» имения ликвидировались во множестве, и крестьянский банк продавал их отдельными участками крестьянам. Производственная «кооперация», основанная на сочетании помещичьей земли и крестьянского инвентаря, оказалась экономически совершенно неустойчивой. Наоборот, крупные имения, основанные на механизации, правильной севообороте и проч., выдержали потрясения 1905 и следующих годов. Только Октябрьская революция национализировала их. Конечно, там дело шло об обработке помещичьей земли. Однако, опосность состоит в том, что при искусственном, т.е. преждевременном создании больших колхозов, где труд отдельного крестьянина утрачивает в труде десятков и сотен других крестьян, применяющих тот же индивидуальный инвентарь, обработка земли, вследствие утраты личного стимула, может оказаться ниже, чем даже в индивидуальных крестьянских хозяйствах.

Колхоз, основанный на простом сочетании крестьянского инвентаря, также относится к земледельческому предприятию социалистиче-

кого типа, или помещичье хозяйство, основанное на отработках, относится к крупному предпринятию капиталистического типа. Это означает безжалостный приговор для идеи «социалистической мануфактуры».

Заменив материальную базу колхозов «теоретической» отсечкой, Бухарин разъясняет, что при резком отставании сельско-хозяйственных темпов от промышленных, «единственно-возможным выходом является социалистическая реконструкция сельского хозяйства». Сплошная коллективизация берется таким образом, не как материально подготовленный этап в развитии производственного отношения сельского хозяйства, а как единственный «выход» из затруднений. Вопрос ставится в повязке, так сказать, чистой эволюционной телеологии.

Бухарин прав, конечно, что происходящий в стране процесс не есть простой возврат к фантом «военного коммунизма». Это вообще не возврат к прошлому. В нынешнем полноте являются несомненно величайшие задачи будущего. Но ведь вопрос в пропорциях, в правильных соотношениях. Изявду с задатками социалистического будущего, поворот заключает в себе самые непосредственные и поистине смертельные опасности. Только мимходом Бухарин избегает их: «тигритский спуск» в связи с ростом колхозов и совхозов, на сложное машинное хозяйство и комбайны, на искусственное удобрение и т. д. обгоняет предложение, и «мощный злеть» как растет и притом с очевидной скоростью. Эти поразительные строчки вклинены в восторженную статью без малейшего аналитического. А между тем рост «ожесточения» между фундаментом и крышей не может протекать ничего другого, кроме крушения.

Выдвигая значение планового начала для коллективизации сельского хозяйства, тесную связь районного колхоза с промышленностью и местным советским аппаратом, Бухарин говорит: «в заповышенной форме мы имеем дело с грядущим преодолением бюрократизма». Да, в заповышенной форме. Но беда, если зародыш принять за младенца, или младенца за юношу. Колхоз, не опирающийся своей технической базой неизбежно создает паразитарную хозяйственную бюрократию, худшую из всех. Крестьянин, который являлся в истории не раз пассивной опорой всяких видов бюрократизма в области государственного управления, совершенно не выносит бюрократизма в непосредственно-хозяйственной области. Этого не надо забывать.

Коллективизация должна переделать природу крестьянина, повторяет Бухарин. Бесспорно. Но для этого нужны трактор, дисковый плуг и комбайн, а не их «идея». Платонизм в производственном процессе никогда не пользовался успехом. Конечно, число тракторов, идее совершенно ничтожное, по плану должно расти все быстрее. Но нельзя сегодня стро-

ить колхоз на будущих тракторах. Для тракторов нужно к тому же горючее. По крайней мере обеспечить им необъятные пространства — это титаническая производственная, организационная и транспортная задача. Но и трактор с горючим сам по себе ничто, он силен только в составе целой цепи, в которую зверьями входят важнейшие достижения технической и общей культуры. Все это осуществимо. Все это будет осуществлено. Но необходим правильный «расчет времени», — без этого хозяйственная операция совершится, как и военная. При благоприятных условиях, внутренних и международных, материально-технические условия сельского хозяйства могут в течение каких-нибудь 10-15 лет коренным образом преобразоваться и обеспечить производственную базу коллективизации. Однако, за те годы, которые отделяют нас от такого положения, можно несколько раз успеть оторочить советскую власть...

Но — увы — с Бухариным взяты гладки: оттолкнувшись на сей раз левой ногой от реальности, он увносится «бешеным галопом» в высочайшие метафизические спекуляции. И мы уже сейчас опасаемся, что быть Бухарину снова в ответчиках за разбитую Сталиным посуду. Однако, не Бухарин нас интересует.

Мировая буржуазная печать, по крайней мере наиболее дальновидная, т. е. способная на далеко пессимистическую провокацию, не переставая повторять в самый разгар сплошной коллективизации, что на этот раз отступление негдет опыт будет доведен до конца, или — гибель советской диктатуры, причем и «словесные прыжки до конца», с ее точки зрения, ничего, кроме гибели, не означают. С другой стороны, официальная советская печать с самого начала кампании трубила непрерывное наступление, без оглядки и проверки. Сталин апломом «белых» «беспощадно громить» кулака», как класс. Диссонанс внесла одна лишь левая оппозиция, которая еще с осени прошлого года предупреждала, что в ажиотаже несогласованных темпов заложены элементы неизбежного кризиса в ближайшем будущем. События не замедлили показать, что только печать крупного капитала, на одном полюсе, левая коммунистическая печать, на другом, знали, чего хотят. Наступление на деревенском фронте скоро обнаружилось своим противопечем, сразу же повело их до невыносимой остроты. Начались: обвинения перегибов, облегчение выхода из колхозов, фактическая остановка раскулачивания и проч. Одновременно со всем этим строжайше запрещено называть отступление отступлением. И никто не знает, что будет завтра.

Между тем сволить концы с концами все же придется. Если это не сделает правящая партия, то это совершит стихийный процесс развала в сфере диктатуры. Чем раньше, шире и смелее будет произведен пересмотр «планов», — перее: чем раньше внесет будет коллектив-

но продуманный план в хаос угрожающих «супехов», — тем менее болезненный характер будет иметь исправление наделанных ошибок, тем вернее можно будет смягчить наиболее острые диспропорции в развитии города и деревни и выиграть новые сроки, приблизив их к зреющим «срокам» европейской революции.

Хуже всего — нынешнее беспорядочное отступление, прикрываемое чиновничьими побасенками и прибаутками. Партия в тревоге, но — молчит. Здесь главная опасность.

4. Выход может быть найден только партией.

Буржуазия приходила к власти и руководила судьбами общества в постоянной борьбе разных партий и течений, которая принимала нередко форму гражданской войны. Хотя пролетариат неизмеримо однороднее, чем буржуазия, но однородность его все же далеко не абсолютна. Рабочая бюрократия становится не только орудием воздействия пролетариата на другие классы, но и орудием воздействия других классов на пролетариат. Сюда присоединяется сложный переплет мировых отношений, котлым и принадлежит в последнем счете решающее слово. Это в совокупности достаточно объясняет, почему на основе пролетарской революции могут возникать и возникают в правящей партии глубокие разногласия, порождающие характер фракций. Голым запрещением этого отменить нельзя.

Методы неизбежной борьбы, поскольку она ведется не только на основах, но и в интересах диктатуры, должны быть таковы, чтобы свести к минимуму издержки по выработке правильной политической линии. Сталинская бюрократия пыталась вообще освободиться от политических издержек порожденных существованием партии. Оказалось, однако, что наибольшие издержки вызывались политикой бюрократических энтомологов. Последние неотделимы от аппаратного режима, который не контролируется партией и каждый раз отталкивается от последних собственных ошибок. Было бы глупо думать, что диктатуре пролетариата отпущено право на безграничное количество энтомологов. Нет, этот исторический кредит ограничен.

Съезд партии не собрался два с половиной года, в течение которых политика круто менялась несколько раз — в самых основных вопросах. И сейчас съезд, назначенный против воли верхушки, откладывается и оценивается руководящим аппаратом не как выход из внутренних затруднений, а как досадная помеха и прямая опасность. Чем объяснить, что в годы гражданской войны съезды созывались ежегодно и даже два раза в год, а сейчас, во время мира, после несомненных успехов социалистической промышленности, после того, как по уверенному руководству «поворот крестьянства и социализ-

му обеспечен», внутренняя жизнь партии достигла такого невыносимого напряжения, при котором съезд превращается в обузу, в загадку и в опасность?

Можно возразить, что главным врагом является не внутренняя, а мировая буржуазия, которая после войны упрочилась. Это будет верно. Но опасность извне, при действительном укреплении социалистической базы внутри, ни в каком случае не объясняет бюрократизации режима. Социалистическое общество могло бы бороться против внешних врагов на основе самой широкой, самой полной, самой неограниченной демократии. Систематическое ухудшение внутреннего режима должно иметь внутренние причины. Давление извне может быть понято только в связи со внутренним соотношением классов.

Кто объясняет и оправдывает ухудшение партийного режима необходимостью борьбы с внутренними врагами, тот тем самым молчаливо признает, что соотношение сил менялось за последние годы к невыгоде для пролетариата и его партии. Но разве же кулак представляет сейчас большую опасность, чем вся буржуазия, включая и кулака, в годы гражданской войны, когда старые господствующие классы еще не потеряли самоуверенности, рассчитывали на скорое падение большевизма и имели свои армии? Такое допущение как бы противоречит очевидности. С ним совершенно не мирится, во всяком случае, вся официальная доктрина, которая не видит вокруг ничего, кроме систематического укрепления социалистического сектора и вытеснения капиталистического.

Тем меньше можно понять и объяснить, почему сейчас всякое расхождение с руководством, т. е. с милитаризованной сталинской фракцией, всякая попытка критики, всякое предложение, непредусмотренное верхушкой, ведет к немедленному организационному погрому, который совершается безмолвно, как пантомима, после чего следует «теоретическая» ликвидация, похожая скорее на ритуальное отпевание, совершаемое ленивыми дячками и писанинщиками из красных профессоров?

Признать, что нынешний партийный режим является единственно мыслимым, и что его эволюция закономерна и неотразима, значит признать неизбежность гибели партии, а значит и революции. Много ли сейчас нужно, в самом деле, для того, чтобы откинуть съезд партии совсем, заявив, например, что они будут собираться «по мере надобности»? Что нового внесло бы это в нынешний режим? Почти ничего. Но аппарат, который вынужден искать спасения и самом себе, не может не увеличиваться одним лицом. Бюрократии нужен супер-арбитр, и она выдвигает того, который наиболее отвечает ее инстинкту самосохранения. В этом суть сталинизма, как партийной подготовки бонапартизма.

Если бюрократический центризм начинает свою карьеру, как течение, лавирующее между двумя крайними течениями партии, отражающими или выражающими мелко-буржуазную и пролетарскую линии, то бонапартизм есть государственный аппарат, открыто порвавший всякие традиционные, в том числе и партийные связи, и «свободно» лавирующий между классами, в качестве властного «посредника». Сталинизм есть бессознательная, но тем более опасная подготовка бонапартизма. Это надо понять. Это пора понять.

Где же те факторы, которые, несмотря на хозяйственные успехи, ухудшили политическое положение и содействовали перенапряжению режима диктатуры? Эти факторы двойного рода: одни коренятся в массах, другие — в органах диктатуры.

Филлисты не раз говорили, что Октябрьская революция есть продукт «иллюзий» масс. Это верно в том смысле, что ни феодализм, ни капитализм не воспитали масс в духе материалистического понимания истории. Но иллюзии иллюзиям рознь. Империалистическая война, ограбившая и обескровившая человечество, была бы невозможна без патриотических иллюзий, в поддержании которых социалдемократия играла главную роль. Иллюзии масс в отношении Октябрьской революции состояли в преувеличенных надеждах на скорую перемену своей судьбы. Но разве же до сих пор что-либо великое совершалось историей без такого рода творческих иллюзий?

Несомненно, однако, что реальный ход революции изнашивает массовые иллюзии и тем самым сбрасывает со счетов тот дополнительный кредит, который массы открыли в 1917 году руководимой партии. Возврат этого кредита состоялся, конечно, с точки зрения реальных сил исторического процесса. Но нельзя упускать из виду, что утрата иллюзий происходит гораздо скорее, чем накопление теоретического понимания. В этом одна из главных причин успеха контр-революции в прошлом, поскольку эти партии искали в психических изменениях, совершающихся в самих революционных классах.

Другой элемент опасности лежит в неспособлении аппарата диктатуры. Бюрократия аппарата многие черты господствующего класса, и именно так воспринимается значительной частью трудящихся масс. Борьба бюрократии за самосохранение подавляет идейную жизнь масс, сознательно подсовывает им новые иллюзии, отнюдь не революционные, и задерживает замену утраченных иллюзий реалистическим пониманием происходящего. С точки зрения марксизма совершенно ясно, что советская бюрократия не может превратиться в новый господствующий класс. Ее обособление и повышение ее социальной роли в форме командования, неизбежно ведет к кризису диктатуры, который

может завершиться либо возрождением революции на более высоких основах, либо реставрацией буржуазного общества. Именно приближение этой альтернативы, которая всеми чувствуется, если немногими ясно понимается, и придает крайнюю напряженность нынешнему режиму.

Несомненно, что в росте бюрократизма находят свое выражение общие противоречия строительства социализма в отдельной стране. Другими словами, бюрократизм угрожал бы, в тех или других пределах, и при правильном руководстве. Все дело, однако, в пределах и в сроках. Допустить сохранение мирового, и прежде всего европейского капитализма, еще в течение ряда десятилетий, значило бы признать неизбежность падения советской власти, причем, предбонапартистское перерождение аппарата подготовило бы открытые контр-революционные сдвиги и перевороты, термидоранского или сразу бонапартистского типа. Такого рода перспективу надо всегда иметь перед глазами, чтоб правильно ориентироваться в том, что происходит. Весь вопрос, повторяем, в сроках, которых нельзя, однако, заранее знать, ибо они определяются борьбой живых сил. Если бы не постыдные и гибельные поражения революции в Германии и в Китае, вся мировая обстановка выглядела бы сегодня иначе. Таким образом от объективных условий мы каждый раз снова возвращаемся к вопросу о руководстве. Дело идет не о лице или группе лиц (хотя и этот вопрос не мало важен). Дело идет о взаимоотношении между руководством и партией, между партией и классом.

Именно под этим углом зрения стоит вопрос о режиме ВКП и Коминтерна. Нам сообщают новую теорию некоторых шатающихся элементов оппозиции (Окуджава и др.) согласно которой из внешней «левой» политики Сталина должен быть сам собою «вырасти» и более здоровый режим. Этот оптимистический фатализм представляет собою худшую карикатуру на дарканизм. Нынешнее руководство не белый лист бумаги. Оно имеет свою историю, тесно связанную с его «генеральной линией» и от нее неотделимую. История сталинского руководства есть история беспримерных ошибок и вызванных ими разгромов международного пролетариата. «Левый» поворот нынешнего руководства великом обусловлен последствиями вчерашнего правого курса. Чем круче оказался поворот, тем сильнее стал бюрократический зажим, чтоб не дать партии разобраться в противоречии между вчерашним днем и сегодняшним.

Гибельное окостенение партийного аппарата является не просто продуктом объективных противоречий, но продуктом конкретной исторической ситуации, через которое эти противоречия преодолевались. В этом руководстве, с его искусственным отбором людей наверху и

лнцу, кристаллизованы все ошибки прошлого и заложены все ошибки будущего. И прежде всего в этом руководстве заложено его собственное дальнейшее бонапартистское перерождение. На этом пути скрыта главная, наиболее непосредственная, наиболее острая опасность, угрожающая Октябрьской революции.

Левые зигзаги вовсе не означают, что центристское руководство способно внутренними бюрократическими усилиями превратиться в марксистское руководство. Левые зигзаги означают совсем другое: и в объективных условиях, и в глухих настроениях рабочего класса, заложено глубокое сопротивление термидорианскому курсу; переход к последнему по прежнему немислимы без открытых контр-революционных потрясений. Держа партию за горло, руководство не может все же на нее не озираться, ибо хоть и глухо, и бесформенно, но через партию идут предостережения и напоминания классовых сил. Обсуждение вопросов, идейная борьба, конференции и съезды заменены внутривластной агентурой, подслушиванием телефонов и слепотобранней переписки. Но давление классов сказывается и этими потаенными, «подкожными» путями. Это значит, что источник левого поворота и причина его остроумно находится вне руководства. Последнее обуславливает лишь беспродуманность, хвостизм и неадекватность левого поворота.

Мириться с руководством только потому, что оно не признает и не покаяется своих ошибок и преступлений, повернулось под давлением событий вокруг своей оси и на новом пути громоздит новые ошибки, — значит быть не доросшим до чиновника обывателем, а никак не революционером. Но может быть и прямо «нет другого пути», как скажут Радеки, Зиновьевы, Ка-

меневы, Смирты и прочие отставной козы пидологи? Их скулежь означает одно: революция не все равно погибла, так лучше уж быть с «народом»: на миру и смерть красна. С этими гнилыми настроениями мы не имеем ничего общего.

Нигде не сказано и никак не доказано, что пынешья партия, не существующая сейчас как партия, но все же способная безмолвно порачивать руководство на 180°, не в силах, даже при наличии необходимой инициативы, позидать себя самое, путем глубокой перегруппировки сил на основе коллективной проверки пройденного пути. Гораздо менее гибкие, более окостеневшие учуждения, чем коммунистическая партия, не раз обнаруживали в истории способность к возрождению и обновлению в результате глубокого внутреннего кризиса. Так и только так стоит для нас вопрос, и в национальном и в международном масштабе.

Точка зрения оппозиции не имеет ничего общего с самодовольной метафизикой тов. Окуджавы и других, ибо предполагает живую борьбу направлений и следовательно, высокую активность левой оппозиции. Только политические банкроты слагают с себя и критические моменты ответственности, перенося ее на объективный ход вещей и ища выхода в утепительных проществах. Стадность и убогость, как нельзя лучше характеризуют периоды сползания и перерождения. На борьбе с ними ищется большевизм. Лепая оппозиция продолжает его историческую линию. Ее долг — не растворение в центризме, а усиление своей активности по всей линии.

Л. Тронкий.

Публикуется, 25 апреля 1930 г.

Еще о товарище Блюмкине

В Москве только узкие партийные круги знают о расправе Сталина над Блюмкиным. Из этих кругов систематически распространяются слухи о том, будто Блюмкин покончил жизнь самоубийством. Таким образом, Сталин не смеет до сих пор признать открыто, что он расстрелял «контр-революционера» Блюмкина.

В высшей степени замечательно, что мировая капиталистическая печать отнюдь не поторопилась воспользоваться делом Блюмкина. Она совершенно правильно рассуждает, что защита левых коммунистов от сталинской расправы не входит в круг ее интересов. Тем более настойчиво и непримиримо обязана левая коммунистическая оппозиция вести кампанию разоблачения сталинских преступлений.

В прошлом номере мы сообщали, что кроме Блюмкина расстреляны еще два оппозиционера: т.т. Сидов и Рабинович. Таким образом вопрос имеет исключительную политическую

остроту: приостановить кровавую расправу Сталина над большевиками-революционерами может только огласка его преступлений среди передовых рабочих всего мира.

Близкий коммунист Суварин поспешно притти Сталину на помощь, заявив, будто Блюмкин внутри ГПУ выполнял поручения оппозиции, и что, поскольку ГПУ существует, оно не может не расстреливать вероломных сотрудников. Суварин делает тот вывод, что «на 13-м году революции» (?) необходимо уничтожить ГПУ.

Вдаваться в теоретические прения с Сувариним у нас нет никакого основания. Мы считаем достаточным ограничиться шжесследующим заявлением.

Тов. Блюмкин никогда не выполнял и, по самому характеру своей работы, никогда не мог выполнять в ГПУ или через ГПУ поручений оппозиции. Достаточно сказать, что значитель-

ную часть последнего периода Блюмкина пролет на Дальнем Востоке, главным образом в Монголии.

Запрещение работникам ППУ, как и работникам военного ведомства, иметь другие взгляды, кроме сегодняшних взглядов центрального комитета, равносильно лишению коммунистов, работающих в названных учреждениях, их элементарных партийных прав. Защищать такую гнусность могут только сталинские бюрократы.

ППУ есть орган самообороны пролетарской диктатуры. Поскольку Октябрьская революция и на 13-м году окружена измором врагов, она не может отказаться от таких органов, — диктатура не может перестать быть диктатурой.

Ставить вопрос в формальной плоскости могут только либералы и либеральствующие социал-демократы. Мы ставим вопрос в плоскости классовой: во имя чего применяются репрессии? против кого они применяются? кому и чему служат? Дело идет о революционной целесообразности, а не о сверх-классовой справедливости.

Убийство Блюмкина, как и все вообще репрессии против ленинской оппозиции, ослабляют пролетарский авангард, подрывают партию, усиливают классовых врагов. Борьбу против вероломно-трусливого убийства Сталиным Блюмкина мы ведем во имя диктатуры пролетариата.

Да будет сие известно друзьям и врагам!

Скрип в аппарате

ПОПУЛЯРНОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ О ЛЕВЫХ И ПРАВЫХ

В «Правде» от 30-го марта напечатана статья Ярославского «Слева направо». Статья посвящена «переходу» левой оппозиции... в лагерь социал-демократии. Каким образом люди, которых свыше уже двух лет держат в тюрьме и ссылке за контр-революционную деятельность и даже за «подготовку вооруженной борьбы против советской власти» (официальная мотивировка высылки Троцкого), — каким образом эти давшие «контр-революционные» только теперь начинают «переходить» в социал-демократический лагерь, остается совершенно непонятным. Зато вполне ясно, что Ярославскому все еще приходится потеть над отысканием «научного» обоснования 53 ст., по которой карается оппозиция. Писки принимают сейчас особенно шумный характер, ибо в аппарате скрип, и его нужно вслушать.

Не случайно против оппозиции выпущен Ярославский, хотя в партии имеются значительно более грамотные и умные люди. Но более грамотные, более умные или более совестливые сейчас либо не хотят подымать Ярославскому, а говорить вслух, что думают, не могут, отчасти не смеют, либо просто растеряны. Ярославские не растеряны, ибо расгневаны нечего. Вот почему, в защиту сталинской политики от оппозиции, выступает Ярославский и дает, заметив мимоходом, замечательный образец той гнили, какую кормит сейчас партия.

Если мы на сей раз, в виде изъятия, остановимся на статье Ярославского, то только потому, что она, при всем своем ничтожестве, очень симптоматична и хорошо показывает, в каком месте у Сталина, по немецкому выражению, жмет сапог.

Темп индустриализации

Мы писали товарищам в СССР уже несколько месяцев тому назад, что множатся признаки, указывающие на чрезмерный разгон индустриализации. Ссылаясь на наш Бюллетень, Ярославский пишет, что эта оценка, «абсолютно ничем не отличается от того, что пишут меньшевики». Абсолютно ничем! Если уж лаять, так ляпать.

Ярославский не догадывается, что вопрос о правильных и неправильных, реальных и нереальных темпах существует сам по себе, независимо от того, что говорят о нем меньшевики, и решается в зависимости от материальных и организационных факторов, а не газетных штат, тем более фальшивых.

В тот период, когда мы, оппозиционеры, боролись за более высокие темпы индустриализации (1923-1929 гг.), вся мировая буржуазная печать, вместе с социал-демократической, повторила вслед за Сталиным обвинения оппозиции в романтизме, фантастике и «сверхиндустриализации».

В 1923-1925 годах мы доказывали, что даже после исчерпания дореволюционного оборудования советская промышленность сможет давать до 20% годового роста. Мы опирались на экономические соображения, которых здесь приводить не будем. (См. «К капитализму или к социализму», русск. изд., стр. 45-46). В планах Госплана была выработана через год после того пятилетка, согласно которой развитие промышленности намечалось с убывающей скоростью, от 9% до 4% в год. Оппозиция подвергла этот проект беспощадному осуждению. Ее обвинили в «дезагогии». Еще через год Политбюро утвердило новый проект пятилетия со средним годовым ростом в 9%. XV-ая партконференция (1926 г.) признала этот процент пра-

вильным и осудила оппозицию за... «неверие» и «скептицизм». Это не помешало оппозиции непримиримо осудить новую пятилетку. Еще через год-полтора Госплан выработал, наконец, третью пятилетку с годовым приростом в 20%. Этот прирост совпал — гораздо ближе, чем можно было надеяться — с гипотетическим прогнозом оппозиции 1925 г. и полностью опроверг все предшествующие разглагольствования об индустриальной романтике и демагогии. Такова краткая пред'история вопроса.

Фактический рост промышленности за первый год пятилетки (1928-29) превзошел, однако, план на целых 10%. Руководство немедленно же решило положить этот успех в основу всего пятилетнего расчета и выполнить план в пределах 4-х лет. Против этого оппозиция подняла голос предостережения, на этот раз «справа». Из чего мы исходили?

а) В проекте пятилетнего плана не может не быть ошибок и диспропорций. Они будут накапливаться по мере выполнения плана, могут резко обнаружиться не в первый год, а во второй или третий и сразу круто задержать рост. Прежде, чем давать промышленности дополнительный разгон, нужно тщательно проверить, говоря военным языком, все ступки, или условия пунжики, где разные отрасли хозяйства сочетаются одна с другой.

б) Наблюдающееся снижение качества продукции, и без того крайне низкого, заключает в себе величайшую опасность не только для потребителя, но и для производства, ибо главным потребителем продукции является сама же промышленность. Низкое качество неизбежно даст на одном из ближайших этапов производства резкое снижение количества.

в) Нельзя отрывать вопрос о темпах развития промышленности от вопроса о жизненном уровне рабочих масс, ибо пролетариат есть главная производительная сила, и лишь достаточный материальный и культурный подъем пролетариата есть гарантия высоких темпов индустриализации в дальнейшем. Этот вопрос мы считаем важнейшим из всех.

Таковы три главных соображения, которые заставили оппозицию поднять голос предостережения против перассуждающей логики за темпами, сменившей экономическое крохоборчество предшествующего периода. Если в 1923-1928 г.г. Политбюро, не понимая громадных возможностей, заложенных в национализированной промышленности и плановых методах хозяйства, готово было мириться с 4-мя или с 5% годового роста, то теперь оно, в силу непонимания материальных пределов индустриализации, легко перескакивает с 20% на 30%, авантюристски пытаясь каждое частное и временное достижение превратить в норму и, совершенно теряя при этом из виду взаимобусловленность разных сторон хозяйственного процесса.

Когда мы зовем от формальной логики к количеству и реальному улучшению качества — значит ли это, что мы зовем назад от реально достигнутых успехов? Когда мы требуем поступиться частью накопленного в пользу сегодняшнего потребления рабочих, — значит ли это, что мы пытаемся на индустриализацию? Когда мы требуем, прежде, чем узаконить 30% годового роста, серьезно проверить взаимоотношения всех отраслей промышленности и народного хозяйства в целом, с точки зрения производительности труда и себестоимости продукции, — значит ли это, что мы зовем к отступлению на вчерашние позиции Сталина? Если вопрос решается, в самом деле, так просто, то почему же останавливаться на 30%? 50% — больше. Кто не хочет тащить «назад», тот должен написать на своем знамени, по крайней мере, 75%. Или, может быть, 30% предопределены, как норма? Кем предопределены? Когда предопределены? Ведь злополучные руководители на эту «норму» просто наткнулись носом на первых шагах выполнения 20%-ного плана, от которого они перед тем в течение нескольких лет отбивались руками и ногами. Теперь оказывается, что 30% есть ленинизм, а кто говорит закусншему удила оппортунисту: не теряй головы, не зарывайся, не толкай промышленность навстречу жестокому кризису — тот, видите ли, «абсолютно ничем не отличается от социал-демократии». Абсолютно ничем! Разве эти люди не шуты гороховые?

Коллективизация

Еще хуже, если возможно, обстоит дело с крестьянской политикой. В течение ряда лет Политбюро строило свою сельско-хозяйственную политику на идеализации мощного середняка и индивидуального крестьянского хозяйства вообще. Кулака по-прежнему не замечали, или объявляли ничтожной величиной, пока он не сосредоточил в своих руках 40% товарного хлеба и руководство середняком в придачу. Создав свои собственные экономические связи и каналы, кулак отказал государственной промышленности в хлебе. После этого (точнее: после 15-го февраля 1928 г.) запоздавшие и перепуганные руководители ударили по кулаку градом административных репрессий, которые сразу застопорили крестьянский оборот, фактически ликвидировали НЭП и загнали середняка в тупик.

Когда мы говорим, что этот тупик и явился исходным пунктом новой главы коллективизации, мы лишь повторяем то, что много раз признавала официальная советская печать. Если Ярославский возит, что «ни один реакционер не додумался до такого гнуснейшего объяснения» (значит, так лгать!), то это лишь свидетельствует о том, что поглощенный пер-

пугающей переписки оппозиционеров, бедняга не читает экономических статей советской печати. Ярославского особенно возмущает, когда мы говорим, что среднее крестьянство колеблется между гражданской войной и коллективизацией. Он именует это замечание «сплошным ренегатством». (Словарь у перлюстратора не богатый!). Но ведь советская печать полна сообщений о том, что крестьяне, т. е. главным образом середняки, хищнически истребляют и распродают живой и мертвый инвентарь. Все руководители называют это явление «угрожающим». Газеты обвиняют все дело лангуним кулака. Речь тут может идти, однако, не об «идейном» влиянии, а об экономических связях кулака и середняка, об известной взаимозависимости всего рыночного, товарно-денежного крестьянского хозяйства. В распродаже скота, как массовом явлении, мы имеем не что иное, как тихую, саботажную форму гражданской войны. С другой стороны массовый характер имеет и тяга в колхозы. Не ясно ли, что двойственная природа середняка, который соединяет в себе труженника и торговца, достигла на нынешнем этапе наиболее контрастного выражения? Средняк колеблется, между коллективизацией и гражданской войной, а до известной степени соединяет одно с другим. В этом острота положения и его опасность, которая усугубляется, если ее своевременно не понять.

В те годы, когда Политбюро на три четверти, а государственная аппарат на 90% ставили свое старшинство на «люди среднего середняка», т. е. на кулака, оппозиция требовала энергичных мер по коллективизации сельского хозяйства. Напомним, что в платформе оппозиции эти требования нашлись следующее выражение:

«Растущему фермерству деревни должен быть противопоставлен более быстрый рост коллективов. Необходимо систематически, из года в год, производить значительные ассигнования на помощь бедноте, организованной в коллективы» (стр. 24 русск. изд.).

И далее:

«Должны быть вложены гораздо более значительные средства в совхозное и колхозное строительство. Необходимо предоставление максимальных льгот вновь организуемым колхозам и другим формам коллективизации. Членам колхозов не могут быть лица, лишены избирательных прав. Задачей перевода мелкого производства в крупное, коллективистическое должна быть проникнута вся работа кооперации. Необходимо проведение строго-классовой линии в области машинного снабжения, и частности путем борьбы с машинными лже-товариществами. (Стр. 26 русск. изд.).

Мы не предвещали тема коллективизации, ибо он являлся для нас (остается и сейчас) производной величиной по отношению к темпу индустриализации и ряду других экономи-

ческих и культурных факторов.

План Политбюро наметил два года спустя коллективизацию пятой части крестьян в течение пятилетки. Надо полагать, что эта цифра не просто явилась Кржижановскому в сонном видении, а была основана на технических и экономических расчетах. Так или нет? Между тем, в первые же полтора года коллективизации подверглись три пятых крестьянства. Если даже принять на веру, что этот размах коллективизации есть сплошной триумф социализма, то одновременно надо констатировать полное банкротство руководства, ибо плановое хозяйство предполагает, что руководство хоть сколько-нибудь предвидит основные хозяйственные процессы. Между тем на это нет и намека. Бухарин, новый, реконструированный, индустриализированный и сплошь коллективизированный Бухарин, признает в «Правде», что новый этап коллективизации вырос из административных мероприятий в борьбе за хлеб, и что этот этап не был предвиден руководством «во всех его конкретностях». Это очень недурно сказано! Ошибка темпа в плановых расчетах составляет всего навсего около 900-1.000%. И в какой области? Не в вопросе о производстве инертности, а в вопросе о социалистическом преобразовании всего сельского хозяйства. Ясно, что кое-каких «конкретностей» Сталин с Ярославскими действительно не предвидели. Тут Бухарин прав.

Мы никогда, как известно, не заподозрили нынешнее руководство в изыскании проницательности. Но такой ошибки оно никак не могло бы сделать, если бы коллективизация действительно выросла из завоеванного на опыте убеждения крестьян в преимуществах крупного коллективного хозяйства над индивидуальным, ибо такой процесс имеет свои этапы, которые легко нащупать руками.

Мы ни на минуту не сомневаемся, конечно, в том, что глубоко прогрессивная и творческая струя в коллективизации имеется. Условно мы готовы допустить, что по своему масштабу, она приблизительно соответствует наметке пятилетнего плана. Но откуда же выросли 1.000 процентов дополнительного успеха? Надо, все-таки, это объяснить!

Допустим даже, что работа колхозов в течение предшествующих 12-ти лет была настолько успешной, что смогла убедить все крестьянство не только в преимуществах, но и во всеобщей осуществимости коллективизации. Ясно, что такого рода убедительную силу могли развить только колхозы, основанные на тракторах и других машинах. Можно вполне допустить, что подавляющее большинство средней-кой действительно признает сегодня преимущества тракторной обработки земли. Но из этого еще не вытекает сплошной тракторизации, ибо для последней, кроме убеждения в пользе трак-

гора, нужна еще наличие самого трактора. Предупредили ли власти крестьян о действительном положении в области техники и материальных средств вообще? Нет! Вместо того, чтобы сдерживать паническую коллективизацию, они усугубили ее бешеным нажимом.

Правда, сейчас, чтобы оправдать ошибочку темпа в 1.000%, создана новая теория о том, что техника есть дело десятое, и что социалистическое сельское хозяйство («мануфактурное») можно, перекрестясь, строить при любых средствах производства. Эту мистическую теорию мы, однако, решительно отвергаем. Мы не верим в беспорочное зачатие социализма. Более того, мы обличаем этой мифологии беспощадную войну, ибо неизбежное разочарование крестьян грозит вызвать жестокую реакцию против социализма вообще, причем эта реакция может перевернуться и на значительные круги рабочих.

Сталин начал свое последнее отступление, — неизбежность которого он накануне так же мало предвидел, как за полгода до того — сплошную коллективизацию, — с пошляцкого резонерства насчет преждевременности социалистического режима для крестьянских кур. Последние телеграммы говорят, что Сталин успел уже пройти значительное расстояние — не вперед, о, мудрый Ярославский! — а назад, от 60% коллективизации к 40%. Мы несколько не сомневаемся, что ему придется — всегда в хвосте реального процесса — отступить еще на солидное количество процентов. В предвидении этого мы, уже несколько месяцев тому назад, т.е. в самый разгар коллективизаторского иступления, предупреждали против последней бюрократического авантюризма. Если бы партия читала наши предупреждения в молчаливом виде, а не в запоздалых извращениях Ярославского, многие ошибки были бы, если не избегнуты, то чрезвычайно смягчены.

Что означает выдвинутый нами лозунг сотрудничества с Советским Союзом?

Надвигающийся кризис советского хозяйства совпадает с распутием мировым капиталистическим кризисом. Это совпадение имеет, в последнем счете, общие причины. Мировой капитализм не пережил себя, но могильщик еще не готов к своей работе. Кризис советского хозяйства, если оставить в стороне ошибки руководства, является экономическим последствием изолированности СССР, т.е. опять-таки того факта, что мировой пролетариат еще не смел капитализма.

Проблема пролетарской революции есть проблема мировой организации социалистического хозяйства. Для Европы, с ее наиболее перерезанным и больным капитализмом, пролетарская революция означает прежде всего экономическое объединение континента. Готовить европейских рабочих к завоеванию власти можно и

должно, раскрывая перед ними неизмеримые выгоды правильной, плановой, обще-европейской, а затем и мировой организации социалистического хозяйства. Лозунг Советских Соединенных Штатов Европы, сейчас более, чем когда-либо необходимый, — совершенно, однако, недостаточен в своей абстрактно-политической форме. Он должен быть наполнен конкретным экономическим содержанием. Хозяйственный опыт Советского Союза вполне достаточен для того, чтобы создать примерный вариант плана, основанного на сотрудничестве СССР с промышленными странами Европы. В последнем историческом счете выход для СССР из возрастающих внутренних противоречий — и этом и только в этом. И для Европы нет иного выхода из кризисов, безработицы, возрастающего гнета Америки и перспектив войны. Проблема сотрудничества в полном объеме разрешима только через пролетарскую революцию, через создание Советских Соединенных Штатов Европы, которые, через нынешний Советский Союз, свяжутся с освобожденной Азией.

Надо европейских рабочих вести к этой перспективе. Надо предъявить им ясный и широкий план экономического сотрудничества, основанный на исключительно высоких коэффициентах роста, достигнутых даже в отсталой изолированной России. В этом неизмеримое революционное значение лозунга экономического сотрудничества с СССР, если его ставить правильно, т.е. по революционному.

В нынешних условиях этот лозунг является, сверх того, одним из ценнейших орудий мобилизации безработных и вообще рабочих в связи с безработицей. Дело идет, конечно, не только о возможных поставках Советскому Союзу, как ни важен этот вопрос сам по себе. Дело идет о выходе из исторического тупика, о совершенно новых экономических возможностях объединенного европейского хозяйства. С такого рода конкретным, основанным на опыте, «сверх-национальным» планом в руках рабочие-коммунисты могут и должны обратиться к рабочим-социал-демократам и беспартийным. В условиях кризиса это есть важнейший подход к проблемам социалистического переустройства Европы. При правильном применении политики единого фронта лозунг сотрудничества с СССР и экономического объединения Европы можно превратить в клин, который будет отка-

Нынешняя официальная борьба с бюрократизмом, не опирающаяся на классовую активность трудящихся и пытающаяся замаскировать ее усилиями самого аппарата, не даст и не может давать существенных результатов, а во многих случаях даже содействует усилению бюрократизма.

Платформа Бол.-Ленинц. (Оппоз.)
к 15 съезду ВКП(б) (1927 г.)

ливать все большие круги рабочих-социал-демократов от их нынешних вождей.

Но для этого перлым делом нужно ликвидировать, отвергнуть, осудить, предать поруганию теорию социализма в отдельной стране. Нужно сделать ясным мировому пролетариату, что русские не строят себе отдельный социалистический дом, что такая постройка в национальном масштабе вообще невозможна. Они строят национальную стену европейского, а в дальнейшем и мирового социалистического дома. Чем дальше, тем труднее им будет поднимать эту стену, ибо она может завалиться без одновременной постройки других стен. О том, чтоб воздвигнуть крышу над одной национальной стеною не может быть и речи. Надо приступать к одновременной работе в других странах по общему плану. Этот план должен быть выработан правительством Советского Союза; по крайней мере в основных чертах, как план могущественного материального и духовного поста народов Европы, Азии и всего мира.

Вот что означает в развернутом своем виде лозунг экономического сотрудничества с СССР в нынешней исторической обстановке. Но такая политика предполагает радикальный пересмотр теории и практики советского руководства. Ярославские для такой политики мало пригодны.

Справа или слева?

Как нетрудно было предвидеть, Ярославский свидетельствует ныне, что левая оппозиция стала ныне правой. Когда мы выступали против 4% за 20% — тогда мы были «ультра-левые». Когда мы предупреждаем: не перескакивай на 30%, ухудшая качество и перенапрягая рабочую силу, тогда мы «правые».

Когда против термидорианского курса на мощного середняка мы требовали курса на коллективизацию — это было «ультра-левицкой». Когда же мы выступаем, в порядке антирелигиозной пропаганды, против мифа о бесспорном зачатии социализма, тогда мы оказываемся... правыми.

Вопрос разрешается очень просто с тех пор, как ноги Молотова стали мерилом вещей.¹⁾

Все меньшевики. — захлебывается Ярославский — выступают против нынешних темпов индустриализации и коллективизации. Ясно: оппозиция — на меньшевистской точке зрения. Ярославский пугает. Кого: не нас ли? Нет, он пугает своих, ибо слышит явственный скрип в аппарате.

Меньшевизм — за возвращение СССР к капитализму, который должен увенчаться, — специально для удовольствия меньшевиков — буржуазной демократией. Попутно, меньшевики поддерживали вчерашнюю сталинскую программу индустриализации против платформы

оппозиции, видя в первой элементы экономического реализма, трактуя вторую, как романтизму. Таков исторический факт. Разумеется, меньшевики и сейчас за снижение темпов. Значит ли это, что с марксистской точки зрения темпы индустриализации вообще не имеют пределов?

Замечательно, что в той же статье Ярославский с большим удовлетворением ссылается на старого социалиста-революционера Минора, который на одном из парижских собраний, с известным сочувствием отзывался о коллективизации, происходящей в СССР. С точки зрения личной характеристики заявление Минора несомненно делает ему честь, ибо свидетельствует о наличии у него социалистической совести, о стремлении понять, что происходит на деле, без злобной предвзятости сбиженного мелкого буржуа. Но с политической точки зрения нельзя ни на минуту забывать, что Минор — старейший народник, наиболее застрахованный всем прошлым своим от марксистских идей. Сколько копьев сломали марксисты в борьбе с народническими утопиями насчет построения социализма на сохе и крестьянской общине. Аграрный социализм имел у левых эс-эров авантюристский характер, у правых — бюрократический. В сталинской политике элементы бюрократизма и авантюризма сочетаются. Немудрено, что Минор нашел в сталинской новизне кое-что от своей родной старины.

Одно из возможных определений большевизма состоит в том, что он дал на практике наиболее замечательный синтез реформы и революции. Социал-демократия раньше была за реформу против революции, а теперь, из страха перет революции, отказывается и от реформы. Социал-демократия всегда против революции. Значит ли, что всякое отрицание революционной ситуации в данный момент есть меньшевизм?

Меньшевики были против Октябрьской революции, вместе с Зиновьевым, Каменевым, Рыковым, Милютиним и др. Меньшевики были против революционного наступления в Германии в 1923 году (вместе со Сталиным). Меньшевики были против пазрыма с Гоминданом и создания Советов в Китае в 1925-27 гг., открыто поддерживая Сталина против нас. Меньшевики считали авантюрой наше требование объявления войны Генеральному Совету по преме стачки углекопов в 1926 году (вместе со Сталиным).

С другой стороны, меньшевики были против восстания в Эстонии в 1924 г., против террористической авантюры в Болгарии, против кантонского восстания 1927 года. Значит ли это, что мы должны поддерживать авантюристские восстания или организовывать их?

В работе о «третьем периоде», мы, на основании фактов и мифов, вскрыли преступное легкомыслие Молотова и К-о, объявивших по

1) См. Л. Троцкий «Третий период ошибок Коминтерна».

Франции канун революции. За наши цифры могут попытаться ухватиться, для самоутешения, и реформисты и капиталисты. Значит ли это, что мы должны игнорировать факты и цифры? потушить фонарь? Бродить ощупью?

Из краткого и неполного перечня мы видим, что во все критические моменты за последние 13 лет меньшевики вместе с эппигонами отрицали революционную ситуацию, когда она имелась налицо. Во всех этих случаях они были против нас. С другой стороны, их суждения эпизодически и чисто формально «совпадали» с нашими; когда меньшевики осуждали восстание, как таковое, мы же отрицали наличие условий для успешного восстания. То же самое происходит ныне и в вопросе о темпах индустриализации и коллективизации.

Хвостизм или авантюризм?

Отдельных товарищей смущает наше обвинение по адресу Сталина в ультра-левом авантюризме. Один из наших друзей доказывает, что «сплошная коллективизация» имеет со стороны руководства не авантюристский, а чисто хвостистский характер. Противоречия здесь никакого нет. Хвостизм всегда и неизбежно порождает ультра-левый авантюризм, как свое дополнение, либо сам непосредственно превращается в него. Перерождение большевизма начинается именно его хитическое разложение на оппортунизм и голый «революционизм».

Нужно к тому же не забывать, что и авантюризм бывает двух родов. Один выражает революционное нетерпение авангарда и порождает забегание вперед; другой выражает политическое отчаяние отставшего аррьергарда. В апрельскую и июльскую демонстрации 1917 г. некоторые большевики несомненно вносили элементы авантюристского забегания вперед. Такие же тенденции, но гораздо более резко проявленные и с более тяжкими последствиями, можно установить в восстании спартаковцев 1919 года, пытавшихся перескочить, через Национальное Собрание. Тактика немецкого руководства в мартовские дни 1921 года была, наоборот, попыткой инсценировать восстание на падающей волне. Тактика ультра-левого руководства в Германии в 1924 году была авантюристским дополнением хвостизма в 1923 году. Кантонское восстание 1927 года явилось авантюристским преобразованием оппортунизма 1925-1927 г.г. и, вместе с тем, классическим образцом отчаяния аррьергарда.

Движение крестьян в колхозы, вызванное сочетанием экономических и административных причин, получило стихийный характер. Политика бюрократии явилась в основе своей образцом хвостизма. Но бюрократия не только провозгласила эту политику своей высшей победой, — ехать так ехать! воскликнул попутай, когда кошка тащила его за хвост, — но и развернула бешеный нажим на крестьянство под флагом

ликвидации классов. Хвостизм непосредственно превратился в авантюризм.

Можно ли этот авантюризм назвать ультра-левым и можно ли сказать, что мы, оппозиция, нападаем на него справа? Стратегически это будет, конечно, бессмысленней, ибо революционную классовую стратегию тактический зигзаг Сталина подрывает. Но тактически мы имеем на этот раз со стороны сталинцев все же не правый, а ультра-левый зигзаг, — иначе его назвать нельзя.

На 3-м конгрессе Коминтерна, в выработке тактики и стратегии, мы отталкивались от ультра-левого авантюризма Зиновьева, Бала-Куна, Маслова и других. Ленин совершенно не боялся говорить, что он критикует их на сей раз справа. Некоторых из друзей это смущало. Напрасно. Фетишизм слов есть неприятная болезнь.

Правый курс, как стратегическая линия, есть установка на капиталистического фермера в деревне, есть капитализм в рассрочку. В прошлые годы Сталин достаточно далеко зашел по этому пути. Сейчас Сталин движется в прямо-противоположном направлении. Программа административной ликвидации кулачества есть ультра-левая карриатура на революционный курс. Тактически — мы стоим в данный момент справа от этого зигзага. Стратегически мы остаемся на основной революционной линии.

14-го июля 1927 года, когда официальный сдвиг влево только начал развертываться, я писал Х. Г. Раковскому и другим ссыльным следующее:

«После хвостистского упущения революционной ситуации в Германии в 1923 году, мы имели затем очень глубокий ультра-левый зигзаг 1924-25 годов. Этот ультра-левый зигзаг развернулся на правых дрожжах: борьба с индустриализаторами, Радич, Лафолет, Крестингер, Гоминдан и пр. Когда ультра-левизна расшибла себе лоб, на правых дрожжах поднялся правый курс. Отнюдь не исключено расширенное воспроизведение этого на новом этапе, т. е. ультра-левизна, опирающаяся на оппортунистические предпосылки. Подспудные экономические силы могут, однако, оборвать эту ультра-левизну на первых же порах и сразу пригвоздить всему курсу решительный тупик направо».

Так как важнейшую работу Ярославского составляет перлюстрация переписки оппозиции, то он легко может презернить нашу цитату. Ни сталинская ультра-левизна, ни самоопеивший

Личные трудности от оппозиции не мешают, а той труднейшей обстановке, в которой оппозиции приходится бороться за дело Ленина.

Платформа Бол.-Ленина. (Оппоз.)
к 15 съезду ВКП(б) (1927 г.)

кпен направо не явились для нас таким образом, неожиданностью. Как полагаются марксистам, мы ориентировались не по бюрократической психологии, а по «подслепным экономическим силам».

Звать ли «назад»?

Упомянутой выше товарищи высказывается в том смысле, что лозунг «назад» нам не к лицу. Все равно, говорит он, Сталин будет теперь отступать и отступать, стонет ли нам, а в таком случае, присоединять свой голос к голосу задолбанных политиков? Если бы речь шла о буржуазном государстве, такая критика была бы верна. Мы отнюдь не признаем давать советы буржуазии, хотя бы и самой «демократической» и социал-демократической, как ей выбраться из затруднений. Мы должны, наоборот, беспощадно эксплуатировать ее затруднения, чтобы поднять рабочий класс против капиталистического предательства и государства. Позиция Урбанса по отношению к СССР является каррикатурой на марксистскую политику по отношению к буржуазному государству. Но, вопреки 1.001-й лжи Ярославского, мы считали и считаем советское государство пролетарским государством. Хотя Ярославский и приводит в кармашках наши будто-бы слова из Бюллетеня о «неизбежной гибели» Октябрьской революции, но малопочтенный чертлоустратор думает. Никогда мы этого не говорили, не писали и не думали, хотя несколько не скрываем ни от себя, ни от партии ту огромную опасность, которая надвигается на Октябрьскую революцию в результате чудовищных ошибок последнего периода. Оппозиция не отождествляет советского государства ни с Ярославским, ни со Сталиным. Она считает советское государство своим государством и будет его защищать не только от открытых классовых врагов, но и от внутренних вредителей, в среде которых Ярославские занимают не последнее место.

В том же фельетоне «об эволюции трошкистов» Ярославский снова повторяет, что «Л. Д. Троцкий год назад был убежден в том, что наша партия вынуждена будет призвать его к себе на помощь». В этом смысле Троцкий будто бы предупреждал «сопровождавших его» (агентов ГПУ), «что, по всей вероятности, через несколько месяцев позвонит его спасать положение». Врет Ярославский! Не то и говорил, не так и говорил. Вместе со всей оппозицией и говорил, что страна вступает в период новых трудностей на более высокой исторической основе; что руководство ничего не знает и не предвидит; что эти трудности могут привести к острому кризису через два года, через год и даже через несколько месяцев. Тогда объявлялся, — говорил я, — что государственная аппарат, как и партия, переполнены чиновниками, карьеристами, потенциальными изменниками, и проч. А оппозиция будет беззаветно

бороться за Октябрь вместе с революционным строем партии. Стадно вам будет, — говорил я «сопровождающим». — если придется прямо из тюрем и ссылок призывать в трудную минуту оппозиционеров на помощь. Этот прогноз остается по всей своей силе и сейчас. Вернее, сейчас он принимает более актуальный и острый характер.

Лесть крестьянству

Грубое и бессмысленное экономическое дерганье крестьянства дополняется у Ярославских непристойной политической лезть. По поводу моих слов о том, что оказавшись перед закрытым на замок рынком, крестьянство «шараханулось» в сторону коллективизации, Ярославский пишет: Троцкий, «сохранивший свои прежние взгляды на крестьянство, как на враждебную силу, иначе и не может себе представить это крестьянство, как быдло, как скот, который «шарахается» в открытые ворота в сторону коллективизации». Крестьянство со скотом я не сравнивал. Для таких сравнений нужна лавкайская психология Ярославского. Крестьянства враждебной силой я не считал никогда. Но не считал его и сознательной социалистической силой. Крестьянство противоречиво. В нем и сегодня еще страшно сильна зависимость от стихийных сил природы, при ужасающей хозяйственной раздробленности и беспомощности. Маркс и Энгельс писали в свое время об энтопизме деревенской жизни. Народники говорили на эту тему немало жалких слов и выводили из Коммунистического Манифеста мнимую враждебность марксистов к крестьянству. Чем от них отличается Ярославский? Насколько крестьянин реалист в вопросах своего окружения, настолько он становится жертвой слепого инстинкта в больших вопросах. Вся история крестьянства состоит в том, что оно, после десятилетий или столетий тяжелой неподвижности, шарахалось то в одну, то в другую сторону. Крестьяне-солдаты разгромили революцию 1905 года. Крестьянство выбирало в 1917 году эс-эров в Учредительное Собрание, но пошло большевикам отпрокинуть эс-эров. Сколько раз оно шарахалось из стороны в сторону во время гражданской войны, прежде, чем сыздало тесно свою судьбу с советской властью. Чтобы освободить крестьянина от давящих его сознание стихийных сил, нужно его раскрестить. В этом и есть задача социализма. Но разрешается она не формальной коллективизацией, а революцией сельско-хозяйственной техники. Переломной крестьянин поймет раньше или позже, что оппозиция гораздо более внимательна и, главное, дальновидна в вопросах крестьянского хозяйства, чем правящие бюрократы.

Судьба хотела, видно, на этот раз особенно жестоко пошутить над Ярославским. В том самом номере «Правды» (от 30-го марта), где напечатан его злобный и убогий фельетон, можно

найти отчет о докладе Булата на пленуме Московского Областного Комитета. Булат рассказывает, что в одном из районов «сильны были правые настроения внутри парторганизации. Окружком снял несколько руководящих работников. И тогда вся организация «шарахнулась влево», в сторону сплошного загиба и перегиба». Так буквально и сказано. Здесь речь идет не о крестьянской массе, а о партийной организации, которая должна олицетворять сознательность рабочего класса. И официальный руководитель рассказывает, как после снятия нескольких «правых» организация «шарахнулась в ультра-левизну. Это гораздо больше похоже на «быдло» и «скот», если пользоваться лакейским словарем Ярославского. А между тем картина, нарисованная Булатом, символизирует всю судьбу партии за последние годы. После ультра-правого курса, теоретиком которого был Бухарин, партия, оглушенная сталинским аппаратом, «шарахнулась» в сторону сплошной коллективизации. Если для крестьянина способность «шарахаться» есть историческое бедствие, то для партии, для сознательного отбора, такое состояние есть не только бедствие, но и позор. До этого позора довел партию сталинский режим, в котором Ярославские занимают постыдное, но не последнее место.

О льстецах и клеветниках вообще

О каких это, однако, моих «прежних взглядах на крестьянство, как на враждебную силу», пишет Ярославский? Не те ли это взгляды, которые я выражал, скажем 30 лет тому назад, во время первой ссылки, и о которых Ярославский давал столь неумеренно-восторженный отзыв весной 1923 года? «Вокруг себя — рассказывает Ярославский, — Троицкий видел только деревню. Он болел ее нуждами. Его мучила заботность, деревни, ее бесправие» и т. д. Ярославский считал необходимым не только славословить исключительное внимание мое к крестьянству и знакомство со всеми мелочами его быта, но и требовал, чтоб мои юнцовские статьи о крестьянстве вошли в хрестоматии для обучения молодых поколений. Буквально! Я привел этот грубо-льстивый отзыв в своей Автобиографии, уличая Ярославского, как и многих других моих критиков их же собственными ввертанными словами. Ярославский по этому поводу говорит теперь о «самовосхвалении» Троицкого в его Автобиографии. Он забывает только прибавить, что эти «самовосхваления» состоят из цитат, заимствованных у тех лиц, под руководством которых в течение семи последних лет ведется поистине небывалая кампания травли и клеветы. Копировать во всем этом мусоре не доставляло мне ни малейшего удовольствия. В этом мне повелит не только революционер, но каждый мыслящий человек, не отравленный полдюжиной чиновника-карьериста. Я лишь исполнил то, что счита-

л революционным долгом. Сталин и его Ярославские ведут мировую травлю против меня в течение семи лет именно потому, что я представляю систему взглядов, им ныне ненавистную. Ради этой своей борьбы они сочли необходимым перервать всю историю партии и революции, не оставив в ней живого места. Дать им отпор по всему фронту их клеветы было для меня не столько делом личной самоащиты, сколько делом политической необходимости. Я исполнил это в нескольких работах: в книге «Искаженная революция», в «Автобиографии», наконец, в книжке о «Перманентной революции». Во всех этих работах, я на основании точных исторических справок, документов и цитат, разоблачаю живые сплетения сталинской школы, в которой Ярославские занимают постыдное, но не последнее место.

По поводу названных книг, которые уже вышли на многих языках, продолжают перелопачиваться и переиздаваться, сталинские точионаблели в рот воды. Пусть попробуют опровергнуть мое изложение. Пусть попробуют опровергаться в тех убийственных противоречиях, фальсификациях и клеветах, в которых я их обвинил на основании неопровержимых документов и, чаще всего, на основании их же собственных прежних зачатлений. Пусть оспоят хотя бы одну из цитат, мною приведенных, или одно из свидетельств, на которые я сослался. Они не могут этого сделать. Они уличены собою же самими. Они в тисках собственных противоречий. Они скомпрометированы собственными опровержениями. Они иллейно обессилены несостоятельностью собственной лжи.

А жизнь не стоит. Жизнь идет своим чередом, подтверждая критику и прогноз оппозиции.

Почему перлюстратор вступил в принципиальную полемику?

Почему, однако, после всех предшествующих ликвидаций, разгромов, похоронов оппозиции и проч. Ярославский оказался вынужден, — или, вернее, почему Ярославскому повучили вступить в столь высоко-принципиальную полемику с оппозицией? Хотя и с грубейшими искажениями, но перлюстратор все же принужден при этом цитировать ленинский Бюллетень Оппозиции (большевиков-ленинцев) и сообщать, отчасти по нужде, отчасти по недомыслию, кое-что слишком невыгодное для сталинской фракции.

Если взглядеться по-пристальнее в фельетон Ярославского, то нельзя не прийти к выводу, что он написан прежде всего и главным образом для того, чтобы запугать низы сталинского аппарата. Приводит цитаты из Бюллетеня, явное невыгодные для Сталина, Ярославский как бы говорит кому-то: вы слышите, что говорит оппозиция? берегитесь же, не повторите ее слов! Под давлением снизу в аппарате все больше нарастает тревога, все больше увели-

чиваются сомнения в руководстве, и все громче поднимаются гедозы, осуждающие последние вигазги. Именно в виду этого Ярославский столь неожиданно заговорил о надеждах Троицкого на то, что его позовут «спасать» революцию. Ярославский маленько переусердствовал, забежал вперед и обнаружил избыток тревдги. Слышен скрип в аппарате, вот в чем дело. И Ярославский «пугает» — кого? — своих пугает: сидите смирно, молчите, верьте или не верьте в «гениальность» руководства, но только молчите, не возбуждайте сомнений, — не то... не то аппарату грозит «интервенция» троцкизма! Вот смысл статьи Ярославского. Вот в чем ее политическая музыка.

Но этой музыке не заглушить уже скрип в аппарате. В результате последних испытаний, показавших, что руководство гуляет без головы, чрезвычайно усилятся внутренняя дифференциация в партии. Возродятся и усилятся несомненно правые и выйдут, может быть, менее именитых, но более почтенных и крижистых вождей. Эту опасность нужно предвидеть. Но и в пролетарском ядре партии пойдет — уже идет несомненно — глубокое брожение. Будет со дня на день расти стремление понять последний левый заскок в связи со всей «генеральной» линией, которой, увы, не существует в природе. Вероятно, что предсезонская дискуссия будет совсем не так безмятежна, как хотелось бы бюрократическим элементам Бюрократии. Сведения о том, что Сталин пытался снова отложить съезд до осени, т. е. совершить еще один очередной «переворотик», сто первый по счету, но что его собственный ЦК помешал ему в этом, — эти

сведения в высшей степени веролоподобны и вместе с тем глубоко симптоматичны. Они знаменуют начало пробуждения партии.

Перед оппозицией открывается новая глава, очень ответственная. Кроме оппозиции, никто не даст партии истинной картины того, что происходит сейчас в неразрывной период. Никто, кроме оппозиции, не способен обеспечить партии правильную принципиальную установку, пред лицом пышных величайших трудностей и задач.

Перлюстратор цинирует новые покаянные и скептические голоса отдельных оппозиционеров. Комбинированными силами голодной диеты, мероприятий ГПУ, увещаний Ярославского и теоретической проработки красно-желтых профессоров подготавливается к XVI-му съезду новая группа капитулянтов. Но Ярославский уламывает о новых сотнях арестованных левых оппозиционеров в одной Москве, об оживлении деятельности оппозиции на низах, о росте и сплочении международной оппозиции.

Единицы или десятки оппозиционеров, у которых закружилась голова от сплошной коллективизации, вынуждены логикой инерции предъявить свое покаяние XVI-му съезду в момент начинающегося тяжкого похмелья. Что ж, прибавится еще некоторое число разрушенных революционных репутаций. Им уже на смену пришли, по статистике самого ГПУ, многие сотни, завтра придут тысячи и десятки тысяч. Не Ярославским оторвать оппозицию от партии, нет, — сейчас меньше, чем когда бы то ни было.

Л. Троицкий.

Принкипо. 13 апреля 1930 года.

Коллективизация деревни и относительное перенаселение

(Об одной недооцененной проблеме)

В дискуссии, которая сейчас *vis facti* развернулась во всей коммунистической печати вокруг вопросов коллективизации, до сих пор почти совершенно игнорировалось обстоятельство, которое может сыграть решающую роль в дальнейшем развитии Октябрьской революции. До сих пор к вопросам коллективизации подходили либо с точки зрения непосредственно данной социальнo-классовой констелляции сил, либо с точки зрения материально-технических ресурсов, как гарантии реальной осуществимости развернувшихся на протяжении последнего года темпов коллективизации.

Огромное значение этих двух критериев бесспорно. Но подлинное значение их становится особенно ясным, если подойти к рассмотрению процессов коллективизации с точки зрения политики, задач и трудностей не сегодняшнего только, а более длительного отрезка времени

переходной эпохи, и ее специфических условий. Под этим углом зрения одной из важнейших проблем коллективизации, т. е. радикальной переделки производственных и в связи с ними всех вообще социальных отношений деревни, является проблема перераспределения живых производительных сил — миллионов крестьянских рук. А эта проблема в конкретных советских условиях непосредственно переплетается с проблемой избыточного населения.

Проблема избыточного населения есть, в сущности, проблема всей истории человеческого общества: периодов его упадка и расцвета, прогресса и регресса техники; войны и революции.

Маркс, а вслед за ним и Ленин десятки раз подчеркивали, что определенная форма обще-

ственных отношений существует до тех пор, пока она удовлетворяет потребности общества, т.е. пока не начинает выделять во все растущих размерах избыточное население. Избыточное население сигнализирует возникновение и обострение противоречия между развитием производительных сил и системой производственных отношений.

Избыточное население подрывает и нарушает регулирование общественного целого на основе данной системы производственных отношений; иными словами — избыточное население предвещает революцию и толкает на нее.

Распад «великой русской империи», разгром мощной организации средневековых цехов, размах великой французской революции, великая спячка и великое пробуждение сотен миллионов народов востока; охвативший взлет Октябрьской революции; с железной необходимостью нарастающий кризис мирового капитализма — все это шло и идет под знаком возникновения и нарастания избыточного населения.

Дурачки и жулики макулизантизма видели в этом огромном факте некий извечный «естественный закон». Маркс опровергнул это «теоретическое» здание лживости, ограниченности и обмана, возведенное макулизантистами всех видов и мастей.

Маркс показал, как развитие производительных сил и складывающиеся на этой основе производственные отношения в своем движении поглощают и порождают вновь избыточное население. Если «революция — локомотив истории», то избыточное население — топливо для этого локомотива.

Посмотрим, что это конкретно означает для развития Октябрьской революции, в частности — для процессов коллективизации.

Голодающая, темная, забитая дореволюционная русская деревня, с азиатскими приемами и темпами труда, при феодальных или полуфеодальных отношениях собственности — была перенаселена. Таков парадокс исторического развития: самая редко заселенная страна Европы сильнее всего страдала от перенаселения. Потому и такая могучая разрядка энергии крестьянских масс и революцию, что в деревне не только «щипленка выгнать некуда» было, как видел один снисходительный писатель, но и дышать нечем было от чрезмерной человеческой скученности царской деревни на пустынной равнине русской.

Потому такая упорная, полная жертв, лишения и героизма борьба за революцию, за возможность свободно вздохнуть в освобожденной не только от помещика, земского начальника и урядника, но и от избыточного населения — деревни.

В результате аграрной революции дерев-

ня осередничалась. Это значило не только и не столько уничтожение социальных простенков внутри крестьянства, но и (главным образом) временное разрешение проблемы избыточного населения.

Деревня несколько лет могла жить предоставленная себе самой, «свободно» дыша.

Очень скоро, однако, эта идиллия аграрной революции кончилась. Пришел НЭП. А с ним ускорение и обострение социальной дифференциации деревни: выделение кулаков, «возрождение» бедняков, 30% безлошадников. Это значит: НЭП «возродил» избыточное население.

Избыточная крестьянская масса направилась в оживающий, восстанавливающий промышленность — город. Это «нашествие» крестьян на город наложило свой отпечаток на целый этап революции.

Если с одной стороны поступление крестьянских рук на рынок труда практически обеспечило образование государственного и всякого иного аппарата за счет наиболее активных элементов пролетариата, то с другой стороны, крестьянская масса, влившись в ряды пролетариата, произвела качественные изменения в нем, сделавшие возможным расцвет и победу сталинизма.

Непрерывно продолжавшийся на протяжении последних шести-семи лет приток избыточного деревенского населения в город; создававшееся таким образом постоянное превышение предложения труда над спросом на него, вызванная этим передвижка отдельных квалификаций вверх по социальной лестнице, все это и было основной предпосылкой господства сталинизма, т.е. системы безличных методов аппарата. Рынок труда давил и вытеснял из производственного процесса все мало-мальски (порой очень мало) годные для аппаратной работы. Рынок труда давил и ставил всякого, занятого в производстве, под угрозу увольнения, замены и сокращения. Так конъюнктура рынка труда создавала благоприятную почву для бюрократизма, аппаратщины, подхалимства, секретаредержания и зажима масс.

Не подлежит никакому сомнению, что при другой структуре (или конъюнктуре) рынка труда, когда предложение труда равнялось бы спросу на него или было бы несколько ниже спроса — опасность сокращения, увольнения, голода лишилась бы своего действия, этим была бы устранена база господства секретарей, этим был бы уничтожен стимул для шкурнического поступления в партию. И в партии, и в профсоюзках господствовал бы дух независимости, солидарности и пролетарской демократии. Культурная революция, — т.е. воспитание нового человека — шла бы гигантскими шагами вперед...

Таким образом вопрос избыточного населения есть не только вопрос хлеба насущного для сотен тысяч или даже миллионов. Это вопрос,

загравивший судьбы всего развития революции.

Именно потому при рассмотрении вопросов коллективизации, этого гигантского процесса социальной реконструкции, надо выдвинуть на передний план и рассмотреть, какое действие произведет коллективизация на образование избыточного населения.

**

Как ни подходить к коллективизации, как ни расценивать политические и экономические последствия ее на данном этапе революции, одно совершенно бесспорно:

коллективизация, являющаяся выходом из тупика, в котором очутилось мелкое крестьянское хозяйство в условиях пролетарской диктатуры, представляет собой более производительную и более рациональную форму хозяйства.

Сколько бы Фейгина и повторяющий их аргументы Сталин, не толковали о «мануфактурном периоде» социализма, всякому непредвзятому и свободному от «головоблужения» ясно:

В данных конкретных условиях, на данном этапе революции, на данном уровне производительных сил страны — коллективизация (не буквальная, не сдвинутая и не единицы колхозов-гигантов, а подлинная советско-российская) есть именно отличная от социализма, примитивная кооперация (в буквальном смысле) сил производителей-одиночек. Примитивная — и в смысле производственных функций, и в смысле технической базы производства, и в смысле отношений распределения и всех вытекающих отсюда социальных взаимоотношений участников этой кооперации. По социальному типу ее так же мало можно зачислить в число социалистических, как и в число капиталистических предприятий. Это в своем первоначальном виде — прежде всего товарнопроизводящее трудовое хозяйство, такое же, как трудовое хозяйство крестьянина-одиночки. В своем развитии оно в зависимости от совокупности условий может пойти по социалистическому пути дальнейшего роста и внутренней трансформации или по капиталистическому пути распада и превращения в кулацкое хозяйство.¹⁾

Но в одном отношении коллективизация производит радикальную перемену в социальной структуре деревни. Примитивная, нищенская, слабосильная, она все же рассекает цепи кулацкой кабалы.

«Кооперация» сил деревенских производителей существовала и до коллективизационной лампы 1929 г. Соседски-родственническое со-

1) Не случайно один из командиров сталинской коллективизации высказал мысль, что «колхоз это та же крестьянская усадьба, только в большем масштабе. Мысль глубокая и ее нужно учесть тем более, что это мечта и надежда определенного социального слоя. — Я. Г.

единение сил ad hoc и было зачатком нынешней коллективизации. Очень распространенное явление супраги есть не что иное, как прототип нынешней конно-силовой станции.

Но в условиях дифференцирующейся деревни «кооперация» такого рода должна была неизбежно получить в массе характер эксплуатационных отношений, отношений кабалы. И в самом деле, что такое все эти методы работы кулака? И использование, и отработка, и сужение инвентарем, семенами, тягой, и аренда бедняцкой земли, и превращение бывших «самостоятельных» бедняков в фактических багравиков кулака-арендатора — все это — с точки зрения социальной — отношения эксплуатации и кабалы, с точки зрения производственно-технической, являются отношениями «кооперации», т. е. соединения сил производителей. Беспощадно эксплуатируя, высасывая все соки, консервируя азиатски-медленный темп труда, кулак под своей командой «кооперировал» сельско-хозяйственный процесс производства. Тем самым кулак по своему регулировал и избыточное население, давая «работу», «помогая» обрабатывать бедняцкий надел, ссужая конем, семенами и т. д., он связывал часть деревенских низов с деревней, хоть и держал ее на голодном пайке.

По мере того, как кулак все больше и больше превращался в паразита, эксплуататора и кровопийцу, росли и крепились организаторские и регуляторские функции. Это соединение в кулаке двух функций, кстати сказать и объясняет почему ему местами удается вести за собой середняцко-бедняцкие слои, почему со стороны низовых слоев деревни агрессивности по отношению к кулаку гораздо меньше, чем должно было бы быть. Если бы кулак был только паразитом-кровопийцей, по Союзу гулял бы «красный петух» бедноты. Вызванное наступлением кулака контр-наступление централизма подорвало не только экономическую мощь кулака, но тем самым и его регуляторскую функцию. Это в свою очередь пробило брешь в системе социально-экономических взаимоотношений деревни и заглохло деревенское хозяйство в тупик. Лишившейся команды кулака деревне ничего больше не оставалось, как стать под команду пролетарской диктатуры, тем более, что последние немало благ посулила.

Так, на основе той же примитивной техники пошла волна коллективизации. Идущая не под командой кулака, а пролетарской диктатуры, она взорвала систему эксплуататорских отношений кулацкой «кооперации». По тем самым развязывается основная производительная сила деревни — миллионная человеческая масса.

**

Основная задача коллективизации на данном этапе заключается в том, чтоб производственно организовать эту многомиллионную массу,

вовласть ее целиком в производственный процесс на основе кооперации.

Между тем, совершенно очевидно, что даже самая низкая, самая примитивная форма коллективизации, должна дать более высокую производительность труда, чем индивидуальное крестьянское хозяйство (да иначе и не может быть — так как пропала бы экономическая выгода и прогрессивность объединения). Уже простое разделение и соединение труда, уже один только переход к парной упряжке на много повышает производительность труда. Здесь труд одиночки-крестьянина на слабосильной клячке самый непроизводительный, самый варварский, самый азиатски-медленный, какой себе только можно мыслить в современных условиях.

Еще большее повышение производительности труда даст применение машин и тракторов. И не только повышение производительности, но и устранение целого ряда трудовых затрат. Достаточно указать хотя бы на то, что трактор не только заменяет лошадь, но и упраздняет тяжелый, связывающий труд узда за ней. Это означает освобождение крестьянина, но освобождение в двойном смысле: от варварского труда и от общественно-необходимой трудовой функции. Такова диалектика развития: освобождая крестьянскую массу от кулацкой кабалы, подымая производительность труда на более высокую ступень, коллективизация под командой пролетарского государства тем самым освобождает миллионы крестьянских рук от участия в производственном процессе.

Если считать, что один трактор замещает только 15 крестьянских лошадей, если считать, что в будущем году в СССР будет лишь сто тысяч тракторов, это значит освобождение огромной армии крестьян от выполнения — прежде необходимых функций в производственном процессе.

Обычно принято думать, что главным препятствием на пути коллективизации является отсутствие в данный момент достаточных технических ресурсов. Совершенно бесспорно: техническая отсталость создает ряд огромных трудностей, она кладет свой отпечаток на весь процесс коллективизации, искажая зачастую ее прогрессивный характер. Но было бы доктринерством думать, что техника непременно должна совпадать с социальной реорганизацией во времени. Ведь и пролетарская революция в России сперва изменила организационную надстройку, а лишь затем приступила к реорганизации технико-экономической базы. Этим объясняются трудности революции, но это не делает ее невозможной, как считали и считают фетишизаторы «развития производительских сил» из лагеря с.-д.

С точки зрения чисто производственно-технической беда большой не была бы в том, что первые два-три года примитивные коллектив-

ные объединения работали бы на старой технической основе. Это не были бы социалистические объединения. Но это были бы объединения, легко поддающиеся социалистической реорганизации (при наличии соответствующих условий). Повышая производительность труда, они тем самым явились бы более высоким типом производственной организации, чем индивидуальное крестьянское хозяйство. А на протяжении трех-четырёх-пяти лет шло бы постепенное замещение старой техники ручного труда и конной тяги — новой техникой машины и трактора. В производстве восьмидесяти-ста тысяч тракторов в советских условиях и при советских ресурсах — ничего утопичного. Но основная проблема в действительности заключается совсем не в том, откуда взять тракторы. Годом ли раньше, годом ли позже их произведут или ввезут. Основная проблема в том: куда девать освобождающиеся через трактор и коллективизацию миллионы крестьянских рук?

Не надо забывать, что коллективизация советской деревни происходит не только на основе очень низкой техники, но и относительно небольшой освоенной земельной площади. 26 миллионов крестьянских хозяйств и 150 миллионов гектаров земли — это техника!

Для того, чтобы уяснить себе, что эти цифры означают, укажем, что в Северо-Американских Соединенных Штатах в 1920 г. земельная площадь под фермами составляла 382.270.000 гектаров, а занято было в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и животноводстве 10.953.000 человек (считая и предпринимателей). Если учесть, что около 3 миллионов ферм имеют площадь больше 40 га, т.-е., что около 3 млн. занятых можно отнести к предпринимателям, не участвующим лично в трудовом процессе, количество трудового аграрного населения составит всего лишь около 8 миллионов. А тракторов было всего 450.000!

Цифры эти настолько красноречивы, что в комментариях не нуждаются.

Это сравнение советских и американских условий ясно говорит, что скачкообразный процесс коллективизации, сопровождаемый скачкообразным процессом освобождения деревенских низов от кулацкой кабалы, порождающий скачкообразный рост применения механической силы в сельском хозяйстве — вызывает скачкообразный прирост избыточного населения. Это, в свою очередь, требует стремительной скачкообразной реорганизации, экспансии и интенсификации всего народного хозяйства СССР. Коллективизация не может развиваться изолировано от остальных элементов народного хозяйства. А это порождает такие трудности, такие противоречия, которые в рамках инерционного советского государства не могут быть разрешены. Таково действие закона о неравномерности и скачкообразности экономическо-развития, на основании которого Сталин

в свое время с математической точностью «доказал» возможность построения социализма в одной стране.

На поверку же, вместо социализма получается в результате неравномерности развития — перенаселение.

Избыточное население, оставаясь в деревне, будет, по существу, играть роль «паразита» по неволе, и тем самым тормозить рост благосостояния, снижать коэффициент накопления, задерживать процессы механизации и рационализации хозяйства, рост культуры. В своей борьбе за существование оно будет создавать наново базу для эксплуатации, роста антагонизмов и классовой борьбы, как это в свое время имело место и в старой русской общине и в германской алеманде.

Устремляясь в город, наводняя рынок труда, избыточное население будет служить одним из источников бюрократизма, секретаредержавия, оппортунистических, национально-ограниченных настроений в среде пролетариата. Этим мы, конечно, не хотим сказать, что вообще приток крестьян в город — явление отрицательное, — все дело в количестве и темпе притока. Около 40% горняков Донбасса уже сейчас крестьяне (в том числе и кулаки)! Это совсем не то, что пролетаризация крестьянства. Тут пахнет крестьянизацией пролетариата.

Не находя ни в деревне, ни в городе применения своему труду, деклассировавшись и опускаясь на дно, огромная «резервная» армия может послужить материалом для всякого рода контр-революционных, фашистских или сепаратистских затей. Санкилоты наизнанку!

Маркс еще в Коммунистическом Манифесте предупреждал об опасностях, таившихся в стремительно возрастающей активности деклассированных слоев (люмпенпролетариата). Если в условиях буржуазного господства люмпенпролетариат мог все же временно служить революции, то в условиях пролетарского господства его энергия, активность и ожесточенность могут пойти лишь на пользу фашистской контр-революции...

Из изложенного выше, конечно, отнюдь не следует, что такое развитие неизбежно. Миллионы рабочих рук — огромная производительная сила. Открывающиеся возможности очень велики. Колонизационный земельный фонд Советского Союза — огромный. Агрικультура пока очень низка. Интенсификация сельского хозяйства, развитие трудовых культур, мелиорация, жилищное, дорожное и промышленное строительство в деревне могут поглотить миллионы рабочих рук. (Ведь вся советская деревня — деревянная, соломой крытая, ведь в СССР почти нет шоссейных дорог!). Облегчение условий труда, сокращение рабочего дня наряду с городским строительством могут поглотить

еще новые миллионы рабочих рук. Но все дело в темпах и — неравномерности их. Создать колхоз — дело, если и не легкое, то скорое: для этого нужно созвать несколько собраний, разъяснить крестьянам выгоды объединения, разработать устав — и колхоз готов. Более длительную процедуру представляет снабжение колхоза трактором. Но и тут на протяжении пары лет можно мобилизовать миллионы лошадиных сил механической тяги. Переход сельского хозяйства в массовом масштабе на новую трудоемкую культуру, колонизация еще нетронутых земель — дело еще гораздо более длительнее, сложное и дорогое. Коллективизация, механизация, интенсификация и экспансия хозяйства, чтоб не вызывать кризисов, должны были бы быть координированы в темпах. Но тут то и вступает в свои права закон неравномерности экономического развития. Возникают всякого рода «сножины» темпов развития различных экономических процессов, неизбежно порождающие трудности и кризисы.

Уменьшить трудности, ослабить кризисы может только твердое плановое руководство. Нужно анализировать, учитывать, предвидеть. Готовых рецептов нет. Между тем нынешнее руководство ничего не учитывает, ничего не анализирует, ничего не предвидит. От всего столь помпезно провозглашенного пятилетнего плана не осталось и следа. Нет ни одной статьи его, которая не подверглась бы многочисленным изменениям. Стихийно развертывающиеся в стране социальные процессы опрокидывают всякие плановые наметки и мчатся в неведомую даль, подбрасывая потерявшее голову руководство из стороны в сторону, заставляя его послушно реагировать на всякий поворот и изгиб социального потока. Плановое руководство превратилось в хвостистскую регистрацию всех полученных пинков и толчков — в цифрах, диаграммах и «теоретических формулах». В стране господствует экономическая анархия, стихийно проявляющая противоречивые тенденции развития. То, что осталось от пятилетнего плана, есть не что иное, как цифровое выражение тенденций развития и потребностей социального процесса на сегодняшний день. На этом пути революции грозит катастрофа. Нужен план, учитывающий потребности и возможности не сегодняшнего дня, а длительного отрезка пути к социализму. План, учитывающий неизбежность перераспределения человеческих сил в результате коллективизации. Жилищное, дорожное, промышленное строительство не только в городе, но и в деревне, колонизация, интенсификация сельского хозяйства должны стать основными элементами подлинного плана реконструкции народного хозяйства СССР.

Совершенно очевидно, что даже самый идеальный, самый дальновзорный план не может устранить противоречий пролетарской революции в отсталой изолированной стране. Но это

лишь особенно ярко показывает, какими опасностями грозит революции отсутствие плана, плановый хаотизм, или построение плана на неверных предположениях. Нынешнее руководство сочетает все эти элементы, одобренные огромной дозой бюрократического фанфаронства.

В конце февраля, когда по авторитетному показанию Сталина у целого ряда коммунистов, вплоть до «отдельных членов ЦК» началось «головокружение от успехов», безызвестный Ю. Ларин разослал через ТАСС по всему миру сногсшибательную весть о том, что через пару лет советская промышленность предъявит такой огромный спрос на рабочие руки (5 миллионов человек), что для удовлетворения его придется коллективизировать быт и пролетаризировать домашних хозяек. Ю. Ларин от чрезмерной остроты языка всегда был незного слаб на голову. Поэтому, нас не удивляет, что в припадке собственного головокружения он и социальные процессы ставит вверх ногами: во временной, вполне естественной замеске с сезонниками кружащаяся ларинская голова увидела тенденцию развития.

Дело, конечно, не в Ларине и его вертящейся голове. Дело в том, что он лишь наиболее ясно и закончено демонстрирует всю слепоту, всю беспомощность и неграмотность нынешнего руководства, слепое осознание огромных социальных сдвигов и процессов и не понимающего, что к чему.

Дело в том, что слепое руководство гибельно для революции.

Левая оппозиция считает своим долгом предупредить об опасности.

Я. Греф.

10 апреля 1930 года.

От редакции. — Статья г. Грефа ставит в высшей степени важный вопрос и ставит его, на наш взгляд, в основном, вполне правильно. Иллюстрация сталинского «попимания» неравномерности развития на вопрос об аграрном перенаселении, дана в высшей степени убедительно.

Но есть пункт, в котором мы не согласны с автором. Тов. Греф слишком легко относится к вопросу о взаимоотношении между темпом коллективизации и технически-производственной базой нынешнего сел.-хозяйства. Совершенно неверно, будто сперва можно создать колхозы, а затем подводить под них техническую базу: колхозы распадутся в ожидании технической базы, причем распад будет совершаться с жестокой внутренней борьбой и огромным ущербом для сельского, а значит и всего вообще хозяйства.

Неверно, будто «даже самая низкая, самая примитивная форма коллективизации должна дать более высокую производительность тру-

да, чем индивидуальное крестьянское хозяйство». Весь вопрос в размерах коллектива, с одной стороны, в характере средств производства, с другой. «Иначе и не может быть», говорит т. Греф, так как пропала бы экономическая выгода и прогрессивность объединения». Но ведь весь вопрос и состоит в том, в каких пределах коллективизация на данном техниче-ски-культурном уровне «экономически выгодна» и «прогрессивна».

Явным недоразумением надо считать ссылку г. Грефа на Октябрьскую революцию, которая сперва изменила организационную надстройку, а затем приступила к реорганизации технико-экономической базы. Что экономическую базу нельзя перестраивать в социалистическом направлении, не овладев властью и не построив государство («надстройку»), это бесспорно. Когда меньшевики говорили нам, что социальные условия еще «не созрели» для социализма, мы отвечали: «условия вполне созрели для завоевания власти пролетариатом, а социализм мы будем строить темпом, отвечающим материальным ресурсам». Если в советской деревне условия «созрели» для коллективизации, то только в смысле безвыходности. Но этого, однако, мало. И уж во всяком случае из относительной «безвыходности», допускающей рассрочку исторического платежа, бросаться очертя голову, в безвыходность абсолютную, оснований нет. Надо перед крестьянством открыто и честно вскрыть диспропорцию между нынешним размахом коллективизации и ее материальными ресурсами. Практические меры вытекут из этого сами собой.

Мы не останавливаемся дальше на этом вопросе, так как он рассмотрен в других статьях Бюллетеня, в частности в статье «К капитализму или к социализму» в настоящем номере.

Надеемся, читатель согласится с нами, что несмотря на указанную нами ошибку экономической перспективы, статья г. Грефа представляет очень ценный вклад в обсуждение проблемы коллективизации деревни.

Меньшевики, агиты буржуазии в рабочей среде, злорадно указывают на материальные недостатки наших рабочих, стремясь противопоставить пролетариат советскому государству и привести рабочих к восприятию буржуазно-меньшевистского лозунга «назад к капитализму». Сказочный чиновник, который видит «меньшевизм» в постановке оппозицией ребром вопроса о материальном положении рабочих, тем самым оказывает лучшую услугу меньшевизму, нежели толкает рабочих под его желтые знамя.

Платформа Бол.-Ленинц. (Оппоз.)
к 15 съезду ВКП(б) (1927 г.)

Коллективизация в Центральной Азии

Основной вопрос сейчас — в оценке экономической политики центразма. Мы исходили не только из общих теоретических предпосылок, как то: 1) из зависимости социалистической революции в СССР от темпа развития международной революции; 2) из связи и известной обусловленности народно-хозяйственного развития Союза от мирового хозяйства; 3) из а priori несостоятельной, неосуществимой национал-реформингской теории социализма в одной стране, и проч., но и из практики, из реальных, почти что физически ощущаемых классовых отношений современной деревни. Ликвидация кулачества, как класса, в сущности, означает ликвидацию частного крестьянского хозяйства вообще...

Сплошная коллективизация закончила и принципиально, и практически с индивидуальным хозяйством. В районах, где нет сплошной коллективизации (их осталось мало), но которые «стоят в очереди» к социализму, идет всероссийский аукцион, распродажа кулацкого имущества, ибо только чрезмерная ограниченность и близорукость бюрократии может делать иллюзии о кулаке, спокойно ожидающем момента, когда его поведут под нож... Даже пионер поймет ту простую истину, что ежели в одном из районов идет разгром кулачества, то кулак, зажиточные и большинство крестьянства соседних районов постарается поскорее самоликвидироваться, ибо им понятно правило: лучше меньше — да себе — чем ничего.

Пока шли только разговоры о коллективизации, крестьянство считало, что мол это очередная агитация. Но после «принятых мер» (аресты кулаков, конфискации их имущества и проч.), оставшая часть крестьянства (не исключая даже бедноты) лихорадочно принялась уничтожать скот: свиней, молодых, распродавать коров, лошадей и пр. Под ударами кнута середняк «пошел» в колхоз с одним кнутом. В районе сплошной коллективизации, где нам приходится проживать, 80% всех крестьянских дворов почти поголовно уничтожили ценные породы скота.

Сплошная коллективизация вызвала значительную иммиграцию населения. Все, связанное с городом и имеющее кое-какие ремесленные навыки (плотники, кузнецы, бойдари, шорники и проч.) постарались перебраться в город и многие из них работают на предприятиях и в учреждениях. Это обстоятельство отрицательным образом сказалось на положении с рабочей силой в колхозах, особенно хлопковых районов. Обычно к началу весенних сельско-хозяйственных работ начинался приток рабочей силы со стороны (из зерновых районов), но теперь, в связи с введением заградимовки (заградительных отрядов) на железных дорогах (обы-

ски, конфискации денег, свыше 50 рублей, аресты подозреваемых в кулачестве и проч.) прекратилась иммиграция рабочей силы в хлопковые районы.

В отношении тягловой силы дело обстоит крайне скверно. Надежды на тракторные колонны не оправдались: 1) их мало и 2) применение их при обработке почвы (пахота) не везде возможно, как с технической, так и экономической стороны. Попытки закупить крупные партии лошадей окончились неудачей, так как оказалось, что лошадей на Азиатском рынке хотят приобрести и самарские, и короневские и др. колхозы. С тягловой силой неблагоприятно не только в хлопковых районах. В Нижне-Волжском крае предполагается в качестве тягловой силы использовать не молочных коров (см. ст. Шапкина). Вонистину коровий социализм в одной стране!

Организация труда — начало и конец колхозного движения. В директивах говорят о важности организации труда, о необходимости скорейшего разрешения этого вопроса, но ни одна из них не указывает, как нужно организовывать и как расценить труд.

Классовые противоречия, существовавшие до сплошной коллективизации, воспроизводятся в самом колхозе. Беднота охвачена стихийными потребительскими настроениями. Колхоз не в одинаковой мере снабжает батрака, бедняка, с одной стороны, и середняка — с другой. Середняк, имеющий запасы от прошлого года не снабжается или снабжается в гораздо меньшей дозе, чем бедняк и батрак. На данной ступени, в связи с тем, что середняк продолжает продавать свои старые запасы, такая распределительная политика вызывает только злобу. Это может перейти (и уже отчасти переходит) в нечто более серьезное.

Правила организации труда Колхозцентра Узбекистана предлагают «в случае избытка рабочей силы в колхозе, обеспечить батракам и беднякам возможность работать большее количество дней, нежели середнякам». А середняк, выходит — пусть работает меньше и получает меньше. Такая установка нередко лишает хозяйство возможности использовать наиболее квалифицированные рабочие руки и резко обостряет отношения между бедняком и середняком частью деревни.

Середняк-активист в подавляющей части устранен от руководства хозяйственной жизнью колхоза. Его место занимает малоопытная в ведении хозяйства зеленая молодежь, которая не может дать нужных и правильных хозяйственных советов, подобно искушенным в сельском хозяйстве середнякам. Середняк видит сейчас массу примеров бесхозяйственности, неумения организовать хозяйство, просчетов во

времени, технике, обработке земли, организации посева и проч.

Принудительная коллективизация скрывает в себе величайший, трудно обнаруживаемый саботаж. Наблюдения показывают низкую производительность труда, хотя рабочий день и заполняется цепами. Трудоемкая культура хлопка требует массы трудовых усилий и в ответственные моменты: сельско-хозяйственных работ (полка, окучка, сбор и проч.) может грозить срывом всей кампании. И понятно почему: соотенник, веками живший в условиях индивидуального хозяйства, приказом, силой кнута, загнан на принудительные работы. Средняя свое положение определяет так: не идти в колхоз — значит завтра садиться в тюрьму или быть немедленно высланным за пределы района.

Современные уставы и правила организации труда в колхозах, основывающиеся на общих декларациях о сделанных, об индивидуальной оплате труда и проч., при отсутствии какого-либо опыта в тарификации и нормировании сельско-хозяйственного труда, не могут не приводить в тех или иных формах к системе принудительного труда. Даже если бы мы имели, скажем, опыт нормирования и тарификации сельско-хозяйственного труда С.А.С.Ш., то и в этом случае собственник, только что оторванный от своего участка, своего клочка земли, несмотря на «идеальную» тарификацию и нормировку, тянулся бы к индивидуальному земледелию.

Кардинальное отличие промышленного предприятия от колхоза состоит в том, что фабрика, завод имеют целые поколения «сплошественных» пролетариев, давно разорвавших с ремеслом, со своим хозяйством, со своей мастерской. Поэтому все устремления направлены здесь на получение лишь большей заработной платы. Наоборот, у крестьянина все планы, перспективы и выгоды связываются с индивидуальным хозяйствованием... Для собственника, обединенного в колхозе, участие в прибылях (предполагается, что они будут) исключено уставом. Стало быть нет стимулов к росту производительности труда.

Окончательный расчет с членами производится в конце операционного года. Если колхоз закончил свои операции с прибылью, зарплата выдается полностью лишь в том случае, если доход, за вычетом отчислений в неделимый фонд, и капиталы колхоза больше суммы зарплат. Если же окажется, что после сделанных отчислений остаток меньше суммы зарплат, «колхозник» получает лишь тот процент зарплат, который падает на его долю (из правил организации труда Колхозцентра УЗССР). В остальных случаях, т.е. когда зарплата выдается полностью, все излишки после всех отчислений опять таки зачисляются в неделимый и др. фонды колхоза. Нечего и говорить, что

такой порядок оплаты труда совершенно исключает какую-либо личную заинтересованность собственника, загнанного силой в колхоз.

Потребительские интересы колхозников, не сдерживаемые никакими экономическими соображениями, вызывают резкое повышение нормы потребления сельско-хозяйственных продуктов. За этим неизбежно следует понижение товарности хозяйства. В ряде районов государственная заготовка свиней, животного масла, яиц и проч., срывалась, вследствие явного противодействия со стороны колхозников. Аппетит приходит во время еды — говорит французская пословица; так и тут: увеличивается тенденция обслужить только себя. Колхозы дают резкий отпор попыткам кооперации и госорганы урвать кое-что для снабжения городов (рабочих, больницы, детских домов и проч.). Совершенно очевидно, что рано или поздно госаппарат должен будет эти тенденции «пресечь»; а, значит, вступить в конфликт с потребительскими интересами колхозников. На этой почве неизбежен первый холодок во взаимоотношениях между госаппаратом и бедняцкой частью колхозов.

Таким образом, господствующая бюрократия будет иметь в колхозах (и имеет) врага не только середняцкую массу, недовольную принудительной коллективизацией, уничтожением частного хозяйства, полупринудительным трудовым режимом и проч., но и бедноту, приужденную все более и более сокращать свои возросшие потребительские аппетиты. (Кстати, беднота стремится застраховаться на случай возвращения кулака. Так, неоднократно батраки и беднота брали кулаков на поруки — факт весьма знаменательный).

Ответом на всеобщую принудительную коллективизацию, помимо аукциона, помимо трудового саботажа, явились и восстания. Мы не имеем сведений о кулацких (и крестьянских) восстаниях в Европейской части СССР, но в Азиатской это движение приняло довольно широкие размеры. Так, в одном из районов Сырдарьинского окр. (Туркестанском) — восстание переросло локальные границы и продолжалось свыше 3-х недель. Это обстоятельство заставило Ворошилова, Калининна и др. решительно нажать на Сталина, который написал статью «О головокружении от успехов», по обычаю незунтски и двусмысленно. В ней Сталин назирает на Туркестан и Среднюю Азию, где отпор «бюрократическим неностям» был дан самый решительный.

Атмосфера настолько накалилась, что в ряде крупных районов введены пока небольшие воинские части, а также спешно обучаются военизм артикулам деревенские коммунисты и комсомольцы. На открытое восстание середник сейчас не идет потому, что он имеет кое-какие средства и запасы. Что же будет потом? А потом середник пойдет всей лавиной в колхоз просить хлеба, овощей, одежды и проч. По

декселью надо будет платить, или лезть в петлю. Тогда есть опасность, что критика колхозов будет производиться не словами, а оружием. Между тем партия идег с связанными глазами!

Вопрос о поведении армии интересует и сознательно враждебные советской власти слои кулачества и тех середняков, которые видимо задумываются более глубоко о своей судьбе и судьбе частного хозяйства. Поддержит ли армия оставших или же пойдет против? — вот вопрос, который в минуты откровенности ставится среди мужиков. Ответ на этот вопрос дается чрезвычайно осторожный. «Армию хоронит корыл и оледзют, она нас не поддержит!» Тем не менее надежды на армию не оставляются.

Отступая, как всякий авантюрист, Сталин давит жмет, топит своих же наиболее старательных людей. На местах тюрьмы пополняются бедняками, которые сейчас, при начавшемся отступлении, являются козлами отпущения.

Сталинская фракция бьет отбой. Достаточно было локальных крестьянских восстаний, чтобы бюрократ «сдрейфил». Центризм начинает убеждаться на опыте, что приказом невозможно патриархальное, полунатуральное хозяйство Азии и других отсталых районов превратить в «социализм». Жизнь убедит в том же и во всей остальной части Союза. Самодурство не создаст благоприятных условий для развития производственных сил. Отрезвление от военно-коллективизаторского опьянения начинается, хотя и с большим запозданием и с огромными жертвами. Оппозиция сыграла в этом отрезвлении последнюю роль. Выигрывает от этого в конечном счете революция. Запишем себе это в актив, продолжая вести упорную борьбу против оппортунизма, авантюризма, самодурства и асевастия бюрократии, носительницы всех этих «качеств».

27 марта 1930 года.

И. Е.

Казенная Фальшь и действительность

В январе этого года руководитель Северного Кавказа, член ЦК Андрей утверждал на съезде по коллективизации, что движение в сторону колхозов настолько «теперь пошло напрямик, настолько мощно разведнулось по всей стране, а особенно на Северном Кавказе... что теперь это движение будет ломать на своем пути все и всяческие преграды».

И в той же самой речи Андрей жаловался, что хищническая распродажа инвентаря, скота и даже семян еспед вступлением в колхоз принимает прямо угрожающие размеры... Эту стухию — продолжает Андрей — мы должны приостановить теперь во что бы то ни стало.

Перед нами выступают две «стихии»: непреодолимое движение в колхозы и хищническое уничтожение их будущей производственной базы. Можно ли резче вскрыть убийственное противоречие нынешней коллективизации? Не желая того, Андрей характеризует психологию широкого слоя коллективизируемых слоев населения: «пропала моя телега, все четыре колеса». Это не психология социалистического строительства.

Как бы для того, чтобы еще усугубить картину, Андрей утверждает, на этот раз с полным основанием, что, если бы произвели опрос всех кулаков по Северному Кавказу, то «большинство выскажется за переход в колхозы». Тут же предупреждает: «но это не значит, что кулак является сторонником коллективизации. Деваться некуда — он идет в колхоз. Идет в колхоз для того, чтобы ввести колхозу» («Полтава», 15 января). Это беззастенчиво верно. Но к несчастью это не ограничивается одним кулаком. Официальная статистика на-

считывает на Кавказе 5-6% кулацких хозяйств. За ними идет крепкий середняк. Поэтому середняк слабее и по. Если положение таково, что кулак готов «господствовать» вместе с середняком, то отличить кулака от середняка можно только статистически, но не политически. Какие же в Антверпа и в его учители способы для того, чтоб оппелелить, идет ли середняк в колхоз «от любви» или же потому что «лежаться некуда»? Речь именно этот самый середняк, переходящий по Антверпа, все преграды на пути к социализму, находит свой путь с распродажей инвентаря, т.е. фактически производит введение колхоза. Так ли уж он сильно отличается, в таком случае, от кулака, который «идет в колхоз для того, чтобы ввести колхозу»?

Чтобы приостановить разрывание крестьянского инвентаря, Андрей предлагает: «Также хозяйства (которые распродают свой скот и проч.) надо прямо приравнивать к кулацким хозяйствам». По существу дела Андрей отождествляет таким образом середняцкую тучу к социализму с кулацким вредительством. Не музлено, если через несколько недель мы в той же «Полтаве» будем читать, как местные «голопотыры» обижали середняков, лишали их права распоряжаться своим имуществом, экспроприировали их, лишали избирательных прав, и пр. Но какими же другими путями исполнить директивы Андрея, который в свою очередь лишь исполнил директивы Сталина?

Всю картину в целом Андрей резюмирует так: «победоносное развитие социалистической революции в сельском хозяйстве настолько быстро, что оно опрокидывает самые смелые на-

нии предположения по поводу коллективизации». Это говорилось за месяц-полтора до того, как генеральный диагноз установил симптомы «головокружения от успехов».

А сейчас, в апреле, Северный Кавказ даст картину весеннего неурожая. административ-

ной паники, воплей о перегибах и бесконечных призывов — не забывать об индивидуальном крестьянском хозяйстве, о том самом, которое старательный не по разуму Андреев об'явил уже в январе ликвидированным.

Н.

Письмо т. Котэ Циццадзе т. Михаилу Окуджава¹⁾

10/11 1930 г.

...Теперь о политике. Ты, дорогой Миша, удивляешься, что «Письмо к друзьям» к тебе пропустили. Ничего удивительного в этом нет, ибо это письмо вызывает среди оппозиции разногласия, а это на руку аппарату. Аппарат хочет воспользоваться этими разногласиями и оторвать от нас еще группу. Это, конечно, ему удастся, ибо в той части оппозиции, которая находится в ссылках и изоляторах, очень популярным стал лозунг: «В партию, несмотря ни на что». Я заметил, что многие товарищи исходят только из того, какое заявление написать, какое больше понравится Ярославскому — Сталину. (Я говорю на основании тех сведений, которые у меня имеются). На этой почве они готовы использовать, сделать поводом для отхода всякую запятую, всякую точку, неправильно поставленную автором «Письма к друзьям». Заявление сделалось каким-то фетишем. При каждом чихании налево со стороны руководства многие товарищи начинают нервничать и искать выхода из душной атмосферы, но попадают в еще более душную. Я надеюсь, что ты не залодоришь меня в том, что я и тебя причислю к этой категории. Абсолютно ни в какой степени. Я просто хочу сказать, что нужно быть в высшей степени осторожным в оценке момента.

Краткое содержание твоего письма таково: политика центризма обанкротилась, оппозицию жизнь с несомненностью оправдала и оправдывает, на почве банкротства, под напором масс и нашей борьбы, руководство вынуждено было найти выход на левых путях. Оно вместе с тем оказалось способным (подчеркнуто звездочкой) — К. Ц. — перевооружиться, т. е. окончательно стать на ленинскую линию. Нельзя не заметить происшедших и происходящих сдвигов, которые не могут уместиться в манере, руководство на деле стало на ленинских

рельсах. Это наша линия, поэтому нам нужно яснее и решительнее принять генеральную линию, отказаться от фракционной борьбы, написать заявление, потребовать возвращения в партию всей оппозиции». Оценку Л. Д. ты считаешь ошибкой, его установку не нашей; по твоему Л. Д. недооценивает сдвиги, считает их маневром и т. д. Разница: Л. Д. не верит в действительный поворот, не верит в окончательное исправление линии со стороны центризма, считает это временным «тактическим» совпадением». Ты веришь, ты убежден в том, что генеральная линия руководства полностью ленинская, нам знакомая линия, т. е. она наша. Такковы твоя и Л. Д. установки. В данном случае я на стороне Л. Д. Ты исходишь только из того, что сегодня происходит, абсолютной истиной является для тебя, окончательный, действительный поворот центризма; для тебя в данный момент нет центризма, а есть чистокропный, подлинный ленинизм. Для меня все то, что происходит сегодня, является глубоким маневром. Не вижу в этом повороте подлинного ленинизма. Я вместе с тобою считаю, что центризм потерпел банкротство и был вынужден искать выхода на левых путях. Но я не согласен с тобой, когда ты считаешь его способным стать окончательно на левый путь. Вынужденное становление на путь левого курса не есть доказательство, могущее убедить в подлинности той или иной линии. Любую организацию, объективные условия жизни могут вынудить на какой-либо сдвиг, но это не будет составлять ее природу, ее настоящее лицо. При малейшем изменении условий, при напоре справа, центризм «вынужден» будет сделать поворот направо. Все прошлое центризма является доказательством этого. Ты указываешь на активность масс, которая является залогом того, что руководство еще может повернуть направо, а будет подлинно проводить взятый курс. Насколько эта активность подлинна? Чем ты ее проверяешь? Где средства проверки самостоятельности масс? В официальных сообщениях? Очень осторожно нужно относиться к официальным сообщениям об активности масс и благополучии. (Вспомни 1-й квартал пятилетки). Кроме того, меня очень беспокоит метод, которым проводится все эти левые мероприятия. Получается впечатление, что кто-то хочет сознательно сорвать левый курс. Тревожные сообщения о

¹⁾ Автор письма, т. Котэ Циццадзе, один из старейших и авторитетнейших членов большевистской партии, с большим боевым прошлым, находится ныне в ссылке. Адресат т. М. Окуджава — также старый большевик — ссылкой. Об эволюции взглядов т. Окуджава говорит передовая статья настоящего номера «Бюллетеня». Мы опустили только первую часть письма, в которой т. Циццадзе, больной туберкулезом, говорит о своем здоровье и о здоровье друзей. — Редакция.

провале первого квартала пятилетки усиливают мою опасения, в том, что в таких методах проведения левого курса, как в городах, так и в деревнях, таятся опасности срыва этого курса. И тут предо мной во весь рост выступает вопрос о партрежиме. В конце концов успехи на всех фронтах зависят от того, что из себя представляют парторганизации на местах (авторитет, сознательность, популярность и т. д.). В этом отношении ничего или почти ничего не сделано. Борьба с правыми окончилась а ничью, ими заполнены все наши организации, на место одних чиновников сажают других — таких же. Отсюда вывод: простая смена партийников дает ухудшение положения (Баку, Ленинград и т. д.), а между тем преследование левого крыла продолжается с еще большим ожесточением, чем раньше. Со всех сторон идут вести о новых арестах, высылках, заточении в изоляторы и т. д. Даже капитулянтам нет никакого доверия. Ими заткнули малолажные советские дырки. В партию их не допускают. Капитулянты оправдывали капитуляцию тем, что нужно помочь партии. Где, кто и чем помогает? От их помощи аппарат отказывается: «не надо, мол, мы без вас обойдемся». Главный фронт — партия — дает трещины. Руководство видит это, но ограничивается паллиативами: сменяет партийников, а об изменении партрежима в сторону развязывания самодельности оно не думает. Оно не хочет противопоставить левую оппозицию правым, срывающим левый курс. У многих товарищей преследование левой оппозиции до сих пор считается вопросом второстепенным, совершенно подчиненным вопросам экономики. Или же объясняют это «инерцией». Ты тоже об этом ничего не говоришь абсолютно. Я же придаю этому вопросу не менее значения, чем сдвигам по экономическим вопросам, ибо этот последний вопрос тоже связан с партрежимом, от которого зависит вообще вся судьба экономических и других преуспехов. Ты пишешь о признании генеральной линии. Входит ли вопрос о преследовании левого крыла в эту генеральную линию? Я думаю, что не только входит, но составляет почти половину всей генеральной линии. Ведь вся борьба проходила вокруг этой генеральной линии. Я тебя спрашиваю, признаешь ли ты ленинским то отношение к оппозиции со стороны руководства, какое (отношение) сегодня имеется? Короче, признаешь ли ты ленинскую линию, которая начисала на своем знамени: лави левое крыло при всяких условиях? Логика такова: признавая генеральную линию без оговорок, мы должны признать правильным и ленинским и преследование всего левого, ленинского в партии. Я знаю, что ты не за это, но если сегодняшние сдвиги не оставляют никакого сомнения в подлинности поворота, а по твоим они, — эти сдвиги — совершенно подлин-

ны, кроме отрывков от старой оппортунистической политики ничего не осталось, — то спрашивается, почему руководство упорствует и не хочет освободить оппозицию хотя бы от 58 статей? На этот вопрос ты так же не отвечаешь. Выходит, что это такой вопрос, на который можно махнуть рукой. Я на это смотрю не так. Я думаю, что в этом вопросе не простое упорство руководства, и не инерция, и не отрывки, а сознательно проводимая политика ухудшения левой оппозиции. Тут предвидение руководства идет дальше, чем некоторые думают. Сталин знает, что с левой оппозицией временное тактическое совпадение, а не единство стратегической линии (Л. Д.). Поэтому он заблаговременно устраивает левое претяствие на случай поворота вправо. Вместе с тем, пока еще ни один правый не исключен из партии, не заточен, не сослан. Я согласен с тобой в том, что центризм обанкротился, он вынужден был объявить левый курс; что произошли сдвиги в нашу сторону, очень большие, глубокие сдвиги; согласен и с тем, что нам нужно сказать решительнее о признании этих сдвигов, поддержать их, помочь в проведении их в жизнь, требовать восстановления «всей оппозиции» в партии. Но для признания всей генеральной линии всего вышеперечисленного еще недостаточно. На такое заявление согласен будет и Л. Д. Я в этом больше, чем уверен. Он не против блока, он за это, но он предостерегает оппозицию от такого шага, который обезличивает оппозицию, как шеечное течение. У тебя только один исходный пункт: это — сдвиги влево. Принимаешь их, как подлинный поворот всей линии на все время, а у Л. Д. есть и другие исходные точки. Они заключаются в том, что возможно и другое развитие событий, т. е. повороты вправо под давлением и напором правых и антисоветских сил. Особенно его беспокоит международное положение, которое складывается не в пользу революции, благодаря той разрушительной работе в связи с так называемым «третьим периодом», которая — работа — ведется Коминтерном. У него более глубокий анализ, больше предвидения будущего, а у тебя тактика только на сегодняшний день и то на одном участке борьбы (СССР), ибо мы не знаем, что происходит за границей. «Есть сдвиги, исходи только из них». Даже представим себе, что несмотря на разную оценку положения, мы сошлись на том, что нужно написать заявление, хотя бы к предстоящему XVI съезду. Что мы должны написать в нем? Как сказать то необходимое, что нужно сказать со стороны оппозиции? Я задаю тебе несколько вопросов: 1) Пишешь ли ты в этом заявлении о том, что центризм обанкротился (я твоим письме банкротству центризма дана замечательная оценка)? 2) Пишешь ли ты о том, что центризм был вынужден сделать поворот влево после банкротства право-центристского блока (в

твоем письме и этот вопрос хорошо анализирован)? 3) Что значит, требовать возвращения в партию «всей оппозиции»? Не значит ли это, что мы индивидуальных заявлений писать не будем, ибо индивидуальные заявления уничтожают оппозицию, как течение? 4) Пишешь ли ты, что линию оппозиции считаешь правильной, т. е. не можешь быть речни об отречении от взглядов? 5) Отмежевываешься ли ты от т. Троцкого, т. е. от так называемого «троцкизма»? (Вель отмежевание от Л. Д. — а этого от нас требуют, — по существу будет означать, что мы были на самом деле последователями «троцкизма», а не ленинской оппозиции, и что мы в продолжении 6 лет не разоблачили, где «ленинизм», где «троцкизм»). Если ты на все эти вопросы ответишь положительно, т. е. если в основу нашего заявления будут положены: 1) Оправдание линии оппозиции. 2) Банкротство нейтралитета. 3) Не отречься от взглядов. 4) Войти в партию «всей оппозицией» (не индивидуально) и т. д., плюс к этому честный и безусловный отказ от фракционной работы и безусловная поддержка взятого после XVI партконференции курса — я согласен на такое заявление, и Л. Д. будет согласен безусловно. Между нами остается разногласие в том, что ты за признание всей генеральной линии без оговорок. Об остальном ты сам великолепно пишешь в своем письме. Можем ли мы не писать об этих вещах, если мы хотим остаться революционерами? Вель мы пишем не для себя, не для руководства, а для масс. Каждый наш шаг должен быть осчитан на то, чтобы масса получила революционное воспитание, и особенности молодежи. Я не спорю о форме изложения, но в основу должны быть положены те пункты, о которых я говорил выше. Нельзя нам сказать просто, что признаем генеральную линию и дело с концом. Словом, о форме, языке, стиле заявления и т. д. я не спорю. Пусть оно будет составлено так, чтобы никого не «обидеть». Но оно должно быть таким, чтобы массы поняли нас, поняли то, что произошло за эти 10 лет. Мы не можем дезориентировать массы так, как это сделали «тройка» и И. Н. Смирнов вместе с «рожденными в тюрьме революционерами» (Мрачковский). Согласится ли руководство на это? Принмет оно наше заявление? Ясно, что нет, ибо мы хотим войти в партию с политическими хребтами, а ему таковых не нужно. Поэтому я прошу тебя ответить мне конкретнее, как ты представляешь практически наше новое выступление с заявлениями и требованием возвращения в партию всей оппозиции? Моё предложение сводится к тому, чтобы мы еще раз «преступались» в партию к предстоящему XVI съезду, но наше заявление должно состоять из вышеперечислен-

ных пунктов плюс к этому то новое, которое уже имеется в жизни в области методов проведения в жизнь левого курса. Для всего этого нужно, чтобы нам разрешили говорить, хотя бы тем, которые подписали последнее заявление.

Для слова об отходах: ты объясняешь отходы в основном сдвигами, т. е. тем, что наши кадры убедились в подлинности поворота. Если мы рассмотрим отходы по группам более или менее сближенным, то я думаю, что там было мало убеждений. Сдвиги, конечно, имели колоссальное значение, но не полностью решающее, и особенности в рядах лидеров оппозиции. Я хочу спросить тебя: если бы не было ссылок, изолаторов, голодного и холодного окружения, морального и физического истязания, был бы такой массовый отход или нет? При наличии непрерывных убеждений занимают уже не решающее положение, ибо от всех нельзя требовать геройства. Характерно, что отходы происходят большей частью в ссылах и изолаторах, а на фабриках и заводах лишь тогда, когда пускаются в ход государственные и партийные органы пажима (ГПУ, ЦКК). Характерно и то, что отставка во многих местах обнаружилась, что отходные вернувшиеся из ссылок продолжают работать на местах. Лежа в одной руке кнут, в другой левой «сдвиг», не мучлено создать капиталистское настроение у многих. Среди отходных есть: 1) искренно поверившие в сдвиги (таких маленький %), 2) отходившие под давлением, но идейно оставшиеся на позициях (подавляющий %), 3) запугавшиеся в спонных вопросах (из лидеров), 4) допустившие отход как маневр для продолжения работы (небольшой %), 5) примылавшиеся к надежде на легкую победу (подавляющий % — тоже среди «листебствующих»).

Пока все.

С приветом К.

Расширяющаяся основа для производственно-социалистического кооперирования (коллективизации) может создать лишь процесс овладевающей индивидуализации сельского хозяйства. Без технической революции в самом способе производства, т. е. без машин в земледелии, без перехода к мотоплоду, без искусственного удобрения и пр. успешная и широкая работа по действительной коллективизации сельского хозяйства невозможна.

Платформа Бол.-Ленин. (Оппоз.)
к 15 съезду ВКП(б) (1927 г.)

Письма из СССР.

«ЗА ФАЛДЫ»

Обыск у Х. Г. Раковского

Нам пишут:

У Х. Г. в середине февраля был обыск в течение 7 часов. Отобрали все, между прочим, кажется, и готовый проект обращения к партии. Охранник, командующий обыском, заявил Х. Г.: «Вы нас держите за фалды». Эти слова поистине просекают в историю. К сожалению, пока мы их держим только «за фалды». Но ведь должны же измениться времена!»

Автор письма прав: слова агента ГПУ просекают в историю. Это несомненно не личные его слова, а спустившиеся к нему — через ряд ступеней — с самого верха. Это слова самого «гениального секретаря» (сокращенно: геисека). На всех этапах, зигзагах и поворотах последних лет победоносная, могущественная, генеральная фракция Сталина не сделала ни одного свободного шагу: всегда ее тащит за фалды — «разбитая и уничтоженная» — левая оппозиция. Из обитателей Чан-Кайши, Черсела и «мощного середняка». Из блока с Брандлером, Роел, Ловстоном, Бухаринным (старой школы). Сталин решил, наконец, так круто, так смело, так решительно, повернуть влево, чтобы оторваться от оппозиции навсегда. Не тут то было: она снова ухватила «за фалды» и потащила на этот раз «назад» — от края пропасти. Невыносимо! Нельзя это дольше терпеть! Что же делать? Как что: обыскать Раковского, отобрать его бумаги, арестовать его переписку. Если нет своих мыслей, надо помешать думать другим!

В В.-УРАЛЬСКОМ ИЗОЛЯТОРЕ

Из В.-Уральского изолятора прорвалась весточка. наших товарищей там 160 человек (140 «старожил» и 20 — январского набора этого года). Условия гнусные. Пища недостаточная, прикупать же нельзя ничего, да и негде. Часто практикуются избиения заключенных. Несмотря на все это, настроения товарищей бодрое и твердое.

Из Москвы сообщают:

На пере выборах завкомов металлистов были выдвинуты следующие требования: подлинная выборность, а не администрирование; действительная самокритика. Отдельные неха выдавали требования об увеличении зарплат, об улучшении питания, увеличении паёка. Требования эти выдвигаются стихийно, движением никто не руководит. Заметно, наряду с этим, увеличение контр-революционных настроений.

В связи с единоначалием резкое недовольство в рядах рабочих. Часто оно прорывается наружу. На «Красном Каучуке» один рабочий на конференции выступил от имени целой группы с требованием ограничить права хозяйственников и мастеров. Эту группу, как водится, взяли под обстрел, объявили «разачами», «лодырями» и пр. и вышибли кого из партии, кого из профсоюза, а кого — из обеих организаций. В Бутырской тюрьме было около 200 человек наших товарищей (оппозиционеров). Среди них много беспартийных, а также много рабочих с производства.

«НА СТРАЖЕ»

(Из письма)

В Бийском округе в одном селе было восстание под руководством... уполномоченного ГПУ! Вот где находятся подлинные враги совласти! Тысячи и тысячи держиморд, которые избивают наших друзей в изоляторах, которые наделяются над ними, ничем не отличаются от вышеупомянутого «уполномоченного» ГПУ. Эта термидорская сволочь пока срывает свою злобу против коммунизма на оппозиционеры. Восставшие расстреляли десяток своих «товарищей по партии», а затем удрали в горы.

Такие дела!

ТЕКСТ «АНКЕТЫ ЦКК ВКП(б) СРЕДИ «РАСКАЯВИВШИХСЯ»

1) Имя, отчество, фамилия. 2) С какого времени в ВКП(б). 3) Был ли в других партиях. 4) Был ли членом ВЛКСМ. 5) Принадлежал ли: а) к группе «левых коммунистов», б) к группе «рабочей оппозиции», в) к группе «Д. Ц.», г) к группе «троцкистов», д) к рабочей группе «мясниковцев», е) к группе «Рабочая Правда». 6) Когда и где примкнул к организации троцкистов последнего времени (1925-1929 г.г.): а) с какого времени состоите в этой организации, б) какую работу выполняли в этой организации — где и когда. 7) Когда прекратили фракционную работу. 8) По каким мотивам прекратили фракционную работу. 9) Были ли раньше отходи от оппозиции и возврат к фракционной работе. 10) Как была построена фракционная организация, в которой работали (организационная схема). 11) Остались ли разногласия с партией, по каким вопросам и в чем эти разногласия. 12) Осуждаете ли вы свою фракционную работу и по каким мотивам. 13) Сохранились ли у вас какие нибудь связи с оп-

позиционерами и каков характер этих связей. 14) Ведете ли вы активную борьбу против оппозиции и в чем эта борьба выражается. 15) Сохранились ли у вас какие-либо архивы и фракционные документы. 16) Какие еще сведения или сообщения считаете вы нужным сделать ЦКК ВКП(б) для того, чтобы она могла наиболее объективно решить вопрос о вашем партположении?»

В этой анкете есть еще два примечания о необходимости указать города, имена, фамилии, клички, адреса и пр., а также отношение оппозиции к капитулянту после его отхода.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ КАПИТУЛЯНТОВ (Из письма)

Осколок (последний) верхушки Ленинградской оппозиции Лелюшин выступил с лозунгом: «Против правого вырождения оппозиции! За экономическую политику ЦК и за критику его политического режима». Рафаил-Фарбиан считает, что «политика ЦК в деревне наполнила и индустриализацию страны пролетарским содержанием». М. Окуджава тоже постепенно отражает оппозиционную «смысль» со своих ног. Положение вышеупомянутых граждан становится особенно смешным и печальным сейчас, когда центристы, по сути дела, начинают бить отбой от ультра-левого и ультра-идеологически-провокационного «сплошнизирования». Когда за последнее время читаешь в центристских листках о «перегихах» и вспоминаешь слова «генерального» мастера о том, что «средняк лавиной двинул в колхозы», возникает вопрос: «А где этот счастливый уголок, где этот рай земной, где не загоняли при помощи «перегиха» этого самого «средняка», как барана в коммуны? Нету такого уголка в СССР, ибо сама «сплошная» исключала всякую добровольность. А Рафаил-Фарбиан лепечет: «Политика в деревне наполнила индустриализацию страны пролетарским содержанием». Ну, и...

Сейчас, когда взбудоражены и взбалмучены все деревни, центристы лезут назад, обещая всякие льготы колхозникам. А пока сегодняшняя «генеральная» сундул исполнителей (технических) вчерашней «генеральной».

И.

ПИСЬМО ИЗ РАЙОНА СПЛОШНОМ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Апрель.

Сообщу кое-что о внутри-колхозной практике — местной. Рабочие члены артели за работу по выделке леса, разных кормовых товаров разных учреждений на ст. ж.д. д.р. и пр., за два месяца существования артели ничего не получили на руки, 50 процентов официально отчисляется в обще-артельную кассу, а другие 50 процентов пойдут на разные отчисления, взносы и сборы. Сколько останется для выдачи на руки, и вообще останется ли что-нибудь, абсолютно ничего неизвестно. Зато председатель колхоза назначил себе денежное жалование в несколько пудов муки в месяц. Освобожден, конечно, от физических работ. Рабочие члены, повторяю, не получают ни денежного, ни продуктового довольствия,

и на всякие просьбы следует ответ: «раз вступили в колхоз, первые 4-5 месяцев вы должны жить не всем вместе». Мало-мощный середняк никогда не имеет своего хлеба до нового урожая, а прикупает, о батраке и говорить нечего, — для этого мало-мощный прирабатывает на стороне, занимается извозным промыслом и пр. Всего этого он оказывается лишенным. Во время работы слышатся пины и одежда, и это без всякой компенсации от артели. Такая практика оказалась лучшим подтверждением кулацких наветов о «новой барщине». Если мужики совсем недавно, скрепя сердце, примирились, как с неизбежным для себя злом — со вхождением в колхоз, то условия труда в последнем испытании люстру несправедливости к такому подневольному, неоплачиваемому труду. Судя по газетам, такие условия труда являются правилом, а не исключением, и всякий протест против них объявляется кулацкой вылазкой. Создается впечатление, точно кто-то «бдуманно», последовательно проводит целую систему мероприятий, чтоб раз навсегда дискредитировать самую идею колхозов в глазах крестьян. Мне кажется, что это уже в значительной мере достигнуто. Неудивительно, что с появлением статьи Сталина «Олонок окружение», воспроизводящей «классическую» практику: отыгрываться на «стрелочнике», начался распад колхозов. Известно, как в них загонялись мужики: одновременная мобилизация всех платежей, вынужденных в течение ряда месяцев (на чем наживались скулишки крестьянских продуктов из зажиточных); обложение разорительными штрафами за отстающие в другое время провинности; устройство неоднократных, изнурительных ночных собраний, причем у дверей ставилась стража; наконец, опись имущества у многих середняков во время каппани, раскулачивания, что означало и для них непосредственную угрозу подвергнуться той же участи. Это были не «перегиха» повсеместно официально освещенные методы коллективизации. В отношении выходов из колхозов впереди прочих групп идут бедняки и мало-мощные середняки, которые не могут долго выдержать практику неоплаченного труда. Зажиточные середняки не спешат с выходом, смотрят на колхоз, как на страховку от непосильных налогов и опасаясь нового нажима на верху деревни. Сдерживающим моментом по части выхода из артели служит то, что лошади и семена не возвращаются обратно, в лучшем случае компенсируются деньгами. Несмотря на это, все же — массовые выходы. Несколько иначе обстоит и в коммунах, где дело подчас выплывает в форме экссессов. В одной деревне, недалеко от моего села, 40 баб силой забрали своих коммуна обобществленных коров, и заперли их у себя под замок, когда их позвали в сельсовет на объяснения, кричали: «можете стрелять, а коров не отдадим». В другой деревне одного из руководителей коммуны, который выгнал помещать забрать к себе скотину, бабы избили до полусмерти. В местной коммуне три раза подряд созывали собрание «коммунаров», и каждый раз оно срывалось, так как после начала собрания все хором кричали: «не желаем быть в коммуне, хотим артель», и тут же уходили с собрания. После этого совет коммуны для острастки исключил несколько человек из коммуны, и том числе тех, кто собрал подписи желающих перейти в артель, и только тогда удалось провести собрание. Впрочем, мужики не особенно скрывают, что требование перехода из ком-

муны и артели для них лишь законная лазейка, чтобы отделаться от обонх и вернуться в свое «первобытное» состояние. Как повсеместное явление — гибель рабочего, молочного и мелкого скота от плохого ухода, недостатка кормов и даже отравлений (не случайные). Преднамерования весьма плохие для наступающей посевной, к которой крестьяне относятся «спустя рукава». Какова цена на таком фоне апологетически писанным Преображенского, судить не трудно. Одновременно на железнодорожных пунктах, куда загнали эшалоны с выселяемыми кулаками, подул чудовищный сквозняк: кулаков снабжают там всеми товарами и продуктами лучше, чем прочее крестьянство; что кулаков должны пнуть на свое иждивение коммуны, которые «постановляли» их выселить, что тех, кто назовет их кулаками, арестовывают, а выселяемые кулаки превратились в «трудовиков-переселенцев», которые получают по 500 руб. и все, что необходимо для нового хозяйства и т. п. В моем селе краскулаченых кормят из хлебных запасов коммуны, причем передки случаи, что ими получено хлеба больше, чем у них отнято. И это при острой нужде бедноты, которая почти безвозмездно выполняет работу по нарядам. Беседа с приезжими крестьянами и узнавал факты и починки. Не перитя, что такое безобразие процветает под именем коммунизма. Сообщают, будто Зиновьев и Камелев высланы из Москвы в провинцию. Очевидно, что и эти трупы мешают эго-лобозакрепкам.

М. Р.

ПИСЬМО ОППОЗИЦИОНЕРА

Апрель.

Что касается наших, русских дел, то и здесь положение втянется с каждым днем. Нашему сплочению больше всего помешает, конечно, мастер, осуществив на деле ту самую карикатуру, которую в свое время нарисовал на нас. То, что пишут о происходящих в ряде мест искривлениях деревенской политики, есть на деле общее правило. Обезьяна не узнает себя в зеркале. Наш округ сплошной коллективизации не отличается от других. Здесь обобществили все до последнего цыпленка, раскулачивали вплоть до валеков, которые стаскивали с ног малых детишек. Раз решив, что середняк и бедняк по своей природе должны тянуться в колхоз, тянули и того и другого за волосы. Словом, валку перегнули так, что она сломалась. Сейчас начался массовый выход из колхозов. На днях 80 чел. крестьян, составивших одну из коммун, явились к местному прокурору с жалобой на то, что их всех затаскивали туда угрозами и насильем. Сегодня сообщают, что кое-где уже начались избения председателей и других должностных лиц. Бабы втянутся в коммуны и растаскивают скот. Газеты отмечают потребительские тенденции в ряде колхозов. Это, опять таки, не частное, а общее явление. Сплошная коллективизация не только не повысила точность сельско-хозяйственных продуктов, но ударила по ней так, что от нее ничего не осталось. Города сидят без масла, мяса, яиц, картошки и даже столным перенали на микроскопический пшени. Мы здесь уже давно сидим без мяса и рыбы. Лишь в последнее время начали получать колбасу из конины. В Ленинграде, как мне пишут, масло сливочное выдает только детям, растительное — по пол литра в месяц.

Возможно, что и несколько ошибок, охарактери-

зовав в прошлом письме пылкий момент, как момент почти полного завершения капитулянтской полеты. Правда, большой жатвы Ярославские уже не пожнут, но все же, в связи с «исправлением» перегибов, кое у кого воскреснут, повидимому, иллюзии, что руководство, исправив свои ультра-левые ошибки, сумеет занять позицию, совпадающую с нашей. Конечно, эти иллюзии будут очень кратковременны, т. к. руководство скоро покажет (уже показывает), что оно может двигаться только на общей базе с правыми, а не с левыми (социализм в отдельной стране и ведущая роль сельского хозяйства)... С месяц тому назад было письмо от Христиана Георгиевича с резкой оценкой нынешней политики централизма. Я уже писал вам о том, что у него был облык (вобщем производились повальные обыски по всей семье). При обыске у Рековского забрали проект обращения к 16-му Съезду... Вы знаете, что Московский округ расколлективизировался уже на 50 процентов. По всем данным это не исключение. Даже хваленый Гигант начинает трещать. С Украины пишут, что там такая же картина развала. Были случаи восстаний. В одном селе крестьяне колхозный инвентарь свалили в реку. В некоторых деревнях полное безвластие. Вероятно сев задержит развал и отодвинет неизбежную колхозную катастрофу до осени, когда вопрос о том, кому и как распоряжаться произведенным хлебом, разнуздает мелко-буржуазную стихию. Центристы могут получить таким образом некоторую передышку. Из Москвы сообщают, что там была выпущена наша листовка, и что в связи с оживлением атмосферы были большие аресты.

Г. Н.

ПИСЬМО ОТ ГРУППЫ ОППОЗИЦИОНЕРОВ

16 апреля 1930 года.

Политика авантюризма ускорила наступление кризиса, который с каждым днем обостряется. Вполне правильно, что отказ от отступления с позиций авантюризма грозит крахом. Коротко излагаем наше понимание последнего поворота в деревенской политике, вызванного сильными колебаниями крестьянства (массовый выход из колхозов, убой скота и разбазаривание сельско-хозяйственного инвентаря, недоходность крестьян, выраженное в резкой форме). Жизнь скоро доказала банкротство политики авантюры. Вчерашняя генеральная линия на скорейшую коллективизацию объявлена левым загибом головятапов. Поворот очень туманный, поэтому оценить его пока еще трудно. Во всяком случае: 1) Банкротство не признается. 2) Лозунг сплошной коллективизации и ликвидации кулака оставлен.

Новое пока-что состоит в том, что вместо коллективизации с помощью физической силы объявлен «манifest» для поступающих в колхозы. Но ведь дезорганизация сельского хозяйства и колебания крестьянства получались не от того, что до сих пор не было такого манифеста. Следовательно, манифест этот не может разрешить кризиса. Пока ясно только, что последние статьи Сталина и решение ЦК о перегибах внесли в партию еще больше дезорганизацию. Старая линия провалилась, а новая не видна еще. В связи с вашим письмом имеем несколько замечаний:

1. В вашем письме, которое, как вы пишете, излагает взгляды старика на современное положение,

8660

нет ни слова по рабочему вопросу. Продолжение те-перешней политики в этом вопросе неминуемо ве-дет к резкому усилению недовольства рабочих, сле-дственно, выбивает почву из под пролетарской власти. Поэтому вопрос рабочей политики мы долж-ны ставить на первое место.

2. Вы пишете: «Нужно произвести перераспре-деление средств между потреблением и накоплением в смысле серьезного улучшения положения трудя-щихся». По нашему мнению правильнее будет ска-зать так: «Путем жесткого сокращения бюрократи-ческого аппарата нужно произвести перераспреде-ление средств в пользу рабочего класса. Если этого будет недостаточно для серьезного улучшения ма-териального положения рабочих, то не останавли-ваться и перед перераспределением от производства к потреблению».

Об оппозиционных группах затронувшей впервые узнали более обстоятельно из вашего письма. Про-сим сообщить об этом подробнее: (в частности о причинах раскола Ленибунада).

И-ская группа оппозиции.

ПИСЬМО РАБОЧЕГО

23 марта 1930 года.

Читал конец письма Ожудьва. По всей вероят-ности роль машиниста очередного выходящего поез-да предназначена ему. Пассажиры найдутся. Их их место найдут и придут другие. Уже сообщают о по-полнениях. На заводе гайку зажали во всю: 25 про-центов поднятия производительности труда и 1,9 проц. увеличение зарплаты (три года зарплата сто-яла на одном уровне, между тем, как производитель-ность труда шла вверх, так что за 4 года — 1,9 проц.). Вместо 6 человек в бригаде — 5 чел. (техни-чески абсолютно никаких изменений). Премировоч-ная система, дававшая в месяц 20-30 процентов об-кармана так, что выдается раз в пол года и нет на-дежды, что-либо получить. Остались на основном жалованьи 55 рублей в месяц (а вычеты)... События идут бешеным темпом. Метание руководства изу-мительно. В политике на селе дернули вправо, и этот бросок вправо будет гораздо большей бороздой, нежели зигзаг влево. Административная социализа-ция села провалилась. Действительность кладет на обе лопатки теорию построения социализма в от-дельной стране. Но это только цветы, ягоды вперед-ли в виде хозяйственных потрясений из-за дезорга-низации сельского хозяйства и явного срыва посе-льной кампании. Что преподнесет руководство в бли-жайшее время, увидим. От политики фокусов мож-но всего ожидать. Насильственная социализация се-ла не проходит даром, так же, как и создание «ре-волюционных ситуаций» и «галоп — индустриализа-ция» за счет жил рабочего. В связи с поворотом, к нам потянутся массы и мы должны воспользоваться этим, и повести массы в защиту Октября. Наш до-звунт: «За Ленина, за Октябрь!». Против нас будет все, начиная с монархистов, меньшевиков, эс-эров и проч. контр-революционной сволочи, аплодирую-щих новому повороту, стоявших за расширение этого поворота. Черные силы будут едины в борьбе против нас. Какими будут последствия кризиса, как развернутся события, покажет недалекое бу-дущее.

М.

ПИСЬМО ИЗ ПОЛИТЗОЛЯТОРА

Письмо адресовано ссыльному това-рищу Тюремной цензурой замазаны ча-сти письма, имеющие политический ин-терес. — Редакция.

Мой дорогой друг.

Шлю запаздывающий поводный привет. Охотно при-соединюсь к твоему желанию регулярной пере-писки, но с очень малой надеждой.

За все время, а ведь уж скоро год, получил толь-ко второе твое письмо. Большую радость доставляют вести с ноги, хотя бы в виде осколочек фраз и букв.

Ты не пишешь, какие мои письма получишь. Тебе придется еще раз, менее откровенно повторить от-вет на все мои вопросы. Кто тебя окружает? Уда-лось ли найти работу? Очень беспокоюсь, что ма-териально приходится туго тебе и братишкам. Чем заняты? Пиши о чем, спорите, думаете. О на-строении не спрашиваю, между строками читаю о стойком, боевом. Другого не может быть у полити-ков «дальнего прицела».

Недавно у нас отчалила мадеицкая группа (пять) каппулянтов. По этому поводу немаложко горячи-лись, шумели. Теперь переключились на более серь-езные, глубокие проблемы и перспективы. Как и у нас, конечно, чаще разные оттенки илений дают ос-новной фон: устойчивый и трезвый.

Ну, а у тебя, изменилась ли обстановка полу-станика с уходящими поездами на более оседлую и рабочую? Пора, а то три года пролуду, не успею ничего сделать.

Интересно, вы коммунаой живете? И как с вновь приезжающими? С работой и квартирой?..

Молодежь все попрежнему спорит и дерется. «Гуа стонт», как ты писал. — Мои приехали на дилк новогодию посылку со инуспотурой и немаложко денег, не в пример твоим, живут мирно.

Немаложко о себе. Настроение бодрое, жизнера-достное (насколько это позволительно в тюрьме), но, увы, работаю недостаточно продуктивно, очень разбрасываюсь. Знаешь, так много встает вопросов и так много прожек, что не хватает ни времени, ни сил все охватить...

Крепко целую.

ПИСЬМО ИЗ ССЫЛКИ

7 апреля 1930 года.

Целиком солидарен со стариком. В связи с про-падом «сплошной» в низовых звеньях аппарата ра-стерянность не прекращается. «Сплошная» стала предметом всеобщего осмеяния, а мужичек поет песенку: «ударил и триву, и хвост, разделелся весь колхоз». Большой разброд вызвала статья о «голо-покружении» мастера. Он и на этот раз умудрился передоить со своей больнои на здоровую. Конечно, шикто ему в этой не перит. Чтобы прекратить все обязательские толки, слухи, сплетни, связан-ные с головокружительным выступлением и развалом «сплошной», аппарат проводит сплошную кампанию «разъяснения»: хотит уверити, что никакого отступле-ния нет. Несомненно, что отступление наличие, но нека хаотическое, я бы даже сказал, паническое. Но и это отступление уже начинает благотворно дей-ствовать, некоторым образом оживился рынок. Но

продуктов по-прежнему мало, даже многие с каждым днем все уменьшаются в количестве. Х. Г. Раковский обратился к товарищам с письмом, в котором бьет тревогу по поводу нарастающего разгула реакционных собственников. Резко критикует центристскую авантюру со «сплошной», бросающей среднечество в объятия папы Пия XI и кулака. Делает упор на немедленное осуществление партийной и рабочей демократии, как единственное средство выхода из катастрофического состояния.

ПИСЬМО Т. ТИМОФЕЯ САПРОНОВА

К генсеку на всех парах идут Заварьян и Ф. Пилипенко. Они уже послали покающую (конечно, безоговорочную!) телеграмму генсеку и пр. Мотивируют тем, что раз ИЭП и классы ликвидируются, значит мы ошиблись, значит строится социализм. Это, мол, не только левые сдвиги, а подлинно ленинская линия. Все так гениально просто и ясно! А что, мол, рабочего твист в бараний рог по «американски» — это только щепки при рубке такого грандиозного леса, как строительство полного социализма, это, мол, неизбежные издержки последнего труднейшего этапа ликвидации последнего капиталистического класса — мелкой буржуазии. Гвоздь, значит, в том, — ликвидируется ли этот последний капиталистический класс? Если это действительно так, тогда нам нечего коптить шею в сараях и изоляторах. Но на деле, в жизни (а это единственный критерий, а не газетная болтовня) происходит, как показывают не только последние два года, а и предыдущие, не ликвидация мелкой буржуазии, а ее модификация. Известно, что громадные слои городской мелкой буржуазии и близкой к ней интеллигенции за годы ИЭП'a перекочевали в ВКП для «укрепления» парт-проф-совпарата, т. е. «модифи-

цировались» в бюрократию. Не случайно же колчаковские каратели Бигешевы и ардети Бочмановы дошли до высших ступеней членов Президиума ВСНХ РСФСР и СССР. Они возмущались на такие высоты не где-нибудь в Узбекистане или Казахском захолустьи, а под «контролем» учраспреда ЦК ВКП. А чего же стоит после этого контроль периферийных учраспредов? Что произойдет с ныне ликвидируемыми кулаками и помещиками? Они через год-два, в своей самой активной, живой и приспособляющейся части, перекочат в качестве «незаменимых» в ряды бюрократии. Тем паче, что с огосударствлением (а не «обобществлением», как болтают газеты) агрикультурного сектора потребуются миллионные кадры бюрократии и ликвидируемый класс мелкой буржуазии займет (и не последнее) место в бюрократической иерархии даже вопреки всяким чисткам. Это и есть не ликвидация, а модификация, — превращение из мелкого, а часто из крупного, собственника в представителя «служебного состояния», живущего на прибавочной стоимости рабочего класса. Эти процессы, как на дрожжах, развиваются на почве предыдущих 7 лет мелкобуржуазной экономической политики и чудовишной бюрократизации всех аппаратов. Этого не понять покающим — этим «сунтер-офидерским влодам», сующим себя за вчерашние «кошники». Еще труднее нам понять то, что строительство социализма демократически подразумевает расширение госкапитализма на сельское хозяйство. Призывая прогрессивность госкапиталистической политики в сравнении с Рыковско — Бухаринским мелкобуржуазным капитализмом, большевистская оппозиция должна поставить центральной задачей разоблачение бюрократической демagogии «ублаживающей» пролетариат «ликвидацией» кулака и помещика и обещанием через 7-8 лет построить полный социализм. О задачах и тактике отдельно.

Тимофей Сапронов.

1) В целях информации печатаем доставленное нам друзьями письмо т. Т. Сапронова, руководителя так называемой группы «демократического централизма» (д.-ц.). Мы не идёмся здесь в кригку шесма, так как наша точка зрения на вопрос достаточно освещена в ряде статей «Бюллетеня». — Редакция.

Существенно важно, не гололюк, настроение товарищей твердое. Поппет, поппет.

Челябинский политизольтор.

3 февраля 1930 года.

Проблемы международной левой оппозиции

Лозунг Национального Собранин в Китае

(Ответ китайским товарищам)

Мне кажется, что наши китайские друзья вносят в вопрос о политических лозунгах демократии слишком много метафизики и даже невозможно схоластики.

«Тонкости» начинаются с названия: Учредительное Собрание или Национальное Собрание. В России мы до революции пользовались лозунгом Учредительного Собрания, потому что он ярче подчеркивает разрыв с прошлым. Но вы пишете, что по-китайски этот лозунг трудно передать. Если так, то остается взять лозунг Национального Собрания. В сознании масс этот лозунг будет иметь то содержание, которое

вложат в него революционная агитация, с одной стороны, события — с другой.

Можно ли вести агитацию за Учредительное Собрание, отрицая его осуществимость? спрашиваете вы. Но почему же решать заранее, что оно неосуществимо? отвечаю я. Конечно, масса пойдет за лозунгом лишь в том случае, если будет считать, что он осуществим. Кто и как его осуществит? На этот счет возможны только предположения. В случае дальнейшего ослабления военно-гоминданговского режима и роста недовольства масс, особенно в городах, возможна попытка со стороны части Гоминда-

на месте с третьей партией» создать некое подобие Национального Собрания. При этом будут, конечно, урезываться по возможности права наиболее угнетенных классов и слоев. Пойдем ли мы, коммунисты, в такое урезанное и подтасованное Национальное Собрание? Если у нас не будет сил заменить его, т.е. самим взять власть, то, разумеется, пойдем. Такой этап на нашем пути ни в каком случае не ослабил бы нас, наоборот, помог бы нам собрать и воспользоваться силами пролетарского авангарда. Внутри даже и фальсифицированного Национального Собрания и особенно вне его, мы продолжали бы агитацию за созыв наиболее демократического Собрания. В случае революционного массового движения мы стали бы одновременно строить Советы. Вполне возможно, что мелко-буржуазные партии сочли бы в этом случае необходимым созвать сравнительно демократическое Национальное Собрание, чтобы превратить его в оплот против Советов. Приняли ли бы мы участие в выборах в такого рода представительство? Конечно, приняли бы, если у нас, опять-таки, еще не хватило к этому времени сил заменить его более высокой государственной формой, т.е. Советами. Но такая возможность открывается лишь на самой высокой точке революционного подъема. А ведь мы еще не подошли по настоящему и к его началу.

Даже факт существования Советов — о чем сейчас в Китае нет и речи — вовсе недостаточен сам по себе для отказа от лозунга Национального Собрания. Ведь большинство в Советах может оказаться, и в первое время наверное окажется, в руках соглашательских и центристских партий и организаций. Мы будем заинтересованы в том, чтоб эти партии показали себя перед народом на открытой сцене Национального Собрания. Таким путем большинство в Советах скорее и вернее перейдет к нам. Когда завоевание большинства совершится, мы программой Советов противопоставим программе Национального Собрания, соберем вокруг знамени Советов большинство трудящихся и угнетенных в стране и получим, таким образом, возможность на деле, а не на бумаге, заменить Национальное Собрание, как парламентски-демократическое учреждение, Советами, как органом революционной классовой диктатуры.

В России Учредительное Собрание существовало только один день. Почему? Потому, что оно явилось слишком поздно, когда существовала уже власть Советов, с которой Собрание пришлось в столкновение. В этом конфликте Учредительное Собрание представляло вчерашний день революции. Но представим себе, что буржуазное временное правительство нашло бы в себе решимость созвать Учредительное Собрание еще в марте или апреле (1917 г.). Возможно ли это было? Разумеется, возможно. Казеты занимались юридическим крючкотвор-

ством, оттягивая созыв Учредительного Собрания, в надежде на упадок революционной волны. Меньшевики и эсеры пели по кадетским нотам. Если бы у меньшевиков и эсеров оказалось немножко больше революционного пороху, они могли бы созвать Учредительное Собрание в несколько недель. Приняли ли бы мы, большевики, участие в выборах и в самом Собрании? Разумеется, ведь мы все время требовали скорейшего созыва Учредительного Собрания. Изменился ли бы при раннем созыве Собрания ход революции к невыгоде для пролетариата? Ни в каком случае. Вы помните, вероятно, что представители русских угнетенных классов, а вслед за ними и соглашатели, откладывали все важные вопросы революции «до Учредительного Собрания», всячески затягивая в то же время его созыв. Это давало помещикам и капиталистам возможность маскировать до некоторой степени свои собственные интересы в аграрном вопросе, в промышленном и т.д. Если бы Учредительное Собрание было созвано еще, скажем, в апреле 1917 года, то все социальные вопросы были бы нами поставлены в нем ребром, имущие классы вынуждены были бы раскрыть карты, предельная роль соглашателей была бы совершенно ясна, большевистская фракция Учредительного Собрания получила бы величайшую популярность и помогла бы Советам собирать в своих рядах большевистское большинство. В этих условиях Учредительное Собрание просуществовало бы не один день, а, вероятно, несколько месяцев, причем чрезвычайно обогатило бы политический опыт трудящихся масс и не только не отодвинуло бы пролетарского переворота, а скорее даже приблизило бы его. Это имело бы само по себе большое значение. Если бы вторая революция произошла не в октябре, а, скажем, в июле или в августе, армия на фронте была бы менее истощена и ослаблена, и мир с Гогенлоуэном мог бы быть заключен на более выгодных условиях. Но если допустить даже, что пролетарская революция, благодаря Учредительному Собранию, не приблизилась бы ни на один день, никакая резолюционная парламентаризма все же не прошла бы бесследно для политического уровня масс, и это облегчило бы наши задачи на другой день после октябрьского переворота.

Возможен ли подобного рода вариант в Китае? Он не исключен. Думать и ожидать, что от нынешних условий господства разнузданной буржуазной военизированной припадочности и распыленности рабочего класса и чрезвычайного упадка крестьянского движения, коммунистическая партия Китая совершит сразу скачек к завоеванию власти — значит верить в чудеса. На практике это ведет к партизанским авантюрам, коим наполовину покровительствует сейчас Коминтерн. Мы эту политику должны осудить и решительно предостеречь от

нез революционных рабочих.

Политическая мобилизация пролетариата, а за ним и крестьянских масс есть первая задача, которую надо разрешить, исходя из нынешней обстановки. А это есть обстановка военно-буржуазной контр-революции. Сила угнетенных масс в их численности. Эту численность они и стремятся при своем пробуждении выразить в политике через посредство всеобщего избирательного права. Маленькая горсточка коммунистов знает уже сегодня, что всеобщее избирательное право представляет собою одну из форм господства буржуазии, и что это господство может быть ликвидировано лишь посредством диктатуры пролетариата. В этом духе мы можем воспитывать заранее пролетарский авангард. Но миллионы и миллионы трудящихся могут прийти к диктатуре пролетариата только на основании собственного политического опыта. Национальное Собрание на этом пути будет для них прогрессивным этапом. Вот почему мы выступаем за этот лозунг наряду с четырьмя другими лозунгами демократической революции: передача земель крестьянской бедноте; 8-ми часовой рабочий день; независимость Китая; право на национальное самоопределение входящих в его состав народов.

Разумеется, нельзя отрицать и такую перспективу, — теоретически она мыслима, — когда китайский пролетариат, ведя за собою крестьянские массы и опираясь на Советы, придет к власти до осуществления Национального Собрания, в той или другой его форме. Но это для ближайшего периода во всяком случае мало вероятно, ибо предполагает прежде всего наличие очень могущественной и централизованной революционной партии пролетариата. А при ее отсутствии какая же другая сила объединит революционные массы нашей гигантской страны? Между тем вся беда ведь в том, и состоит, что сильной централизованной коммунистической партии в Китае нет. Она еще только должна сложиться. Борьба за демократию как раз и является необходимым условием для этого. Лозунг Национального Собрания объединяет разобщенные провинциальные движения и восстания, придает им политическое единство и создает почву для сплочения коммунистической партии, как обще-национального вождя пролетариата и всех трудящихся масс.

Вот почему лозунг Национального Собрания (на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права) надо выдвигать со всей силой и повести за него смелую и решительную борьбу. Меснем позже или меснем раньше полная беспомощность нынешней чисто негативной позиции Коминтерна и официального руководства китайской компартии обнаружится со всей беспощадностью. Это произойдет тем скорее, чем решительнее левая коммунистическая оппозиция развернет кампанию в пользу лозунгов демократии. В этом случае не-

избежное крушение политики Коминтерна чрезвычайно укрепит левую оппозицию и поможет ей сделаться решающей силой в китайском пролетариате.

Л. Троцкий

2 апреля 1930 года.

Открытое письмо итальянским коммунистам, объединенным вокруг „Прометей“

Дорогие товарищи!

Несколько месяцев тому назад вы обратились ко мне с открытым письмом, на которое я вам тогда же ответил. Сейчас, мне кажется, пришло время обратиться с открытым письмом к вашей группе.

В Париже произошла недавно предварительная конференция международной левой оппозиции. Эта конференция представляет серьезный шаг вперед, так как она осуществилась лишь в результате длительной подготовительной работы идеологического характера. Ваша группа, на глазах которой вся эта работа разворачивалась, не сошла, однако, для себя возможным принять участие в конференции. Этот коварный важный факт абсентизма, побуждает меня поставить вам следующие вопросы:

1. Допускаете ли вы, что коммунизм может иметь национальный характер? Такова, например, позиция Урбанса, который, повторяя ритвальные формулы интернационализма, создал чисто-немецкую секту, лишенную связей во всем мире и, следовательно, лишенную революционных перспектив. Итак: считаете ли вы себя национальным течением или частью международного течения?

2. Если бы на предшествующий вопрос вы ответили, что вас вполне удовлетворяет ваше национально изолированное существование, то эти дальнейшие вопросы вообще не было бы места. Но я не сомневаюсь, что вы считаете себя интернационалистами. В таком случае возникает второй вопрос: к какому именно интернациональному течению вы принадлежите? Сейчас в международном коммунизме имеется три основных течения: центристское, правое и левое (ленинское). Кроме того имеются разнородного рода осколки ультра-левых, бархатящиеся между марксизмом и анархизмом. Мы считали до сих пор, что вы ближе всего стоите к левой оппозиции. Ваше выжидательное положение мы объясняли вашим желанием разобраться в развитии левой оппозиции. Но выжидательное состояние не может длиться вечно. Жизнь не ждет, в Италии, как и во всем мире. Для того, чтобы приблизить к интернациональной левой повсе не нужна фальшивая «монументальность» в духе сталинской бюрократии. Нужна действительная солидарность по основным вопросам международной революционной стра-

тегии, провсеряням на опыте последних лет. Частные тактические разногласия совершенно неизбежны и не могут быть препятствием к тесной совместной работе в рамках международной организации. В чем состоят ваши разногласия с левой оппозицией? Имеет ли они принципиальный или эпизодический характер? На это необходимо ясно и точно ответить.

3. Ваше участие в международной предварительной конференции может быть политически истолковано так, что вас от левой оппозиции отделиют разногласия принципиального характера. Если это так, то возникает третий вопрос: почему вы не переходите к созданию интернациональной фракции вашего направления? Ибо, не можете же вы думать, «что те революционные принципы, которые пригодны для всего мира, не пригодны для Италии и наоборот». Пассивно-примирительное отношение к левой оппозиции при нежелании прикннуться к ней и при отказе от вмешательства в жизнь коммунистического авангарда других стран, характеризует национал-социализм или национал-коммунизм, не имеющий ничего общего с марксистским коммунизмом.

Ваш ответ на эти вопросы имеет серьезное значение не только с международной, но прежде всего с итальянской точки зрения, поскольку вообще эти две точки зрения можно противопоставить. Нелегальный характер итальянской компартии возбуждает возможность ближе сделать ее развитием. Тем не менее можно думать несомненным, что в рамках итальянского коммунизма, кроме официальной фракции, вашей группы и группы правых (Таска), имеются многочисленные революционные элементы, еще не оформившие открыто своей позиции. Вы являетесь в этих условиях одним из элементов неопределенности. Между тем именно нелегальное существование партии требует с уважительной силой полной принципиальной ясности руководящих групп. Ваш ответ должен облегчить и ускорить идеальную кристаллизацию вступив итальянского пролетарского авангарда. Незачем говорить, что русская оппозиция была бы счастлива узнать о вашем присоединении к интернациональной левой.

С коммунистическим приветом.

Л. Троцкий.

Понедельник, 22 апреля 1930 года.

Г. Маннури и Коминтерн

Голландский коммунист тов. Г. Маннури исключен несколько месяцев тому назад из Коминтерна за «троцкизм». Маннури тайно пытался добиться правильного рассмотрения его взглядов и возражений партийными инстанциями. Суд над ним был проведен за его спиной, в военно-доловом порядке. Г. Маннури издал отдельной брошюрой ряд документов, относя-

щихся к его исключению, и произнесенную им защитительную речь.

Весь «троцкизм» Маннури состоял в том, что он не согласен был с травлей русской оппозиции, исключением ее из Коминтерна и с последовавшими затем репрессиями против оппозиционеров. Собственная точка зрения Маннури на спорные вопросы очень неопределенна. В одном из документов он заявляет даже, что по внутренним вопросам СССР стоит ближе к Сталину, чем к Троцкому. Нужно к тому же иметь в виду, что это писалось в тот период, когда Сталин шел с Бухариным, т. е. до нынешнего левого курса.

Что касается теоретической области, то Маннури выступает эклектиком: диалектический материализм он сочетает с психо-анализом, превращая его в философскую систему, и с идеалистической моралью. Незачем говорить, что все это очень далеко от теоретических основ, на которые опирается марксистская оппозиция.

Из тех же документов Маннури мы узнаем, что официальный представитель Коммунистического Интернационала объявлял виднейшим представителем «троцкизма» в Голландии Винкула, который всегда был лишь левым (временами ультра-левым) социал-демократом и, по видимому, таковым остался и по сей день.

Немудрено, если т. Маннури несколько раз вопрошает на протяжении своей брошюры: «что же собственно вы называете в конце концов «троцкизмом»?»

Чтоб дать понятие об образе мыслей т. Маннури, приведем несколько цитат из его брошюры.

«Троцкизм есть ваше изобретение. Никто не бывает всегда прав и никто не бывает полностью прав, ни Троцкий, ни Ленин, ни Маркс. Но в главном вопросе Троцкий прав, именно, что революция едва началась, и что коммунизм едва родился... Я ничего не знаю о ваших «ножницах», понимаете что? ничего, кроме того, что об этом читает в ваших собственных клеветнических статьях против Троцкого, с ноября 1924 года и до сегодняшнего дня, и каждая строчка вашей софистической и пустопорожней агитации более убеждала меня в вашей неправоте, и каждое слово очень скучных и вырванных из контекста фраз, которые вы выуждены были цитировать из работ Троцкого, делало мое убеждение более прочным».

В другом месте Маннури требует ликвидации Ленинского мавзолея и сожжения остатков Ленина, в чем мы не можем ему не сочувствовать, хотя, конечно, не этот вопрос является наиболее острым.

Мы узнаем из брошюры, что прращение партии потребовало от тов. Маннури прекращения политических и организационных связей с Троцким. Маннури тем легче было от таких связей отказаться, что их никогда не сущест-

8665

пвало. В том же документе Маниури заявил, что «в большинстве тактических и партийно-политических разногласий между сторонниками Троцкого и сторонниками Сталина он (Маниури) склоняется более к последним, чем к сторонникам Троцкого». Но от Маниури потребовали сверх того, чтобы он признал Троцкого врагом коммунизма и объявил ему непримиримую борьбу. От этого Маниури отказался. В конце концов его исключили. Вся эта история в высшей степени характерна для нравов Коминтерна и его голландской секции.

Маниури выступает в этой борьбе безусловно искренним и идейным человеком, не имеющим, однако, ничего общего с левой коммунистической оппозицией, ни в теоретических предпосылках, ни в политических выводах. Как мы уже знаем, это несколько не поменяло исключить его, как «троцкиста».

От группы бывш. красноармейцев-словаков ко всем бывш. бойцам Красной Армии

С глубоким негодованием узнали мы, бывшие бойцы русской Красной Армии, под руководством товарища Троцкого, участвовавшие в создании Красной Армии, боровшиеся на многих фронтах и победившие контр-революционные банды в годы гражданской войны, что сталинское руководство угрожает нашему делу.

В течение последних, приблизительно, шести лет, как сталинское правительство находится у руля, великая беспримерная пролетарская революция, которая победоносно началась в 1917 году, подрывается шаг за шагом.

То, что с безграничной самоотверженностью и энтузиазмом создавали миллионы пролетариев под руководством Ленина и Троцкого, то, за что тысячи и тысячи красноармейцев проливали свою кровь, это разрушается сталинской политикой, колеблющейся, с одной стороны к оппортунизму, с другой, к авантюризму.

Никогда мы не позволим разрушить наше создание! Никогда не поверим, что Лев Троцкий, вождь столько славных побед русского пролетариата и через это также международного пролетариата, стал неверен коммунистическому знамени.

Но мы совершенно ясно видим, что сталинское руководство, которое не отступает даже перед убийством пролетарских революционеров, серьезно угрожает и угрожает все время страшными поражениями Советскому Союзу и делу международной революции. Крушеишим и позорнейшим преступлением против Советского Союза была и остается высылка Льва Троцкого.

Никогда международный пролетариат не поймет и не примирится с этим преступным фактом.

Мы призываем всех тех, которые боролись в Красной Армии плечом к плечу с Троцким, возвратиться в ряды бойцов.

Бывшие красноармейцы, которые разбросаны по всем странам Европы, должны быть снова признаны в ряды движения.

Нужно повсюду бороться за то, чтоб знамя Красной Армии, знамя Советского Союза, знамя международной революции, было поднято заново, так же высоко, как во время Ленина и Троцкого.

Товарищи! Вступайте в ряды левой оппозиции! Требуйте возвращения Л. Д. Троцкого в Советский Союз, в партию, в руководство Коммунистическим Интернационалом!

Долой вероломных сталинцев!

Да здравствует левое ленинское течение!

Да здравствует мировая революция!

Группа красноармейцев-словаков.

Самоубийство В. Маяковского

Еще Блок призвал за Маяковским «огромный талант». Можно сказать, не преувеличивая, что у Маяковского были проблески гениальности. Но это был не гармонический талант. Да и откуда было взяться художественной гармонии в эти десятилетия катастроф, на незажившем рубце двух эпох? В творчестве Маяковского высоты идут рядом с провалами, взмахи гениальности поражают рядом с тривиальными строфами, даже с крикливой вульгарностью.

Неверно, будто Маяковский был прежде всего революционером, а затем поэтом, — хотя он искренно хотел этим быть. На самом деле Маяковский был поэтом, художником прежде всего, который отталкивался от старого мира, не порывая с ним, — и лишь после революции искал для себя, — и в значительной мере нашел, — опору в революции. Но он не слился с нею все же до конца, ибо не пришел к ней годами внутренней подготовки в меньшинстве. Если взять вопрос в большом масштабе, Маяковский был не только «слепцом», но и жертвой переломной эпохи, которая хоть и формирует элементы новой культуры с небывалой никогда ранее силой, но все же гораздо более медленно и противоречиво, чем это нужно для гармонического развития отдельного поэта, или одного поколения поэтов, отдавшего себя революции. Отсутствие внутренней гармонии шло именно отсюда и выражалось в творческом стиле, в недостатке дисциплины слова и меры образа. Горячая лава пафоса, — и рядом неуместное пансибратство с эпохой, с классом или прямо безвкусная шутка, которую поэт как бы ограждает от поранений со стороны внешнего мира. Иногда это казалось не только художественной, но и психологической фальшью.

Но нет! даже предсмертные письма дают тот же тон: чего стоят эти два словечка «инцидент исперчен!» которыми поэт подводит себе итог.

Мы сказали бы: что у запоздалого романтика Генриха Гейне лирика и ирония (ирония против лирики и, в то же время, для защиты ее),

то у запоздалого «футуриста» Владимира Маяковского — пафос и вульгарность. (вульгарность против пафоса и для его ограждения).

Официальное извещение о самоубийстве торопится языком судебного протокола, отретрактованного в «секретариате», заявить, что самоубийство Маяковского «не имеет ничего общего с его жизнью и литературной деятельностью поэта». Это значит сказать, что добродельная смерть Маяковского никак не была связана с его жизнью, или, что его жизнь не имела ничего общего с его революционно-поэтическим творчеством, словом, превратить его смерть в приключение миллиейского порядка. И неверно, и ненужно, и... неумно! «Лодка разбилась о быт», говорит Маяковский в предсмертных стихах об интимной своей жизни. Это и значит, что «общественная и литературная деятельность» перестала достаточно поднимать его над бытом, чтобы спастись от невыносимых личных долгов. Как же так: «не имеет ничего общего»?

Нынешняя официальная идеология «пролетарской литературы» основана — в художественной области видим то же, что и в хозяйственной! — на полном непонимании ритмов и сроков культурного созревания. Борьба за «пролетарскую культуру» — нечто вроде сплошной коллективизации всех завоеваний человечества в рамках пятилетки — имела в начале Октябрьской революции характер утопического идеализма, — и именно по этой линии встречала отпор со стороны Ленина и автора этих строк. В последние годы она стала попросту системой бюрократического командования искусством и — опустошения его. Классиками мелко-пролетарской литературы были объявлены неудачники буржуазной литературы, вроде Серафимовича, Гладкова и пр. Юрием ничтожеством, вроде Авербаха, были назначены в Бельские... «пролетарской» (1) литературы. Высшее руководство художественным словом оказалось в руках Молотова, который есть живое отрицание всего творческого в человеческой природе. Помощником Молотова — час от часу не легче! — оказался Гусев, искусник в разных областях, но не в искусстве. Этот людской подбор целиком от бюрократического перерождения официальных сфер революции. Молотов с Гусевым подняли над литературой коллективного Малашкина, придворно-«революционно»-порнографическую словесность с провалившимся писом.

Лучшие представители пролетарской молодежи, призванные подготавливать элементы новой литературы и новой культуры, оказались отланы под команду людей, которые собственную некультурность превратили в мерло вешей.

Да, Маяковский мужественнее и героичнее, чем кто бы то ни было из последнего поколения старой русской литературы, еще, впрочем, не успевшего заново ее признать — искал связи с революцией. Да, он осуществил эту связь с неизмеримо полнее, чем кто бы то ни был другой. Но глубокая расколотость остав-

лась в нем: к общим противоречиям революции, всегда тяжким для искусства, которое ищет законченных форм, прибавился эпигонский спуск последних лет. Будучи готов служить «эпохе» в самой черной работе Судней, Маяковский не мог не отворачиваться от инимореволуционной казенщины, хотя теоретически не был способен осознать ее, а следовательно, и найти путь победы над нею. Поэт с полным правом говорит о себе: «не бывший в пайме». Он долго и свирепо не хотел идти в административно-авербаховский колхоз «пролетарской» лже-литературы. Отсюда его повторные попытки создать, под флагом «лефа», орден неистовых крестоносцев пролетарской революции, которые служат ей за совесть, не за страх. Но «леф» был, конечно, бессилён: навязать «150-ти миллионам» свои ритмы: динамика приливов и отливов революции слишком глубока и тяжеловесна. В январе нынешнего года Маяковский, сраженный логикой положения, совершил насилие над собою и вступил, наконец, в ВАПП (Всесоюзная ассоциация пролетарских поэтов) — за два-три месяца до самоубийства. Но это ничего не дало и, вероятно, кое-что отняло. А когда поэт ликвидировал связи с противоречиями «быта», личного и общественного, пустив свою «лодку» ко дну, представители бюрократической словесности, из «суши» в пайме», заявили: «непостижимо, непонятно», показав, что не только большой поэт Маяковский остался для них «непонятен», но и противоречия эпохи — «непостижимы».

Чиншничье-принудительное и идейно-безпризорное объединение пролетарских поэтов, построенное на ряде предварительных «погрозов» жизненных и полнино-революционных литературных гнезд, видно, не дало моральной спайки, если на уход самого большого поэта Советской России оттуда ответили лишь официозным недоумением: «не имеет, мол, ничего общего». Маловато этого, очень маловато для построения новой культуры «в кратчайший срок».

Маяковский не стал и не мог стать прямым родоначальником «пролетарской литературы» — по той же причине, по которой нельзя построить социализм в одной стране. Но в боях переходной эпохи он был мужественнейшим воином слова и стал одним из бесспорных претеч литературы нового общества.

Т.

Заславский — столп сталинизма

В «Правде» сейчас одно из первых мест занимает журналист Д. Заславский. Молодому поколению он известен лишь, как непримиримый защитник традиций Октябрьской революции и сталинизма. Но у него есть и другое прошлое. Д. Заславский, бывший бундист-меньшевик, перешедший задолго до револю-

ции на службу к буржуазной журналистике. Февральская революция застала его одним из главных руководителей желто-«социалистической» газеты «День». Травля этой газеты против большевиков не останавливалась ни перед чем, даже перед гнусностями насчет службы немецкому генеральному штабу. Из статей «Дня» можно было бы составить недурную хрестоматию буржуазной ненависти к революционному пролетариату. Наиболее яркие страницы этой хрестоматии принадлежали, несомненно, бойкому перу Заславского. Октябрьский переворот вызвал в этой газете буквально пароксизм бешенства. После закрытия буржуазной печати Заславский поневоле затих. В годы гражданской войны он был заодно со злейшими врагами пролетариата и, если не играл в борьбе активной роли, то отнюдь не по недостатку злой воли, а по другим своим качествам. Заславский всплыл в «Правде» после смерти Ленина и начала травли против Троцкого. Сперва он писал на менее ответственные темы, но затем бесцеремонно вошел во вкус «генеральной линии». Можно не сомневаться, что его перу принадлежат многие руководящие статьи без подписи. Но и за подписью Заславского появлялись уже статьи, обличавшие левую оппозицию и, в частности, Троцкого, — не шутите! — в «меньшевистских» взглядах на французский социализм накануне мировой войны.

Заславский — не исключение. Заславский — тип. На такого рода субъектах, которые предадут, конечно, революцию при первой опасности, держатся сейчас многие важнейшие сталинские учреждения.

Мы считаем поэтому не бесполезным напомнить, как партия, в лице Ленина, оценивала Заславских в 1917 году.

В статье «Политический шантаж» Ленин писал:

«Газетная травля лиц, клеветы, инсинуации служат в руках буржуазии и таких негодяев, как Миллюковы, Гессены, Заславские, Даны и пр., орудием политической борьбы и политической мести...

«Миллюковы и Гессены, Заславские и Даны и пр. и пр. суть политические шантажисты. Надо это закрепить, разъяснить массам, печатать это ежедневно в газете, собирать документы об этом для брошюры, бойкотировать шантажистов и т. д. и т. д. Вот достойные пролетариата приемы борьбы с клеветой и шантажем!»

«...Газет, у буржуазии много, шантажистских наемных перьев (вроде Заславского и К-о) у него есть еще больше...

«Нет, товарищи! Не будем поддаваться крикам буржуазной прессы! Не будем доставлять

удовольствия негодяям шантажа — Миллюковым, Гессенам, Заславским...

«...никакой податливости «общественному мнению» тех, кто сидит в одном министерстве с кадетами, кто подает руки Миллюковым, Данам, Заславским...» («Пролетарий», ном. 10, 24-го августа 1917 года).

В другой статье Ленин тогда же писал: «Капитал покупает себе, с одной стороны, Миллюковых, Заславских, Потресовых и прочие, а с другой стороны, черносотенцев», «Негодяй», «шантажист», «наемное перо», «негодяй шантажа» — эти определения никак нельзя назвать двусмысленными.

Будучи отмечен столь яркой печатью Ленина, Заславский вполне пригоден для защиты от нас «ленинизма».

А мы, с своей стороны, будем учить рабочих: «Никакой податливости «общественному мнению» тех, кто подает руки Заславским...»

Временно-обязанный.

Голос из рядов «аппарата»

3 апреля 1930 г.

Будучи в Х, получил возможность закупить для себя и для других товарищей Бюллетень. Статья «Экономический авантюризм и его опасности» (№ 9) имеет большой успех, тем более, что дата статьи «13 февраля», а затем наступившие события в СССР в колхозном движении, в частности статья «Оловокружение от успехов», полностью подтвердили прогноз статьи т. Троцкого. Именно: «Стихийное отступление, паническое впадение, якобы маневренное «наверху»».

...Мерзопакостные стихи Демьяна (Ефим Лакенин Придворова) ничего, кроме отарашения, не вызывают. В разговорах между собою т. т., читавшие оба тома «Моя жизнь», обращают внимание на то, что Демьяну по 2-му тому, наиболее важному, при всей его демьяновской полноте и наглости не хватило духу что либо сказать...

С товарищеским приветом.

Т-ов.

О разном и все о том же

Колчаковский полковник
— ярый анти-«троцкист»

В феврале с. г. «Правда» сообщила, что на чистке ячейки ВСНХ обнаружилось, что член президиума ВСНХ РСФСР Бишев, бывший полковник колчаковского карательного отряда. Но «Правда» «забыла» добавить к этому, что Бишев был знаменит в ВСНХ, как бешеный ненавистник «троцкизма», председателиш всякого, кого он заподозривал в сочувствии оппозиции. Случайно ли бывший колчаковец попадает в президиум ВСНХ, случайно ли

ТОВАРИЩ, ЕДУЩИЙ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
— БЕРИ БЮЛЛЕТЕНЬ С СОБОЮ!

именно он оказывается «надежным», 100% сталинцем и ярым врагом «контр-революционного троцкизма?». Совсем не случайно. В этом факте ярко отображается вся система: ставка на покорных, на людей типа «чего изволите», — это ими аппарат обеспечивает «монолитность» и это им обеспечивает бесконтрольность. Что посеешь, то пожнешь. Ведь были в ВСНХ люди, которые знали, знали может быть годами, а молчали. Почему молчали? Очень просто, — боялись. За Бишев стоял аппарат, он его выдвигал и поддерживал; ведь Бишев был врагом оппозиции, — этого ли недостаточно, чтоб быть на блестящем счету у партначальства. Нам старались безуспешно подкинуть много врагелевского офицера, расшаритесь в получении настоящего, вами выпестованного колчакова!

Всегда виноват стрелочник

Как известно, с того момента, как высшее начальство заговорило о «перегибах» и «головоотяпстве» в области колхозостроительства, обнаружилось, что чуть-ли не все окружки, областные комитеты повинны в этом грехе. Ряд парткомов уже успел «признать свою ошибку, осудить и исправить ее». Московский обкомитет не только осудил себя в Москве, но с этой же целью его секретари выезжали в провинцию, где по их «самоосуждающим» докладом их дополнительно осуждали соседи. Не виноват лишь (ни в чем и никогда) один Центральный Комитет: он не «перегибал», не «головоотяпствовал», он все предвидел, благо он является носителем непогрешимой «генеральной линии». Но дурной пример, как известно, заразителен. Нашлись и такие окружки, например, Астраханский, который по позумшенному отзыву «Правды», несмотря на то, что трижды изобличен в перегибах, «вместо открытого признания своих ошибок... асю вину по прежнему спаливает на местных работников». «Правда» делает вид, будто не замечает при этом, что «спаливающие вину» только следуют примеру центрального Комитета. Ведь если местные работники «головоотяпствовали» не без вины окружкома — как поясняет «Правда» — то сей, последний, в свою очередь «головоотяпствовал» не без вины инструкций ЦК. Но так как ЦК с генеральной линией и проч. и проч., вообще ошибаться не может, то «следователно»... остается лишь местный работник.

Самокритика на практике
(Краткий, но красноречивый диалог)

Центральный Комитет: «Мы не дали, как не давали до сих пор, использовать лозунг «самокритики» для борьбы против генеральной линии партии и партийного руководства, защищающего эту линию»... («Правда»):

Секретарь Райкома (Астрах. окр.): «Будешь выступать против меня, выгоню из района, и поршок сотру». («Правда»).

Рабочий: «Критикуй, пожалуйста, а я есть хочу». («Правда»).

В «Правде» от 14 апреля мы читаем: «Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. поставил перед партийными организациями задачу: не позже конца 1930 года добиться в составе партии не менее 50 процентов рабочих от станка». — Как так не позже 30 года. Ведь ЦК дал совсем другую директиву: не к концу 30 года, а к моменту 16-го парт'езда, т.е. через месяц. (См. Бюллетень, нояб. 10). Что это «описка» или замаскированное отступление?

Та же статья говорит, как бы мимоходом о «резком уменьшении притока молодежи в партию». Конечно, никаких выводов отсюда не делается. А почему бы не выразить это «резкое уменьшение» в точных цифрах, по социальным группам, по районам и пр. Но нет, руководство предпочитает держать партию в потемках... А между тем уменьшение притока молодежи, да еще «резкое» уменьшение есть для революционной партии факт огромного значения, резюмирующий многие другие тревожные процессы, факты и признания. И. М.

„Ответ товарищам колхозникам“

Этот ответ Сталина занимает первую страницу «Правды» целиком. Безнадежное море строк. Выудить свежую мысль, серьезное обобщение — невозможно.

Почему произошли перегибы? Вот ответ: «Забыли, что насилье, необходимое и полезное в деле борьбы с нашими классовыми врагами, недопустимо и пагубно в отношении середняка, являющегося нашим союзником».

Как это так «забыли»? Ведь с 1923 года партию только и учили тому, что нельзя забывать середняка. Ведь вся борьба с оппозицией шла под этим знаком. А как дошло до дела — «забыл середняка». Точно посовой платок потеряли.

Какие еще совершили ошибки? «Нарушили ленинский принцип добровольности при построении колхозов».

Не больше, не меньше. Почему нарушили? Не понять. И почему власти так поздно заметили нарушение? И почему крестьяне споевременно не пожаловались на нарушение? Ничего нельзя понять.

«Третий вопрос. Как могли возникнуть эти ошибки и как их должна исправлять партия?»

Ответ. Они возникли на основе наших быстрых успехов в области колхозного движения. Успехи иногда кружат голову».

Это и все объяснение: быстрые успехи, и по-

этому головокружение. А где же была партия? Не может же быть, чтобы у полтора миллиона членов партии кружилась голова. И что это вообще за политическое состояние? И какими предупредительными средствами?

Дальше следует:

«Пятый вопрос. Какая у нас главная опасность: правая или левая?»

Огает. Главная опасность у нас правая. Правая опасность была у нас и остается главной опасностью.

Это «свидетельно», как говорит мужик у Толстого. Но так как, видите ли, левая опасность питает правую, то, в интересах борьбы с главной опасностью необходимо громить левых. Если Сталин расстрелял Блюмкина, то лишь в интересах борьбы с правой опасностью.

Насчет кулака сообщается, что политика его «ликвидации, как класса», остается в полной силе. Но «это, конечно, не значит, что мы можем его ликвидировать в один присест. Но это значит, что мы будем вести дело на то, чтобы окружить его и ликвидировать».

Окружить и ликвидировать, — нет, вести дело на то, чтоб окружить, а потом ликвидировать и притом не в один присест, — все это показывает, что Сталин «ведет дело» на то, чтоб ликвидировать украинскую программу раскулачивания, но, конечно, не в один присест, а в растяжку, путем плутоватых маневров, которые окончательно запутают партию.

Забывчивый Мясников

(Небольшая справка и сведения ультра-левых)

Ряд ультра-левых группок, и в том числе Мясников (у которого нет никакой группы), болтают о капитуляции русской оппозиции, во главе с т.т. Троцким и Раковским. Разглаживая эти мелкие всего к лицу именно Мясникову, в лучшем случае они ставят его в смешное положение. Не вдаваясь в бесполезную полемику, мы напомним лишь некоторые совсем свежие факты.

1. В июне 1929 г. Мясников вел переговоры с советским консульством в Трапезунде об условиях своего возвращения в СССР. Мясников ходатайствовал о разрешении ему вернуться в СССР, при условии гарантии ему личной неприкосновенности, причем, с своей стороны, он отказывался от всякой политической деятельности. Не получая ответа, 8 августа Мясников пишет вторичное заявление:

«При наших переговорах об условиях моего возвращения в СССР было достигнуто соглашение о том, что я возвращаюсь в СССР, если 1) гарантируют мне неприкосновенность личности, 2) гарантия неприкосновенности личности до моего возвращения в СССР делается достоянием гласности путем опубликования в периодической прессе (в газетах), 3) по возвращению в СССР я имею право проживать в Москве или Ленинграде, и мне будет предоставлена рабо-

та. 4) но гарантия неприкосновенности личности дается в том случае, если я, возвратившись в СССР, прекращу политическую работу».

Заявление это не было послано Мясниковым в консульство только по совету т. Троцкого. Не лишне напомнить здесь, что Мясников шел как раз на те самые условия, которые ставились Сталиным т. Троцкому в Аля-Аля, накануне его высылки в Турцию, и от которых, как известно, т. Троцкий резко и решительно отказался, заявив:

«Пребывать от революционера отказ от политической деятельности, т.е. от служения партии и международной революции, могло бы только в конце развращенное чиновничество. Давать такого рода обязательства могли бы только презренные ренегаты».

2. Когда разразился Советско-Китайский конфликт, Мясников писал т. Троцкому (28 ноября 1929 года): «Не время спорить (со сталинцами), а время драться (с Чан-Кай-Ши). Драться надо, Лев Давыдович! Надо не только самим, но всем сказать: пойдете против Чан-Кай-Ши и его друзей. Отложим все споры, все раздоры и — в драку». Тов. Троцкий ответил Мясникову по этому вопросу: «Признать, ваше письмоцо ударило меня; вы ставите вопрос об обороне СССР так, как если бы он вообще возник впервые под названием последней стадии советско-китайского конфликта. Между тем оппозиция большевиков-ленинцев дала на этот вопрос категорический ответ, в частности в своей платформе, которая гласит: «кто не обороняет по отношению к СССР, тот безусловный изменник международному пролетариату». Из этого, однако, не вытекает, что, в случае войны, мы должны снять все разногласия. Мы должны драться, как если разногласий не было. Но мы должны сохранить за собой право и во время войны, поднять все спорные вопросы, если того будут требовать интересы революционной победы. Вот почему я считаю одинаково недопустимым отказ от политической деятельности, в качестве оппозиционера, как в мирное время, так и в случае войны. С приветом Л. Троцкий».

3. Не так давно Мясников упорно домогался получить у («капитулянта») Троцкого предисловие к своей брошюре. Вот что, например, он писал т. Троцкому 3 августа прошлого года: «Ваша критика полезна для меня и особенно для пролетариата всего мира. И я не боюсь критики, а наоборот хочу добросовестной, честной, осведомленной критики. А такую критику я могу ждать только от вас». И пр., и пр. Тов. Троцкий отказал в предисловии, не находя возможным создавать видимость политической близости там, где ее нет на деле.

Все это свидетельствует, что Мясникову и его друзьям следовало бы быть, по крайней мере, острожными.

Н. М.

ПОДТВЕРЖДАЙТЕ
ПОЛУЧЕНИЕ БЮЛЛЕТЕНЯ!

8870

Помогайте бюллетеню!

Со страниц прошлых номеров Бюллетеня мы обращались ко всем нашим друзьям с призывом удвоить и удесятерить усилия по обслуживанию Бюллетеня. Мы можем констатировать сегодня, что наше обращение не осталось без ответа. Некоторые успехи достигнуты. Но следящего еще далеко недостаточно. Нужно, чтоб работа по обслуживанию Бюллетеня приняла систематический и упорный характер. Существование Бюллетеня необходимо делу Октябрьской революции. Без широкой помощи Бюллетень существовать не сможет. Мы снова обращаемся за содействием.

Нам нужна ДЕНЕЖНАЯ ПОМОЩЬ.

Нам нужна ИНФОРМАЦИЯ о Советском Союзе.

Нам нужно содействие ПРОНИКНОВЕННИЮ БЮЛЛЕТЕНЯ В СССР.

Почтовый ящик

Г. Тен-ову. — Получили ваше письмо. Часть его печатаем в настоящем номере. Мы очень надеемся, что завязавшаяся связь будет длительной. Прежде всего настоятельно просим вас извещать нас обо всем политически значительном, что доходит до вас. Надеемся, что вы используете ваш связи для всестороннего содействия Бюллетеню. Сердечный привет.

Р. Т. — Вы спрашиваете о состоянии процесса с Шуманом и о том, насколько «достоверен» тот факт, что за спиной Шумана стоит в настоящее время Сталин. Наша информация не оставляет места никаким сомнениям, так как она основана на подлинных документах судебного порядка. В своих письменных заявлениях суду Шуман дал точную календарную схему своих связей с советскими учреж-

дениями. Дело ясно, как на ладони. Перед берлинским судом Шуман процесс потерял. Он возбудил его в Дрездене и перенес во вторую инстанцию. Так как все это связано с расходами, то на этой и построил весь расчет противной стороны. Расходы Шумана покрываются сталинским заказом из пяти томов «государственных актов». Мы не сомневаемся, что документы процесса, в центре которого стоит гнусная книга Керенского, составят в свое время весьма поучительную брошюру. Подарок же Сталин поучал американцев, что коммунист должен быть в своей политической деятельности «чист и прозрачен, как кристалл».

И-ову. — Мы уже отвечали в номере 9 Бюллетеня о весьма двусмысленном литографированном «Бюллетене заграничного бюро оппозиционеров», выходящем в Париже. Ваша ссылка на М. правильна в том смысле, что лично это лицо, конечно, вне подозрений. Но именно М. по характеру своему, как бы создан для попадания в такого рода ловушки.

К-нову. — Вы пишете, что советская печать сообщает о переговорах наших с Брандлером, о предложениях нам со стороны Брандлера и пр., и пр. Вы прибавляете: «наверное врет сталинская информация?». Конечно, врет, и притом бесстыдно. Центристы вместе с правыми душили нас в течение нескольких лет, причем заодно с нами душили и революцию в ряде стран. А теперь пытаются подкинуть нам правых, точно «врагелевского офицера». Не выйдет, ибо у нас теперь почти во всех важнейших странах есть своя собственная печать.

Склады «Бюллетеня Оппозиции»:

Grylewicz, Bruzendorfsstr. 23 II, Berlin-Neukölln.

«The Militant», 25 Third Avenue, New-York

U. S. A.

Le Gérant: MECHLER.

IMPRIMERIE DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE D'ÉDITIONS FRANCO-SLAVES
32, rue de Ménilmontant (20e)

В издательстве „ГРАНИТ“ в Берлине

вышли следующие книги (на русском языке):

Л. Д. Троцкий.

„МОЯ ЖИЗНЬ“ в 2 т.т.

„ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

8671

ДВОЙНОЙ НОМЕР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

JUIN-JUILLET — 1930 — ИЮНЬ-ИЮЛЬ — JUNI-JULI

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

BULLETIN DE L'OPPOSITION (BOLCHEVIKS - LENINISTES)

№ 12-13

Adresser la correspondance à : Meichler, 6, Rue de Milan, Paris 9e.

Письма по адресу:

Цена 6 фр.

Prix 6 fr.

Preis 1 M.

Условия подписки: 40 франков за 12 номеров и 20 франков за 6 номеров

СОДЕРЖАНИЕ:

От Редакции.

К XVI-му Съезду ВКП(б).

Революция в Индии, ее задачи и опасности.

А. Диегельштедт. — Попытка краткого политического обзора за период от XV до XVI съезда.

Альфа. — Заметки журналиста. Знакомство и вред киносъемки. — Вступила ли Франция в период Революции? — Еще о молодом даровании. — За перемены ствечает... «троцкизм». — «Генеральная линия» Яковлева.

Письма из СССР. Избиения в Б.-Уральском издательстве. — Из письма (Москва). — Из Московского письма. — Заявление Каменской колонии большевиков-ленинцев. — К. Письмо из СССР. — Л. Т. Ответ т. К.

Из ссылки пишут. Письма из Москвы, Харькова. Л. Троцкий. — Две концепции (предисловие к «Перманентной революции»).

Н. Марини. — «Сталин и Красная Армия» или как пишется история.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОППОЗИЦИИ.

Л. Троцкий. — Задачи исламских коммунистов.

Л. Троцкий. — Что такое центризм?

Р. Вель. — Руководство Коминтерна опять упустило благоприятный момент.

А. Сенял. — Еврейское рабочее движение во Франции.

Дворни. — О работе оппозиции в Южной Америке.

Н. Ф. — Бюрокрагические подвиги (письмо из Праги).

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы выпускаем настоящий номер двойным. Следующий номер выйдет после промежутка, превышающего месячный, так как мы имеем намерение посвятить его в значительной мере итогам XVI-го съезда ВКП.

Пользуемся случаем, чтобы снова призвать наших друзей-читателей, число которых непрерывно растет, помочь нам обеспечить не только правильный выход Бюллетеня, но и его правильное проникновение в СССР.

Пребывающие за границей советские граждане вынуждены действовать с величайшей осторожностью. Незачем говорить, что Редак-

ция, с своей стороны, со всей необходимой бережностью относится к положению тех своих друзей и единомышленников, которым предстоит возвращение в СССР. Но, при доброй воле и настойчивости, всегда можно найти пути и способы для установления прочной связи без того, чтобы в дело оказался замечен непрошенный глаз.

Бюллетень доказал свою жизнеспособность. Бюллетень служит делу Октябрьской революции. Бюллетень нужен партии. Надо поддерживать его. Надо укрепить его материально и политически. С этим требованием мы обращаемся к читателям-друзьям!

К XVI-му СЪЕЗДУ ВКП (б)

Выход в свет настоящего номера нашего Бюллетеня совпадает приблизительно с XVI-м съездом партии. Каков будет характер съезда, предвидеть не так трудно: для этого достаточно знать, кто его созывает, и как его созывают. Дело идет о созыве сталинской фракцией, опирающейся на ГПУ и армию, через посредство партаппарата и при содействии госаппарата, тщательно подобранного и достаточно запуганного законодательного органа, решения которого во всем основном предписаны заранее, причем выполнение этих решений для сталинской фракции перестанет быть обязательным на следующее утро после окончания съезда. Ни один член партии, который способен наблюдать и думать, не найдет в наших словах преувеличения. Наоборот, они представляют собою наиболее объективное и точное определение того, что есть на самом деле.

Съезд собирается после ислакопительно крутого поворота внутренней жизни страны, который поставил советский режим перед новыми задачами и новыми острыми опасностями. Кажется бы, если съезд партии вообще имеет какой-либо смысл, то это именно смысл съезда партии над политикой ее Центрального Комитета, т. е. высшего руководящего органа между двумя съездами. Между двумя съездами — это значит, в данном случае — в течении двух с половиной лет. И каких лет! Таких, в течении которых все предупреждения и предвиденья разгромленной и оклеветанной оппозиции подтвердились, неожиданно для партии, с поразительной силой и убедительностью. Таких лет, в течении которых оказалось, по утверждению официальной печати, что глава советского правительства, Рыков, «спекулировал на хозяйственных затруднениях советской власти»; что руководитель Коминтерна, Бухарин, оказался «спродвигом либерально-буржуазных влияний»; что с ними в заговоре состоял председатель ВЦСПС, Томский, глава организации, охватывающей весь правящий класс страны. Три названных лица не свалились с неба. Они были членами Центрального Комитета при Ленине, заняли в тогда крайне ответственные посты. У каждого из них два-три десятка лет принадлежности к партии. Ошибались они и поправлялись партией не раз. Каким же это образом их «буржуазно-либеральным» взгляды обнаружались с такой острой внезапностью в период, когда сила диктатуры и социализма так выросли, что позволили руководству ребром поставить вопрос о ликвидации классов и «кратчайший срок?».

Нас интересует, разумеется, не личная сторона вопроса: под личной оболочкой здесь искривляется перед нами весь режим партии, каким он сложился на 13-м году после завое-

вания власти пролетариатом.

Система бюрократизма стала системой непрерывных дворцовых переворотов, при помощи которых она вполне только и может поддерживать. За неделю до того, как раскол в ЦК вырывается наружу, и вчерашние безукоризненные «сленгисты» провозглашаются, — год улюлюканье разнузданной своры молодых прохожих, среди которых, впрочем, немало почтенных старцев, — буржуазным либералами, ренегатами, изменниками и пр., за неделю до этого слух о разногласиях в ЦК объявляется преступной клеветой троцкистской оппозиции. Таков режим! Вернее: такова одна из его наиболее ярких черт.

Сейчас партия вступает в полосу подготовки съезда, вернее подобия подготовки подобия съезда. Казалось бы, в центре предъездных обсуждений должен был бы стоять именно вопрос о политике центрального комитета, о его «генеральной линии», и его внутреннем режиме, и следовательно, о серии дворцовых переворотов, обрушившихся на голову партии в виде сюрпризов, ритом с другими сюрпризами, как «уничтожение классов» в рамках пятилетки. Но именно такое обсуждение запрещено. Да, нацито запрещено.

Что аппарат зорко следит за кулаками или за ее подобием; что он приводит за кулаками в движение все меры, чтобы охранить господство милитаризованной фракции Сталина, вернее сказать, чтоб не вынуждать ее к мерам открытой и повальной репрессии по отношению к партии, в этом, конечно, сомнений не было и не могло быть. Это делалось, но об этом не говорилось. Но сегодня меры насилия над партией поведены в принцип и открыто возвещаются с наиболее авторитетных трибун партии. Это есть бесспорно новое слово, последнее достижение партийного аппарата. Этого не было в период XV-го съезда. С Коссиор, секретарь Украинского ЦК, — не надо его смешивать с т. В. Коссиором, находящимся в ссылке оппозиционером, — дал тон, конечно, не от себя. Харьковская группа сталинцев давно уже играет ударную роль в системе партийного бюрократизма. Чтоб оглушить партию новым словом, которого секретари других мест еще не решаются или стыдятся сказать, поручение дается Харькову: отсюда вышел Мануильский, там работал Каганович, подобно тухлым ибидам, немало Моисеенок, — там теперь привязанный за шейные позвонки к московской телеграфной проволоке, выполняет роль «создателя» вышеозначенный С. Коссиор, который из оппозиционно-го браконьера при Ленине стал бюрократическим жандармом при Сталине. В докладе, перепечатанном всей прессой, Коссиор сообщил,

то в партии находятся столь преступные элементы, которые на закрытом заседании партийных ячеек, при обсуждении политики партии, осмеливаются говорить об ошибках ЦК при проделении колхозной политики. «Надо им дать по рукам», — заявляет Коссиор, и слова его печатают все газеты партии. «Дать по рукам» — в этой шаловливо-подлой формуле заключаются все виды материальных репрессий: исключение из партии, изгнание с работы, лишение семьи, квартиры, ссылка, и, наконец, опороченные путем клеветы через одного из местных Ярославских. Другой член ЦК, Постышев, тоже украинец, публикует в «Правде», под видом статьи, обвинительный акт, сделанный из обрывков рецензий отдельных членов партии, которые опять таки на закрытых заседаниях ячеек осмеливались — осмеливались! — говорить об ошибках ЦК. Вывод тот же, что и у Коссиора: пресечь. И все это накануне съезда, созываемого как будто именно для того, чтоб судить ЦК.

Бюрократический режим благополучно доказался до принципа непогрешимости руководства, который является необходимым дополнением его фактической безответственности. Таково положение на нынешний день.

Эти факты не с неба свалились. Они резюмируют вторую, последнюю главу революции, главу сползания и перерождения. Первый дворцовый переворот, в результате плахиюмерно организованного заговора, был произведен в 1923-24 г., после тщательной подготовки его в те месяцы, когда Ленин боролся со смертью. Шесть членов Политбюро создали за спиной партии конспиративную организацию против сельского члена. Они связали себя круговой порукой дисциплины, они сплелись путем шифрованных телеграмм со сложными доверенными лицами и группами во всех частях страны. Легальным псевдонимом организаторов заговора являлось наименование «старой ленинской гвардии». Объявлено было, что она и только она, является носительницей правильной революционной линии. Не мешает сейчас напомнить личный состав непогрешимого штаба «старой ленинской гвардии» 1923-24 г.г.: Зиновьев, Каменев, Сталин, Рыков, Бухарин, Томский. Из этих шести живых носителей ленинизма два главных идеолога старой гвардии, Зиновьев и Каменев, через два года оказались обличены в «трошкизм», а еще через два года исключены из партии. Три других: Бухарин, Рыков и Томский оказались «буржуазными либералами» и фактически отстранены от всяких дел. Можно не сомневаться, что после съезда они будут ликвидированы и формально. Никакие покаичны тут не помогают. Трещины в бюрократическом аппарате не заделываются никогда: они могут только раздвигаться. Таким образом, из штаба «старой ленинской гвардии» один только Сталин

не попал под колеса аппарата. И не мудрено: он стоит у его рукоятки.

Принцип «непогрешимости» руководства имел на первых порах, т.е. на другой день после первого дерзопота (болезнь Ленина, отстранение Троцкого), в некотором смысле партийно-философский характер: «старая гвардия», всем прошлым своим связанная с Лениным, а в настоящем связанная узлами незыблемой идейной солидарности, способна де обеспечить своей коллективной работой наибольшую безупречность руководства. Такова была доктрина аппаратного режима в тогдашней его стадии. К моменту XV-го съезда непогрешимость из «историко-философского» принципа стала закулисной, практической директивой, открыто не признаваемой, а к XVI-му съезду она превратилась уже в открыто исповедуемый догмат. Хотя из привычки и говорится еще о непогрешимости ЦК, но никому и в голову не приходит при этом мысль о каком-либо устойчивом коллективе, ибо нынешних членов Политбюро никто особенно не берет всерьез, как, впрочем, и они сами себя. Речь идет о Сталине. Это несколько и не скрывается, наоборот, всемерно подчеркивается. 1929-й год был годом его официального коронавания, в качестве непогрешимого и безответственного вождя. Обобщающую формулу нового этапа дал один из перебежчиков: нельзя быть за партию, не будучи за ЦК; нельзя быть за ЦК, не будучи за Сталина. Это есть догмат партийного бонапартизма. Что Пятаков, считавший возможным при Ленине быть за партию, состоя в хронической оппозиции к Ленину, конструирует теперь понятие партии, как плебиситарное окружение Сталина, (кто за — тот в партии, кто — против, тот вне ее) — этот факт сам по себе достаточно характеризует путь, проделанный официальной партией в течении последних семи лет. И не даром же именно о Пятакове, когда он еще в оппозиции являлся донаширал остатка старых идей, сказано было: из таких «бывших людей» Бонапарт некогда делал своих префектов!

Вся история свидетельствует о том, как туго люди обобщают события, в которых они сами участвуют, особенно, если эти события не совпадают с автоматизмом старых, привычных мыслей. От того неглубокие и честные люди нередко искренно впадают в иступление, если просто назвать вслух то, что они делают или то, что при их участии происходит. А происходит бессознательная, автоматическая, но тем более действительная партийная подготовка бонапартизма. Из-под фикции подготовки XVI-го съезда, который созывается по плебиситарному принципу Пятакова: кто за Сталина — тот на съезд, — выступает именно эта угрожающая реальность: автоматическая подготовка бонапартизма.

Никакие негодующие крики и лицемерные вопли насчет того, будто либералы и меньше-

вики говорят «то же самое», не могут остановить нас в высказывании того, что есть, ибо только таким путем можно найти опорные базы и силы для противодействия и отпора опасности. Партия задушена. Партия имеет единственное право: соглашаться со Сталиным. Но это право есть вместе с тем и ее обязанность. Свое проблематическое право партия призвана к тому же осуществлять после промежутка в два с половиной года. И перед новым промежутком... кто его сегодня измерит?

Не только каждый мыслящий рабочий коммунист, но и каждый партийный чиновник, если он не обьярлся и не обманулся в конце, не может не спрашивать себя: почему же это в результате экономического и культурного роста, укрепления диктатуры и социализма, режим в партии становится все более и более тяжелым и невыносимым? Сами аппаратчики не обинуясь признают это в частных беседах, да и как не признавать: подавшее большинство из них являются не только носителями сталинского режима, но и его жертвами.

Одно из двух. Либо строй пролетарской диктатуры пришел в непримиримое противоречие с хозяйственными потребностями страны, и бюрократическое перерождение партийного режима является лишь побочным продуктом этого коренного противоречия. — так считают, так говорят, так хотят надеяться классовые враги, в первую голову меньшевики. Либо же партийный режим, который имеет свою собственную логику и иерархию развития, пришел в острое противоречие с режимом революционной диктатуры, несмотря на то, что последний сохраняет всю свою жизненность и является единственным вообще режимом, способным ограбить Россию от колониальной кабалы, обеспечить развитие ее производительных сил и открыть перед ней широкие социалистические перспективы. Так думаем мы, левая коммунистическая оппозиция. Одно из этих двух объяснений надо принять. Третьего никто не предлагал. А тем временем прогрессирующее перерождение партийного режима требует объяснения.

Режим правящей партии имеет для судеб революционной диктатуры не последнее значение. Разумеется, партия является «надстроечным» фактором. Процессы, которые в ней происходят, сводятся в последнем счете к классовым отношениям, изменяющимся под действием производительных сил. Но взаимоотношение надстроек разного порядка между собою и их отношение с классовым фундаментом имеют чрезвычайно сложный диалектический характер. Режим партии вовсе не является сам по себе автоматическим барометром процессов, происходящих вне партии и от нее независимых.

Незачем напоминать, что мы никогда не были склонны отрицать или преуменьшать зна-

чение объективных причин, оказывающих извне давление на внутренний режим партии. Наоборот, мы их вскрывали не раз. Все они сводятся в последнем счете к изолированному положению Советской республики. В плоскости политической это затянущееся изолированное положение имеет две причины: контр-революционную роль социал-демократии, спасшей капиталистическую Европу после войны и спасающей ныне ее империалистическое господство (роль правительства Макдональда по отношению к Индии); и оппортунистически-авантюристскую политику Коминтерна, являющуюся непосредственной причиной ряда грандиозных поражений пролетариата (Германия, Болгария, Эстония, Китай, Англия...). Результаты ошибок Коминтерна становятся каждый раз причинами дальнейших затруднений, а следовательно и ухудшения режима. Но и предательская социал-демократия — заведомо «объективный» фактор, с точки зрения коммунизма — проходит для нее сравнительно безнаказанно только потому, что покрываются параллельными ошибками коммунистического руководства. Таким образом и «объективные причины», в смысле давления на партию враждебных классовых сил, и очень большой степени, которую нельзя, конечно, определить математически, представляют собой сегодняшний результат вчерашней ложной политики центристской бюрократии.

Если бы систематическое ухудшение режима в течении последних семи лет объяслось автоматическим возрастанием давления враждебных классовых сил, то в этом заключался бы смертельный приговор революции. На самом деле это не так. Помимо давления враждебных сил извне, находящих, к тому же, опору в ложной политике внутри, режим стоит под непосредственным и тяжелым давлением со стороны внутреннего фактора громадной и все растущей силы: именно партийной и государственной бюрократии. Чиновничество превратилось в «самодовлеющую» силу, имеет свои особые материальные интересы, вырабатывает свою систему взглядов, отвечающую его привилегированному положению. Пользуясь средствами и методами, которыми вооружила его диктатура, оно все более подчиняет режим партии не интересам этой диктатуры, а своим собственным интересам, т.е. обеспечению своего привилегированного положения, своей власти, своей безответственности. Разумеется, и это явление выросло из диктатуры. Но оно является производным фактором, которому в самой же диктатуре противодействуют другие факторы. Не диктатура пришла в противоречие с потребностями хозяйственного и культурного развития страны: наоборот, советский режим, не смотря на все ошибки руководства, показал в труднейших условиях, показывает и сейчас, какие в нем заложены неисчерпаемые источники творчества. Но несомненно, что бюрокра-

тическое перерождение аппарата диктатуры подрывает самую диктатуру и, как показали экономические зигзаги последних лет, действительно может привести советский режим в противоречие с хозяйственным развитием страны.

Чиновник ли сест диктатуру или революционной диктатуры класса справится с чиновником? Вот, как стоит сейчас вопрос, от решения которого зависит судьба революции.

Четыре года тому назад сказано было про Сталина, что он выставил свою кандидатуру на пост могильщика партии и революции. С того времени немало воды утекло. Сроки приблизились. Опасности сгустились. И тем не менее мы сейчас дальше, чем когда-либо за последние годы, от пессимистического прогноза. Глубокие процессы происходят в партии, вне ее уставных форм и показных демонстраций. Экономические повороты и зигзаги руководства, неслыханное дерганье всего хозяйственного организма страны, непрекращающаяся цепь дворцовых переворотов, наконец, самая откровенность перехода к бонапартистски-плебисцитарным методам партийного управления, — все это порождает глубокую дифференциацию в самом фундаменте партии, в рабочем авангарде, во всем пролетариате. Не случайно вся официальная печать заполнена сейчас болес, чем когда-либо, воплями против «троцкизма». Передовая статья, фельетон, экономическое обозрение, стихи и прессы, корреспонденция, резолюции — все это снова осуждает уже осужденный, грозит уже разгромленный и хоронит уже похороненный «троцкизм». А в то же время в порядке подготовки к съезду в одной Москве арестовано за последнее время 450 оппозиционеров. Это показывает, что идеи оппозиции живут. Идеи, когда они соответствуют реальному ходу развития, обладают могущественной силой. Об этом свидетельствует вся история большевизма, которую оппозиция продолжает в новых условиях. «Вы не загоните наши идеи в бутылку!» — десятки раз повторяли мы сталинской бюрократии. Сейчас она вынуждена в этом убедиться.

XVI-й съезд не решает ничего. Решается вопрос тем, каковы неисчерпаемые революционные ресурсы пролетариата, какова степень возможной активности его авангарда, который все ближе придвигается к великой проверке. Оппозиция есть авангард этого авангарда. Ценою собственных организационных разгромов она оплачивала ряд своих апелляций к пролетарскому авангарду. История скажет: эта цена не была слишком высока. Оппозиция тем лучше выполняла свою роль, чем яснее, отчетливее и громче представляла свою критику, свое предвиденье, свои предложения. Идеальная непримиримость написана на нашем знамени. Вместе с тем оппозиция никогда, ни на час, ни в теоретической критике, ни в практических действиях не переходила с пути идейного завоевания партии на путь завоевания власти прогнать партия. Бонапартистам, которые пытались нам подкинуть планы гражданской войны, мы неизменно отшвыривали их провокацию в лицо. Оба эти руководящих начала деятельности оппозиции остаются в силе и сейчас. Мы стоим сегодня, как стояли до сих пор, на пути реформы. Мы стремимся помочь пролетарскому ядру партии реформировать режим в борьбе против плебисцитарно-бонапартистской бюрократии. Наша цель: упрочение пролетарской диктатуры в СССР, как важнейшего фактора международной социалистической революции.

Оппозиция проверила себя в событиях исключительной важности и в вопросах необычайной сложности. Оппозиция стала международным фактором, и, как международный фактор, она непрерывно растет. Вот почему мы дальше от пессимизма, чем когда бы то ни было. XVI-й съезд будет решать разные вопросы, но он не разрешит вопроса. Мы внимательно будем слушаться в речи делегатов съезда и вчитываться в его решения. Но уже сейчас мы через голову 16-го съезда глядим вперед. Наша политика остается политикой дальнего прицела.

31-ое мая 1930 г.

Революция в Индии, ее задачи и опасности

Индия является классической колониальной страной, как Англия — классической метрополией. Вся подлость господствующих классов «цивилизированных» наций и все пылы угнетения, которые капитализм обрушил на отсталые народы Востока, полнее и страшнее всего резюмируются в истории гигантской колонии, которую в течение полутора столетий дунит и высасывает великобританский спрут. Английская буржуазия с величайшей заботливостью поддерживает в Индии все пережитки

азиатского варварства, все средневековые учреждения, которые сложились для угнетения человека человеком. Она заставила только своих крепостнических контр-агентов приспособиться к колониально-капиталистической эксплуатации, стать ее звеньями, ее органами и ее прикрытием от масс. Английские империалисты кичатся своими железными дорогами, каналами и промышленными предприятиями в Индии, в которые они вложили около 8-ми миллиардов золотых рублей. Аподегеты империа-

лизма победоносно сравнивают внешнюю Индию с той, какой она была накануне колониального закабаления. Но можно ли хоть на минуту сомневаться в том, что одаренный изрод в 320 миллионов душ развивался бы неизмеримо быстрее и успешнее, если бы он не был объектом систематически организованного грабежа? Достаточно напомнить, что 8 миллиардов английского капитала в Индии представляют собой сумму добычи, которую Англия извлекает из Индии за каких-нибудь 5-6 лет!

Отпуская Индии технику и культуру в строго-рассчитанных дозах, ровно столько, чтоб сделать возможным расхищение богатств страны, Шейлок на Темзе не мог, однако, предотвратить того, что идеи экономического прогресса, национальной самостоятельности и свободы стали захватывать все более широкие массы народов Индии.

Как и в более старых буржуазных странах, многочисленные народы Индии становятся нацией только через революцию, которая все более связывает их политически во-едино. Но, в отличие от старых стран, эта революция является колониальной, т.е. направлена против чужеземных поработителей. Кроме того эта революция исторически заимела в Индии, в которой, при наличии феодально-крепостнических, кастовых и даже рабских отношений, чрезвычайно далеко продвинулся вперед классовый антагонизм пролетариата и буржуазии.

Колониальный характер индийской революции, направленной против могущественнейшего поработителя, маскирует до некоторой степени внутренние социальные антагонизмы, особенно в глазах тех, которым такая маскировка выгодна. На самом же деле необходимость опрокинуть могущественную систему империалистского угнетения, которая всеми корнями переплетается со старо-индийской эксплуатацией, требует величайшего революционного напряжения со стороны индийских народных масс и тем самым обеспечивает заранее гигантский размах классовой борьбы. Британский империализм позиций своих добровольно не сдаст. Постыдно вилля хвостом перед Америкой, он весь остаток своей энергии и всю свою злобу направит на непокорную Индию. Какой поучительный исторический урок заключается в том, что индийская революция, даже на внешней своей стадии, когда она еще не вырвалась из под вероломного руководства национальной буржуазии, подвергается разгрому со стороны «социалистического» правит.лства Макдональда. Кровавые репрессии наемных негодяев 2-го Интернационала, обещающих «мирно» осуществить социализм у себя дома, представляют собою пока еще тот небольшой «залаток», который британский империализм вносит сегодня в счет своей будущей расплаты с индийской революцией. Славяные пацифистские рассуждения социал-демократов о возможности примирения интересов буржуазной

Англии и демократической Индии, являются необходимым дополнением кровавых репрессий Макдональда, который, конечно, готов, между двумя подвигами палачества, создать 101-ю и 1001-ю примирительную или согласительную комиссию. Британская буржуазия слишком хорошо понимает, что потеря Индии означала бы для нее не только крушение уже достаточно подгнившего мирового могущества, но и социальную катастрофу в самой метрополии. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Все силы будут приведены в движение. Это значит, что революции придется мобилизовать непримиримую энергию и подспудные социальные страсти наиболее угнетенных и придавленных классов, слоев и каст.

Миллионные массы уже начали приходить в движение. Они обнаружили свою пока полуслепую силу уже настолько, что вынудили национальную буржуазию выйти из пассивности и попытаться овладеть движением, чтоб обломать лезвие революционного меча. Пассивное сопротивление Ганди есть тот тактический узел, в котором наивность и самоотверженная слепота разобщенных и распыленных мелко-буржуазных и крестьянских масс связывается с вероломным маневрированием либеральной буржуазии. Тот факт, что председатель индусского Законодательного Соборания, т.е. официального органа сделок с империализмом, покинул свой пост, чтоб стать во главе движения за бойкот английских товаров, имеет глубоко символический характер. «Мы вам докажем, — говорит национальная буржуазия господам на Темзе, — что мы для вас необходимы, что без нас вы не сможете укротить массы, но за это мы вам предлим свой счет». В ответ Макдональд сажает Ганди в тюрьму. Возможно, что лакей идет дальше намерений господина, усердствуя не по разуму, чтоб оправдать его доверие. Возможно, что консерваторы, серьезные и опытные империалисты, на данной стадии не зашли бы вообще так далеко в деле репрессий. Но с другой стороны, национальные вожди пассивной оппозиции сами нуждаются в репрессиях для поддержания своей достаточно потрепанной репутации. Эту услугу им оказывает Макдональд. Расстреливая рабочих и крестьян, он арестует Ганди с таким избытком предупредительности, с каким русское Временное правительство арестовывало Корниловых и Деникиных, т.е. временно огорчиших его друзей.

Если индийская империя является составным элементом внутреннего господства британской буржуазии, то, с другой стороны, империалистское господство британского капитала над Индией является составным элементом внутреннего строя Индии. Вопрос ни в малейшей мере не сводится к тому, чтоб изгнать несколько десятков или сот тысяч иностранных поработителей. Их нельзя отделять от внутренних поработителей, и эти последние тем меньше за-

хотят от них отделяться, чем могущественнее будет становиться натиск трудящихся масс. Как в России, ликвидация царизма, вместе с его задолженностью мировому финансовому капиталу, оказалась возможной только потому, что для крестьянства низвержение монархии неотвратимо выросло из низвержения помещичьего землевладения, так и в Индии борьба с империалистским угнетателем вырастает для неисчислимых масс поработанного и полунисшего крестьянства из необходимости ликвидации земельных феодалов, их агентов, посредников, чиновников и ростовщиков. Индийский крестьянин хочет «справедливого» распределения земли. Это есть основа его демократизма. И это вместе с тем социальная основа демократической революции в целом.

На первых стадиях своей борьбы темное, опытное и разобщенное крестьянство, которое отдельными селами противопоставляет отдельным представителям враждебного режима, всегда прибегает к пассивному сопротивлению: не платит аренды, не платит налогов, уходит в лес или в степь от рекрутчины и пр. Толстовские формулы пассивного сопротивления были в этом смысле формулами первых стадий революционного пробуждения крестьянских масс. Ганди делает то же самое по отношению к народным массам Индии. Чем «искреннее» он сам, тем выгоднее он для собственников, как оружие дисциплинирования народных масс. Поддержка со стороны буржуазии «мирного» сопротивления империализму есть только предпосылка ее кровавого сопротивления революционным массам.

От пассивных форм борьбы крестьянство не раз в истории переходило к самой жестокой и кровавой войне против посредственных своих врагов: помещика, чиновника, ростовщика. Такими крестьянскими войнами полны средние века Европы; но они же полны беспощадными разгромами крестьянских войн. Как пассивное сопротивление крестьянства, так и его кровавые восстания могут превратиться в революцию лишь под руководством городского класса, становящегося тем самым пождем революционной нации, а после победы — носителем революционной власти. Таким классом может быть в нынешнюю эпоху и на Востоке только пролетариат.

Правда, индусский пролетариат занимает в составе населения еще меньшее численное место, чем занимал русский пролетариат накануне 1905, как и накануне 1917 года. Эта сравнительная малочисленность пролетариата была главным аргументом всех филистеров, всех Мартыновых, всех меньшевиков, против перспектив перманентной революции. Они считали совершенно фантастической самую мысль о том, что русский пролетариат, отложив буржуазно-крестьянскую, овладеет аграрной буржуазией и крестьянством, выйдет ей смелый размах и поднимется на ее волне к революционной дик-

татуре. Зато они считали вполне реальной надеждой на то, что либеральная буржуазия, опираясь на народные массы города и деревни, доведет демократическую революцию до конца. Но оказалось, что голая социальная статистика населения еще далеко не измеряет ни экономической, ни политической роли отдельных классов. Октябрьская революция очень убедительно и раз навсегда доказала это на опыте.

Если индусский пролетариат сегодня численно слабее русского, то это само по себе еще отнюдь не предрешает меньший размах его революционных возможностей, как численная слабость русского пролетариата, по сравнению с американским, или английским, не оказалась препятствием для диктатуры пролетариата в России. Наоборот, все те социальные особенности, которые сделали возможной и неизбежной Октябрьскую революцию, в еще более резкой форме имеются наяву в Индии. В этой стране пауперов-крестьян гегемония города имеет не менее ярко-выраженный характер, чем в царской России. Концентрация промышленной, торговой и банковской силы в руках крупной буржуазии, главным образом иностранной, с одной стороны; быстрое возникновение резко-выраженного современного пролетариата, с другой, исключают возможность самостоятельной роли городской мелкой буржуазии и, в частности, интеллигенции, и превращают тем самым политическую механику революции в борьбу пролетариата с буржуазией за руководство крестьянскими массами. Пока что не хватает «столько» одного единственного условия: большевистской партии. И в этом сейчас весь вопрос.

Мы были свидетелями того, как руководство Сталина и Бухарина проводило меньшевистскую концепцию демократической революции в Китае. Вооруженное могущественным аппаратом, оно имело возможность применить меньшевистские формулы на деле и тем самым оказалось вынуждено доводить их до конца. Чтоб лучше обеспечить руководящую роль буржуазии в буржуазной революции (это есть основная идея русского меньшевизма), сталинская бюрократия превратила молодую коммунистическую партию Китая в подчиненную часть национально-буржуазной партии, причем по статуту, официально согласованному между Сталиным и Чан-Кай-Ши (через посредство нынешнего наркомпросса Бубнова), коммунисты не имели права занимать в Гоминдане более 1/3 должностей. Партия пролетариата вступала, таким образом, в революцию в качестве официальной плешины буржуазии, с благословения Коминтерна. Результат известен: сталинская бюрократия зарезала китайскую революцию. В истории не было еще, пожалуй, политического преступления, равного этому по размаху.

Для Индии, как и для всех вообще стран Востока, Сталин выдвинул в 1924 году, одностре-

менно с реакционной идеей социализма в отдаленной стране, не менее реакционную идею «двух-составной рабоче-крестьянской партии». Это была лишь формулировка того же отказа от самостоятельной политики и самостоятельной партии пролетариата. Несчастный Рой стал с того времени «апостолом» над-классовой и сверх-классовой «народной», или «демократической» партии. История марксизма, развитие XIX-го столетия, опыт трех русских революций, — все, все прошло для этих господ бесследно. Они не поняли до сих пор, что «рабоче-крестьянская партия» мыслима только в форме Гоминдана; т.-е. в форме буржуазной партии, ведущей за собой рабочих и крестьян, чтобы затем предать и растоптать их. Другого типа надклассовой или междуклассовой партии история не выдумала. Недаром же Рой был агентом Сталина в Китае; пророком борьбы с «троцкизмом»; проводником мартиновского «блока четырех классов», чтобы после неизбежного поражения китайской революции стать ритуальным козлом отпущения за преступления сталинской бюрократии.

Шесть лет ушло в Индии на расслабляющие и деморализующие эксперименты по осуществлению сталинского рецепта двухсоставной рабоче-крестьянской партии. Результат налицо: бессильные провинциальные рабоче-крестьянские «партии» шатаются, спотыкаются или просто тают и сходят на-нет как раз в тот момент, когда они должны бы действовать, т.-е. в момент революционного кризиса. Пролетарской же партии нет, ее долгие предстоит создавать в огне событий, причисл предвзвительно еще приходится убирать мусор, нагроможденный рукою бюрократией. Таково положение! Начиная с 1924 года руководство Коминтерна сделало в Индии все, что можно было сделать, чтобы обессилить индусский пролетариат, ослабить волю его авангарда и подрезать ему крылья.

Пока Рой и другие сталинские выученики тратили драгоценные годы, чтоб выработать «демократическую» программу для сверх-классовой партии, национальная буржуазия, как нельзя лучше использовала эту возню, чтобы овладеть профессиональными союзами. Если не по политической линии, то по профессиональной Гоминдан осуществлен в Индии, с той разницей, правда, что творцы его успели тем временем испугаться дела рук своих и отскочить в сторону, предав поруганию «исполнителей».

На этот раз центристы отскочили, как известно, в «левую» сторону. Но от этого не стало лучше. Официальная позиция Коминтерна в вопросах индийской революции представляет собою сейчас такой позорный клубок путаницы, который как бы специально рассчитан на то, чтобы свести к толку и довести до отчаяния пролетарский авангард. По крайней мере, наполовину это происходит потому, что руко-

водство стремится сознательно и злобно замаскировать свои вчерашние ошибки. Вторую половину путаницы надо отнести на счет роковой природы центризма.

Мы имеем сейчас в виду не программу Коминтерна, которая отводит колониальной буржуазии революционную роль, полностью оправдывая построения Брандлера и Роя, которые ныне донашивают мартиновско-сталинский кафтан. Мы не говорим также и о бесчисленных изданиях сталинских «Вопросов ленинизма», где на всех языках рабоче-крестьянскую проповедь двух-составных партия-демократической партии, мы ограничиваемся нынешней, сегодняшней, самоповешней постановкой вопроса, соответствующей «третьему периоду» ошибок Коминтерна на Востоке.

Центральным лозунгом сталинцев для Индии, как и для Китая, остается демократическая диктатура рабочих и крестьян. Никто не знает, никто не разъясняет, ибо никто не понимает, что означает эта формула ныне, в 1930 году, после опыта последних 15-ти лет. Чем демократическая диктатура рабочих и крестьян должна отличаться от диктатуры Гоминдана, который резал рабочих и крестьян? Мануильские и Куусинены ответят, пожалуй, что теперь у них речь идет о диктатуре трех классов (рабочие, крестьяне и городская мелкая буржуазия), а не четырех, как это было в Китае где Сталин столь счастливо прилеп к блоку своего союзника Чан-Кай-Ши.

Если так, отвечаем мы, то погрудитесь обчислить нам, почему же вы в Индии отрекаетесь от национальной буржуазии, т.-е. от того союзника, за неприятие которого в Китае вы исключали большевиков из партии и сажали их в тюрьму? Китай есть полуколониальная страна, в Китае нет могущественного сословия феодалов и феодальных агентов. Индия же есть классическая колониальная страна с могущественным наследием кастово-феодалного строя. Если революционную роль китайской буржуазии Мартинов и Сталин выводили из наличия в Китае иностранного гнета и крепостнических пережитков, то для Индии каждая из этих причин должна иметь двойную силу. Это значит, что индийская буржуазия, на строгайшем основании программы Коминтерна, имеет неизмеримо больше прав требовать своего включения в сталинский блок, чем китайская буржуазия, с ее незабвенным Чан-Кай-Ши и «верным» Ван-Тши-Всем. А если это не так; если, несмотря на гнет британского империализма и на все наследство средневековья, индийская буржуазия способна лишь на контр-революционную, а не на революционную роль, — тогда осудите беспощадно вашу предательскую политику в Китае и исправьте немедленно вашу программу, в которой эта политика оказалась трусливыми, но злокачественными следами!

Но этим вопрос не исчерпывается. Если вы строите в Индии блок без буржуазии и про-

тив буржуазии, то кто будет им руководить? Манушьские и Куусинены ответят, пожалуй, со свойственным им благородным возмущением: конечно, пролетариат! Хорошо, отвечаем им, весьма похвально. Но если индийская революция будет развертываться на основе союза рабочих, крестьян и мелкого люда городов; если этот союз будет направлен не только против империализма, феодализма, но и против связанной с ними во всем основном национальной буржуазии; если во главе союза будет стоять пролетариат; если этот союз может прийти к победе, только сметая врагов путем вооруженного восстания и тем поднимая пролетариат до роли подлинного обще-национального вождя,—то спрашивается: в чьих же руках будет власть после победы, если не в руках пролетариата? Что же означает, в таком случае, демократическая диктатура рабочих и крестьян в отличие от диктатуры пролетариата, руководящего крестьянством? Другими словами: чем гипотетическая диктатура рабочих и крестьян будет, по своему типу, отличаться от реальной диктатуры, которую установила Октябрьская революция?

На этот вопрос ответа нет. На этот вопрос ответа не может быть. Ходом исторического развития формула «демократической диктатуры» стала не только пустой фикцией, но вероломной ловушкой для пролетариата. Хорош лозунг, который допускает возможность двух диаметрально противоположных толкований: в смысле диктатуры Гоминдана и в смысле Октябрьской диктатуры! Ничего среднего между ними не может быть. В Китае сталинцы истолковали демократическую диктатуру дважды, как диктатуру Гоминдана, сперва правого, потом левого. Как же они истолковывают ее для Индии? Они молчат. Они вынуждены молчать из страха раскрыть глаза своим сторонникам на свои преступления. Этот заговор молчания есть фактически заговор против индийской революции. И вся нынешняя крайне-левая шумиха не улучшает положения ни на волос, ибо победы революции обеспечиваются не шумом и треском, а политической ясностью.

Но и на сказанном еще не кончается клубок путаницы. Нет, тут как раз в него влетают новые нити. Придавая революции абстрактно-

демократический характер и разрешая ей прийти к диктатуре пролетариата только после того, как будет установлена некая мистическая или мистификаторская «демократическая диктатура», наши стратеги отбрасывают в то же время центральный политический лозунг всякого революционно-демократического движения, именно лозунг Учредительного Собрания. Почему? На каком основании? Совершенно непонятно! Демократическая революция означает для мужика равенство, — прежде всего равенство в распределении земли. На это опирается равенство прав. Учредительное Собрание, где формально представители всего народа сходят счеты с прошлым, а фактически классы сходят счеты друг с другом, является естественным и неизбежным обобщением демократических задач революции не только в сознании пробуждающихся масс крестьянства, но и в сознании самого рабочего класса. Об этом мы с достаточной полнотой говорили по отношению к Китаю и не видим здесь надобности повторяться. Прибавим только, что провинциальная пестрота Индии, разнообразие государственных форм и их не менее разнообразный переплет с феодально-кастовыми отношениями насыщают лозунг Учредительного Собрания в Индии особо глубоким революционно-демократическим содержанием.

Теоретиком индийской революции в ВКП является ныне Сафаров, который ценою счастливой капитуляции перенес свою предельную деятельность в лагерь центразма. В программной статье «Большевик» — о силах и задачах революции в Индии Сафаров осторожно обходит вопрос об Учредительном Собрании, подобно тому, как опытная мышь обходит кусточек сыра на крючке: сей социолог ни за что не хочет попасться вторично в «трошкнстскую» мышеловку. Разрешая проблему без больших церемоний, он Учредительному Собранию противопоставляет такую перспективу:

«Развитие нового революционного подъема на базе (1) борьбы за пролетарскую гегемонию приводит к выводу (кого? как? почему? — Ред.), что диктатура пролетариата и крестьянства в Индии может осуществиться лишь в советской форме». («Большевик», 1930, том 5, стр. 100).

Замечательные строки! Мартынов, помноженный на Сафарова. Мартынова мы знаем, а про Сафарова Ленин говорил не без нежности: «Сафарчик налезает, Сафарчик углубит». Приведенная выше сафаровская перспектива не опровергает этой характеристики. Сафаров изрядно налезал и, признаюсь, не нарушил и второй половины ленинской формулы. Начать с того, что у него революционный подъем народных масс развивается «на базе» борьбы коммунистов за пролетарскую гегемонию. Весь процесс опрокинут на голову. Нам же думается, что пролетарский авангард приступает,

Нынешняя официальная борьба с бюрократизмом, не опирающаяся на классовую активность трудящихся и пытающаяся заместить ее усилиями самого аппарата, не даст и не может давать существенных результатов, а ее многочисленные случаи даже содействуют усилению бюрократизма.

Платформа Бол.-Ленинц. (Опоз.)
к 15 съезду ВКП(б) (1927 г.)

или собирается присутствовать, или должен присутствовать к борьбе за гегемонию на базе нового революционного под'ема. Перспективой борьбы является, по Сафарову, диктатура пролетариата и крестьянства. Здесь для левизны откинута слово «демократическая», но не сказано прямо, что это за «двух-составная» диктатура: гоминдановского или октябрьского типа? Зато честным словом заверено, что эта диктатура может осуществиться «лишь в советской форме». Это звучит очень гордо! К чему лозунг Учредительного Собрания? Сафаров согласен мириться лишь на советской «форме».

Сущность эпитонства — его презренная и злокачественная сущность — состоит в том, что от реальных процессов прошлого и его уроков оно отвлекает лишь голую форму и превращает ее в фетиш. Так произошло с Советами. Ничего не говоря нам о классовом характере диктатуры, — диктатура буржуазии над пролетариатом, как в Гоминдане, или диктатура пролетариата над буржуазией, как в Октябре? — Сафаров утешает кого-то, а главным образом себя, советской формой диктатуры. Как будто Советы не могут быть орудием обмана рабочих и крестьян! Чем другим были меньшевистско-эсеровские советы 1917 года? Ничем, ничем, кроме как орудием поддержки власти буржуазии и подготовки ее диктатуры. Чем были социал-демократические Советы в Германии и в Австрии в 1918-1919 годах? Организи спасения буржуазии и обмана рабочих. При дальнейшем развитии революционного движения в Индии, при большем размахе массовых боев и при слабости коммунистической партии, — а последнее неизбежно при господстве сафаровской путаницы в головах, — индусская национальная буржуазия может сама строить рабоче-крестьянские Советы, чтоб руководить ими, как она руководит сейчас профессиональными союзами, и чтобы таким путем зарезать революцию, как зарезала германская социал-демократия, возглавившая Советы. В том-то и состоит вероломный характер лозунга демократической диктатуры, что он не закрывает прагам наглухо и раз навсегда такую возможность.

У индийской коммунистической партии, возникновение которой задержали на шесть лет — и каких лет! — отнимают теперь, в условиях революционно-демократического под'ема, одно из важнейших орудий мобилизации масс, именно лозунг демократического Учредительного Собрания. Взамен этого молодой партии, не сделавшей еще и первых шагов, подсовывают абстрактный лозунг Советов, как форму абстрактной диктатуры, т.-е. диктатуры неизвестно какого класса. Понятно, апофеоз путаницы! И все это сопровождается, по обыкновению, отвратительным подкрашиванием и подсахариванием пока еще очень тяжелой и отнюдь не сладкой обстановки.

Официальная печать, в частности, тот же Са-

фаров, изображает дело так, будто буржуазный национализм в Индии есть уже труп; будто коммунизм не то встал, не то становится во главе пролетариата, который, в свою очередь, уже почти ведет за собой крестьянство. Руководители и их социологи самым бессовестным образом выдают желаемое за сущее. Вернее сказать, выдают то, что могло бы быть при правильной политике в течении последних шести лет, за то, что сложилось на самом деле в результате ложной политики. Когда же несомненные вымыслы и действительности обнаружатся, обвинены будут индийские коммунисты, в качестве плохих исполнителей генеральной несостоятельности, выдаваемой за генеральную линию.

Авангард индийского пролетариата стоит еще только у порога своих великих задач. Впереди длинный путь. Ряд поражений явится расплатой не только за общую отсталость пролетариата и крестьянства, но и за грехи руководства. Главная задача сейчас — в ясной марксистской концепции движущих сил революции, в правильной перспективе, в дальновзоркой политике, которая отбрасывает трафареты, шаблоны, бюрократические прописки, но зато в осуществлении великих революционных задач чутко реагирует по реальным этапам политического пробуждения и революционного роста рабского класса.

30-ое мая 1930 г.

Пролетарский путь выражен в следующих словах Ленина: «Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченным лишь тогда, когда пролетарская идеология овладеет, окончательно, подавляющее сопротивление эксплуататоров и обеспечит себе совершенно устойчивую и полное подчинение, реорганизуем всю промышленность на началах крупного коллективного производства и повсюду (на электрификации всего земледельца основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой государством отсталой и расселенной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельского-хозяйственного труда, побуждала тем мелких земледельцев силой примера и их собственной выгодой переходить к крупному коллективному, машинному земледелию». (Резолюция 2-го Конгресса Коминтерна).

Платформа Бол.-Ленини. (Опоз.)
к 15 съезду ВКП(б) (1927 г.)

Попытка краткого политического обзора за период от XV до XVI съезда

К XVI-му съезду ВКП(б)

ОТ РЕДАКЦИИ. — Печатаемая ниже статья т. Дингельштедта не является законченной работой. Рукопись нами получена, к сожалению, в третьей или четвертой копии, с неизбежными в таких случаях опечатками и искажениями: ведь несмотря на то, что марксизм все еще продолжает считаться официальной доктриной советского государства, подлинно марксистские работы, поскольку они посвящены актуальным вопросам, ведут в СССР, увы, легальное существование и распространяются в виде рукописей.

Как мы уже писали (см. № 6), автор статьи тов. Ф. Дингельштедт, член партии с 1910 года, один из немногих «красных профессоров» с революционным прошлым и с глубокой враждебностью к тому духу «сего изволите», который пропитан в огромной своей части этот «мало-почтенный корпус. Перу т. Дингельштедта принадлежит работа об аграрных отношениях Индии, написанная им в Британском Музее во время научной командировки (Ф. Дингельштедт, «Аграрный вопрос в Индии». Прибой 1928).

К левой коммунистической оппозиции т. Дингельштедт принадлежит со дня ее возникновения. Отстраненный в свое время аппаратом от активной партийной работы, Ф. Дингельштедт состоял в течение нескольких лет ректором ленинградского Лесного Института. Во время большой ликвидации левого крыла партии тов. Дингельштедт был арестован и отправлен в ссылку, где с того времени и пребывает (г. Каменск, Сибирь).

Товарищ, приславший нам рукопись, сообщает, что по его сведениям дело идет о черновике обращения к XVI-му съезду ВКП. Из самой рукописи это не вытекает с полной ясностью. Ввиду обширных размеров работы, вернее, той ее части, которая дошла до нас, мы вынуждены печатать ее в извлечениях. Ответственность за то, что мы пользуемся черновиком без согласия автора, мы вынуждены взять на себя: интересы дела выше формальных соображений. Мы не сомневаемся, что читатели согласятся с нами, ознакомившись с ценной работой тов. Дингельштедта.

Приближающийся созыв XVI-го съезда заставляет вплотную заняться подведением итогов периоду, истекшему со времени XV-го съезда, с точки зрения проверки правоты официальной линии паргрукводства.

Оправдали ли события последних двух с половиной лет политику руководства, или, наоборот, выяснилась правильность взглядов оппозиции? Следовало ли, с точки зрения правильно понимаемых интересов пролетариата, изгнать из рядов партии сторонников оппозиции, отправлять их в ссылку, держать в изоляторах, заставлять путем репрессий отречься от своих взглядов?

Обращаясь к партии по поводу XVI-го съезда, оппозиция не может обойти все те вопросы, которые служили предметом разногласий и на которые требуется ответ, добросовестно анализирующий опыт последних лет. На некоторые из этих вопросов я ниже пытаюсь дать ответ, отнюдь не собираясь исчерпать всю сложность этой задачи, ибо, находясь в отдаленной ссылке и не имея почти никаких материалов, кроме газет, я лишен во многих случаях возможности подвергнуть отдельные вопросы тому всестороннему изучению, которого они заслуживают.

1. Проблема индустриализации

Начавшиеся еще задолго до XV-го съезда разногласия между руководством и оппозицией включались в различном отношении к вопросу о необходимом темпе индустриализации и о методах его осуществления. Правильная

установка в этом вопросе должна сводиться к тому, что индустриализация проводится таким темпом, который в данных условиях наилучшим способом обеспечивал бы продвижение к социализму при постоянном улучшении положения рабочего класса и при сохранении союза с основными массами крестьянства.

К моменту XV-го съезда мы имели, по мнению оппозиции, такую обстановку, которая свидетельствовала о недостаточно быстром темпе индустриализации и угрожала стране тяжелым хозяйственным кризисом — товарным голодом, хлебными затруднениями, общим нарушением рыночного равновесия, сокращением экспорта и вообще значительным ухудшением экономики, неизбежно ведущим к пониженно благосостояния рабочих масс и к подрыву нормальных отношений с крестьянством.

В противовес этому, вожди большинства ЦК и руководители официальной хозяйственной политики утверждали, что товарный голод изживается, «обеспечивая спокойные темпы дальнейшего хозяйственного развития», что хлебозаготовки будут протекать более «равномерно», чем в прошлые годы, и т. д.

Общественное мнение партии убаюкивалось успокоительными обещаниями «бескризисного развития». Внимание собравшегося XV съезда отвлекли расправой с оппозицией. Тем неожиданно обрушился на голову партии тот грозный кризис, который уже в январе 28 года поставил рабочий класс перед лицом надвигающегося голода.

Первые робкие выводы руководящей фракции, принявшейся за обдумывание положения, несколько приблизились к пониманию сущности кризиса. Главное значение приписывалось тому обстоятельству, что «увеличение доходов крестьянства при относительном отставании предложения промтоваров дало возможность крестьянству вообще, кулаку в особенности, удержать у себя хлебные продукты для того, чтобы поднять на них цены». Известная резолюция апрельского пленума 1928 года глубже развивала эти основные положения, говоря об обострении диспропорции в рыночных отношениях, о необходимости повышения налогового обложения зажиточных слоев деревни и т. д., но еще не пытаясь коснуться главного вопроса о недостаточности проводившихся капитальных вложений в промышленность. Лишь в своем докладе об апрельском пленуме Сталин вскользь задел эту тему, указав, что основной причиной хозяйственных затруднений является слабый темп индустриализации, но не сделал из этого никаких практических выводов. Июньский пленум, как известно, не прибавил к выводам апрельского пленума ничего.¹⁾ Основные резолюции пленумов писались Рыковым и Бухариным, а ведь согласно авторитетному заявлению Сталина (на ноябрьском пленуме) в Политбюро царил полное единство.

Спор по вопросу о темпе индустриализации имеет очень большую историю. Точка зрения оппозиции нашла себе наиболее полное для своего времени освещение в речи т. Троцкого на XV-ой конференции партии в 1926 году. Он тогда особенно настойчиво указывал, что считает опасным происходящее отставание госпромышленности, которое бьет по сельскому хозяйству и задерживает его развитие. «Ускорение индустриализации, — говорил он, — в частности, путем более высокого обложения кулака, даст большую товарную массу, которая понизит рыночные цены, и это выгодно, как для рабочих, так и для большинства крестьянства». Популярное разъяснение этого основного лозунга оппозиции т. Троцкий давал в своем известном афоризме: «лицом к деревне — не значит спиной к промышленности, а это значит промышленностью к деревне, ибо «лицом» государства, не обладающего промышленностью, само по себе деревне не нужно».

Вот как, в противовес этому, поучал партию Бухарин: «вопрос о распределении вложений между тяжелой индустрией и легкой промышленностью по разному решается нами и сторонниками оппозиции: мы считаем, что формула, которая говорит — максимум вложений в тяжелую индустрию является не совсем правильной или, вернее, совсем неправильной» (из

1) Июньский пленум 1928 г. дал отбой по вопросу о хлебозаготовках, осудив, как водится, перягибы исполнителей. — Ред.

доклада на собрании Ленинградского актива 26 октября 1927 г.): «Что же касается «отставания» промышленности, — писал он в дискуссионном листке «Правды» против контрреволюционной оппозиции, — то над этим смеются даже воробьи, не то что взрослые рабочие». Ему вторили на разные голоса «молодые» из бухаринской школы. «Мы не можем ухлопывать все средства на развитие тяжелой индустрии, — вещал Стецкий, — крестьянин нуждается в предметах потребления». «Утверждение оппозиции об отставании промышленности, — заявлял Гольденберг, — находится в кричащем противоречии с фактами столь же общезвестными, сколь и бесспорными». Сам генсек Сталин громил «фантастические планы», доказывая, что индустрия не должна «забегать вперед, отрываясь от сельского хозяйства и отвлекаясь от темпа накопления в нашей стране» (см. хотя бы его доклад: «О хозяйственном положении Советского Союза», ПИЗ, 1926, стр. 15). Резолюция съездов, конференций и пленумов ЦК покорно повторяли близорукую формулировку бухаринской школы. Директивы XIV-го съезда сводились к тому, чтобы «равноразвивать нашу социалистическую промышленность... в строгом соответствии с емкостью рынка». А XV-й съезд предупреждал об «опасности слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство».

Даже после кулацкой хлебной стачки, несмотря на усиленный нажим со стороны пролетарского сектора партии, несмотря на вынужденное объявление борьбы с правой опасностью, руководство оставалось на старых позициях XIV-XV съездов. Так, например, ноябрьский пленум 1928 года исходя из неонароднического тезиса, что «сельское хозяйство есть база промышленности», находило причину «относительного недопроизводства готовых товаров, не покрывающего быстро растущего платежеспособного спроса», в крупных капитальных вложениях и исполняя решение XV-го съезда об «опасности слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство», предлагал даже пересмотреть некоторые цифры капитальных вложений «с целью сокращения соответствующих бюджетных ассигнований».

Однако, и под градом суровых репрессий, обрушивавшихся на оппозицию, пролетариат понимал все же опасность, угрожающую делу революции. Обесценившая гнетущим нажимом, парализовавшая на предприятиях и в ячейках, рабочая масса не в состоянии была радикально исправить положение путем проведения реформы режима и руководства. И тем не менее давлением своих заглушенных, но все же явственных требований пролетариат добивался отдельных уступок со стороны самоудовлетворяющего аппарата, опасавшегося дальнейшего роста недовольства масс, предвидевшего возможность взрыва, могущего переменить соотношение

сил в партии в пользу преследуемой оппозиции. Это предопределило приспособку сползания центристов вправо, разрыв их блока с правыми термидорианцами и, хотя робкий и нерешительный, но все же переход на «левые» позиции, сопровождаемый нередко ультра-левыми вывертами. (В обстановке фактически отсутствующей рабочей демократии всякое жизненно-необходимое мероприятие, диктуемое волей и интересами пролетариата, проводится в обезображенной, искаженной форме, иной раз приносящей больше вреда, чем пользы).

Еще в феврале 1928 года одна из передовиц «Правды» «случайно» сделала открытие, что внутренний рынок не отстаёт, а наоборот, обгоняет в своем росте 20-процентный рост продукции гос. промышленности (см. «Правду», от 12-го февраля 1928 года), чем в корне нарушались прежние разговоры об «оживлении» товарного голода и проч. Отмечая, что прежние проектировки пятилетнего плана не учитывали ни потребностей, ни возможностей развития, печать признавала, что на их составление «накладывался отпечаток хозяйственных условий того года, а подчас и тех кварталов года, когда эти планы составлялись» (см. «Правду» от 21 декабря 1928 г.). Но ни газетные статьи, ни более ответственные заявления Сталина и других представителей руководства, повторявших зады оппозиции, не отразились на решениях ноябрьского пленума, представлявших результат явного компромисса с право-термидорианским течением, которое фактически продолжало возглавлять руководство.

Если Бухарин, находивший в «Заметках экономиста», что основная причина всех трудностей заключается в неправильной политике цен, полемизируя с утверждениями Троцкого об отставании промышленности от роста деревенского спроса, доказывал, что Троцкий неправ, заявляя, что партия признала отставание промышленности, — то он (т.-е. Бухарин), ссылаясь на решения «осторожного» XV съезда, осуждающего «бешенный разгон темпа», формально не грешил против истины, ибо до XVI-ой конференции ни одна высшая партийная инстанция решений о необходимости усиления темпа индустриализации не выносила. Дело из сталинских разговоров не выходило. Борьба с правыми происходила, но далеко не заходила, ибо реальных шагов в сторону ликвидации диспропорции не делалось. В Политбюро действительно царил деловое единство.

Понадобился новый напор снизу в результате выявившейся необходимости превращения чрезвычайных мер в деревне в постоянный метод хлебозаготовок, чтобы была составлена, наконец, новая программа промышленного строительства, хотя бы ценною разрывом с правыми, начавшего оформляться во все более решительной форме. Этот момент, весна 1929 года, период XVI-ой конференции, явился пере-

ложным моментом для некоторых оппозиционеров, уверовавших в левое преобразование централизма, на основе широкообещательных обещаний новой пятилетки. Однако, если пятилетка XVI-ой конференции как-будто шла навстречу требованиям оппозиции, в некоторых отношениях даже максималистски «перезаполнила» эти требования, то на деле, по содержанию своему, по методам выполнения, намеченных ею задач, она представляла собою глубоко противоречивый по своей классовой сущности продукт типично центристского бюрократизма.

2. Индустриализация и положение рабочих

Если «индустриализация» периода XIV-го съезда и XV-ой конференции проводилась в темпах, зависевших преимущественно от «размеров накопления самой обобщественной промышленности», причем размеры капитальных вложений обыкновенно подвергались дополнительной урезке в течение бюджетного года, то индустриализация по типу XVI-ой конференции, опирается в своих усиленных темпах опять-таки на тот же источник, т.-е. на усиленную эксплуатацию рабочей массы.

Основным требованием оппозиции издавна являлось требование перераспределения народного дохода в пользу промышленности и рабочего класса, в то время, как политика руководства, в полном соответствии с его программной установкой, приводила к перекачке средств из города в деревню.

В том же направлении действовала и проводившаяся политика цен (огульно-бюрократическое снижение промышленных цен, повышение цен на с.-х. продукты). Оппозиция, вопреки обилию на нее возводимых обвинений, не защищала политику «сграбления» крестьянства через аппарат цен («огромные выгоды, получаемые крестьянством от совершения Октябрьской революции, — говорил т. Троцкий, — пожираются ценами на промышленные товары»). Но она стояла за такое понижение промышленных цен, которое бы органически вытекало из технического прогресса, из реконструкции промышленности на основе индустриализации и из состояния рынка, и которое было бы одинаково выгодным и рабочему классу и низам крестьянства. Между тем политика руководства сводилась лишь к механическому снижению этих цен, невозможному без понижения реальной заработной платы рабочих и без ухудшения качества товаров. На протяжении последних трех-четырех лет происходил рост с.-х. цен при непрерывном относительном снижении промышленных цен. Еще в феврале 1928 года отношение общеторгового индекса промтоваров к общему индексу выражалось цифрой 101, то же для с.-х. товаров — 98; а уже в мае 1929 года соответствующие цифры были: 92 и 115, т.-е. колоссальное расхождение в пользу с.-х. на 23 пункта (к сожа-

лению, мы не имеем сравнительных цифр для последующих месяцев, благодаря переходу к новым методам исчисления индексов). А это и означает, что через цены происходит безостановочная перекачка накоплений промышленности в деревню.

То же самое наблюдается и по линии налогового обложения. Комиссия СНК по изучению тяжести обложения в СССР констатировала, что «при среднем душевом доходе рабочих в 2,6-3 раза больше по сравнению с доходом сельского населения, обложение рабочих повышается в сравнении с обложением с.х. населения в 4,1-4,2 раза». Другими словами, доля участия рабочих в финансировании народного хозяйства значительно больше, чем доля крестьянства в целом.

Уменьшение тяжести налогового обложения сельского хозяйства и перенесение налогового бремени на город долгое время является характерным признаком налоговой политики централизма. Вплоть до настоящего времени излишки денежных средств деревни (как признал СНК в октябре 1929 г.) влияют отрицательно на состояние товарооборота между городом и деревней. В 1928-29 году весь с.х. налог по Сибири составил 31 млн. руб. Как выяснил обследовавший Сибирь Нарком Анкоян крестьянство выручило дополнительно от повышения цен на хлеб 25 миллионов руб., а учитывая повышение цен и на другие с.х. товары, крестьянство получило почти полное снятие с.х. налога (это то и стимулировало накопление хлебных запасов).

По-всему же СССР в деревне осело дополнительно в течение 1928-29 г. свыше полу-миллиарда рублей. Произошло перераспределение средств в пользу наиболее зажиточных слоев крестьянства; бедняцко-же середняцкая часть выиграла очень небольшую сумму (об этом см. ряд статей в «Экономической Жизни», август — октябрь 1929 г.). Новый хозяйственный год даст, надо полагать, не более утешительные результаты. Если сравнить динамику денежных доходов населения за последние годы, то получаются, что доходы пролетариата выросли в 1925-26 году (по сравнению с предыдущим годом) на 48,8%, а в 1929-30 г. на 15,5%; для крестьянства получаются соответственно цифры в 24,8% и 17,2%. Таким образом, в последнее время денежные доходы деревни начали расти быстрее, чем доходы пролетариата города. В распоряжении крестьянства, в особенности, разумеется, его кулацкой верхушки, сосредоточивался значительно возросший покупательный фонд, в то время, как весь прирост доходов пролетариата поглощался большими денежными расходами (квартирнаты, отчисления на займы, паевые кооперативные взносы). Усиленный завоз товаров в деревню создавал там временами даже избыток предложения, город же испытывал, несмотря на ослабление спроса, большой недостаток в ряде

отдельных товаров. К этому следует добавить ухудшение качества товаров и значительный рост всех цен, не говоря уже о скрытом даже постоянно изменяющемся методам исчисления индексов. Особенно печально обстоит дело потому, что кооперация далеко не полностью снабжает рабочих основными товарами, и им поэтому приходится прибегать к частному рынку. Кооперация же применяет повышенные наценки именно на те товары и сорта, которые, хотя формально и не значатся в бюджетном наборе, но входят в фактическое потребление рабочих, поскольку товаров, входящих в набор обыкновенно не имеется.

Отсюда ясно, что торговая практика опровергает все розовые обещания контрольных цифр об увеличении реальной заработной платы. В действительности рост ее, — как скромно замечают наши экономические газеты, — не поспевает за ростом номинальной, вследствие одновременного роста бюджета индекса». Что же касается последнего, то и он, благодаря частым переменам в методах его исчисления, не дает возможности объективно и точно определить, каков действительный уровень сокращения реальной заработной платы. Одно только ясно, что сокращение это весьма значительное.

Другим средством давления на материальное положение рабочего класса является прямое изъятие прибавочной стоимости путем сокращения номинальной заработной платы (не рассматривая расценки и т. д.) В этой области наши заводские организации тоже работают безуспешно. Несмотря на то, что производительность труда в СССР сейчас гораздо выше, чем до революции (это является общепризнанным, — см. хотя бы прошлогодние заявления Наркома Труда Угланова), нажим на мускулы и здоровье рабочего совершается под видом «борьбы за труддисциплину». Ряд постановлений Союзаркома и хозяйственных органов (а также профсоюзов) был направлен к тому, чтобы бюрократически-административным путем уплотнения и интенсификации всей работы промышленности (т.е. рабочего класса) компенсировать повышение хлебных цен, снижение сельхозналога и рост бюджетных ассигнований на сельское хозяйство. Усиление прав хозяйственников, установление единоличия на предприятиях и другие мероприятия подобного характера преследовали все ту же цель «снижения себестоимости через поднятие трудовой дисциплины».

В результате всей этой политики неудивительно, что профсоюзы вынуждены констатировать наряду с ухудшением продовольственного снабжения рабочих и ослабление технического надзора на предприятиях (рост числа несчастных случаев), и ухудшение бытовых условий, и рост прогулов по уважительным причинам (благодаря повышенной заболеваемости рабочих).

Подытоживая вышесказанное мы можем

8685

притти к выводу, что «индустриализация индустриализации рознь». И прежде чем нам не докажут, что индустриализация без резко усиленного жима на рабочий класс, без бюрократических вакханалий и без подавления подлинной самостоятельности рабочего класса невозможна, мы сладким речам капитулантов, поющих о выполнении требований платформы, не поверим.

3. Проблема сельского хозяйства

Переходя к обзору политики руководства в отношении к деревне, мы здесь находим то же самое явление: при проверке опытом, на практике, получают полное подтверждение все установки оппозиции, центристское руководство оказывается вынужденным идейно капитулировать перед ней, но не умея или не желая проводить на деле действительно ленинскую политику, оно фактически осуществляет ее в настолько искаженном виде, что ошибок получается больше, чем достижений, благодаря чему нередко дискредитируется вся работа партии и соввласти.

В этом отношении историю протекших лет можно было подразделить на три периода. Первый — период от 1923 года до XV-го съезда, когда руководство, идейно возманиваемое правыми, пропитанное так сказать, «правыми настроениями», вполне внутренне убежденное в своей правоте, тем не менее вынужденное считаться с неприятным для него фактом роста левых оппозиционных группировок в партии, лицемерно прикрывает свою правую политику левыми лозунгами. В отношении сельского хозяйства в этот период недостатка в резолюциях о поддержке колхозного строительства, об организации бедноты и борьбе с кулачеством не наблюдалось. Однако, и здесь на каждом шагу появлялись те или иные пояснения и разъяснения, которые в конце концов совершенно извращали основное содержание резолюций.

Вторым по порядку является период после XV-го съезда или, вернее, после первых ударов кулацкой стачки, когда опасность осознается, но к исправлению ошибок радикальных шагов еще не делается: центристы еще не решаются на разрыв с правыми. Вся политика их мечется между «левыми» полумерами и новыми уступками кулаку (отмена чрезвычайных мер, повышение хлебных цен, пересмотр практики индивидуального обложения и проч.).

Наконец, третий период начинается, примерно, с момента созыва XVI-ой партконференции, когда под давлением рабочих масс (давлением, преломляющимся через многочисленные ступени бюрократической иерархии) центристский аппарат, наконец, порывает с правыми и решает на ряд мер по форсированию индустриализации и по строительству социалистического сектора в деревне. Здесь центризм бросает-

ся в противоположную крайность и втягивается, точно азартный игрок, в призовые скачки индустриализации и коллективизации, не сообразуясь ни с наличием материальных ресурсов, ни с готовностью кадров.

Просмотрим только некоторые поворотные вехи этой эволюции.

XV-й съезд. Молотов приписывает оппозиции антисередняцкий уклон за защиту ее «устаревшей» формулы Ленина: опора на бедноту, соглашение с середняком, борьба с кулаком. Сталин на этом же съезде обвиняет оппозицию в скрывании «антисередняцкого уклона». В мае 1928 года руководство вынуждено целиком принять «крамольную» ленинскую формулу, отвергнутую Молотовым, а вместе с тем выдвинуть и давнишний лозунг оппозиции — «повернем огонь направо».

XIV-ая партконференция. Бухарин защищает свою пресловутую теорию «многолетнего» одновременного вставания кулака и бедняка в социализм.

Дискуссия перед XVI съездом. Бухарин и его школа, а за ними и центристы пытаются доказать, что «вливание капитализма в деревню, в лице кулака, уже начинает преодолеваться», следовательно незачем, нет смысла добиваться усиления его обложения и проч.; тем более, что «всякая мера, быющая по кулаку, бьет и по середняку». (В свете этих «разъяснений» бухаринские выступления с лозунгом «форсированного наступления на кулака» звучали пустой буффонадой). Наряду с этим парагр. 7 «некистских тезисов» к XV съезду признавал «некоторый, пока еще (!), рост кулацкой группы». В связи с этим полезно также вспомнить, как Рыков, Бухарин и другие представители руководства старались доказать, что «мы подошли к возможным пределам обложения кулацких групп; увеличение его может угрожать застою в развитии сельского хозяйства».

После XVI-го съезда. Резолюции пленумов определенно устанавливают тот тезис, что «три года урожая не прошли даром. Было бы непоследовательно отрицать факт повышения доходов зажиточно-кулацкой части деревни, не сбалансированного повышением налогового обложения».

В свете этих сопоставлений становится вполне ясным, что политика руководства до XV-го съезда сводилась к прикрыванию и защите кулака от наступления пролетариата, и что эта политика диктовалась и теоретически оформлялась все той же бухаринской школой, являвшейся прямой агентурой классового врага в рядах партии.

Благодаря неправильной политике предыдущих лет, партия и рабочий класс вступили в третий период — период форсированной коллективизации, ослабленными и дезорганизованными.

Уже хлебозаготовительные кампании показали, что «самым главным недостатком и про-

ведении мер общественного воздействия следует считать отсутствие сколько-нибудь серьезной массовой организованной работы среди бедняцкой и середняцкой части деревни» (жирный шрифт в оригинале — см. передовую «Правды», от 9-го марта 1929 года). А руководящие, как огня, боялись, чтобы его в вопросе организации бедноты правые не упрекнули в скатывании к «троцкизму». Даже там, где имелись зачатки правильной, твердой организации бедноты, например, в форме батрацко-бедняцкого «союза Кошки» в Ср.-Азиатских республиках, намечено было расформирование их и превращение в распыляемые, не имеющие постоянного организационного костяка, группы и собрания бедноты.

Как газетные сведения, так и непосредственные данные, получавшиеся из ряда мест, давали самую мрачную картину состояния большинства колхозов, созданных в период 1920-1928 г.г. и опекавшихся органами Наркомзема и Колхозцентра, где орудовала кондратьевщина и поощре кулацкая агентура. По отзывам самой «Правды», значительная часть колхозов являлась «крепкими хуторами или отрубамн, многие из них представляли собой «заключенный тип кулацких объединений». Это наблюдалось одинаково и в районе Лудорвайских собраний, и на Украине, и в Сибири, и на Сев. Кавказе. Везде одинаково оказывалось, что «беднота не у руля». Вот в таких-то условиях совершался переход к новой политике сплошной коллективизации!

Но не только «спизы» и «места» вступили в этот сложный, ответственный период малоподготовленными и дезориентированными. Само центральное руководство приступило к выполнению новой задачи «поворотом лицом к колхозному движению» через долгий период шатаний и колебаний.

Не говоря уже о периоде до XV-го съезда, когда, например, Молотов провозглашал, что «скатываться (!) к бедняцким иллюзиям о коллективизации широких крестьянских масс уже в настоящих условиях нельзя», самый XV съезд подходил к этому вопросу очень нерешительно и нечетко. Одобрив прежние решения ЦК от 30-го декабря 1926 года (со времени которого тоже ничего не делалось) съезд предлагал усилить помощь делу колхозного строительства и укрепить совхозы, превратив их на деле в образцовые крупные хозяйства. Вот и все! А это решение будто бы составило «эпоху» в колхозном строительстве.

Достаточно просмотреть руководящие постановления, доклады и статьи 1928-1929 г., чтобы убедиться в болезненно-робком темпе «поумнения» центразма.

Если в июне 1928 года Сталин (см. «На хлебном фронте», стр. 13) имел смелость говорить о том, что «выход состоит, прежде всего в том, чтобы перейти от мелких, остальных и распыленных крестьянских хозяйств к об-

щинным, крупным общественным хозяйствам», то после отпора, полученного им (косвенно через головы Крицмана, Карпинского и других сторонников «деградации индивидуальных хозяйств») от Слепкова, Астрова и других «молодых» из бухаринской школы, Сталин вынужден был снова камбулировать перед правыми, «единогласно» проводя постановления июльского пленума, изменявшие порядок разрешения затруднений на хлебном фронте путем перенесения центра внимания на подьем индивидуальных хозяйств.

Рыков шел впереди, заявляя, что ошибкой является тот взгляд, что индивидуальные хозяйства отодвигают на задний план; «развитие индивидуальных хозяйств крестьянства является, наоборот, — важнейшей задачей партии». За ним беспомощно плелся и Сталин. «Где выход из положения? — спрашивал он. — выход, отвечал он — прежде всего в том, чтобы поднимать мелкое и среднее крестьянское хозяйство». И далее, подтверждая слова Рыкова: «есть люди, думающие, что индивидуальное хозяйство исчерпало себя, что его не стоит поддерживать. Это и неверно, товарищи. Эти люди не имеют ничего общего с линией нашей партии» (см. «Об итогах июльского пленума», стр. 16-17). Чтобы не оставалось никаких сомнений в его установке, Сталин через несколько строк резко и определенно подчеркивает, что «выполнение первой задачи по поднятию индивидуального хозяйства» — представляет «все еще главную задачу нашей работы» (хотя уже и недостаточную, ибо она требует своего «дополнения» двумя новыми практическими задачами, как поднятие колхозов и улучшение дела совхозов) — см. там же стр. 19. Лишь на ноябрьском пленуме начинается снова слабый поворот влево. Сталин начинает доказывать, что «обе точки зрения одинаково приемлемы» («Об индустриализации страны», стр. 28).

Перелом в официальном мнении самого руководства произошел значительно позднее (под влиянием все усиливавшегося, конечно, нажима снизу).

На XVI-ой партконференции ряд выступавших делегатов оценивал ставку на развитие индивидуального хозяйства, как «откровенную установку на развитие кулацкого хозяйства». Резолюция конференции определенно заявляет, что «при завершении в основном восстановительного периода выявились ограниченные возможности дальнейшего быстрого роста мелких хозяйств». В связи с этим резолюция делает перестановку ранее принятого порядка: на первом плане стоит уже организация новых совхозов и улучшение работы старых совхозов, на втором месте — создание новых и развитие старых колхозов, далее пропагандируется развитие широкой сети государственных и кооперативных машино-тракторных станций и других форм производственного кооперирова-

ния, и только на последнем месте упоминается работа по повышению урожайности мелких и мельчайших хозяйств. Правда, резолюция еще говорит (не предчувствуя дальнейшего хода событий или, вернее, дальнейших резолюций, ставящих окончательный крест на индивидуальном хозяйстве) о том, что «индивидуальное хозяйство еще не скоро исчерпает имеющиеся у него возможности». Но в основном решающий шаг был сделан, важнейшее принципиальное решение было принято. Дело оставалось, как говорят, «за немногим» — надо было приступить, наконец, к практическому осуществлению основных мероприятий, открывающих путь социалистическому развитию деревни.

В ноябре 1929 года Сталин, торжественно провозглашая конец индивидуальному хозяйству, усматривал новое в колхозном движении в том, что в колхозы крестьяне идут «целыми селами, районами, даже округами». Полемизируя с «мелкобуржуазными либералами, типа Ахенвальда и Слепкова», он доказывал, что «колхозное движение стало столбовой дорогой к социализму. «Противопоставлять колхозы кооперации (как столбовую дорогу) — дополнял он, — значит издеваться над ленинизмом». Забывая при этом очень недавнее прошлое, когда в этом вопросе все руководство послушно плелось в хвосте у бухаринской школы.

На первых порах новая фаза колхозного движения мало отличалась от пройденного этапа. «Партийные организации не сорганизовали бедноту, не подготовили ее к авангардной роли» («Правда», от 29 октября 1929 года). По «столбовой дороге» широкой волной пошел кулак.

«Партия должна забыть тревогу», взывала «Правда» в октябре, подчеркивая этим, что раньше никто по поводу засилья кулачества в колхозах не беспокоился. Кампания развертывается «полным ходом», но без надлежащей подготовки низовых общественных организаций, активизации которых попрежнему ставятся узкие чиновничьи рамки. Массы остаются не захваченными, работа проводится при посредстве насквозь зараженного бюрократизмом, не реформированного и лишь кое-где ослепленного «пересадками» и перебросками партийного аппарата, того аппарата, который в течение нескольких лет беспрепятственно сращивался с кулацкой верхушкой деревни.

Директивы давались в пожарном порядке. План строительства новых колхозов не был продуман. Приходилось действовать больше по старинке, или предоставляя кораблю плыть по течению или действуя по негласным, но само собою подразумевающимся директивам, — в духе принуждения.

«За тридцать дней в колхозы вошло большее число хозяйств, чем за весь предшествующий период революции», хвасталась официозная статья Наркомзема (подписанная Фейгиным в «Правде», от 5 марта 1930 года). Важна бы-

ла количественная сторона в первую очередь. В погоне за количеством никто не задумывался над качеством. Резолюция ЦК от 17-го ноября 1929 года и от 6-го января 1930 года, упоминающая об отдельных недостатках «сбурно развертывающегося колхозного движения», не дала никаких организационных директив, которые могли бы предотвратить перегибы и искривления, неизбежные при данном состоянии партийного и советского аппарата. Ясно, что результаты кампании по сплошной коллективизации должны были на значительный процент дать отрицательный эффект.

Правда, даже в рядах оппозиции нашлись товарищи, которые приветствовали «новый колхозный курс» и административные методы, которыми он проводился. В массе своей большевики-ленинцы, однако, решительно отвергли предлагавшиеся капитулянтскими шагами к примирению с руководством на этой почве. Они категорически осудили путь административного насилия, неизбежно ведущий к разрыву со средняком.

Уже в январе-феврале отдельные парторганизации робко вступили на путь борьбы с «перегибами». Так, например, краевой комитет Среднего Поволжья выпустил директивное письмо, которым он надеялся ликвидировать «этот недопустимый хаос, который существует на местах». Таким же бумажным путем действовали и в других местах. Наркомзем разослал в некоторые районы своих инструкторов. Они обнаружили массу извращений при коллективизации и раскулачивании. В результате применения методов выход из колхозов принял массовый характер. Руководство и здесь «жаждалось в хвосте событий. Оно решило повернуть назад, когда «развенчание идеи колхозного движения» (Сталин) стало широко распространенным фактом. Только тогда появилась статья Сталина, только тогда был, наконец, опубликован примерный устав с.х. артели. Только тогда, при содействии прокуратуры и других органов, стали обнаруживаться одно за другим ряд «дел» прямо-таки уголовного-контр-революционного характера. Таковы дела: Ойратское и Канское в Сибири и ряд других «дел» по всему СССР, в особенности в национальных республиках. Между край и областскими комитетами началось «соревнование» по раскрытию искривлений. Точно по команде (да так, очевидно, и есть — по команде) все крупнейшие и более мелкие парторганы начали заниматься «самокритикой», клеймя и позоря себя перед массами, выискивая следы недостаточного рыночного отношения к такой «самокритике» в других организациях. Начались оргвыводы, отзывы и пересадки секретарей, предисполкомов, прокуроров и т. д.

Только один ЦК продолжает хранить олимпийское величие, твердо уверенный в своей непогрешимости и перелагающий ответственность за неудачи с себя на средние и нижние звенья.

партаппарата, совершенно забывая, что когда централизация становится всеобщей — ведь нет ни одного крайкома, который не каялся бы в своих грехах! — тогда вина не может не быть возложена на центральное руководство, обязанность которого как раз и является направлять и контролировать на каждом шагу работу всех низших исполнительных органов партии. Ведь нельзя же в самом деле считать бюрократическим такое представление о руководстве, что оно только выносит постановления и затем карает за их невыполнение, в то время, как настоящее ленинское руководство должно было бы в первую очередь направлять работу и предупреждать самую возможность каких-либо искривлений. Таковы, по крайней мере, прежние традиции партии, теперь, очевидно, в корне забытые. Да и как их не забыть, когда весь партийный режим сводится к одному «бюрократическому соодиножию» писших высшим, когда инициатива масс скована, а воля их парализована.

В своих проучениях, посвященных печальным итогам коллективизации, Сталин очень резко выражает свое неудовольствие по поводу чиновничьего рвения местных партработников. Но задавал ли он себе вопрос: — откуда это рвение, не является ли оно как раз постоянным и неизбежным следствием созданного режима? Вся беда в том и состоит, что в моменты острых кризисов этот режим обязательно дает осечки, ибо рвение аппаратчиков слепо: чтобы самостоятельно ориентироваться, необходимо не рвение чиновника, а классовое чутье революционера.

Что же мы имеем пока в результате всей проведенной работы, в балансе тех решительных мероприятий, которые в своем административном восторге проводили крайкомы, областкомы и окружкомы при спокойном попустительстве центра?

«Серьезный, но временный урок», горорит Сталин. Утешение слабое — ведь «постоянный урок» — это было бы уже настоящим Термидором! — гибелью революции! — возвращением asleep на доброе десятилетие! Да, урок и сильнейший урок, хотя и не непоправимый урок. Пусть будет хоть это нашим утешением!

Сплошная коллективизация, проводившаяся методами Пришибеявых, ввергла народное хозяйство в состояние давно небывалой разрухи: точно прескатила трехлетняя война, захватившая целые села, районы и округа (одна убыль в скоте, повидимому, достигается от 20 до 50%). И действительно, события истекшей зимы равносильны первому акту доподлинной, самой реальной гражданской войны, в которой пролетариат возглавлялся неумелым руководством центристов и потерпел тяжелое поражение.

Сверх того в своем «активе» в результате этих событий партия имеет: аппарат в полуразложенном состоянии, дезориентированный мно-

гократной сменой директив, сбивший с толку надеждоскопом идей и чехардой людей. Все это пока еще внешне прикрывается привычными лезвием и подхалинством перед вышестоящими.

4. Положение в партии

В вопросах, касающихся внутривнутрипартийного положения оппозиции оказалась правой не в меньшей степени, чем в вопросах экономического порядка. Особенно ясно это видно на примере происходившей борьбы с правым уклоном.

В 1926 году т. Троцкий писал, что «в рядах нашей собственной партии содалась, под покровительством Бухарина, теоретическая школа, которая явно отражает давление мелкобуржуазной стихии». В ответ тогдашнее руководство взяло бухаринскую школу под свою защиту. «Мы думаем, — заявил Ярославский, — что у т. Бухарина нет никакой особой школы: школа Бухарина есть ленинская школа. Заслуга т. Бухарина заключается в том, что он действительно воспитал в духе ленинизма большое число молодых товарищей» (см. «Правду», от 24-го июля 1927 года). А уже к осени 1929 г. эта же бухаринская школа «молодых» клеймилась, в полном согласии с прежней оценкой оппозиции, как «группа мелкобуржуазных либералов, зовущих к капитуляции перед кулаком» и т. д. А ведь эта группа печенье нескольких лет держала в своих руках основные органы партийной печати! Она же заправляла деятельностью некоторых советских и хозяйственных организаций, не говоря уже о том, что ее представители задавали тон в научных учреждениях и в теоретических журналах партии.

Весьма интересно звучат в свете позднейших разоблачений живые заявления Сталина, неоднократно повторявшиеся им в его докладах, что «спора бросить сплетни, распространяемые всякого рода оппортунистами, о наличии правого уклона или примиренческого к нему отношения в Политбюро нашего ЦК» (см. «Речь на пленуме МК 19-го октября 1928 года, стр. 17).

Объяснение всей прежней политики центристского руководства вплоть до момента XVI-ой партконференции, мы находим в факте определенно установленного мирного сотрудничества с правыми, покрывания их правых наскоков, примиренческого отношения к их термидорианской установке.

В ноябре 1927 года оппозиция выставляла требование «понять и провозгласить, что опасность угрожает справа, т.е. со стороны растущих буржуазных классов города и деревни и поддерживающих их устряловских элементов, как за пределами партии, так и внутри ее».

С большим запозданием и только под напором классовой борьбы и нажима рабочей массы руководство, непоследовательно и неполно, приступило все же, наконец, к выполнению и

этого пункта, предварительно выявив достаточно ярко свою классовую неустойчивость. «Давление слева, — говорит с сожалением Устрялов, — дало плоды».

Печальным наследием периода право-центристского блока осталось колоссальное засорение партии чуждым элементом, — достаточно напомнить, что в рядах, например, новосибирской организации числилось в 1928 году бедняков меньше (5-6%), чем кулаков (7-8%), а также сильное распространение в партийном и советском аппарате всякого рода вредительства, начиная от разложившихся и переродившихся партийцев (Смоленское, Астраханское, Ленинградское и прочие дела) до связанных подпольной связью с заграничной контрреволюцией высокоответственных руководителей нашей промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Инженеры, занимающиеся разрушением фабричного и жел.-дорожного хозяйства, агрономы, потворствующие кулацкому хозяйству, и интеллигентные коммунисты в кабинетах — это все явления одного порядка, могшие закрепиться в аппарате, только благодаря засилью правых в руководстве партии.

Ясное всего положение с самокритикой в деле подготовки партсезда. Подлинной массовой подготовкой его не происходит. Понесле вспоминается, как в прошлом году, в период наиболее радикального поворота впоследствии раскисившейся редакции «Комсомольской Правды» в этой газете появился серия статей с требованиями, адресованными в ВЦСПС, о настоящей подготовке масс к VIII-му съезду профсоюзов. «Вопросы съезда на широкое обсуждение» вызвала тогда газета, указывая на то, что подготовка съезда идет «лишь рабочей массой». XVI-й съезд ВКП, повидному, будет созван еще более конфиденциально, чем прошлогодний съезд профсоюзов. Здесь нарушение внутрипартийной демократии идет привычным путем.

Ясно одно: только активное участие широких пролетарских слоев партии в строительстве партийной жизни поможет ликвидировать значение тех тяжелых ошибок, которые были сделаны и до сих пор еще не исправлены.

Фел. Дингельштедт,
член ВКП(б) с 1910 г.

Заметки журналиста

ЗИНОВЬЕВ И ВРЕД КНИГОПЕЧАТАНЬЯ

В том. 5 «Большевика» за текущий год Зиновьев еще раз «сливается» с партией — тем единственным методом, который ему ныне доступен. Зиновьев пишет:

«В 1922 г. Троцкий предсказывал, что: «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы». Это предсказание не оправдалось, как и множество других предсказаний названного автора. Подлинный подъем социалистического хозяйства у нас стал возможным уже и до победы пролетариата в важнейших странах Европы. Этот подлинный подъем развивается на наших глазах».

Тот же самый Зиновьев, начиная с того же самого 1922 года, обвинял Троцкого в «сверхиндустриализации», т.е. в требовании слишком быстрого индустриального подъема. Как же это согласовать?

Оппозицию обвиняли в том, что она не верит в социалистическое строительство и в то же время хочет ограбить крестьянство. Для чего же ей было, в таком случае «грабить» крестьянство? На самом деле у оппозиции речь шла о том, чтобы заставить кулаков и вообще верхушку крестьянства нести жертвы в пользу социалистического строительства, — того

самого, в которое оппозиция, якобы, «не верила». Пламенную веру в социалистическое строительство проявляли те, которые боролись против «сверхиндустриализации» и провозглашали пустопорожний лозунг «слишком к деревне». Зиновьев предъявлял крестьянину, вместо ситца и трактора, приятно улыбающегося «слицо».

И в 1930 году, как и в 1922, Троцкий считает, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы». Нужно только понять, — и это не так уж трудно, — что под социалистическим хозяйством здесь имеется в виду именно социалистическое хозяйство, а не противоречивое переходное хозяйство нэпа, а под подлинным подъемом понимается такой подъем, который полностью перестроит бытовые и культурные условия жизни трудящихся масс, уничтожив не только «хвосты», о, мудрый Зиновьев, но и противоречие между городом и деревней. Только в этом смысле марксист и может говорить о подлинном подъеме социалистического хозяйства.

После своей борьбы с «троцизмом» в 1923-1926 г.г., Зиновьев в июле 1926 г. официально признал, что основное ядро оппозиции 1923 года оказалось в своих прогнозах правым. А теперь, для сличения с Ярославским, Зиновьев

снова пускается во все тяжкие, разогревая старое блюдо.

Нелишне, поэтому, напомнить, что тот же Зиновьев подписывал, а отчасти и сам писал, по затронутому им ныне вопросу в платформе оппозиции:

«Когда мы, след за Лениным, говорим, что для построения социалистического общества в нашей стране необходима победа пролетарской революции: еще в одной или нескольких передовых капиталистических странах, что окончательная победа социализма в одной стране, при том отсталой, как доказали Маркс, Энгельс и Ленин, невозможна, тогда сталинская группа приписывает нам тот взгляд, будто мы «не верим» в социализм и в социалистическое строительство в СССР». (Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиция), стр. 72).

Не плохо ведь сказано, не правда ли?

Чем же объясняются эти метания от фальсификаций к покаянию и от покаяния к фальсификации? И на этот счет платформа оппозиции не оставляет нас без ответа:

«... мелкобуржуазный уклон в нашей собственной партии не может бороться с нашими ленинскими взглядами иначе, как приписывая нам то, чего мы никогда не думали и не говорили» (там же, стр. 72).

Последние строчки не только подписаны, но, если не ошибаемся, даже и написаны были Зиновьевым. Поистине, Иосиф Гуттенбер оказал кое-каким людям дурную услугу. Особенно, когда им приходится «сливаться» с другим «Иосифом», который, правда, не изобрел книгопечатания, но усердно работает над его разрушением.

ВСТУПИЛА ЛИ ФРАНЦИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ?

Левый поворот Коминтерна начался в феврале 1928 года. В июле был провозглашен «третий период». Через год Молотов провозгласил, что Франция наряду с Германией и Польшей вступила в полосу «величайших революционных событий». Все это выводилось из развития стачечного движения. Ни цифр, ни фактов не приводилось. Ограничились двумя-тремя примерами, взятыми из последних номеров газет.

Мы взяли (см. ном. 8 «Бюллетеня») вопрос динамики французского рабочего движения в свете цифр и фактов. Картина, данная Молотовым с чужих слов (роль суфлеров, надо думать, играли Мануйльский и Куусинен) ни в малейшей степени не сошлась с действительностью. Стаечная волна двух последних лет имела чрезвычайно скромный характер, хотя и обнаружила известное повышение по сравнению с предшествующим годом, наиболее упадочным за десятилетие. Слабое развитие стачечной борьбы за последние два года тем более знаменательно, что Франция в течение 1928-29 годов переживала несомненное про-

мышленное оживление, достаточно яркое в металлпромышленности, где стачечное движение было как-раз слабее всего.

Одной из причин того факта, что французские рабочие не использовали благоприятной конъюнктуры, является, несомненно, крайне поверхностный характер стачечной стратегии Монмуссо и других учеников Лозовского. Выяснилось, что они не знали положения промышленности собственной страны. В возмещение за это они называли наступательными, революционными и политическими стачками разрозненные, оборонительные экономические стачки преимущественно во второстепенных отраслях промышленности.

Такова существенная часть анализа, данного нами в работе о «третьем периоде» во Франции. Мы не видали до сих пор ни одной статьи, в которой наш анализ подвергнут был бы критике. Но, очевидно, в такой критике надобность ощущается острая, иначе никак нельзя объяснить себе понашение в «Пргаде» огромного фельетона «о стачечной стратегии» воеводы Троцкого», где имеются веселые стишки, цитаты из Ювенала, вообще бездна остроумия, но ни слова по поводу фактического анализа борьбы пролетариата во Франции (за последнее десятилетие), особенно за последние два года. Статья, принадлежащая, очевидно, перу одного из молодых дарований «стрельского периода», скромно подписана Рядовым.

Автор обвиняет Троцкого в том, что тот знает только стачечную оборону, но не признает наступления. Допустим, что Троцкий в этом виноват. Но основание ли это для того, чтобы отказываться от наступательной экономической борьбы в металлпромышленности в наиболее благоприятных условиях и в то же время именовать наступательными явно оборонительные мелкие стачки?

Автор обвиняет Троцкого в том, что он не различает капитализма эпохи подъема от капитализма эпохи упадка. Допустим, что это так. Забудем о всей той борьбе по вопросу о соотношении кризиса капитализма и его неуклонных кризисов, которая шла в Коминтерне в эпоху 3-го конгресса, когда в Коминтерне пульсировала живая мысль. Допустим, что Троцкий все это забыл, Рядовой во все это проник. Но разве же это дает ответ на вопрос о том, вступила ли Франция за истекшие два года в период решающих революционных событий или нет? Ведь именно так было объяснено Коминтерном. Имеет ли этот вопрос значение или нет? Казалось бы. Что же говорит на этот счет автор остроумного фельетона? Ни слова. Франции и ее рабочее движение остаются совсем в стороне. Взамен этого Рядовой доказывает, что Троцкий есть «шестер», и что он служит буржуазии. Только и всего? Да, не больше того.

Но, пообразит иной добродушный читатель, можно ли много взаскивать с молодого Рядо-

вого? Он еще может подрасти. Не он же делает профессиональную политику во Франции. Для этого имеются серьезные революционные стратегии, закаленные в боях, как, например, генеральный секретарь Профинтерна Лозовский.

Так-то так, — ответны мы такому читателю, — все это было бы убедительно, если-бы... если-бы Рядовой и не был этот самый Лозовский. А между тем дело обстоит именно так: букет прокисшего легкомыслия и художочного остроумия таков, что обмануть не может. Генеральнейший вождь под скромным псевдонимом Рядовой защищает свое собственное дело. Стишками он драпирует те бедствия, какие причиняет рабочему движению своим «руководством». При этом он всем великолепием своей рахитической иронии обрушивается на левую оппозицию: она, видите ли, могла бы целиком усесться на диване. Пусть справится Рядовой: есть ли диваны в тех тюрьмах, которые заполнены оппозиционерами? Но если-б даже нас действительно было так мало, как хотелось бы Лозовскому, это несколько не испугало бы нас. В начале войны революционные интернационалисты всей Европы на нескольких дрожжах отправились в Циммервальд. Мы никогда не боялись оставаться в меньшинстве. Вот Лозовский во время войны очень опасался остаться в меньшинстве и потому защищал в печати против нас лонгетистов, с которыми всячески хотел объединить нас. Во время Октябрьской революции Лозовский боялся того, что большевистская партия окажется «изолированной» от меньшевиков и эсеров и потому предал партию, к которой временно прикнютил, и объединился с ее врагами в самый критический период. Но и в дальнейшем, когда Лозовский присоединился к победоносной советской власти, его количественные оценки были так же мало надежны, как и качественные. Поставив после победы, в которой он был несколько недоволен, знак минуса там, где раньше ставил плюс, Лозовский к моменту V-го конгресса Коминтерна заявил в торжественном манифесте, что французская социалистическая партия более «не существует», и несмотря на все наши протесты против этого позорного легкомыслия, сохранил это утверждение. Когда выяснилось, что международная социал-демократия все же существует, Лозовский вместе со своими учителями прополз на четвереньках через всю политику англо-русского комитета и находился в союзе со штрейкбрехерами во время величайшей стачки британского пролетариата. С каким торжеством — с торжеством над оппозицией! — докладывал Лозовский на заседании пленума Центрального Комитета телеграмму, в которой Цитрин и Персель великодушно соглашались беседовать с представителями ВЦСПС после того, как погубили не только всеобщую стачку, но и стачку углекопов. После разгрома китайской революции и

распада организаций китайского пролетариата, Лозовский докладывал в пленуме Центрального Комитета (куда он ходил гостем, ибо в ЦК Сталин все же не решается его ввести) фантастические данные о завоеваниях Профинтерна, назвал для Китая цифру в 3 миллиона профессионально-организованных рабочих. Все ахнули. Но Лозовский не моргнул и глазом. Он также легко оперирует миллионами организованных рабочих, как и стишками для украшения статей. Все это достаточно объясняет, почему шуточки Лозовского насчет дивана, на который можно усадить оппозицию, отнюдь не подавляют нас своим великолепием. Диванов, как и вообще мебели, в канцеляриях Профинтерна несомненно, достаточно. Но вот идей там, к несчастью, нет. А побеседуют идеи, ибо они завоевывают магсы...

Почему же Лозовский подписался Рядовым? слышится нам недоверчивый или недоумевающий голос. Тут две причины: персональная и политическая. Личная роль Лозовского не такова, чтоб ему выгодно было подставляться под удары. В щекотливые моменты идейных столкновений он предпочитает скромную анонимность, как в острые часы революционной борьбы склонен бывает к удлинненным размышлениям. Такова причина личная. Есть, как сказано, и политическая. Если-б Лозовский подписался Лозовским, то все сказали бы: неужели же в вопросах профессионального движения у них так-таки и нет ничего больше за душой? Увидев же под статьей подпись Рядового, благожелательный читатель сохраняет возможность сказать: нельзя не признать, что Рядовой — жалкий шелькопер. Но зато у них есть еще Лозовский.

ЕЩЕ ОДНО МОЛОДОЕ ДАРОВАНИЕ

После того, как объявлено было приказом Молотова по Коминтерну, что идейную борьбу с «троцкизмом» надо считать законченной, прошло всего несколько месяцев. И что же? Издания Коминтерна, начиная с изданий ВКП, посвящают снова неисчислимое количество столбцов и страниц борьбе с «троцкизмом». Даже почтеннейшего Покровского, обремененного трудами по воспитанию юношества, двинули на передовые позиции. Это приблизительно соответствует тому моменту империалистской войны, когда Германия принялась за мобилизацию 45 и 50-летних. Один этот факт мог бы внушить серьезные опасения за состояние фронта сталинской бюрократии. К счастью у Нестора марксистской историографии есть не только внуки, но и правнуки. Одним из них является С. Новиков, автор статьи об автобиографии Л. Д. Троцкого. Это молодое дарование сразу поставило рекорд, показав, что можно заполнить полтора печатных листа, не сообщив ни одного факта и не формулировав ни одной мысли. Такой исключительный дар мог

воспитаться только под руководством опытного мастера. И мы невольно спрашиваем себя: не Мануильский ли, в свободные от руководства Коминтерном часы, выкорчил своей грудью Новикова, это благословенное дитя «третьего периода»? Или может быть Мануильскому не было надобности воспитывать молодое дарование? Может быть Мануильский попросту воспользовался своим собственным дарованием? Не будем томить дальше читателя: Новиков и есть Мануильский. Тот самый, который в 1918 г. писал, что Троцкий — не больше и не меньше! — освободил русский большевизм от национальной ограниченности и сделал его мировым идейным течением. Теперь Мануильский пишет, что Сталин освободил большевизм от троцкизма и тем окончательно укрепил его, как идейное течение солнечной системы.

Но не ошибаемся ли мы, однако, в отождествлении маленького Новикова с великим Мануильским? Нет, не ошибаемся. Мы пришли к этому заключению не легко, не по догадке, а путем усидчивого исследования, именно: мы прочитали пять строк в начале статьи и пять строк в конце. Большого, надеемся, никто от нас требовать не станет.

Но зачем же Мануильскому скрываться за подписью Новикова? спросит иной. Неужели же это не ясно? Чтоб люди думали: если Новиков столь неотразим, то каков же должен быть сам Мануильский! Впрочем, не будем повторяться: мотивы те же, по которым сам Лозовский превращается в Рядового. Эти люди нуждаются в перевоплощениях, как лоснящиеся брюки — в химической чистке.

ЗА ПЕРЕГИБЫ ОТВЕЧАЕТ... «ТРОЦКИЗМ»

Известно, что оппозиция тянет «вправо», что она прогнана социализма и коллективизации. Не менее известно, что оппозиция за принудительную коллективизацию. А так как подбор и воспитание аппарата находились за последние годы, как опять-таки известно, в руках оппозиции, то на нее естественно ложится и ответственность за перегибы. По крайней мере, в «Правде» только об этом и речи. Не люблю не слушать, а проводить «генеральную линию» не мешая.

Мы цитировали в прошлом номере, что говорила насчет коллективизации официальная платформа оппозиции, изданная в 1927 г. Но отойдем от 1927 г. далеко назад, к периоду военного коммунизма, когда гражданская война и голод порождали жесткую политику реквизиции хлеба. Как рисовали большевики в те суровые годы перспективу коллективизации? В речи, посвященной крестьянским восстаниям на почве реквизиций хлеба, т. Троцкий говорил 6-го апреля 1919 г.:

«Эти восстания дали нам возможность узнать свою величайшую идейную и организаци-

онную силу. Но вместе с тем, разумеется, восстания были и признаком нашей слабости, ибо они вовлекли в свой водоворот не только кулаков, но и — не нужно себя обманывать на этот счет — известную часть среднего, промежуточного крестьянства. Объясняется это общими причинами, которые мною были обрисованы, — отсталостью самого крестьянства. Но не нужно, однако, все валить на отсталость. Маркс когда-то сказал, что у крестьянина есть не только предрассудок, но и рассудок, и можно от предрассудка апеллировать к рассудку крестьянина, подводить его на опыте к новому строю, чтобы крестьяне чувствовали на деле, что они в лице рабочего класса, его партии, его советского аппарата, имеют руководителя, защитника; чтобы крестьянин понимал наши вынужденные реквизиции, принимал бы их как неизбежность; чтобы он знал, что мы входим во внутреннюю жизнь деревни; разбираемся, кому легче, кому тяжелее, производим внутреннюю дифференциацию и ищем теснейшей дружеской связи с крестьянами-середняками.

«Это нам нужно, прежде всего потому, что до тех пор, пока в Западной Европе не стал у власти рабочий класс, пока мы левым нашим флангом не имеем возможности опираться на пролетарскую диктатуру в Германии, во Франции и в других странах, — до тех пор правым нашим флангом мы вынуждены опираться в России на крестьянина-середняка. Но не только в этот период, нет, и после окончательной, неизбежной и исторически обусловленной победы рабочего класса во всей Европе перед нами в нашей стране останется важная, огромная задача социализации нашего сельского хозяйства, превращения его из раздробленного, отсталого, мужицкого хозяйства в новое, коллективное, артельное, коммунистическое. Разве может быть этот величайший в мировой истории переход совершен против желания крестьянина? Никаким образом. Здесь нужны будут не меры насилия, не меры принуждения, а меры педагогические, меры воздействия, поддержки, хорошего примера, поощрения, — вот те методы, какими организованный и просвещенный рабочий класс разговаривает с крестьянами-середняками». (Л. Троцкий, т. XVII, стр. 119-120).

«ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ» ЯКОВЛЕВА

У каждого уважающего себя чиновника есть своя «генеральная линия», иногда полная неожиданностей. «Генеральная линия» Яковлева долго состояла в том, что он служил начальству, но подмигивал оппозиции. Подмигивание он прекратил, когда понял, что дело серьезно, и что для ответственного поста начальство требует не только руки, но и сердца. Яковлев стал наркомземом. В качестве такового он представил к XVI-му съезду тезисы о колхозном движении. Одной из коренных причин подъема

сельского хозяйства тезисы объявляют «разгром контр-революционного троцкизма». Не мешает поэтому напомнить, как нынешний руководитель коллективизации ставил вопросы сельского хозяйства в самом недавнем прошлом, и в борьбе с тем же троцкизмом.

Характерную распыленность и отсталость крестьянского хозяйства, Яковлев писал в конце 1927 г.: «Этих данных вполне достаточно для того, чтобы характеризовать драму мелкого и мельчайшего хозяйства. На уровне культуры и организации крестьянского хозяйства, унаследованных нами от царизма, нам ни в коем случае не удастся двигаться вперед в области социалистического развития нашей страны с той быстротой, которая необходима». («К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства, Матер. исследован. НК РКИ СССР, под ред. Я. А. Яковлева, стр. XXIV).

Два года тому назад, когда колхозы состояли еще на 75% из бедняков, нынешний паркомз Яковлев следующим образом оценивал их социалистический характер:

«Вопрос о росте в колхозах общественных, а не индивидуальных элементов капитала и в настоящее время, пожалуй, в особенности в настоящее время — есть все еще вопрос борьбы, — в ряде случаев под общественной формой скрывается частное индивидуальное накопление и т. п.» (ст. XXXVII, «К вопросу о соц. переустройстве сельского хозяйства»).

Отстаивая от оппозиции право кулака жить и дышать, Яковлев писал:

«Гвоздь задачи социалистического преобразования крестьянского хозяйства в кооперативно-социалистической переделке... именно этого мелкого и мельчайшего хозяйства, каковым в своей основной массе является и середняцкое хозяйство. Это и есть основная и наиболее трудная наша задача. При ее решении попутно мы сможем мерзани экономической и общей политики решить задачу ограничения роста кулацких эксплуататорских элементов — задачу наступления на кулака» (там же, стр. XLVI). Следовательно, даже возможность ограничения роста кулацкой эксплуатации ставилась Яковлевым в зависимость от разрешения «основной и наиболее трудной задачи»: социалистической переделки крестьянского хозяйства. О ликвидации кулачества, как класса, Яковлев вообще еще не поднимал речи. Все это два года тому назад.

Говоря о необходимости постепенного перехода от торговой кооперации к производственной, т. е. к колхозам, Яковлев писал: «Это есть единственный путь кооперативного развития, действительно обеспечивающий, — конечно, в один-два-три года, может быть, не в одно

десятилетие — социалистическое переустройство всего крестьянского хозяйства» (там же, стр. XII). Заметим себе твердо: «не в один-два-три года, может быть не в одно десятилетие».

«Колхозы и коммуны — писал Яковлев в той же работе... являются в настоящее время и еще долгое время, несомненно, будут только островками в море крестьянских хозяйств, поскольку предпосылкой их жизнеспособности прежде всего является огромный подъем культуры» (там же, стр. XXXVII, подчеркнуто нами).

Наконец, чтоб обосновать перспективу десятилетий, Яковлев подчеркивал, что:

«создание мощной рационально-организованной промышленности, способной производить не только средства потребления, но и необходимые народному хозяйству средства производства, — таковы предпосылки реальности кооперативного социалистического плана» (там же, стр. XLIII).

Так выглядело дело в те недавние времена, когда Яковлев, в качестве члена Центральной Контрольной Комиссии, ссылаed оппозицию на Восток за покушение на права кулака и бюрократии и за стремление ускорить коллективизацию. В борьбе за тогдашний официальный курс на «крепкого крестьянина» против «бессовестной и возмутительной критики со стороны оппозиции — подлинные слова цитируемой статьи — Яковлев считал, что колхозы «еще долгое время, несомненно, будут только островками — даже не островами, а островками! — в море крестьянских хозяйств», на социалистическое переустройство которых понадобится «не одно десятилетие». Если два года назад Яковлев провозглашал, в противовес оппозиции, что даже простое ограничение кулачества может быть лишь попутным результатом социалистического переустройства всего крестьянского хозяйства, в процессе ряда десятилетий, — то сегодня, в качестве паркомзема, он берется ликвидировать кулачество, как класс, в процессе двух или трех последних кампаний. Впрочем, — это было вчера: сегодня Яковлев выражается в тезисах гораздо загадочнее... И такого рода господа, ничего не способные серьезно продумать, еще менее способные что-либо предвидеть, обвиняют оппозицию в... «бессовестности» и на основании этого обвинения арестовывают, ссылают и даже расстреливают. Два года тому назад — за то, что оппозиция толкала их на путь индустриализации и коллективизации; сегодня за то, что она удерживает коллективизаторов от авантюризма.

Вот она, чистая культура чиновничьего авантюризма!

Алифа.

Письма из СССР.

ИЗМЕНЕНИЯ В В.-УРАЛЬСКОМ ИЗОЛЯТОРЕ¹⁾

Из достоверного источника нами получено следующее сообщение:

«В верхне-уральском изоляторе, который, как известно, заполнен главным образом нашими товарищами-оппозиционерами (их там 180 человек) произошли два новых массовых изменения наших товарищей. Изменения происходили 5-го и 23-го февраля, причем 23-го помимо зверских избиений, товарищей опачали водой из брандспойтов — это в самый разгар лютых февральских морозов! Поводом для избиений послужили протесты против ужасных условий заключения».

ИЗ ПИСЬМА

3 мая. Москва.

Я уже писал вам раньше, что Москва полна слухами больше чем когда бы то ни было. Есть слухи с расчетом на аппаратчика, есть и на обывателя. Наиболее правдоподобные привожу. Упорно говорят, что дни Рыкова сочтены. Характер моего источника заставляет меня полагать, что это определенная подготовка общественного мнения со стороны мастера и К-о, Повидному, разжалование Рыкова произойдет лишь после съезда, во всяком случае, не до съезда и вряд ли на самом съезде. Как съезд ни подберется (а по этой части, даже и для нас привычных, имеются просто ошеломляющие факты) все же его бояться, как вообще бояться малейшего шума... На место Рыкова намечается Куйбышев (пред. ВСНХ), на место последнего — ряд кандидатов, пока ничего достоверного. В этом смысле показательна и первомайская демонстрация, в которой не только Бухарин и Томский, но фактически и Рыков — не участвовали. Словом дело пахнет переходом в высшую организационную фазу».

Целый ряд новых версий в вопросе о расстреле т. Блюмкина. Сперва, как известно, говорили, что он «раскаялся». Но эта версия, помимо возмущения осведомленных, вызвала и недоумение более широких кругов: если Блюмкин действительно «покаялся» — то его расстрел, как оппозиционера, двойное преступление. Теперь пробуют параллельно пускать и другие версии, — все вместе они служат тому, чтоб направить «дело» в ложное русло, сбить партийца. Но каждая в отдельности заслуживает того, чтоб на них остановиться. Некоторым вопрошающим отвечали, что Блюмкин... сам застрелился. В этом варианте сталинская клика хочет с себя снять всякую ответственность за совершенное преступление. Но если-б это было действительно так — никто этому, конечно, не верит! — почему об этом не сказать прямо? Главный недостаток этого варианта (по мнению самих изобретателей его), это отсут-

ствие в нем элемента устрашения, т. е. как раз того, в чем, по мнению Сталина, заключалась цель убийства Блюмкина. Обывателю, близкому и верному (зачем же их теперь, этих обывателей?) говорят уже совсем по иному, о каком то большом количестве долларов, которые, якобы, Блюмкин привез из-за границы, не то от оппозиции, не то от белогвардейцев, (есть болваны, которые даже этому верят), о его «широком» образе жизни и проч., и проч. в том же духе. Эта последняя версия, наиболее подлая, пущена совсем недавно. Как видите пришлось прибегнуть к легенде, целиком выдержанной в духе приснопамятного врангелевского офицера... Это свидетельствует о том, что преступление, совершенное Сталиным над Блюмкиным, жжет его, как незаживающая рана.

...В связи с провалом «сплошной» и общим экономическим кризисом, в ЦК как и лично у мастера на душе совсем не спокойно; временами дело просто похоже на панику. История со снятием Баумана и проработкой других членов бюро МК в этом смысле крайне показательна. Если в Сибири или Средней Азии всю ответственность за... «общественные кур» валит на «пережившего голодотяпа» — стрелочника, то в Москве это звучит совсем уже странно. Ведь Бауман член Оргбюро ЦК, он присутствует на заседаниях Политбюро, ежедневно видится или говорит по телефону с Сталиным и Молотовым и пр., и пр. Бауман является лишь козлом отпущения, жертвой, выброшенной широким недовольством в партии. Но его снятие, как и повальное осуждение московского руководства — все это в порядке паники — достигает как раз обратных результатов. Почти всякий партийец, с которым мне приходилось говорить, очень хорошо понимает, что дело не в «стрелочнике», и не в Бауманах, а выше. Причем такая оценка дается не только в личных разговорах, но прорывается и на собраниях и даже наша отклик в партийной печати (смотри речь украинского Коссиора и др.). Все эти факты еще увеличивают панику в ЦК, а отсюда, в частности, бешеный нажим на нас. До чего дошли теперь репрессии, трудно и передать... Массовые аресты за одно брошенное на собрании слово сочувствия оппозиции, за «самокритическое» выступление на заводе. Я уже писал раньше, что в Бутырях, по обвинению в оппозиции, сидят многие десятки беспартийных рабочих, часть из них уже составили их места заполнены другими... Колоссальные размеры так же приняла провокация, которой, впрочем, и в прошлом было не мало. Провокаторы в тюрьме, в ссылке, повсюду. «Ссылочные» провокаторы орудуя на специальному амбула капитулянтов-завывателей: стараются внести разложение в ссылочные колонии, указывают властям наиболее неприимых на предмет «переборски» их под первым предлогом и изолятор. Вообще, если дело будет идти и дальше, так, то скоро вся ссылка будет переведена в изоляторы, число которых, кстати, будет увеличиваться. В ссылке сейчас широко практикуются

¹⁾ Сообщение по недосмотру не вошло в № 11 Бюллетеня.

обыски, переброски, избиения и проч. художества — без конца. Об обыске у т. Раковского я вам уже писал. Сообщают, что Христиан Георгиевич уже написал обращение к 16-му парт'езду, текста я еще не имею. Посылаю вам очень интересный документ одной из разгромленных ссыльных колоний (г. Камень, Сибирь). По части «репрессий» у меня есть совершенно особый факт. Из очень осподомленного источника я узнал, что в Константинополь был послан из соответствующего учреждения специальный человек с особыми заданиями. Подробности его миссии я, конечно, узнать не мог, но знаю фамилию посланного и за достоверность факта ручаюсь.

...На ряду с новым бешеным усилением репрессий перемена в другой области: Свыше полугодия, как аппаратчикам и газетчикам дан был приказ замалчивать нас. Теперь стало не впоготу. Пришлось отвечать. Вы, конечно, читали статьи «Рядового» (это, говорят, Лозовский, а что это за штука такая — Лозовский — говорить не приходится), Гарина, передовую «Правды» от 1 мая и друг. Статья Гарина была просто вынуждена довольно широким распространением «Открытого письма» т. Троцкого. Возрос и интерес к Бюллетеню, многие впервые узнали о его существовании... Драконовские меры по части недопущения Бюллетеня не идут ни в какое сравнение с мерами в отношении меньшевистской и белогвардейской печати...

Ваш Н.

ИЗ МОСКОВСКОГО ПИСЬМА

О. Л. С. Сосновском, Н. И. Муралове и В. Д. Капаровой получены сведения, что они тверды, как всегда. Котэ Цицхадзе писал: если останется три человека — я буду среди них. Михаил Окуджава после разосланного им полу-карикулянтского письма, послал, говорят, второе: падо, мол, подождать. Ссыльные колонии, очистившись от балбаста, стали монолитнее и крепче. Среди последних арестованных (дошло до трехсот) большинство партийны с партбилетами... Капитулянты в Москве плохо ассимилируются. Они (конечно, в строжайшей тайне) собираются «за чашкой чая» и ведут благие, но все более унылые разговоры... Говорят, что в Политбюро началась дифференциация. Мастеру грозит остаться в меньшинстве. Намечаются следующие группы: с ним идут Ворошилов и Калинин, против него — Молотов, Кулябшев (хоть это несколько противоречит сообщению о намечающейся смене им Рыкова) и... Ярославский. Последний, хоть и не член Политбюро, — активно выступил по вопросу об оппозиции, заявил, что его опыт изучения движения приводит его к выводу, что нужны другие, более мягкие меры. Статья «следа направо» результат, якобы, договоренности — компенсация за выселение мастера со статьи против безобразия, творящихся в Москве, Украине, Сибири, Сев. Кавказе и т. д...

...Питерские товарищи, как и мы здесь, целиком согласны с вашей оценкой положения.

(Май, 1930 г.).

ЗАЯВЛЕНИЕ КАМЕНСКОЙ ССЫЛЬНОЙ КОЛОНИИ БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ

Москва, ЦК ВКП(б), ОГПУ, Н.-Сибирск, Крайком ВКП(б), ППОГПУ.

Одним из звеньев административной подготовки к предстоящему парт'езду является разгвезывание полицейских репрессий против левой большевистской оппозиции. В Москве, Ленинграде и др. промышленных центрах идут непрерывные аресты за малейшую причастность к оппозиции. Тюрмы переполнены большевиками. Лучшие, наиболее активные, революционеры — выхватываются из рабочих рядов и подвергаются изощренным издевкам.

Огонь палево тем бешенее, чем дальше направо отступают запутавшиеся мелкобуржуазные политики, поставившие страну перед лицом невиданного еще экономического кризиса. Банкротство сталинского курса несутки прикрывается, якобы... «слезами», якобы... «троцкистскими перегибами». Это — беззастенчивая ложь и клевета сталинских монополистов печати и трибуны. Левого большевистская оппозиция (т. назыв. «троцкистов» и «децистов») никогда ни в одном из своих документов не стояла на позиции, подсовываемых ей теперь «перегибов». Созданные «перегибы» — это не случайное явление — они носят сложный характер и являются неотъемлемой сущностью сталинского курса. Теряющие политический разум банкроты, используя в своих фракционных целях принудительное могущество государственного аппарата, пытаются свалить с больной головы на здоровую свои тяжкие ошибки и преступления перед пролетарской революцией...

Если другие меры не действуют, тогда им на поддержку, даже в тюрьме и ссылке пускаются в ход репрессии. В тюрьмах завинчивается каторжный режим, доводящий заключенных до изнурительных и даже смертельных гололопок, или вымученных признаний «генеральной» линии. В ссылке «примы», ущемления и издевательства сменяются почтовой блокадой, обысками, арестами, перебросками, расселением в глухие места, одиночками, чтоб эти вынудить, под полицейским прессом выжать покаяния. Лишь исполнители разлагательных директив сверху — местные органы власти занимаются, тоже за хорошую плату, своего рода спортом по уловлению, якобы, заблудших душ. А кто эти исполнители — блестяще иллюстрирует ниже состав кадров Каменской парторганизации.

В порядке подобных директив на Каменскую колонию большевиков-оппозиционеров обрушились обыски и переброски. 3-го апреля весь ответственный состав сотрудников ГПУ рыскал 6-7 часов по квартирам ссыльных большевиков-оппозиционеров в поисках крамолы и в своем полицейском усердии отбирал в качестве крамолы, выписки из сочинений Маркса, Энгельса и Ленина. На другой день, не успев обсосать результатов обыска, предложили шести товарищам в 24 часа собраться и перебраться. На вопрос Нач'у ГПУ Шитову — за какие провинности такая кара — он ответил: за неиспользование суда, как трибуны, и за выступление наших представителей среди рабочих на постройке элеватора.

Ни к первому, ни ко второму ГПУ не попыталось подойти иначе, как по полицейски, в порядке статьи и не пущать. Как было дело и действительности?

В первом случае по вине руководителей Окрисполкома трудовой конфликт был доведен до Окрсуда. Сущность конфликта заключалась в том, что Окрисполком отказался заплатить двум нашим товарищам (Денсов и Майзлин) за работу по составлению торговой части пятилетки округа. В оплате труда было отказано, как выяснено судебным разбирательством, не потому, что не полагалось, а потому что эту работу, как и плату за нее в размере 150 рублей, незаконно присвоил себе пред. Окрплана Гаврилов. Попытки наших товарищей, еще до суда: разоблачающих — жульничество Гаврилова, нормальным путем, — через РКК, Отдел Труда и РКН добиться оплаты своего труда, ни к чему не привела. Все эти органы, вплоть до Оксрпрофбюро, отказались даже разбирать дело, только потому, что «истцы принадлежат к группе троцкистов». (Так ответила рабочая часть РКК в согласии с Зам. пред. Оксрпрофбюро). Об этом цинично-наглом ответе знал и руководитель Окрисполкома (Зуев-Ратников), но предложение которого (Окрисполкома) т.т. Денсов и Майзлин работали над пятилеткой.

Встретив всюду единый фронт бюрократического издеательства т.т. Денсов и Майзлин обратились к суду. На заседании суда они с неопровержимыми документами в руках публично разоблачили не только волокиту и незаконное суживничество Окрисполкома, но и преступную попытку руководителей Окрисполкома и РКН прикрыть воровство и плагиат предокрплана Гаврилова. В этом только и состояло так наз. использование суда, как трибуны.

Выступление же на постройке элеватора заключилось в том, что один из товарищей объявил дежурнику постройкой Федосову, считающему себя сельским оппозиционером, хотя в оппозиции он никогда не состоял, в присутствии нескольких рабочих, что за его недопустимо грубое отношение к рабочим, оппозиция ответственности не несет.

Совершенно очевидно, как первая, так и вторая «провинности» только удобный повод для разгона непокорной и непримиримой колонии, не давшей за последние полгода ни одного покаяния.

Небезинтересно посмотреть, на кого опирается на местах, в данном случае в Камне, сталинская диктатура, преследующая изоляторами и ссылкой левую большевистскую оппозицию. Камениская парторганизация, при наличии тончайшей прослойки рабочих (да и то не индустриальных), насквозь пропитана мелкобуржуазными элементами. Кроме того, она во всех звеньях, сверху до низу, густо насыщена белыми, колчаковцами.

За два года нашего пребывания в Камне, даже при некотором только знакомстве с составом парторганизации и ее кадрами, у нас имеется достаточно фактов, подтверждающих эту общую оценку. Начнем с руководящей верхушки.

До недавнего времени, в течение нескольких лет, был предокрисполкомом Насорков, колчаковский офицер из кулаков; при чистке был бесспорно оставлен в партии, но переведен в другой округ на ответственную работу.

Хант, до недавнего времени член бюро Округкома и редактор окружной газеты. Служил фельдшером в бандах Анненкова, отступил в Китай и поэтому попал в ВКП только в 1925 году; два его брата — белые эмигранты: один в Берлине, другой в Китае. Несмотря на столь мажорную белую био-

графию признан на чистке стопроцентным ленинцем и выдвинут в другой округ на более ответственную работу.

Общим отделом Округкома заведует Ешнев-Митрофан, бывший колчаковский каратель.

Особенно густо до последнего времени сидели белые в Оксуде под покровительством разложившегося предокрса Глушкова. Клыганов — зампредокрса — бывший начальник колчаковского военно-полевого суда, герой нашумевшего процесса об издевательствах над крестьянами Петропавловского района в хлебозаготовительную кампанию 29 года. С ним вместе поднимался на этом процессе, оспаривая первенство в издевательствах, другой, ответственный уполномоченный Окрисполкома по хлебозаготовкам — Иноземцев — бывший колчаковский каратель в команде хорунжего Бессмертного. Кстати, суд, разбиравший контр-революционные «перегрбы» этих ответственных представителей окружной власти обошел странным молчанием их белогвардейское прошлое. Может быть суд для того смалчал, чтобы облегчить Хантам, в порядке борьбы с оппозицией с трибуны и в печати, квалифицировать колчаковские «перегрбы» Клыгановых, как «слезы», «троцкистские»? Членом Оксуда был Шукан — колчаковец, кулак, в 1925 году был исключен из партии, как разложившийся, затем снова восстановлен, в 1929 году опять исключен, но очень скоро «возвещал» свой партбилет. Такой немаловажный винтик, как секретарство в Оксуде, находился в руках активного колчаковца — Абрамова, который теперь на ответственной работе в Оксрфо. Прокуратура тоже не обошлась без представительства белых — Глазачева, бывший колчаковец, зловидный крестьян на расстрел. За «искреннейшее» признание в этом на чистке был исключен из ВКП и вскоре восстановлен.

Особым вниманием белые почтили Оксротдел ОГПУ. Здесь до недавнего времени при начальнике Удалькове был зам. нач. Макаренко, бывший скронинский писарь колчаковского штаба; выдвинут в край, тоже, как будто, по линии ГПУ. Начальником СО¹⁾ и секретарем ячейки состоит Рубан — колчаковский офицер из кулаков, порывший своих солдат, по свидетельству бывших в его полку крестьян дер. Подопинково. Братья его в с. Прыткинско кулаки, пробрались в колхоз и вычищенные из него за кулацкое предательство (см. сообщение об этом в газете «Наша деревня»). Может быть порка солдат и есть работа Рубана в пользу красных, как он теперь пытается оправдаться сомнительными свидетельствами, таких же сомнительных партийцев, как и он сам. Секретарем ГПУ много лет прочно сидел до нашего январского протеста — Лысталов Николай — колчаковец, служивший в команде воинского начальника, который порол крестьян и участвовал в расстрелах на берегу Оби; отступил с белыми до полного их разгрома, чистку в ячейке прошел без сучка и задоринки, перебежал в край, как будто по линии ГПУ. Служебное свое положение использовал для покровительства своему белому дяде. Уполномоченным ГПУ был колчаковец Кульгускин — ныне на той же работе в Ачинске. Он брат еще более ответственного Кульгускина — предсея. Колхозсоюза, скрывшего на чистке кулацкое происхождение

1) СО — Секретный Отдел ГПУ.

и поддержку кулацкого хозяйства отца. Сотрудником ГПУ является Бирюков — сын тюменецкого кулака. Его жена — бывш. машинистка ГПУ Пыктин из семьи, в доме которой был притон бело-гвардейских офицеров. Во главе Кредитсоюза был еще недавно, а теперь ответственный кооператор — Богданович Иван — при царизме волосной писарь в Столбовой, выдавший тогда полиции бежавшего ссыльного большевика Козлова П. Г. (ныне член общества политкаторжан). При Колчаке был контр-разведчиком.

Председателем ЦРК в 1924-29 гг. был Лучников, колчаковский каратель и контр-разведчик, участвовал в обысках и расстрелах, до чистки перевелся в другой округ на ответственную работу. Ныне членом правления ЦРК и членом комиссии по чистке ОКРЗУ состоит крупный растратчик Демин. Заведует Акортом бывший волостной писарь при Колчаке, спекулирует с-х. машинами — Федько. Секретарями партийных таких учреждений, как ОКРЗУ и Союз Союзов с-х. кооперации состоят Пыльников Ив. Ив. — при Колчаке сотрудник завьяловской полиции, участвовавший в порке крестьян, сочувствовавших соввласти, и Каршиков — активный колчаковец.

До последнего времени заведывал мельницей «Партизан» ответственный коммунист «рабочий» Мохтин Андрей — при Колчаке контр-разведчик, приезжал в сентябре 1919 г. в г. Ганьхово конфликтовать на маслозаводе и у крестьян продюльства для контр-разведки. При чистке был исключен, но вскоре за какие-то заслуги восстановлен. Он же прикрывал на мельнице в качестве рабочих колчаковских карателей Прокопьева, Белкина. Брат Мохтина тоже белый, уполном. партизанам в про-рубль.

Не обошли белые и советскую школу. В качестве ответственного инспектора Соцвова ОКРОКО подвизался Сидякин — из кулаков, в квартире которого в 1919 году был «садом» штабных колчаковцев. Теперь он тушит детей бывш. красных партизан и покровительствует учителям из активных колчаковцев: Шукевичу — ссыльному бело-гвардейцу, командиру пушечного — ссыльного батальона «глубоких улан» и такому же Решетняку.

Этот список махровой бело-гвардейщины, ныне делающей политику в качестве 100-процентных стелшников, можно было бы продолжить, но для характеристики кадров каменской организации и этого хватит. Что эти персонажи не случайные элементы, не редкостные «белые пороски», показывает чистка 1929 года. Все исключенные белые очень быстро были восстановлены, заручившись поддержкой, а может и в силу круговой поруки, т. к. и чистят то колчаковцы. Так, например, членом комиссии по чистке ЦРК был назначен некий Редько, который на собрании был разоблачен одной крестьянкой, как колчаковский каратель из отряда хорунжого Бес-смертного, расстрелявший ее мужа и выпорочивший ее плетью. И после этого Редько все же был оставлен членом комиссии по чистке.

В условиях такой парторганизации, с такими кадрами, — а Камень не является исключением, — сталинские репрессии против левой большевистской оппозиции находят широчайшую и искреннюю поддержку, ибо для таких кадров борьба против большевистской оппозиции есть борьба против большевизма и пролетарской диктатуры за буржуазно-кулацкую контр-революцию.

Если сталинское руководство потеряло способ-

ность это понимать, тем хуже для него. Мы заявляем, что, вопреки единому фронту Сталина с бывшими колчаковскими карателями, левая большевистская оппозиция будет продолжать борьбу за подлинный большевизм-ленинизм, против оппортунистической сталинской, за пролетарскую диктатуру — против сталинской диктатуры.

Балмашинов, Баскаков, Денсов, Козлова, Майзлин, Старобович, Столовский, Харченко. 1)

4 мая 1930 г.

ПИСЬМО ИЗ СССР

2 мая 1930 года.

С первым мая, дорогой друг!

Вчера получил от одного из товарищей выдержку из вашего письма от 21-го марта 1930 года. Как общую установку считаю вполне правильным и приемлемым. Только некоторые недоразумения вызывают, как во мне, так и в некоторых товарищах, вопрос о темпе. Некоторые места из вашего письма можно истолковать в том смысле, что вы за снижение темпов вообще. Что нужно планомерно отступить с позиций авантюризма на ленинские позиции — бесспорно. Но значит ли это снижение темпов вообще по индустриализации и коллективизации, т. е. спуститься ниже тех темпов, которые оппозиция предлагала в своей платформе? Под усилением темпа и подразумевая не тот темп, который временно достигается в результате авантюристской, партизанской политики; а темп подлинный, какой мы предлагали в платформе и который логически можно было развить до максимальной степени и границы. Ведь темп, указанный в платформе, нельзя было понимать, как раз навсегда установленный темп. При благоприятных условиях этот темп можно было развить дальше, усилить, поднять. Но это в руках подлинного, пролетарского руководства происходило бы разумно, без каких бы то ни было авантюризм: предложенный нами темп имел бы тенденцию идти вверх. Усиление же темпа ультра-левыми мероприятиями, партизанскими налетами, авантюристскими заскоками — это в сущности не усиление темпа, а наоборот, неизбежное снижение его, т. е. правая политика панзюанку. В итоге авантюризм дает, в лучшем случае, снижение, а в худшем — провал всей работы. Значит, темп, взятый руководством, ничего общего не имел с настоящим темпом. Поэтому отступать от политики авантюризма не значит отложить коллективизацию, как вы пишете в своем письме. Наоборот, отступления от авантюризма должно означать дальнейшее продолжение коллективизации, по уже иным методам, иным подходом. Оно должно означать возвращение к действительному, подлинному усилению темпа коллективизации, но без авантюризма, нормальным путем. Иначе говоря, мы не должны отступать к тому темпу, который был, примерно, до 1928 года, т. е. к «черепашьему темпу». Мы должны сохранить усиленный темп минус авантюризм и правую установку. Отступление руководства имеет тенденцию скатиться к правой установке. И если мы бросим лозунг задержки коллектив-

1) Колония в результате своей непримиримости подверглась разгрому; часть товарищей переведена в изолятор, часть разбросана по Сибири. Ред.

задания — этим самым усилим тенденции и ускорим победу правых. Ясно, что при дальнейшем продолжении коллективизации, но марксистскими методами, уже, одновременно с этим, будет происходить «отбор» годных и «обещающих» колхозов, с одной стороны, и ликвидация тех колхозов, которые основаны под голым нажимом администрации, а также ликвидация лже-колхозов. Весь вопрос заключается в том, что руководство (ради престижа) захотело перекрыть указанный нами усиленный темп и на этом сорвалось. Мы же сейчас должны отбросить сверх-темп, но организацию колхозов продолжать на началах подлинной добровольности, «нажимая» на крестьян только силой убеждения, а не административно. (Нужно заметить, что мы скоро станем перед фактом новых искривлений линии ЦК по вопросу о возвращении в колхозы ушедших колхозников, ибо парт-чиновники постараются теперь силой гнуть их обратно или препятствовать уходу опять административно).

То же самое можно сказать и по вопросу о раскулачивании. Вы пишете о приостановлении раскулачивания. Уничтожение кулака, как класса в административном порядке, конечно, абсурд. Но вопрос раскулачивания мне рисуется в двух вариантах: 1) Когда кулацкие группы открыто ведут кампанию против коллективизации и прибегают, с своей стороны, к насилию в какой-бы то ни было форме — в таких случаях наша власть не может ограничиваться полумерами. Она должна производить в подобных случаях раскулачивание по всем правилам революционного искусства, т. е. и арестовывать, и выселять, а наиболее злостных подвергать даже высшей мере социальной защиты. 2) В тех случаях, когда кулак активно не выступает, но, конечно, и не «любит» нас, мы должны преодолевать их хозяйственно, что в той или иной степени не приостанавливает его раскулачивание. В таких случаях раскулачивание будет происходить применением различных мероприятий против кулака: жесткая контрактация, изъятие их хороших земель, части инвентаря, части рабоче-скота, конкуренция со стороны колхозов и т. д. И таким образом доведение кулака экономически до уровня бедняка или малоимущего середняка. Такое жесткое ограничение кулака означает его постепенное раскулачивание, но не приостановления этого последнего. Приостановить вовсе раскулачивание было бы снижением темпа борьбы с кулаком, а это дест. сму возможность снова расправить крылья и с новой силой ударить по диктатуре пролетариата. Вы пишете, что паника, наведенная на кулака, хватит на два года. Это не совсем верно. Его озлобленность так велика, что панике он не так поддается, как раньше. Озлобленность делает его смелым.

Наконец, говоря о сокращении расходов, вы предлагаете не останавливаться даже перед приостановлением уже начатых предприятий, чтобы спасти червонец. Такую меру можно предлагать только при катастрофическом положении финансов (знаем, верно, знакомством с финансовым положением ис. могу похвастаться). Сокращение расходов можно пролонгировать в других областях. У нас имелось, а сейчас еще больше имеется масса непродуманных расходов, уничтожение которых позволяет продолжать достройку уже начатых предприятий. Приостановка таких предприятий была бы отступлением не только от «принципа скачка» в про-

мышленности или от авантюризма, но и от необходимого темпа индустриализации.

Может быть, при наличии подлинного, пролетарско-марксистского руководства у меня вышеизложенные пункты не вызвали бы сомнений. Но я имел в виду нынешнее руководство и его природу. Ведь если нынешнее руководство постарается, а оно несомненно постарается, внушить рабочему классу и партии, что оппозиция, которая сегодня является для них по существу единственным якорем спасения диктатуры пролетариата, стоит за снижением темпов — то такое положение безусловно облегчит центризму без пересадки очутиться на самом правом фланге (даже правее Бухарина и компании), что по существу будет означать полную ликвидацию левого курса и приближение термидора.

Исходя из этих соображений, я стою бы за более детальное, ясное и отчетливое разъяснение этих пунктов, каскадных темпов, вернее, их снижения. Крепко жму руку и горячо обнимаю.

Ваш К.

P. S. В статье Гарина в «Правде» от 1-го мая 1930 года между строк можно вычитать, что у нас сподозрительные пункты детализированы в том же духе, в каком я излагаю в этом письме. Мы Бюллетеня не имеем. Имеем неполные выдержки из письма от 21-го марта 1930 года.

ОТВЕТ ТОВ. К.

Дорогой друг!

Получил ваше письмо от 2-го мая. Никаких разногласий по существу у нас с вами нет. В Бюллетене, особенно в номера 11-ом, это выяснено, надеюсь, со всей полнотой. Разумеется, мы по-прежнему держим курс на максимальный темп индустриализации и коллективизации. Но обеспечение наиболее высокого темпа, какой только достижим в условиях изолированного развития, предполагает в каждый данный момент не статистически-максимальный, а экономически-оптимальный, т. е. наиболее целесообразный, наиболее хозяйственно-обеспеченный темп, который один только и способен обеспечить высокий темп завтрашнего дня.

Не стратегически, разумеется, но тактически, это означало для данного момента: «не зарывайся, осадь назад!» — и я считал необходимым эти простые слова крикнуть полным голосом, хотя ни на минуту не сомневался, что бюрократы в наглышках, которые завтра не то, что осадят, но бешено отпрянут назад от края пропасти, к которому они подошли, будут сегодня уличать нас... в правом уклоне. Но это жалкая словесность! А тот факт, что левая оппозиция, в течение годов требовавшая ускорения индустриализации и коллективизации, сумела вовремя крикнуть авантюристам, рычагам и штурмам бюрократии: «осадь назад!» — этот факт войдет в сознание.

Разумеется, «задержать коллективизацию» значит обуздать административное коллективизаторство, а никак не снизить действительное колхозное строительство. Но только темпы его должны быть построены на экономических основах. Добровольность и коллективизация несколько не исключает экономического давления, которое отличается от административного тем, что дает реальные выгоды вместо миллифесских угроз. В правильно построенной си-

в системе коллективизации, идейное воздействие сочетается с экономическим давлением. Но так как это последнее оперирует с реальными величинами, то оно должно быть строго подсчитано и введено в такую систему, которая обеспечивала бы систематический рост коллективизации, с ослаблением, а не усилением административного фактора.

Что резолюционная власть должна и будет сурово расправляться с кулаками, поднимающимися на восстания, об этом вряд ли нужно говорить. Но если кулачеству, которое вчера еще глядели по головке («собогащались», «востаи!») сегодня угрожают раскулачиванием, т. е. полной экспроприацией в течение двух-трех лет, то этим его административно гонят на восстание. Вот против этого раскулачивания надо было поднять тот же крик предостережения: «сади назад!».

Насчет сокращения расходов полностью остается, конечно, в силе наша платформа. Сталин с Рыковым и Кубышевым обещали, если помните, особым манифестом в 1927 году сократить бюрократические расходы на 300-400 миллионов рублей. На самом деле они ничего не сократили. Нигде еще не видно было, чтоб бюрократия сама себя сокращала.

Но общие требования нашей платформы не исключают необходимости решительной ревизии всяких дополнительных индустриальных планов последних полутора-двух лет. Ведь сейчас программы разбухают в порядке вдохновения Гессека, Облсека и Окреска. Как они экономически покрываются? Во первых, снижением качества продукции; во-вторых, инфляцией. И то и другое бьет по рабочим, бьет по бедняку-крестьянину и подготавливает жестокий срыв индустриализации. Вот почему и здесь нужен был окрик «сади назад!».

Что сегодняшние планы максимальных темпов зятра, когда таинственные для них экономические процессы еще крепче ударят их в лоб, опишут над нашими головами дугу, чтобы свергнуть на старый, устаревший путь, в этом у меня с вами нет ни малейшего расхождения. Впрочем, вы сами вычитали совершенно правильно нашу солидарность между строк статьи одного из сталинских желто-красных профессоров (профессорами их, говорят, называют за их независимую профессию).

Крепко обнимаю и желаю здоровья.

Ваш Л. Т.

ИЗ ССЫЛКИ ПИШУТ:

16-го мая.

Для каменских товарища Денев и Столенский, переведенные в Нарым, в наказание за твердое поведение, неделю жили в Томске в «фабрично-заводской и сельско-хозяйственной трудовой закрытой колонии»: такова официальная вывеска на изоляторе, где «жишет» Лев Семенович Сосновский. Им удалось два раза мельком его повидать. Он очень похудел, поседел и все время боится. Держат его в исключительно тяжелых условиях, в которых даже в царское время не держали смертников. К нему приставлен специальный надзиратель и на прогулку водит специальный сотрудник ГПУ. Книги и газеты получает. Передач не разрешают никаких. Товарищи успели с ним переключиться, сообщили об обращении Х. Г. Раковского к партии. Настроение у Л. С. хорошее, бодрое. Он написал работу об

аграрной политике центразма, по у него произведен был обыск и работа эта у него была отобрана.

«Весьма лаконическое сообщение о верхне-уральском изоляторе получил, пишу, что все ребята живут чрезвычайно интенсивной умственной жизнью: настоящий университет, языки изучают почти все, дискуссии не прекращаются». Это все.

Получил недавно открытку от капитулянта, жившего в нашей колонии. Он пишет: «меня держат в черном теле. Работая хотя на заводе, но заработок около 50 руб. Окр. КК дважды мне отказала в приеме в партию. Мотивы: недоверие к искренности отхода. Бывшие товарищи по оппозиции бегают как от чумы и не узнают. Отношение партийцев тоже скверное. Пытался выступить с критикой, говорят: «решидни»; констатировал успехи, говорят: «зламы-ваше своего лица, попытка взорвать изнутри». Теперь молчу, и это трактуется, как «споришание всего, нежелание брать на себя ответственность». Откровенно говоря, настроение неважное. Пишу об этом всем Ярославскому. От второго нашего капитулянта получил аналогичную открытку. Тот прямо пишет: «по детски у меня все это как то вышло» (это относительно своего отхода). Этот второй присад, очевидно для «утешения», местную газету, где сообщалось о выступлении так называемых «сколков» на заводе.

Вам вероятно сообщали уже, что у Христиана Георгиевича (Раковского) в конце февраля во время особо сурового обыска — семь часов, пять человек! — отобрали «все». Он подвергнут жестокой блокаде, отрезан от внешнего мира больше всех... О Рафанце и Окуджава пишут, что они уже месяца два назад подали заявление, но оно было найдено «недостаточным» (?). Сообщают с другой стороны, что идет перекличка между Окуджавой, Млинским, Кавгарадзе. Выявилось якобы, что разногласий между ними и руководством больше нет, аза исключением национального вопроса». Отходы к 16-му съезду, разумеется, будут. Отходят те, которые испытали острое «головокружение» в разгар кельхонных иллюзий, а сейчас не решаются отступить от уже сделанных капитулянтских шагов, чтоб не показаться смешными. Партийная печать об отходах отдельных оппозиционеров не печатает, чтоб иметь возможность преподнести к съезду более «звучительный» список сразу. Но актив наш несравненно значительнее пассива. Вы об этом можете судить и по официальной печати, которая опять развернула кампанию против левой оппозиции, точно в 1927 году, и по... числу арестов.

Замечательно еще вот что: ряд выдающихся капитулянтов оправдывается так: «вы хотите сохранить свои ризы белоснежными, — не выйдет, придется и вам запачкаться». Буквально! Таким образом они, по крайней мере, с глазу на глаз, признают, что «запачкались».

ИЗ МОСКВЫ

Май.

В Москве, в порядке подготовки XVI съезда предусмотрено за последние два-три месяца около 450 товарищей, обвиняемых или подозреваемых в принадлежности к левой оппозиции или в симпатии к ней.

8700

Относительно намерения и шагов наших сельских, последние съезды таковы. Независимо от обращения 1) к партии, за подписями Раковского, Каспаровой, Коссиора и Муралова предполагается краткое обращение к съезду. Это обращение прежде всего должно установить: 1) что мы за единую партию, за единый 3-ий Интернационал, за «реформу», 2) что мы поддерживаем всякое дельное и полезное мероприятие центристов, 3) что мы всегда будем в первых рядах в борьбе за защиту советского отечества от внешней и внутренней контр-революции, 4) что мы всегда добивались, добиваемся и теперь нашего возращения в партию — без капитуляцизма, с обязательством подчиниться партийной дисциплине, исполнять решения парт'ездов, но с неотъемлемым правом защищать наши взгляды, критиковать политику руководства, когда мы ее считаем неправильной. Это вступление. За ним должна следовать основная критическая часть. В четкой форме предполагается резюмировать то, что имеется в обращении к партии, в свете еще более свежих материалов. Основная мысль: политика центристского руководства превратилась, замазывание этого банкротства означает, что выход из кризиса будет исходить за счет рабочего класса и сельской бедноты и, пр., усиление бюрократического самодержавия и все это под шум левых фраз...

*) К сожалению мы лишены возможности напечатать это обращение, так как посланный нам экземпляр — до нас не дошел. — Ред.

ИЗ ХАРЬКОВА ПИШУТ:

Май.

В Харькове «уклоны», «заскоки», «загибы» обнаружены повсюду: в ячейках ЦКК КП(б)У, Университета им. Артёма, типографии Фрунзе, кроватного завода и т. д. Везде были выступления с критикой «линии» и системы.

Все это время ждем от вас оценки 15 марта (Шукаляр ЦК против перегибов). Этот шаг сыграл огромную роль в деле углубления партийного кризиса, но он ничего не решает в отношении продолжения экономического кризиса в стране.

...Вы наверное (имеете сведения о положении в текстильной промышленности. Она вся в среднем останавливается на 37 дней в этом году, из-за недостатка сырья по отношению к раздутым производственным планам. На 1930-31 год план перестраивается в сторону сокращения. Разработан уже план сокращения рабочих (переход на пенсию). Сокращение временных рабочих, ночные смены долой, строгое применение правил внутреннего распорядка и т. д.

За время простоев оплата 2/3 тарифной ставки, при увольнении двухнедельная компенсация.

Такое же положение создается по всей промышленности, работающей на сельск-хоз. сырье (свекла, лен, кожа, шерсть и т. д.).

Вот они, темпы авантюризма!

Две концепции

(Предисловие к немецкому и английскому изданиям «Перманентной революции»)

Сейчас, когда эта книжка сдается в печать на иностранных языках, вся мыслящая часть международного рабочего класса, в известном смысле — все «цивилизованное» человечество, с особенно острым интересом прислушивается к отголоскам того хозяйственного переворота, который совершается на большей части бывшей имперской империи. Наибольшее внимание возбуждает при этом проблема коллективизации крестьянских хозяйств. И не мудрено: в этой области разрыв с прошлым принимает особенно захватывающий характер. Но правильная оценка коллективизации немислива без общей концепции социалистической революции. И здесь мы снова, но уже на более высокой ступени, убеждаемся в том, что в теоретической области марксизма нет ничего неразличного для практической деятельности. Самые отдаленные и, казалось бы, «абстрактные» разогласия, если они продуманы до конца, раньше или позже всегда проявятся на практике, и эта последняя не простит ни одной теоретической ошибки.

Коллективизация крестьянских хозяйств есть, разумеется, необходимая и капитальная часть социалистического преобразования общества.

Объем и темп коллективизации определяются, однако, не одной лишь правительственной волей, но, в последнем счете, экономическими факторами: высотой хозяйственного уровня страны, взаимоотношением между промышленностью и сельским хозяйством, а следовательно, и техническими ресурсами самого сельского хозяйства.

Индустриализация является движущим фактором всей новейшей культуры и, тем самым, единственно мыслимой основой социализма. В условиях Советского Союза индустриализация означает прежде всего укрепление базы пролетариата, как господствующего класса. Одно-временно она создает материально-технические предпосылки для коллективизации сельского хозяйства. Темпы обоих этих процессов находятся во внутренней зависимости. Пролетариат заинтересован в наивысшем темпе обоих процессов, поскольку таким путем строящееся новое общество наилучше ограждает себя от внешней опасности и, вместе с тем, создает источник для систематического повышения материального уровня трудящихся масс.

Однако же, достигшие темпы находят свое ограничение в общем материальном и куль-

8701

турном уровне страны, во взаимоотношении между городом и деревней и в неотложных потребностях масс, которые только до известного предела могут жертвовать своим сегодняшним днем во имя завтрашнего. Оптимальные, т. е. лучшие, наиболее выгодные темпы это те, которые не только дают быстрое развитие индустрии и коллективизации в данный момент, но и обеспечивают необходимую устойчивость общественного строя диктатуры, т. е. прежде всего укрепление союза рабочих и крестьян, подготавливая тем самым возможность успехов в дальнейшем.

С этой точки зрения решающее значение имеет тот общий исторический критерий, под углом зрения которого партийное и государственное руководство направляет хозяйственное развитие в плановом порядке. Тут возможны два основных варианта: а) охарактеризованный выше курс на экономическое упрочение диктатуры пролетариата в отдельной стране до дальнейших побед международной пролетарской революции (точка зрения левой оппозиции); б) курс на построение изолированного национального социалистического общества, притом «в кратчайший исторический срок» (нынешняя официальная точка зрения).

Это две совершенно разные, в последнем счете противоположные теоретические концепции социализма. Из них вытекают разная стратегия и разная тактика.

В рамках этого предисловия мы не можем рассматривать заново вопрос о построении социализма в отдельной стране. Этой теме посвящены другие наши работы, в частности «Критика программы Коминтерна». Здесь мы ограничимся лишь самыми основными элементами вопроса. Напомним прежде всего, что теория социализма в отдельной стране была впервые формулирована Сталиным осенью 1924 г., в полном противоречии не только со всей традицией марксизма и школой Ленина, но и с тем, что сам Сталин писал еще весной того же 1924 года. По своей принципиальной глубине, отход сталинской «школы» от марксизма в вопросах социалистического строительства не сколько не менее значителен и радикален, чем, например, разрыв с марксизмом германской социал-демократии в вопросах войны и патриотизма, осенью 1914 года, т. е. ровно за 10 лет до сталинского поворота. Это сопоставление имеет не случайный характер. «Ошибка» Сталина, как и «ошибка» немецкой социал-демократии есть национал-социализм.

Марксизм исходит из мирового хозяйства, не как суммы национальных частей, а как могущественной самостоятельной реальности, которая создается международным разделением труда и мировым рынком, властно господствующим в нынешнюю эпоху над национальными рынками. Производительные силы капиталистического общества давно уже переросли национальные границы. Импералистская полна яви-

лась одним из выражений этого факта. Социалистическое общество должно представлять собою в производственно-техническом отношении более высокую стадию по сравнению с капитализмом. Задаваться целью построения национально-замкнутого социалистического общества значило бы, несмотря на все временные успехи, тянуть производительные силы назад даже по сравнению с капитализмом. Пытаться, независимо от географических, культурных и исторических условий развития страны, составляющей часть мирового целого, осуществить самодовлеющую пропорциональность всех отраслей хозяйства в национальных рынках, значит гоняться за реакционной утопией. Если провозвестники и сторонники этой теории участвуют тем не менее в интернациональной революционной борьбе (с каким успехом — вопрос другой), то это потому, что они, как безнадежные эклектики, механически сочетают абстрактный интернационализм с реакционно-утопическим национал-социализмом. Наиболее законченным выражением этой эклектики является принята VI-м конгрессом программа Коминтерна.

Чтобы показать во всей наглядности одну из главных теоретических ошибок, лежащих в основе национал-социалистической концепции, мы не можем сделать ничего лучшего, как процитировать недавно опубликованную речь Сталина, посвященную внутренним вопросам американского коммунизма¹⁾: «Было бы неправильно — говорит Сталин против одной из коммунистических фракций — не учитывать специфических особенностей американского капитализма. Компартия должна их учитывать в своей работе. Но было бы еще более неправильно базировать деятельность компартии на этих специфических чертах, ибо основной деятельности всякой компартии, в том числе и американской, на которой она должна базироваться, являются общие черты капитализма, одинаковые в основном для всех стран, а не специфические его черты в данной стране. На этом и зиждется интернационализм компартий. Специфические черты являются лишь дополнением к общим чертам». («Большевик», ном. 1, 1930 г., стр. 8, подчеркнута нами).

Эти строки не оставляют желать ничего в смысле ясности. Под видом экономического обоснования интернационализма Сталин дает в действительности обоснование национал-социализма. Неправильно, будто мировое хозяйство представляет собою простую сумму отдельных национальных частей. Неправильно, будто специфические черты являются «лишь дополнением к общим чертам», вроде бородавки на лице. На самом деле национальные особенно-

1) Речь эта, произнесенная 6-го мая 1929 г., была опубликована только в начале 1930 г. и притом в таких условиях, которые придают ей своего рода «программное» значение.

сти представляют собою своеобразное сочетание основных черт мирового процесса. Это своеобразие может иметь решающее значение для революционной стратегии на многие годы. Достаточно напомнить о том факте, что пролетариат отсталой страны оказался у власти на много лет раньше, чем пролетариат передовых стран. Один этот исторический урок показывает, что, вопреки Сталину, совершенно неправильно базировать деятельность компартий на некоторых «общих чертах», т.е. на абстрактном типе национального капитализма. В корне ложно, будто на этом и зиждется интернационализм компартий. На самом деле он зиждется на несостоятельности национального государства, которое давно пережило себя и стало тормазом развития производительных сил. Национальный капитализм не может быть не только перестроен, но даже и понят иначе, как часть мирового хозяйства.

Экономическое своеобразие разных стран имеет отнюдь не второстепенный характер: достаточно сравнить Англию и Индию, Соединенные Штаты и Бразилию. Но специфические черты национального хозяйства, как бы велики они ни были, входят, притом в возрастающей мере, составными частями в более высокую реальность, которая называется мировым хозяйством, и на которой, в последнем счете, только и зиждется интернационализм компартий.

Сталинская характеристика национального своеобразия, как простого «дополнения» к общему типу, находится в вопиющем и притом не случайном противоречии со сталинским пониманием (т.е. непониманием) закона неравномерного развития капитализма. Этот закон, как известно, объявлен Сталиным основным, важнейшим, универсальным. При помощи закона неравномерного развития, превращенного им в абстракцию, Сталин пытается открывать все загадки бытия. Но поразительное дело: он не замечает при этом, что национальное своеобразие и есть наиболее общий и, так сказать, итоговый продукт неравномерности исторического развития. Нужно только эту неравномерность правильно понять, взять во всем ее объеме, распространяя ее также и на локально-историческое прошлое. Более быстрое или более медленное развитие производительных сил; развернутый или, наоборот, сжатый характер целых исторических эпох, например, средневековья, цехового режима, просвещенного абсолютизма, парламентаризма; неравномерность развития разных отраслей хозяйства, разных классов, разных социальных учреждений, разных сторон культуры, — все это лежит в основе национальных «особенностей». Своеобразие национально-социального типа есть кристаллизация неравномерностей его формирования.

Октябрьская революция возникла, как самое грандиозное из всех проявлений неравномерно-

сти исторического процесса. Теория перманентной революции, давшая прогноз октябрьского переворота, опиралась тем самым на закон неравномерности исторического развития, но не в его абстрактной форме, а в его материальной кристаллизации, в виде социального и политического своеобразия России.

Сталин привлек закон неравномерного развития не для того, чтобы своевременно предсказать захват власти пролетариатом отсталой страны, а для того, чтобы задним числом, в 1924 г., навязать уже победоносному пролетариату задачу построения национального социалистического общества. Но как раз здесь закон неравномерного развития совершенно не причем, ибо он не замещает и не отменяет законов мирового хозяйства, а наоборот, подчиняется им.

Фетишизируя закон неравномерного развития, Сталин объявляет его достаточным для обоснования национал-социализма, но не типового, т.е. общего для всех стран, а исключительного, мессианистического, чисто русского. Построить самостоятельное социалистическое общество можно, по Сталину, только в России. Этим самым он национальные особенности России ставит не только над «общими чертами» капиталистической нации, но и над мировым хозяйством в целом. Здесь то и открывается роковая цель во всей сталинской концепции. Своеобразие СССР так могущественно, что позволяет в его границах построить свой собственный социализм, независимо от того, что произойдет с остальным человечеством. Что же касается других стран, не отмеченных печатью мессианизма, то их своеобразие есть только «дополнение» к общим чертам, только бородавка на лице. «Было бы неправильно, — поучает Сталин, — базировать деятельность компартий на этих специфических чертах». Мораль эта относится к американской компартии, британской, южно-африканской и сербской, но... не к русской, деятельность которой базируется не на «общих чертах», а именно на «особенностях». Отсюда то и вытекает насильственная стратегия Коминтерна: а то время, как СССР «ликвидирует классы» и строит социализм, пролетариат всех остальных стран, совершенно независимо от реальных национальных условий, обязывается к единовременным действиям по календарю (1-ое августа, 6-го марта и пр.). Мессианистический национализм дополняется бюрократически-абстрактным интернационализмом. Эта двойственность проходит через всю программу Коминтерна, лишая ее какого бы то ни было принципиального значения.

Если взять Англию и Индию, как полярные разновидности капиталистического типа, то придется констатировать, что интернационализм британского и индусского пролетариата опирается отнюдь не на тождественность условий, задач и методов, а на нерасторжимую вза-

имозависимость их. Успехи освободительного движения в Индии требуют революционного движения в Англии, и наоборот. Ни в Индии, ни в Англии нельзя построить самостоятельное социалистическое общество. Обе они должны будут войти частями в более высокое целое. В этом и только в этом неосокрушимый фундамент марксистского интернационализма.

Совсем на днях, 8-го марта 1930 года, «Правда» снова излагала злополучную теорию Сталина в том смысле, что «социализм, как социально-экономическая формация», т.е. как определенный строй производственных отношений, вполне может осуществиться «в национальном масштабе СССР». Другое дело «окончательная победа социализма, в смысле гарантии от интервенций капиталистического окружения», — такая окончательная победа социализма «действительно требует торжества пролетарской революции в нескольких переловых странах». Какой нужен был глубокий упадок теоретической мысли, чтоб подобного рода жалкую схоластику можно было с ученым видом налагать на страницах центрального органа партии Ленина! Если допустить на минуту возможность осуществления социализма, как законченной общественной системы, в изолированных рамках СССР, то это и будет «окончательная победа», ибо о какой же вообще интервенции сможет после этого идти речь? Социалистический строй предполагает высокую технику, высокую культуру и высокую солидарность населения. Так как в СССР к моменту окончательного построения социализма будет, надо думать, не меньше 200, а то и 250 миллионов душ населения, то спрашивается: о какой вообще интервенции сможет идти речь? Какое капиталистическое государство или какая коалиция их посмеет думать об интервенции при этих условиях? Единственно мыслимая интервенция могла бы идти лишь со стороны СССР. Но понадобилась ли бы она? Вряд ли. Пример отсталой страны, которая самостоятельными силами построила в течении нескольких «пятилеток» могущественное социалистическое общество, означал бы смертельный удар мировому капитализму и свел бы к минимуму, если не к нулю, издержки мировой пролетарской революции. Вот почему вся сталинская концепция ведет, по существу, к ликвидации Коммунистического Интернационала. Каково, в самом деле, может быть его историческое значение, если судьбу социализма решает в последней инстанции... госплан СССР? Коминтерн имеет, в таком случае, своей задачей, наряду с пресловутым «обществом друзей СССР», охранять строительство социализма от интервенций, т.е. по существу сползает к подл пограничной стражи.

Уже упомянутая нами недавняя статья доказывает правильность сталинской концепции самими новыми и свежими экономическими аргументами: «...лиkeno сейчас, — говорит «Прав-

да», — когда социалистического типа производственные отношения помимо промышленности, начинают все больше внедряться в сельское хозяйство через растущие совхозы, через гигантски растущее количество и качественно колхозное движение и основанную на сплошной коллективизации ликвидации кулачества, как класса, яснее всего жалкое банкротство трокистско-зиновьевского поражения, по существу означавшего «меньшевистское отрицание правомерности Октябрьской революции» (Сталин)». («Правда», 8 марта 1930 года).

Эти строки поистине замечательные, и притом не одной только развязностью тона, прикрывающей полную растерянность мыслей. Вместе со Сталиным автор обвиняет «трокистскую» концепцию в «отрицании правомерности Октябрьской революции». Но ведь как раз на основании своей концепции, т.е. теории перманентной революции, автор этих строк предсказывал неизбежность Октябрьской революции за 13 лет до того, как она совершилась. А Сталин? Уже после февральской революции, т.е. за 8 и за 7 месяцев до Октябрьского переворота, он выступал, как вульгарный революционный демократ. Понадобился приезд Сталина в Петроград (3 апреля 1917 г.) и его беспощадная борьба против столь осмевавшихся им тогда чванливых «старых большевиков», чтобы Сталин осторожно и бесшумно, вскарабкался с демократической позиции на социалистическую. Это внутреннее «перерастание» Сталина, никогда впрочем не доходившее до конца, произошло во всяком случае не раньше, как лет через 12 после того, как дано было обоснование «правомерности» захвата власти русским пролетариатом до начала пролетарской революции на Западе.

Но выработывая теоретический прогноз Октябрьской революции, мы отнюдь не считали при этом, что, завоевав государственную власть, пролетариат России выключит бывшую империю царей из мирового хозяйственного круга. Мы, марксисты, знаем роль и значение государственной власти. Она вовсе не является пассивным отражением экономических процессов, как это фаталистически изображают социал-демократические прислужники буржуазного государства. Власть может иметь гигантское значение, как реакционное, так и прогрессивное, в зависимости от того, в руках какого класса она находится. Но государственная власть есть все же орудие надстроечного порядка. Переход власти из рук царизма и буржуазии в руки пролетариата не отменяет ни процессов, ни законов мирового хозяйства. Правда, в течении известного времени после Октябрьского переворота экономические связи Советского Союза с мировым рынком ослабли. Но чудовишной ошибкой было обобщать явление, которое представляло собою лишь короткий этап диалектического процесса. Миро-

ное разделение труда и сверхнациональный характер современных производительных сил не только сохраняют, но будут удваивать и увеличивать свое значение для Советского Союза по мере его экономического подъема.

Каждая отсталая страна, приобщаясь к капитализму, проходит через разные стадии, то убывающей, то возрастающей зависимости от других капиталистических стран, но в общем тенденция капиталистического развития ведет в сторону колоссального роста мировых связей, что выражается в увеличивающемся объеме внешней торговли, включая в нее, конечно, и торговлю капиталами. Зависимость Англии от Индии имеет, конечно, качественно иной характер, чем зависимость Индии от Англии. Но эта разница определяется, в основе своей, различием в уровне развития их производительных сил, а вовсе не степенью их хозяйственного самодовления. Индия есть колония, Англия — метрополия. Но если сегодня подвергнуть Англию экономической блокаде, то она погибнет скорее, чем Индия. Это и есть, к слову сказать, одна из убедительных иллюстраций реальности мирового хозяйства.

Капиталистическое развитие — не в абстрактных формулах второго тома «Капитала», которые сохраняют все свое значение, как этап анализа, а в исторической действительности — капиталистическое развитие совершалось и не могло не совершаться, путем систематического расширения своей базы. В процессе своего развития, следовательно, в борьбе со своими внутренними противоречиями, каждый национальный капитализм обращается во все возрастающей степени к резервам «внешнего рынка», т. е. мирового хозяйства. Непреодолимая экспансия, вытекающая из перманентных внутренних кризисов капитализма, составляет его прогрессивную силу, прежде, чем она становится для него смертельной.

Октябрьская революция унаследовала от старой России, кроме внутренних противоречий капитализма, не менее глубокие противоречия между капитализмом в целом и докапиталистическими формами производства. Эти противоречия имели, имеют и сегодня, овеетельственный характер, т. е. они заложены в материальном соотношении между городом и деревней, в определенных пропорциях или диспропорциях разных отраслей промышленности и народного хозяйства в целом, и пр. Корнями своими некоторые из этих противоречий уходят непосредственно в географические и демографические условия страны, т. е. питаются избытком или недостатком тех или иных естественных ресурсов, исторически созданным размещением народных масс, и т. д. Сила советского хозяйства — в национализации средств производства и плановом руководстве ими. Слабость советского хозяйства, помимо унаследованной от прошлого отсталости, — в его нынешней, послеоктябрьской изолирован-

ности, т. е. в невозможности для него пользоваться ресурсами мирового хозяйства не только на социалистических, но и на капиталистических началах, в виде нормального международного кредита и вообще «финансирования», играющего решающую роль в отношении отсталых стран. Между тем противоречия капиталистического и до-капиталистического прошлого не только не исчезают сами собою, но, наоборот, выходят из анабиоза годов упадка и разрухи, оживают и обостряются вместе с ростом советского хозяйства и требуют на каждом шагу, для своего преодоления или хотя бы смягчения, введения в оборот ресурсов мирового рынка.

Чтобы понять то, что происходит ныне на гигантской территории, которую октябрьский переворот призвал к новой жизни, нужно всегда ясно представлять себе, что к старым противоречиям, возрожденным ныне хозяйственными успехами, присоединилось новое, самое могущественное противоречие: между концентрированным характером советской промышленности, открывающим возможность совершенно невиданных темпов развития, и между изолированностью советского хозяйства, исключающей возможность нормального использования резервов мирового хозяйства. Новое противоречие, налагаясь на старые, ведет к тому, что, наряду с исключительными успехами, возрастают мучительные трудности. Последние находят свое наиболее непосредственное и тяжелое выражение, осязаемое ежедневно каждым рабочим и крестьянином, в том факте, что положение трудящихся масс отнюдь не поднимается в соответствии с общим подъемом хозяйства, а сейчас даже ухудшается вследствие роста продолжительности затруднений. Острые кризисы советского хозяйства являются напоминанием о том, что производительные силы, созданные капитализмом, не приурочены к национальным рынкам и могут быть социалистически согласованы и гармонизированы только в международном масштабе. Другими словами, кризисы советского хозяйства являются не только недомоганиями роста, своего рода детскими болезнями, но и чем-то неизмеримо более значительным, именно суровыми одергиваниями со стороны международного рынка, того самого, «которому мы, по слову Ленина, подчинены, с которым связаны, от которого не оторваться» (на XI-м съезде партии, 27-го марта 1922 г.).

Отсюда никак, однако, не следует вывод об исторической «неправомерности» Октябрьской революции, вывод, который пахнет постыдным филистерством. Завоевание власти международным пролетариатом не может быть единовременным актом. Политическая надстройка — а революция относится к «надстройке», — имеет свою собственную диалектику, которая властно вырывается в мировой экономический процесс, но отнюдь не отменяет его более глу-

бок их закономерностей. Октябрьская революция «справомерна», как первый этап мировой революции, которая растягивается неизбежно на десятилетия. Интервал между первым этапом и 2-ым оказался значительно длиннее, чем мы ждали. Но он остается все-же интервалом, а вовсе не превращается в самодовлеющую эпоху построения национального социалистического общества.

Из двух концепций революции выросли две руководящие линии в хозяйственных вопросах. Первые быстрые экономические успехи, совершившиеся от неожиданности, внушили Сталину осенью 1924 года теорию социализма в отдельной стране, как увеличение практической перспективы изолированного национального хозяйства. В этот именно период Бухарин дал свою знаменитую формулу о том, что, сгравидившись от мирового хозяйства монополией внешней торговли, мы можем построить социализм «хотя бы черепашиным темпом». Это была общая формула блока центристов и правых. Сталин тогда же неутомимо доказывал, что темп нашей индустриализации есть наше «внутреннее дело», не имеющее никакого отношения к мировому хозяйству. Такого рода национальное самодовольство не могло, однако, держаться долго, так как оно отражало лишь первый, очень короткий этап хозяйственного возрождения, которое по необходимости, возродило и нашу зависимость от мирового рынка. Первые, неожиданные для национал-социалистов толчки международной зависимости породили тревогу, которая на следующей стадии перешла в панику. Как можно скорее отбросить свою экономическую «независимость» при помощи как можно более быстрых темпов индустриализации и коллективизации! — такое превращение получила хозяйственная политика национал-социализма в течение последних двух лет. Крохоборчество сменилось по всей линии авантюризмом. Теоретическая основа под обоими одна и та же: национал-социалистическая концепция.

Основные трудности, как выше показано, вытекают из объективного положения вещей, прежде всего из изолированности Советского Союза. Мы не станем здесь останавливаться на том, в какой мере это объективное положение вещей само является результатом субъективных ошибок руководства (ложная политика в Германии в 1923 году, в Болгарии и Эстонии — в 1924 году, в Англии и Польше — в 1926 году, в Китае — в 1925-27 г.г., нынешняя фальшивая стратегия «третьего периода» и пр., и пр.). Но наиболее острые хозяйственные конфликты в СССР порождаются тем, что нынешнее руководство пытается превратить нужду в добродетель и из политической изолированности рабочего государства вывести программу экономически-изолированного социалистического общества. Отсюда то и вытекла попытка сплошной социалистической коллективизации

крестьянских хозяйств на основе докапиталистического инвентаря, — эта опаснейшая авантюра, которая грозит подкопать самую возможность сотрудничества пролетариата и крестьянства.

И замечательное дело: как раз в тот момент, когда эта опасность стала вырисовываться во всей своей остроте, Бухарин, вчерашний теоретик «черепашого темпа», сложил патетический гимн нынешнему «бешеному галопу» индустриализации и коллективизации. Надо опасаться, что этот гимн будет скоро объявлен величайшей ересью. Ибо звучат уже другие мелодии. Под влиянием сопротивления хозяйственной материи, Сталин оказался вынужденным ударить отбой. Сейчас опасность состоит в том, чтобы продиктованное паникой вчерашнее авантюристское наступление не превратилось в паническое же отступление. Такого рода чередование этапов вытекают неотразимо из природы национал-социализма.

Реалистическая программа изолированного рабочего государства не может ставить своей целью ни достигнуть «независимости» от мирового хозяйства, ни, тем более, построить в кратчайший срок национальное социалистическое общество. Задача состоит в достижении не абстрактно-максимальных, а оптимальных темпов, т.-е. таких, которые вытекают из внутренних и мировых хозяйственных условий, упрочивают позиции пролетариата, подготавливают национальные элементы будущего интернационального социалистического общества и в то же время, и прежде всего, систематически улучшают жизненный уровень пролетариата, скрепляя его союз с неэксплуататорскими массами деревни. Эта перспектива остается в силе на весь подготовительный период, т.-е. до того, как победоносная революция в передовых странах не выведет Советский Союз из его нынешнего изолированного положения.

Более подробно некоторые из высказанных здесь мыслей развиты в других работах автора, и частности в его «Критике программы Коминтерна». В ближайшее время мы надеемся выпустить брошюру, специально посвященную оценке нынешнего этапа хозяйственного развития СССР. К этим работам мы вынуждены отослать читателя, который ищет более близкого знакомства с тем, как проблема перманентной революции ставится сегодня. Но и приведенных выше соображений достаточно, надеемся, для того, чтобы вскрыть все значение той принципиальной борьбы, которая велась за последние г.г. и ведется сейчас в форме противопоставления двух теорий: социализма в отдельной стране и перманентной революции. Только этим актуальным значением вопроса и оправдывается тот факт, что мы представляем здесь иностранным читателям книжку, которая

и значительной своей части посвящена критическому воспроизведению до-революционных прогнозов и теоретических споров в среде русских марксистов. Можно было бы, конечно, избрать другую форму изложения интересующих нас вопросов. Но форма эта не создана автором и не выбрана им добровольно. Она навязана ему отчасти волею противника, отчасти самим ходом политического развития. Даже истинные математики, наиболее отвлеченной из наук, лучше всего познаются в связи с историей их открытия. Тем более это относится к более конкрет-

ним, т.-е. исторически обусловленным истинам марксистской политики. История возникновения и развития прогнозов революции в условиях до-революционной России гораздо ближе и конкретнее, думается нам, подведет читателя к существу революционных задач мирового пролетариата, чем школьное и педантское изложение тех же политических идей, оторванное от боевой обстановки, их породившей.

29 марта 1930 г.

Л. Троцкий.

„Сталин и Красная Армия“ или Как пишется история

Под заглавием «Сталин и Красная Армия» была напечатана в «Правде» юбилейная статья Ворошилова. Она издана теперь брошюрой в сотысячном тираже. Произведение это заслуживает того, чтоб на нем остановиться с некоторой подробностью. Количество нагроможденных небылиц и нескладниц совершенно исключительно, даже на фоне статей всех Ярославских. Можно сказать, почти не преувеличивая, что в статье нет ни единой строчки правды, ни единой. Мы постараемся, как можно короче, восстановить истину при помощи ссылок на действительные факты и подлинные документы, частью нигде еще не опубликованные (нами использована часть архива т. Троцкого). Цитируемые нами в большом количестве документы представляют, как мы думаем, настолько исключительный исторический интерес, что вряд ли читатель станет жаловаться на обилие цитат. Порядок нашего изложения, по необходимости, совпадает с порядком ворошиловской статьи. Мы не рассказываем здесь основных фактов гражданской войны, полагая, что они известны всем.

Ворошилов, как он сам пишет, не претендует «на полную характеристику военной работы Сталина». И на том спасибо! Куда бы нас завела «сплошная» характеристика, невозможно себе представить. Автор, по его же словам, преследует более «скромную» задачу: «освежить в памяти товарищей» некоторые «факты» и «документы» из эпохи гражданской войны. Мы подвергнем здесь рассмотрению то, как Ворошилов «освежает» историю, и что от бедной остается в результате этого самого «освежения».

Ц А Р И Ц Ы Н

В автобиографии т. Троцкий довольно подробно останавливается на истории и корнях царининской оппозиции. Одной из основ этой оппозиции была мужникая, а не проле-

тарская ненависть к «спецам», что не мешало каждому царининцу иметь «своего спеца, только сортом поижже». Телеграммы Сталина, которые приводит Ворошилов, чрезвычайно прямо подтверждают это «специонавистничество» царининцев и их «идеолога» Сталина. После 8-го съезда партии (март 1919 г.) с вопросом о «спецах» было в принципе закончено. Через десять лет мы узнаем, при содействии Ворошилова, что Сталин принадлежал к тем элементам, которые вопрос о военных специалистах поняли, не сразу и не легко. Эти элементы считали высшей революционностью «глуповатое глумление над военспецом» (Троцкий). Ворошилов, пребывающий сегодня целиком на парижском уровне, вместо того, чтоб спрятать поглубже сталинское недомыслие 1919 г., дает нам образцы этого «глуповатого глумления».

«...Если бы наши военные специалисты (сапожники) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана; и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им».

И дальше в том же духе огульного издевательства и дешевого хвастовства. В этом вся их премудрость. Телеграммы эти — теперь — в свете опыта гражданской войны, настолько сами по себе компрометируют их автора, что мы ограничимся лишь противопоставлением им, хотя и сказанных по другому поводу, — слов т. Троцкого, но прямо бьющих в цель:

«...Это худший тип командиров. Они всегда невежественны, но не хотят учиться. Своим неудачам, — а откуда быть у них удачам? — они всегда ищут объяснения в чужой измене... Цепко держась за свои посты, они с ненавистью относятся к самому упоминанию о военной науке. Для них она отождествляется с изменой и предательством.»¹⁾

1) Л. Троцкий: «Как вооружалась революция», т. 1, стр. 172-173.

Несколько ниже Ворошилов с нескрываемым одобрением, почти с восторгом цитирует бело-гвардейца-перебежчика Носовича:

«Характерной особенностью этого разгрома было отношение Сталина к руководящим телеграммам из центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссарнат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначную надпись на телеграмме:

«Не принимать во внимание».

Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжает сидеть на барже в Царицыне».

Ворошилов подписывается под этими словами, он их, так сказать, усыновляет. До сих пор нам, признаться, не пришло бы в голову верить Носовичу. Но Ворошилову — Носовичу вместе мы вынуждены поверить. «Характерной особенностью» отношения Сталина к руководящим телеграммам из центра являлось: «не принимать во внимание». Сколь ни чудовищно, но факт! Злейший враг Сталин не мог бы повредить ему больше, чем это сделала Ворошилов, приложив свою печать к характеристике бело-гвардейца Носовича. Какая при эти условиях была дисциплина в 10-й армии, судить не трудно. Нарушение директив Реввоенсовета делается в нарочито демонстративной форме. Об «резолюции» Сталина знает Носович, знает армия, но не знает центр. Учись-де, мол, как надо «крыть», знай-мол, «наших». Если распоряжение центра было неправильно с точки зрения местного положения, всегда можно было добиться его отмены или изменения нормальным путем. Реввоенсовет проводил дисциплину деловую, а не канцелярскую. Особенно характерна для Сталина именно форма невыполнения приказа, без уведомления Реввоенсовета, за его спиной и с особой демонстрацией «самостоятельности». Надо сказать прямо: если бы одна пятая ответственных руководителей армии, даже одна десятая, обладала бы вышеупомянутой «характерной чертой» Сталина, Красная Армия не одержала бы своих побед, революция была бы разгромлена. И именно благодаря «характерной черте», а не почему либо другому, сперва Сталин, а затем и Ворошилов были убраны из Царицына решением Политбюро. Недисциплинированность (мягко выражаясь) и нелояльность Сталина проявлялись и непосредственно по отношению к Реввоенсовету Республики. Тогда, конечно, нельзя было ответить «не принимаю во внимание», но существовали другие способы выражения пресловутой «характерной черты». Мы покажем несколько подобных фактов и отношение к ним Ленина.

Пересылая т. Троцкому одну из телеграмм Сталина (02583 29-го мая 1920 года) Ленин,

зная хорошо нелояльность Сталина, делает от руки следующую приписку:

«Т. Троцкий. Если вы не имеете этой и всех расшифр. в секр. зампр. телеграмм тотчас, то доложите Сталину у за мной подписью тел-му шифром: «Адресуйте все военные сообщения также Троцкому, иначе опасная проволока. Ленин».²⁾

Суть дела ясна без комментариев. Другой факт. Пересылая (во врем. заседания) т. Троцкому телеграмму Сталина (ном. 4620. 4-го июня 1920 года) Владимир Ильич прилагает следующую записку:

«Т. Троцкий. Надо сообщить Главному и затребовать его заключение. Пришлите мне, получив его мнение, ваш вывод на заседании Сов. Обороны. Мы поговорим (если не поздно кончится) по телефону». (Написано рукой Ленина).

«Я не понимаю этого порядка: почему Егоров (командующий Южным фронтом. — Н. М.) не докладывает непосредственно Главному, что он обязан делать — а такой круговой путь нарушает всякую устойчивость отношений». (Написано рукой Троцкого).

«Не без каприза здесь, пожалуй...» отвечает на той же записочке Ленин.

Заканчивая свои царицынские воспоминания, Ворошилов пишет: «Сталин развил колоссальную энергию». Но куда была, главным образом, направлена эта энергия, и чем окончилась царицынская эпопея (она имела еще продолжение на Украине), об этом Ворошилов благоразумно умалчивает. Из ниже печатаемых документов легко понять почему.³⁾

ТЕЛЕГРАММА

Москва, Председателю ЦИК, копия Москва, Предсовнарком Ленин. Из Тамбова.

«Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагоприятно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч солдат. Тем не менее я оставляю его командующим десятой Царицынской армией на условии подчинения командарму южной Сталину. До сего дня царицынцы не посылают в Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии. Поскольку Сталин и Минин остаются в Царицыне, они, согласно конституции Реввоенсовета, пользуются правами только членов Реввоенсовета десятой. Для исполнения остается короткий срок, до осенней распушки, когда здесь нет дороги ни пешеходу, ни всаднику. Без координации действий с Царицыном серьезные действия невозможны. Для дипло-

²⁾ Подчеркнуто искроу Лениным. Секр. зампр. значит — секретариат заместителя председателя РВСР (Склинский). — Н. М.

³⁾ Чтоб не слишком упрощать текста, мы приводим часть этих документов в несколько сокращенном виде, опуская военно-техническую часть. Н. М.

митических переговоров времени нет. Царицына должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия наверху. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае это единственный путь, который я вижу для себя. 4-го октября 1918 года. № 552. Троцкий.

На другой день т. Троцкий посылает новую телеграмму:

«Москва, Председателю ЦИК. Копия Предсовпаркому, Ленину.

Мною получена следующая телеграмма: «Боевой приказ Сталина номер сто восемнадцать надо приостановить исполнением. Командующему южным фронтом Ситнигу мною даны все указания. Действия Сталина разрушают все мои планы... № 01258 Главком Вацетис. Член Реввоенсовета Дашинский». Троцкий, Козлов, 5-го октября 1918 г.»

Из Царицына Сталин был убран. С Ворошиловым без Сталина «сладить» было легче; на его оставление согласен был и Троцкий, чтоб попытаться наладить работу. Однако, очень скоро был снят и Ворошилов, которым Сталин продолжал в старом духе руководить из Москвы. На Украине, куда Ворошилов был назначен, он пытался продолжить «царицынскую» линию, результатом чего явились следующие телеграммы Троцкого:

«Москва Предик Свердлову.

В Курске украинцев не застал. Поэтому никаких переговоров не вел. Заявляю в категорической форме, что царицынская линия, приведшая к полному распаду царицынской армии, на Украине допущена быть не может... В среде украинцев развилась борьба как за отсутствием ответственных и авторитетных руководителей. Окулов выезжает в Москву. Предлагаю вам и тов. Ленину внимательнейшим образом отнестись к его докладу о работе Ворошилова. Линия Сталина, Ворошилова и Рухомозича означает гибель всего дела. Предреввоенсовета Троцкий. 10-го января 1919 г. Грязь».

На следующий день, в ответ на (не найденную) телеграмму Ленина, Троцкий передает по прямому проводу:

«Тов. Ленину.

«Компромисс, конечно, нужен, но не глупый. По существу дела в Харькове собрались все царицынцы. Что такое царицынцы, об этом прочитайте доклад Окулова, состоявший сплошь из фактического материала и отчетов комиссаров. Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов. Если бы на Украине не было перспектив англо-французского фронта, можно было бы отнестись безразлично к вопросу о командовании, но нам придется там вести серьезные операции. Рухомозич — это наследник Ворошилова; через месяц придется расхлебывать царицынскую кашу, имея против себя уже не казаков, а англо-французов. Рухомозич не один, они цепко держатся друг за друга, поводя невежество и принцип. Ворошилов, плюс украинское партизанство, плюс низ-

кий уровень культуры населения, плюс демобилизация — на это мы пойти не можем ни в каком случае. Пусть назначают Артема, но не Ворошилова, и не Рухомозича.

Я сейчас выезжаю в Балашев, в виду некоторых тревожных событий. Если с украинцами письменно не договоритесь, вызову их в Воронеж. Придет.

Еще раз прошу внимательно прочитать доклад Окулова о царицынской армии и о том, как Ворошилов деморализовал ее при содействии Сталина. Троцкий. 11 января 1919 года (Балашов).

Ленин в этот период еще склонился к компромиссу, но положение все усугублялось. Очень может быть, что под влиянием «нахлебучки» Ленина Ворошилов сперва несколько «подтянулся». Этим мы склонны объяснить, что в течении почти пяти месяцев Троцкий не поднимает «вопроса» о Ворошилове. Но в июне все началось сначала. На этот раз Ленин уже не рассчитывает на компромисс и дает Ворошилову и К-о резкий отпор. Приводим телеграмму Троцкого и две ответные телеграммы Ленина:

Из Кантемировка.

«Москва, Сиканскому, Ленину.

Домогательства некоторых украинцев объединить вторую украинку, тринадцатую и восьмую в руках Ворошилова совершенно несостоятельны. Нам нужно не донецкое оперативное единство, а общее единство против Деникина. Продовольственные безобразия донецкого бассейна являются результатом, во-первых, недостатка поступлений, во-вторых, отсутствия гражданского аппарата. Идея военной и продовольственной диктатуры Ворошилова есть результат донецкой самостийности, направленной против Киева и Южфронта. Мельничанский этого совершенно не учел. Не сомневайтесь, что осуществление этого плана только усилило бы хаос и окончательно убило бы оперативное руководство. Прошу потребовать от ЦК, чтобы Ворошилов и Межлаук выполняли вполне реальную задачу, которая им поставлена: создать крепкую вторую украинку. Предполагаю на завтра или послезавтра вызвать в Изюм, как центральный пункт, командующего восьмой, тринадцатой и второй, т.-е. Ворошилова, также Межлаука и Подвойского, и продовольственников, чтобы объединить то, что может подлежать объединению, отнюдь не создавая донецкой военной республики. 1-го июня 1919 г. № 79/с. Предреввоенсовета Троцкий».

В тот же день Ленин отвечает «украинцам»:

«Харьков, Межлауку, Ворошилову, Мель-

ничанскому, Артему, Клименскому. Надо во что бы то ни стало немедленно прекратить митингование, перевесть всю и всякую работу на военное положение, назначая обязательно отдельные лица, отвечающие за выполнение точно определенной работы. Дисциплина ведь должна быть военной. Каваларм див и Реввоенсовет два должны запрашивать обо всем свое прямое начальство, т.-е. Гиттиса, бросить всякое посредничество об особых группах и тому подобным попыткам прикрытым образом воссоздать украинский фронт. И обмундирования и оружия хватит, как на Украине, так и у Гиттиса. Если устранить хаос, митингования

и споры о переносе, то достать все можно. Сообщайте точно о фактах выполнения определенных заданий, т.-е. о приходе в место назначения воинских частей и сборе оружия и прочее. 1-го июня 1919 года. № 350. Ленин.

«Харьков, Межлаук, Ворошилову, КП Мельничанскому, Артёму, Каминскому. Троцкому.

Политбюро Цэка собралось 1-го июня и, вполне соглашаясь с Троцким, решительно отвергает план украинцев объединить вторую, седьмую и тринадцатую армии и создавать особое донецкое единство. Мы требуем, чтобы Ворошилов и Межлаук выполняли свою непосредственную работу создания крепкой украинки; при постезвире Троцкий в Изюм зовет нас и подробнее распорядится. Изясняйте точнее, чаще, строго фактически о том, сколько военного имущества взял Ворошилов у Григорьева и в других местах. По поручения Бюро Цэка Ленин.

Мы видим из этих двух телеграмм, что Ленин уж «не на шутку» озабочен положением. Вторая телеграмма, посланная через несколько часов после первой, в качестве «подкрепления», содержит слова «по поручению бюро ЦК». Вот как в действительности обстояло дело с «шарнирными» и «шарнирщиной», со Сталиным и Ворошиловым.

Ясно, что эта действительность не имела ничего общего с самовосхваляемыми Ворошилова — Сталина в их «освежающей» истории.

П Е Р М Ь

Прежде всего покажем, как Ворошилов цитирует документ (к сожалению в нашем распоряжении нет всех документов, и поэтому мы не в состоянии текстуально обнаружить все «освежения»). Вот, что пишет Ворошилов:

«Ленин телеграфировал тогдашнему пред. РВСР: Есть ряд партийных сообщений из под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. Я думаю послать Сталина — боюсь, что Смита будет мягок к..., который тоже говорит пьян и не в состоянии восстановить порядок. Телеграфируйте ваше мнение. Ленин».

Приведем действительный текст телеграммы, из которого видно, как Ворошилов расправился с ленинским текстом:

Козлов или по месту нахождения Пред. реввоенсовета Троцкому. Москва 31-го декабря 1918 года. № 6684.

Есть ряд партийных сообщений из под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. Посылаю их вам. Просит вас приехать туда. Я думаю послать Сталина, боюсь, боюсь, что Смита будет мягок к..., который, говоря, тоже пьян и не в состоянии восстановить порядок. Телеграфируйте ваше мнение. Ленин».

Выделенные слова Ворошилов «с'ел» не перепишу, даже не поставил спасительных многоточий. Психология и расчет — ясно. «Нам что, мы все можем, да и кто нас проверит, кто посмеет усомниться?». Ошибаетесь,

— мы вас проверяли, проверяем и будем проверять!

Троцкий отвечает Владимиру Ильичу из Воронежа 1-го января 1919 года:

«По оперативным донесениям 3-ей армии, я заключаю, что там полная растерянность верхов, предложив сменить командование. Реальные затруднения сейчас считаю сущностью неотложной. Вполне разделяю ваши опасения относительно чрезмерной мягкости выехавшего товарища. Согласен на поездку Сталина с полномочиями партии и Реввоенсовета Республики. Пред. реввоенсовета Троцкий».

Об этом, конечно, Ворошилов не упоминает, ибо эти две телеграммы, как и многие десятки других, слишком ярко обнаруживают характер сотрудничества Ленина и Троцкого.

Теперь по существу о поездке. Командировка Сталина и Дзержинского в Вятку имела чисто инспекционный характер. Это видно и из постановления ЦК: «Назначить партийно-следственную комиссию в составе членов ЦК Дзержинского, Сталина для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на уральском фронте, равно выяснения всех обстоятельств, сопровождающих указанные явления» и т. д.). В телеграммах Дзержинского и Сталина из Вятки, которые приводит Ворошилов, они срочно требуют подкрепления, без чего по их мнению «Вятке угрожает гибель». Далее Ворошилов начинает «освежать» уж от себя, причем делает это в нарочито двусмысленной форме, чтоб создать впечатление, что он лишь пересказывает официальные документы. Оказывается, одна из причин сдачи Перми, была «в преступном способе управления фронтом со стороны Реввоенсовета Республики». Допустим на минуту, что Ворошилов прав. Спрашивается: почему партия терпела Троцкого и весь тогдашний РВС? Почему Троцкого не сменили в годы гражданской войны? Почему ЦК не разогнал некудышный РВС? И еще: почему под руководством «тогдашнего» Реввоенсовета были одержаны победы на всех фронтах? Ведь Реввоенсоветы существуют для войны, а не для мира! Почему ни Сталин, ни Ворошилов не были призваны руководить армией, а, наоборот, не раз снимались с трудных участков? Объясните! Подобными заявлениями вы компрометируете только партию, ЦК, Ленина. Потому что, если бы написанные вами небылны были бы правдой, значит ЦК совершил тяжчайшее преступление перед революцией, ничем неоправдываемое, поддерживая также руководство Красной Армией. Не надо же забывать, что дело происходило в период грозной гражданской войны, а не в мирный период, когда Ворошиловы могут свободно «освежать».

Но на этом дело не кончается. Резюмируя «историческую» поездку Сталина в Вятку, Ворошилов пишет: «В результате всех этих (?) мероприятий (Сталина — Дзержинского) на

только было приостановлено дальнейшее наступление противника, но в январе 1919 года... был взят Уральск». Вот уж поистине чрезмерное усердие. «В результате» того, что Сталин в январе 1919 года благополучно посетил Вятку, за тысячу километров (за тысячу!) от Вятки был взят Уральск. Что он его по радио взял, что ли? Не говоря уже о том, что в январе, т. е. в момент приезда Сталина — Дзержинского, результатов еще не могло быть и в самой Вятке («результат» это просто пишется, да не просто делается). Или может быть именно поэтому Ворошилов откопал их в Уральске? Но если уж «освежать», то мы предлагаем другую формулировку: «в результате» того, что Сталин пребывает 21-го января 1919 года в Вятке — 21 марта 1919 года в Венгрии была провозглашена Советская Республика. Тут-то, по крайней мере, масштабы более соответствуют гениальному секретарю (что жалкой Уральск!), да и инкубационный период в два месяца соблюден.

Не останавливаясь подробно на следующей главе «Петроград», выделим лишь три момента.

1. В какой мере Сталин содействовал возвращению Красной Горки (она была оставлена без оснований и «возвращена» через четыре дня без затруднений), судить не беремся. Кроме общих фраз Ворошилов ничего не приводит. Но дело идет тут о совершенно ничтожном эпизоде.

2. Эпизод с Красной Горкой относится к июню 1919 г. Сталин тогда, по словам своего периподданного апологета «ликвидировал опаснейшее положение под Питером». Между тем наступление Юденича и развал 7-ой армии (в которой работал Сталин) начались как раз после упомянутой «ликвидации», достигнув в октябре 1919 г. наиболее критической фазы. От июня до октября положение Красной Армии под Питером все ухудшалось. Голорить в этих условиях, что Сталин «ликвидировал» опасность по малой мере... рискованно. Скорее уж можно бы сказать, что Сталин «создал» или «усилил» эту опасность. Но и это будет неправильно. Сталин мало что сделал под Питером и, вероятно, мало что мог сделать: фронт этот держался тогда временно и черном теле. Но зачем же в таком случае представлять Сталина в «эпохе спасителя»?

3. Дело, однако, в том, что Ворошилов пускается здесь в игру словечками. Весь трюк — очень прозрачный — в слове «Питер». В истории гражданской войны есть одна решающая «ликвидация» опаснейшего положения под Красным Питером, — это победа над Юденичем (октябрь 1919 г.), которая произошла четвертым месяцем после сталинского экскурса в Питер. Но что не всякий знает, тогда как о самом факте ликвидации Юденича знают все. На этом и основан ворошиловский трюк: «прикрепить» Сталина к настоящей ликвидации

опасности, т. е., к которой Сталин не имел никакого отношения.

Кстати сказать, в свое время Сталин сам оценивал свои подвиги гораздо менее самоуверенно — и не мудрено! — то было десять лет назад, и Сталин тогда — по остроумному выражению одного американского товарища — не был еще объявлен Адамом рода человеческого. Вот, например, что он телеграфировал, в ответ на предложение ЦК поехать на Югзап-фронт: «4 февраля 1919 г. Чека партии т. т. Ленину и Троцкому. Мое глубокое убеждение: никакого изменения не внесет в положение моя поездка»...

Или, может быть, здесь следует искать причины в другой «характерной сталинской черте — «капризы» (Ленин)? Во всяком случае таковы факты. А факты упрямая вещь.

ЮЖНЫИ ФРОНТ

Вслед за Ворошиловым мы переходим к центральному и важнейшему вопросу — о Южном фронте. Здесь, помимо нагромождения всякого рода мелких инсинуаций, мы находим две «генеральные» фальсификации (пожалуй, фальсификация еще слишком мягкое выражение). При мало-мальски нормальных условиях жизни в партии о необходимости опровержения не могло бы возникнуть и речи, ибо и сам Ворошилов не посмел бы так издеваться над прошлым и над партией. Да вряд ли вообще стал бы он пускаться выдвигать по океану исторической науки: его дело больше сухопутное.

Первая «генеральная» фальсификация. Вот как описывает Ворошилов осень 1919 года, т. е. самый тяжелый период гражданской войны (Деникин угрожает Туле, Юденич — Питеру). «Надо спасти положение. И на южный фронт ЦК посылает в качестве члена РВС, т. Сталина. Теперь (!) уже нет надобности скрывать (!), что перед своим назначением т. Сталин поставил перед ЦК три главных условия: 1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южфронта и не должен переходить за его разграничительные линии... Эти условия были приняты полностью». *) Все это ложь с начала до конца. Даже без той крупницы правды, которая иногда бывает и во лжи. Почему только «теперь» наступило время это открыть? Ведь с 1924 г. все было «открыто», что можно было «открыть». Почему же надо было ждать для последнего открытия, менее сенсационного, чем десятки других, 1929-го года? И не даром Ворошилов снова прибегает к свободному изложению «своими словами». Если бы и действительности существовала такое решение ЦК, почему бы его не привести? Почему вообще не сослаться

*) 2 и 3 пункта — по Ворошилову — заключают в себе смену ряда работников и назначение новых (без указания фамилий — не шаршинами ли скрываются под псевдонимом «спотих»? — Н. М.

точно на факты и документы? Очень просто, почему. Каждый факт, каждый документ находится в самом вопиющем противоречии с этой выдумкой. Надо, впрочем, упомянуть здесь, что эту историю не сам Ворошилов выдумал. Он нам сообщает теперь то, что Сталин, в состоянии полного аффекта, заявил на одном из заседаний Политбюро еще в 1927 г. Слухи об этом уже тогда проникли в партию, вызвав у одной части товарищей возмущение (у осведомленных), у другой — полное недоумение. Надо прибавить, что заседание Политбюро, на котором выступал Сталин, велось со стенограммой, предназначенной как всегда в таких случаях, для отпечатания. На заседании Н. И. Муралов, присутствовавший в качестве члена ЦКК, дал Сталину уничтожающий отпор. После этого стенограмма была положена под сукно и никогда не доводилась до сведения партии, несмотря на настояния оппозиции. Тол. Троцкий тогда же («Анкета в Истпарт») и позже («Моя Жизнь») с документами в руках опроверг нелепый вымысел. Ни Сталин, ни кто другой, ни тогда, ни позже, не привели никакого подобия смыслов или доказательств. Ни Сталин, ни кто другой, ни тогда ни позже, не ответили ни единым словом на бесспорные документы, приводимые т. Троцким. Больше того, они вынуждены были замолчать. Теперь, через три года Ворошилов снова поднимает эту смехотворную спасицу. Предоставим же слово документам.

Москва, 5 июля 1919 г.

«Российская
Коммунистическая партия
(большевиков)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Кремль.

Орг. и Полит. Бюро ЦК, рассмотрев заявление т. Троцкого и всесторонне обсудив это заявление, пришли к единогласному выводу, что принять оставки т. Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии.

Орг. и Полит. Бюро ЦК сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для т. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на южном фронте, самым трудным, самым опасным и самым важным в настоящее время, которую избрал сам тов. Троцкий. В своих званиях Наркомвоена и Предреввоенсовета т. Троцкий вполне может действовать и как член Реввоенсовета Южфронта²⁾ с тем Комфронтом (Егорьевым), когото он сам наметил, а ЦК утвердил.

Орг. и Полит. Бюро ЦК предоставит тов. Троцкому полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исполнением линии в военном вопросе и, если он пожелает, постараться ускорить ее ход партии.

Твердо уверенные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим предом для Республики, Орг. и Полит. Бюро ЦК настоятельно предла-

гает т. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции, максимально, в случае его желания, сокращая их в силу сосредоточения своей работы на Южфронте.³⁾

В виду этого Орг. и Полит. Бюро ЦК отклоняет и выводит т. Троцкого из Политбюро и оставляет им поста Председателя Реввоенсовета Республики (Наркомвоена).

Подлинный подписали: Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, Серебряков, Сталин, Стасова.

С подлинным верно: секретарь ЦК Елена Стасова.

Документ этот не нуждается в пояснениях с одной стороны и не допускает никаких лжеотговоров с другой. Причины, которые вынудили т. Троцкого к этому ответственному шагу, освещены им в его Автобиографии (стр. 185-186, т. 2-ой). Кстати, расскажем здесь, как реагировал ЦК, когда Сталин пытался «угрожать» отставкой. Приводим «выпуску из заседания Политбюро от 14-го ноября 1919 г.:

(Присутствовали Ленин, Троцкий, Каменев, Крестинский). «Сообщить т. Сталину, что Политбюро считает абсолютно недопустимым подкреплять свои деловые требования ультиматумами и заявлениями об отставках». Аналогия с выше цитированным документом получается красноречивая.

Итак, ЦК целиком поддерживал решение тов. Троцкого сосредоточить свою работу на Южном фронте, как на решающем. Один этот документ до тех пор разрушает ворошиловскую конструкцию. Но можно привести еще десятки доказательств того (как это не дико, что приходится «доказывать»), что т. Троцкий главную часть времени провел на Южном фронте. Достаточно, например, просмотреть приказы Троцкого по Красной Армии за 1919 г., чтоб убедиться, что подавляющее большинство их не только касается южного фронта, но и даны на самом фронте. Ниже, в связи с другим вопросом, мы это покажем еще дополнительно. В частности всю решающую подготовительную фазу к наступлению на Деникина Троцкий провел на южфронте, за исключением октября и начала ноября, когда он руководил обороной Петрограда.

Нам кажется, что сказанного по вопросу достаточно. Но какая же нужна дерзливость, какое неуважение к партии, чтоб пускаться в оборот ворошиловские нелепости!

Это, однако, только начало «истории» Южфронта, так сказать «цветочки» — «ягодки» еще впереди.

Вторая «генеральная» фальсификация. На этот раз, самостоятельное, повидному (да и вообще впервые высказанное) изобретение самого «сосежителя». Мы имеем в виду вопрос о двух стратегических планах для Южного фрон-

²⁾ Подчеркнуто в исходном тексте. — Н. М.

та. По плану Главного Командования, решающий удар должен был быть нанесен Деникину с фронта Балахов — Камыши на Нижний Дон. В основе этого плана была идея разгрома казачьей базы Деникина, хотя бы ценою отступления в направлении на Москву. Троцкий с самого начала (конец июля 1919 г.) считал этот план неправильным и боролся против его утверждения в ЦК, он считал, что этот план только содействует объединению двух совершенно разнородных социальных формаций, т. е. казачества с добровольческой армией. Наоборот, наноса удар по линии Воронеж — Харьков — Донбасс, Красная Армия двигалась бы в социальную дружественную среду (Харьковский, донецкий пролетариат и крестьянство), казачество же было бы отрезано от Деникина, на которого бы и обрушилась вся сила удара. Тем не менее план Главкома был принят, при прямом участии Сталина и при остром противодействии Троцкого. (Эпизод с подачей Троцким в отставку (см. выше) тесно связан с вопросом о южном стратегическом плане). Последовали неудачи на фронте (все это не трудно проверить хронологически). Вот как в сентябре 1919 года (а не десять лет спустя, «задним умом», как это делает Ворошилов) характеризовал положение г. Троцкий, в своем письме в Центральный Комитет партии:

«Априорно выработанный план операций на Южном фронте оказался безусловно должным. Неудачи на Южном фронте, объясняются в первую голову ложностью основного плана. Поэтому причины неудачи необходимо искать целиком в оперативном плане».

И дальше Троцкий объясняет, как и почему возник этот ошибочный план:

«Ошибочность плана сейчас настолько очевидна, что возникает вопрос: как вообще он мог возникнуть? Возникновение его имеет историческое объяснение. Когда Колчак угрожал Волге, главная опасность состояла в соединении Деникина с Колчаком. В письме к Колчаку Деникин назначал свидание в Саратове. Отсюда задача, выдвинутая еще старым командованием, создать на Царицынско-Саратовском плаце крепкий кулак...»⁹⁾

Несколько раньше написания этого документа, т. Троцкому удалось на фронте убедить в правильности своего плана Лашевича и Серебрякова. Результатом чего явилась следующая их общая шифрованная телеграмма (приводим ее полностью):

«Москва, Главкому, копия ЦЕКА.

Считаем необходимым прилечь ваше внимание к нижеследующим вопросам:

Работа по ликвидации Мамонтова до сих пор по-

9) «Как вооружалась революция», т. 2, кн. 1, стр. 360-363. Документ этот опубликован больше шести лет тому назад. Ворошилов, очевидно, расценивает, — на самом деле без основания — за тот факт, что все книги г. Троцкого изъяти из обращения. — Н. М.

сти ничего не дала. Автопулеметные отряды не созданы вследствие неполучения пулеметов, даже для малого числа автомобилей. Мамонтов явно идет на соединение со своими через курский фронт. Наши слабые, разрозненные пехотные части почти не тревожат его. Командование Лашевича парализуется отсутствием аппарата связи. Соединение Мамонтова можно считать почти обеспеченным. Опасность прорыва фронта на участке Курск — Воронеж становится очевидной. Ближайшая задача Лашевича сводится к следованию за противником, чтобы попытаться заткнуть дыру, которую тот пробьет. Попытка истребить Мамонтова партизанскими действиями будет сделана. Центр тяжести борьбы на южном фронте всецело перешел на Курско-Воронежское направление, где резервов нет. Разрушенные дороги препятствуют переброске с царицынского направления на курское. Между тем обстановка повелительно требует перенесения резервов на запад. Возможно, может быть переправить походом порядком копейный корпус Буденного. Необходимо еще прибавить, что положение крайне ухудшается полным расстройством фронтального аппарата. Практические задачи представляются нам в следующем виде:

- 1) Немедленное назначение Селивачева командующим.
- 2) Место Селивачева должен занять подкомандующий Егоров.
- 3) Гвать резервы в том числе и 21-ю дивизию, следом за Мамонтовым на Курск.
- 4) Загнать 9-ю армию с новороссийского направления на Старобельск.
- 5) Передать по возможности на правый центр корпус Буденного.
- 6) Гвать для 8-й и 13-й армий маршевые подразделения и снабжение № 364, 6-го сентября 1919 года. Троцкий, Серебряков, Лашевич».

Другими словами, Троцкий пытается снова добиться принятия своего плана, уже не в априорном порядке, а на основании опыта двух, приближенных, месяцев борьбы.

Вот ответ Политбюро, за подписью Ленина:

«Орел, Троцкому, Серебрякову, Лашевичу.

Политбюро ЦК, обсудив телеграмму Троцкого, Серебрякова и Лашевича, утвердило ответ Главкома и выражает свое удивление по поводу попыток пересмотреть решенный основной стратегический план, 6-го сентября 1919 года. По поручению Политбюро ЦК. Ленин».

Как мы видим, ЦК — а чего же смотрел Сталин? — и в этот период еще поддерживал оперативный план штаба. Только дальнейшие неудачи (сдача Орла и угроза Тулье) вынудили пересмотр плана, в смысле перенесения главного удара на донецкое направление. В этот период, т. е. когда опыт доказал уже ошибочность старого плана, от которого отказался и штаб, понял сделанную ошибку и Сталин.

В приводимом Ворошиловым письме Сталина не указана дата его отправления. Сделано это, конечно, нарочно. Приведем дату, Ворошилов не имел бы никакой возможности приписать план Сталину. Мы сейчас покажем, что письмо Сталина было послано через несколько месяцев после возникновения вопроса о

двух планах. Ворошилов пишет: «что же касается оперативных директив, ему (Сталину) предлагается старый план (сентябрьский) нанесения главного удара» и пр. В этой фразе Ворошилов изоблачает себя целиком. Во-первых, если в период «планового» творчества Сталина на Южфронте, «сентябрьский» (?) план был уже «старым» планом, то совершенно очевидно, что дело происходит после сентября, т. е. уже после того, как Троцкий вторично (см. вышенапечатанный документ) поднимал вопрос о пересмотре плана. Во-вторых, ошибочный план был принят не в сентябре, а за полтора месяца до того, так что «сентябрьского» плана вообще не существует. В сентябре лишь был подтвержден ранее утвержденный план Главкома (см. ответ Ленина на телеграмму Троцкого, Лашевича, Серебрякова). Еще в июле и августе Троцкий, как уже сказано, боролся против принятия плана Главкома, Сталин же был с большинством Политбюро. Дальше, в начале сентября Троцкий пытается вновь — уже на основании ряда итогов практики — добиться пересмотра плана. Сталин по-прежнему за «неправильный» план. И только позднее Сталин производит «переоценку ценностей». У нас есть косвенное доказательство того, что дату сталинского письма следует отнести к октябрю-ноябрю 1919 г. Именно: свое пресловутое письмо Сталин кончает «угрозами» отставкой. Выше мы приводили ответ ЦК по этому поводу («недопустимо... и т. д.»). Этот ответ датирован 14 ноября, следовательно письмо свое Сталин написал, надо думать, в начале ноября, никак не раньше, т. е. с запозданием в 3-4 месяца. Ворошилов же, с запозданием на 10 лет, утверждает на основании этого письма, что «план Сталина (?)» был принят Центральным Комитетом. Вот как опасно бывает сухопутному человеку пускаться в плавание...

Покончив с двумя «генеральными» перейдем к мелким фальсификациям Ворошилова.

Приведем телеграмму РВС Южфронта от 11 ноября 1919 г. в РВС Республики с просьбой утвердить организацию 1-й конной армии. Ворошилов присовокупляет, что «Конная армия была создана, несмотря и даже вопреки центру». Во-первых, что такое «центр»? — всегда двусмысленности! — Политбюро? Главком? Ленин? Троцкий? Во-вторых, если «б центр» был против организации 1-й конной, зачем ему было утверждать постановления РЕВвоенсовета Южфронта? Что же касается лично Троцкого, если брать вопрос шире, т. е. о своеобразном уразумении роли конницы в маневренной гражданской войне, то достаточно сослаться на популярный в свое время лозунг, выброшенный т. Троцким (кстати за долго до телеграммы, приводимой Ворошиловым) — «Пролетарий, на коня!». Под одноименным заглавием т. Троцкий напечатал статью, где ставится так же вопрос о крупных соединениях кон-

ницы. Одной из главных работ «поезда» (предреввоенсовета) стало в тот период строительство конницы.⁷⁾ Не лишне напомнить, что ближайший сотрудник секретариата Троцкого И. М. Познанский формировал в тот период маршевые конные части. Но Познанский сам ничего рассказать не может, ибо сидит у Сталина — Ворошилова под замком (Челябинский изолятор).

Дальше, как на один из примеров «спасительных» поездок Сталина в «наиболее страшные (!) места», Ворошилов сообщает нам о несостоявшейся поездке Сталина на Кавказский фронт. Как это ни смешотворно, но это факт! Сталин, де мол, «по болезни» только не поехал. Болезнь — причина, что и говорить, уважительная, но мы склонны скорее считать, что и тут дело не обошлось без «капризов» и вот почему. Через неделю, после «спасительной», только не состоявшейся поездки Сталина, он следующей телеграммой отвечает на требование Ленина: принять исключительные меры для ускорения перевозок двух дивизий на Кавказский фронт.

Москва. Кремль. — Ленину, коньяк ЦЕКА партии.

«Мне тяжело, почему забота о Кавказском фронте ложится прежде всего на меня. В порядке, забота об укреплении Кавказа лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталина, который так перегружен работой. Нр. 970. 20-го февраля 1920 года Сталин».

Вот, что ответил ему Ленин:

«На нас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Западного на Кавказский фронт. Надо вообще помочь всячески, а не прятаться о ведомственных компетенциях. Нр. 37/3. Ленин».

Как характерен для Сталина тон мелкой клеветы и личной обиды! Как характерен для Ленина тон сдерживаемого негодования! Здесь говорят документы. И мы видим, как красноречив их язык.

Мы видели поездку Сталина в Вятку, и мы не увидели его поездки на Кавказский фронт. Больше в нашей памяти Ворошилов «освежить» ничего не смог. Стоит ли говорить, что человеком, которого партия действительно всегда посылала на самые трудные участки (в этом собственно говоря была его «профессия»), был совсем не Сталин и не Ворошилов. Вот несколько самых кратких выдержек из телеграмм Ленина:

«22 августа 1918 г. Смижск. Троцкому. Измена на Саратовском фронте, хотя и открытая во время, вызвала все же колебания, крайне опасные. Мы считаем абсолютно необходимой немедленную вашу поездку туда, ибо ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию... Ленин, Свердлов».

7) Из этих пополнений (в 1920 г.) составилась большая часть Второй конной армии, действовавшей против Врангеля. — И. М.

«10 апреля 1919 г. Троцкому. П.-Новгород. В виду крайне тяжелого положения на фронте, я думаю, вам целесообразнее остаться там. Ленин».

«7 мая 1919 г. Шляханы. Троцкому. Я опросил сейчас политическое бюро Цека и в согласии с ним высказываюсь решительно за немедленную вашу и самую быструю поездку в Харьков, где необходимо сломить дезорганизованность и помочь немедленно Донецкому бассейну. Ленин».

«15 мая 1919 г. Куявск. Троцкому. Очень рад энергичным мерам подавления восстания. Ленин».

«21 мая 1919 г... Я лично настаивал бы на том, чтобы вы еще раз заехали в Богучар и довели до конца подавление восстания, ибо иначе надежды на победу нет. Ленин».

(Через день) «22 мая 1919 г... Я еще раз настаиваю, чтобы вы непременно съездили во второй раз в Богучар и довели дело до конца, ибо у Сокольников явная работа не спорится. Ленин».

И вот ответ Троцкого:

«Харьков — Лутанск (в пути) Москва. Сказано для Ленина. Выезжаю в Богучар, где постараюсь довести дело до конца. Троцкий. 22 мая 1919 г.»

Таковы факты. А сколько их было таких и подобных фактов! И то, что Ворошилову сегодня приходится «освежать» вымыслы, показывает только, что факты эти, несмотря ни на что, еще слишком свежи в памяти партии!

**

Мы использовали далеко не все имеющиеся в нашем распоряжении материалы. В частности мы ничего не говорим здесь о войне с Польшей. Размеры нашей статьи — и так значительно превзошедшие наши расчеты — заставляют нас от этого отказаться. Но мы надеемся в ближайшем будущем продолжить эту работу.

Н. Маржин.

Проблемы международной оппозиции

Задачи испанских коммунистов

(Письмо Редакции газеты *Contre le Courant*, органа левой коммунистической оппозиции в Испании)

Дорогие товарищи! Горячо приветствую вас с выходом и свет первого номера вашего издания. Испанская коммунистическая оппозиция выступает на арену в исключительно благоприятный и столь же ответственный момент.

События переживаемого Испанией кризиса развиваются пока с замечательной планомерностью, которая предоставляет пролетарскому авангарду известное время на подготовку. Но вряд ли это время будет очень продолжительным.

Диктатура Примо де Ривера свалилась без революции, силой внутреннего истощения. Это значит, другими словами, что на первой стадии попрос был решен болезнями старого общества, а не революционными силами нового. Это не случайно. Режим диктатуры, который не находил в глазах буржуазных классов дальнейшего оправдания в необходимости непосредственного подавления революционных масс, пришел в то же время в противоречие с потребностями буржуазии в области экономической, финансовой, политической и культурной. Но буржуазия из-за всех сил и до последнего момента уклонялась от борьбы; она дала диктатуре догнать и пасть, точно червивый плод.

После того, как это совершилось, разным

классам, в лице их политических группировок, пришлось занимать открытую позицию перед лицом народных масс. И вот мы наблюдаем парадоксальное явление. Те буржуазные партии, которые, вследствие консерватизма, отказывались от сколько-нибудь серьезной борьбы с военной диктатурой, теперь возлагают ответственность за последнюю на монархию и объявляют себя республиканцами. Можно подумать, в самом деле, что диктатура все время висела в воздухе на ниточке, привязанной к балкону королевского дворца, а не опиралась на поддержку, отчасти пассивную, отчасти активную, со стороны наиболее солидных слоев буржуазии, которые парализовали всеми силами активность мелкой буржуазии и прижимали таким образом к земле рабочих города и деревни.

Что же получается? В то время, как не только рабочие, крестьяне, мелкий городской люд, молодая интеллигенция, но и почти вся солидная буржуазия являются или объявляют себя республиканцами, монархия продолжает существовать и действовать. Если Примо висел на ниточке монархии, то на какой же ниточке висит сама монархия в сплошь «республиканской» стране? Это на первый взгляд кажется самой сложнейшей загадкой. Но секрет не так уж хитер. Та же самая буржуазия, которая «терпела» Примо де Ривера, но есть по существу поддерживала его, поддерживает сейчас и монархию, делая это теми единственными способами, какие у нее остаются, т.-е. объявляя себя республиканской и приспособляясь таким обра-

зом к психологии мелкой буржуазии, чтобы тем вернее обмануть и парализовать ее.

Когда глядишь со стороны, то картина, при своей глубокой драматичности, не лишена и комических черт. Монархия сидит на спине «республиканской» буржуазии, которая отнюдь не спешит выпрямить спину. Продаваясь со своей драгоценной ношей через волнующиеся народные массы, буржуазия в ответ на протесты, требования и проклятия, кричит голосом циркового зазывателя: «вы видите эту фигуру у меня на спине? Это мой заклятый враг, я вам перечислю его преступления, взгляните в него поинтереснее!». И пр., и пр. Когда же развлеченная таким балагурством толпа начинает посмеиваться, буржуазия пользуется моментом, чтоб продвигаться со своей ношей дальше. Если это называется борьбой с монархией, то что же назвать борьбой за монархию?

Активные выступления студенчества означают попытку молодого поколения буржуазии, особенно мелкой буржуазии, найти выход из того неустойчивого равновесия, в котором оказалась страна, якобы освобожденная от диктатуры Примо де Ривера, но сохраняющая в неприкосновенности все основные элементы его наследия. Когда буржуазия сознательно и упорно не хочет взять на себя разрешение задач, вытекающих из кризиса буржуазного общества; когда пролетариат оказывается еще неготовым взять разрешение этих задач на себя, тогда авансцену нередко занимает студенчество. В развитии первой русской революции мы наблюдали такое явление не раз, и оно всегда имело в наших глазах огромное симптоматическое значение. Революционная или полуреволюционная активность студенчества означает, что буржуазное общество проходит через глубочайший кризис. Мелко-буржуазная молодежь, чувствуя, что в массах накапливается взрывчатая сила, стремится по своему найти выход из тупика и продвинуть политическое развитие вперед.

Буржуазия смотрит на студенческое движение полудобрительно, полупредостерегающе: если молодая гвардия даст несколько щелчков по носу монархической бюрократии, это хорошо; но только-б «детки» не зарывались слишком далеко, а главное не подняли бы на ноги трудящиеся массы.

Испанские рабочие проявили совершенно правильный революционный инстинкт, когда подперли плечом студенческое выступление. Разумеется, они должны это делать под собственным знаменем и под руководством собственной пролетарской организации. Обеспечить это должен испанский коммунизм, а для этого ему необходима правильная политика. Вот почему появление нашего органа, как и сказал выше, совпадает с чрезвычайно важным и критическим моментом в развитии всего кризиса; говоря точнее, с моментом, когда революционный кризис готовится превратиться и прора-

чить те или другие этапы, может превратиться в революцию.

Стачечное движение рабочих, борьба с рационализацией и безработицей получают совершенно другое, несравненно более глубокое значение в обстановке крайнего недовольства мелко-буржуазных масс населения и острого кризиса всей системы. Эта рабочая борьба должна быть тесно связана со всеми вопросами, вытекающими из национального кризиса. Тот факт, что рабочие выступили рядом со студентами есть первый, совершенно еще, конечно, недостаточный и небеспеченный шаг на пути борьбы пролетарского авангарда за революционную гегемонию.

Этот путь предполагает со стороны коммунистов решительную, смелую и энергичную борьбу за лозунги демократии. Не понять этого было бы величайшей ошибкой сектантства. На данной стадии революции, в области определенных политических лозунгов пролетариат отличается от всяких других «слабых» группировок мелкой буржуазии не тем, что отвергает демократию, как анархисты и синдикалисты, а тем, что смело, решительно и беззаветно борется за ее лозунги, беспощадно разоблачая при этом половинчатость мелкой буржуазии.

Выдвигая лозунги демократии, пролетариат вовсе не говорит тем, будто Испания идет навстречу «буржуазной» революции. Так могут ставить вопрос только безразличные педанты, наглотавшиеся готовых формул. Эпоха буржуазных революций оставлена Испанией далеко позади. Если революционный кризис превратится в революцию, то она роковым образом перешагнет через буржуазные пределы и, в случае победы, должна будет передать власть пролетариату. Но пролетариат может довести революцию до этого этапа, т.-е. может собрать вокруг себя самые широкие трудящиеся и угнетенные массы и стать их вождем, только при условии, если он сейчас, наряду со своими классовыми требованиями и в тесной связи с ними, развернет полностью и до конца все требования демократии.

Это имеет решающее значение прежде всего в отношении крестьянства. Оно не может отдать априори свое доверие пролетариату, прийти авансом, на веру, лозунг пролетарской диктатуры. Будучи многочисленным и угнетенным классом, крестьянство неизбежно видит на известном этапе в лозунгах демократии возможность дать перевес угнетенным над угнетателями. Крестьянство неизбежно будет связывать лозунги политической демократии с радикальной перетасовкой земельной собственности. Пролетариат берет на себя беззаветную поддержку обоих этих требований. При этом коммунисты одновременно раз'ясняют пролетарскому авангарду, какими путями эти требования могут быть осуществлены, закладывая таким образом предпосылки советской системы в будущем.

И в национальном вопросе пролетариат доводит лозунг демократии до конца, заявляя о своей готовности поддерживать революционным путем право отдельных национальных групп на самоопределение, вплоть до отделения.

Делает ли, однако, пролетарский авангард лозунг отделения Каталонии своим лозунгом? Если бы такую оказалась ясно выраженная воля большинства населения, то — да. Как может, однако, эта воля выразиться? Очевидно, либо путем свободного плебисцита, либо через представительное учреждение Каталонии, либо через заявления влиятельных партий, за которыми идут каталонские массы, либо, наконец, в виде национального каталонского восстания. Это снова показывает нам, заметим мимоходом, каким реакционным педантизмом было бы сейчас со стороны пролетариата отрываться от лозунгов демократии. Пока, однако, воля национального меньшинства не высказалась, пролетариат не делает лозунг отделения своим лозунгом, а лишь обеспечивает заранее и открыто полную и честную поддержку этому лозунгу, поскольку он выражает волю большинства Каталонии.

Незачем говорить, что рабочие каталонцы имеют в этом вопросе не последнее право голоса. Если бы они пришли к выводу, что в условиях революционного кризиса, открывающего перед пролетариатом Испании широкое и смелое перспективу, было бы неправильно подкалывать силы, — а политический смысл подсказывает, думается мне, именно такое решение, — рабочие — каталонцы должны были бы вести агитацию за сохранение Каталонии, на тех или других началах, в составе Испании. Такое решение может оказаться временно приемлемым даже для решительных сепаратистов, ибо совершенно ясно, что в случае победы революции достигнуть самоопределения Каталонии, как и других областей, было бы неизмеримо легче, чем сейчас.

Поддерживая всякое действительное демократическое и революционное движение народных масс, коммунистический авангард ведет непримиримую борьбу против так называемой «республиканской» буржуазии, разоблачая ее фальшь, вероломство, реакционность, и давал отпор ее попыткам подчинить своему влиянию трудящиеся массы.

Коммунисты не связывают свободу своей политики никогда и ни при каких условиях. Надо помнить, что во время революции искушения такого рода очень велики, о чем ярко свидетельствует трагическая история китайской революции. Ограждая непримиримо полную самостоятельность своей организации и своей агитации, коммунисты, однако, самым широким образом применяют политику единого фронта, для которой революция открывает широкое поле.

Левая оппозиция начинает применение по-

литики единого фронта с официальной компартией. Нельзя позволять бюрократам коммунизма создавать такое впечатление, как если бы левая оппозиция находилась во вредных отношениях с рабочими, идущими под знаменем официальной компартии. Наоборот, оппозиция готова принять участие в каждом их революционном действии, разделить каждый их шаг на пути борьбы. Если бюрократы отказываются согласовывать действия с оппозицией, ответственность должна падать на них перед лицом рабочих.

Дальнейшее развитие испанского кризиса означает революционное пробуждение миллионов трудящихся масс. Нет никаких оснований думать, что они сразу станут под знамена коммунизма. Наоборот, весьма вероятно, что они сперва усилят партии мелко-буржуазного радикализма, т. е. прежде всего социалистическую партию, питая в ней левое крыло, в духе, скажем, немецких независимцев во время революции 1918-1919 годов. Действительная и широкая радикализация масс выразится именно в этом, а отнюдь не в росте «социал-фашизма». Фашизм мог бы снова восторжествовать — на этот раз в менее «военной», в более «социальной» форме, т. е. именно, как «социал-фашизм» образца Муссолини, — лишь в результате поражения революции и разочарования в ней обманутых масс. Но при нынешнем планомерном развитии событий поражение могло бы явиться только в результате каких-либо исключительных, чудовищных ошибок коммунистического руководства. Словесный радикализм и сектанство в сочетании с оппортунистической оценкой классовых сил, политика зигзагов, бюрократизм руководства, словом все то, что составляет сущность сталинизма, — вот что может укрепить позиции социал-демократии, которая, как показал особенно ярко опыт германской и итальянской революций, является в последнем счете самым опасным врагом пролетариата. Надо политически разжаловать социал-демократию пред лицом масс. Но достигнуть этого одними крепкими словами нельзя. Масса верит только своему коллективному опыту. Надо дать возможность массе в подготовительный период революции сравнить на деле политику коммунизма с политикой социал-демократии.

Борьба за массы несомненно создаст условия, когда коммунисты будут настаивать пред лицом масс на едином фронте с социал-демократами. У Либкнехта были многократные соглашения с независимыми, особенно с их левым крылом. У нас с левыми «социалистами-революционерами» был прямой блок, а до переворота с меньшевиками-интернационалистами — ряд частных соглашений и десятки предложений с нашей стороны единого фронта. В результате такой политики не мы потеряли. Но, разумеется, дело идет не об едином фронте типа англо-русского комитета, когда во время

всеобщей революционной стачки сталины, оставались в блоке со штрейкбрехерами, и уж, конечно, не с единым фронтом в духе Гоминдана, когда под фальшивым лозунгом союза рабочих и крестьян обеспечивалась диктатура буржуазии над рабочими и крестьянами.

Таковы перспективы и задачи, как они представляются со стороны. Я вполне чувствую, насколько приведенные выше соображения лишены конкретности. Весьма возможно, даже вероятно, что я упустил ряд крайне важных обстоятельств. Вам виднее. Вооруженные теорией Маркса и революционным методом Ленина, вы сами найдете свои пути. Вы сумеете посмотреть и подслушать мысли и чувства рабочего класса и дать им ясное политическое выражение. Задача этих строк только напомнить в основных чертах те принципы революционной стратегии, которые проверены опытом трех русских революций.

Крепко жму вам руки и желаю успехов.

Ваш Л. Троцкий.

25-ое мая 1930 г.

Что такое центризм?

В газете «Крик народа», 1) органе блока монархистов с муниципальной ячейкой попиастов, 2) Шамбелан обратился с открытым письмом к «центристам» — просвещенцам, руководителям левой унитарной оппозиции. Я не касаюсь этого письма, в котором если и интересно, так это полное отсутствие революционной идеи. Меня интересует только один пункт: Шамбелан называет коммунистов-просвещенцев «центристами». Мысль его — я предполагаю, что здесь есть все-же мысль — повидному такова: на одном фланге стоят сторонники синдикальной автономии, т.е. друзья Монзта вместе с «попиастами», на другом — сторонники бюрократического подчинения синдикатов партии, т.е. официальное унитарное руководство, а посредине стоят коммунисты-оппозиционеры, которые недостаточно энергично борются за «автономию» и не решаются порвать с коммунизмом. Это и есть «центристы», ибо они стоят в центре. А так как левая оппозиция выросла на борьбе с центризмом, то, уличая ее в таком противоречии, Шамбелан срывает первую победу до борьбы.

Для естествоведов нет ничего незначительного в мире природы. Для марксиста нет ничего незначительного в мире политики: легкомысленная классификация Шамбелана может помочь, точнее установить некоторые революционные понятия. Именно это мы и хотим сделать.

1) Еженедельник Комитета Синдикальной Независимости.

2) P.O.P. — parti ouvrier paysan, рабочая и крестьянская партия (или попиасты).

В корне ложно думать, будто понятие «центризма» определяется геометрически или топографически, как в парламентах. Политические понятия для марксиста определяются материальными, а не формальными признаками, т.е. классовым содержанием идей и методов.

Все три основные тенденции в современном рабочем движении: реформизм, коммунизм и центризм, с необходимостью вытекают из объективного положения пролетариата в современном, империалистском режиме буржуазии.

Реформизм является течением, выросшим на почве привилегированных верхов пролетариата и отражающим их интересы. Рабочая аристократия и бюрократия есть очень широкий и могущественный слой, особенно в некоторых странах, мелко-буржуазный, в большинстве, по условиям существования и по образу мыслей, но вынужденный приспособляться к пролетариату, на спине которого он поднялся. Верхушки этого слоя через бюрократический, парламентский аппарат буржуазии поднимаются до самых верхов власти и благосостояния. В лице какого-нибудь Томаса, Макдональда, Германа Мюллера, Поля Бонкура и пр. мы имеем консервативного крупного буржуа, отчасти еще с мелко-буржуазным складом мысли, чаще же — с мелко-буржуазным лицемерием, рассчитанным на пролетарскую базу. Другими словами, мы имеем в одном социальном типе три классовых излоения. Соотношение этих элементов таково: крупный буржуа командует мелким, а мелкий обманывает рабочего. Сидит ли крупный буржуа у себя в банке и в министерстве, допуская Томаса только с черного хода, или же буржуа приобщил самого Томаса к своему богатству и к своим идеям, это вопрос хоть и второстепенный, но далеко не безразличный. Империалистская стадия развития, обостряющая все противоречия, чаще всего заставляет буржуазию делать правящую кучку реформистов прямыми пайщиками своих трестов и своих правительственных комбинаций. Это обстоятельство выражает новую, несравненно более высокую степень зависимости реформизма от империалистской буржуазии и накладывает яркую печать на психологию и политику реформизма, делая его пригодным для прямого заведывания государственным делом буржуазии.

Про верхний слой реформистов меньше всего можно сказать, что им «ничего терять, кроме своих цепей». Наоборот, для всех этих премьеров, министров, бургомистров, депутатов, синдикальных заправил и воротил социалистический переворот означает экспроприацию их привилегированного положения. Эти цепные собаки капитала охраняют не просто собственность вообще, но прежде всего свою собственность. Это бесценные враги освободительной революции пролетариата.

В противоположность реформизму мы под революционно — пролетарской (марксистской,

коммунистической) политикой понимаем такую систему идей и методов борьбы, которая направлена на революционное низвержение буржуазного государства, путем предварительного объединения пролетариата под знаменем его диктатуры и социалистического переустройства общества. Инициативу этой задачи может на себя взять только наиболее передовое, сознательное и самоотверженное меньшинство рабочего класса, которое, вокруг определенной, научно-обоснованной и точно-формулированной программы, постепенно, на основе опыта боев, завоевывает большинство пролетариата для социалистической революции. Различие между партией, которая создается путем идейного отбора, и классом, который автоматически формируется самим ходом производства, не может исчезнуть при капитализме, который обрекает эксплуатируемые массы на идейное прозябание. Только после победы пролетариата, при подлинном экономическом и культурном подъеме масс, т.е. в процессе ликвидации самих классов, партия будет постепенно растворяться в трудящихся, пока совершенно не исчезнет вместе с государством. Говорить о пролетарской революции, отрицая роль коммунистического авангарда, могут только фразеры или самодовольные поны-безнадежных сект.

Таковы два основных течения в мировом рабочем классе: социал-империализм с одной стороны, революционный коммунизм, с другой.

Между этими двумя полюсами расположено огромное число всяких переходных течений и группировок, которые непрерывно меняют свою фазу и всегда находятся в состоянии изменения, линиями, движения: либо от реформизма к коммунизму, либо от коммунизма к реформизму. Эти центристские течения не имеют и, по самой сути своей, не могут иметь определенной социальной базы. В то время, как реформизм выражает интересы привилегированных верхов рабочего класса, а коммунизм становится знаменем самого пролетариата, освобождающегося от идейного влияния реформистских верхов, центризм выражает переходные процессы в пролетариате, колебания разных его слоев, трудности перехода на революционные позиции. Именно поэтому массовые центристские организации никогда не бывают устойчивы и долговечны.

Правда, в рабочем классе вырабатывается известный слой так сказать постоянных центристов, которые не хотят идти с реформизмом до конца, но и органически неспособны стать на революционную дорогу. Таким классическим типом честного рабочего центриста был во Франции старик Бурдерон. Более ярким и блестящим представителем того же типа является в Германии старик Ледебур. Но массы никогда долго не остаются в промежуточном состоянии: временно прикинув к центристам, они

идут затем к коммунистам или возвращаются к реформистам, либо, наконец, временно впадают в индифферентизм. Так левое крыло французской социалистической партии превратилось в коммунистическую партию, покинув по дороге вождей-центристов. Так исчезла Независимая партия в Германии, передав своих сторонников коммунистам или вернув их социал-демократии. Так сошел со сцены «двух-с-половинный» Интернационал. Подобные же процессы мы наблюдаем и в синдикальной области: центристская «независимость» британских тред-юнионов от Амстердама превратилась в момент всеобщей стачки в самую желтую амстердамскую политику измены.

Исчезновение перечисленных выше, в виде примера, организаций вовсе не значит, что центризм уже сказал свое последнее слово, как думают некоторые коммунистические бюрократы, сами идейно очень близкие к центризму. Определенные массовые организации или течения сошли на-нет, когда закончилась непосредственно после-военная полоса в рабочем движении Европы. Обострение нынешнего мирового кризиса и новая действительная радикализация масс неизбежно вызовут новые центристские тенденции внутри социал-демократии, внутри синдикатов, как и в неорганизованных массах. Не исключено, что эти центристские массовые потоки поднимут кого-нибудь из старых центристских вождей, но опять не надолго. Политики центризма в рабочем движении очень похожи на курицу, выснаживающую утят, и затем укорованно кулачущую на берегу: не совестно ли детям уходить от честной «автономной» курицы и пускаться вволю по водам реформизма или коммунизма? Если Шамбелан оглянется вокруг себя, то он без труда найдет некоторое количество почтенных кур, которые как раз сейчас с усердием, достоинством лучшего дела, выснаживают явля реформизма.

В прошлом именно рабочая бюрократия, где только могла и когда могла, прикрывалась пустым принципом «автономии», «независимости» и проч., охраняя таким путем свою собственную независимость от рабочих: ибо как может рабочий контролировать свою бюрократию, если она не стоит под определенным принципиальным знаменем? Немецкие и британские профессиональные союзы, как известно, долго провозглашали себя независимыми от каких бы то ни было партий; американские тред-юнионы хвастаются этим и сегодня. Но указавшая выше эволюция реформизма окончательно связавшая его с империализмом, загроудяет реформистам возможность пользоваться этикеткой автономии с прежней свободой. Тем старательнее хвастаются за фиктивную автономию центристы. Ведь их природа в том и состоит, что они охраняют «автономно» своей собственной перешителности и половинчатости от реформизма, как и

от коммунизма.³⁾ Таким образом, идея автономии, которая была в истории мирового синдикального движения главным образом знаменем реформизма, стала сейчас знаменем центризма. Но какого центризма?

Выше уже сказано, что центризм всегда передвигается либо влево, к коммунизму, либо вправо, к реформизму.

Если Шамбелан оглянется на историю своей собственной группы, хотя бы с начала империалистской войны до сего дня, то он легко найдет подтверждение этим словам. В настоящее время «автономные» синдикалисты явно передвигаются слева направо, от коммунизма к реформизму. Они выбросили вон даже этикетку коммунизма. Это то и породило их с попинистами, которые проделывают ту же эволюцию, только более разнузданно. Центризм, передвигающийся влево и отталкивающий массы от реформизма, выполняет в известном смысле прогрессивную функцию, что, конечно, несколько не должно мешать нам и в этом случае неприемлемо разоблачать половинчатость центризма, добы как можно скорее оставить прогрессивную курицу на берегу. Когда же центризм пытается оторвать рабочих от коммунистического знамени, чтобы под маской автономности облегчить им неизбежную эволюцию к реформизму, тогда он выполняет не прогрессивную, а реакционную роль. Такая сейчас роль комитета борьбы за автономию.

«Но ведь это почти то же, что говорят сталинцы!» — повторит Шамбелан слова своей статьи. Вряд ли стоит здесь останавливаться на вопросе о том, кто ведет более серьезную и более глубокую борьбу против ложной политики сталинцев: группа Шамбелана или международная левая коммунистическая оппозиция. Но направление нашей борьбы прямо противоположно направлению борьбы «автономистов», ибо мы идем на путь марксизма, а Шамбелан и его друзья — на путь реформизма. Разумеется, они делают это не сознательно, о нет! В избытке сознательности мы их не обвиняем. Да центризм и никогда вообще не ведет сознательной политики. Разве сознательная курица села бы на утиные яйца? Никогда!

Каким же образом — слышу я теперь возражение — считать одновременно центристами таких антиподов, как Шамбелан и Монмуссо? Это может показаться парадоксом лишь тому, кто не понимает парадоксальной природы центризма, который никогда не остается самим собою и даже почти никогда не узнает себя в зеркале, если ему подставить его к самому носу.

3) Во французском синдикальном движении 1906-1914 годов «независимость» означала разрыв с парламентарным оппортунизмом; именно поэтому революционный французский синдикализм был по существу партией, но не развившей до конца и потому фактически сошедшей на нет еще до войны.

Центристы официального коммунизма проделывают в течение двух последних лет острый зигзаг: справа налево. Монатт и его друзья — слева направо. Руководители Коминтерна и Профинтерна бросились очертя голову, догонять волну, которую они упустили. Испуганные их авантюристскими прыжками центристы типа Шамбелана торопятся повернуться спиной к новой волне, которая намечается на горизонте. В такие промежуточные периоды, между бурями прибоев, разброд поражает прежде всего лагерь центризма, порождая в нем несогласованные движения в самых различных направлениях. И тем не менее Шамбелан, — или, чтобы быть ближе к делу, Монатт, — и Монмуссо представляют две стороны одной и той же медали.

И считаю необходимым напомнить, как внешне руководители унитарных синдикатов и коммунистической партии смотрели на синдикальную проблему всего лишь шесть лет тому назад, когда они уже стояли во главе официальной партии и когда, к слову сказать, они уже начали свою борьбу против «троцкизма». В январе 1924 года, после памятного кровавого митинга в синдикальном доме, руководители Унитарной конфедерации, торопившиеся отречься не только от всякой ответственности за действия партии, но и от какой бы то ни было солидарности с ней, писали в торжественной «Декларации Всеобщей Унитарной Конфедерации Труда»:

«...Столь же озабоченные организационной и административной автономией партий и сект, как они озабочены автономией конфедерации, ответственные учреждения В.У.К.Т. (С.С.Т.У.) не имели основания обсуждать вопрос о митинге, который, под своей ответственностью, организовали сенская федерация коммунистической партии и организация молодежи...»

«Каков бы ни был характер митингов или действий, предпринимаемых партиями, сектами и внешними группировками, исполнительная комиссия и конфедеральное бюро столь же мало намерены сегодня, как и вчера, уступить власть из своих рук в чьи бы то ни было. Они сумеют сохранить контроль и руководство над конфедеральной деятельностью против всяческих внешних покушений...»

«В.У.К.Т. не имеет ни права ни обязанности проявлять цензуру по отношению к внешним группировкам, их программам и их целям; она не может ни одну из них подвергнуть запрету, не нарушая этим своей необходимой нейтральности по отношению к различным партиям.»

Таков этот, истинно, несравненный документ, который навсегда останется замечательным памятником коммунистической ясности и революционного мужества. Под документом мы читаем следующие подписи:

Монмуссо, Семар, Ракамон, Дюдиле, Беррар.

Мне кажется, что левые французские ком-

мунисты должны были бы не только перепечатать «Декларацию» полностью, но и придать ей ту популярность, которой она заслуживает. Никто не знает, какие неожиданности еще предстоят впереди!

За годы, прошедшие после подписания декларации, в которой Монмуссо, Семар и К-о объявляли о своей строжайшей нейтральности по отношению к коммунизму и другим «сектам», они совершили не мало оппортунистических подвигов. Они покорно проделали, в частности, политику англо-русского комитета, которая вся была построена на фикции автономии: партия Макдональда и Томаса — это одно, — поучал Сталин, — а трэд-юнионы Томаса и Перселя — это совсем, совсем другое. После того, как Томас, при помощи своего Перселя, оставил коммунистических центристов в дураках, последние испугались самих себя. Вчера еще Монмуссо хотел, чтоб синдикаты были равно независимы от всех и всяких партий и сект. Сегодня он хочет, чтоб синдикаты были простой тенью партии, превращая тем синдикаты в секты. Что такое нынешний Монмуссо или Монмуссо № 2? Это испугавшийся самого себя и лихорадливо наизнанку Монмуссо № 1. Что такое Шамбелан? Это недавний коммунист, испугавшийся Монмуссо № 2 и бросившийся в объятия Монмуссо № 1. Разве не очевидно, что мы имеем здесь две разновидности одного и того же типа или две стадии одной и той же путаницы? Монмуссо пугает рабочих призраком Шамбелана. Шамбелан пугает рабочих призраком Монмуссо. А между тем, по существу дела, каждый из них смотрит в зеркало и грозит себе кулаком.

Вот как обстоит дело, если взглянуть на вопрос немножко серьезнее, чем это делает «Крик народа», в котором больше крика, чем народа. Коммунизм не есть одна из «партий или сект». Коммунизм есть объединенный вокруг программы социалистической революции авангард рабочего класса. Такой организации во Франции еще нет. Имеются ее элементы, отчасти ее обложки. Кто говорит рабочим, что такая организация им не нужна, что пролетариат сам себе доведет, что рабочий класс достаточно зрел, чтоб обойтись без руководства своего собственного авангарда, — тот лгун, тот паразит пролетариата, тот демагог, но не революционер. Преступно подслащивать действительность. Надо говорить рабочим правду и надо учить их ценить правду.

Шамбелан жестоко ошибается, если думает, что левые коммунисты стоят в центре, между Монмуссо и им, Шамбеланом. Нет, они стоят над обоими. Позиция марксизма возмущается над всеми разновидностями центризма и над всеми этапами его шатаний. Только то течение в рабочем классе сможет действительно оплотворить синдикаты и превратить их в массовые организации, с подлинно революционным руководством, которое продумает до конца и

впитает в плоть и в кровь марксистское понимание взаимоотношения между классом и его революционным авангардом. В этом коренном вопросе нет места недомолвкам и уступкам. Здесь ясность нужна больше, чем где бы то ни было.

Л. Троцкий.

28-ое мая 1930 г.

Руководство Коминтерна опять упустило благоприятный момент

На основании найденного на VI конгрессе 3-го периода, ведингский партийный съезд объявил во всеуслышание о конце капиталистической стабилизации и наступлении непосредственно-революционной ситуации в Германии. Громкоговоритель Тельма приложил все усилия, чтобы доказать это в своих рефератах. Партийные официозы посвящали этому открытию, изо дня в день, длинные статьи. Шла речь о массовых боях, о «прорывных сражениях» (Durchbruchschlachten), которые разгромят капиталистическое государство. Нас, — которые эту немарксистскую, механическую оценку положения объявили неправильной, — называли пессимистами, людьми, потерявшими всякую веру в победу революции. Главный лозунг, который официальная германская партия выбросила в этот сконструированный партийным чиновничеством период, гласил: «Пролетарии, ведите борьбу за советскую Германию». На основании подобной оценки положения оказалось возможным подойти вплотную к вопросам для рабочих масс, эксплуатируемых буржуазией с помощью социал-демократии.

Каждому марксисту было ясно, что это провозглашение непосредственно-революционной ситуации есть не что иное, как преступная фразеология, ничего общего не имеющая с реальной действительностью. Руководство Коминтерна политика которого привела коммунистические партии и пролетариат к сильнейшим поражениям (1923 год в Германии, 1925 - 1927 г. г. в Китае, 1926 г. в Англии, в России, Болгарии, Эстонии, Польше) это руководство, начиная с 1928 года проделывает ультра-левый зигзаг, не желая учитывать действительной ситуации в Германии.

Посмотрим, какова эта реальная действительность. Что говорят нам цифры и факты, показательные для борьбы и настроения рабочих масс?

В 1928 году общее число забастовочных дней в Германии равняется 10,4 миллионам; оно падает в 1929 году до 4,4 милл. В 1928 году бастовали 780.000 рабочих, в 1929. всего 233.000. Статистические данные о забастовках есть барометр боевой воли рабочих масс. Вы-

неприведенные числа говорят о том, что боевая воля рабочих масс в Германии пала.

На выборах в Ландтаги и городские общины К.П.Г. потерпела поражения: она потеряла много голосов по сравнению с результатами выборов 1928 г. в Рейхстаг. Социал-демократическая партия, наоборот, удержалась на позициях, а в ряде мест даже выиграла много голосов. Национал-социалисты (фашисты) имели в Саксонии, Тюрингии и других местах большой успех. В красной Тюрингии коммунистическая фракция Ландтага имеет 6 человек, фашистская — 7. Кто касается самой партии, то число ее членов не только не увеличилось, но даже уменьшилось. Можно считать, что максимальное число членов германской партии равняется 70.000 человек. (После объединения с независимыми партия насчитывала свыше полумиллиона человек).

Во всех пролетарских массовых организациях, а особенно в профсоюзах, партия потеряла почти всякое влияние. Успехи, которые партия имела на выборах фабзавкомов, являются в первую очередь выражением недовольства рабочих масс, протестом против капиталистического угнетения, против помощников буржуазии — реформистов. Но эти успехи, отрядные сами по себе, ни в коем случае не означают еще готовности рабочего класса тотчас подняться на разгром капиталистического государства. Лучшее доказательство того, что наша оценка правильна — это итоговые данные выборов 30-го года в фабзавкомы. Так, например, на химических заводах Леуна социал-демократическая партия впервые за 10 лет получила больше представителей в завкоме, чем коммунисты (13 против 11). Так же обстоит дело в Рурской области и средней Германии, которые раньше считались оплотом коммунистического движения. Несколько статистических данных:

Представители в завкоме	В Рурской области	Средн. Германии
Свободные профсоюзы	913	523
Христианские профсоюзы	613	27
Красные списки	404	19
Желтые списки	72	29

В камсонугольных копях Саксонии (Цвикау, Плауен) влияние партии настолько упало, что она даже еще была в состоянии выставить свои списки. Катастрофичны результаты выборов на берлинских предприятиях городского сообщества (Berliner V.A.G.), на предприятиях гамбургского трамвая, торговых предприятиях Гамбурга, автомобильных фабриках Опеля. Приведенные таблицы наглядно показывают результаты выборов на химических заводах Леуна и берлинских предприятиях городского сообщества в 1929 и 1930 годах:

	Хим. зав. Леуна		Берлин, предпр. городск. сообщ.	
	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
Красные списки	51,3%	34,7%	52,4%	28%
Свободные профсоюзы	32,7%	37%	29%	45%
Хр. профсоюзы	3,2%	5,3%	7,3%	8,6%
Отечеств. союзы	9,6%	16%	—	—
Союзы немецких националистов	—	—	9%	7,2%
Национал-социал. (фашисты)	—	—	—	6%

А как обстоит дело с последним доказательством наступления непосредственно-революционной ситуации — с демонстрациями? Выступления партии, назначенные по календарю, все более и более слабы. При наличии 4 миллионов безработных партии удается охватить в демонстрациях всего лишь 5-7% этого количества. Последние февральские и мартовские выступления потерпели, как известно, фиаско. И это все, несмотря на то, что положение в Германии было объективно благоприятно для отрыва больших масс рабочего класса от социал-демократии, для создания массовой коммунистической партии в Германии.

Социал-демократия опять вошла в коалицию с финансово-капиталистической буржуазией. Положение социал-демократической партии было на сей раз неизмеримо более тяжелым, чем во времена ее прежней коалиционной политики. Почему? В те годы социал-демократия была еще в силах получить для пролетариата некоторые минимальные реформы. У буржуазии была еще свежа в памяти революция. Октябрьское настроение 1923 года носилось еще в воздухе. К тому же буржуазия не была к этому времени настолько политически и экономически сильна, чтобы вопреки сопротивлению рабочего класса, осуществить на деле свои желания и стремления. Экономическая и политическая сила буржуазии не была еще в достаточной мере развита, и потому она должна была пойти на известные уступки рабочему классу. Вот почему социал-демократия была тогда в состоянии путем коалиции привести к некоторым минимальным реформам (повышение заработной платы, социальное законодательство, квартирный вопрос и т. д.). Начиная с 1928 года коалиционная политика Мюллера — Гильфердинга была открытым предательством насущных интересов пролетариата (мы уже не говорим, конечно, об исторических интересах). Социал-демократическая партия работала не только на укрепление капиталистического государства (броненосцы, полиция, закон о защите республики и т. д.); не только поддерживала дальнейшее наступление банков и трестов (концентрация, рационализация и т. д.), но предала все то, что рабочий класс в период революционного прилива вырвал у буржуазии. Социал-демократический мн-

истр. труда Виссель провел уменьшение заработной платы. Социал-демократия была за уменьшение поддержки безработным. Правительство Мюллера внесло предложение, которое ведет к ухудшению положения больничных масс. Благодаря вместе с Шахтом предпринятой кампании за лишение городских общин прав (запрещение общинам делать займы), она уничтожила квартирное строительство и социальное обеспечение. «Культурная» политика социал-демократии способствовала усилению реакционного движения (конкордаты). А в довершение всего она преподнесла трудящимся массам Германии увеличение косвенных налогов (пошлины, монополии). Одним словом, социал-демократическая партия Германии, благодаря ее «национальной» политике, не только не дала каких-либо реформ трудящимся массам, но наоборот, она помогла буржуазии отнять у пролетариата все то, чего он достиг путем классовой борьбы. Иначе говоря: то, что составляет основную линию социал-демократии — минимальные реформы путем коалиции с буржуазией, совсем испарилось. Положение в Германии было, таким образом, исключительно благоприятно для успешной работы коммунистической партии. Если бы в этот момент коммунистическая партия связала бы свою работу с насущными требованиями пролетариата, то мы имели бы налицо то, что является одной из важнейших предпосылок для победы коммунизма: возможность вбить клин меж социал-демократическими рабочими и их предателями — вождями.

Находясь в этой благоприятной ситуации, официальные вожди партии ничего другого не придумали, как бороться против социал-демократии путем ругательства. С этой целью был найден лозунг «социал-фашизм». Пропаганда в этом направлении приняла ужасающие формы. Не только берлинский президент полиции Цергибель оказался социал-фашистом, но как таковых клеймили и социал-демократических рабочих. «Вон социал-фашистов из предприятий!» «Вон социал-фашистскую молодежь из предприятий!» «Вон детей социал-фашистов из школ!»... Вот до каких лозунгов докатились руководители германской компартии.

Да, Тельманы и Ремеле дали возможность социал-демократическим предводителям замаскировать, скрыть их предательство насущных требований рабочего класса. Они помогли им перейти из положения самообороны в наступление. Самым лучшим средством для этого послужил лозунг «соц.-фашизм». «Отождествив демократическую служанку капитала с фашистским телохранителем, Коминтерн оказал социал-демократам наилучшую услугу. В тех странах, где фашизм представляет собою силу, т.-е. прежде всего в Италии, затем в Австрии и Германии, социал-демократии не стоит большого труда показать массам не только различие, но и враждебность между нею и фашизмом. Соци-

ал-демократия освобождается таинным путем от необходимости доказывать, что она не является демократической служанкой капитала. Вся политическая борьба передвигается в искусственно созданную плоскость к наивысшей выгоде для социал-демократии. (Л. Троицкий. Открытое письмо членам ВКП(б)).

Использовать эту благоприятную ситуацию могло бы только руководство партии, не обремененное злополучными решениями 6-го конгресса и вединского партийного съезда. Не лозунги «социал-фашизма», и не брандлеровский единый фронт (вечно в хвосте социал-демократии), а ленинская тактика единого фронта, базирующаяся на насущных вопросах рабочего класса, в тесной связи с его революционными целями, ведущая к изобличению как правых, так и «левых» вождей социал-демократии, ведущая к сплочению рабочих масс вокруг коммунизма.

Центристы были уверены, что Мюллер — Молленауровское правительство представляет собой сплоченное целое. Нам было ясно, что социал-демократия будет выброшена из правительства в тот момент, когда буржуазия в ней не будет больше нуждаться. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Только так можно понять пинок ногою, который буржуазия дала правительству Мюллера.

Центристское руководство партии не разглядело действительной ситуации. И плодом его политики является изоляция коммунистической партии от рабочих масс, а с другой стороны — усиление социал-демократии, несмотря на ее неслыханное предательство насущных интересов пролетариата. Более того, социал-демократическая партия предстает перед рабочими массами в ореоле «оппозиционной» партии.

Партия, субъективный фактор в истории, опять упустила благоприятный момент.

Р. Вель.

Расширяющаяся основа для производственно-социалистического кооперирования (коллективизации) может создавать лишь процесс остратеющей индустриализации сельского хозяйства. Без технической революции в самом способе производства, т.-е. без машин в земледелии, без перехода к многополью, без искусственного удобрения и пр. успешная и широкая работа по действительной коллективизации сельского хозяйства невозможна.

Платформа Вол.-Ленина (Оппоз.)
к 15 съезду ВКП(б) (1927 г.)

8723

Еврейское рабочее движение во Франции

За последние 8 лет сильная волна еврейской рабочей эмиграции перебросилась также на Францию. Идет она в своей подавляющей массе из стран восточной Европы (Польша, Литва, Латвия, Румыния). Эмигрируют не только рабочие, но также масса ремесленников, служащих, интеллигенция и т. д.

И не удивительно! В этих странах послевоенный капиталистический кризис принял наиболее тяжелые формы. Ни низкая зарплата, ни удлиненный рабочий день не в состоянии спасти господствующий класс этих стран. И не даром буржуазия этих стран «упраждает» народом самыми крайними мерами, находящими свое выражение в фашистской диктатуре — в скрытой или полускрытой форме. В связи с этим все вышеназванные слои еврейского населения эмигрируют, спасаясь от хронической безработицы, ужасных условий жизни, политических и национальных преследований и от других «прелестей», которыми так богата восточная Европа.

Столица Франции полна сейчас десятками тысяч иностранных рабочих, среди них солидный процент евреев. Официальные цифры говорят о 60.000 в столице, 90.000 в стране (не считая Бельгии, которая насчитывает в настоящее время много тысяч еврейских рабочих). Попав в эту «счастливую» страну, о которой так много слышал еврейский рабочий, он, найдя работу, вначале остается совершенно в стороне от политической и культурной жизни страны. Не зная языка, прав, быта, культуры страны, он в начале как бы уходит от всех и всего. Но не надолго. Здесь на помощь ему спешат еврейские рабочие организации.

Культур-Лига, организация, насчитывающая несколько сот рабочих с довольно хорошей библиотекой, но зато плохо функционирующей, устраивающей еженедельно несколько докладов. Эта организация могла бы концентрировать вокруг себя тысячи рабочих, если бы... если бы она поставила работу, как следует. К величайшему сожалению она этого не делает, так как она руководится людьми, не желающими обучать рабочую массу марксизму. Они хорошо понимают, что если бы рабочих учить как следует было бы, то им возможность разбираться во всех политических вопросах, правильно и всесторонне их информировать, то они, руководители, давным давно потеряли бы свое «руководство». Поэтому — горе тому, кто во время знаменитого 3-го периода хочет научиться правильно, т. е. по марксистски мыслить...

Результаты этого печального положения на лицо: многие хорошие революционеры, воору-

женные марксистскими знаниями, опытом в движении, да и тому же являющиеся в прошлом организаторами этой Культур-Лиги, исключены отсюда или же не допускаются ни к какой руководящей работе. Тысячи не идут поэтому в эту организацию, сотни остаются пассивными зрителями, а десятки воспитываются в духе кулачного боя... с оппозицией.

Так разрушают эти политически неграмотные «руководители» рабочую организацию. Еврейские рабочие организации, как и всех других наций, могут стать настоящими классовыми организациями лишь тогда, когда ими будут руководить истинные революционеры, правильно умеющие оценивать свои и вражеские силы, воспитывающие молодежь в революционном духе, дающие ей возможность «делать ошибки и исправлять их», не боящиеся никаких трудностей и наконец связывающие в данном случае борьбу еврейских рабочих масс с борьбой рабочего класса данной страны.

Также ничему не могут научиться рабочие из официальной газеты (еженедельник) «Функ», претендующий на звание «единственного революционного органа еврейских рабочих Западной Европы», редактором которой является «революционер», заполняющий страницы газеты лошадиными дозами пахабной ругани и крикливо невежественными выпадами против левой оппозиции. По его уверениям, еврейские рабочие «любят» такую ругань.

В прошлые годы здесь было сильно развитое синдикальное (профсоюзное) движение еврейских рабочих. Печальный факт падения общего количества членов Унитарной Конфедерации труда повторяется и в его национальных секциях; еще в более катастрофических размерах. Самые главные категории: портные, кожевники, сапожники, меховщики, шалочники, деревообделочники, обойщики, трикотажники, металлисты, пекари и т. д. — Тысячи из них живут в крайне тяжелых условиях, эксплуатируют их гораздо больше, чем французских рабочих. В случае сопротивления им грозит потеря работы, а это значит отправиться обратно на «родину», т. е. туда, где их ждет еще худшая участь. Будь во главе всех этих синдикатов дальновидное руководство, оно могло бы несомненно на основании благоприятного экономического положения в стране выработать лозунги, которые были бы в состоянии сплотить не только одних еврейских рабочих, но и французских и всех иностранных рабочих вместе. Но, чтобы суметь это осуществить, необходимо ясно видеть то, что происходит в стране.

Чтоб дать ясный анализ положения в стране, где дивиденды концернов и трестов огромны, необходимо бросить и массы — как и иностранные, так и по-французски — лозунги, которые соответствовали бы действительным потребностям масс, и организовать всю рабочую массу Франции (без каких-либо нацио-

нальных различий) в экономической борьбе против все усиливающейся эксплуатации господствующего класса. Но для этого нужно первым делом снять всех этих секретарей — чиновников, совершенно не понимающих потребностей иностранной рабочей массы, (не даром все национальные парт-секции при французской компартии за последние годы катастрофически уменьшились в количестве и ухудшились в качестве!). Только при вдумчивом изучении потребностей массы, можно тесно спаять иностранных рабочих, как еврейских, так и других наций вместе с французской рабочей массой. Итальянский уголек, польский и венгерский батрак, еврейский портной при разном восприятии ими одинаковых целей могут быть тесно спаяны перед лицом общего врага только при помощи дальновидного марксистского руководителя, наученного на собственном опыте и делающего из него надлежащие выводы.

В этом заключается наша задача. Поэтому счастливо отразило явление, что организовалась и еврейская группа левой оппозиции, которая работает рука об руку с французской левой оппозицией, объединенной вокруг «Веритэ». Она уже издаёт свой ежемесячный орган «Кларте» («Ясность»), освещающий все наиболее важные вопросы в марксистском свете. Еврейская левая оппозиция есть единственная группа, организовавшая курсы для изучения марксизма-ленинизма, куда рабочие притекают во все растущем количестве. Рабочие на этих курсах убеждаются, как систематически обманывает их парт-аппарат в отношении роли левой оппозиции. Ксэты, сталинцы проклинаят эти марксистские курсы голоры, что во время «3-го периода» нельзя уделять внимание таким академическим вопросам. В самой партии нами также уже созданы кружки, нелегально (!) изучающие марксизм-ленинизм. Марксизм изучается как бы контрабандой для партии.

Мы ясно сознаем все трудности. Но тот не революционер, кто боится трудностей.

А. Сентт.

Париж, 26-ое мая 1930 года.

О работе оппозиции в Ю.-Америке

(письмо из Буэнос-Айреса)

В настоящем моем, первом, письме я хочу дать лишь самую общую информацию нашим товарищам в Зап. Европе и в СССР, о работе левой оппозиции в Южной Америке. Своим историей левая оппозиция Аргентины, — центра Южной Америки, — начинает с 1926-27 годов, т.е. со времени открытых репрессий Сталина против так называемых «страшников». Первыми шагами оппозиционно настроенных товарищей в коммунистической партии Аргентины было требование критически проанализировать политику Интернационала за последние несколько лет.

Но бюрократические чиновники Сталина не хотели и слышать об этом, наоборот, они постарались как можно скорее вытеснить разномыслящих товарищей из рядов официальной партии. Вытесненные товарищи сформировали самостоятельную группу. Относительно медленное развитие оппозиции объясняется кризисом в стране, с одной стороны, и разлагающим влиянием анархистов и центристов на пролетариат — с другой. Но несмотря на все трудности, встречаемые на нашем пути, достижения наши не малы. Месяц тому назад мы приступили к изданию органа «Вердад» («Правда»), на испанском языке. Его редакция не состоит из спятившихся журналистов, в нем принимают участие лишь рабочие, поэтому он и отличается своей простотой. Бюрократы официальной партии критикуют нас, говоря, что мы де-мол не журналисты, и т.д., но нас это абсолютно не тревожит, — мы с удвоенным энтузиазмом будем продолжать нашу работу.

В первом номере «Вердад» была напечатана весть о расстреле т. Блюмкина. Это и востребовало местных «спягнонов», и они со всей «грубостью» и «непобедимостью» своего учителя нападают на нас. На днях выпускаем 2-ой номер. Имеем много своего материала, а также переводов статей т. Троцкого и писем из СССР (изяты из Бюлетеня). Сталинцы в союзе с представителями еврейской желтой печати вели лихорадочную работу по дискредитированию оппозиции в целом и т. Троцкого в частности. Сейчас они с досадой наблюдают, как усиливается наша работа. Выпуск первого номера нашего органа уже сосредоточил вокруг газеты большее количество пролетариев, от которых скрывали правду. Чем интенсивнее мы поведем нашу работу, тем больше симпатизирующих приобретем. Бюллетень Оппозиции в одном лишь Буэнос-Айресе распространены нами в значительном количестве среди русских и знающих русский язык еврейских рабочих.

Редакция Бюлетеня совершенно права в своем замечании, что в Европе очень мало знают о рабочем классе Южной Америки. Это факт. А между тем пролетариат Южной Америки занимает не последнее место в рядах международного рабочего класса. Если бы не отсутствие правильного руководства, он бы занимал одно из первых мест, — но и при настоящем положении его роль велика на американском континенте. Мистер Хувер давно это учитывал, и если Южная Америка не совсем еще находится под пятой капитала Янки, то это главным образом благодаря антиимпериалистическому духу южноамериканского пролетариата. К сожалению, очень печальное обстоит дело с компартиями. Коммунистические партии Аргентины, Уругвая, Бразилии и др. не что иное, как организации чиновников, главная работа которых борьба против оппозиции и составление статистических данных. Любая мелкая манифестация исчисляется от 10 до 15 тысяч человек. Казалось бы, что Москва должна была бы резко реагировать на такую «успешную» работу и «радикализацию масс»¹⁾ Ничего подобного, просматривают статистику, одобряют, и — продолжай, ребята!

В последних своих номерах Бюллетень ведет работу по объединению Интернациональной Оппозиции. Что такое организационное объединение необ-

¹⁾ Местные сталинцы в своей печати повторяют, как попуган, о «радикализации масс». — Ибо так велено из Москвы.

8725

ходимо, об этом не может быть двух мнений. Оппозиционные группы, до настоящего времени, состоявшиеся из отдельных товарищей. Единомысленникам приходится целыми месяцами разыскивать адреса той или иной оппозиционной организации для получения необходимой литературы. Против каждой оппозиционной группы восстает всякий единый фронт коминформиков и всякого рода оппортунистов. Разработанного плана действия не имеется. Многие товарищи за границей относятся пассивно к событиям по той лишь причине, что нет интернациональной организации. Мы, аргентинские оппозиционеры, получили письма от мексиканских и испанских товарищей, с требованиями выработать общий план действий и в первую очередь выпустить Бюллетень для трех стран: Мексики, Испании и Аргентины. Эта инициатива поднята товарищами на основании тех трудностей, которые приходится преодолевать почти каждому единомысленнику в отдельности. Интернациональная организация, где бы ни заседал ее секретариат, в Берлине, Париже или Брюсселе, сыграла бы огромную роль в развитии и оформлении международной левой. Она бы реагировала под интернациональным углом зрения, на политику Коминтерна, снабжала бы взаимной информацией и указаниями оппозиционные группы во всех странах, доставляла бы регулярно сведения о событиях в СССР, и при ее помощи мы бы скорее видели настоящий день, и легче могли бы готовиться к будущему. Интернациональная оппозиционная организация объединит и закрепит нашу работу в международном масштабе. Кровавая расправа Сталина над нашими товарищами в СССР возможна в значительной степени лишь потому, что мы еще не объединены. Объединенная и активная — интернациональная оппозиция поможет спасти не только наших товарищей в СССР от рук узурпатора Сталина, но поможет спасти советскую власть. Мы можем лишь приветствовать эту инициативу, объединения.

С оппозиционным приветом.

Дворин.

Бюрократические подвиги

(ПИСЬМО ИЗ ПРАГИ)

Борьба центрлистов с левыми оппозиционерами-коммунистами имеет свою объективную логику. Где нет сил нести принципиальную политику, она заменяется беспринципным маневром; где нет революционной честности, там растет бюрократическая клевета; где отсутствует способность мыслить, там царствует грубое насилие. В России сталинцы не колеблясь преступно злоупотребляют пролетарским правосудием против пролетарских революционеров, в Европе они создают единый фронт с буржуазным правосудием, помогая ему против рабочих коммунистов-оппозиционеров. Нижеследующие факты делают излишним всякие дальнейшие комментарии.

Советская дипломатия и полиция

Делегация коммунистических рабочих потребовала у посла Арсеева разъяснений по поводу расстрела т. Блюмкина. Арсеев ответил, что он запрашивает Москву. После нескольких тщетных попыток добиться ответа, — прерванный во время разговора

к стенке этот коммунист (Арсеев), заявил, что расстрел коммуниста, не входит в его дипломатические обязанности. Он нашел своим дипломатическим обязанностям лучшее применение: товарищи при выходе из здания полпредства, были встречены агентами тайной полиции и подвергнуты строгому допросу. Член делегации — рабочий был арестован. Храбрый Арсеев показал свое совершенное дипломатическое искусство, вступив в скрытое соглашение с буржуазной полицией — о передаче ей коммунистов-рабочих.

Коммунистический адвокат в качестве прокурора

Некоторое время тому назад двое рабочих-коммунистов (оппозиционеры), имеющие за спиной двадцать лет революционной работы, каждый, находившись перед буржуазным судом по обвинению в распространении листовок оппозиции. Так как они состояли членами «Красной Помощи» (МОПР), им дали адвоката. Этот адвокат, некий д-р Бартошек (назо призываю его имя к позорному столбу), уже во время процесса отказался от защиты, когда узнал, что дело идет о «троцкистах-контр-революционерах». Оставим формальную сторону вопроса, т.е. что адвокат был послан, как представитель МОПР, первым долгом которого является поддержка всякого рабочего, находящегося под преследованием буржуазной юстиции. Дело идет о двух коммунистах, находящихся под судом за свой коммунистический образ мыслей и революционную активность, за свою борьбу против империализма и за защиту Советского Союза (в листовке все это было не двусмысленно выражено). Но оба они были оппозиционерами, и этого оказалось достаточно, чтоб «коммунист» защитник (состоявший в то же время руководящим членом Лиги прав Человека, Анти-империалистической Лиги и других подобных «либеральных» организаций) не колеблясь на одной секунды, сделался — пред лицом государственного прокурора — прокурором сталинской бюрократии, молча и пассивно наблюдая процесс и приговор, т.е. фактически помог обвинению. Воистину печальная и вместе с тем позорная картина!

Бюрократы не останавливаются перед игрой с тем доверием и авторитетом, который имеют Коммунистический Интернационал и Советский Союз. Под этим знаменем они пробуют создать потрошную атмосферу. Но чем ближе к партийной массе, тем меньше желания у коммуниста бить своих товарищей.

В Жижкове, рабочем квартале Праги, наши оппозиционные товарищи организовали дискуссионное собрание об уроках Кантона. Один аппаратчик, участвовавший об этом собрании, догадал — на основании проверенного опыта — что лучшей дискуссия — это организовать вопрос оппозиционного собрания. На официальном партийном собрании, куда он явился с этим предложением, ни один коммунист не согласился принять участие в избрании оппозиционеров. Коммунистические рабочие вовсе не готовы следовать за неистовствующими бюрократами.

И. Фр.

8726

Помогайте бюллетеню!

Со страниц прошлых номеров Бюллетеня мы обращались ко всем нашим друзьям с призывом удвоить и удесятерить усилия по обслуживанию Бюллетеня. Мы можем констатировать сегодня, что наше обращение не осталось без ответа. Некоторые успехи достигнуты. Но следящего еще далеко недостаточно. Нужно, чтоб работа по обслуживанию Бюллетеня приняла систематический и упорный характер. Существование Бюллетеня необходимо делу Октябрьской революции. Без широкой помощи Бюллетень существовать не сможет. Мы снова обращаемся за содействием.

Нам нужна **ДЕНЕЖНАЯ ПОМОЩЬ**.

Нам нужна **ИНФОРМАЦИЯ** о Советском Союзе.

Нам нужно содействие **ПРОНИКНОВЕНИЮ БЮЛЛЕТЕНЯ В СССР**.

Почтовый ящик.

1. Товарищам, посылающим деньги. Отчет о пришедших суммах будем публиковать только в тех случаях, когда посылающие деньги товарищи сами желают этого. Напоминаем, что при условии указания псевдонима, опубликование становится безопасным. Не указывая города, когда это могло бы нанести на след, мы полученные суммы будем показывать во французских франках или немецких марках, независимо от того, в какой валюте они посланы.

Получено:
От одного сотрудника —ского торгпредства — 10 марок.
От группы Лейпц. топ. — в пользу ссыльных и арестованных — 32 марки.

От г. Те-зова — 200 франков.

От г.т. А. С.-С. Ст. — в пользу ссыльных и арестованных — 50 марок.

2. Тов. Те-зову. Ваше письмо, написанное на машинке, получено. Ваши предложения выполнены. Убедительнейшая просьба: срочно сообщить верный адрес для переписки с вами. Ждем вестей. Привет.

3. Тов. Дворнику, Буэнос-Айрес. В Париже выходит еврейская оппозиционная газета «Кларейт» (на днях выходит № 3). В Испании на днях появляется № 1 оппозиционной газеты «Контра ля Коррент» («Против течения»). Надеемся, что вы свяжетесь тесно с обоими изданиями.

НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

В № 11 «Бюллетеня» в статье т. Троцкого «Скрип в аппарате» на стр. 14, строка 14-я снизу, напечатано: «Мировой капитализм не пережил себя», следует читать: «Мировой капитализм пережил себя». В статье т. Троцкого «К капитализму или к социализму» на стр. 6, строка 7-я сверху, напечатано: «хлебной заготовки», следует читать: «хлебной забастовки».

Склады «Бюллетеня Оппозиции»:

Grylewicz, Brunsendorferstr. 23 II, Berlin-Neukölln
«The Militant», 25 Third Avenue, New-York
U. S. A.

Le Gérant: MEISLER.

IMPRIMERIE DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE
D'ÉDITIONS FRANCO-SLAVES,
32, RUE DE MÉNILMONTANT, 32, PARIS (XX).

В издательстве „ГРАНИТ“ в Берлине
вышли следующие книги (на русском языке):

Л. Д. Троцкий

„МОЯ ЖИЗНЬ“ в 2 т.

„ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

187
ОКТАБРЬ-ДЕКАБРЬ 1930 — NOVEMBRE-DECEMBRE

Пролетарият всех стран, соединяйтесь!

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

BULLETIN DE L'OPPOSITION (BOLCHEVIKS - LENINISTES)

№ 17-18

Adresser la correspondance à : Meichler, 6, Rue de Milan, Paris 9^e

Писать по адресу :

№ 17-18

Условия подписки: 50 франков за 12 номеров и 25 франков за 6 номеров

СОДЕРЖАНИЕ:

Успехи социализма и опасности авантюризма.
Заявление тов. Раковского и др.
Х. Раковский, Н. Мурадов и др. Обращение оппозиции большевиков-ленинцев в ЦК, ЦКК ВКП(б) и ко всем членам ВКП(б).
Гибель тов. Бориса Зелинченко в сталинской ссылке.
Новая жертва Сталина. Товарищ Котэ Циццадзе под смертя.
Чему учит процесс вредителей?
Что дальше? (К кампании против иранцев).
Блок левых и правых.
Борьба против войны не терпит иллюзий.
Отступление в беспорядке. Мануальский о «демократической диктатуре».
Л. Троцкий. — О термидорианстве и бонапартизме.
Альфа. Заметки журиалиста. — Решиши анти-троцкизма. — Геккерт учил Либкнехта. — Сталинский призыв. — Тягчайшее из преступлений. — «Все помнят». — Оппозиционные задачи. — Таинство покаяния. — Плешивый комсомолец. — Молчалишки и Молчалины. — От чего повелось двурушничество? — Зазорно! — Выпьемно Либбеза! — Микоян, как спящий. — «Давают над клубами».

— и. — О больших вопросах и больших перспективах. (Размышления изътого о бонапартизме и прочем).
Письма из СССР. — Три письма из Москвы. — Заявление группы ссыльных 16-ому съезду. — Х. У порога третьего года пятилетки (Письмо из Москвы). — Жизнь большевиков-ленинцев в изоляторе. — О Х. Г. Раковской. — Из письма оппозиционера. — Письмо ссыльного оппозиционера.
ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ.
Л. Троцкий. — Поворот Коминтерна и положение в Германии.
Л. Троцкий. — Письмо конференции немецкой левой оппозиции.
К идейной ясности и к организационному возрождению (Призыв болгарской оппозиционной группы «Освобождение»).
Л. Троцкий. — Письмо исполнительному бюро бельгийской оппозиции.
Ферочи. — Троцкий и итальянские рабочие.
Хрюшка международной левой.
Мелочи бытия.
Почтовый ящик.

8728

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

BULLETIN DE L'OPPOSITION (BOLCHEVIKS - LENINISTES)

№ 19

Adresser la correspondance à : Meichler, 6, Rue de Milan, Paris 9e.

Писать по адресу :

Цена 5 фр.

Условия подписки: 50 франков за 12 номеров и 25 франков за 6 номеров

Prix 5 fr.

СОДЕРЖАНИЕ:

Памяти друга. Над свежей могилой Котэ Цинцадзе.

Л. Троцкий — Испанская революция.

Пятилетка в четыре года?

Альфа — Заметки журналиста: Что творится в китайской компартии? Сталин и Коминтерн. Рост холоузма. Чей же это граммофон?

Письма из СССР: Новые репрессии. — Н. Н. Письмо из Москвы. — Из Ленинграда Пивуот. Письмо оппозиционера. — Из письма серьезного оппозиционера. — Письмо профессионалиста. — Из дзевенского письма. Мелочи. — Список большевиков-ленинцев (оппозиционеров) Верхне-уральского изолятора. От редакции.

Из писем Котэ Цинцадзе.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ.

Л. Троцкий — Китайской левой оппозиции (письмо). Л. Троцкий — Ошибки правых элементов французской Коммунистической Лиги и синдикальном вопросе.

Монатт — адвокат социал-патриотов.

Андрей Фин (Выслан Сталиным и арестован Беренгерем).

Н. В. Воровская.

Н. М. — О разном и все в том же.

Из архива Оппозиции. Письмо Л. Д. Троцкого Н. И. Муралову.

Почтовый ящик.

ПАМЯТИ ДРУГА

Над свежей могилой Котэ Цинцадзе

Нужны были совсем особые условия — царизм, подполье, тюрьмы и ссылки, долготелетняя борьба против меньшевиков и главное, опыт трех революций, — чтоб воспитать таких борцов, как Котэ Цинцадзе. Его жизнь неразрывно связана с историей революционного движения более, чем за четверть столетия. Он прошел через все этапы пролетарского восстания — от первых кружков пропаганды до баррикад и захвата власти. Долгие годы он вел кропотливую работу подпольного организатора, когда революционеры выжили негаш, а полиция распускала их. Он стоял затем во главе Закавказской Чрезвычайной комиссии, т. е. в самом средоточии власти, в наиболее героический период пролетарской диктатуры. Когда реакция против Октября изменила состав и характер партийного аппарата и

его политику, Котэ Цинцадзе одним из первых выступил на борьбу против новых тенденций, враждебных духу большевизма. Первый конфликт разыгрался во время болезни Ленина. Сталин и Орджоникидзе, при поддержке Дзержинского, произвели переворот в Грузии, заменив ядро старых большевистских чиновниками — карьеристами, типа Эшана, Орехалашвили и пр. Именно по этому вопросу Ленин готовился дать аппаратной фракции Сталина непримиримый бой на 12-м съезде партии, 6-го марта 1923 г. Ленин писал грузинской группе старых большевиков, одним из вдохновителей которой был Котэ Цинцадзе: «Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь».

Дальнейший ход событий достаточно из-

MART — 1931 — MARS

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

BULLETTIN DE L'OPPOSITION (BOLCHEVIKS - LENINISTES)

№ 19

Adresser in correspondance à : Meichler, 6, Rue de Milan, Paris 9^e

Писать по адресу:

Цена 5 фр.

Условия подписки: 50 франков за 12 номеров и 25 франков за 6 номеров

Prix 5 fr.

СОДЕРЖАНИЕ:

Памяти друга. Над свежей могилой Котэ Цинцадзе.

Л. Троцкий — Испанская революция.
Пятилетка в четыре года?
Альба — Заметки журналиста. Что творится в китайской компартии? Сталин и Коминтерн. Рост хололизма. Чей же это грамофон?
Письма из СССР: Новые репрессии. — Н. Н. Письмо из Москвы. — Из Ленинграда Пишут. Письмо оппозиционера. — Из письма сельского оппозиционера. — Письмо профессионалиста. — Из деревенского письма. Мелочи.
— Список большевиков-ленинцев (оппозиционеров) Верхне-уральского изолатора. От редакции.

Из писем Котэ Цинцадзе. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ.

Л. Троцкий — Китайской левой оппозиции (письмо).
Л. Троцкий — Ошибки правых элементов французской Коммунистической Лиги и синдикальном вопросе.

Монатт — адвокат социал-патриотов.
Андрей Нин (Выслан Сталиным и арестован Беренгером).

Н. В. Воровская.

Н. М. — О разном и все о том же.
Из архива Оппозиции. Письмо Л. Д. Троцкого Н. И. Муралеву.

Почтовый ящик.

ПАМЯТИ ДРУГА

Над свежей могилой Котэ Цинцадзе

Нужны были совсем особые условия — царизм, подполье, тюрьмы и ссылки, десятилетия борьба против меньшевиков и главное, опыт трех революций, — чтоб воспитать таких борцов, как Котэ Цинцадзе. Его жизнь неразрывно сливалась с историей революционного движения более, чем за четверть столетия. Он прошел через все этапы пролетарского восстания — от первых кружков пропаганды до баррикад и захвата власти. Долгие годы он вел кропотливую работу подпольного организатора, когда революционеры выжили в пещи, а полиция распускала их. Он стоял затем во главе Закавказской Чрезвычайной комиссии, т. е. в самом средоточии власти, в наиболее героический период пролетарской диктатуры. Когда реакция против Октября изменила состав и характер партийного аппарата и

его подвинули, Котэ Цинцадзе одним из первых выступил на борьбу против новых тенденций, враждебных духу большевизма. Первый конфликт разыгрался по иррези Ленниа. Сталин и Орджоникидзе, при поддержке Дзержинского, произвели переворот в Грузии, заменив ядро старых большевиков чиновниками — карьеристами, типа Элиава, Орехалашвили и пр. Именно по этому вопросу Ленин готовился дать аппаратной фракции Сталина непримиримый бой на 12-м съезде партии, 6-го марта 1923 г. Ленин писал грузинской группе старых большевиков, одним из вдохновителей которой был Котэ Цинцадзе: «Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и погачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас заметки и речь».

Дальнейший ход событий достаточно из-

вестен. Фракция Сталина разгромила на Кавказе фракцию Ленина. Это была первая победа партийной реакции, открывавшая вторую главу революции. Цицвадзе, больной туберкулезом, с десятилетиями революционной работы за плечами, преследуемый аппаратом по пятям, ни на минуту не покидает боевого поста. В 1928 г. его высылают в Бахчи-Сарай, где ветры и пыль губительно действуют на остатки его легких. Затем его переводят в Алушту, где гнилая зима довершает разрушающую работу. Друзья пытались устроить Котэ в Сухуме, в санатории Гульриши, где Цицвадзе уже несколько раз спасался во время наиболее тяжелых обострений болезни. Орджоникидзе конечно «обещал», — Орджоникидзе многим и многое «обещал». Но тряпичность его натуры (грубость не противоречит тряпичности), всегда делала его слепым орудием в руках Сталина. В то время, когда Цицвадзе уже в буквальном смысле слова боролся со смертью, Сталин боролся против попыток спасти старого борца: пустить его в Гульриши, на берег Черного моря? А вдруг он поправится? Между Батумом и Константинополем может установиться связь. Нет, нельзя!

Смерть Цицвадзе свела со сцены одну из самых привлекательных фигур старого большевизма. Этот борец, не раз подставлявший собственную грудь и умевший карать врагов, был человеком исключительной мягкости в личных отношениях. Добродушная насмешливость, чуть-чуть лукавый юмор сочетались в этом закаленном террористе с нежностью, которую можно назвать почти женственной. Тяжелая болезнь, не освобождавшая его из своих когтей ни на час, не могла, не только сломить его нравственной стойкости, но и омрачить его всегда жизнеутраченное настроение и чуткое внимание к людям.

Котэ не был теоретиком. Но его ясная мысль, революционное чутье и огромный политический опыт — живой опыт трех революций — вооружали его лучше, серьезнее и надежнее, чем вооружает менее стойких формально воспринятая доктрина. Как в Лире, по словам Шекспира, каждый вершок — король, так в Цицвадзе каждый вершок был революционер. Может быть, ярче всего проявился его характер за последние 8 лет — непрерывной борьбы против надвигающегося и укрепляющегося господства бездейственной бюрократии.

Цицвадзе органически не мог вместить ничего, что похоже на отступничество, ка-

питулянтство или вероломство. Он понимал политическое значение блока с Зиковьевым и Каменевым. Но морально он не перенесил этой группы. Его письма свидетельствуют о всей непосредственности его отношения — другого слова нельзя тут найти, — к тем оппозиционерам, которые, в погоне за формальной принадлежностью к партии, обманывали партию, отказываясь от своих взглядов.

В № 11 русского «Бюллетеня» напечатано письмо Цицвадзе М. Окуджаве: прекрасный документ стойкости, ясности мысли и убежденности. Цицвадзе, как сказано, не был теоретиком и охотно предоставлял другим формулировать задачи революции, партии и оппозиции. Но каждый раз, когда ему слышалась фальшивая нота, он брал в руки перо, и никакие «авторитеты» не могли остановить его от выражения опасений или возражений. Об этом свидетельствует, в частности, письмо его, написанное 2-го мая прошлого года за границу и напечатанное в номере 12-13 Бюллетеня (стр. 27). Этот практик, организатор внимательнее и надежнее охранял чистоту доктрины, чем многие теоретики.

В письмах Котэ, мы нередко встречаем такие фразы: «плохое «устройство» эти колебания». И еще: «беда с людьми, которые не умеют ждать». И слова: «в одиночестве нестойкие люди невероятно легко поддаются всяким зарзам». Настроения колеблемости проникают Цицвадзе насильно и поддерживают его слабеющую физическую энергию. Он и свою болезнь переживает, как революционный поединок. По выражению одного из его писем, в борьбе со смертью он разрешает вопрос: кто кого: «Пока перевес на моей стороне», прибавляет он с никогда не покидавшим его оптимизмом, за несколько месяцев до смерти.

Летом 28-го года, косвенно касаясь самого себя, т. е. своей болезни, Котэ писал автору этих строк из Бахчи-Сарая: «... Многих и многих наших товарищей и близких нам людей ожидает неблагоприятная участь протиститься с жизнью где-нибудь в тюрьме или в ссылке, но все это в конечном итоге будет обогащением революционной истории, на которой будут учиться новые поколения. Пролетарская молодежь, ознакомившись с борьбой большевистской оппозиции против оппортунистического крыла партии, поймет, на чьей стороне правда»...

Эти простые и в то же время большие слова Цицвадзе мог написать только в очень интимном письме к другу. Сейчас, когда ин-

тора нет и живых, эти строки могут и должны быть опубликованы. Они резюмируют жизнь и мораль революционера высокого закала. Они должны быть оглашены именно для того, чтоб молодежь могла учиться не только на теоретических формулах, но и на личной примере революционной стойкости.

Западные коммунистические партии еще не воспитали бойцов типа Цинцадзе. Это главная их слабость, которая определяется историческими причинами, но не перестает от этого быть слабостью. Левая оппозиция западных стран не составляет в этом отношении исключения, — и в этом надо себе отдать ясный отчет. Именно оппозиционную молодежь пример Цинцадзе может и должен многому и многому научить. Цинцадзе был живым отрицанием и осуждением

всех и всяких видов политического карьеризма, т. е. способности жертвовать принципами, идеями, задачами целого во имя личных целей. Это вовсе не означает отрицания законности революционного честолюбия. Нет, политическая амбиция есть важная пружина борьбы. Но революционер начинается там, где личная амбиция полностью и целиком поставлена на службу большой идее, свободно подчиняется ей и с нею сливается. Флиртовать с идеями, фехтовать революционными формулами, менять свою позицию по соображениям личной карьеры — вот что Цинцадзе безжалостно осудил своей жизнью и своей смертью. Амбиция Котэ была амбицией непоколебимой революционной верности. Этому у него должно учиться пролетарская молодежь.

Испанская революция

1. Старая Испания

Цель капитализма снова грозит разорваться на слабейшем звене: на очереди стоит Испания. Революционное движение развивается в этой стране с такой силой, которая заранее отнимает у реакции всего мира возможность вернуть в скорое наступление порядка на Пиренейском полуострове.

Испания принадлежит, бесспорно, к группе наиболее отсталых стран Европы. Но отсталость ее имеет особый характер, отягощенный великим историческим прошлым страны. В то время, как Россия царей всегда оставалась далеко позади своих западных соседей и медленно подвигалась вперед под их давлением, Испания знала периоды высокого расцвета, превосходства над остальной Европой и владычества над Южной Америкой. Мощное развитие торговли, внутренней и мировой, все более преодолевало феодальную разобщенность провинций и партикуляризм национальных частей страны. Рост силы и значения испанской монархии был в те столетия неразрывно связан с централизующей ролью торгового капитала и с постепенным формированием испанской нации.

Открытие Америки, которое сперва обогатило и подвинуло Испанию, направилось впоследствии против нее. Великие пути торговли отклонились от Пиренейского полуострова. Обогатившаяся Голландия отпала от Испании. Вслед за Голландией поднялась над Европой Англия,

высоко и надолго. Уже начиная со второй половины 16-го столетия Испания приходит в упадок. Со времени разгрома Великой Армады (1588) упадок этот принимает так сказать официальный характер. Надвигается то состояние феодально-буржуазной Испании, которое Маркс назвал «бесславным и длительным гниением».

Старые и новые господствующие классы — земельное дворянство, католическое духовенство с их монархией, буржуазные классы с их интеллигенцией — упорно пытаются сохранить старые претензии, но, увы, без старых ресурсов. В 1820 году окончательно отделились южно-американские колонии. С потерей Кубы в 1898 году Испания почти совершенно лишилась колониальных владений. Авантюры в Марокко лишь разорили страну, питая и без того глубокое недовольство народа.

Задержка экономического развития Испании неизбежно ослабляла централистические тенденции, заложенные в капитализме. Упадок торговой и промышленной жизни городов и экономических связей между ними неизбежно вел к уменьшению зависимости отдельных провинций друг от друга. Такова главная причина, почему буржуазной Испании до сего дня не удалось преодолеть центробежные тенденции своих исторических провинций. Скудость источников общенационального хозяйства и чувство недопомогания во всех частях страны могли только питать сепаратистские тенденции. Партикуляризм выступает в Испании с особой

силой, особенно рядом с соседней Францией, где Великая революция окончательно утвердила буржуазную нацию, единую и неделимую, над старыми феодальными провинциями.

Не позволяя сложиться новому буржуазному обществу, экономический застой разлагал также и старые господствующие классы. Гордые дворяне прикрывали нередко свое высокомерие дряблыми плащами. Церковь грабила крестьянство, но время от времени вынуждена была претерпевать грабеж со стороны монархии. Эта последняя, по замечанию Маркса, имела больше черт сходства с азиатской деспотией, чем с европейским абсолютизмом. Как понимать эту мысль? Сопоставление царизма с азиатской деспотией, делавшееся не раз, представляется гораздо более естественным, как географически, так и исторически. Но и в отношении Испании это сопоставление сохраняет всю свою силу. Разница лишь та, что царизм складывался на основе крайне медленного развития как дворянства, так и примитивных городских центров. Испанская же монархия сложилась в условиях упадка страны и загнивания господствующих классов. Если европейский абсолютизм вообще мог подняться лишь благодаря борьбе крепнувших городов против старых привилегированных сословий, то испанская монархия, подобно русскому царизму, почерпала свою относительную силу в бессилии как старых сословий, так и городов. В этом ее несомненная близость с азиатской деспотией.

Преобладание центробежных тенденций над центростремительными в хозяйстве, как и в политике, подрывало почву под испанским парламентаризмом. Давление правительства на избирателей имело решающий характер: в течение последнего столетия выборы неизменно давали правительству большинство. Так как кортесы находились в зависимости от очередного министерства, то само министерство естественно попадало в зависимость от монархии. Мадрид делал выборы, а власть оказывалась в руках короля. Монархия была вдвойне необходима разобщенным и децентрализованным господствующим классам, неспособным править страной от собственного имени. И эта монархия, отражавшая слабость всего государства, была — между двумя переворотами — достаточно сильной, чтоб навязать свою волю стране. В общем государственную систему Испании можно назвать дегенеративным абсолютизмом, ограниченным периодическими pronunciamentos.¹⁾ Фигура Альфонса XIII очень хорошо выражает эту систему: и со стороны дегенеративности, и со стороны абсолютистских тенденций, и со стороны страха перед pronunciamento. Лавирование короля, его измены, его нерешительность и его победы над враждебными ему временными комбина-

циями коренятся вовсе не в характере самого Альфонса XIII, а в характере всей правительственной системы: в новых условиях Альфонс XIII повторяет бесслышную историю своего прадеда, Фердинанда VII.

Наряду с монархией и в союзе с нею централизованную силу представляло еще духовенство. Католицизм до сего дня продолжает оставаться государственной религией, духовенство играет большую роль в жизни страны, являясь наиболее устойчивой осью реакции. Государство тратит ежегодно многие десятки миллионов песет на поддержку церкви. Религиозные ордена крайне многочисленны, владеют большими имуществами и еще большим влиянием. Число монахов и монахинь достигает 70 тысяч, равняясь числу учеников средней школы и в два с лишним раза превосходя число студентов. Немудрено при таких условиях, если 45 процентов населения не умеет ни читать, ни писать. Главная масса безграмотных сосредоточена, разумеется, в деревне.

Если крестьянство в эпоху Карла V (Карлос I) мало выигрывало от могущества испанской империи, то оно в дальнейшем несло на себе наиболее тяжкие последствия ее упадка. Оно влачило в течение столетий жалкое, во многих провинциях — голодное существование. Составляя и сейчас свыше 70 процентов населения, крестьянство поддерживает на своей спине главную тяжесть государственного здания. Недостаток земли, недостаток воды, высокая арендная плата, примитивное хозяйственное оборудование, первобытная обработка земли, высокие налоги, поборы церкви, высокие цены на промышленные товары, избыточное сельское население, большое число бродяг, нищих, монахов — такова картина испанской деревни.

Положение крестьянства издавна делало его участником многочисленных восстаний. Но эти кровавые взрывы шли не по общенациональным, а по локальным радиусам, окрашиваясь в самую разнообразную, чаще всего в реакционную краску. Как испанские революции в целом были малыми революциями, так крестьянские восстания принимали форму малой войны. Испания есть классическая страна «гверильи».

2. Испанская армия в политике

Со времени войны с Наполеоном в Испании создалась новая сила — политизирующее офицерство, младшее поколение господствующих классов, унаследовавшее от отцов разорение великой некогда империи и в значительной мере деклассированное. В стране партикуляризма и сепаратизма армия, по необходимости, получила крупнейшее значение, как централизованная сила. Она стала не только опорой монар-

1) Военный заговор, военный переворот.

нии, но и проводником недовольства всех секций господствующих классов, и прежде всего собственного: как и бюрократия, офицерство вербуются из тех крайне многочисленных в Испании элементов, которые требуют от государства прежде всего средств к жизни. А так как аппетиты разных групп «образованного» общества далеко превосходят наличие государственных, парламентских и иных должностей, то недовольство остающихся за игатом питает республиканскую партию, столь же неустойчивую, как и все группировки в Испании. Но так как под этой неустойчивостью скрывается нередко подлинное и острое возмущение, то республиканское движение время от времени выделяет из себя решительные и смелые революционные группы, для которых республика является мистическим лозунгом спасения.

Общая численность испанской армии составляет около 170.000 человек, из них свыше 13 тысяч офицеров; сюда же надо прибавить полтора десятка тысяч военных моряков. Являясь орудием господствующих классов страны, командный состав вовлекает в свои заговоры низы армии. Это создает условия для самостоятельного движения солдат. Уже в прошлом унтер-офицеры вторгались в политику без офицера и против офицеров. В 1836 году унтер-офицеры мадридского гарнизона, подняв восстание, заставили королеву обнародовать конституцию. В 1866 году недовольные аристократическими порядками в армии сержанты артиллерии подняли мятеж. Но все же руководящая роль оставалась в прошлом за офицерством. Солдаты шли за своими недовольными командирами, хотя недовольство солдат, политически беспомощное, питалось другими, более глубокими социальными источниками.

Противоречия в армии совпадают обычно с родами войск. Чем квалифицированное род оружия, т.-е. чем больше он требует интеллигентности со стороны солдат и офицеров, тем восприимчивее он, вообще говоря, к революционным идеям. В то время как кавалеристы тяготеют обычно к монархии, артиллеристы дают большой процент республиканцев. Неудивительно, что и легкие, новейший род оружия, оказались на стороне революции и внесли в нее элементы индивидуалистического авантюризма своей профессией. Решающее слово остается за пехотой.

История Испании есть история непрерывных революционных конвульсий. Пронунциаменто и дворцовые перевороты следуют один за другим. На протяжении 19-го и первой трети 20-го веков происходит непрерывная смена политических режимов и внутри каждого из них — калейдоскопическая смена министерств. Не находя достаточно устойчивой опоры ни в одном из текущих классов, — хотя все они в ней нуждались, — испанская монархия не раз попада-

ла в зависимость от собственной армии. Но первоначальная разрозненность Испании налагала свою печать на характер военных заговоров. Мелкое соперничество хунт было лишь внешним выражением того, что испанские революции не имели руководящего класса. Именно поэтому монархия неизменно торжествовала над каждой новой революцией. Однако, через некоторое время после торжества порядка хронический кризис снова прорывался острым возмущением. Ни один из этих опрокидывавших друг друга режимов не запускал пугающе глубоко и прочно. Каждый из них быстро наваливался в борьбе с затруднениями, которые вырастают из скудости общенационального дохода при непомерности аппетитов и претензий господствующих классов. Мы видели, в частности, как позорно закончила свои дни последняя военная диктатура. Грозный Примо-де-Ривера пал даже без нового пронунциаменто: из него просто вышел воздух, как из шины, напорозвейся на гвоздь.

Все прошлые испанские перевороты были движением меньшинства против меньшинства: господствующие и полугосподствующие классы нетерпеливо рвали друг у друга из рук государственный штур.

Если под перманентной революцией понимать нарастание социальных переворотов, передающих власть в руки наиболее решительного класса, который затем применяет ее для упразднения всех классов, а следовательно, и самой возможности новых революций, то придется констатировать, что несмотря на «непрерывность» испанских переворотов, в них нет ничего похожего на перманентную революцию; это скорее хронические конвульсии, в которых находит свое выражение застарелая болезнь отброшенной назад нации.

Правда, левое крыло буржуазии, особенно в лице молодой интеллигенции, уже давно ставило своей задачей превращение Испании в республику. Испанское студенчество, которое в силу тех же общих причин, что и офицерство, вербовалось преимущественно из недовольной молодежи, привыкло играть в стране роль, совершенно непропорциональную его численности. Господство католической реакции раскинуло оппозицию университетов, придавая ей антиклерикальный характер. Однако, не студенчество создает режим. На своих руководящих верхах испанские республиканцы отличаются крайне консервативной социальной программой: они видят свой идеал в наименее реакционной Франции, считая, что вместе с республикой к ним придет богатство, и отнюдь не собираются, да и не способны, шествовать путем французских якобинцев: их страх перед массами сильнее, чем их вражда к монархии.

Если цели и поры буржуазного общества заполнены в Испании деклассированными элемен-

тами господствующих классов, многочисленными искателями должностей и доходов, то внизу, в щелях фундамента, такое же место занимают многочисленные люмпен-пролетарии, деклассированные элементы трудящихся классов. Лаццарони в галстуках, как и лаццарони в отрепьях, представляют собою сыпучие пески общества. Они тем опаснее для революции, чем менее она сама нашла свою подлинную двигательную опору и свое политическое руководство.

Шесть лет диктатуры Примо-де-Ривера придали к земле и спрессовали все виды недовольства и возмущения. Но диктатура несла в себе неизлечимый порок испанской монархии: сильная по отношению к каждому из раздробленных классов, она оставалась бессильна по отношению к исторически нуждам страны. Это привело к тому, что диктатура разбилась о подводные рифы финансовых и иных затруднений прежде, чем ее успела настигнуть первая революционная волна. Падение Примо-де-Ривера пробудило все виды недовольства и все надежды. Так генерал Беренгер оказался превращенником революции.

3. Испанский пролетариат и новая революция

В этой новой революции мы на первый взгляд встречаем те же элементы, что и в ряде прежних: вероломную монархию; раздробленные фракции консерваторов и либералов, ненавидящих короля и ползающих перед ним на брюхе; правых республиканцев, всегда готовых предать, и левых республиканцев, всегда готовых на авантюру; офицеров-заговорщиков из которых одни хотят республики, а другие — повышения по должности; недовольных студентов, на которых отцы смотрят с тревогой; наконец, стачечников-рабочих, разбитых между разными организациями, и крестьян, протягивающих руки к вилам и даже к ружью.

Было бы, однако, величайшей ошибкой, полагать, что нынешний кризис развернется по образу и подобию всех предшествующих. Последние десятилетия, особенно же годы мировой войны, внесли значительные изменения в экономику страны и в социальную структуру нации. Конечно, и сейчас еще Испании остается в хвосте Европы. Но в стране все же развилась своя собственная промышленность, с одной стороны добывающая, с другой — легкая. За время войны сильно выросла угольная промышленность, текстильная, постройка гидроэлектрических станций и пр. Индустриальные центры и районы поднялись над страной. Это создает новое соотношение сил и открывает новые перспективы.

Успехи индустриализации отнюдь не смягчили внутренних противоречий. Наоборот, то обстоятельство, что промышленность Испании,

как нейтральной страны, поднялась под золотым дождем войны, превратилось к концу войны, когда повышенный заграничный спрос исчез, в источник новых затруднений. Не только исчезли внешние рынки, — доля Испании в мировой торговле сейчас даже ниже, чем была до мировой войны (1,1 процента против 1,2 процента), — но диктатуре пришлось, при помощи самой высокой в Европе таможенной стены, защищать внутренний рынок от наплыва иностранных товаров. Высокие пошлины вели к высоким ценам, которые подрывали и без того низкую покупательную способность народа. Промышленность после войны не выходит поэтому из состояния недомогания, которое выражается хронической безработицей, с одной стороны, острыми всплесками классовой борьбы, с другой.

Испанская буржуазия ныне еще меньше, чем в 19-ом столетии, может претендовать на ту историческую роль, которую сыграла некогда британская или французская буржуазия. Явившись слишком поздно, зависимая от иностранного капитала, влившаяся, как вампир, в тело народа, крупная промышленная буржуазия Испании не способна даже на короткий срок выступить вождем «нации» против старых сословий. Магнаты испанской промышленности враждебно противостоят народу, составляя одну из самых реакционных групп в раздробленной внутренней враждою блоке банкиров, промышленников, владельцев латифундий, монархии, ее генералов и чиновников. Достаточно сослаться на тот факт, что важнейшей опорой диктатуры Примо-де-Ривера являлись фабриканты Каталонии.

Но промышленное развитие подняло на ноги и укрепило пролетариат. На 23 миллиона населения — оно было бы значительно больше, если бы не эмиграция — надо считать около полтора миллионов промышленных, торговых и транспортных рабочих. К ним надо прибавить такую же примерно цифру сельскохозяйственных рабочих. Общественная жизнь Испании оставалась осужденной вращаться в порочном кругу до тех пор, пока не было класса, способного взять разрешение революционных проблем в свои руки. Выступление на историческую арену испанского пролетариата в корне меняет обстановку и открывает новые перспективы. Чтоб отдать себе в этом необходимый отчет, нужно прежде всего понять, что утверждение экономического господства крупной буржуазии и рост политического значения пролетариата окончательно лишили мелкую буржуазию возможности занимать руководящее место в политической жизни страны. Вопрос о том, могут ли нынешние революционные потрясения привести к подлинной революции, способной перестроить самизе основы национального существования, сводится, сле-

довательно, к вопросу о том, способен ли испанский пролетариат взять в свои руки руководство национальной жизнью. Другого претендента на эту роль в составе испанской нации нет. Тем временем исторический опыт России успел достаточно наглядно показать нам удельный вес пролетариата, объединенного крупной промышленностью, в стране с отсталым земледелием, опутанным сетями полуфеодальных отношений.

Правда, испанские рабочие уже принимали боевое участие в революциях 19-го столетия; но всегда на поводу у буржуазии, всегда на втором плане, в качестве вспомогательной силы. Самостоятельная революционная роль рабочих крепнет в течение первой четверти 20-го века. Восстание в Барселоне в 1909 году показало, какие силы заложены в молодом пролетариате Каталонии. Многочисленные стачки, переходившие в прямые восстания, возникали и в других частях страны. В 1912 году развернулась стачка железнодорожных рабочих. Промышленные районы стали территорией смелых пролетарских боев. Испанские рабочие обнаружили полную свободу от рутины, способность быстро откликаться на события и мобилизовать свои ряды, смелость в наступлении.

Первые послевоенные годы, вернее, первые годы после русской революции (1917-1920) были для испанского пролетариата годами больших боев. 1917 год был свидетелем всеобщей революционной стачки. Ее поражение, как и поражение ряда последующих затем движений, подготовило условия для диктатуры Прино-де-Ривера. Когда крушение последней снова поставило в полном объеме вопрос о дальнейшей судьбе испанского народа; когда трудливое прошение старых клик и бессильные потуги мелко-буржуазных радикалов ясно показали, что с этой стороны спасения ждать нельзя, рабочие рядом смелых стачечных выступлений крикнули народу: мы здесь!

«Левые» европейские буржуазные журналисты с претензиями на научность, а вселел за ними и социалдемократы философствуют на ту тему, что Испания собирается по просту воспроизвести Великую французскую революцию, с запозданием почти на полтора столетия. Обясняться с этими людьми о революции — то же, что спорить со слепым о красках. При всей своей отсталости Испания далеко ушла от Франции конца 18-го столетия. Крутые промышленные предприятия, 16.000 километров железных дорог, 50.000 километров телеграфа представляют собою более важный фактор революции, чем исторические воспоминания.

Пытаясь сделать шаг вперед, известный английский еженедельник «Экономист» говорит относительно испанских событий: «Здесь действует скорее влияние Парижа 48-го и 71-го го-

да, чем влияние Москвы 1917 года». Но Париж 71-го года есть шаг от 48-го года к 1917 году. Противопоставление поэтому лишено содержания.

Несравненно серьезнее и глубже писал L. Taguin в «Ля Люгт де Клясс» в прошлом году: «Пролетариат (Испании), опирающийся на крестьянские массы, является единственной силой, способной взять в руки власть». Перспектива рисуется при этом так: «Революция должна привести к диктатуре пролетариата, которая выполнила бы буржуазную революцию и смело открыла бы дорогу социалистическому преобразованию». Так и только так можно ставить ныне вопрос!

4. Программа революции

Официальным лозунгом борьбы является сейчас республика. Между тем развитие революции будет толкать не только консервативные и либеральные, но и республиканские секции господствующих классов под знамя монархии. Во время революционных событий 1854 года Кановас Дель-Кастильо писал: «Мы добиваемся сохранения трона, но без камарильи, которая позорит его». Сейчас эту великую мысль развивают господа Романосес и др. Как будто монархия вообще возможна без камарильи, тем более в Испании!.. Не исключено, правда, такое сочетание обстоятельств, при котором имущие классы могут оказаться вынуждены принести в жертву монархию, чтоб спасти себя (пример: Германия!). Однако, вполне возможно, что мадридская монархия, хоть и с синьяками под глазами, продержится до диктатуры пролетариата.

Лозунг республики является, разумеется, также и лозунгом пролетариата. Но для него дело идет не об одной лишь замене короля президентом, а о радикальной чистке всего общества от феодального мусора. Здесь на первое место выступает аграрный вопрос.

Отношения испанской деревни дают картину полуфеодальной эксплуатации. Нищета крестьян, особенно в Андалузии и Кастилии, гнет помещиков, властей и казиков¹⁾ не раз уже толкали сельских рабочих и крестьянскую бедноту на путь открытого возмущения. Значит ли это, однако, что в Испании можно, хотя бы путем революции, очистить буржуазные отношения от феодальных? Нет, это только значит, что в условиях Испании капитализм может эксплуатировать крестьянство не иначе, как в полуфеодальной форме. Направив оружие революции против пережитков испанского средневековья значит направить его против самих корней буржуазного господства.

1) Неофициальные повелители отдельных районов страны.

Чтобы вырвать крестьянство из локализма и реакционных влияний, пролетариату нужна ясная революционно-демократическая программа. Недостаток земли и воды, арендная кабала ставит ребром вопрос о конфискации частновладельческих земель в пользу крестьянской бедноты. Тяжесть фиска, непосильный государственный долг, бюрократическое хищничество и африканские авантюры ставят вопрос о дешевом правительстве, которое может быть обеспечено не владельцами латифундий, не банкирами и промышленниками, не титулованными либералами, а самими трудящимися.

Господство духовенства и богатства церкви выдвигают демократическую задачу: отделить церковь от государства и разоружить ее, передав ее богатства народу. Даже и наиболее суеверные слои крестьянства поддержат эти решительные меры, когда убедятся, что бюджетные суммы, шедшие до сих пор на церковь, как и богатства самой церкви, попадут, в результате секуляризации, не в карманы свободомыслящих либералов, а пойдут на оплодотворение истощенного крестьянского хозяйства.

Сепаратистские тенденции ставят перед революционной демократической задачей национального самоопределения. Эти тенденции, по внешности, обострились за период диктатуры. Но в то время, как «сепаратизм» каталонской буржуазии есть только орудие в ее игре с мадридским правительством против каталонского и испанского народа, сепаратизм рабочих и крестьян есть оболочка их социального возмущения. Между этими двумя видами сепаратизма надо строго различать. Однако, именно для того, чтоб отделить национально-угнетенных рабочих и крестьян от их буржуазии, пролетарский авангард должен занять в вопросе национального самоопределения самую смелую и искреннюю позицию. Рабочие будут полностью и целиком отстаивать право каталонцев и басков жить самостоятельной государственной жизнью, в случае, если бы большинство этих национальностей высказалось за полное отделение. Но это не значит, конечно, что передовые рабочие будут толкать каталонцев и басков на путь обособления. Наоборот, экономическое единство страны при широкой автономии национальных областей представило бы для рабочих и крестьян большие преимущества с точки зрения хозяйства и культуры.

Попытка монархии предотвратить дальнейшее развитие революции при помощи новой военной диктатуры отнюдь не исключена. Но что исключено, так это серьезный и длительный успех подобной попытки. Урок Primo-де-Ривера еще слишком свеж. Цели новой диктатуры пришлось бы выкалывать из явы, еще не зажившие после старой. Насколько можно судить по телеграммам, король не прочь был бы попробовать; он иерни ищет подходящего

кандидата, но не находит охотников. Ясно одно: срыв новой военной диктатуры не дешево обошелся бы монархии и ее живому носителю, а революция получила бы новый мощный толчок. «Faites vos jeux, messieurs!» могут сказать рабочие по адресу верхов.

Можно ли ждать, что испанская революция переживет через период парламентаризма? Теоретически это не исключено. Можно представить себе, что революционное движение в сравнительно короткий срок достигнет такого могущества, которое не оставит господствующим классам ни времени, ни места для парламентаризма. Однако, такая перспектива все же мало вероятна. У испанского пролетариата, несмотря на его первоклассные боевые качества, нет пока еще ни признанной революционной партии, ни навыков советской организации. В немногочисленных коммунистических рядах нет, к тому же, единства. Нет ясной и признанной всеми программы действия. Между тем вопрос о кортесах уже стоит в порядке дня. В этих условиях приходится предположить, что революции придется пройти через стадию парламентаризма.

Это вовсе не исключает тактики бойкота по отношению к фиктивным кортесам Беренгера, как русские рабочие с успехом бойкотировали думу Булыгина в 1905 году и довели до ее срыва. Частный тактический вопрос о бойкоте должен решаться на основе соотношения сил на данном этапе революции. Но даже бойкотуя кортесы Беренгера, передовые рабочие должны были бы противопоставить им лозунг революционных учредительных кортесов. Мы должны бесшорно разоблачать шарлатанский характер лозунга учредительных кортесов в устах «левой» буржуазии, которая на самом деле хочет соглашательских кортесов, милостью короля и Беренгера, для сделки со старыми правящими и привилегированными классами. Действительное Учредительное Собрание может быть создано только революционным правительством, в результате победоносного восстания рабочих, солдат и крестьян. Мы можем и должны противопоставлять революционные кортесы соглашательским кортесам; но было бы, на наш взгляд, неправильно на данной стадии отказываться от лозунга революционных кортесов.

Противопоставлять курс на диктатуру пролетариата задачам и лозунгам революционной демократии (республика, земельный переворот, отделение церкви от государства, конфискации церковных имуществ, национальное самоопределение, революционное учредительное собрание) было бы самым жалким и бесжизненным доктринерством. Прежде, чем народные массы могут завоевать власть, они должны объединиться вокруг руководящей пролетарской партии. Борьба за демократическое представ-

тельство, как и участие в кортесах на том или другом этапе революции, могут оказать немалое содействие при разрешении этой задачи.

Лозунг вооружения рабочих и крестьян (создание рабочей и крестьянской милиции) должен неизбежно получить в борьбе все большее значение. Но на данном этапе и этот лозунг должен быть тесно связан с вопросами защиты рабочих и крестьянских организаций, земельного переворота, обеспечения свободных выборов и ограждения народа от реакционных pronunciamentos.

Радикальная программа социального законодательства, в частности страхование безработных; перенесение налоговых тягот на имущие классы; всеобщее бесплатное обучение — все эти и им подобные меры, которые сами по себе еще не выходят из рамок буржуазного общества, должны быть написаны на знамени пролетарской партии.

Наряду с этим должны, однако, уже сейчас выдвигаться требования переходного характера: национализация железных дорог, которые в Испании являются сплошь частными; национализация земных недр; национализация банков; рабочий контроль над промышленностью; наконец, государственное регулирование хозяйства. Все эти требования связаны с переходом от буржуазного режима к пролетарскому, подготавливают этот переход, чтобы затем, после национализации банков и промышленности, расторгнуться в системе мероприятий планового хозяйства, подготавливающего социалистическое общество.

Только педанты могут видеть противоречие в сочетании демократических лозунгов с переходными и чисто социалистическими. Такого рода комбинированная программа, отражающая противоречивое строение исторического общества, с неизбежностью вытекает из разнородности задач, оставшихся в наследство от прошлого. Привести все противоречия и задачи к одному знаменателю: диктатуре пролетариата — это необходимая операция, но совершенно недостаточная. Даже, если забежать вперед и допустить, будто пролетарский авангард уже уяснил себе, что только диктатура пролетариата может спасти Испанию от дальнейшего загнивания, остается во всей своей силе подготавливаемая задача: сплотить вокруг авангарда неоднородные слои рабочего класса и еще более разнородные массы трудящихся деревни. Противопоставить голый лозунг диктатуры пролетариата исторически обусловленным задачам, которые толкают сейчас массы на путь восстания, значило бы подменить марксово понимание социальной революции бакунинским. Это было бы вернейшим способом погубить революцию.

Незачем говорить, что демократические ло-

зунги ни в каком случае не имеют своей задачей сближение пролетариата с республиканской буржуазией. Наоборот, они создают почву для победоносной борьбы против буржуазной левой, позволяя обнаруживать на каждом шагу ее антидемократический характер. Чем смелее, решительнее и беспощаднее пролетарский авангард будет бороться за демократические лозунги, тем скорее он овладеет массами и вывернет почву из-под ног у буржуазных республиканцев и социалистических реформистов, тем вернее лучшие их элементы примкнут к нам, тем скорее демократическая республика отождествится в сознании масс с рабочей республикой.

Чтоб правильно понятая теоретическая формула превратилась в живой исторический факт, надо эту формулу провести через сознание масс на основе их опыта, их нужд, их потребностей. Для этого нужно, не разбрасываясь на детали, не рассеивая внимания масс, свести программу революции к небольшому числу ясных и простых лозунгов и смелая их в зависимости от динамики борьбы. В этом и состоит революционная политика.

5. Коммунизм, анархо-синдикализм, социалдемократия

Как полагается, руководство Коминтерна начало с того, что проглядело испанские события. Мануильский, «вождь» латинских стран, еще совсем недавно объявлял испанские события не заслуживающими внимания. Еще был! Эти люди провозглашали в 1928 году во Франции канун пролетарского переворота. После того, как они столь долго украшали своей сладкой музыкой похороны, они не могли не встретить свадьбу похоронным маршем. Поступить иначе значило бы для них изменить себе. Когда оказалось, тем не менее, что события в Испании, не предусмотренные календарем «третьего периода», продолжают развиваться, вожди Коминтерна просто замолчали: это во всяком случае оговорилось. Но декабрьские события сделали дальнейшее молчание невозможным. Опять-таки, в строгом соответствии с традицией, вождь латинских стран опирался на собственную голову дугу в 180°: мы имеем и виду статью в «Правде», от 17 декабря.

Диктатура Беренгера, как и диктатура Примо-де-Ривера, объявляются в этой статье «фашистским режимом». Муссолини, Матеоти, Примо-де-Ривера, Макдональд, Чан-Кай-Ши, Беренгер, Даш — все это разновидности фашизма. Раз есть готовое слово, к чему размышлять? Остается, для полноты, включить в этот ряд еще «фашистский» режим абиссинского негуса. Об испанском пролетариате «Правда» сообщает, что он не только «все быстрее уснаивает

8378

8737

программу и лозунги испанской компартии», но что он уже «осознал свою роль гегемона в революции». Одновременно официальные телеграммы из Парижа повествуют о крестьянских советах в Испании. Известно, что под сталинским руководством советскую систему усваивают и осуществляют прежде всего крестьяне (Китай!). Если пролетариат уже «осознал свою роль гегемона», а крестьяне начали строить советы, и все это под руководством официальной компартии, то победу испанской революции надо считать обеспеченной, — по крайней мере, до того момента, как мадридские «исполнители» будут обвинены Сталиным и Мануильским в неправильном применении генеральной линии, которая на страницах «Правды» снова выступает пред нами, как генеральное невежество и генеральное легкомыслие. Развратив себя своей собственной политикой до мозга костей, эти «вожди» уже ничему не способны учиться!

На самом деле, несмотря на мощный размах борьбы, субъективные факторы революции — партия, организации масс, лозунги — чрезвычайно отстают от задач движения, — и в этом отставании состоит сегодня главная опасность.

Подустихийный разрыв стачек, приводящих к жертвам и поражениям, или заканчивающихся в ничью, является совершенно неизбежным этапом революции; периодом пробуждения масс, их мобилизации и введения в бой. В движении ведь принимают участие не только рабочие, а вся масса их. Бастуют заводские рабочие, но также и ремесленные, шофферы и пекари, строительные рабочие, пригоняющие и, наконец, сельско-хозяйственные. Ветераны размывают члены, новобранцы учатся. Через посредство этих стачек класс начинает чувствовать себя классом.

Однако, то, что составляет на данном этапе силу движения — его стихийность — может в дальнейшем стать источником его слабости. Допустить, что движение и впредь окажется предоставленным самому себе, без ясной программы, без собственного руководства, значило бы допустить перспективу безнадежности. Вопрос идет ведь не о чем ином, как о завоевании власти. Даже самые бурные стачки — тем более разрозненные, — этой задачи не разрешают. Если бы пролетариат в процессе борьбы не почувствовал уже в ближайшие месяцы, что его задачи и методы уясняются ему самому, что его ряды сплачиваются и крепнут, то в его собственной среде неизбежно начался бы распад. Широкие слои, впервые поднятые массовым движением, стали бы снова в пассивность. В авангарде, по мере того, как почва ускользала бы у него из-под ног, начали бы возрождаться настроения партизанских действий, авантюризма вообще. Ни крестьянство, ни городская беднота не нашли бы в этом случае авто-

ригетного руководства. Пробужденные надежды перешли бы скоро в разочарование и в ожесточение. В Испании создалась бы обстановка, воспроизводящая в известной мере обстановку Италии после осени 1926 года. Если диктатура Примо-де-Ривера была не фашистской, а типично испанской диктатурой — военной клики, опирающейся на определенные части и группы классов, то при указанных выше условиях — пассивности и выжидательности революционной партии и стихийности движения масс, — в Испании мог бы получить пошлу подлинный фашизм. Крупная буржуазия могла бы овладеть выведенными из равновесия, разочарованными и отчаявшимися мелкобуржуазными массами и направить их возмущение против пролетариата. Разумеется, сегодня до этого еще далеко. Но времени терять нельзя.

Если даже допустить на минуту, что революционное движение, руководимое левым крылом буржуазии, — офицерами, студентами, республиканцами, — может принести к победе, то бесплодие этой победы оказалось бы в последнем счете равносильно поражению. Испанские республиканцы, как уже сказано, полностью остаются на почве нынешних имущественных отношений. От них нельзя ждать ни экспроприации крупного землевладения, ни ликвидации привилегированного положения католической церкви, ни радикальной чистки авгвневых конончен шатской и военной бюрократии. Монархическую камарилью сменила бы попросту республиканская камарилья, и мы имели бы новое издание кратковременной и бесплодной республики 1873-1874 г.г.

Тот факт, что социалистические вожди тянутся в хвосте республиканских — вполне в порядке вещей. Вчера социалдемократия примыкала правым плечом к диктатуре Примо-де-Ривера. Сегодня она примыкает левым плечом к республиканцам. Высшей задачей социалистов, у которых нет и не может быть собственной политики, является участие в социальном буржуазном правительстве. На этом условии они, на худой конец, не отказались бы примкнуть и с монархией.

Но правое крыло анархо-синдикалистов несколько не застраховано от того же пути: декабрьские события являются в этом отношении большим уроком и суровым предостережением.

Национальная Конфедерация Труда сосредоточивает вокруг себя, бесспорно, наиболее боеспособные элементы пролетариата. Отбор здесь происходит в течение ряда лет. Укреплять эту конфедерацию, превращать ее в подлинную организацию масс есть прямой обязанностью каждого передового рабочего и прежде всего коммуниста. Этому можно содействовать также и работой внутри реформистских синдикатов, неустойчиво разоблачая измены их вождей и при-

Устав рабочих сплачиваться в рамках единой синдикальной конфедерации. Условия революции будут чрезвычайно действовать такого рода работе.

Но в то же время мы не можем себе делать никаких иллюзий относительно судьбы анархо-синдикализма, как доктрины и революционного метода. Отсутствием революционной программы и непониманием роли партии анархо-синдикализм разоружает пролетариат. Анархисты «отрывают» политику до тех пор, пока она не берет их за горло: тогда они очищают место для политики враждебного класса. Так было в декабре!

Если бы социалистическая партия приобрела во время революции руководящее положение в пролетариате, она способна была бы только на одно: передать завоеванную революцией власть в дикие руки республиканского крыла, из которых власть автоматически перешла бы затем к ее нынешним носителям. Великие роды закончились бы выкидышем.

Что касается анархо-синдикалистов, то они могли бы оказаться во главе революции, только отказавшись от своих анархических предрассудков. Наша обязанность им в этом помочь. В действительности, надо полагать, часть синдикалистских вождей перейдет к социалистам или будет революцией отброшена в сторону: настоящие революционеры будут с нами; массы же примкнут к коммунистам, как и большинство социалистических рабочих.

Преимущество революционных ситуаций в том и состоит, что массы быстро учатся. Эволюция масс будет неизбежно вызывать расщепления и расколы не только среди социалистов, но и среди синдикалистов. Практические соглашения с революционными синдикалистами неизбежны в ходе революции. Эти соглашения мы будем лояльно выполнять. Но было бы поистине гибельным вносить в эти соглашения элементы двусмысленности, умолчания, фальши. Даже в те дни и часы, когда коммунистическим рабочим приходится драться бок-о-бок с рабочими синдикалистами, нельзя уничтожать принципиальной перегородки, замалчивать разногласия или ослаблять критику ложной принципиальной позиции союзника. Только при этом условии поступательное развитие революции будет обеспечено.

6. Революционная хунта и партия

В какой мере сам пролетариат стремится к объединенным действиям, свидетельствует декабрь, когда рабочие поднялись одновременно не только в крупных городах, но и во второстепенных поселениях. Они воспользовались сигналом республиканцев, потому что у них нет достаточно грозного собственного сигнала. Поражение движения не вызвало,

по видимому, и тени упадка. Массы воспринимают собственные выступления, как опыты, как школу, как подготовку. Это в высшей степени выразительная черта революционного подъема.

Чтоб выйти на большую дорогу, пролетариату уже сейчас необходима организация, возникающая над всеми широчайшими политическими, национальными, провинциальными и профессиональными делениями в рядах пролетариата, и соответствующая размаху нынешней революционной борьбы. Такой организацией, демократически избранной рабочими заводов, фабрик, шахт, торговых предприятий, железнодорожного и морского транспорта, пролетариата городов и деревень, может быть только совет. Эпигоны приписали неизмеримый пред революционному движению во всем мире, утвердив во многих умах предрассудок, будто советы создаются только для нужд вооруженного восстания и не иначе, как накануне его. На самом деле советы создаются тогда, когда революционное движение рабочих масс, хотя бы еще далекое от вооруженного восстания, порождает потребность в широкой авторитетной организации, способной руководить экономическими и политическими боями, охватывающими одновременно разные предприятия и разные профессии. Только при том условии, если советы, в течение подготовительного периода революции внедряются в рабочий класс, они окажутся способны играть руководящую роль в момент непосредственной борьбы за власть. Правда, слово «советы» появилось теперь, после тринадцатилетнего существования советского режима, в значительной мере иной смысл, чем оно имело в 1905 или в начале 1917 года, когда советы возникали не как органы власти, а лишь как боевые организации рабочего класса. Слово хунта, тесно связанное со всей испанской революционной историей, как нельзя лучше выражает ту же мысль. В порядок дня в Испании стоит создание рабочих хунт.

При нынешнем состоянии пролетариата строительство хунт предполагает участие в них коммунистов, анархо-синдикалистов, социалдемократов и беспартийных вожаков стачечной борьбы. В какой мере можно рассчитывать на участие анархо-синдикалистов и социалдемократов в советах? Этого со стороны предсказать нельзя. Размах движения заставит несомненно многих синдикалистов, а может быть и часть социалистов пойти дальше, чем они хотят, если коммунисты сумеют с необходимой энергией поставить проблему рабочих хунт.

При наличии напора масс практически вопросы строительства советов, формы представительства, время и способ выборов и пр. могут и должны стать предметом соглашения не только всех коммунистических фракций между собой, но и с теми синдикалистами и социалистами, которые пойдут на создание хунт. Ра-

зумеется, коммунисты выступают на всех этапах борьбы со своим развернутым знаменем.

Вопреки новейшей теории сталинизма, крестьянские хунты, как выборные организации, вряд ли возникнут, но крайней мере в значительном числе, до захвата власти пролетариатом. В подготовительный период в деревне будут скорее развиваться иные формы организации, основанные не на выборности, а на личном отборе: крестьянские союзы, комитеты деревенской бедноты, коммунистические ячейки, профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих и проч. Пропаганда лозунга крестьянских хунт на основе революционной аграрной программы, уже сейчас, однако, может быть поставлена в порядок дня.

Очень важна правильная постановка вопроса о солдатских хунтах. По самому характеру военной организации, солдатские советы могут возникнуть лишь в последний период революционного кризиса, когда государственная власть теряет контроль над армией. В подготовительный период дело идет об организациях замкнутого характера, о группах революционных солдат, о ячейках партии, во многих случаях о личных связях рабочих с отдельными солдатами.

Республиканское восстание в декабре 1930 года, будет, несомненно, записано в историю, как рубеж между двумя эпохами революционной борьбы. Правда, левое крыло республиканцев установило связь с вождями рабочих организаций, чтоб добиться единства выступления. Безоружные рабочие должны были играть роль хора при корифеях-республиканцах. Цель эта была осуществлена — настолько, чтоб раз навсегда обнаружилась несовместимость офицерского заговора с революционной стачкой. Против военного заговора, противопоставившего один род оружия другому, правительство нашло достаточно силы внутри самой армии. А стачка, лишённая самостоятельной цели и собственного руководства, должна была сойти на нет, как только военное восстание оказалось подавленным.

Революционная роль армии, не как орудия офицерских экспериментов, а как вооруженной части народа, определится в последнем счете ролью рабочих и крестьянских масс в ходе борьбы. Чтобы революционная стачка могла одержать победу, она должна довести дело до очной ставки рабочих с армией. Как ни важны чисто военные элементы такого столкновения, но политика в нем преобладает. Завоевать солдатскую массу армии можно только ясной постановкой социальных задач перепорота. Но именно социальные задачи пугают офицерство. Естественно, если пролетарские революционеры центр внимания уже сейчас переносят на солдат, создавая и полках ячейки сознательных и отважных революционеров. Коммунистическая

работа в армии, политически подчиненная работе среди пролетариата и крестьянства, может развертываться только на основе ясной программы. Когда же наступит решающий момент, рабочие должны массовостью и силой своего наступления увлечь большую часть армии на сторону народа или, по крайней мере, нейтрализовать ее. Эта широкая революционная постановка вопроса не исключает военного «заговора» передовых солдат и сочувствующих пролетарской революции офицеров в период, непосредственно предшествующий всеобщей стачке и восстанию. Но такого рода «заговор» не имеет ничего общего с пронунциamento: задача его имеет служебный характер и состоит в том, чтоб обеспечить победу пролетарского восстания.

Для успешного разрешения всех этих задач нужны три условия: партия; снова партия; еще раз партия.

Как сложатся отношения разных нынешних коммунистических организаций и групп, и какова окажется их судьба в дальнейшем, об этом трудно судить со стороны. Опыт покажет. Большие события безошибочно проверяют идеи, организации и людей. Если руководство Коминтерна окажется неспособным предложить испанским рабочим ничего, кроме ложной политики, аппаратной команды и раскола, то действительная коммунистическая партия Испании сложится и закалится вне официальных рамок Коммунистического Интернационала. Так или иначе, но партия должна быть создана. Она должна быть единой и централизованной.

Рабочий класс ни в каком случае не может строить свою политическую организацию на началах федерализма. Коммунистическая партия — не прообраз будущего государственного строя Испании, а стальной рычаг для низвержения существующего строя. Она не может быть организована иначе, как на принципах демократического централизма.

Пролетарская хунта станет той широкой ареной, на которой каждая партия и каждая группа подвергнутся испытанию и проверке на глазах широких масс. Лозунг единого фронта рабочих будет коммунистами противопоставлен практике коалиции социаллистов и части синдикалистов с буржуазией. Только единый революционный фронт делает пролетариат способным внушить к себе необходимое доверие угнетенных масс деревни и города. Осуществление единого фронта мыслимо только под знаменем коммунизма. Хунта нуждается в руководящей партии. Без твердого руководства она останется без пустой организационной формы неизбежно пошла бы и зависимость от буржуазии.

На испанских коммунистов ложатся, таким

Бразом, грандиозные исторические задачи. Передовые рабочие всех стран будут со страстным вниманием следить за ходом великой революционной драмы, которая днем раньше или

позже потребует от них не только сочувствия, но и содействия. Будем готовы!

Л. Троцкий.

24 января 1931 года. Париж.

Пятилетка в четыре года?

Особый квартал (октябрь — декабрь 1930 года) показал очень высокие темпы развития промышленности. Но в то же время он показал, что превращение пятилетки в четырехлетку было легкомысленной авантюрой, которая ставит под удар основной план.

Хозяйственный год начинался у нас, в отличие от календарного года, не 1-го января, а 1-го октября. Это вызывалось необходимостью приурочить хозяйственные расчеты и операции к сельско-хозяйственному циклу. Во имя чего этот порядок, вызывавшийся, как видим, серьезными соображениями, был внезапно нарушен? Во имя торжества бюрократического престижа. Так как уже четвертый квартал всторого года пятилетки обнаружил невозможность осуществить план в четыре года, то решено было создать особый квартал, т.е. прибавить к четырем годам три льготных месяца. Предполагалось, что за это время, при помощи удвоенного нажима на мускулы и нервы рабочих, удастся поддержать фетиш непогрешимого руководства.

Но так как особый квартал никаких особых чудесных сил в себе не заключал (теплее ведь не станет, если на термометре снизить нуль), то в конце квартала обнаружилось то, что можно было предвидеть и что мы предвидели до его наступления: несмотря на работу под тремя кнутами, партийным, советским и профессиональным, сверхтемпы оказались неосуществимы.

Черная металлургия юга и центра выполнила план особого квартала на 84%. Металлургия в целом недовыполнила план примерно на 20% («Правда», 16 января). Донбасс дал 10 миллионов тонн угля вместо программных 16 миллионов тонн, т.е. не более 62%. Суперфосфатные заводы также выполнили производственное задание лишь на 62%. По другим отраслям промышленности недовыполнения программ не так велики (полных отчетов у нас еще нет), но в общем так называемый «прорыв» плана очень значителен, в частности и в особенности — в капитальном строительстве.

Хуже, однако, обстоит дело с качественными показателями. Относительно угольной промышленности газета «За Индустриализацию» говорит: «Прорыв по качественным показателям значительно глубже, чем по количественным» (8 января). В отношении кривоко-

ской железной руды та же газета пишет: «Качественные показатели ухудшились» (7 января). Ухудшились! А мы знаем, что они и раньше были на крайне низком уровне. Относительно цветных металлов и золота та же газета констатирует: «Вместо снижения себестоимости — повышение». Таких отзывов можно было бы привести целый ряд.

Что означает, например, ухудшение качества угля, об этом говорит наш корреспондент в применении к транспорту (см. «Письмо профессионалиста» в этом же номере): уменьшение числа пробегов, порча паровозов, увеличение числа крушений, вообще расстройство транспорта является автоматическим ответом на ухудшение качества топлива. В свою очередь расстройство железнодорожного транспорта, который, отметим тут же, особенно сильно отстал во время особого квартала, бьет тяжело по всем остальным отраслям хозяйства. Спортивный метод руководства, заменяющий предусмотрительное, деловое и гибкое планирование, означает все большее накопление недомок, нередко в скрытой и потому особенно опасной форме, которая грозит жестокими кризисными взрывами.

Темпы особого квартала сами по себе очень высоки и являются новой великолепной демонстрацией неизмеримых преимуществ, заложенных в плане хозяйства. При правильном руководстве, считающемся с реальными экономическими процессами и вносящем необходимые изменения в план в процессе его выполнения, рабочие могли бы испытывать законное чувство гордости достигнутыми успехами. Теперь же получается прямо противоположный результат: хозяйственники и рабочие силош да рядом видят невыполнимость планов, но не смеют сказать вслух, работают под нажимом, затаив обиду; честные и деловые администраторы не смеют глядеть в глаза рабочим. Все недовольны. Отчетность подгоняется искусственно под задания, качество изделий подгоняется под отчетность, — все хозяйственные процессы окутаны дымкой фальши. Так подготавливается кризис.

Во имя чего все это? Во имя бюрократического престижа, который окончательно стал на место сознательного и критического доверия партии к руководству. Надо сказать, что это

8741

божество. — престиж — не только дьявольски требовательно и пинично, но и изрядно глупо: оно не стесняется, например, признать, что планы выработывались вредителями, причем ни Кржижановский, ни Кулбышев, ни Молотов, ни Сталин не оказались способны распознать это вредительство по его экономическим признакам. С другой стороны, оно, все-то же божество, ни в каком случае не согласно признать, что четырехлетний срок, выскользнувший в резуль-

тате сочетания вредительства с невежеством ным авантюризмом, является ошибочным.

Напомним еще раз, что, когда мы предупредили с самого начала против легкомысленного, немотивированного, неподготовленного шага, Ярославский, трубадур престижа, провозглашал на всех языках, что наше предупреждение есть новое доказательство контр-революционности «троцкизма».

Заметки журналиста

Что творится в китайской компартии?

«Правда» от 25 декабря 1930 года рассказывает: «Китайская компартия насчитывала к осени 1930 года около 200.000 членов. Партия с корнем вырвала остатки идей Чен-Ду-Сю и идейно (!) разгромила троцкизм. Однако, чрезвычайно сложная обстановка борьбы породила в последнее время в партии колебания «левого», полутроцкистского характера. Ряд руководящих работников, считая, что назрела революционная ситуация в международном масштабе, поставила вопрос о том, чтобы немедленно начать борьбу за власть во всенациональном масштабе, игнорируя необходимость закрепления советской власти в районах, занятых красной армией. Исходя из такой оценки, они считали возможным прекратить экономическую борьбу рабочих и распустить революционные профсоюзы».

Эти строки дают представление о том хаосе, который царит в головах официальных руководителей китайского коммунизма. Они «идейно разгромили троцкизм», — это само собой разумеется. Но сейчас же после разгрома в партии начались колебания «полутроцкистского характера». Это тоже бывало не раз. Колебания эти захватили даже «ряд руководящих работников». Стучалось и это.

В чем же состоит новое полутроцкистское колебание? Прежде всего, оказывается, в требовании «немедленно начать борьбу за власть во всенациональном масштабе». Но ведь левая оппозиция, начиная с осени 1927 года, требовала, — как раз наоборот, — снять лозунг вооруженного восстания, в качестве актуального лозунга. И сейчас наши китайские единомышленники ставят в порядок дня не вооруженное восстание, а мобилизацию масс вокруг социальных требований пролетариата и крестьянства и лозунгов революционной демократии; не авантюристские эксперименты в деревне, а строительство профессиональных союзов и партий! Если «Правда» не клеветает (что вполне веро-

ятно), если новая оппозиция действительно требует «прекратить экономическую борьбу рабочих и распустить революционные профсоюзы», то это прямо противоположно тому, что предлагает левая оппозиция (большевики-ленинцы).

Мы читаем далее, что новая оппозиция игнорирует необходимость закрепления советской власти в районах, занятых Красной армией. Вместо такого «закрепления» она будто бы и требует обще-национального восстания. И тут нет ничего общего с позицией большевиков-ленинцев. Если рассматривать китайскую «Красную армию», как орудие пролетарского восстания, то китайские коммунисты должны руководствоваться общим законом всякого революционного восстания: наступать, расширять территорию, захватывать жизненные центры страны. Без этого революционное восстание безнадежно. Топтание на месте и оборона вместо наступления означают гибель восстания. В этом смысле новая оппозиция, если взгляды ее переданы правильно, последовательные сталинцев, которые думают, что можно на годы консервировать в крестьянских районах «советскую власть», или что эта советская власть может передвигаться с места на место в обзоре партизанских отрядов, именуемых Красной армией. Но ни та, ни другая точка зрения не похожа на нашу. Обе они исходят из ложных предположений, отказываются от классовой теории советской власти, растворяют революцию и провинциальных крестьянских восстаниях, авантюристски связывая с ними всю судьбу китайской компартии.

Что представляет из себя эта последняя? Мы неожиданно узнаем из статьи, что «компартия насчитывала к осени 1930 года около 200 тысяч членов». Цифра эта дается без каких бы то ни было пояснений. Между тем в прошлом году китайская компартия насчитывала вряд ли более 6.000-7.000 человек. Если гигантский рост партии в течение последнего года есть факт, то он уж сам по себе должен был бы явиться симп-

омой коренного изменения обстановки в сторону революции, 200.000 членов! Если в партии входили на деле 50, 40, даже 30 или хотя бы 20 тысяч рабочих, проделавших опыт второй китайской революции и понявших ее уроки, мы сказали бы: это грозная, это непреодолимая сила, с такими кадрами можно перевернуть Китай. Но мы тут же спросили бы: входят ли эти 20.000 рабочих в профессиональные союзы? Какую они ведут там работу? Растет ли их влияние? Связывают ли они союзы с неорганизованной массой и с деревенской периферией? Под какими лозунгами?

Но в том то и суть, что руководство Коминтерна кое-чего в этом вопросе не договаривает, кое-чем умалчивает, вводя в заблуждение пролетарский авангард. Можно не сомневаться, что львиная доля этих двухсот тысяч — скажем, 90-95 процентов, — приходится на районы действия отрядов «Красной армии». Нужно хоть немножко представлять себе политическую психологию крестьянских отрядов и обстановку, в которой они действуют, чтоб политическая картина стала ясна: партизаны, надо думать, чуть не сплошь зарисовываются в партию, а вслед за ними вступают в партию и крестьяне занятых красивыми областей. Китайская партия, так же, как «Красная армия», так же, как «Советская власть», покинула пролетарские рельсы и направилась по проселочным дорогам деревни.

В поисках выхода из тупика новая китайская оппозиция, как мы слышим, выдвигает лозунг общенационального пролетарского восстания. Разумеется, это был бы самый лучший выход, если бы предпосылки для него были налицо. Но их сегодня нет. Что же остается в таком случае? Выдвинуть лозунги нынешнего, межреволюционного периода, длительность которого никто не может измерить заранее. Это есть лозунги демократической революции: земля крестьянской бедноте, 8-часовой рабочий день, независимость Китая, свобода самоопределения входящих в его состав народов, наконец, Национальное Собрание.

Под этими лозунгами провинциальные крестьянские восстания и партизанские отряды вырастают из провинциальных пунктов, вольются в общее национальное движение и свяжут с ним свою судьбу. Компартия поднимется — не как технический помощник крестьянских партизан, а как политический вождь рабочего класса страны.

Никакого другого пути нет!

Сталин и Коминтерн

Во время своей оппозиционной борьбы Ломиниадзе пустил в оборот один из своих разговоров со Сталиным о Коминтерне: «Коминтерн ничего собой не представляет и существует

только благодаря нашей поддержке». Сталин, как водится, отрицал этот разговор. Все, кто знают Сталина и его отношение к Коминтерну, ни на минуту, однако, не усомнились в том, что Ломиниадзе говорит правду.

Этим мы совсем не хотим сказать, что слова Сталина отвечают действительности. Совсем наоборот. Коминтерн живет, несмотря на поддержку Сталина. Коминтерн живет силой заданных в нем идей, силой октябрьской традиции, наконец, прежде всего — силой капиталистических противоречий. Эти факторы оказывались до сих пор и окажутся, надеемся, впереди, могущественнее той финансово-бюрократической петли, которую Сталин называет поддержкой. Но приведенный выше «афоризм» как нельзя лучше выражает действительное отношение Сталина и К-о к Коминтерну и отлично дополняет теорию социализма в отдельной стране.

В 1925 году, когда кулацкий курс политики был в полном расцвете, Сталин совершенно не находил нужным стесняться в выражениях своего пренебрежения к Коминтерну и к вождям отдельных его секций. Когда Сталин, по соглашению с Зиновьевым, внес на Политбюро предложение извлечь Маслова из архива и послать его в Германию, Бухарин, шедший тогда со Сталиным и Зиновьевым, но не посвященный во все заговоры, запротестовал: «Как же так Маслова?.. Ведь вы же знаете эту фигуру... невозможно... и пр. На что Сталин ответил: «Все они одним миром мазаны. Революционеров между ними нет вообще. Маслов не хуже других».

Во время обсуждения вопроса о какой-то концессии один из членов Политбюро заметил: «Сдаться ли на сорок лет или на пятьдесят — тут различия нет. Надо полагать, что революция до этого срока не оставит от концессионеров и следа». — «Революция? — возразил Сталин. — Не Коминтерн ли ее сделает? Ждите: он и через 90 лет не сделает революции». Нужно ли еще раз напоминать презрительные отзывы Сталина об «эмигрантах», т. е. о большевиках, работавших в партиях европейского пролетариата.

Таков был общий дух Политбюро. Уничкительное отношение к западно-европейским коммунистам являлось требованием хорошего тона. — «Неужели же вы думаете, что Персели и Кук совершат в Англии революцию?», спрашивали оппозиционеры. «А вы, небось, думаете, возражал Томский, что революцию совершат явные британские коммунисты?».

Отношение к коммунистическим партиям Востока было, если возможно, еще более пренебрежительным. От китайских коммунистов требовалось одно: чтоб они помалкивали и не мешали Чан-Кай-Ши выполнять его работу.

Не трудно себе представить, какую ядре-

ную форму принимала эта философия в устах Ворошилова, несмысленно предвзвешенного ко всем видам шовинизма. На заседании делегации ВКП перед пленумом ЦККП 1926 года Ворошилов, со свойственной ему компетентностью, «защищал» Тельмана примерно такими словами: «Ну где же им, скажите, взять лучших? У них нет революционеров. Конечно, если бы можно было дать им нашего Угланова, он повел бы дело по иному. Угланов у них был бы Бебелем». Фраза эта стала крылатой: Угланов в качестве коммунистического Бебеля в Германии! В те дни Ворошилов, конечно, не предвидел еще, что Угланов окажется просто «лохулачком» и «агентом вредителей». Впрочем, сам Ворошилов и сейчас не сомневается в том, что политика 1925 года была самой лучшей из политик.

Ломинадзе не сказал таким образом ничего нового. Его показания свидетельствуют лишь о том, что внутреннее отношение к Коминтерну, у руководящей верхушки ничуть не изменилось за эти годы. Да и откуда ему было меняться? Свидетельство Ломинадзе кажется даже бледным и прямо-таки ненужным пред лицом того факта, что руководящее международным пролетарским авангардом целиком представлено ныне... Мануильскому, Куусинену и Лозовскому, т.е. людям, которых в СССР никто всерьез не берет, и которых всерьез брать нельзя.

Нет, Коминтерн живет не поддержкой сталинской бюрократии, а несмотря на эту поддержку. И чем скорее он от нее освободится, тем скорее он выпрямится и поднимется до уровня своих исторических задач.

Рост холунизма

В «Правде» от 28 декабря истекшего года напечатана коллективная статья, — огромный фельетон, посвященный — чему бы вы думали? — годовщине выступления товарища Сталина на первой конференции аграрников-марксистов». Фельетон, как и предшествовавшая ей статья некоего Боролина, того же типа, представляет собою, если не поразительный, то во всяком случае гнусный документ академического карьеризма, «платформу» людшек, которые скандальную речь Сталина на конференции аграрников-марксистов превращают в прикрытие для собственных клевет, доносов, прощук и нождлений.

Речь Сталина мы подвергли в свое время подробной критике в «Бюллетене» («Сталин, как теоретик», № 14, стр. 24). Мы показали, что речь эта с первого слова до последнего представляет собою нагромождение элементарных ошибок. Если не знать Сталина и его «теоретического» уровня, можно было бы предположить, что речь представляет чью-то грубую

фальсификацию. Ларин, Кришман, даже Милютин — люди достаточно готовые равняться по начальству — оказались не в силах вместить полностью теоретические откровения Сталина. Журнал «На аграрном фронте» вынужден острожно обходить ряд острых вопросов аграрной теории только потому, что Сталин наступил на эти вопросы девым сапогом. И вот эту осторожность учуяли молодые красивые профессора. Они без труда поняли, что игра их беспроигрышна: нужно поднять травлю против Кришмана и против Милютина — ученого академика общих мест, — обвиняя их в смертном грехе: в расхождении с откровениями Сталина или в недостаточно восторженном их приятии. Соглашаться Кришману и Милютину невозможно, ибо они все-таки знают первые буквы экономического алфавита. Но и молчать нельзя. Так молодые академики, путем открытого и заранее застрахованного нападения, могут добраться до... теоретической истины? — нет, до журнала «На аграрном фронте» и ряда других учреждений в придачу.

А так как социалистическое творчество должно быть проникнуто духом коллективизма, то искатели премий придали клеюзе своей строго коллективный характер. Вот подписи под статьей: Д.Лурье, Я.Никулихин, К.Сомс, Д.Давыдов, И.Лаптев, Незнамов, В.Дятлов, М.Моисеев, Н.Н.Анисимов. Мы выписали эти имена не потому, что они нам известны; наоборот, они нам совершенно неизвестны. Но мы не сомневаемся, что они так или иначе станут известны. Ведь имя Беседовского тоже не было известно, пока его носитель не перескочил через забор. Придется ли этим господам прыгать через забор, и через какой именно, — покажет будущее. Но совершенно ясно, что мы имеем перед собою, в их лице, академический коллектив широко разветвленной фракции холуев.

Чей же это граммофон?

Некий С. Горский, бывший левый оппозиционер, появился летом этого года. Ни права каяться, ни права размазывать свое покаяние — вместе со слезами и другими продуктами — на собственном лице мы ни за кем не отрицаем. Мы не склонны также придирается к форме покаяния, ибо закон эстетики (как и анти-эстетика) требует, чтоб форма отвечала содержанию. Но все-таки, казалось нам, есть пределы, пред которыми останавливаются искусство, помноженная на лежкозныание. Оказывается С. Горский умудрился перескочить через всякие пределы. Не в том, конечно, дело, что «Троцкий пугает непосильными темпами индустриализации», и что Горский, по этому поводу, производит сближение Троцкого с Громаном, Громана — с вредителями. Тут Горский остается еще полностью в пределах официального ритуала. Лишь

выполнив его до конца, Горский вносит в свое покаяние резко-индивидуальную ноту, привлекая к делу Днепрострой, против которого боролся Троцкий, но который был спасен Сталиным. Свою статью Горский заканчивает следующими словами: «Те, кто считал Днепрострой «граммофоном», пляшут над собственной политической могилой. Увы, под их музыку плясал некогда и я. С. Горский». («За Индустриализацию», № 2544).

Что такое? Невероятно! Поистине не верится глазам. В 1925-1926 г. Троцкий был председателем правительственной комиссии по Днепрострою. Отчасти по этой причине, а главным образом потому, что в тот период на верхах партии господствовали еще безраздельно идеи «потухающей кривой» индустриализации, все члены Политбюро выступали противниками днепровской гидроэлектростанции. На апрельском пленуме ЦК 1927 года, в знаменитой своей программной хозяйственной речи, направленной против «сверх-индустриализатора» Троцкого, Сталин заявил: «Нам строить Днепровскую станцию тоже, что мужику, вместо коровы, покупать граммофон». Прения велись под стенограмму, кото-

рая напечатана, как и все протоколы пленумов, в типографии ЦК. Фраза Сталина о граммофоне произвела своего рода сенсацию и часто повторялась в речах и документах оппозиции. В конце концов эта фраза стала крылатой. Но так как С. Горский решил покаяться плотно и без остатков, то он подкинул (самостоятельно или под указку Ярославского?) экономическую философию Сталина, вместе с его бессмертной формулой — Троцкому. Что же у него при этом получилось? «Те, кто считал Днепрострой граммофоном, пляшут над собственной политической могилой!». Над собственной политической могилой! Но ведь это же все-таки Сталин считал. Днепрострой граммофоном. Кто же это пляшет над собственной могилой? Как угодно, но покаяние Горского звучит подозрительно. Искренно ли оно? Да и вообще: покаяние ли это? Нет ли тут задней мысли? Не пытается ли Горский языком Эзопа скомпрометировать Сталина? И чего смотрит редактор Богушевский, человек выдавший виды? И чего смотрит Ярославский? Почему не сводит концов с концами? И вообще: куда мы идем?

Альфа.

Письма из СССР.

НОВЫЕ РЕПРЕССИИ

Номер уже верстался, когда Редакция получила ниже печатаемое сообщение о новом усилении сталинских репрессий против большевиков-ленинцев.

...В декабре были повсюду массовые аресты. Репрессии особенно усилились после волны протестов, вызванных гибелью Котэ Цицнадзе. За получение (или за отправку) писемочки из-за границы арестовывают и привлекают к ответственности, как за «связь с заграничной контр-революцией». С другой стороны все ухудшается тяжкое материальное положение ссыльных, поголовно лишенных работы. Ссылка изолирована больше, чем когда бы то ни было: не только не получают письма от других ссыльных, но по почте ничего не доходит и от родных. Несколько месяцев, как абсолютно ничего не известно о Раковском.

В декабре разгромлен ряд ссыльных колоний в Сибири и Средней Азии. По Сибири арестованы... (не расшифровано). По неполным сведениям из Средней Азии, там арестованы товарищи: Акиртава, Багратов, Жап, М. Иоффе (жена покойного А. А. Иоффе), Кинадзе, Окуджава, Пеклер, Пролетарский, Цицнадзе и др.

На новые сталинские репрессии ссыльные и

заключенные большевики-ленинцы единодушно отвечают: «Никакие репрессии нас не сломят. Мы бодры и крепки».

(Москва, 23 января 1931 г.).

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

Газеты за последние две недели отозвали много места приветствиям по адресу Молотова. С этой стороны все как будто в порядке, и слухи о черной кошке между первым секретарем и вторым, как бы опровергаются. Но более осведомленные люди и ряд объективных, хотя и мелких признаков свидетельствуют, что это не так. Пост председателя, после того, как на нем просидел под двухлетним обстрелом Рыков, потерял политическое значение. С этой стороны назначение Молотова представляется наиболее почетной из всех видов административной ссылки. Молотов, как говорят, долго упирался, хандрил, не показываясь, т.е. перенял сталинскую политику в отношении Ленина. «Приветствия» имеют целью утешить Молотова и примирить его со своей участью, ибо новой драки Сталин все же, повидному, боится: и без того уже очень велико число людей, считающих, что его руководство слишком дорого обходится партии. С другой стороны, и Молотову невозможно было слишком натягивать струну, так как Сталин достаточно хорошо вооружен против него: в частных разговорах Сталин всю ответственность за «стремный период» возлагает на Молотова, рассказывает, как к нему являлись иностранные делегаты с мольбой: «Освободите нас от третьего периода и — от Молотова». Все это, надо ду-

мать, выйдет наружу при ближайшей проработке.

С запозданием сообщают нам некоторые подробности о фракции Сырцова-Ломинадзе. Особенно сильна была фракция на Кавказе, где Ломинадзе действовал следующим путем: он велел своим людям, давая им наказ официально защищать государственную линию, а также выбирать в руководящие органы сталинцев, чтоб таким путем предотвратить всякие подозрения. Целью такого образа действий было формирование возможно большего числа фракционных ячеек, с тем, чтоб на ближайшей всесоюзной конференции или съезде выступить целой делегацией и раскрыть карты.

Фракцию Сырцова предла его же сторонники Резник. То, что в газетах упоминалось и это имя, в числе «двурушников», сделано было только для отвода глаз. Благодаря провокации Резника Политбюро известен был каждый шаг Сырцова. В то время, как Сырцов заседал на фракционном совещании на квартире Нусинова, экстренно собралось Политбюро, куда Сырцов и был вызван прямо с квартиры Нусинова. Сырцов сперва нагло отрицал наличие фракционного заседания и заявил, что товарищи просто обсуждали проблему развития животноводства. Этим и объясняется чудное остроумие Кагановича насчет животноводства, коровы и пр. Но после того, как и Политбюро разяснили, что все известно (и в действительности представили документ), Сырцов и Ломинадзе по всем признакам, добавив, что сами не могут понять, как они до того могли отрицать существование фракции. На ЦКК Сырцов держался сперва очень вызывающе. Ему принадлежит следующая характеристика Сталина: «ступоголовый человек, который ведет страну к гибели». Он же заявил, что Политбюро больше не существует, а есть четверка: Сталин, Молотов (?), Каганович и Орджоникидзе. Но скоро Сырцов дал и рассказывает, что при передаче дел Совнаркомом РСФСР (Сулимову) разрыдался, и вообще держал себя мокрой курицей с плачем говорил, что все его политические действия надо рассматривать, как результат его болезненного состояния, что он перво-больной, нуждается в лечении и т. д.

Чрезвычайно интересно заявление, которое сделал Сталин в одном разговоре с Ломинадзе, в тот период, когда последний еще пользовался полным доверием. Сталин прямо сказал: «Комитет ничего на себя не представляет и держится только на помощи со стороны ВКП. Если поддержку прекратить, от Комитета ничего не останется». Это необыкновенно-изысканное (даже для Сталина) заявление Ломинадзе использовал во фракционной борьбе. Сталин, конечно, весь разговор отрицает.

Последнему покаянному заявлению Бухарина, которое, как известно, было более или менее одобрено ЦК и за крик которого даже нагорело перестаравшемуся Вогушевскому, предшествовали следующие события. С одного из заседаний в ЦК на котором Бухарин совершенно затравчан, он вышел с плачем и подал затем требуемое заявление. В партийных кругах упорно держатся слух, очень похожий на правду, что Бухарин грозил Политбюро закончить с собой, если не прекратится травля. Это, очевидно, возымело некоторое действие.

Пришлось мне недавно говорить с одним из провинциальных членом ЦКК, старым приятелем. Он прямо заявил, что большинство членом ЦКК в душе стоит на бухаринской позиции, и что они считают сейчас положение и партии катастрофически.

«Бухарин прав, а Сталин губит страну», — вот его подлиннее слова. Они все чрезвычайно удручены оргпунктами в отношении к Бухарину и Рыкову. Перво-наперво настроение этого члена ЦКК достаточно видно из того, что, оборвав разговор на полу-фразе, он схватился за голову и выбежал из комнаты. Другой более видный член ЦКК выразился, по словам моего приятеля, так: «Раньше против Сталина прав был Троцкий, а теперь — Бухарин».

Очень видный рабочий на вопрос о том, что он думает о новой фракции Сырцова-Ломинадзе, ответил: «я вообще больше не думаю». Кстати, во время прений на пленуме ЦК по вопросу о Бухарине, выяснилась довольно пикантная деталь, касавшаяся Милюткина. Этот последний часто прерывал Бухарина довольно наглыми репликами: «ты нам лучше о себе рассказывай» и пр. Бухарин не выдержал и ответил: «я ты лучше рассказывай, как ты был вначале в наших рядах, — об этом партия ведь ничего не знает». Таким образом выяснилось, что Милюткин в «проработки» Бухарина попал почти что прямо из его последователей. Этим и объясняется набиток его усердия.

Несколько слов о процессе промпартии. Процесс против рабочих и показал, что в рабочем классе под неслепом, имеется еще подлинный революционный инстинкт. Отношение рабочих к приговору можно резюмировать одним словом: недоумение. Нередко приходилось слышать такие разговоры: теперь за небольшие упущения так строго всех нас карают, а тут за громадное преступление — помиловали. На некоторых предприятиях, несмотря на нажим аппарата, не удалось провести резолюции, одобряющей помилование осужденных. Пуганина царил в эти дни чрезвычайная. Например, один мой приятель агитатор, выступал на заводе с требованием расстрела обвиняемых. Это было накануне приговора. На утро сообщают, что ЦКК осужденных помиловал. Агитатора этого хотели снова послать на тот же завод, чтоб он на сей раз выступал в пользу помилования. Он решительно отказался.

На другом предприятии шло совсем недавно. При голосовании резолюции с требованием расстрела один участник собрания воздержался. После неистового нажима он вынужденно выступил с признанием, что допустил политическую ошибку, что обвиняемых не нужно расстреливать и пр. А на завтра получило известие, что ЦКК обвиняемых помиловал.

Политический вывод наиболее мыслящих рабочих таков, что общественное мнение бюрократии и иностранной буржуазии имеет для Политбюро гораздо большую силу, чем общественное мнение рабочих. Да много выводов тут и нельзя сделать.

Копартьев на допросах очень убедительно оправдывается тем, что он в работе опирался на поддержку Рыкова и Калинин, и в ней черпал уверенность в своей «правоте». Он привел длинный список тезисов и резолюций, написанных им, Копартьевым и принятых Политбюро и ЦКК. В этом сотрудничестве Сталина с вредителями роль посредника играл бывший наркомзем А. П. Свиринов. Обо всем этом наша оппозиция знала и предупреждала, начиная с 1924 года.

Мне совершенно достоверно известно, что, по специальному постановлению Сталина, драконовские меры, принятые против «Бюллетеня», еще усилены.

Многие из тех «сановников», кто еще до недавнего времени имел, по своему официальному положению, право на получение «Бюллетеня», лишены теперь этого права; насколько этот круг был ограничен — хорошо известно, но даже и этим, очевидно, не доверяют. Ряд новых «лишителей» почти открыто плакались на свою судьбу.

И. Н.

ИЗ ЛЕНИНГРАДА ПИШУТ

К чему приводят гонки промышленности: можно показать на примере нашего завода Электросила. Вся его история за последние полтора года очень поучительна. Не имея возможности успевать за планом, но в то же время не желая отставать, руководство Электросилы нашло простой выход: в производственном отчете вместо фактически выполненных 40 процентов плана написали 60 процентов. Конечно, при этом имели в виду не обмануть, а просто забежать вперед: мы, де, мол, потом нагоним. Подошел 16-ый съезд. Чтоб не ударить лицом в грязь, требовалось к съезду стопроцентное выполнение плана. Руководство Электросилы и тут не растерялось и вывело (на бумаге, конечно) 100 процентов. Завод с помпой был помещен на красную доску, сыпались приветствия, все, как полагается. Но затем наступило похмелье. На завод приехала комиссия, которая установила дурной характер исполнения программы. Оказалось, что выполнено всего 25 процентов. Завод тут же перевели на черную доску. Факт этот был настолько скандальным, что «Правда», например, не решилась о нем печатать.

Вообще перевод с красной доски на черную вещь совершенно обычная и происходит мгновенно: вчера только были на красной доске, сегодня уже на черной.

...Вы вероятно знаете, что во главе нашего Совнархоза стоял Колгушкин. В 1928 г. вся ленинградская парторганизация была взволнована слухом, что в архивах нашлись документы из которых известно, что у Колгушкина в прошлом имеются позорные его факты, вроде прошения на «высочайшее имя», благодаря чему ему разрешили вернуться из царской ссылки. Говорили и кое о чем похуже... Факты были настолько компрометирующими, что ожидали не только снятия Колгушкина с работы и исключения из партии, но и чуть-ли не расстрела. Возможно, конечно, что во всем этом были и преувеличения... Когда дело получило слишком большую огласку, Колгушкин был незаметно снят, но... поставлен во главе крупнейшего провинциального строительства, а по партийной линии вышел совсем сухим из воды. Спасибо его «сдержанности»: во всех дискуссиях, начиная с 23-го года, он проявил себя стопроцентным «большевиком», громил оппозицию и поддерживал генеральную линию. Это и обеспечило ему безупречность. В Ленинграде среди партийных работников было немало возмущение этим фактом. Мне известен, в частности, такой случай: одного ленинградского работника ЦК направил на хозяйственную работу в Кузнецкстрой, под начальство Колгушкина, благодеющего на новом месте. Командированный товарищ категорически отказался работать с Колгушкиным. Ему ответили: известно ли вам, по постановлению какого органа Колгушкин направлен на работу в Кузнецкстрой? Тот ответил, что против

этого органа (т.е. ЦК ВКП), конечно, ничего не имеет, но с Колгушкиным работать все же не намерен.

А сколько их, таких Колгушкиных! И все они «без дести преданий» сталины. Еще бы! У Сталина в архивах про многих имеются документки большой изрычатой силы. Стоит им зашевелиться, как документки появятся на свет из негоряемых шкафов. Эти всегда будут на все сто процентов за генеральную линию; у них никогда не появятся сомнения; на кого другого, а на них Сталин может твердо рассчитывать... до положенного часа.

ПИСЬМО ОППОЗИЦИОНЕРА

Я вам писал раньше, что один из «сохраняющих» Л. С. Сосновского в Томской тюрьме был арестован за попытку передачи письма т. Сосновского единомышленникам. Этот факт удалось сейчас совершенно точно проверить. Служащий тюрьмы, передавший материалы Л. С. Сосновского на волю, был арестован ГПУ и вскоре затем расстрелян. За достоверность сообщения ручаюсь.

В ГПУ, как и повсюду, царят растерянность и неуверенность. Не верит никто и никому. За малейшее подозрение, нередко ни на чем не основанное, например, вежливое обращение с арестованным оппозиционером, «несходительный» обмык и пр. — снимают с работы в ГПУ. За малейшую провинность арестовывают. За содействие или помощь оппозиции — расстреливают, чтоб терроризировать других.

Недо сказать, что недоверие начальства ГПУ даже к собственным своим сотрудникам — не случайно. Мы при обысках, в ссылке, даже в тюрьме, нередко встречаем подосочувствующих агентов ГПУ. Они это, конечно, не выражают прямо. Но делают свое дело по отношению к нам с нескрываемым отращением. Бывали нередки факты, когда обыск у нас производился так, чтоб ничего не найти.

Из заключенных оппозиционеров в особенно тяжелых условиях находится тов. Филипп Швальбе. Около 10 месяцев, как он сидит во внутренней тюрьме ГПУ и буквально погибает от чахотки (идет кровь горлом). С ним вместе сидят и его два брата. Никаких передач — не разрешают; о нем решительно ничего нельзя узнать. Их содержат на положении самой свирепой изоляции. Тов. Филипп Швальбе (б. секретарь Каменева), обвиняется ГПУ в том, что он передал левой оппозиции протоколы знаменитого разговора Каменева с Бухариным.

Помимо братьев Швальбе там сидят 12 оппозиционеров-студентов югославского — сектора Коммунистического университета народов Запада.

...Крайняя нужда в работниках, особенно на дальних окраинах, принуждает иногда (в виде исключения) давать ссыльным-оппозиционерам (обычно высококвалифицированным работникам) службу в том или ином хозяйственном учреждении. Но и здесь не обходится без мелких подлостей. Например, служащих оппозиционеров лишают права... «столоваться» в учрежденческой столовой. Вот какими методами приходится отстаивать «генеральную».

Н. М. Сермуке, бывший секретарь тов. Троцкого уже три года находится в ссылке в городе Череповец. Работы лишен.

8747

ИЗ ПИСЬМА СЫЛЬНОГО ОППОЗИЦИОНЕРА

К нам привезли недавно нового москвича. Сообщая вам наиболее существенное из его рассказов, хотя кое-что, вероятно, устарело и вам известно, так как до высылки он довольно долго просидел в заключении.

Капитулянты делятся на разные группы, соответственно различным фазам своего разложения. «Индивидуально» и наиболее быстрым темпом гинет Радек. Не только рядовые, но и руководящие капитулянты других групп стараются дать понять, что не только политически, но и лично они с ним не имеют ничего общего. Более откровенные говорят прямо: «Радек взял на себя грязную, предательскую роль». Некоторые стараются отговорить радекистов от особо гнусных пакостей. Радек чрезвычайно тяготеет к правительственным сферам, старается быть всюду вхожим и почитаться за своего человека. («Человека» в старо-русском смысле слова). Об его «температурных» и пр. художествах вы хорошо знаете, так что распространяться нечего. Сообщу лишь небольшую, но характерный факт радековского... (как бы сказать помягче) цинизма. В ответ на просьбу помочь тяжело больному сыновому большевику Радек отказался, прибавив: «скоро вернется». Мерит за свой грязный, короткий аршин.

О полнейшей идейной деморализации капитулянтов все мы хорошо знаем. Они ярче всего изображают действительность, пытаясь таким образом оправдать себя. Известный капитулянт П. говорил в узком кругу: «Положение отчаянное. Все идет к гибели. Будем с вами (т.е. с большевиками-ленинцами) вносить за одним фонарем». Он, надо думать, и капитулировал для того, чтоб усилить «отчаянность» положения. Впрочем, уезжая из ссылки Радек говорил то же самое. Нечего и говорить, что мы смотрим на перспективы совсем иначе.

Любопытный факт узнали мы о Преображенском. Сообщивший его нам приезжий «голова» ручается за достоверность. Дело было еще перед 16-ым съездом. Преображенский считал, что постановление ЦК об экспорте хлеба (огромная цифра экспорта) поведет за собою неизбежно «гражданскую войну» и проч. и проч. Он обязательно хотел с предупредительным об этом выступить открыто на съезде: надо же хоть как-нибудь показать, что «мы вернулись в партию». Фракция капитулянтов пришла в ужас: опять исключат, сошлют и т. д. Нажали на Преображенского, а так как он из «мягких», то удалось отговорить. Этот факт капитулянтами держался долго в «строжайшем» секрете, так как они боялись, как бы об этом не узнало «начальство», что могло бы окончательно похерить их и без того шаткой репутации. Только в последнее время слух просочился наружу.

Чтоб закончить информацию о капитулянтах, остается еще два слова сказать о магистратских родоначальниках сего мало почтенного племени: Зиновьеве и Каменеве. Оба окончательно перешли на академическую арену: Каменев в тиши издает собрание сочинений Герцена! Зиновьев же был назначен ректором Казанского университета; не поехал он туда по болезни. Каменеву одну премию хотели дать дипломатический пост (посла в Лондоне), но потом передумали. Так эти люди «вернулись в партию».

Теперь о более давних фактах. В период «головокружения» (вскоре после статьи Сталина), на бауманской конференции выступила Н. К. Крупская.

Она очень мягко, но все же решилась сказать, что нельзя валить всю ответственность за перегибы на исполнителей, и что и на нас (т.е. на ЦК) лежит некоторая доля вины. Против нее моментально выступили аппаратчики, и выступили чрезвычайно резко и грубо. Дело кончилось тем, что Крупская подала, куда полагается, заявление с признанием ошибки и пр. Ужасно обидно, что Крупская не только вмешивается сама, но и вмешивает авторитет Ленина в партийную политику, не имея для этого необходимых данных. Как это близкие люди не посоветуют ей большей сдержанности...

К несколько более позднему периоду относится выступление Рыкова на одном московском предприятии. Он получил много записок с вопросами, что с Троцким и пр. Были и такие записки: «ведь Троцкий тоже предлагал индустриализацию и борьбу с кулаком, почему же его выслали?». Рыков отвечал, как полагается по шпаргалке Кагановича. Вообще говоря, «разъяснения» ныне очень упрощены. В научно (sic!) — партийной комиссии по изучению отдельных предприятий был такой случай. Обсуждался доклад секретаря ячейки завода X, где не совсем «благополучно» было по части «троцкизма». Секретарь ячейки в своем докладе упомянул комиссию; мы, сказал он, — разъяснили, что Троцкий продавался буржуазии, и тогда буза прекратилась. Комиссия (научная!) это проглотила. На заседаниях глотают все. А выходы с заседания обмениваются циничными репликами или многозначительными взглядами.

ПИСЬМО ПРОФЕССИОНАЛИСТА

В профессиональном аппарате, как и в других аппаратах, как и повсюду, чрезвычайно углубилось неравенство. Вы знаете, что партаксимум значительно повышен, кроме того дается несколько «максимумов»; дифференциация самая тонкая. Например, член ЦК профсоюза получает меньше жалованья, чем член президиума того же ЦК. Между тем оба работают рядом и на одинаково ответственной работе. То же самое с получением продуктов: здесь в среде ответственных работников устроены десятки категорий. Все это не только углубляет неравенство, но и создает новый дополнительный стимул для продвижения вперед по бюрократической лестнице.

В связи с переходом на единоначалие чрезвычайно усилилась власть администрации. Мера, сама по себе правильная (единоначалие), при бюрократическом проведении принимает уродливые формы. Администрация (на Ж. Д., например) имеет право административного ареста рабочего за нарушение производственной дисциплины. Для ликвидации прорывов позволено решительно все: из 8-ми часового рабочего дня делают — 10-ти часовой и больше; лишают выходных дней (в порядке «добровольного», конечно), не дают отпусков (тех, кто успел уехать летом, повызвали назад); часто будят по ночам для ликвидации наиболее трудных прорывов и т. д. Таким путем хищнически растрачиваются физические силы пролетариата, особенно рабочей молодежи.

На предприятиях все терроризована и замесом озабочена. Рабочий боится мастера, мастера — инженера, тот — хозяйственника и т. д. Все знает, что «объективных причин» больше не существует. Не хватает топлива или сырья — все равно шпатель Трест снимает директоров и сбивает их в разгилья-

действие, директора жмут на рабочих и ругают промеж себя трест за недостачу сырья или топлива.

Спешка в работе (а идут настоящие гошки, с равнением по наиболее искусным и квалифицированным) ведет к ухудшению качества. Ухудшение, как хорошо известно, приняло буквально катастрофический характер: от количественных показателей не остается порою почти ничего, все съедается нигде не годным качеством.

Безалаберность и полная несостоятельность организации на каждом шагу наталкивает рабочих на мысль: а не вредительство ли все это? Когда перед ноябрьским юбилеем выдавали дополнительные порции продовольствия, была такая давка, такие очереди и такой беспорядок, что в толпе открыто говорили, что это вредительство. Пришлось мне слышать и такой вопрос: «а не вредитель ли сам Сталин?». В период «головокружения» его политику часто сравнивали с вредительством.

Из хозяйственной практики расскажу вам такой случай. Недавно был привлечен к ответственности и подвергся строгим изысканиям один мой знакомый хозяйственник, очень дальний директор завода. Его обвинили в том, что у него на складе лежит большое количество неиспользованного сырья. Он доказал, что сырье он заказал по плану, ни больше и ни меньше того, что ему полагалось. Заказ он получил. Но заказы на другие элементы производства (без которых он не может обрабатывать сырье) выполнены были не полностью. Все его требования и предложения ни к чему не привели. В итоге у него оказалась излишек сырья, но не хваток других средств производства. Его сняли. Вообще директоров и хозяйственных работников снимают непрерывно. В тресте, где работал упомянутый мною выше директор, за пять месяцев сменилось девять (!) начальников. Не успеет войти и курс дел, как снимают.

Режим на заводе, как я уже упоминал, самый жестокий. Царит невозможная ругань. Давно уже мастера и другие начальство не позволяли себе разговаривать с рабочими, как разговаривают теперь. Но к этому снова «привыкли» и считают, что ругань — в порядке вещей. Я наблюдал такую сцену: приходит рабочий к директору проситься домой, входит в кабинет, испуганный, говорит записавшись. Директор его даже не слушает и в грубой форме отталкивает.

В виду большого числа железнодорожных крушений было проведено несколько показательных процессов. Подсудимые подробно рассказывают о том, как ухудшается качество различных паровозных частей (сальники парят и пр.), а их, несмотря на протесты, заставляют работать на неисправных паровозах. Одна из причин крушений — скверное качество топлива (большая зольность). В то же время у бригад, из-за запоздания, вычитывают из жалования. И вот, чтоб не опоздать, они стараются гнать во всю и значительно превышают допустимую скорость. Отсюда частые крушения. На этом процессе, между прочим, можно было убедиться, что не только семичасовой, но и восьмичасовой рабочий день является нередко фикцией. Старик рабочий на грозные вопросы: почему вы не ударник? — ответил: «я и так на четыре-пять часов чуть не каждый день остаюсь после работы. Это все знают».

И все эти опаснейшие эксперименты проводятся по ним престижа: ведь обещано пятилетку осуществлять в четыре года. Л.

ИЗ ДЕРЕВЕНСКОГО ПИСЬМА

...Как известно, в деревнях существуют, так называемые, бедняцкие собрания, а которые до сих пор официально входили все бедняки. Теперь происходит «чистка» бедняцких собраний. По одному в-скому сельсовету исключено 20 бедняков. Из них исключены такие, которые явно и действительно должны считаться и являются на деле опорой советской власти. Мотивировка — подкулачник, кулацкие настроения и т. д. А все дело в том, что они иногда не молчат, и на собраниях высказались, что силой не могут гнать в колхоз, что на самом деле зверски ухудшилось положение бедняков, что идет разбазаривание крестьянского хозяйства, что интеллигент неправильно снабжает крестьянство товарами. Или задают вопросы — будет ли еще одна пятилетка? (докладчик отвечает, что этот вопрос на руку кулачеству). Все крестьянские собрания созываются исключительно по вопросам контрактации, налогов, сборов и т. д. Ни одного другого вопроса. Вот у нас в сельсовете уже почти год, как собираются собрания по вопросам — контрактация молока, шерсти и др. сельско-хозяйственных продуктов и систематически бедняцкие собрания, не говоря уже об общих, отказывают в этом. В Н., с целью проведения решения о сдаче молока, шерсти, выезда на лесозаготовки, на «ямы» (для рыбной ловли) на собраниях погнала всех служащих в порядке профессиональной дисциплины (а их тут множество. Это — после районирования — называется сокращением штатов), и, конечно, их голосами провела. Это показательно для настроения крестьянства. Но это только чуточка-чуточка фактов.

МЕЛОЧИ

(Из частных писем)

Крестьянин (подмосковный) жалуется (в период сплошной): «мочи нет, надо идти жаловаться к Троцкому». Крестьянка, после отмены головокружений, говорит: «как Троцкий или Сталин статью написали, так полегчало».

От обилия проработок, во многих головах кругом идет.

△

К одному знакомому, старому члену партии, но сейчас находящемуся не у дел, очень грубо придирались во время чистки. Этот знакомый мой пошел к одному члену ЦК партии, чрезвычайно видному товарищу, голосующему всегда с большинством, но не принадлежащему к штильному кружку сталинцев. Узнав, в чем дело, член ЦК спросил: «из партии то не исключили?». — Нет. — «Ну и хорошо... Что же по нынешним временам обращать внимание на разговоры».

△

Из книги отзывов Музея Революции. Пишет рабочий. Музеем остался доволен, но «нам известно, что Троцкий принимал большое участие в революции 1905 года и в революционном движении вообще. А в материалах музея об этом ничего нет». Изъяты все документы, снимки и пр. Когда-то в Музее Революции была большая картина «Арест Советов рабочих депутатов в 1905 г.», — она также снята.

Одни из поэтов, пишущих хвалебные вирши в честь Сталина, на замечания приятеля, что больно они безвкусны, ответил: «что поделаешь, всем нам приходится халтурить».

СПИСОК БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ (ОПОЗИЦИОНЕРОВ) ВЕРХНЕ-УРАЛЬСКОГО ИЗОЛЯТОРА

1. Абрамский, 2. Аюян, 3. Альдгузен Н., 4. Алоян, 5. Аюпян, 6. Аронов, 7. Арштейн, 8. Асракан А., 9. Антокольский, 10. Ардашевля Т., 11. Азатья, 12. Баркин Ю., 13. Белинский, 14. Беззаян, 15. Бабаян, 16. Берзина, 17. Безладе, 18. Брик, 19. Булачев, 20. Бодров, 21. Выгон, 22. Гертобян Надежда, 23. Гордеев, 24. Гинтовский, 25. Геворкьян С., 26. Грюман, 27. Гогерашвили, 28. Говендо, 29. Голубь Ефим, 30. Гравс, 31. Гольдберг Лиза, 32. Гарцман, 33. Гиршфельд, 34. Дингельштедт Ф., 35. Драпкин, 36. Дзипский, 37. Донадзе, 38. Залеский, 39. Зайков, 40. Загускин, 41. Зурабян, 42. Иванова М., 43. Иоффе, 44. Косолапов, 45. Креммер Клавдия, 46. Койдинов, 47. Казлас, 48. Крайний, 49. Какузин, 50. Квачадзе Г., 51. Кесель, 52. Копытов, 53. Колтоа, 54. Куликов, 55. Комарова, 56. Корсаидае, 57. Каменецкий, 58. Киришин, 59. Любитко В., 60. Липатов А., 61. Либкин, 62. Лавшин Ф., 63. Лангер, 64. Лемельман Ида, 65. Мишид Муси, 66. Мельяиде, 67. Мазый Н., 68. Маркус, 69. Михайлович, 70. Непельсон Ман, 71. Осипов В., 72. Осанесоз-Тер, 73. Познанский, 74. Подземский, 75. Папермейстер Арон, 76. Папермейстер Лев, 77. Папермейстер Павел, 78. Персверзев Н., 79. Пензнер Х., 80. Пинюв, 81. Пацхивчан К., 82. Пушас, 83. Попов, 84. Полнук А., 85. Пингер, 86. Псалмопенцев, 87. Раи, 88. Рапопорт, 89. Решетинченко В., 90. Стопазон Г., 91. Слитинский С., 92. Саакян Амо, 93. Сосорев, 94. Суринов, 95. Солови, 96. Смирнов, 97. Солнцев Е., 98. Табачник Е., 99. Тваччиридзе, 100. Урюмов, 101. Укряицев, 102. Фрумкин, 103. Флакк, 104. Федорченко, 105. Хелидзе, 106. Хаченацкий, 107. Черных, 108. Черелахин, 109. Шапиро Лиза, 110. Шейлат С., 111. Шемес, 112. Шкуратов, 113. Шингалыник, 114. Яшвили, 115. Яковки Г., 116. Яковлев, 117. Эльцин В.

Кроме того в Верхнеуральском изоляторе находятся заключенные «децисты»:

1. Аршаев, 2. Владимирон, 3. Давидов, 4. Давидович, 5. Есаев, 6. Емельянов, 7. Косман, 8. Прокопина, 9. Правдино, 10. Смирнов, 11. Сокасов, 12. Сусликов, 13. Терентьев, 14. Фатеев, 15. Яковичев, 16. Шапиро Мих.

От Редакции. Настоящий список — не полный. Он относится к 1-му ноябрю 1930 г. В него не вошли, поэтому, товарищи, заключенные в верхнеуральский изолятор в течение ноября-декабря-января. *) Таких новых заключенных имеется несколько десятков товарищей: Редакции известны имена лишь некоторых из них: г.г. Гринберг, Денсов, Дорошенко, Бобковский, Лапдау и др.

Основное ядро верхнеуральцев (около ста товарищей) образовалось в январе 1930 г., при соединении двух уральских изоляторов.

*) В изоляторе сидят также несколько каингулянтов (Мостовский, Филиппов, Фроловский, Урувич).

Основное ядро это в заключении находится полтора-два года.

Ниже мы даем краткие биографические сведения о некоторых из верхнеуральских заключенных большевиков.

Дингельштедт Федор Николаевич, член большевистской партии с 1910 г. Член Петроградского комитета партии в период февральской революции; активный участник Октября. Две статьи т. Дингельштедта, пересланные нам из Союза, были напечатаны в № № 6 и 12-13 «Бюллетеня». Статьи эти Редакция Бюллетеня сопроводила краткой биографией автора. Она, следовательно, известна читателям.

Товарищи Дингельштедт, Солнцев, Стопазон, Яковин и Эльцин — все пятеро старые члены партии. Все они имеют самостоятельные научно-марксистские работы по вопросам экономики и истории. Незаурядные литераторы, они являются молодыми теоретиками левой оппозиции. Но теоретическая, «кабинетная» работа у них всегда сочеталась с активной политической борьбой. После окончания гражданской войны они сменили винтовку на книгу с тем, чтоб снова сменить ее на винтовку, когда этого потребуют интересы коммунизма.

Эльцин Виктор Борисович. В партию вступил в 1917 г. В Пермь принимал участие в подготовке и проведении октябрьского переворота. В 1918 г. был председателем Вятского губисполкома. 1919 и 1920 годы работал на восточном фронте: начальником политотдела дивизии и военным комиссаром дивизии. После ликвидации колчаковщины был на хозяйственной работе. С 1922 г. слушатель Института Красн. Проф. Окочин Институт в 1926 г. С 1923 г. в оппозиции; один из руководителей ее работников в Москве — вплоть до высылки. Редактор собрания «Сочинений» Троцкого. С января 1928 г. в сталинской ссылке; с конца 1929 г. заключен в изолятор.

Здесь необходимо сказать хоть несколько слов о всей семье Эльциных.

Отец Виктора Эльцина. Борис Михайлович Эльцин, старейший большевик; сидел в парских тюрьмах и ссылке. Б. М. Эльцин один из руководителей оппозиции. Он подписал первый платформенный документ оппозиции, так называемое «Заявление 46-ти», ставшее центром дискуссии 1923 года. Б. М. Эльцин был арестован летом 1929 г. и с тех пор находится в заключении — на режиме полной изоляции, совершенно один, — в Суздальском изоляторе.

Эльцин Носиф, второй сын Б. М. Эльцина, уже свыше двух лет находится в ссылке в Старом Крыму. Он болен туберкулезом в крайне тяжелой форме. Врачи считают, что

ему грозит гибель, если условия жизни его не будут изменены...

Четвертый член этой семьи революционеров, дочь Б. М. Эльцина, находится в ссылке в Сибири.

Таким образом, вся семья Эльциных не только находится у Сталина под замком или в ссылке, но и все члены ее оторваны друг от друга.

Невельсон Ман. Член партии с 1917 года. С начала февральской революции на партийной и комсомольской работе в Петрограде. Красногвардеец во время Октябрьского переворота. С начала 1918 г. и до середины 1920 г. т. Невельсон сражался в рядах Красной Армии (комиссар полка, политкомиссар дивизии и начальник политотдела армии). С 1923 г. на хозяйственной работе; тогда же т. Невельсон примкнул к оппозиции. С января 1928 г. в ссылке; с середины 1929 года в изоляторах, сперва в Тобольском, затем Верхнеуральском.

Познанский И. М. Член партии с 1917 г. Активный участник Октябрьского восстания в Петербурге. Всю гражданскую войну провел на фронтах, в частности был инспектором кавалерии на Южном фронте и с успехом организовывал там конницу; был контужен. В 1921 г. боролся за диктатуру пролетариата под Кроунштадом. После окончания гражданской войны и до ссылки т. Познанский был секретарем т. Троцкого. (См. «Моя жизнь»,

т. II). В феврале 1928 г. был арестован и сослан ГПУ на Север, за попытку следовать за Троцким в Алма-Ату; в 1930 г. заключен в изолятор.

Решетинченко Владимир Иванович. Член партии с 1917 г. Военный работник и герой гражданской войны (награжден орденом Красного Знамени); военный академик.

Магид Муся. Член партии с 1917 г. В период Деникинщины работала в большевистском подполье на Украине. Заключена в изолятор за побег из ссылки.

Сурнов. Старый член партии, в последний до ссылки, период был наркомземом Крымской Республики.

Огрызающие сведения эти, конечно, отражают лишь часть революционной деятельности вышеуказанных товарищей. Но они все же дают представление о «сверхуральце», как типе революционера-большевика. Участник Октябрьского восстания; участник гражданской войны; хозяйственная или научная работа после победы на фронтах; семилетняя борьба со сталинской резимией марксизма и ленинизма; ссылка; изолятор. Всегда и во всех условиях революционное мужество и безавытная преданность делу. Никаких мыслей о «себе».

Мы надеемся пополнить наши биографические справки и в отношении остальных заключенных и ссыланных.

Из писем Котэ Цинцадзе

В нашем архиве имеется около десятка писем и открыток Цинцадзе, дошедших до нас с большими перерывами, сперва — в Алма-Ата, затем — в Константинополь. Некоторые из писем Цинцадзе были напечатаны в Бюллетене. Связь с Котэ была одной из тех ценных связей, которые формируют направление Бюллетени, определяя его ответы на острые вопросы революции.

Ниже мы печатаем выдержки из писем Котэ, в которых личное естественно сочетается с общим. Как ни мал запас наших писем (большинство их было перехвачено) но нам кажется, что и эти немногие строки способны оживить в глазах читателей-революционеров образ Котэ Цинцадзе. А этот образ надо воссоздать, закрепить и бережно сохранить.

Редакция.

Бахчи-Сарай 17/V—28 г.

Дорогой Л. Д.

Вот уже три дни, как мы находимся в Бахчи-Сараях. Несмотря на то, что Пушкин вос-

сел этот старинный восточный городок, мы все-таки тут ничего не находим привлекательного. Ехали мы из Тифлиса до места назначения 12 суток. Случилось это потому, что наша власть не захотела отправить нас кратчайшим путем: через Потю или Батум на Севастополь и т. дальше.... В этом мне признался председатель Гепеу. Первоначально нас хотели отправить на Потю... Но оказалось, что вокзал был запружен рабочими. Их разогнали. Без арестов (около 80 чел.) не обошлось. Весь квартал представлял из себя военный лагерь. Никого не пропускали. Вокруг вокзала на расстоянии версты стояла охрана. Не разрешали останавливать трамвай возле вокзала. На вокзале, кроме представителей власти, никого не было. Нас на вокзал все же не отправили, а позволили по телефону, что «смыслка отменится»... Приблизительно через 3 часа нам объявили, что мы поедем через Баку... Рабочие политически на нашу высылку реагировали, как следует. Даже больше, чем мы ожидали. Подобная же картина была, когда отправляли

8751

первую партию. Их хотели также укрыть и отправить через другой вокзал, но высылаемые все (81 чел.) пошли заранее на вокзал (главный), а там на перрон прорвались рабочие, несколько сот человек, — 600-700. Остальных не пропустили, они остались на привокзальной площади. Тогда всего насчитывали около 2000 рабочих (при нашей отправке было несравненно больше). Разница в том, что в первый раз рабочие успели на вокзал притти, а во второй раз уже почти с утра к вокзалу никого не допускали. Власть начали разгонять рабочих после того, как они запели Интернационал и вывесили портрет Ленина. Портрет был в бою изорван агентами ПУ...

Настроение рабочих было великолепное. Если бы мы целый год находились в Тифлисе, мы бы не сделали того, что сделала эта наша высылка в смысле укрепления и утверждения в недрах массы симпатий к нам.

Кадр наш непоколебим, несмотря на голод, холод, преследования, издательства, которые окружают каждого оппозиционера. Не знаю, как в этом отношении дело обстоит в России. Признаюсь, некоторыми нашими «лидерами» мы не довольны. Недовольны очень. Слишком они индивидуалистичны и делают весьма поспешные выводы, сообразуясь только со своими настроениями... Вы знаете, в частности, мое отношение к Зиновьеву: я ему и его сторонникам не верю ни на что. Безхребетные люди!

Нам сказали, что вы больны. Из Баку мы вам телеграфировали и ответ получили. Рады, что вам лучше.

Наше отношение к вопросам борьбы неколебимо. Надеемся, что мы не разобьемся по взглядам...

Пламенный привет от Ладо.¹⁾ Крепко жмем вашу руку. Ждем обещанного письма. С дружеским приветом. Котэ.

ПС. Надо отметить, что при избитиях на вокзале, во время проводов высланных товарищей, не шадил никого: были таких старых товарищей-рабочих, как Ясан Диефбенадзе, член партии с 1898 г., с туберкулезом. Хотели арестовать т. Аракела,²⁾ которого рабочие на перроне подняли на руках, но рабочие его не дали. Были женщины, старых революционеров.

К.

27/VI-28 г.

Дорогой Л. Д.

Ваше письмо к нам получили. Принято было слышать, что здоровье ваше лучше... Здоровье особенно необходимо теперь для оппо-

¹⁾ Ладо Думбадзе — старый член партии, наборщик, организатор первых нелегальных типографий большевистской партии, ныне в изгнании.

²⁾ Один из старейших большевиков, бывший каторжанин.

зиционера-большевика. Наша дружеская просьба: беречь свое здоровье, которое, разумеется, необходимо не только для вас.

Нам понятно ваше беспокойство по поводу болезни вашей дочери... Но я, как туберкулезный, имеющий опыт на самом себе, думаю, что состояние вашей дочери не столь безнадежно. Сколько я видел со скоротечной формой, которые при хорошем уходе поправлялись. Многих и многих наших товарищей и близких нам людей ожидает неблагодарная участь проститься с жизнью где-нибудь в тюрьме или в ссылке, но все это в конечном итоге будет обогащением революционной истории, на которой будет учиться новое поколение. Пролетарская молодежь, ознакомявшись с борьбой большевистской оппозиции против оппортунистического крыла партии, поймет, на чьей стороне правда... Из Тифлиса пишут, что там на другой день проводов т. Окуджава, были аресты... Арестовано около 15 человек. Им предложено: отказаться от оппозиции и признать правильным «левый курс». В противном случае угрожают подвергнуть долгой тюремной жизни. Ребята категорически отказались... Спрашивается, на что нужен отказ от оппозиционных взглядов, добытый путем грубого административного насилия? Видимо такими методами хотят создать хотя бы видимость своей идейной победы над оппозицией...

До XV-го съезда «свежани» подготовили (и подготовили) наш организационный разгром. Но вместе с тем они подготовляли (и подготовили) свой идейный разгром. В этом отношении их положение куда тяжелее нашего. Организационный разгром — вещь тяжелая, но поправимая при наличии правильной линии и правильных взглядов, а идейный разгром — вещь непоправимая... Они спекулировали на «ответственных» оппозиционеров в лице Пятаков, Крестинский, Овсенко, Зиновьев и К-о. Но скоро убедились, что за Пятаковым, напр., пошло 1 с пол. человека. Они вынуждены поэтому прибегнуть к более глубокому маневру. «Левый курс», кроме всего остального (о чем вы пишете в своих письмах), преследует цель ликвидации оппозиции.

Письма т. Преображенского свидетельствуют, что он питает опасные иллюзии...

Мы читали ваши два письма: «К другу» и совершенно согласны с вашей оценкой нашей позиции и нашей тактики. Согласны также в том, что настало время, когда оппозиция должна сказать свое слово, и сказать его именно на VI-м конгрессе, сказать коллективно, от имени большевистской оппозиции, сказать именно той форме, как вы предлагаете, т. е. чтобы и Коминтерн и масса, как партийные, так и рабочие, узнали о нашей правоте...

В оценке телеграммы т. Радека мы целиком

согласны с вами... На счет зинovieвцев и его самого я был всегда плохого мнения. Я еще не забыл обещания «передать вас контрольной комиссии» за это...¹⁾

Наша жизнь в Бахчи-Сарае протекает спокойно. Характерной чертой Бахчисарая является «перманентные» (как бы это слово когда-нибудь не напугало) ветры и пыль. Летом, должно быть, будет невыносимая жара. Хлеба недостаточно. Большие хвосты. Выдают по фунту... Наш пламенный привет вам, дорогой товарищ и друг Л. Д. Жмем крепко руку.

Ваш Котэ Цицнадзе.

19/VIII-28 г.

Пламенный привет дорогому Льву Давидовичу!

Ваше письмо от 15/VII получили только сегодня. Оно прогуляло более месяца в дороге. Искренне скорбим о смерти вашей дочери. Разделяем ваше горе.

С полным удовлетворением прочли ваши тезисы и письмо к оппозиционерам, которые вы нам прислали. Мы были возмущены до глубины души, когда узнали, что т. т. Радек и Смилга подали отдельное заявление конгрессу...

Плохое «учреждение» — эти колебания. Многие товарищи своими колебаниями сильно дезориентируют массы. Особенно более или менее ответственные товарищи. Телеграмма тов. Радека была в этом отношении недопустимая штука. Беда с людьми, которые не умеют «ждать».

Недавно нам писали, что Политбюро внесло в сенаторен-конвент VI-го конгресса заявление, где оно отрицает наличие каких-либо разногласий в Политбюро и распространение слухов о разногласиях приписывает оппозиции. Но этому никто не верит...

В Тифлисе после высылки последней партии наших товарищей арестован старый наш товарищ Датико Лорджипанидзе и сидит в подвале ГПУ. Остальное по старому, т. е. настроение безразличное и непоколебимое. Ультра-левизна, (которой вы опасаетесь) в наших рядах незаметно. Хотя и грешный человек думаю, что в данное время «ультра-левизна» лучше, чем правизна, которая приводит к капитулянтству.

Желаем вам всего наилучшего и крепко целуем. Привет сердечный нашим. Еще раз привет пламенный от Ладо и Весо. С оппозиционным приветом. Привет от Кесени (сестра моя). Котэ Цицнадзе.

¹⁾ Поименованному, намек на какую-то шутовскую угрозу пожаловаться на Л. Д. Троцкого и оппозиционную Контрольную комиссию за «защиту» Зиновьевых.

21/XI-29. ¹⁾

Дорогой друг!

Наконец-то один из товарищей разрешился письмом, где сообщил ваш адрес. Давно я с вами не имел никакой переписки. Как вы живете? Думаю, что не легко вам там, но и нам не лучше. Видимо долго еще придется вести идейную борьбу, чтоб вывести пролетариат на путь ленинизма. Казалось бы, все наши должны были знать это сначала, но нашлись такие, которые этого не знали. Все эти «честные» Ив. Никит. Смирновы, «рожденные в тюрьме» С. Мрачковские, Белобородовы и прочие оказались, куда негодными революционерами. Люди потеряли всякий стыд в погоне за партбилетом. Воображают, что получив его через отступничество они приблизятся к партии. Как бы не так. На самом деле ими затыкают мелкие бюрократические щели по советской линии. Смирнов рассылает ссылки проекты своего заявления. В каком из них (он написал их уже шесть) он излагает свои настоящие убеждения — неизвестно. Писать есть о многом, но надежды на получение письма мало. Письмо это характера «разведочного». Отвечайте: Алушта, мае. Я хвораю. В этом году 4 раза были кровохаркания и сейчас продолжаются. Привет всем. Ваш Котэ.

1/VI-30 г.

Многоуважаемый друг!

Недавно я вам писал. Живу в Алуште. Все время хвораю. Если получу ответ, напишу более подробно о своей жизни. Погоды ужасные. Гнилая зима. Если и на сей раз не получу ответа, значит, либо вас нет там, либо же письма задерживаются.²⁾ Итак жду ответа. Пришлите коммунистические газеты или журналы, на немецком и французском. Жму руку. Котэ.

Алушта, 25/III-30 г.

Дорогой друг!

Как живете? Давно от вас ничего не имею. Не болны ли вы? О здоровье писал. Повторять не буду. Известей очень много. Чего стоит одно «головокружение от успехов»! Но так и остается неизвестным, где настоящие причины этой болезни... Вы любите охоту: посылаю открытку с охотой на кабанов. Ваш Котэ.

¹⁾ После большого перерыва, связанного с высылкой Л. Д. Троцкого за границу, все попытки наладить связь с Котэ из Константинополя не приводили к результатам: письма от него обычно доходили, письма к нему почти сплошь перехватывались.

²⁾ За перепиской Цицнадзе следили так неотступно, что письма из-за границы почти совершенно не доходили до него.

1/V-30 г.

Дорогой Яков! 1)

С первым мая! Получила твою открытку. Это второе по счёту письмо от тебя. Я с нетерпением ждала французских романов и других новостей литературы, но до сих пор их нет... Моё здоровье плохо, но борюсь с остревением. «Кто кого?» так стоит и у меня вопрос. Пока шансы на моей стороне. Но зато, увы, болезнь капитулянтства захватила Буду и Ка-зе. Ты их знаешь. Я в одном из писем писала тебе, что опасюсь за них. Я ожидала этого, ибо знала хорошо состояние их «здоровья» с малых лет. Хрупкие они были всегда. При «стадной» жизни их можно уберечь. Но в последние время они были предоставлены самим себе и начали киснуть. В одиночестве нестойкие люди невероятно легко подвергаются всяким заразам. Но имею полную надежду, что они других не заразят или заразят очень немногих. Прошла Пасха. У Христа были гости. В продолжение 7 часов кутили во всю. Раз-странжирили все, что у него было...²⁾ Ваши Ката.

27/VIII.

Милая Ката!

Совершенно случайно ваш адрес узнал... Когда думаете ехать обратно? Я очень болен, но это не интересно. У нас (т. е. в партии) мучение, а не жизнь, хотя на 16-м (сезде) все обстояло «благополучно». Там, почти в соседстве с вами живет наш старик (Л. Д. Троицкий). Неужели вы ничего о нем не знаете? Или это не полагается знать? Я пишу ему письма, а он не отвечает. Видимо, пласти здоровья его оберегают. Вы помните Б.? Он недавно «скончался», но не физически, хотя лучше было, чтобы он физически скончался, но не идейно... Будьте здоровы. Обнимаем вас горячо. Кенс.

27/VIII.

Дорогой друг!

От вас совершенно ничего не слышно. Я захожусь там же. Два месяца лежу. Здоровье из рук поп плохо. Мои близкие и родные подняли вопрос о переводе меня в Сухум. Но пока ничего не слышно. Это единственное, что мне может помочь. Душою я бодр. Слышу маленькое «оживление» повсеместно. «Мастера» (Сталин) усилил репрессии до безобразия. Тут прямо задыхаются. Никто не может членораздельно сказать, в чем собственно вина большевиков-ленинцев, которых Сталин держит в застенках. Обыски, обыски — поиски «докумен-

1) Это письмо, как и следующие, написано с фиктивным обращением и якобы от имени женщины.

2) Это значит: на Пасхе у Христиана Георгиевича (Раковского) был обыск, длился семь часов, все забрали и разорили.

тов» для оправдания пред массой такого гнуснейшего отношения к пролетарским революционерам. Массы не сегодня-завтра требуют отчета...

От старика ничего не имею давно, давно. Наш общий друг Буду подписал заявление И. Н. Смирнова (старосаевского помещика). Как видите за ним очень мало последовало. Но он по слухам собирается еще обратиться ко всем оставшимся в тюрьмах и ссылке. Довод у него веский: он гуляет на проспекте Руставели в Тифлисе, а другие чахнут в застенках. Шутка ли! Он называет это «нецелесообразным». Шарлатанство дальше этого идти не может. Привет старику. Пусть пишет. Как ваше здоровье? Почему не извещаете? Кенс.

28/VIII.

Привет! Пишу, пишу, а толку нет. Посланные вами лекарства вернули с таможни (т. е. печатные материалы перехватили). Я лежу два месяца. Здоровье из рук вон плохо. Поставлен вопрос об изменении местожительства. Как старик? Вы все-таки к нему ближе. Я ему писал письмо с запросами по поводу его последнего письма. Нет никакого ответа. 1) Хотя письма до меня редко доходят. Только чисто личные, да еще какос-нибудь отчаянное письмо случайно проскочит через заграждения и только. Пишите. Неужели и это обывательское письмо не дойдет? Целую. Кенс.

Это последнее письмо Котэ. Дальше последовало сообщение от близкого человека, что Котэ совсем плохо. А затем пришла весть о смерти.

1) Письмо К. Ц. было напечатано в «Бюллетене» русской оппозиции № 12-13.

«...Участвовали в неудавшейся попытке образовать внефракционную социалдемократическую лево-центровую группу. В числе этих людей я помню, например, будущего большевистского сановника Енукидзе, а затем, — классический флюгер, Элиаву...

...После октябрьского переворота эти люди, вместе со Стекловым, ушли к большевикам».

«Зап. о рев.» Ник. Суханова.
Книга вторая, стр. 261, 262.

Проблемы международной левой оппозиции

Китайской левой оппозиции

Дорогие товарищи!

Я получил от вас за последние месяцы большое количество документов и писем на английском, французском и русском языках, равно как и большое количество оппозиционных изданий на китайском языке. Срочная работа, а затем болезнь помешали мне ответить вам раньше. За последние дни я самым тщательным образом изучил все присланные документы, — уви, кроме китайских! — чтоб иметь возможность ответить на поставленные вами вопросы.

Скажу с самого начала, что изучение новых документов окончательно убедило меня в полном отсутствии принципиальных разногласий между разными группами, вступившими ныне на путь объединения. Есть тактические оттенки, которые могут в дальнейшем, в зависимости от хода событий, развернуться в разногласия. Но нет никаких оснований думать, что эти разногласия совпадут с линиями старых групп. Я попытаюсь в дальнейшем разобрать спорные и полуспорные вопросы, как они мне представляются. отсюда.

1. Вступление компартии в Гоминдан было ошибкой с самого начала. Я думаю, что это — в том или другом документе — надо сказать совершенно открыто, тем более, что тут есть огромная доля вины русской оппозиции. Наша группа (оппозиция 1923 г.) за исключением Радека и нескольких его ближайших друзей, была с самого начала против вступления компартии в Гоминдан и против включения Гоминдана в Коминтерн. Зиновьевцы стояли на противоположной позиции. Радек давал им своим голосом перевес в оппозиционном центре. Преображенский и Пятаков считали, что из-за этого вопроса не нужно рвать блока с зинovieвцами. В результате объединенная оппозиция занимала по этому кардинальному вопросу двусмысленную позицию, которая отразилась в целом ряде документов, даже в оппозиционной платформе. Замечательно, что все те русские оппозиционеры, которые занимали по вопросу о Гоминдане зинovieвскую или примиренческую позицию, впоследствии капитулировали. Наоборот, все те товарищи, которые сейчас находятся в тюрьмах и ссылке, с самого начала были противниками вхождения компартии в Гоминдан. Такова сила принципиальной позиции!

2. Лозунг «диктатуры пролетариата и бедноты» не противоречит лозунгу «диктатуры про-

летариата», а только дополняет и популяризирует его. Пролетариат в Китае есть маленькое меньшинство нации. Он может стать властью, лишь объединив вокруг себя большинство нации, т. е. деревенскую и городскую бедноту. Эту мысль и выражает лозунг: «диктатура пролетариата и бедноты». Разумеется, в платформе и в программных статьях мы должны ясно и отчетливо указывать на то, что руководящая роль сосредоточивается в руках пролетариата, который выступает, как вождь, наставник и защитник бедноты. Но в агитации вполне законно пользоваться коротким лозунгом «диктатура пролетариата и бедноты». В таком виде лозунг этот не имеет ничего общего с лозунгом «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

В большом документе, подписанном товарищами Чен-Ду-Сю и другими (15 декабря 1929 г.), вопрос формулирован следующим образом:

«Задачи буржуазно-демократической революции в Китае (национальная независимость, государственное объединение и аграрная революция), могут быть разрешены только при том условии, если китайский пролетариат, в союзе с городской и деревенской беднотой и руководя ими, захватит политическую власть. Другими словами, завершении и победы буржуазно-демократической революции в Китае можно достигнуть только по русскому пути, т. е., по пути китайского Октября».

Я считаю эту формулировку совершенно правильной и исключающей возможность каких-бы то ни было недоразумений.

3. В вопросе о характере китайской революции руководство Коминтерна окончательно попало в тупик. Опыт событий и критика левой оппозиции не оставили в концепции «демократической диктатуры» камня на камне. Но если отказаться от этой формулы, то не остается ничего, кроме теории перманентной революции. Горе-теоретики Коминтерна стоят между двумя этими теориями в незавидной позиции бурданова осла. Последним откровением на эту тему является юбилейная статья Мануильского («Правда», 7 ноября 1930 г.). Нельзя придумать более ископаемую смесь невежества, ограниченности и плутовства. Бурданова теории сталинской бюрократии подвергнута разбору в последнем номере Бюллетеня русской оппозиции (№ 17-18). В этом основном вопросе у нас с вами, во всяком случае, не будет и тени разногласий, как свидетельствуют все наши документы.

4. В некоторых письмах есть жалобы на то, что отдельные группы оппозиции или отдельные товарищи занимают неправильную позицию по отношению к китайской «Красной армии», отождествляя отряды ее с бандитами. Если это верно, то с этим надо покончить. Разумеется, к революционным крестьянским отрядам прилипают люмпен-пролетарские элементы и профессиональные бандиты. Но движение в целом имеет глубокие источники в условиях китайской деревни, и это те самые источники, на которые в дальнейшем должна опереться диктатура пролетариата. Политика сталинцев в отношении этих отрядов является политикой преступного бюрократического авантюризма: эту политику мы должны беспощадно разоблачать. Мы не можем также разделять или поощрять идлюзии вожаков и участников партизанских отрядов. Мы должны разъяснить им, что без пролетарской революции и завоевания власти пролетариатом партизанские отряды крестьян не могут привести к победе. Но мы должны вести эту разъяснительную работу, как верные друзья, а не как сторонние наблюдатели, тем более — не как враги. Не покидая наших методов и задач, мы должны стойко и мужественно защищать эти отряды против гоминдановских репрессий и буржуазной лаветы и травли. Мы должны разъяснять рабочим Югванно симпатическое значение этих отрядов. Мы не можем, разумеется, бросать наши собственные силы на путь партизанщины: у нас сейчас другое поле деятельности и другие задачи. Но тем не менее крайне желательно иметь, по крайней мере, в наиболее крупных отрядах «Красной армии» своих людей, оппозиционеров, которые разделяли бы судьбу этих отрядов, внимательно наблюдали бы взаимоотношения между ними и крестьянством и держали бы в курсе дел организацию левой оппозиции.

В случае замедления революции, нового экономического оживления в Китае и развития парламентских тенденций (это все связано одно с другим), такого рода отряды должны были бы неизбежно вырождаться, восставши против себя крестьянскую бедноту. Тем важнее для нас держать эти отряды под нашим наблюдением, чтоб занимать по всякий момент правильную позицию.

5. В некоторых из писем снова поднимается вопрос о Национальном собрании, причем вопрос о наших политических задачах часто загромаждается гаданиями насчет того, осуществится ли Национальное собрание или нет, в каком виде, какие взаимоотношения сложатся между Национальным собранием и советами и пр. и пр. В этих рассуждениях есть значительный элемент политической схоластики. Так, одно из писем гласит:

«Мы думаем, что Национальное собра-

ние, вероятно, не осуществится; если бы даже оно осуществилось, оно не смогло бы превратиться во «Временное правительство», потому, что все материальные силы находятся сейчас в руках милитаристов Гоминдана. Что же касается правительства, организованного после восстания, то оно будет без сомнения правительством пролетарской диктатуры и не созовет более, в таком случае, Национального собрания».

Это рассуждение чрезвычайно негодно, односторонне и потому оставляет много места недоразумениям и даже неправильностям.

а) Прежде всего нельзя считать исключенной возможность того, что сами буржуазные классы окажутся вынуждены созвать некоторое подобие Национального собрания. Если верны сведения европейских газет, то Чан-Кай-Ши посылит с мыслью заменить стесняющий его контроль Гоминдана контролем некоего фиктивного парламента. Известные круги крупной и средней буржуазии, приходящие в столкновение с надоевшей им диктатурой партии, могут пойти навстречу такому замыслу. «Парламент» будет, к тому же, гораздо лучшим прикрытием военной диктатуры пред лицом Америки. Чан-Кай-Ши, как пишут газеты, принял американизированное христианство, считая, не без основания, что это облегчит ему заем у еврейских банкиров с Уолл-Стрит. Американизированное христианство, американо-еврейские ростовщики и китайский псевдопарламент — это все великолепно гармонирует одно с другим.

В случае парламентского варианта, мелкая буржуазия городов, интеллигенция, студенчество, «третья партия» — все это придет в движение. Вопросы конституции, избирательного права и парламентаризма станут в порядок дня. Нелепо думать, будто китайские народные массы все это оставили уже позади. До сих пор они прошли только школу Сталина-Чан-Кай-Ши, т. е., самую позорную из всех школ. Вопросы демократии неизбежно захватят на известный период не только крестьян, но и рабочих. Нужно, чтоб это происходило под нашим руководством.

Созовет ли Чан-Кай-Ши свой парламент? Весьма возможно. Но возможно, что конституционно-демократическое движение перельется через плечи Чан-Кай-Ши и вынудит его пойти гораздо дальше, чем он сегодня хочет, или даже сметет Чан-Кай-Ши вместе с его планами. Каковы бы ни были конституционно-парламентские варианты, мы в стороне не останемся. Мы примем участие в борьбе под нашими лозунгами, т. е. прежде всего под лозунгами революционной и последовательной («сто процентной») демократии. Если революционная волна не сметет сразу Чан-Кай-Ши

вместе с его парламентом, то нам придется в этом парламенте принимать участие, обличая обман компрадорского парламентаризма и выдвигая наши собственные задачи.

б) Можно ли себе представить, что революционно-демократическое движение примет такие размеры, при которых Чан-Кай-Ши уже не сможет удержать в своих руках военный аппарат, а коммунисты еще не смогут овладеть властью? Такой переходный период развития вполне реален. Он может выдвинуть какую-либо китайскую разновидность двоевластия, новое Временное правительство, блок Гоминдана и третьей партии и пр. и пр. Такой режим был бы крайне неустойчив. Он явился бы только ступенькой к диктатуре пролетариата. Но такая ступенька возможна.

в) «При победоносном восстании, — говорит цитированный документ, — установилась бы диктатура пролетариата, и тогда Национальное собрание не было бы создано». И здесь вопрос слишком упрощен. В какой момент произойдет восстание и под какими лозунгами? Если бы пролетариат объединил вокруг себя деревенскую бедноту под лозунгами демократии (земля, Нац. собр., и проч.) и инверг бы объединенным натиском военную диктатуру буржуазии, то, придя к власти, он оказался бы вынужден созвать Национальное собрание, чтобы не вызывать подозрений крестьянства и не открывать восток для буржуазной демагогии. Ведь оказались же большевики вынуждены, после Октябрьского переворота, созвать Учредительное собрание! Почему же считать этот вариант исключенным для Китая? Крестьянство развивается вовсе не одновременно с пролетариатом. Пролетариат многое может предвидеть заранее, а крестьянство учится только на фактах. Китайскому крестьянству может понадобиться живой опыт Национального собрания.

Так как буржуазия в России долго оттягивала созыв Учредительного собрания, а большевики ее в этом обличали, то, придя к власти, большевики вынуждены были созвать Собрание в короткий срок, на основании старых избирательных списков, и потому оказались в меньшинстве. Учредительное собрание пришлось в столкновение с советами на глазах всего народа и было разогнано.

В Китае можно себе представить другой вариант. Придя к власти, пролетариат сможет, при известных условиях, отодвинуть созыв Учредительного собрания на несколько месяцев, развернуть широкую агитацию в деревне и обеспечить в Национальном собрании коммунистическое большинство. Выгода будет та, что советская система получит формальную санкцию Национального собрания, что сразу лишит буржуазию популярного лозунга и гражданской войны.

6. Разумеется, разобранные выше варианты представляют собою только исторические гипотезы. Нет никакой возможности предугадать, как сложится действительный ход событий. Общий курс — на диктатуру пролетариата — ясен заранее. Нам надо не столько гадать о возможных вариантах, этапах и комбинациях, сколько вмешиваться в события, в качестве революционного фактора, развертывая могущественную агитацию под лозунгами демократии. Если мы захватим в свои руки инициативу в этой области, то сталинская бюрократия окажется выкинутой за борт, а большевики-ленинцы превратятся в короткий срок в крупную политическую силу.

7. Вопрос о том, какие возможности открываются в ближайший период перед китайским капитализмом, есть вопрос не принципа, а факта. Решать заранее, что капиталистическое развитие в Китае не может больше сделать ни шагу вперед, было бы чистейшим доктринерством. Значительный приток иностранных капиталов в Китай совершенно не исключен. Мировой кризис накапливает свободные капиталы, которым нужно поле действия. Сейчас, правда, даже американский капитал, наиболее мощный, парализован растерян, труслив, лишен инициативы, так как он слишком недавно свергся с высот процветания в пучину кризиса. Но он уже начал искать такого международного плацдарма, опираясь на который он мог бы дать толчок новому, промышленному подъему. Несомненно, что Китай открывает в этом отношении серьезные возможности. В каком масштабе они осуществляются? Этого, опять-таки, предвидеть нельзя. Тут надо не гадать априорно, а следить за реальными экономическими и политическими процессами. Во всяком случае отнюдь не исключено, что в то время, как большая часть капиталистического мира будет еще биться в сетях кризиса, приток иностранных капиталов создаст в Китае экономическое оживление. Мы и к этому варианту должны быть готовы, сосредоточив своевременно наше внимание на организации, укреплении и правильном руководстве профессиональных союзов.

Нет сомнения, что экономическое оживление отодвинуло бы на некоторый срок непосредственную революционную перспективу, но зато оно подготовило бы для нее новые возможности, новые силы и новые источники победы. Будущее во всяком случае за нами!

8. Некоторые из шанхайских писем ставят вопрос: следует ли форсировать полное объединение на местах, снятие печати всех групп и созыв конференции на основах уже осуществленного единства, — или же сохранять внутри объединенной оппозиции отдельные группы до окончательного разрешения всех тактических вопросов? В таких организационных де-

так трудно подавать советы издалека. Возможно также, что совет забывает. Но все же я не могу удержаться от того, чтобы не сказать: дорогие друзья, сливайте окончательно ваши организации и газеты сегодня же! Нельзя слишком затягивать подготовку объединения, ибо таким путем можно, помимо своей воли, сфабриковать искусственные разногласия.

Я вовсе не хочу этим сказать, что все вопросы уже разрешены, и что вы (правильнее сказать, мы) застрахованы от разногласий в будущем. Нет, не может быть никакого сомнения в том, что завтрашний и послезавтрашний день выдвигают новые задачи, а значит и новые разногласия. Без этого революционная партия не может развиваться. Но эти новые разногласия будут порождать новые группировки в рамках объединенной организации. Нельзя слишком долго оглядываться на вчерашний день. Нельзя топтаться на месте. Надо идти навстречу завтрашнему дню!

9. Что новые разногласия неизбежны, об этом свидетельствует опыт всех секций левой оппозиции. Французская Лига, наприм., сложилась из разных групп. Благодаря своей еженедельной газете, Лига выполняла очень серьезную и ценную работу, не только национальную, но и интернациональную, доказав этим, что объединение нескольких групп было прогрессивным фактом. Но в этой объединенной Лиге возникли за последние месяцы острые разногласия, в частности по синдикальному вопросу. Сформировалось правое крыло, занявшее в конце ошибочную позицию. Вопрос настолько важен и глубок, что он может привести даже к новому расколу. Разумеется, надо сделать решительно все, чтоб его избежать. Но если бы это не удалось, то новый раскол вовсе не доказывал бы неправомерности вчерашнего объединения. Мы не делаем фетиша ни из единства, ни из раскола. Все зависит от условий, от момента, от глубины разногласий, от характера задач.

10. В Испании обстоятельства складываются, по видимому, по иному, чем в других странах. Испания переживает сейчас период явного и несомненного революционного подъема. Горячая политическая атмосфера должна чрезвычайно облегчить работу большевиков-ленинцев, как самого смелого и последовательного революционного крыла. Коминтерн разбил ряды испанского коммунизма, обессилал и обескровил официальную партию. Как и во всех других важных случаях, руководство Коминтерна провело революционную ситуацию. Испанские рабочие в наиболее ответственный момент оказались предоставлены самим себе. Почти без руководства они разворачивают поразительную по своему размаху революционную стихийную борьбу. В этих условиях испанские

большевики-ленинцы выдвигают лозунг советов. По теории сталинцев и по практике кантонского восстания советы надо создавать, будто бы лишь накануне восстания. Гибельная теория и гибельная практика! Советы надо создавать, когда реальное живое движение масс обнаруживает спрос на эту организацию. Советы создаются сперва, как широкие стачечные комитеты. Таково именно положение в Испании. Можно не сомневаться, что инициатива большевиков-ленинцев (оппозиции) встретит в этих условиях сочувственный отклик со стороны пролетарского авангарда. Перед испанской оппозицией может открыться уже в ближайшее время широкая перспектива. Пожелаем нашим испанским друзьям полного успеха!

11. В заключение возвращаюсь снова к вопросу об единстве, чтоб отметить крайне печальный, в этом отношении, опыт Австрии.

Три австрийские оппозиционные группы в течение полутора лет занимались «обединением», придумывая, по очереди, такие условия, которые делали объединение невозможным. Эта преступная игра отражала лишь общее плачевное состояние австрийской оппозиции, захваченной гнетом официальной коммунистической партии. Каждая из австрийских групп усела с избытком показать в течение этого года, что она готова отказаться от идей и принципов интернациональной оппозиции, но ни в каком случае не от собственных кружковых притязаний. Чем ничтожнее идейная основа этих групп, тем более отравленный характер имеет их внутренняя борьба. Они с упоением волочат знамя интернациональной оппозиции по грязи, требуя в то же время, чтоб интернациональная оппозиция прикрывала своим авторитетом эту их недостойную работу.

Об этом не может быть, разумеется, и речи. Допустить беспринципные группы в среду интернациональной оппозиции значило бы ввести отраву в собственный организм. Нам нужен будет на этот счет строгий отбор. Я надеюсь, что интернациональная оппозиция примет на своей конференции «21 условия» для допущения организаций в свои ряды, и что эти условия будут достаточно суровы.

В противоположность австрийской, китайская оппозиция возникла не на почве мелких закулисных прощек, а на почве опыта грандиозной революции, загубленной оппортунистическим руководством. Великая историческая миссия налагает на китайскую оппозицию исключительные обязательства. Мы все здесь надеемся, что китайская оппозиция очистится от духа кружковщины и поднимется во весь рост, чтоб оказаться на уровне стоящих перед нею задач.

Ваш Л. Троцкий.

Принципо, 8-го января, 1931 г.

Ошибки правых элементов французской коммунистической Лиги в синдикальном вопросе

(НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

1. Если теоретическое знание политической экономии марксизма целиком опирается на понятие ценности, как ошестствленного труда, то революционная политика марксизма опирается на понятие партии, как пролетарского авангарда. Каковы бы ни были социальные истоки и политические причины оппортунистических ошибок и уклонов, идеологически они всегда сводятся к неправильному пониманию революционной партии, ее отношения к другим пролетарским организациям и к классу в целом.

2. Понятие партии, как пролетарского авангарда, предполагает полную и безусловную ее независимость от всяких других организаций. Те или другие соглашения (блоки, коалиции, компромиссы) с другими организациями, неизбежные в ходе классовой борьбы, допустимы лишь при том условии, если партия всегда обращена к классу своим собственным лицом, выступает под собственным знаменем, от собственного имени и открыто объясняет массам, для каких целей и в каких пределах ею заключено данное соглашение.

3. В основе всех шатаний и ошибок руководства Коминтерна мы находим ложное понимание сущности партии и ее задач. Сталинская теория «двухчастной партии» противоречит азбуке марксизма. То обстоятельство, что официальный коминтерн терпел эту теорию в течение ряда лет и не осудил ее с необходимой решительностью до настоящего дня, является самым безошибочным признаком порочности всей официальной доктрины Коминтерна.

4. Основным преступлением центристской бюрократии в СССР является ложное отношение к партии. Сталинская фракция стремится административно включить в состав партии весь рабочий класс. Партия перестает быть авангардом, т. е. добровольным отбором наиболее передовых, сознательных, самоотверженных и активных рабочих. Партия сливается с классом, как он есть, и теряет силу сопротивления по отношению к бюрократическому аппарату. С другой стороны, бюрократизация и другие прихоти центристской бюрократии оправдывают сталинский партийный режим филистерской ссылкой на «некультурность» русского пролетариата, отождествляя таким путем партию и класс, т. е. теоретически ликвидируя партию, как Сталин ликвидирует ее практически.

5. Основой гибельной политики Коминтерна в Китае явился отказ от самостоятельности партии. Практические соглашения с Гоминданом были в известный период неизбежны. Вхождение компартии в Гоминдан было роковой ошибкой. Развитие этой ошибки превратилось в одно из величайших преступлений в истории Китайской компартии: была создана только для того, чтоб свой авторитет переуступить Гоминдану. Из авангарда пролетариата она превратилась в хвост буржуазии.

6. Гибельный опыт англо-русского комитета целиком основан на поправке независимости британской коммунистической партии. Для того, чтобы советские профсоюзы могли сохранить блок со штрейкбрехерами Генерального Совета (якобы в государственных интересах Советского Союза!), нужно было лишить британскую компартию всякой самостоятельности. Это было достигнуто путем фактического растворения партии в так называемом «движении меньшинства», т. е. левой оппозиции внутри труд-юнионов.

7. Опыт англо-русского комитета был, к сожалению, меньше всего понят и усвоен даже в группах левой оппозиции. Требование разрыва с штрейкбрехерами кой-кому даже в наших рядах казалось . . . сектанством. В частности грехопадение Мопата, приведшего его в объятия Дюмулена, ярче всего определилось на вопросе об англо-русском комитете. Между тем вопрос этот имеет гигантское значение: без ясного понимания, того, что произошло в Англии в 1925-27 г. г., ни коммунизм в целом, ни левая оппозиция, в частности, не выберутся на большую дорогу.

8. Сталин, Бухарин, Зиновьев — в этом вопросе они все оказались солидарны, по крайней мере, в первый период — сделали попытку заменить слабую британскую коммунистическую партию более «широким течением», которое называлось, правда, не членами партии, но «друзьями», почти коммунистами и во всяком случае хорошими людьми и добрыми знакомыми. Хорошие люди, солидные «вожди», не хотели, разумеется, подчиниться руководству маленькой и слабой компартии. Это было их полным правом: партии никакой не может заставить подчиняться ей. Соглашения между коммунистами и «леммами» (Перселл, Хикс, Кук), на почве отдельных задач труд-юнионного движения были, разумеется, вполне воз-

можны и в известных случаях неизбежны. Но при одном условии: компартия должна была сохранить свою полную самостоятельность также и внутри трэд-юнионов, выступать от собственного имени по всем принципиальным вопросам, критиковать, когда находит нужным, своих «слезых» союзников и завосвывать, таким образом, шаг за шагом доверие масс.

Этот единственно возможный путь показался, однако, бюрократам Коминтерна слишком долгим и ненадежным. Они считали, что посредством личного воздействия на Перселя, Хикса, Кука и др. (закулисные разговоры, переписка, банкеты, дружеские похлопывания друг друга по плечу, нежные увещания) они постепенно и незаметно втянут левую оппозицию («ширзкое течение») в руло Коминтерна. Чтоб вернуть обещанную такую успех, надо было не огорчать, не раздражать, не беспокоить дорогих друзей (Перселя, Хикса и Кука) мелкими прищирками, неуместной критикой, сектантской непримиримостью и пр. А так как одна из задач компартии как раз и состоит в том, чтоб беспокоить и тревожить всяких левых центристов и полуцентристов, то пришлось пойти на радикальную меру, подчинив фактически компартию «движению меньшинства». На поле трэд-юнионизма выступали только вожди этого последнего. Британская компартия практически не существовала для масс.

9. Чего требовала в этом вопросе левая русская оппозиция? Прежде всего восстановления полной независимости британской компартии пред лицом трэд-юнионов. Только под действием самостоятельных лозунгов партии и ее открытой критики, — доказывали мы, — движение меньшинства могло бы оформиться; уточнить свои задачи, сменить своих вождей, крепнуть внутри трэд-юнионов, укрепляя в то же время позицию коммунизма.

Что отвечали на нашу критику Сталин, Бухарин, Лозовский и К-о? «Вы хотите толкнуть британскую компартию на путь сектанства. Вы хотите оттолкнуть во враждебный лагерь Перселя, Хикса, Кука. Вы хотите порвать с движением меньшинства».

Что возражала левая оппозиция? «Если Персель и Хикс порвут с нами не потому, что мы требуем от них презартироваться немедленно в коммунистов, — этого никто не требует! — а потому, что мы сами хотим оставаться коммунистами, значит Персель и К-о являются не друзьями, а замаскированными врагами. Чем скорее они обнаружат свою природу, тем лучше для масс. Мы ни в каком случае не хотим рвать с движением меньшинства. Наоборот, мы должны проявить по отношению к этому движению величайшее внимание. Самый маленький шаг вперед вместе с массой или с частью массы дороже дюжины абстрактных кружков, ин-

теллигентских программ. Но внимание к массе не имеет ничего общего с капитуляцией перед ее временными вождями и полувождями. Масса нуждается в правильной ориентировке, в правильных лозунгах. А это исключает теоретическое примиренчество и покровительство лутаникам, эксплуатирующим отсталость масс».

10. Какими были результаты британского опыта сталинцев? Движение меньшинства, охватывавшее до миллиона рабочих, казалось очень многообещающим. Но в нем была внутренняя червоточина. В качестве руководителей движения массы знали только Перселя, Хикса, Кука, за которых к тому же ручалась Москва. Эти «слезых» друзья, при серьезном испытании, позорно предали пролетариат. Революционные рабочие растерялись, пали в уныние, и естественно распространили свое разочарование также и на компартию, которая была только пассивной частью всей механики предательства и измены. Движение меньшинства сошло на кет; компартия вернулась в состояние ничтожной секты. Таким образом, благодаря в корне ложной постановке вопроса о партии, величайшее движение английско-пролетариата, приведшее ко всеобщей стачке, не только не потрясло аппарат реакционной бюрократии, но, наоборот, укрепило его и натолгло скомпрометировало коммунизм в Великобритании.

11. Одним из психологических источников оппортунизма является поверхностное нетерпение, недверие к постепенному росту влияния партии, стремление овладеть массой при помощи организационного маневра или персональной дипломатии. Отсюда возникает политика закулисных комбинаций, умалчиваний, затушевываний, отказа от себя, приспособления к чужим идеям и лозунгам, и наконец полный переход на позиции оппортунизма. Подчинение компартии Гоминдану в Китае, создание рабоче-крестьянских партий в Индии, подчинение британской компартии движению меньшинства и пр. и пр. — во всех этих явлениях мы видим один и тот же метод бюрократического комбинаторства, которое начинает с поверхностного революционного нетерпения, а кончает оппортунистической изменой. 1)

1) Руководящие американские товарищи сообщают, что в составе американской Лиги некоторые, правда, единичные (и буквально в смысле слова) товарищи договариваются до блока с левостонистами во имя... массового действия. Трудно придумать более глупую, смешотворную и бесплодную затею. Знакома ли эти люди хоть сколько-нибудь с историей большевистской партии? Читали ли они работы Ленина? Знакома ли им история революционного движения прошла для них бесследно? Поддающееся большинство членов американской Лиги не имеет, к счастью, с такими идеями ничего общего.

Именно поэтому мы в течение последних лет неоднократно настаивали на огромном воспитательном значении приведенных выше примеров стратегии Коминтерна. Их надо изучать и каждый раз заново продумывать на свежем опыте, чтоб не только осуждать исторические ошибки и преступления задним числом, но научиться узнавать, подобные же ошибки в новой обстановке, когда они только зарождаются, и когда дело можно, следовательно, еще поправить.

**

12. Надо сказать прямо: ошибки некоторых французских оппозиционеров, членов Лиги, в синдикальном вопросе обнаруживают поразительные черты сходства с печальным британским опытом. Только масштаб ошибок во фракции пока что гораздо меньше и развешиваются они не на основе движения масс. Это позволяет некоторым товарищам не замечать этих ошибок или преуменьшать их принципиальное значение. Между тем, если бы Лига позволила и впредь вести синдикальную работу теми методами, какие выработало большинство старого Правления, идеи и знамя левой оппозиции оказались бы во Франции скомпрометированы надолго. Было бы преступлением закрывать на это глаза. Раз не удалось исправить эти ошибки в их самой первоначальной стадии, путем негласных советов и предупреждений, остается открыто назвать эти ошибки и их авторов, чтобы выработать политику коллективными усилиями.

13. С апреля 1930 г. Лига фактически отказалась от самостоятельной работы в синдикатах в пользу Унитарной Оппозиции, которая, в свою очередь, стремится иметь свою особую платформу, свое руководство, свою политику. В этих пределах мы имеем явную аналогию с опытом движения меньшинства в Англии. Надо, однако, сказать, что во французской обстановке есть некоторые черты, которые с самого начала делают этот опыт еще более опасным. В Англии движение меньшинства в целом было левее официального руководства тред-юнионов. Можно ли это сказать об Унитарной Оппозиции? Нет. В составе последней имеются элементы, явно тяготеющие к правой оппозиции, т. е. реформизму. Их удельный вес нам не ясен.

Главной силой Унитарной Оппозиции является Союз просвещенцев. Во Франции учителя всегда играли серьезную роль в социализме и синдикализме и в коммунизме. Среди просвещенцев мы несомненно найдем много друзей. Но все же федерации в целом не есть пролетарский союз. В силу своего социального состава Союз просвещенцев может давать очень хороших агитаторов, журналистов, отдельных революционеров, но не может стать базой синди-

кального движения. Все его документы свидетельствуют о недостаточной ясности политической мысли. Марсельский конгресс Федерации показал, что просвещенцы колеблются в треугольнике между официальным курсом, левой оппозицией и правой. Мы оказали бы худшую услугу как просвещенцам, так и пролетарскому движению в целом, если бы прикрывали их ошибки, колебания и туманности. К сожалению такова была до последних дней политика редакции «Веритэ» — политика замалчивания, — и это было не случайно.

14. — Не хотите ли вы рвать с У. О.? — Кто ставит вопрос так, тот тем самым говорит, что коммунисты, как коммунисты, не могут участвовать в У. О. Но если бы дело обстояло так, это означало бы попросту, что У. О. является организацией замаскированных врагов коммунизма. К счастью, это не так. Унитарная Оппозиция в целом не является ни коммунистической, ни антикоммунистической организацией, ибо она разнородна. Мы обязаны считаться с этой разнородностью в своих практических шагах. Мы можем и должны проявлять величайшее внимание к отдельным группам и даже лицам, которые развиваются в сторону марксизма. Но все это при одном условии: если пред лицом рабочих в синдикатах мы выступаем от имени Коммунистической Лиги, не допуская никакой цензуры над нашими выступлениями, кроме контроля самой Лиги (или партии в целом, после восстановления единства коммунистических рядов).

15. В рядах У. О. имеются несомненно элементы, которые, не входя в состав Лиги, больше всего сочувствуют левой оппозиции: их надо собирать под нашим знаменем. Есть элементы неопределенные, промежуточные, которые из всех сил стремятся остаться в этом положении, превратив его в «платформу». С этими элементами у нас могут быть тактические соглашения на определенной основе, при полной свободе взаимной критики. Наконец, в составе У. О. имеются несомненно и чуждые элементы, которые забрели туда случайно или приспикли в качестве вербовщиков реформизма. Они пользуются сумерками, чтоб внести разложение. Чем скорее они будут разоблачены и вытеснены, тем лучше для дела.

16. Но ведь мы же стоим за сотрудничество в синдикатах с рабочими без различия политических и философских взглядов? Совершенно правильно. Но У. О. есть не синдикальная организация, а политическая фракция, имеющая своей задачей воздействие на синдикальное движение. Предоставим Монату и его друзьям, понизам, выступать под маской. Революционеры выступают перед рабочими открыто. В рамках У. О. мы можем о бок с ними, и

том же направлении, что и мы, хотя бы и не до конца нашего пути.

17. Некоторые товарищи особенно настаивают на том, что коммунисты должны бороться за свое влияние на синдикаты идейными, а не механическими средствами. Эта, казалось бы, бесспорная мысль часто превращается в пустое общее место. Центристская бюрократия тоже нередко заявляет, и вполне искренно, что ее задачей является идейное воздействие, а не механическое давление. Весь вопрос сводится в последнем счете к политической и экономической ориентировке, к лозунгам и к программе действия. Если ориентировка правильная, если лозунги отвечают потребностям движения, то массы в синдикатах не испытывают никакого «принуждения». Наоборот, если ориентировка ложна, если политика революционного подъема провозглашается в момент политического упадка и наоборот, то масса неизбежно воспринимает такое руководство, как механическое давление над собой. Вопрос сводится, следовательно, к тому, достаточно ли серьезны и глубоки теоретические предпосылки левой оппозиции, достаточно ли воспитаны ее кадры, чтобы правильно оценивать обстановку и выдвигать соответственные лозунги. Все это еще подлежит проверке на деле. Но тем не менее для нас замалчивать или преуменьшать грехи и ошибки наших временных союзников, как и наши собственные.

18. Отдельные члены Лиги, как это ни невероятно, протестуют против чьего-то намерения подчинить Унитарную Оппозицию Лиге. Незаметно для себя они сбиваются на ту жалкую аргументацию, которую Монат пускает против коммунизма в целом. Практически дело сводится к тому, что отдельные товарищи, работающие в синдикатах, хотят для себя самих полной независимости от Лиги, считая, что они своими личными маневрами, увещаниями и дипломатией достигнут таких результатов, которых Лига не способна достигнуть коллективной работой. Другие товарищи, желающие для себя такой же самой независимости в печати, идут навстречу таким тенденциям. Спрашивается: зачем же эти товарищи вступили в Лигу, если они не верят ей?

19. Как в действительности обстоит дело с «подчинением» Унитарной Оппозиции? Самый этот вопрос фальшив. Лиге подчинены только ее члены. Поскольку в У. О. большинство членов Лиги, постольку речь может идти об убеждении, о соглашении, о компромиссе, а вовсе не о подчинении.

На самом деле противники мнимого подчинения У. О. Лиге требуют действительного подчинения Лиги Унитарной Оппозиции. Именно таково было положение до сегодняшнего дня. В своей синдикальной, т. е. важнейшей работе

Лига подчинена Унитарной Оппозиции, в пользу которой она практически отказалась от всякой самостоятельности. Этой политики марксисты не могут и не должны терпеть ни одного дня.

20. Отдельные руководящие товарищи, до вчерашнего дня упорно проводившие политику капитуляции, сегодня заявляют, что они «совершенно согласны» с необходимостью преобразовать У. О. в блок. На самом деле они хотят спести дело к... переименованию. Чем торопливее они «соглашаются» с марксистской критикой, тем более они ведут на деле борьбу за то, чтоб все осталось по старому. Они хотят просто использовать фразеологию марксистской критики для прикрытия старой политики. Эти методы не новы. Но время не делает их более привлекательными. Революционная организация надолго, если не навсегда, отравила бы себя ядом двойственности и фальши, если бы позволила маскировать оппортунистическую политику революционной фразеологией. Будем твердо надеяться, что Лига этого не допустит.

Л. Троцкий.

Прикипо, 4 января 1931 г.

Монат — адвокат социал-патриотов

В статье, посвященной братанию Монатта с реформистами и с социал-патриотами, мы указали на то, что Монатт покрывает перед рабочими величайшие измены социал-патриотов и тем помогает им подготовить новые измены. Что отвечает на это Монатт? Троцкий — говорит он объединялся с Кашеном, игравшим во время войны позорную роль. Из скромности Монатт не упоминает, что, вступив временно в компартию, он сам работал бок-о-бок с Кашеном. Но дело совсем не в этом. Свое «братание» с Любуленом, Жеромским и др. Монатт ставит на одну доску с тем фактом, что Комитет принял в свои ряды Кашена и др. бывших социал-патриотов. Так может рассуждать только человек, попавший в безнадежное положение и вынужденный прибегать к уловкам неразборчивого адвоката.

Не мы пришли к Кашену, а Кашен пришел к нам. Чтоб получить возможность войны с Коминтерн, он должен был не только открыто осудить свое прошлое и прошлое французской социалистической партии, особенно во время войны, но и организационно порвать с реформистами и социал-патриотами. Он должен был подписать 21 условие, выработанное нами. Пусть Монатт перечитает этот документ: каждый из 21-го параграфов представляет наказание до вела железно, приложенное к язам

реформизма и патриотизма. Совершенно независимо от личных свойств и качеств Кашена — мы рассуждаем не с персональной, а с политической точки зрения, — переход бывших социал-патриотов на сторону Октябрьской революции и большевизма означал серьезнейший удар социал-патриотам. Мы себе не делали при этом никаких иллюзий с самого начала. Мы говорили: каждый из этих «новобранцев» будет дальше проверен в борьбе, на глазах передовых рабочих. Революционный отбор и коммунистическое перевоспитание создадут во Франции настоящую пролетарскую партию. Несмотря на все ошибки и преступления эмигрантов и независимо от личных качеств того или другого Кашена, наш расчет был безусловно прав. Он сохраняет свою силу и сегодня.

Как же обстоит дело с Монаттом? Он порвал с коммунизмом. Он отсекся от идеи революционной партии пролетариата, т. е. от пролетарской революции. После этого он перешел в лагерь Дюмуленов, Жеромских и пр., которые и не думают рвать с социалдемократией и национал-синдикализмом. Они остаются «левым» флангом враждебного лагеря, защищающего буржуазное государство и буржуазную собственность. Порвав с коммунизмом, Монатт объединился с этим «левым» флангом враждебного класса.

Вот как обстоит дело. Горе тому «революционеру», который вынужден маскировать свое собственное положение при помощи адвокатских уловок!

Андрей Нин

Выслан Сталиным и арестован Беренгером.

Имя т. А. Нин достаточно известно передовым рабочим всего мира. Нин один из первых стал под знамя коммунизма. И по линии Коминтерна, и, особенно, по линии Профинтерна Нин выполнял в течение ряда лет наиболее ответственную работу. Достаточно сказать, что во время отъезда Лозовского Нин замещал председателя Профинтерна; но и во время пребывания Лозовского в Москве Нин выполнял значительную долю центральной работы.

В то же время Нин не нес ответственности за политику Коминтерна и Профинтерна, ибо с 1923 года он стоял в рядах левой оппозиции.

Сталин не решился арестовать и сослать Андрея Нина, как иностранца, и притом, как очень известного иностранца. После долгого ряда придираков, притеснений, уловок и преследований, Нин, вместе с женой и двумя детьми, подвергся высылке в самых возмутительных условиях: достаточно сказать, что ему не позволили взять с собой свои рукописи; ряд законченных

и начатых работ перешел в архив ГПУ. Только книга «О диктатурах», секретно отправленная еще из Москвы, вышла недавно на каталанском языке в Барселоне и, в самые последние дни, на испанском языке в Мадриде.

Передовые рабочие Испании, особенно Каталонии, встретили тов. Нина с распростертыми объятиями. Едва успев устроиться с семьей, Нин приступил к выполнению целого ряда литературных планов. Но Беренгер судил иначе: через несколько недель после прибытия в Испанию Нин был арестован и находится сейчас в барселонской тюрьме. Генерал-губернатор Каталонии заявил в интервью корреспонденту французской газеты «Матэн»: «мы арестовали Андрея Нина, который является единомышленником Троцкого и приехал сюда вести революционную пропаганду». Таким образом генерал-губернатор совершенно точно указал, за что арестован Нин: за то самое, за что он выслан Сталиным из СССР. «Троцкизм — вот враг!» — говорят единодушно Сталин и Беренгер.

*

Тов. Нин сообщает нам о чрезвычайно тяжелом положении, в какое поставлен сталинской бюрократией т. Виктор — Серж, выдающийся революционер интернационального стажа и значения. Подлинная фамилия его — Кибальнич; он племянник знаменитого народовольщика. Под именем Виктора — Сержа, Кибальнич, бельгийский подданный, известен во французской литературе. Недавно им выпущен в Париже большой том (470 страниц) «Год первый русской революции», посвященный Октябрьскому перевороту и его ближайшим последствиям. Книга представляет собою во всех отношениях выдающуюся работу, на которой будут учиться передовые рабочие латинских стран.¹⁾

С 23-го года Виктор — Серж принадлежит к левой оппозиции. Как и Нин, он не знал колебаний и не скрывал своих взглядов, наоборот, он вел за них непримиримую борьбу. Трудно перечислить те отрицательные преследования, которым подвергался Виктор — Серж вместе со своей семьей: изобретательность Сталина в этой области неистощима. В настоящее время Виктор — Серж лишен работы, огня и воды. Под ударами непрерывных преследований жена его тяжело заболела. В то же время Виктор — Сержу не дают возможности выехать за границу.

Пора рассказать эти факты передовым рабочим всего мира! Пора забыть тревогу! Интернациональная левая оппозиция должна выполнить свой долг по отношению к одному из своих лучших членов.

¹⁾ Victor Serge «L'An I de la Révolution Russe», Librairie du Travail.

Н. В. Воровская

Умерла Нина Воровская, 23-х лет, сгорев в огне туберкулеза. Дочь В. В. Воровского, старого революционера-большевика, убитого в Швейцарии белым террористом, Нина унаследовала от отца самостоятельный и строптивый склад характера, общую талантливость натуры, проницательные стонки в глазах, — но — уши! — также и тяжкий недуг.

Уже то, что сказано о психологическом складе Нины, объясняет достаточно, как и почему она в совсем еще юном возрасте примкнула к оппозиции. Примкнув, она не знала уже ни сомнений ни колебаний. Ее комната в Москве была одним из очагов комсомольской и партийной оппозиции. Нина рвала с друзьями в тот час, когда они рвали с оппозицией. Из комсомола Воровская была исключена, о принятии в партию не могло быть и речи.

От отца — кажется, также и от матери — Нина унаследовала и артистические данные: она была оригинальной рисовальщицей. Болезнь, которая с самых юных лет периодически вторгалась в ее жизнь, тяжелыми периодами, мешала ей развернуть ее художественные данные.

В начале 1929 года Нина лечилась за границей. Несмотря на тяжелое состояние, писала ее рисунки ее все той же: налейо стойкой, наблюдательной и проницательной.

«Х сидит без работы, — сообщает она в письме от 21.II.29, но по прежнему тверд... Последнее письмо, которое имела о В. сообщает, что си, вместе с 50 товарищами заключен в Тобольский политизолятор... Проезжавший из Ленинграда товарищ рассказывает утешительные вещи об общем настроении: по его словам, рост у нас очень большой, вместо одного забранного появляются двое новых».

За границей она подверглась тяжелой операции (торакопластика). Прежде, чем Нина успела оправиться, ее срочно вызвали в Москву, через Подпредство. Полуофициально ей объясняли внезапный визит валютными соображениями. В действительности же власти установили, несомненно, связи Нины с нами и с иностранными оппозиционерами и решили сразу оборвать ее пребывание за границей.

«Нина В. — писали нам друзья из Берлина — уехала в понедельник, 22-го, в Москву. Мне было ужасно больно, что она уезжает, и очень боюсь, что она там опять заболест. Она непременно должна была еще поправиться».

В Москве Нина уже скоро начала угасать. Но и последние письма ее, написанные в те промежутки, когда болезнь давала ей маленькую передышку, несут на себе всю ту же пе-

чать идейной независимости, стойкости и проницательной проницательности.

Она с возмущением писала о капитуляциях и капитулянтах, не шала близких ей людей.

Судьба не дала Нине развернуть свою личность. Но все, кто знал ее, сохраняют в своей памяти этот прекрасный и трагический образ.

О разном и все о том же

Сталин — «человек науки»

и «классик марксизма»

В своей знаменитой и злополучной «беседе» с Каменевым, Бухариным жаловался, как на нечто неслыханное на тот факт, что «его (Сталина) съедает жажда стать признанным теоретиком. Он считает, что ему только этого не хватает». С 1928 г. эта «жажда» генсака стала предметом неуспешных забот целой плеяды, с позволения сказать, писателей и ораторов. Для утоления ненасытной открыл свой фонтан и академик Луначарский. В одном из своих выступлений в Ленинграде (посвященном, кстати сказать, сексуальной любви в разрезе пятiletки, или чему-то в этом роде), нарком-неудачник пустил крылатую фразу: «Все люди науки (!) от Маркса до Сталина (??)». Слушатели хоть и не ахнули — привыкли за последние годы к «самодисциплине» — но по залу, как говорится в таких случаях — «прошло недоумение». Кто-то посмелее спросил полу-шепотом: «за не ослабел ли я?» Говорят, нашелся добродетельный сосед, давший вопрошающему необходимые разъяснения про эту самую жажду. Так или иначе, но фраза маститого академика облетела весь Союз, и это несмотря на то, что речи Луначарского — по давно заведенному обычаю, а не из-за кризиса бумаги — нигде не печатаются. Только результаты получились совсем неожиданные: фраза послужила канвой популярного анекдота...

По части забот об утолении ненасытной жажды генсака — и, поставки, в качестве побочного продукта анекдотов для обывателя — у Луначарского не мало конкурентов. Некто упомянул о Сталине и печати, как о «не исполненном (!) оцененном философе». Так и сказано: фило-со-фел! Другие публично спрашивают годовщину «теоретической» речи Сталина на съезде аграрников-марксистов. Но ближе всех к финишу, пока что, Ю. Милонов, директор Исторического музея. В своих тезисах к музейному съезду он упоминает о «классиках марксизма Марксе, Энгельсе, Ленине и Сталине».

Как тут не вспомнить послоним: «заставь перегибника Сталина молиться, он и лоб расшибет».

«ЕДИНЫЙ, МОЩНЫЙ КУЛАК» КОССНОРА

Что есть идейное, политическое и вообще «генеральное» руководство? Коссиор («Правда» 30/X 11) дает образец очень решительного подхода к делу. Он прямо берет быка за рога. «Нам, — говорит он, — нужен единый (?) мощный кулак (!) советского и партийного руководства». Кулак дело хорошее и необходимое. Но вот насчет головы следовало бы все-таки упомянуть...

Обратную сторону той-же газетной-простыни (речи Коссиора) заполняет Киров. Нам нужно, говорит он: «безопасно искоренить изгибы (?) двурушничества». «Изгибы двурушничества» — куда ни шло. Но как можно искоренить изгибы? — одному Кирову известно... Во всяком случае мы знаем теперь, как надо проводить генеральную линию: единым, мощным кулаком — искоренять изгибы. Не даром же и Коссиор и Киров входят в Политбюро ЦК ВКП...

Пальто Кагановича, как «огромный фактор в перевоспитании отсталых рабочих».

Все факты говорят о том, что несмотря на успехи, в СССР все больше усиливается неравенство. Неравенство не только между бюрократией и рабочим классом, но и внутри бюрократии и рабочего класса. Возьмем, например, ударничество. На заводе, рядом работают два рабочих, одинаковой профессии, одинаковой квалификации и разряда, но один из них — ударник, другой — «просто» рабочий. Ударник не только получает в первую голову материалы в производстве, но и паек, притом более жирный паек. На некоторых предприятиях дошла до таких безобразий, как организация двух столовых: получше — для ударников, похуже — для «простых» рабочих. Под эту политику, совершенно враждебную, по существу своему, социализму, — насаждения неравенства, создавания слоя привилегированных рабочих, и пр. — идеологическую базу подводит Каганович в своем выступлении на московском активе («Правд.» 31/X 11).

«На одном заводе — рассказывает секретарь ЦК ВКП — ко мне подошел один рабочий-неударник и говорит: «Почему ударнику дали пальто, а мне, неударнику, не дают?». А ты (?) пойдешь в ударную бригаду, и тебе (?) дадут (отвечает ему Каганович)... Вы видите, как отсталый рабочий, который не интересуется ударным движением, должен был придумать над тем, что такое ударное движение, и как он может приблизиться к нему. Это, безусловно, огромный фактор в понижении производительности и в перевоспитании отсталых рабочих»...

Что пальто является «огромным фактором» особенно важно, в этом сомнений быть не может, но что назначение его не предохранять его брешное тело от стужи, а виднели «перевоспитывать» отсталых рабочих в этом можно усомниться. И куда только не заводит бюрократическое мышление!

Но попробуем рассмотреть «проблему» пальто с экономической стороны. На чем основана вся система премий, в том числе и пальто? Очень просто: на том, что пальто для всех не хватает. Ударнику его приходится давать не только потому, что он ударник, но и потому, что всем дать нельзя — нету. Каганович соблазняет рабочего-неударника приобретением нового пальто, переводя таким образом ударничество с почвы социалистической сознательности на почву индивидуальной заинтересованности. Но если подавляющее большинство рабочих, зная пальто и прочее, пойдет в ударники (недаром газеты сообщают, что «больше половины рабочего класса» являются уже ударниками) то пальто ведь для всех не хватит. Не придется ли создавать «сверх-ударников»? В этом стиле Кагановичи, Коссиоры, Кировы и jiné с ними разрешают все проблемы.

Ярославскому просто-таки фатально, не везет. Кулак ни станет почва под ним проваливается. Хочется ему, например, сообщить читателям «Правды», что Троцкий грешит рыбной ловлей. Так и тут не повезет. Троцкий, — говорит Ярославский «занимается рыбной ловлей в Босфоре». Оно, конечно, не суть важно, занимается ли и где, но раз в 1.300.000 экземпляров сообщается, почему бы не заглянуть в географию? Ну, мы понимаем и перманентной революции напутать или панегирик Троцкому не во время написать, не предугадать хода событий, — здесь материя тонкая. А рыбная ловля? Ведь тут и школьник разъяснит: Босфор — Босфором, а Принцевы острова сами по себе, лежат они, кстати, кстати, не на Босфоре и не у Босфора, а высятся над морем, которое до сих пор называлось Мраморным. Что подслащивать? Не может и тут не напутать человек. Привычка — вторая натура!

«Решения троцкизма проявились вновь и вновь. Из передовой «Правды» от 1/1.

«Искоренение авантюристического, мнимого «левого», а по существу правого троцкизма является необходимым условием борьбы против главной, право-оппортунистической опасности» («Правд.» 1/1).

«Крайком (нижегородский) считает, что обстановка (!)... требует усиления борьбы с конкретными (!) остатками и рещидями троцкистских настроений» («Правд.» 4/1).

«В связи с имеющимися рещидями нужна не менее беспощадная борьба и с «левыми загибниками, полутроцкистами» (Из передовой «Правды» от 15/1).

Комментариев никаких не требуется!»

Н. М.

ИЗ АРХИВА ОППОЗИЦИИ

Письмо Л. Д. Троцкого Н. И. Муралову.

Алма-Ата. 11-ое сентября 1928 г.

Дорогой Николай Иванович!

Вы меня спрашиваете о г. Максе Истмене, которого, в качестве пугала, время от времени выдвигает наша печать, изображая его чуть ли не наемником буржуазии, продающим ей государственные секреты СССР. Это бесстыдная ложь. Т. Макс Истмен революционный американец, типа Джона Рида, один из верных друзей Октябрьской революции. Поэт, писатель, журналист, он прибыл в Советскую Республику в первые трудные годы ее существования, изучил здесь русскому языку, вошел близко в нашу внутреннюю жизнь, чтобы увереннее и лучше защищать Советскую Республику перед народными массами Америки.

Макс Истмен стал в 1923 г. на сторону оппозиции и открыто защищал ее от политических обвинений и особенно от инсинуаций и клевет. Я не буду здесь говорить о тех теоретических разногласиях, которые отделяют г. Истмена от марксистов. Но Истмен совершенно безупречный революционер, доказавший всем своим поведением свою идейность и свое политическое бескорыстие. Он стоит в этом отношении несколькими головами выше многих из тех чиншников, которые его трапят. Истмен считал, что оппозиция ведет недостаточно энергичную борьбу и поднял заграничной кампанию за собственный страх и риск.

Не имея доступа в официальную коммунистическую печать и желая во что бы то ни стало опубликовать во всеобщее сведение Завещание Ленина, Истмен передал его американской буржуазной газете. Кажется, из нас не раз приходилось пользоваться и раньше, и в эпоху советской власти, иностранными буржуазными газетами для того, чтобы пустить ту или другую информацию в широкие круги, недоступные нам другими путями. Ле-

нин не раз давал такую информацию, в форме интервью, иностранным журналистам. К этому надо прибавить, что американские рабочие, за совершенно незначительным исключением, читают только буржуазную печать.

«Завещание» Ленина не является государственной или партийной тайной. Опубликование его не есть преступление. Наоборот, преступлением является сокрытие его от партии и рабочего класса. Сейчас сотнями печатаются мелкие и случайные заметки Ленина, писавшие им заведомо только для себя самого (напр., на полях книги), если эти заметки можно хоть косвенно использовать против оппозиции. Но скрываются многие сотни статей, речей, писем, телеграмм и заметок Ленина, поскольку они прямо или косвенно направлены против нынешних руководителей или замышленную оппозицию. Более грубого и нелепального обращения с идейным наследством Ленина, нельзя себе представить. Если бы «Завещание» было своевременно опубликовано в партийной печати, его свободно могла бы перепечатать каждая буржуазная газета. А так как сталинская цензура наложила на «Завещание» Ленина, как и на сотни других его произведений, запрет, то Истмен обратился к буржуазной печати. В таком использовании Истменом газеты с информационными целями не было ровню ничего предоступительного. Даже на страницах буржуазной газеты «Завещание» Ленина остается завещанием Ленина.

— Но, говорят клеветники, Истмен «продал» это завещание. Да, буржуазная газета заплатила за доставленный ей материал гонорар. Но разве Истмен присвоил этот гонорар себе, использовал его в личных целях? Нет. Он отдал его целиком на дело французской оппозиции, на опубликование того же ленинского завещания и др. документов, позорно скрываемых от партии и пролетариата. Налагает ли этот поступок какую-либо тень на репутацию Истмена? Ни малейшей. Наоборот, все поведение Истмена свидетельствует, что им руководили исключительно идейные мотивы.

В то время, как оппозиция еще рассчитывала поправить партийную линию чисто внутренним путем, не внося разногласия наружу, мы все и я в том числе были против шагов, предпринятых Максом Истменом в защиту оппозиции. Осенью 1925 года большинство Политбюро навязало мне заявление, им самим сформулированное, с резким осуждением Макса Истмена. Поскольку вся руководящая группа оппозиции считала и то время целесообразным поднимать открытую политическую борьбу и шла на ряд уступок, она естественно не могла поднимать и разворачивать борьбу из-за частного вопроса об Истмене, выступив-

шем, как сказано, за собственный страх и риск. Вот почему, по решению руководящей группы оппозиции, я подписал заявление о Максe Истмене, навязанное мне большинством Политбюро, под угрозой ультиматума: либо подписать заявление, как оно есть, либо вступить по этому поводу в открытую борьбу.

Входить здесь в обсуждение вопроса о том, правильна ли была общая политика оппозиции в 1925 г. нет оснований. Я и сейчас считаю, что других путей в тот период не было. Во всяком случае мое тогдашнее заявление об Истмене может быть понято только, как составная часть тогдашней нашей линии на соглашение и на умиротворение. Так оно и было понято всеми, сколько-нибудь осведомленными и мыслящими членами партии. Никакой тени, ни личной, ни политической, — это заявление на т. Истмена не бросало.

По сколько до меня доходит за последний год слухи об Истмене, он и сейчас остается тем же, что был: другом Октябрьской революции и сторонником взглядов оппозиции.

С большевистским приветом

Л. Троцкий.

Представители „Бюллетеня Оппозиции“

BERLIN:
Grylewicz, 23 Brusendorferstrasse.
Berlin - Neuköln. Tel. Fo Hermann-
platz 0388. Postscheck 17.136.

NEW-YORK:
«The Militant», 84 East 10th Street
New-York, N. Y. U. S. A.

БЮЛЛЕТЕНЬ ПРОДАЕТСЯ:
WIEN:
Perski, Mechitaristengasse, 1.

LONDON:
Librairie Vachon, 15, Little New-
port street W. C. 2.

BRUXELLES:
Kiosque gare du Nord.

OSLO (Norvège):
Narvesens Kioskkompani stor
Ting's gatten (Vedhiosjen).

CONSTANTINOPLE:
Pakhalov, 388 Grande rue de Pera
— Istanbul — Turquie.

Почтовый ящик

1. Г. Ян-у. — Получили. Спасибо.
2. Анду. — В принципе согласен. Необходимо уловить о всех деталях.
3. Товарищу, описавшему свое свидание с В. и С. в «обетановке до крайности неудобной», сообщившему — со слов С. — о требованиях более «решительных действий», поднявшему вопрос об «сохране» и друг. Вы обещали писать, между тем от нас больше ничего не получили. Очень беспокоимся. Если есть возможность — обязательно свяжитесь с нами; мы на нас очень рассчитывали.
4. Приходившему с «важным письмом» для передачи «только лично» и не передавшему его доверенному лицу. — Если у вас действительно есть что-нибудь серьезное, вы обязаны найти способы для передачи. Лицо, которому матери- алы адресованы, со своей стороны, заранее гарантирует все, что потребуется вам.
5. Процесс Сталина — Крестинского — Шумана против Троцкого (по делу о книге «Ленин и Эпигоны») уже заслушан в высшей инстанции; приговор должен был быть оглашен 29 января.

Помогайте бюллетеню!

Со страниц прошлых номеров «Бюллетеня» мы обращались ко всем нашим друзьям с призывом удвоить и удесятить усилия по обслуживанию «Бюллетеня». Некоторые успехи достигнуты. Но они еще очень слабы в сравнении с затруднениями, на которые наталкивается наша работа. По последним сведениям Сталин принял самые меры против проникновения «Бюллетеня» в СССР. Это обстоятельство требует еще большей жертвенности от наших товарищей. Сушествование «Бюллетеня» необходимо делу Октябрьской революции. Без широкой помощи «Бюллетень» существовать не может. Мы снова обращаемся за содействием.

Нам нужна денежная помощь.
Нам нужно содействие проникно-
вению «Бюллетеня» в СССР.

В Издательстве «ГРАНИТ»
в Берлине

В АПРЕЛЕ 1931 г. ВЫХОДИТ КНИГА
(на русском языке)

Л. Д. Троцкий
История Русской Революции

Том I-й
Февральская Революция

8767

Краткое содержание предыдущих номеров „Бюллетеня Оппозиции“ (Большевиков-Ленинцев)

№ 1-2 (июль 1929 г.).

От издательства. — I. БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ (Оппозиция) в СССР. Вокруг высылки тов. Троцкого. — X. В чем непосредственная цель высылки тов. Троцкого? — Как Политбюро разрешило вопрос о высылке тов. Троцкого в Турцию. — Письмо Л. Д. Троцкого рабочим СССР. — Л. Троцкий. Демократический урок, которого я не получил (История одной визы). — Против капитулянтства. — Из письма Л. Д. Троцкого к русскому товарищу. Л. Троцкий. Радек и оппозиция. — Л. Т. По поводу тезисов тов. Радека. — Л. Троцкий. Выдержка, выдержка, выдержка! — Письма из СССР.

№ 3-4 (сентябрь 1929 г.).

Л. Троцкий. Советско-китайский конфликт и задачи оппозиции. — I. БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ (Оппозиция) в СССР. Против капитулянтства. — Л. Троцкий. Жалкий документ. — Редакция. К психологии капитулянтства. — Письма из СССР. X. Г. Раковский. Тезисы к 16-ой партконференции. — Большевизм в ссылке. — Л. Сосновский. Четыре письма из ссылки.

№ 5 (октябрь 1929 г.) — специальный.

Л. Троцкий. Защита советской республики и оппозиция. (Каков путь Ленинграда. Ультра-левизна и марксизм).

№ 6 (октябрь 1929 г.).

Что дальше? Левая оппозиция в ВКП. — Заявления т.т. Раковского, Коссиора и Окуджавы в ЦК и ЦКК. — Л. Троцкий. Открытое письмо большевикам-ленинцам (оппозиционерам), подписанным Заявлениями. — X. Раковский, В. Коссиор и М. Окуджавы. Цель Заявления оппозиции. — Л. Троцкий. Разоужение и Соединенные Штаты Европы. — X. Раковский. О причинах перерождения партии и государственного аппарата (письмо). — Ф. Дингельштедт. Отновель капитулянт.

№ 7 (ноябрь-декабрь 1929 г.).

Л. Троцкий. К 12-й годовщине Октября. — X. Г. Раковский. О капитулянтстве и капитулянтах. — X. Г. Раковский. Политика рукопожатия и партийный режим. — Л. Т. О социализме в отсталой стране и — об идеальной прострации. — Н. М. К истории капитулянтского движения. — Письма из СССР. — Л. Троцкий. Коммунизм и синдикализм.

№ 8 (январь 1930 г.) — специальный.

Л. Троцкий. «Третий период» ошибка Коминтерна.

№ 9 (февраль-март 1930 г.).

Л. Троцкий. Новый хозяйственный курс в СССР. — Я. П. Блюмкина расстрелян Сталиным. — Как и за что Сталин расстрелял Блюмкину? — Альфа. Уроки капитулянтства.

№ 10 (апрель 1930 г.).

Л. Троцкий. Положение партии и задачи левой оппозиции. — Да или нет? — Н. Марини. Растворение партии в классе. — Л. Троцкий. Пятилетка и мировая безработица. — «Не политика, а качка». Ссылка о новом курсе. — Из переписки оппозиции. — Письма из СССР.

№ 11 (май 1930 г.).

Крупный шаг вперед. — Л. Троцкий. К капитализму или к социализму. — Еще о товарище Блюмкине. — Л. Троцкий. Скрип в аппарате. — Я. Грэф. Коллективизация деревни и относительное перенаселение. — И. Е. Коллективизация в Центральной Азии. — Н. Казенная фальшь и действительность. — Котэ Цицвадзе. Письмо к М. Окуджаве. — Письма из СССР.

№ 12-13 (июнь-июль 1930 г.).

К 16-му Съезду ВКП(б). — Революция в Китае, ее задачи и опасности. — Ф. Дингельштедт. Попытка краткого политического обзора за период от 15-го до 16-го съездов. — Альфа. Заметки журналиста. — Письма из СССР. — Л. Троцкий. Две концепции. — Н. Марини. «Сталин и Красная Армия» или как пишется история.

№ 14 (август 1930 г.).

Кто кого? — Н. М. О «новом» в партии. — К политической биографии Сталина. — Альфа. Заметки журналиста. — А. Т. Коллективизация в натуре. Положение на селе после «сплошной» (письмо из деревни). — Н. Марини. Безусловное усиление репрессий против большевиков-ленинцев — главный элемент подготовки 16-го партсъезда.

№ 15-16 (сентябрь-октябрь)

К коммунистам Китая и всего мира. Л. Троцкий. — Сталин и китайская революция. Чен-Лу-Сю — письмо. Альфа — Заметки журналиста. Л. Троцкий. — Мирочия безработица и пятилетка.

№ 17-18 (ноябрь-декабрь)

Л. Троцкий. Ученые социализма и опасности синдикализма. Декларация Раковского и др. Чему учит процесс предателей. Л. Троцкий. — Поворот Коминтерна и положение в Германии.

Le Gérant: Мисник.

Imprimerie de la Société Nouvelle d'Éditions Franco-Slaves, 32, rue de Ménilmontant (20).

8768

Специальный номер

ЦЕНА 3 ФРАНКА

Octobre — 1929 — Октябрь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

Bulletin de l'Opposition (Bolchevicks — leninistes)

№ 5

Писать по адресу: Meicheler, 6, Rue de Milan, Paris

№ 5

СОДЕРЖАНИЕ

Л. ТРОЦКИЙ. ЗАЩИТА СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ОППОЗИЦИЯ. Каким путем Ленинбунда? Ультра-левизна и марксизм. Группировки в левой оппозиции. Формализм вместо марксизма. Революционная помощь или империалистическая интервенция? Почему большевизма и пацифизма. Почему Лузон не решается идти до конца? Допустимы ли социалистические кабинеты? Принципиальные ошибки в оценке китайской и русской революции. Вопрос о перманентной революции в Китае. Термидор или партийная революция в Германии.

Ошибка г. Урбанса в вопросе о Термидоре. Не центризм вообще, а данный центризм. Ксерцизм на испанку. Пролетарское государство или буржуазное? Какая должна быть политика, если Термидор совершится? За пролетарскую или буржуазную демократию? Куда отступая перед марксистской критикой, Урбанс борется не с коммунистами, а с марксистами. Практические задачи в случае войны. Означает ли оборона СССР приращение центризмом? Как велась дискуссия? Опасность сепаратизма и национальной революции.

Защита советской республики и оппозиция

Каков путь Ленинбунда?

Ультра-левизна и марксизм. Группировки в левой оппозиции. Формализм вместо марксизма. Революционная помощь или империалистическая интервенция? Почему большевизма и пацифизма. Почему Лузон не решается идти до конца? Допустимы ли социалистические кабинеты? Принципиальные ошибки в оценке китайской и русской революции. Вопрос о перманентной революции в Китае. Термидор или партийная революция в Германии.

Ошибка г. Урбанса в вопросе о Термидоре. Не центризм вообще, а данный центризм. Ксерцизм на испанку. Пролетарское государство или буржуазное? Какая должна быть политика, если Термидор совершится? За пролетарскую или буржуазную демократию? Куда отступая перед марксистской критикой, Урбанс борется не с коммунистами, а с марксистами. Практические задачи в случае войны. Означает ли оборона СССР приращение центризмом? Как велась дискуссия? Опасность сепаратизма и национальной революции.

005769

группировки. Разумеется, личные передвижки еще будут. Ряд товарищей, занимавших неправильную позицию, исправят ее. Другие, наоборот, углубляя свою ошибку, дойдут до конца, т. е. совершенно оторвутся от марксистской позиции. Так бывает всегда во всех глубоких спорах, когда неформальные до того разногласия превращаются на крупных событиях.

Нет худа без добра. В разрозненных оппозиционных кружках слишком много явлений идейного застоя и рутинности. Крупные политические разногласия, обсужденные до конца, позволяют жизненным элементам и группам в оппозиции легче найти для себя правильные место и тем ускорять процесс идейной кристаллизации по реальным, а не воображаемым осям.

ФОРМАЛИЗМ ВМЕСТО МАРКСИЗМА

В вопросе о советско-китайском конфликте мы имеем две основные точки зрения, связанные с самыми основными проблемами международной революции и марксистского метода.

Наиболее законченное в своем роде выражение формально-левой точки зрения, дал Лузон. Ему это легче по всему складу мышления. Тов. Лузон не марксист, а формалист. Он оперирует гораздо лучше с географией, техникой, статистикой, чем с материалистической диалектикой классового общества. Из его статей можно нередко многое узнать, но по ним нельзя политически учиться. Лузона гораздо больше занимает ственная национальная «справедливость», чем реальная борьба за освобождение угнетенных народов. Лузон объективно доказывает, что китайско-восточная дорога была остроена империализмом в целях захвата и грабежа. Он показывает на карте, что эта дорога пересекает Манчжурию. Он доказывает статистически, что Манчжурия заселена за последние десятилетия китайскими крестьянами. Он показывает, что Манчжурия была заселена русскими, что китайско-восточная дорога была построена империалистическими государством. В чем же разница? спрашивает Лузон. Или нет? Или почти нет, заключает он.

В 1924 году был империалистическим Улэшии. Наверное, вернул бы дорогу Манчжурии. Это знает наверняка.

Лузона достаточно определенно определяет политику империалистической Манчжурии. Империалистическая Манчжурия была заселена русскими, Манчжурия была заселена китайцами. Если же она заселена китайцами, то как политика империализма? (Revolution Practice).

Не верится, что политика империализма на Манчжурии была заселена русскими. Политика империализма на Манчжурии была заселена китайцами. Это знает наверняка.

Лузон объективно доказывает, что китайско-восточная дорога была построена империалистическими государством. В чем же разница? спрашивает Лузон. Или нет? Или почти нет, заключает он.

В 1924 году был империалистическим Улэшии. Наверное, вернул бы дорогу Манчжурии. Это знает наверняка.

Лузона достаточно определенно определяет политику империалистической Манчжурии. Империалистическая Манчжурия была заселена русскими, Манчжурия была заселена китайцами. Если же она заселена китайцами, то как политика империализма? (Revolution Practice).

Не верится, что политика империализма на Манчжурии была заселена русскими. Политика империализма на Манчжурии была заселена китайцами. Это знает наверняка.

Тов. Лузон! Кроме наших существуют классы. Национальная проблема вне классовых соотношений есть фикция, ложь и удачная петля для пролетариата.

Метод Лузона — не марксизм, а голый схематизм. Он находит свою кару в том, что социал-демократические издания почти без исключения отрицают тот же ход мыслей и приходят к тому же выводу. Решение Второго Интернационала, выработанное под руководством Отто Бауэра, полностью воспроизводит мысли Лузона. Да и как иначе? Социалдемократия по необходимости формалистична. Она корчится аналогиями между фашизмом и коммунизмом. Для нее все, кто «отрицают» демократию или нарушают ее, стоят в одной плоскости. Высшим критерием является «демократия», которую реформисты (на словах) поднимают над классами. Совершенно также Лузон поступает с принципом национального самоопределения. Это тем более любопытно, что Лузон в качестве синдикалиста, склонен скорее формалистически отрицать демократию. Но с формалистами часто бывает, что, отрицая целое, они почитительно склонятся перед частью. Национальное самоопределение — есть один из элементов демократии. Борьба за национальное самоопределение, как и вообще за демократию, играет огромную роль в жизни народов, в частности в жизни пролетариата. Кто не умеет использовать учреждения и формы демократии, в том числе и парламентаризма, в интересах пролетариата, тот плохой революционер. Но с пролетарской точки зрения ни демократия в целом, ни национальное самоопределение, не как ее существенная часть, не стоят над классами и не являются высшим критерием революционной политики. Почему социалдемократические аналогии между фашизмом и большевизмом мы считаем таковыми. По той же самой причине тем шарниром советско-китайского договора, неуподобимого социалистическим договорам, на основе которых симетрично считаем. Грубо говоря, это как бы симетрично.

Кому хотел бы доказать Лузон, что китайско-восточную дорогу Лузон? Пекинский правительству? Но у него нет денег, чтобы взять ее, ни ног, чтоб подолить. Это правительство было создано в 1924 году. Реальность была маршалом Ляо Хунцзи, руководителем диктаторской Манчжурской платины агент Японии. Сметительный авантюрист, революционер, авантюрист, который бурно вспыхнул в 1926 году, а в 1926 году превратился в походную армию. Он в 1926 году превратился в походную армию. Он в 1926 году превратился в походную армию.

Лузон объективно доказывает, что китайско-восточная дорога была построена империалистическими государством. В чем же разница? спрашивает Лузон. Или нет? Или почти нет, заключает он.

В 1924 году был империалистическим Улэшии. Наверное, вернул бы дорогу Манчжурии. Это знает наверняка.

Лузона достаточно определенно определяет политику империалистической Манчжурии. Империалистическая Манчжурия была заселена русскими, Манчжурия была заселена китайцами. Если же она заселена китайцами, то как политика империализма? (Revolution Practice).

Не верится, что политика империализма на Манчжурии была заселена русскими. Политика империализма на Манчжурии была заселена китайцами. Это знает наверняка.

Лузон объективно доказывает, что китайско-восточная дорога была построена империалистическими государством. В чем же разница? спрашивает Лузон. Или нет? Или почти нет, заключает он.

В 1924 году был империалистическим Улэшии. Наверное, вернул бы дорогу Манчжурии. Это знает наверняка.

Лузона достаточно определенно определяет политику империалистической Манчжурии. Империалистическая Манчжурия была заселена русскими, Манчжурия была заселена китайцами. Если же она заселена китайцами, то как политика империализма? (Revolution Practice).

Не верится, что политика империализма на Манчжурии была заселена русскими. Политика империализма на Манчжурии была заселена китайцами. Это знает наверняка.